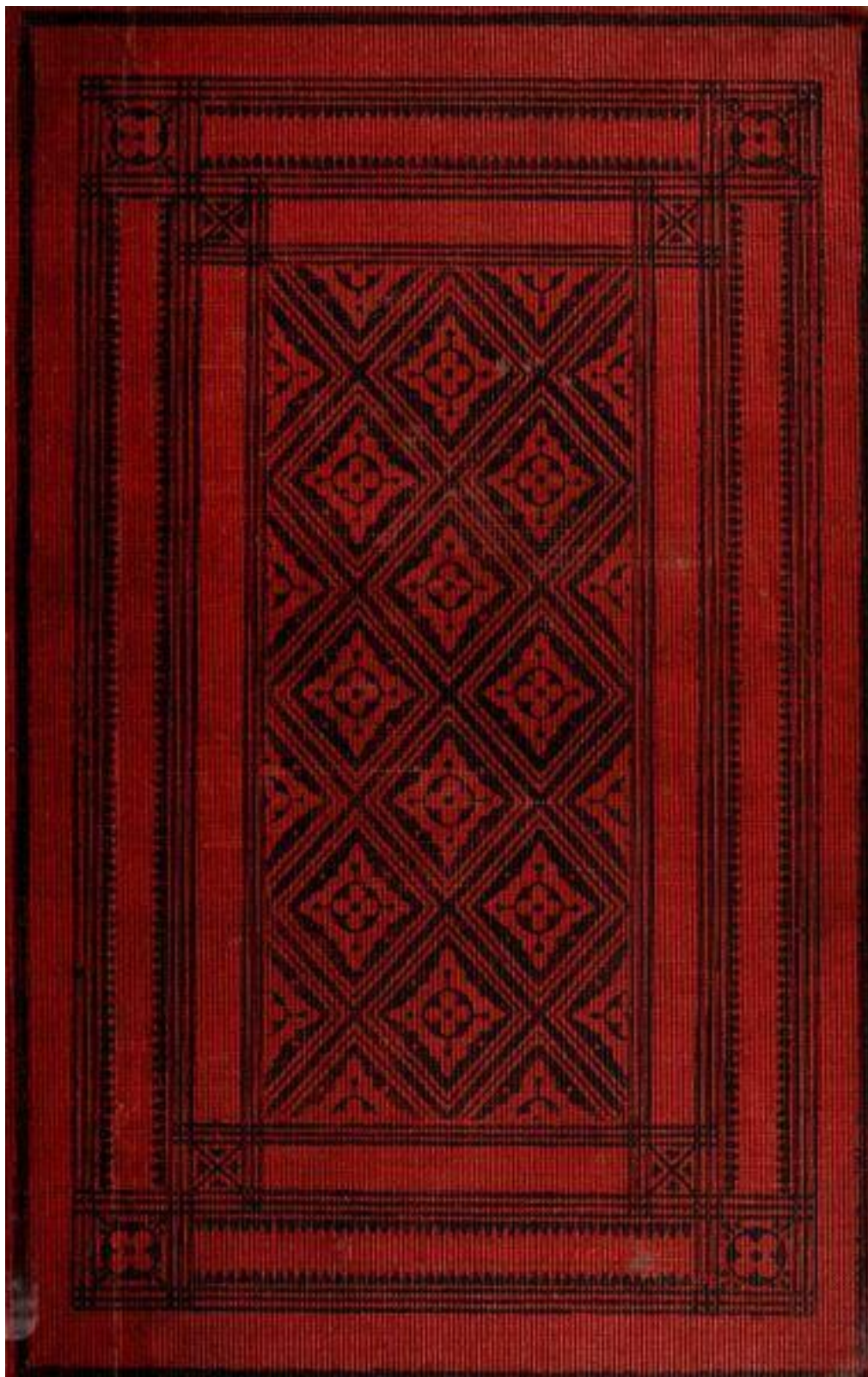

ДИКОВИНКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Эндрю Винтер

Электронная книга проекта "Гутенберг" о диковинках цивилизации

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Диковинки цивилизации

Автор: Эндрю Винтер

Дата выхода: 14 августа 2012 г. [Электронная книга № 40498]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" "КУРЬЕЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ" ***

ДИКОВИНКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

ДИКОВИНКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

ПЕРЕПЕЧАТАНО ИЗ ОБЗОРОВ "QUARTERLY" И "EDINBURGH".

ЭНДРЮ ВИНТЕР, доктор медицины

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ.

ЛОНДОН:

РОБЕРТУ ХАРДВИКУ, 192, ПИКАДИЛЛИ,
И ВСЕМ КНИГОТОРГОВЦАМ.

[Право на перевод зарезервировано.]

ОБРАЩАЮСЬ К ЧИТАТЕЛЮ.

Нижеследующие эссе были перепечатаны со страниц *Quarterly* и *Edinburgh Reviews* с любезного разрешения их владельцев. Возможно, однако, необходимо указать, что, за исключением статьи “Смертность в профессиях”, которая была опубликована в “*Эдинбургском обозрении*” за январь 1860 года, все они появлялись в “*Ежеквартальном обозрении*” за последние шесть лет. Дата выхода каждого эссе указана в оглавлении; но, при необходимости, были внесены исправления, чтобы приблизить каждую статью к знаниям сегодняшнего дня.

А. В.

Коулхерн-корт, Олд-Бромптон.

Август 1860 года.

Содержание.

		Страница.
РЕКЛАМА	(1855)	1
ПИЩИ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ	(1855)	53
ЗООЛОГИЧЕСКИЙ САД	(1855)	93
КРЫС	(1857)	128
СУМАСШЕДШИХ ДОМАХ	(1857)	150
ЛОНДОНСКОЙ КОМИССАРИАТА	(1854)	200
ВУЛВИЧ АРСЕНАЛ	(1858)	245
КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ	(1858)	288
ПРОЖИВАНИЕ, ПИТАНИЕ, И ОДЕЖДА СОЛДАТ	(1859)	325
ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ТЕЛЕГРАФА	(1854)	349
ПОЖАРОВ И ПОЖАРНО-СТРАХОВАЯ	(1855)	401
ПОЛИЦЕЙСКИЕ И ВОРЫ	(1856)	451
СМЕРТНОСТИ В СФЕРАХ И ПРОФЕССИЯХ	(1860)	499

РЕКЛАМА.

Наша цель состоит в том, чтобы вытянуть, как можно вытянуть нить из какого-нибудь тканого полотна, непрерывную череду рекламных объявлений из газет этой страны с момента их основания и до настоящего времени; и, поступая таким образом, показать, насколько отчетливо, судя по их окраске, представлен характер эпохи, через которую они проходили. Если мы проследим до истоков любой общественной институт, моду или развлечение, которые процветали в течение длительного периода времени, мы сможем составить некоторое представление о нашем национальном прогрессе; но нас поражает, что ни в коем случае мы не сможем так хорошо получить беглое представление о выдающихся моментах жизни ушедших поколений, как консультируясь с теми тихими голосами, которые из века в век кричали со страниц прессы, заявляя о нуждах, потерях, развлечениях и стремлении людей к наживе.

Когда мы читаем в старых заплесневелых папках с документами эти *наивные* объявления, кажется, что до нас доносится сам гул ушедших поколений. Чэпмен выставляет свои причудливые товары; шарлатан снова выступает на сцену; перед нами живой портрет разбойника с большой дороги, скрывающегося от правосудия; мы видим старинные фарфоровые аукционы, заполненные знатными дамами с сопровождающими их мальчиками-неграми, или тех, кто “при свете свечей” создает подобную шалкелю картину из света и тени; или, еще позже, у нас есть хогартианские зарисовки молодой крови, которая в старину росла на Пэлл-Мэлл. Мы прослеживаем волнующую панораму людей и нравов вплоть до наших менее демонстративных, но более серьезных времен; и все эти кабинетные фотографии - те самые дагерротипы, отлитые эпохой, которую они демонстрируют, сделанные не для эффекта, а верные отражения тех незначительных моментов жизни и вещей, которые, казалось бы, слишком малы для обобщающего взгляда историка, однако необходимы для того, чтобы облечь и заполнить сухие кости его истории.

The *English Mercurie* за 1588 год, которая утверждает, что была опубликована в те знаменательные дни, когда испанская армада парила в ожидании нападения на наши южные берега, содержит среди своих новостей три или четыре рекламы книг, и они, несомненно, были бы первыми, опубликованными в Англии, если бы эта газета была подлинной. Мистер Уоттс из Британского музея, однако, доказал, что несколько номеров этого журнала, которые можно найти в нашей национальной библиотеке, являются грубыми подделками, и, действительно, самый неопытный в таких вопросах глаз легко увидит, что ни их шрифту, ни бумаге, ни орфографии, ни составу не более одного, а не более двух с половиной столетий. Газеты в строгом смысле этого слова, то есть публикации новостей, появляющиеся через определенные промежутки времени и регулярно транслируемые по страницам, появились только в конце правления Якова I. “*Weekly Newes*”, вышедший в Лондоне в 1622 году, был первым изданием, соответствующим этому описанию; однако оно содержало лишь несколько обрывков иностранных разведданных и было совершенно лишено рекламы. Ужасная борьба последующего царствования была тем очагом, который вызвал внезапную жизнь и необычайную энергию прессы этой страны. Те, кто побродил по запасникам Британского музея и созерцал обширную коллекцию политических брошюр и бесчисленные сувениры, которые появились во всеоружии по обе стороны от ссоры из сильных и искренних умов, участвовавших в этой великой политической смуте, без колебаний обнаружат среди шума Восстания первые агонии прессы Англии как политической силы. В такое время, когда Марчмонт Нидхэм разошелся с такими типами, как сэр Джон Биркенхед, и придворной партией, которую он

поддерживал, с такой же тяжелой рукой и такой же бесстрашной волей, с какими Кромвель обрушил свои Железнобокие силы на Кавалеров в Нейсби, маловероятно, что мы найдем в прессе средство рекламировать товары торговцев или предлагать вознаграждение за украденных лошадей. Сами лавочники, так же как и знать, были слишком усердны, чтобы воспользоваться этим новым способом расширения своей торговли: они должны были охранять злоумышленников, прикрывать пятерых членов парламента своим гербовым щитом, наводить ужас на Уайтхолл, идти на помощь Глостеру — целей, вполне достаточных, чтобы объяснить тот факт, что железнодорожные оркестры не были рекламодателями. Однако после смерти короля, когда у Содружества появилось время перевести дух, люди, похоже, открыли для себя использование прессы как средства донесения своих желаний и рекламы своих товаров. Самое первое рекламное объявление, с которым мы столкнулись после активного поиска в самых ранних газетах, относится к книге, которая называется...

Иренодия Благодарственная, героическая поэма; является поздравительным панегириком в честь позднего возвращения милорда генерала, в изысканной манере подводит итог его успехам.

Будет продано Джоном Холденом в Нью-бирже, Лондон. Напечатано Тхо. Ньюкорт, 1652.

Это появилось в январском номере парламентской газеты *Mercurius Politicus*. Очевидно, что это лесть Кромвелю по поводу его побед в Ирландии, и, возможно, она была вставлена по наущению самого великого лидера Содружества. Книготорговцы, по-видимому, были первыми, кто воспользовался этим новым средством рекламы, и по той очевидной причине, что их товары были рассчитаны на читателей общедоступных журналов, которые в то время, должно быть, состояли почти исключительно из высших слоев общества. С этой даты и до Реставрации самые причудливые названия работ о политических и религиозных взглядах, находившихся тогда в расцвете, можно найти в *Mercurius Politicus*: таким образом, у нас есть “Евангельский костный мозг”; “Несколько вздохов из ада, или Стоны проклятой души”; “Михаил, противостоящий Дракону, или Огненный дротик, пронзивший царство Змея”. А в номере за сентябрь 1659 года мы находим объявление, которое, кажется, ставит нас лицом к лицу с одним из самых ярких имен в списке английских поэтов:

Соображения, касающиеся наиболее вероятных способов изгнать наемников из Церкви; здесь также говорится о десятине, церковных сборах, доходах Церкви и о том, может ли какое-либо содержание служителей регулироваться Законом. Автор Дж. М. Продан Ливвеллом Чэпменом в “Короне” на аллее Поупс-Хед.

Рядом с этими знаменитыми инициалами мы находим другую рекламу, представляющую класс, который был наиболее распространен в то раннее время, — Шумиху по поводу сбежавших слуг, потерянных или украденных лошадей и собак. Каждое поколение склонно восхвалять, подобно Орландо, “старинный сервис старого света”, но небольшой экскурс в регионы прошлого показывает нам, насколько настойчивым был этот призыв во все века. Работодатели, привыкшие восхвалять слуг “старой школы”, были бы чрезвычайно удивлены, обнаружив, что двести лет назад они действительно были очень плохими людьми, насколько мы можем судить по объявлениям о вознаграждении за поимку преступников их класса. Вот портрет в полный

рост, по-видимому, сбежавшего ученика, нарисованный в "*Mercurius Politicus*" от 1 июля 1658 года:—

Если кто-нибудь может обратить внимание на некоего *Эдварда Перри*, на вид лет восемнадцати-девятнадцати, невысокого роста, черноволосого, с множеством ямок на лице; на нем новый серый костюм, отделанный зелеными и другими лентами, легкий плащ цвета корицы и черная шляпа, который недавно сбежал от своего Хозяина; их просят сообщить об этом. *Фирби*, продавец канцелярских товаров в Грейз-Инн-гейт, который с благодарностью вознаградит их.

Следует заметить, что щеголеватый внешний вид этого сбежавшего ученика, облаченного в серый костюм, отделанный зелеными лентами, и столь изысканно дополненный плащом цвета корицы, несколько омрачается описанием его лица как “полного карманов”. Если читатель не ознакомился с длинным списком злодейских портретов, представленных the Hue and Cry в старых газетах последней половины семнадцатого и первой половины восемнадцатого веков, он может составить лишь слабое представление об опустошительном воздействии оспы на население. Каждый человек, казалось, в большей или меньшей степени был испещрен “выбоинами”, и гонка, должно быть, представляла собой одну движущуюся массу ям и шрамов. Вот, например, сопутствующая фотография *Эдварда Перри*, скопированная с *Mercurius Politicus* от 31 мая 1660 года:—

Черноволосая горничная, среднего роста, плотного телосложения, с большой грудью, с полным лицом, изрытым оспой, называющая себя *Нэн* или *Агнес Хобсон*, в понедельник, 28 мая, около шести часов утра, украла из своего дамского дома в Пэл-мэлл пестрое полосатое платье в полоску оленьего цвета и белого цвета; атласное платье в черную полоску с четырьмя широкими шелковыми кружевами цвета кости и простое французское платье в полоску черного цвета; также одно платье в полоску черного цвета. Алая и одна другая юбка из саржевого трикотажа розового цвета, а также однотонное пальто белого цвета в мелкую полоску; Несколько сарафанов *Sarcenet*, *Mode* и тонких черных капюшонов и шарфов, несколько рубашек из тонкой голландской ткани, пара кружевных манжет и повязка; одна пара шерстяных чулок розового цвета, Серебряная ложка, Кожаная сумка и т. Д. Она ушла в повернутом пальто из сероватой ткани и верхней юбке розового цвета “Парагон”, под которой была зеленая накидка. Если кто-нибудь сообщит об этом человеке или вещах у некоего *Хопкинса*, Сапожника, по соседству с таверной “Вайн”, недалеко от Пэл-мэлл-энд, недалеко от Чаринг-Кросс, или у мистера *Конюха*, в “Булл-Хед” в Корнхилле, недалеко от Старой биржи, они будут вознаграждены за свои труды.

Едва ли проходит неделя без объявления о таких беглянках вместе с перечнем причудливых предметов, из которых состояла их добыча. Рискую утомить читателя этими описаниями “старомодных” слуг, мы приводим другое объявление из *Mercurius Politicus* от 1 июля 1658 года:

Некая *Элеонора Паркер* (по рождению *Хэддок*), смугло-красноватого цвета, с симпатичным длинным носом, высокого роста, служанка мистера *Фредерика Хауперта* из Кентиш-Тауна, в прошлую субботу, 26 июня, убежала и украла две серебряные ложки; сумочку для сладостей, отделанную золотыми и серебряными кружевами и подбитую атласом; подушечку для рукоделия, очень причудливо выполненную из всевозможных пластилинов и цветов; чашку из ракушки с лионским ликом и Кольцо из серебра. серебро в горловине; помимо многих других ценных вещей, которые она достала из шкафа своей Хозяйки, который взломала; а также несколько плащей и всевозможного белья стоимостью от десяти фунтов и выше. Если кто-

нибудь встретится с ней и соблаговолит заполучить ее и уведомить вышеупомянутого *Фредерика Хауперта* или же мистера *Малпасса*, продавца кожи в "Зеленом драконе" в верхнем конце Лоуренс-лейн, он будет щедро вознагражден за свои труды.

Объявление, появившееся в той же газете от 11 августа 1659 года, дает нам первое из найденных нами сообщений о службе негритянских мальчиков в этой стране. Однако, начиная с этого периода, как мы сейчас покажем, Англия, по крайней мере, ее фешенебельная часть, кажется, наводнена молодыми чернокожими в большей степени, чем мы могли предположить даже по знакомым упоминаниям о них на страницах "Татлер" и "Спектейтор". Эти ранние негры, должно быть, были завезены с португальских территорий, поскольку мы сами не рассматривали эту статью до 1680 года. Забавным моментом следующего объявления, однако, является уверенность, которую оно дает нам в том, что пуритане "опросили" своих негров так же, как и самих себя.

Мальчик-негр, около девяти лет, в сером серж-костюме, с коротко подстриженными волосами, пропал в прошлый вторник, 9 августа, ночью на *С. Николас Лейн, Лондон*. Если кто-нибудь сможет сообщить о нем мистеру *Тхо. Баркер*, в "Сахарной рулете" на том переулке, они будут хорошо вознаграждены за свои труды.

Примерно в это же время мы находим неоднократные объявления о пропаже лошадей. Примечательно, что во время "смуты" такие вещи, как разбойники с большой дороги, были неизвестны. Смелые, неуправляемые персонажи, которые позже отправились в путь, затем либо встали под знамена государства, либо перешли за море к Чарли. Тот значительный размах, в котором конокрадство преобладало в период Содружества, и, действительно, в течение следующего полувека, возможно, можно объяснить ценностью этих животных, обусловленной нехваткой, вызванной потерями на полях сражений. Однако мы не можем объяснить один факт, связанный с конокрадством периода Содружества, а именно то, что на траве их часто держали *оседланными*. Следующее рекламное объявление, являющееся иллюстрацией этого необычного обычая, отнюдь не является редкостью:—

Маленькая черная КЛЯЧА, лет десяти-одиннадцати от роду, совсем не белая, коротко стриженная, с крепкими передними лапами, немного худощавая сзади, толстые пятки, и при первом выходе она кренится и хромает сзади; шерсть сбита на дальнем бедре шириной с двенадцатипенсовик; на ней черное кожаное седло, отделанное дутьем, и обтянутая черной кожей икр, она немного порвана на крупе; две новые подпруги из белой и зеленой нити и черная уздечка, поводья которой посажены на офсайд и узел, завязывающий его на ближней стороне, был получен на поле в *Челмсфорде, 21 февраля* немедленно, от мистера *Генри Буллена*. Всякий, кто сможет сообщить новости упомянутому мистеру *Буллену* в *Бромфилде* или мистеру *Ньюману* в "Бакалейном оружии" в *Корнхиле*, получит 20с. за свои труды. *Меркуриус Политикус*, 24 февраля 1659 г.

Вряд ли, по крайней мере в данном конкретном случае, требования времени требовали таких мер предосторожности, поскольку единственное восстание, имевшее место в этом году, произошло шесть месяцев спустя в графстве Честер. Убранство "клячи", надо признать, кажется замечательно приспособленным для службы и, судя по его цвету, могло бы принадлежать настоящему солдату Железной Стороны. Возможно, еще одной причиной высокой ценности лошадей в тот период было появление общественного транспорта, с помощью которого путешественники, а также письма перевозились из одной части королевства в другую. До 1636

года в этой стране не существовало такого понятия, как почтовая служба, которой могли бы пользоваться люди. При дворе, правда, было учреждение для пересылки депеш, но о его эффективности можно судить по письму, написанному неким Брайаном Тьюком, “начальником почты” во времена Генриха VIII, Кромвелю, который, очевидно, резко упрекал его в небрежности при пересылке королевских бумаг:

“У королевской милости нет других обычных почтовых отправлений, кроме как между Лондоном и Кале.... Ибо, сэр, вы хорошо знаете, что, за исключением наемных лошадей между Гравезендом и Довуром, в этом королевстве нет такого обычного почтового транспорта для мужчин, как в привычных местах Франции и других частей; некоторые люди могут держать лошадей в рединсе, не имея возможности предъявить обвинения; но когда по такой причине рассылаются плакаты (с приказом о немедленной отправке какой-нибудь государственной посылки), констеблям часто приходится выводить лошадей из повозок, в которых могут быть предъявлены обвинения. никакого особого усердия.

Это было в 1533 году. Елизавета, однако, установила конные посты на всех крупных дорогах для передачи придворных писем; и в 1633 году они были преобразованы в общественную почту, которая курсировала днем и ночью со скоростью семь миль в час летом и пять миль зимой — не такое уж плохое путешествие по тем временам. Тем не менее, до времен Кромвеля не существовало средств доставки пассажиров, когда мы обнаруживаем, что дилижансы появились на всех больших дорогах по всему королевству. Мы не знаем, видели ли мы когда-либо столь раннее объявление об общественном почтовом транспорте. Очевидно, мы не воздавали нашим предкам того почета, которого они заслуживали. В следующем объявлении указано затраченное время и тарифы на значительное количество таких поездок:—

С 26 апреля 1658 года из *гостиницы "Inn, without Aldersgate, London*, будут продолжать курсировать почтовые кареты в несколько городов и поселков по тарифам и в указанное время, указанным ниже.,,

Каждый понедельник, среду и пятницу.

В *Солсбери* через два дня в *XX*году. В *Блэндфорд* и *Дорчестер* через два с половиной дня для *XXX*с. *Отрыгнуть* через три дня для *XXX*с. *Эксмастеру*, *Ханнингтону* и *Эксетеру* через четыре дня за *xls*.

В *Стэмфорд* через два дня на *XX*лет. В *Ньюарк* через два с половиной дня на *XXV*рейс. В *Bawtreu* через три дня для *XXX*с. В *Донкастер* и *Феррибридж* для *XXXV*рейсов. В *Йорк* через четыре дня за *xls*.

По понедельникам и средам в Окинтон и Плимут для ls.

Каждый понедельник в Хелперби и Норталлerton для получения xlvбилетов. В Дарнетон и Феррихил для ls. В Дарем за lvs. В Ньюкасл за iiiil.

Раз в две недели в Эдинбург на ivлитр мочи — по понедельникам.

Каждую пятницу в Уэйкфилд через четыре дня, xls.

Все лица, желающие отправиться в Города, Поселки и Дороги, упомянутые ниже, а именно — в Ковентри, Личфилд, Стоун, Нампвич, Честер, Уоррингтон, Вигган, Чорли, Престон, Гастанг, Ланкастер и Кендал; а также в Стэмфорд, Грэнтэм, Ньюарк, Таксфорд, Боутри, Донкастер, Феррибридж, Йорк, Хелперли, Норталлертон, Дарнетон, Феррихилл, Дарем и Ньюкасл, Уэйкфилд, Лидс и Галифакс; а также в Солсбери, Блэндфорд, Дорчестер, Берпут, Эксмастер, Ханнингтон и Эксетер, Окинтон, Плимут и Корнуолл; пусть они отправляются в Джордж Инн на Холборн-Бридж, Лондон, и оттуда они будут в хороших каретах с хорошими лошадьми каждый понедельник, среду, и по пятницам по разумным ценам. Меркуриус Политикус, 1 апреля 1658 г.

Другие объявления примерно того же времени доказывают, что Великая западная дорога была обеспечена в равной степени, как и маршрут из Дувра на континент. Однако не является чем-то необычным тот факт, что регулярно назначаемые тренеры, выезжающие с установленными интервалами, должны были предшествовать тому, что можно было бы считать более простой организацией службы лошадей. То, что развитие почтовой системы в средство пересылки одиноких путешественников произошло лишь некоторое время спустя, следует из следующего:—

Почтальоны на Честер — роуд, подающие петицию, получили Распоряжение и соответственно публикуют следующее объявление:-

Всем джентльменам, купцам и другим лицам, которым приходится совершать поездки между Лондоном и Вестчестером, Манчестером и Уорингтоном или любым другим городом на этой Дороге для ведения торговли, отправления дел и облегчения кошелька, каждый понедельник, среду и пятницу утром, между шестью и десятью часами, в доме мистера Кристофера Чартериса, в "Знаке Хартс-Хорна" в Вест-Смитфилде, к тамошнему почтмейстеру, и в Почтовом отделении. Почтмейстер в Честере, у почтмейстера в Манчестере и у почтмейстера в Уорингтоне можно взять хорошую и способную лошадь-одиночку или больше, по цене три пенса за милю, без оплаты проводника; и точно так же в доме мистера Томаса Чалленора, почтмейстера в Стоуне в Стаффордшире, по утрам во вторник, четверг и субботу, чтобы отправиться в Лондон. И точно так же у нескольких Почтмейстеров на Дороге, у которых на все эти установленные дни будет готово столько Лошадей с Мебелью, чтобы предоставить Всадникам без каких-либо задержек, чтобы доставить их в любое из вышеупомянутых мест или из них в течение четырех дней, а также в Лондон, как оттуда, так и в места поближе за меньшее время, в зависимости от обстоятельств, они останавливаются на первом этапе, где они берут Лошадь, для безопасной доставки ее на следующий непосредственный Этап, и больше не ездить на этой Лошади без согласия Почтмейстера, с которым он ездит, и так от Этапа к Этапу заканчиваются их Путешествия. *Всем тем, кто намеревается ехать этим путем, желательно заранее уведомить, если это возможно, нескольких почтмейстеров, где они впервые берут лошадей, в соответствии с чем им может быть предоставлено столько Лошадей, сколько быстро потребуются Всадникам.* Это начинание началось 28 июня 1658 года во всех вышеупомянутых Местах и продолжается несколькими почтмейстерами.

Намек на то, что этих лошадей можно было заполучить без “помощи проводника”, дает нам представление о плохом состоянии дорог до того периода. В наши дни мы с трудом можем представить себе необходимость в гиде, который вел бы нас по большим дорогам Англии, и с трудом можем осознать тот факт, что еще в середине семнадцатого века внутренняя часть

страны была немногим лучше дикой местности, как мы действительно можем заключить из путешествия Пеппи из Лондона в Бристоль и обратно, в котором статья “гиды” составляла немалую часть его расходов.

Листая заплесневелые газетенки формата “кварто”, которые с такой живостью отражают характерные черты периода Содружества, еще не оставленного нами в прошлом, мы случайно наткнулись на рекламу, которая, возможно, больше, чем любая другая, рассказывает об опасном облике тех времен. Это реклама какого-то сбежавшего молодого “костолома”, чья любовь к отчаянным приключениям, по-видимому, привела к тому, что он предпочел бросать пику ударам пестиком:

Джордж Уил, юноша из Корнуолла, примерно 18 или 19 лет, служивший подмастерьем в *Кингстоне* у некоего мистера *Уила*, аптекаря, и его дяди, примерно во время восстания в графствах *Кент* и *Суррей*, ушел тайно от своего упомянутого дяди и, как предполагается, участвовал в том же самом и был либо мертв, либо убит в некоторых из этих боев, о чем с тех пор никогда не слышал ни его упомянутый дядя, ни кто-либо из его Друзей. Если кто-либо может уведомить о несомненной смерти упомянутого *Джорджа Уила*, пусть он отправится к упомянутому мистеру *Граунту* в его дом на Драм-элли в Друри-Лейн, *Лондон*; он получит двадцать шиллингов за свои труды.—*Mercurius Politicus*, 8 декабря 1659г.

По крайней мере, здесь мы, вероятно, сохранили имя одного из прославленных людей, которые были “убиты в некоторых из этих сражений”, фраза, которая в наши дни открывает нам целую главу в романе.

За исключением рекламы книг и шарлатанских лекарств, мы до настоящего времени не встретили ни единого случая, когда торговец привлекал газету к ответственности за распространение своих товаров среди общественности. Самое первое объявление такого рода, независимо от того, что оно само по себе является курьезом, представляет очень большой интерес из-за того факта, что оно знаменует введение блюда, которое, возможно, больше, чем все остальные, помогло отучить нацию от одного из ее изнуряющих грехов застарелого пьянства. Распространенный отчет, сообщает нам мистер Дизраэли, приписывает появление “кубка, который бодрит, но не опьяняет”, лорду Арлингтону и лорду Оссори, которые, как говорят, привезли небольшое количество из Голландии в 1666 году. Автор “Литературных курьезов” не считает это утверждение удовлетворительным и сообщает нам, что он слышал о чайнике Оливера Кромвеля, находящемся во владении коллекционера. Мы никогда раньше не знали об этих трезвеннических привычках Протектора, но мы можем вернуться настолько далеко назад, что хронологически верно найдем божею, которую налили в его горшок; ибо, хотя дата следующего объявления и правда — три недели спустя после смерти его высочества, в нем говорится об изделии как об известном и одобренном врачами напитке, и, следовательно, оно должно было появиться в продаже некоторое время назад:

Этот превосходный и одобренный всеми физиологами *Китай* напиток, называемый *китайцами Ча*, у других народов *он же Ту*, продается в *доме султанши Хед Кофи*, в *лавках для Rents, by the Royal Exchange, London*.—*Mercurius Politicus*, 30 сентября 1658 г.,

Несомненно, это самое раннее достоверное объявление о публичной продаже в Англии этого ныне знаменитого напитка. Упоминание о “доме Коффи” доказывает, что сестринский стимулятор уже тогда завоевывал популярность в стране.^[1] It Потребовалось, однако, пару

столетий, чтобы превратить их, в широком смысле этого термина, в национальные напитки; но, как и многие другие хорошие вещи, это появилось слишком рано. Чая, возможно, было достаточно для фанатиков, анабаптистов, квакеров, независимых и самоотверженных сектантов всех мастей; и, насколько нам известно, его раннее внедрение, если бы Содружество продержалось, могло бы ускорить движение за трезвость по крайней мере на столетие; но колесо фортуны вот-вот должно было повернуться еще раз — предстояло изобрести крепкий эль и выпить много целебных напитков тем, кто “снова стал самим собой”; и чай на целых полвека был смыт “коричневым октябрём” и французскими винами, которые появились вместе с “Мерри”. Монарх.

Теперь мы перенесли читателя на самые рубежи того периода, когда Карл со своими алчущими сторонниками с триумфом высадился в Дувре. Рекламные объявления, появившиеся в то время, когда Монк тянул время и пробивал свой путь к Реставрации, являются отличным барометром состояния чувств среди политических деятелей в тот критический момент. Мы больше не видим за границей старого духа Пятой монархии. Служители церковных колоколен, очевидно, замечают надвигающуюся бурю и прекращают свои многословные предупреждения отступающему поколению. Все либо задыхаются от желания воспользоваться первыми лучами королевской милости, либо умалить ее гнев, надвигающаяся тень которого ясно видна. Объявляются собрания тех лиц, которые приобрели конфискованные поместья, чтобы они могли обратиться к королю с просьбой передать их во владение; парламентские олдермены тем же способом отвергают обвинения в газетах, что их имена следует искать в списке тех лиц, которые “присутствовали при испытании покойного короля”; труды “покойных” епископов снова начинают разноситься по епископскому ветру, который явно усиливается; и “Слезы, вздохи, жалобы и молитвы Англиканской церкви” появляются в рекламных колонках вместо звучных объявлений о том, что их имена должны быть найдены в списках тех лиц, которые “присутствовали при испытании покойного короля”. названия работ старого доброго Бакстера. Ясно, что приближается большое волнение; шелестят листья и движется пыль. Однако в самый разгар событий мы находим одно имя, все еще верное “старому делу”, как называют это пуритане: 8 марта 1660 года, то есть когда скипетр Карла уже отбросил тень от Бреды, мы находим следующее объявление в *Mercurius Politicus*: —

Готовый и легкий способ создания свободного Содружества и его превосходство по сравнению с неудобствами и опасностями повторного принятия королевской власти в этой Стране. Автор, Дж. М. В котором из-за спешки печатников, из-за того, что ошибки не были внесены вовремя, желательно, чтобы следующие ошибки были исправлены. Страница 9, строка 32, для *the Areopagus* read of *Areopagus*. P. 10, l. 3, for full Senate, true Senate; l. 4, for fits, is the whole Aristocracy; l. 7, for Provincial States, States of every City. P. 17, l. 29, for cite, citie; l. 30, for left, felt". Продано *Livewel Chapman* в магазине Crown, в переулке Поупс-хед.

Спокойствие слепого барда, с которым он вносит исправления в свой наспех напечатанный памфлет от имени падающего дела, вызывает наше восхищение и дает нам возвышенное представление о его моральном мужестве. Через два месяца, как и следовало ожидать, он был объявлен в розыск и скрывал свою почтенную голову от преследования сторонников Чарльза в каком-то тайном убежище в Вестминстере, в то время как его работы, по приказу Палаты представителей, сжигались обычным палачом.

Юристы не замедлили заметить, куда дует ветер, и соответственно поставили свои паруса — если мы можем считать действия некоего мистера Николаса Бэкона, показанные в следующем объявлении, показателем чувств его коллег:

Тогда как один капитан . *Раздолбай*, свидетель, допрошенный против Величества покойного Короля, в этих Записях назвал себя членом Почетного общества *Греев* Инна. Они должны уведомить, что упомянутый *Раздолбай*, которого долго искали, был провидчески обнаружен переодетым, схвачен в этом Обществе и теперь находится под стражей, будучи задержан с помощью некоторых зрителей, которые знали его, при виде Знамени с гербом его Величеств, установленного как раз в то же время, когда высадились Его Величества, на высокой башне в том же Обществе, *Николасом Бэконом*, эсквайром, его Членом, как памятник столь великому освобождению и свидетельство его постоянной преданности Его Величеству, и что упомянутый *Раздолбай* на допросе признался, что его никогда не принимали не столько как клерка этого Общества.—*Mercurius Politicus*, 7 июня 1660 г.

Пока весь Лондон подбрасывал шапки в честь восстановленного монарха, а Англия казалась такой счастливой, что он сам удивлялся, как его удалось убедить так надолго задержаться, давайте отыщем потерянный багаж бедного кавалера, который только что последовал за своим царственным хозяином из его долгого изгнания, и предъявим его содержимое нашему читателю, чтобы показать, что даже разорившиеся старые придворные носили с собой куда больше препятствий, чем знаменитые “рубашка, полотенце и кусок мыла” нашего прославленного Нейпира. *Mercurius Publicus* теперь является нашей шахтой, в которой мы проходим шахту и находим это ископаемое объявление, датированное 5 июля 1660 года:

В кожаной Portmantle потеряла в Sittingburn или Рочестер, когда Его Величество прибыл туда, где был костюм Camolet Голландии, с двумя маленькими шнурки в шов, восемь белых перчатках, и пара ли кожа; около двадцати ярдов Уральские-бурая Лента twelverenny широкий, и целый кусок черной лентой Тенпенни широкая, cloath свинцовый плащ, с магазином белье; пара прогоняет, тапочки, Монтеро и другие вещи; все, что принадлежит джентльмен (а рядом слуга его Majesty) кто слишком долго был заключен в тюрьму и поглощенных сейчас ограбили, когда все люди будут рассчитывать на свои собственные. Если кто-нибудь сможет подать уведомление, они могут оставить сообщение мистеру Сэмюэлю Мерну, переплетчику Его Величества в его доме в Литтл-Британии, и они будут щедро вознаграждены.

Не прошло и месяца, как король был “дома”, как его привычки появились в государственных газетах. *Mercurius Politicus* теперь стал придворным и сменил название на *Mercurius Publicus*. Его колонки, действительно, находятся полностью под руководством короля, и, вместо того, чтобы публиковать резкие статьи против злоумышленников, он превращается в яростного угнетателя пуритан и средство для наведения справок о любимых собаках его величества, которые были украдены. Например, в номере за 28 июня 1660 года мы находим следующее объявление:—

☞ Гладкая черная СОБАКА, меньше Серой гончей, с белым под грудью, принадлежащая королевскому величеству, была похищена из Уайтхолла восемнадцатого числа сего июня или около того. Если кто-нибудь сможет уведомить *Джона Эллиса*, одного из слуг его Величества, или Черную лестницу его Величества, они будут хорошо вознаграждены за свой труд.

Очевидно, что “гладкий черный пес” пользовался большим успехом, поскольку следующая публикация журнала содержит еще одно посвященное ему объявление, напечатанное более крупным курсивом, текст которого, благодаря приятному остроумию, выглядит так, как будто написан собственной рукой короля:

Мы должны снова обратиться к вам по поводу Черной собаки, помеси серой гончей и спаниелем, вокруг нее нет белого, только полоска на груди, а Тейл немного подстрижен. Это личная Собака Его Величества, и, несомненно, это был стольн, поскольку Собака родилась и выросла не в Англии, и никогда бы не покинула своего Хозяина. Тот, кто найдет его, может познакомить с кем-нибудь в Уайтхолле, потому что Собака была более известна при дворе, чем те, кто ее украл. Неужели они никогда не перестанут грабить его величество? разве он не должен завести собаку? Это заведение для собак (хотя и лучше, чем некоторые воображают) - единственное место, где никто не предлагает попрошайничать.

Примерно в это же время Пепис описывает короля со сворой спаниелей и других собак, следовавших за ним по пятам, которые бездельничали и кормили уток в Сент-Джеймском парке; а еще позже его часто видели разговаривающим с Нелли, когда она облокотилась на ограду своего сада, примыкавшего к Пэлл-Мэлл, в то время как его собачьи любимцы группировались вокруг него. В этих случаях, возможно, представители тех джентльменов, которых можно было увидеть на Риджент-стрит с двумя пучками живой шерсти подмышками, были настороже, поскольку мы видим, что его величество постоянно рекламирует своих пропавших собак. Позже мы находим, что он справлялся о “маленькой пятнистой суке борзой, у которой две задние лапы белые”; о “белошерстном спаниеле, гладкошерстном, с большими красными или желтоватыми пятнами” и о “черном мастифе с купированными ушами и обрезанным хвостом”. И когда члены королевской семьи закончили, его Высочество принц Руперт, или Бекингем, или “милорд Олбемарл” обратились в *London Gazette*, чтобы сообщить о потерях своих собак. Мы думаем, что изменение характера эпохи более четко обозначено рекламой этих собак, чем чем-либо другим. Пуритане не любили спортивных животных любого вида, и мы очень сомневаемся, что собака последовала бы за человеком пятой монархии. Отсюда полное отсутствие какой-либо рекламы, связанной с “фантазией”. Теперь, когда король вернулся, старая английская любовь к полевым видам спорта распространилась с четырехкратной силой. Мы случайно натываемся также на следы придворного развлечения, пришедшего к нам из средневековья и тогда только сохранившегося среди нас, — соколиной охоты. Вот запрос о пропавшем ланнере:—

Ричард Финни, эсквайр из Алакстона, что в Лестершире, около двух недель назад потерял улана из тех мест; у нее нет ни колокольчиков, ни крыльев; это белый ястреб, и ее длинные перья и сарцеллы в крови. Если кто-нибудь сообщит об этом мистеру Ламберту в “Золотом ключике” на Флит-стрит, он получит сорок шиллингов за свои труды.—*Mercurius Publicus*, September 6, 1660.

Поскольку Лондон был единственным местом, где издавалась газета во время правления Карла, да и в течение почти пятидесяти лет после этого, шумиха о пропавших животных всегда доходила до города, как само собой разумеющееся. Звучит странно читать эти рекламные объявления о виде спорта, сами термины которого сейчас нам непонятны. Сколько, кажется, веков прошло с тех пор, как этих птиц во всем великолепии алых капюшонов носили на запястье какой-нибудь “прекрасной дамы” или останавливали, трепеща крыльями, когда сокольник

раскрывал их, чтобы посмотреть на добычу! Мы пропустили несколько лет, чтобы привести еще один или два примера этих живописных рекламных объявлений, столь непохожих на все, что можно увидеть в наши дни: —

Пропал 30 октября 1665 года, перепутанный берберийский Терсел Джентл, гравированный в Варвелсе Ричардом Уиндвудом из Диттон-Парка, графство Бакс, эсквайр. Для более конкретных отметин - если снять крылья — 4-е перо в одном из крыльев задело, а при третьем ударе правой ноги сломалось. Если кто-нибудь сообщит сэру Уильяму Робертсу, рыцарю и баронету (близ Харроу-он-те-Хилл, графство Миддлсекс), или мистеру Уильяму Филипсу, в "Голове короля" на Патерностер-Роу, о "Ястребе", он будет достаточно вознагражден.—*The Intelligencer*, 6 ноября 1665г.

Следующая статья содержит запрос о ястребе—тетеревятнике, принадлежащем лорду Уильяму Петре, а два года спустя в *Лондонской газете* был задан следующий вопрос о королевской птице:-

Раненый немецкий сокол Его Величества, потерявший 13 августа одного из своих Хранителей, Роджера Хигса, из Вестминстера, штат Гент. Всякий, кто возьмет ее на заметку сэру Аллану Эпли, мастеру команды Его Величества Ястребов в Сент-Джеймсе, будет вознагражден за свои страдания. Задняя лестница в Уайтхолле.

Этот сэр Аллан Эпли - брат миссис Хатчинсон, которая в мемуарах своего мужа дала нам такую яркую картину времен Содружества. *London Gazette*, из которой мы цитируем, - единственная из ныне существующих газет, корни которой уходят в те дни. Впервые она появилась в Оксфорде, когда Двор обосновался в этом городе во время Великой чумы, и поэтому называлась *Oxford Gazette*. По возвращении Чарльза в Лондон она последовала за ним в его свите и стала *London Gazette*, Придворной и официальной газетой, и этот последний характер она сохранила до настоящего времени. Газеты семнадцатого века сильно отличались от газет наших дней. Они содержат иностранные новости, а также государственные бумаги, королевские прокламации и т. Д., И, что еще более странно, различные рекламные объявления перемешаны с теми, которые касаются придворных дел. Врачи-шарлатаны, следившие, как мы предполагаем, за "качеством", были первыми, кто воспользовался его страницами, чтобы рассказать о своих средствах. Наши читатели будут поражены, узнав, какое происхождение имели некоторые из шарлатанских лекарств наших дней. "Нервные порошки", специальные средства от подагры, ревматизма и т. Д., Появились на страницах газет почти сразу после их публикации. Вот образец, который все еще может служить образцом для подобных объявлений:—

Джентльмены, обращаем ваше внимание, Что мистер *Теофилус Бакворт* в своем доме на *Майл-энд-Грин Lozenges or Pectorals*, ,, одобренные для лечения чахотки, кашля, катаров, астмы, охриплости голоса, затрудненного дыхания, простуды вообще, заболеваний, поражающих легкие, а также в качестве универсального Противоядия от чумы и всех других заразных болезней. Заболевания и непроходимость желудка: И для большего удобства людей, постоянно оставляет их запечатанными со своим гербом на бумагах, у мистера *Рича*. *Лондес* (как и прежде), у знака Белого льва, возле маленькой северной двери *церкви Паулса*; мистер *Генри Сейл*, напротив *церкви С. Данстана* на Флит-стрит; мистер *Уильям Милворд*, у *Вестминстерских* ворот Холла; мистер *Джон Плейс*, у *ворот Фернивалз Инн*, в Холборне; и мистер *Роберт Хорн*, в "Голове турка" у входа на Королевскую биржу, Книготорговцы, и никаких других.

Это опубликовано, чтобы предотвратить замыслы различных Мошенников, которые подделывают упомянутые Пастилки, к унижению упомянутого джентльмена и большому насилию над людьми.—Mercurius Politicus, 16 ноября 1660 г.

Не менее характерно следующее:—

Самые превосходные и одобренные средства для чистки зубов, которые очищают зубы, делая их белыми, как слоновая кость, предохраняют от зубной боли; так что при постоянном использовании те, кто их использует, никогда не беспокоятся о зубной боли: они укрепляют зубы, подслащивают дыхание и предохраняют десны и полость рта от язв и пародонтита. Сделано Робертом Тернером, джентльменом; и право получить его можно только у Томаса Рукса, продавца канцелярских принадлежностей, в "Святом Агнце" в восточном конце церкви Святого Павла, недалеко от школы, в запечатанных бумагах, в 12д. газета.

Читателю рекомендуется остерегаться подделок.

(Mercurius Politicus, 20 декабря 1660 г.)

В других рекламных объявлениях того же времени утверждается, что “сурьмяная чаша” лечит все болезни. Сэр Кенелм Дигби, тот самый ученый рыцарь, который угощал свою жену каплунами, откормленными змеями, чтобы сделать ее красивой, рекламирует книгу, в которой он утверждает, что показывает метод лечения ран с помощью порошка симпатии; а вот сообщение о средстве, которое еще яснее показывает суеверный характер эпохи:

Маленькие мешочки для подвешивания на шею детям, которые превосходны как для профилактики, так и для лечения рахита, а также для облегчения прорезывания зубов у детей, готовит мистер Эдмунд Бакворт, и их постоянно можно купить у мистера Филипа Кларка, хранителя библиотеки во Флите, и нигде больше, по 5 шиллингов за пакетик.—*The Intelligencer*, 16 октября 1664г.

Однако до правления Анны шарлатану оставалось спуститься со своей сцены на ярмарке и рыночной площади, чтобы опубликовать это в публичных газетах. Но нам еще предстоит упомянуть одного, который кому—то может показаться величайшим шарлатаном из всех, и который примерно в это же время прибегнул к объявлению в газетах, чтобы зазывать своих пациентов к своим дверям; — королевский шарлатан, прикоснувшийся ко злу, сообщает своему народу, что он находится дома в течение сезона, через *Public Intelligencer* от 1664 года: -

Уайтхолл, 14 мая 1664 года. Его Священное Величество, заявив, что его Королевской волей и намерением является продолжать исцеление своего народа от Зла в течение мая месяца, а затем отложить это до следующего Михайлова Дня, мне приказано уведомить об этом, чтобы люди не могли приехать в Город в это время и потерять свою работу.

Несомненно, в этой мнимой эффективности королевского прикосновения при золотушных заболеваниях было большое политическое значение; в то же время есть основания полагать, что пациенты иногда быстро выздоравливали после королевского контакта. Доктор Тайлер Смит, написавший очень умную маленькую книгу на эту тему, смело заявляет о своей вере в то, что эмоции, испытываемые этими бедными, пораженными горем людьми, попавшими под влияние “того божества, которое ограждает короля”, действовали на них как мощное

ментальное тонизирующее средство; однако в огромном количестве случаев мы могли бы приписать это тонизирующее средство золотой монете, которой король всегда одаривал своего пациента. Как бы то ни было, эта практика процветала вплоть до времен Анны, со смертью которой она прекратилась; монархи из брауншвейгского рода никогда не претендовали на обладание этим целебным свойством, вступая на престол только по парламентскому титулу. Реакция на прямолинейные времена Содружества, начавшаяся сразу после Реставрации, похоже, достигла своего апогея примерно в 1664 году, и рекламные объявления того периода очень верно отражают любовь к удовольствиям и азарту, которые овладели людьми, как будто они стремились наверстать время, потерянное во время пуританского правления. На самом деле, в основном они заняты расспросами о "потерянных кружевах"; объявлениями о лотереях в Банкетном зале Уайтхолла, о драгоценностях, гобеленах и медальонах "мистера Работа Купера", прекрасным образцом которой является следующее:—

27 июля около Босуэлл-Ярда, или Друри-Лейн, пропала женская фотография в золотой оправе, три ключа и множество других мелочей в надушенном кармашке. Всякий, кто уведомит или принесет указанную картину мистеру Чарльзу Коукину, Ювелиру, недалеко от Стейплс-Инн, Холборн, получит в качестве оплаты в 4 раза больше стоимости золота. *The News*, 4 августа 1664 г.

Любовь людей также ко всему необычному и изумительному проявляется в объявлениях о редких достопримечательностях; например, нам говорят, что...

В Митре, недалеко от западной оконечности собора Святого Павла, можно увидеть редкую коллекцию диковинок, к которым часто прибегают и которыми восхищаются люди большой образованности и выдающихся качеств, среди которых египетская мумия чойса с иероглифами; бразильский муравьед; Ремора; Торпеда; огромная бедренная кость великана; Лунная рыба; тропическая птица и т.д. - *The News* от 2 июня 1664 г.

Это, правда, довольно скудный сборник статей, но чудовищно дополненный "огромной бедренной костью великана", которая, по всей вероятности, принадлежала какому-нибудь огромному четвероногому. Невежество тех времен в отношении естественной истории, должно быть, было чем—то поразительным, поскольку примерно в то же время мы находим следующую публикацию того, что, очевидно, считалось очень любопытными животными, опубликованную в *London Gazette*:-

Подлинное изображение Носорога и Слона, недавно привезенное из Ост-Индии в Лондон, нарисованное с натуры и любопытно выгравированное Меццотинто на большом листе бумаги. Продается Пирсом Темпестом в "Игл энд Чайлд" на Стрэнде, напротив Сомерсет-Хауса, Уотер-Гейт. *Лондонская газета*, 22 января 1664 г.

В следующем году вся реклама такого рода прекращается; увеселения по какой-то серьезной тревожной причине перестают привлекать; в Уайтхолле больше нет азартных игр под названием лотерей; любителям развлечений больше не демонстрируют диковинки; больше не издаются сборники любовных песен; больше не выбрасываются медальоны или надушенные сумочки; кругом застой и тишина, если мы можем судить об этом по внезапному прекращению рекламы со ссылкой на них в государственных газетах. Смерть выходит на сцену и грубо захлопывает ящик с Автоликом, засекает улицу травой и ставит красный крест на каждой двери. Это год Великой чумы. Те, кто мог, рано бежали из пораженного чумой города; тем, кто оставался до тех

пор, пока болезнь не приобрела непреодолимого размаха, не разрешили уехать из-за боязни занести заразу в провинции, поскольку лорд-мэр отказал в такой чистой справке о состоянии здоровья, вследствие чего крестьяне прогнали их обратно, как только обнаружили. Единственным примером бдительности властей в ограничении, как они себе представляли, беспорядков в пределах метрополии является следующее объявление:

Николас Херст, Обойщик, напротив таверны "Роза" на Рассел-стрит, Ковент-Гарден, чья служанка недавно покраснела из-за болезни, сбежал в прошлый понедельник из своего дома, прихватив с собой кое-какие товары и домашнюю утварь, а затем за ним последовали некий доктор Кэри и Ричард Бейл с женой и семьей, которые поселились в том же доме; но у Бейла было его обычное жилище в Уэйбридже, в Суррее. О чем нам приказано публично Уведомить, что для них может быть произведен тщательный обыск, и дома, в которых будут обнаружены какие-либо из их лиц или имущества, могут быть закрыты ближайшим мировым судьей или другими должностными лицами юстиции его Величества, и уведомление немедленно направлено кому-либо из Тайных советников его Величества или одному из главных государственных секретарей его Величества.— *Лондонская газета*, 10 мая 1666г.

Противоядия и средства от чумы также широко рекламируются, точно так же, как появление холеры в 1854 году заполнило колонки *Times*, полные всевозможных подробностей. Так, например, *Intelligencer* от 28 августа 1665 года объявляет о "превосходном электуарии против чумы, которое можно выпить в "Зеленом драконе", недорого, по шесть пенсов за пинту". Однако великое и единственное лекарство от этого страшного явления, унесшего жизни ста тысяч человек только в Лондоне, было под рукой — очищение огнем. Пожар, вспыхнувший 2 сентября и уничтоживший тринадцать тысяч домов, нанес последний удар по идущим на убыль атакам. Как ни странно, но слабые следы этого ошеломляющего бедствия, как оно рассматривалось в то время, можно почерпнуть из текущих рекламных объявлений. Хотя все население города оказалось без крова и было вынуждено разбить лагерь на окрестных полях, где они импровизировали магазины и улицы, в публичных объявлениях того периода нельзя найти ни единого намека на такое обстоятельство. Никакие обстоятельства не могли бы служить большим доказательством того, как мало торговое сообщество использовало это средство рекламы во времена Карла II. Если бы в наши дни произошел пожар, хотя бы на сотую долю столь разрушительный, колонки прессы немедленно наполнились бы новыми адресами сгоревших владельцев магазинов; и те, кто даже не пострадал от него, позаботились бы о том, чтобы "улучшить ситуацию" в свою пользу. Мы тщетно ищем на страницах "*Лондон газетт*" за этот и следующий год хоть одно подобное объявление: даже хозяин таверны не сообщает нам номер своего киоска в Гудменз-Филдс, хотя шарлатанская медицина, как обычно, пестрела в его колонках. В 1667 году мы время от времени видим уведомления о каком-либо изменении местоположения правительственного учреждения или о намерении построить по контракту какое-либо общественное сооружение, например, следующее уведомление о возведении старой Королевской биржи:-

Все ремесленники различных профессий, которые должны быть задействованы при восстановлении Королевской биржи, могут принять к сведению, что Комитет, назначенный для руководства этой работой, заседает в конце длинной галереи в Грэшем Колледж каждый понедельник до полудня, чтобы тут же обсудить с теми, кто пригоден для выполнения той же работы.

Оставшаяся часть правления Карла не отмечена появлением каких-либо характерных рекламных объявлений, которые дают представление об особом облике того времени. Однако, если мы вернемся на два—три года назад, мы найдем один, имеющий отношение к введению тех чудовищных развевающихся париков, которые оставались в моде до середины следующего столетия:

Принимая во внимание, что *Джордж Грей*, парикмахер и мастер Перривигов, напротив *таверны "Грейхаунд"*, в *Блэк-Фрайерс, Лондон*, по роду своей деятельности обязан обслуживать некоторых конкретных лиц выдающегося положения и качества: поэтому по его желанию уведомляется, что любой, у кого есть длинное льняное сено на продажу, может выплатить ему указанное *Джордж Грей*, и они будут иметь 10 *шиллингов* за унцию, а за любое другое длинное тонкое сено - по ставке 5с. или 7с. унция.—*Ньюсы*, 4 февраля 1663 года.

Пепис с забавной подробностью описывает, как Чепмен, мастер по парикам, обрезал ему волосы, чтобы сшить один из этих зловещих головных уборов, к большому беспокойству своих слуг Джейн и Бесси; а в день Господень, 8 ноября 1663 года, он с бесконечной *наивностью* описывает свой вход в церковь в том, что, очевидно, было последней модой перрукье. “В церковь, где я обнаружил, что мое появление в парике оказалось не таким странным, как я боялся; потому что я думал, что вся церковь вскоре обратит на меня свои взоры, но я не нахожу ничего подобного”. Десять шиллингов за унцию длинных льняных волос показывают спрос на этот особый цвет со стороны “лиц выдающегося положения и качества”. Из рекламных объявлений времен Карла II мы показали то, что действительно было хорошо известно, а именно, что для эпохи были характерны легкомысленные развлечения, любовь к нарядам и порочное возбуждение, посреди которых мор крался, как насмешливый демон, и великий пожар озарял всеобщий маскарад своим зловещим и гневным блеском. Наряду с выхолощенным тоном манер склонность к личному насилию и презрение к закону запятнали последнюю часть этого и последующего царствования. Дерзкий захват драгоценностей короны Бладом; нападение на герцога Ормонда, совершенное тем же головорезом, когда этого дворянина действительно вытащили вечером из кареты на Сент-Джеймс-стрит и везли связанным на луке седла лошади Блада до Гайд-парк-корнер, прежде чем его смогли спасти; королевская гвардия расквасила нос сэру Джону Ковентри на Хеймаркете; и убийство сэра Эдмондбери Годфри на Примроуз-хилл - вот известные примеры распространения этого беззаконного духа. .

Мы мельком видим одно из таких уличных безобразий в следующем сообщении о нападении на славного Джона:—

Принимая во внимание, что *на Джона Драйдена, эсквайра*, в понедельник, 18-го числа, ночью, было совершено варварское нападение и он был ранен неизвестными лицами на Роуз-стрит в Ковент-Гардене; если какое-либо лицосообщит о названных преступниках упомянутому мистеру Драйдену или любому мировому судье, он не только получит пятьдесят фунтов, которые переданы на хранение мистеру Бланчарду, Ювелиру по соседству с Темпл-Баром, для указанной цели, но если он является руководителем или соучастником указанного факта, его Величество будет наказан. милостиво рад пообещать ему свое прощение за то же самое.— *Лондонская газета*, 22 декабря 1679г.

А вот другой, еще более трагического характера:

Принимая во внимание, что восемнадцатого вечером джентльмен был смертельно ранен недалеко от Линкольнс Инн, на Чансери-лейн, на виду, как предполагается, у высадившего его кучера: уведомляем, что указанный кучер должен прийти и заявить, что ему известно об этом деле; если кто-либо другой обнаружит указанного кучера Джону Хоулзу в его комнате в Линкольнс Инн, он получит вознаграждение в размере 5 гиней. "*Лондон газетт*", 29 марта 1688г.

К этому периоду также можно отнести возвышение этого романтического преступника, разбойника с большой дороги. Шумиха вокруг этих благородных грабителей часто поднималась во время правления Якова II. В одном случае мы получили сообщение о джентльмене, остановленном, ограбленном, а затем связанном всадниками в Ислингтоне, который усакал на его лошади; в другой раз эти отважные джентльмены появились в Найтсбридже; и третье объявление, правда, более позднего времени, предлагает вознаграждение за трех верховых Мачитов, которых обвинили в остановке и ограблении трех молодых леди на Саут-стрит, недалеко от часовни Одли, когда они возвращались домой из визита. Следующее еще более необычно, поскольку показывает высокое социальное положение некоторых из этих джентльменов, отправившихся в "дорогу" с особыми целями:

Принимая во внимание, что мистер Герберт Джонс, адвокат города Монмут, хорошо известный тем, что несколько лет проработал помощником шерифа того же графства, в последнее время неоднократно грабил Почту, идущую из этого города в Лондон, и забирал различные письма и предписания, ав настоящее время скрывается от правосудия и, как предполагается, укрылся в каких-то недавно набранных войсках. Они предназначены для уведомления о том, что любой, кто добудет указанного Герберта Джонса для привлечения к ответственности за указанные преступления, может уведомить об этом сэра Томаса Фаулза, ювелира Темпл-бара, Лондон, или мистера Майкла Боуна, мерсера в Монмуте, и получит вознаграждение в размере гиней.

О склонности к пьянству в эти яacobитские времена свидетельствуют главным образом бесчисленные запросы о потерянных или украденных серебряных кружках и постоянно имевшие место продажи кларета и канарского. Молоток, по-видимому, в то время не использовался, поскольку мы обычно находим объявления о распродажах по "дюйму свечи", термин, который сильно озадачивал нас, пока мы не увидели объяснение ему в нашем постоянном справочнике "Дневник Пеписа":

"После обеда мы встретились и продали "Уэймута", "Успеха" и "Братства халков"; приятно видеть, насколько отсталыми поначалу бывают люди, делающие ставки; и все же, когда свеча гаснет, как они орут, а потом спорят, кто предложит больше. И здесь я заметил одного человека, хитрее остальных, который, несомненно, предложил цену последнему и выполнил ее; и на вопрос о причине он сказал мне, что, как только пламя гаснет, спускается дым, чего я никогда раньше не наблюдал, и благодаря этому он знает момент, когда делать последнюю ставку". (3 сентября 1662 г.).

Вкус к аукционам, который стал таким модным во времена Анны, зародился примерно в этот период. Постоянно рекламируются книги и картины, от которых нужно избавляться подобным образом. Любовь к азарту, зародившаяся во времена Реставрации, можно было проследить в этих распродажах и в лотереях, или "приключениях", как их иногда называли, которые распространялись на все мыслимые товары, которые можно было продать. Растущий вкус

города был, однако, на время остановлен Революцией, которую, несомненно, ускорили такие объявления, как следующее, появившееся в *Газетт* от 1 марта 1688 года:

"Католическая верность" на тему правления и послушания, произнесенная в ПРОПОВЕДИ перед королем и королевой в часовне Его Величества в Уайтхолле 13 июня 1687 года издательством Revnd. Отец Эдвард Скарайсбрук, священник Общества Иисуса. Опубликовано по приказу Его Величества. Продано Райделом Тейлором, недалеко от Канцелярского зала, Лондон.

До этого рекламные объявления появлялись всего тремя-четырьмя экземплярами и редко, если вообще когда-либо, превышали дюжину в какой-либо газете того времени. Обычно они застревали в середине небольшого журнала, но иногда составляли его завершающую часть. Они были замкнуты по своему характеру и не давали никаких свидетельств принадлежности к крупному коммерческому сообществу. Время от времени, это правда, рекламировались суммы денег, требующие вложения; чаще всего появлялась связка для "разбитого живота" или "превосходное средство для чистки зубов"; или же рекламировался какой-нибудь городской особняк знати, сдаваемый в аренду, что уже тогда свидетельствовало о продвижении на запад, о чем свидетельствует следующее:

Дом графа Беркли с садом и конюшнями на Сент-Джонс-лейн, недалеко от Смит-Филд, сдается в Аренду или продается под строительство. Спросите мистера Престворта, торговца кукурузой, неподалеку от указанного дома, и, возможно, вы узнаете больше.—*Лондонская газета*, 17 августа 1685г.

Вот пример необычного способа, которым в те дни проводилось страхование от пожара:-

Поскольку 24 числа прошлого месяца произошел пожар, в результате которого сгорело несколько домов дружественного общества на сумму 965 фунтов стерлингов, уведомляем всех лиц указанного общества о том, что от них требуется выплатить в конторе Фолкон Корт на Флит—стрит определенную долю указанного ущерба, которая составляет пять шиллингов и один пенни за каждые застрахованные сто фунтов стерлингов, до 12 августа следующего года. - *Лондонская газета*, 6 июля 1685 г.

Иногда спрашивают о "укушенной беглецом серой кобыле", украденной из "Парка Мэри-ле-бон", или о потерянном лотерейном билете, или о собаке; но в них нет ни малейшего намека на то, что в Англии есть торговый флот или что ей суждено стать нацией лавочников. До сих пор также не было никаких признаков того замечательного искусства остроумного надувательства, которое существует сейчас и которое могло бы навести случайного наблюдателя на мысль, что нация состоит только из двух классов — жуликов и простофиль.

С момента поселения в 1688 году до общественности, по-видимому, дошла истинная ценность рекламы. Страна, очевидно, начала дышать свободно, и с приходом к власти голландца Вильгельма и протестантов своеобразный характер нации проявился с необычайной силой. Были призваны предприятия всех видов, и их образ отразился на рекламных колонках публичных журналов, которые теперь значительно увеличились как в размерах, так и в количестве: за четыре года после революции было создано не менее двадцати шести таких журналов. Примечательно также, что от этого политического потрясения берет начало определенный грубоватый юмор, который, каким бы скрытым он ни был, раньше не проявлялся в публичных газетах, особенно по политическим вопросам. Давайте еще больше проясним наш

смысл, процитировав следующее из *New Observer* от 17 июля 1689 г., в котором излагается популярный и практичный метод демонстрации триумфа вигов:

Оранжевые карты, представляющие правление покойного короля и экспедицию принца Оранского: а именно. Граф Эссекс Мертер, доктор Отес Порка, Осквернение Памятника, милорд Джеффрис на Западе, повешение протестантов, Колледж Магдалины, Суд над епископами, Замок Мэн в Риме, папистская акушерка, иезуит, Проповедующий против нашей Библии, Освященный халат, милорд канцлер в ногах Кровати, Рождение принца Уэльского, Разрушение и поджог капитаном Томом и его Мобилем церкви Ординарцев, Осколки миномета в Тауэре, Высадка принца Оранского, Бегство иезуитов, Сделки отца Питера, Драка в Рединге Армия переходит на сторону принца Оранского, Тирконнел в Ирландии, милорд-канцлер в Тауэре. Со многими другими замечательными отрывками того Времени. К которым добавляются отрывки нашего Любезного К. Уильям и К. Мэри, любопытно проиллюстрированные и выгравированные живыми фигурами, выполненными исполнителями первых папистских сюжетных открыток. Продано Доннаном Ньюманом, издателем и печатником Нового журнала *Observer*.

Редактором *New Observer* был епископ Бернет, и эти политические игральные карты продавал его издатель; возможно, великий протестантский епископ что-то знал об их “исполнителях”. В 1692 году был проведен эксперимент, который ясно показывает, насколько точно за границу поступала оценка ценности публичности в вопросах бизнеса. Была учреждена газета под названием “Городской меркурий”, издаваемая бесплатно для содействия торговле, которая просуществовала два года и не содержала ничего, кроме рекламы. Владелец обязался распространять по тысяче экземпляров в неделю в тогдашних популярных местах отдыха — кофейнях, тавернах и книжных магазинах. Даже в наши дни двойного приложения “Таймс” подобный эксперимент часто проводился и заканчивался неудачей; поэтому мы удивляемся не тому, что *Городской “Меркурий”* оказался в подвешенном состоянии, в котором хранятся такие бесчисленные несостоявшиеся журналы, а тому, что интерес к рекламе в тот ранний период сохранялся так долго.

Если приведенная выше схема доказывает, что тогда была предпринята попытка разделить обязанности газеты — информировать своих читателей о новостях дня и создавать средства освещения нужд и потерь отдельных лиц, — то реклама, которую мы собираемся процитировать, ясно показывает, что в то же время существовал план объединения печатной газеты с более древним письменным информационным бюллетенем. Хорошо известно, что долгое время после создания публичных журналов старая профессия составителя информационных бюллетеней продолжала процветать. Мы можем легко объяснить этот факт, если вспомним, что в разгар великого восстания было гораздо безопаснее писать, чем печатать разведданные того времени. Многие из этих информационных бюллетеней были написаны убежденными сторонниками и содержали информацию, которую нежелательно и небезопасно было показывать их противникам. Они тайно передавались из рук в руки и часто одобрялись каждым последующим читателем. Нам говорят, что Кавалеры, попав в плен, как известно, съедали свои информационные бюллетени; и некоторые из писем принца Руперта, которые были перехвачены, все еще существуют и имеют темно-красные пятна, свидетельствующие об отчаянном способе их защиты. Однако совершенно очевидно, что как профессия составление информационных бюллетеней начало приходить в упадок после революции; хотя мы находим, что редактор *Evening Post* еще в 1709 году напоминал своим читателям, что “за письменные

новости нужно платить три-четыре фунта в год”. В то же время ясно, что общественные журналы не выполняли ту часть своей работы, которая действительно была более приемлема для сельского читателя, чем любая другая, — распространение политической и социальной болтовни того времени. Нам стоит только заглянуть в публичные газеты, чтобы убедиться, насколько прискорбно, что они не справились с отделом, который, должно быть, был основным для автора новостей. Эта потребность все еще ощущается, и Джон Салусбери разрабатывает схему объединения старого и нового плана следующим образом, как было объявлено в *"Летучей почте"* от 1694 года:—

Если какой-либо джентльмен желает оказать услугу своему деревенскому другу или корреспонденту отчетом о государственных делах, он может получить его за два пенса в "Дж. Салусбери" в "Восходящем солнце" в Корнхилле, на листе тонкой бумаги, половина которого пуста, он может написать на нем свое личное дело или важные новости дня.

То, что покупателям предлагается публиковать в них "существенные новости дня", мало что говорит об энергии, с которой выпускались журналы того времени; мы полагали, что это было делом редактора; но, возможно, это было изобретение, с помощью которого якобы могли распространять информацию по почте, не ставя под угрозу типографию. Мы видели в Британском музее много таких бумаг, наполовину напечатанных, наполовину рукописных, которые прошли через почту, рукописную часть которых министры внутренних дел нашего времени сочли бы достаточной изменой, чтобы оправдать то, что они сломали печати.

Поскольку реклама с самого начала ее появления использовалась для ознакомления с развлечениями дня и средствами убить время, имеющимися в распоряжении знатных людей, кажется странным, что ее не использовали раньше, чем для привлечения трупы в театры. Мы тщетно искали объявления о каких-либо театральных представлениях до 1701 года, когда реклама театра Линкольнс Инн появляется в колонках *"Инглиш пост"*. Однако за этим маленьким театром быстро последовали более крупные, и всего несколько лет спустя в ежедневных газетах появились регулярные списки спектаклей во всех театрах. Первым журналом с таким описанием была *Ежедневная газета "Курант"*, опубликованная в 1709 году. В этом году также появился знаменитый "Татлер", за которым вскоре последовали "Зритель" и "Гардиан", общественные и литературные журналы того августинского века. Первое издание "Татлера", хранящееся в Британском музее, содержит рекламу, как обычная газета, и она, очевидно, в большей степени, чем у ее современников, отражает летучую моду того времени и безумие "качества". В них мы замечаем ярость, которая существовала в отношении лотерей, или "распродаж", как их тогда называли. На розыгрыш было выставлено все, что только возможно. Мы видим рекламные объявления, озаглавленные "Распродажа кружев за шесть пенсов", "Сто фунтов за полкроны", "Приключение за пенни в обмен на отличный пирог", "Квартальная арендная плата", "Поместье в свободной собственности", "Продажа домов за три пенса", "Модная карета". Перчатки, зеркала, шоколад, венгерская вода, индийские товары, лакированная посуда, веера и т. д. Были уведомлены о том, что от них следует избавиться таким образом, и ярмарочная толпа была созвана для розыгрыша билетов тем же способом. Эта лихорадка, которая десять лет спустя породила знаменитый Пузырь Южных морей, росла медленно. Своими корнями она уходит в эпоху Реставрации, своим расцветом - в правление Анны, а своими плодами и *развязкой* - в правление Георга I. Прежде чем перейти от страниц "Татлера", мы должны на мгновение остановиться и обратить внимание на одно или два игривых рекламных объявления, которые так понравились сэру Ричарду Стилу и которые, под маской

веселья, возможно, действительно давали ему отличный материал для его журнала. Вот неотразимое приглашение для его честных читателей:—

Все Дамы, у которых есть какие—либо особые истории о своем знакомстве, которые они желают конфиденциально обнародовать, могут отправить их по почте за пенни на имя Исаака Бикерстаффа, эсквайра, мистеру Джону Морфью, в приложении к письму, недалеко от Канцелярского зала.-*Tatler*, 8 мая 1709 г.

Это отличная львиная пасть, чтобы разразиться скандалом. Еще более забавный пример веселья, охватившего эсквайра Исаака Бикерстаффа, можно найти в серии рекламных объявлений, в которых он должен был убедить астролога Джона Партриджа в том, что он действительно ушел из этой жизни; утверждение, которое последний упорно отрицал с самой смехотворной серьезностью. Из них мы приводим одну из “Татлер” от 24 августа 1710 года:

В то время как невежественный Выскочка в астрологии публично пытался убедить мир, что он - покойный Джон Партридж, умерший 28 марта 1718 года, это должно подтвердить всем, кого это может касаться, что настоящий Джон Партридж не только был мертв в то время, но и продолжает оставаться таковым по сей день. Остерегайтесь подделок, ибо такие есть за границей.

Приятная злобность вышесказанного достаточно очевидна, но мы признаемся, что озадачены тем, является ли нижеследующее подлинным или нет. Мы скопировали его из ряда других, от которых он не отличался никакими особенностями типа:

Консультационный центр благотворительности, где каждый человек может узнать мнение уважаемых священнослужителей, ученого совета, дипломированных врачей и опытных хирургов по любому вопросу в области Богословия, Морали, права, медицины или хирургии с соответствующими Рецептами в течение двенадцати часов после того, как они определяют состояние его пациента. Те, кто не умеет писать, могут изложить свои дела в офисе. * * Плата составляет всего 1с. за доставку или отправку вашего дела и еще 1с. за повторную доставку этого дела и заключения по нему, чего считается достаточным для покрытия необходимых расходов на прислугу и аренду офиса. “*Татлер*”, 16 декабря 1710г.

Чтобы перейти, однако, от острого оружия мозга к оружию плоти, интересно с достаточной точностью зафиксировать перемену, произошедшую в начале восемнадцатого века в том, что можно было бы назвать развлечениями воображения. “Благородное искусство защиты”, как его называли, вплоть до времен первого Георга, по-видимому, состояло в упражнениях с палашом. Пепис описывает в своем “Дневнике” несколько кровавых столкновений такого рода, свидетелем которых он сам был; и следующая реклама, сделанная полвека спустя, показывает, что искусное оружие в то время еще не было заменено более жестоким кулаком:

А Испытание мастерства будет проведено в Медвежьем саду Его Величества в Хокли-ин-Хоул в следующий четверг, 9-го числа, между следующими мастерами: —Эдмундом Баттоном, мастером благородной науки защиты, *который недавно сразил* мистера Хэзгита и Чемпиона Запада, *и еще 4—х*, и Джеймсом Харрисом, уроженцем Херефордшира, мастером благородной науки защиты, который завоевал 98 наград и ни разу не был награжден, за упражнение с обычным оружием в ровно в 2 часа пополудни. -*Почтальон*, 4 июля 1701 года.

О дикарском характере того времени можно судить по публичному хвастовству мистера Эдмунда Баттона, что он зарубил шестерых человек смертоносным оружием. Однако мы сомневаемся, что эпоха, способная терпеть подобное хулиганство, не была преодолена изменением, заменившим меч кулаком, и не стали ли женщины свидетелями выхода на ринг вместо мужчин. Как ни странно, некоторые из самых ранних зарегистрированных упоминаний о боксерских поединках происходили между бойцами прекрасного пола. Например, в публичном журнале за 1722 год мы находим следующую запись о сражении, отмененную и принятую:

Вызов. Я, Элизабет Уилкинсон из Клеркенуэлла, перекинувшись парой слов с Ханной Хайфилд и требуя удовлетворения, приглашаю ее встретиться со мной на сцене и сразиться со мной затри гинеи; каждая женщина держит в каждой руке по полкроне, и первая, кто бросит деньги, проиграет битву.

Ответ.—Я, Ханна Хайфилд с Ньюгейт-Маркет, услышав о решительности Элизабет Уилкинсон, не премину, с *Божьей волей*, нанести ей больше ударов, чем слов, желая ударов в цель, и от нее никакой милости: она может рассчитывать на хорошую взбучку!

Полукроны в руках были хитроумным приспособлением для предотвращения царапин! Еще более характерный пример одного из таких вызовов на кулачный бой между двумя женщинами можно найти в *"Дейли пост"* от 7 июля 1728 года:

В *Амфитеатре мистера Стокса* на Ислингтон—роуд в этот понедельник, 7 октября, состоится полноценный боксерский поединок двух следующих Чемпионек: -Принимая во внимание, что я, Энн Филд из Сток-Ньюингтона, погонщица ослов, хорошо известная своими способностями в боксе в свою защиту, где бы это ни происходило на моем пути, будучи оскорбленной миссис Стоукс, титулованной Чемпионкой Европы, справедливо приглашаю ее испытать свои лучшие навыки в боксе на 10 фунтов, честный взлет и падение; и не сомневаюсь, что предоставлю ей такие доказательства своего мастерства. мое суждение, которое обяжет ее признать меня Чемпионкой Сцены, к полному удовлетворению всех моих друзей.

Я, Элизабет Стоукс из Лондонского сити, не дралась таким образом с тех пор, как дралась со знаменитой боксершей из Биллингсгейта 29 минут и одержала полную победу (это было шесть лет назад); но поскольку знаменитая боксерша из Сток-Ньюингтона вызывает меня на бой за 10 фунтов, я заверяю ее, что не премину встретиться с ней за указанную сумму, и не сомневаюсь, что удары, которые я ей нанесу, будут для нее более трудными, чем те, которые она когда-либо наносила своим задницам.—*Примечание.* Человек, известный под именем Раггед и Тафф, бросает вызов лучшему игроку "Сток Ньюингтона", чтобы сразиться с ним за одну гинею на ту сумму, на которую они пожелают отважиться. *Примечание.* Явка будет объявлена в час, а поединок начнется ровно в четыре. Как обычно, будет развлечение в виде игры с дубинками.

Другие рекламные объявления того же времени касаются петушиных матчей, иногда "на всю неделю", травли быков и, что еще более жестоко, наряжения бешеных быков фейерверками, чтобы натравливать на них собак. Грубый тон нравов, который вновь установился после наследования ганноверской династии, можно почерпнуть только из так называемых спортивных рекламных объявлений того времени; и теперь мы видим, что Хогарту в его знаменитой картине не было необходимости и, вероятно, он этого не делал, привлекать свое воображение для описания сочетания ужасающих жестокостей, изображенных в ней.

Тот же тон пронизывал галантность того времени, и мы печатаем два рекламных объявления, одно из которых относится ко времени Анны, а другое - к эпохе, которую мы сейчас иллюстрируем, чтобы подчеркнуть их дух. Мы отдаем предпочтение более отточенному варианту:—

Джентльмен, который в двадцатое мгновение имел честь проводить леди с яхты у Уайтхолл-стэрс, желает знать, где он может подождать ее, чтобы сообщить о вызывающем беспокойство деле. Письмо, адресованное мистеру Сэмюэлю Ривзу, для оставления у мистера Мэя в "Золотой голове", верхнем конце Нью-Саутгемптон-стрит, Ковент-Гарден. *"Татлер"*, 21 марта 1709г.

Определенная изысканность стиля и аура хорошего воспитания пронизывают это объявление, чего самому сэру Ричарду Стиллу не следовало бы стыдиться; но какой здесь провал! -

Принимая во внимание, что молодая леди была в театре "Ковент-Гарден" вечером в прошлый вторник и получила удар квадратной деревяшкой в грудь, если леди не замужем и встретится со мной в воскресенье, в два часа, на аллее в Сент-Джеймс-парке, или пошлет записку для А. Б. мистеру Джонсу в таверне "Солнце" на церковном дворе Святого Павла, где и когда я зайду к ней, чтобы сообщить ей что-то очень полезное для нее на почетных условиях, ее согласие доставит ее покорнейшему слуге неизгладимое удовольствие.—*Генеральный рекламодатель*, 8 февраля 1748г.

Может показаться, что кавалер был вынужден прибегнуть к меткому оружию, чтобы произвести впечатление, а затем почувствовал необходимость заявить, что его намерения были "благородными", чтобы добиться интервью со своей возлюбленной. Представьте также, в какой открытой, не стесняясь, манере совершается попытка свидания! Мы далеки от того, чтобы утверждать, что подобные вопросы сейчас не решаются с помощью рекламы, поскольку мы сейчас покажем, что это так, но насколько более тщательно скрываемым образом! Совершенное презрение к общественному мнению или, скорее, молчаливое согласие общества с такими нарушениями морального закона, которые оно демонстрирует, доказывает общее состояние морали больше, чем сами нарушения, которые происходят в большей или меньшей степени во все времена. Двумя причинами, приведшими к такому низкому тону манер по отношению к женщинам, были, несомненно, отвратительная расточительность дворов двух первых Георгов и весьма несовершенное состояние существующего закона о браке. Вильгельм, Мария и Анна своей благопристойной, если не сказать холодной жизнью избавили корону и, в какой-то мере, аристократию от пороков Реставрации. Корона, двор и знатность, однако, оказались в еще худшем положении после восшествия на престол ганноверского короля, который вновь запятнал поднимающийся тон общественной жизни своей скандальной связью с герцогиней Кендал и графиней Дарлингтон; в то время как его сыну и преемнику всячески способствовала в его порочных поступках его собственная королева, которая поощряла его торговлю с двумя его любовницами, графинями Саффолк и Ярмут. Унизительное влияние королевских манер хорошо подкреплялось состоянием закона. Часовня Кита на Майской ярмарке и часовня Флита были Гретна-Грин того времени, когда дети могли пожениться в любое время дня и ночи за пару крон. В то время говорили, что в бывшей часовне шесть тысяч человек ежегодно венчались подобным образом; младшая из прекрасных мисс Ганнингс была обвенчана с герцогом Гамильтоном в двенадцать часов ночи, с помощью кольца, снятого с полога кровати, в этой самой "брачной лавке". Плоды таких союзов можно себе представить. На то, как легко носились и разрывались брачные узы, ясно указывают рекламные объявления,

которые буквально заполнили общественные журналы со времен восшествия на престол Брауншвейгского дома вплоть до времен Георга третьего, о мужьях, предупреждающих общественность не доверять своим сбежавшим женам.

В начале этой статьи мы упоминали о пристрастии к чернокожим рабам, которое проявилось во времена правления Карла II и продолжало усиливаться до середины следующего столетия, когда в столице, должно быть, было очень значительное количество чернокожих слуг. Сначала колоритных уроженцев Востока заставляли служить знати, и цвет кожи, по-видимому, не был ~~не~~непременным условием. Таким образом, в *"Лондон газетт"* за 1688 год мы имеем следующее яркое объявление:

Сбежал от своего хозяина, капитана Сент-Ло, 21-го мгновения, Обделах Элиас Абрахам, мавр, смуглый, с короткими вьющимися волосами, золотым кольцом в ухе, в черном сюртуке и ветреных бриджах. Он взял с собой выдувной турецкий халат для часов, турецкий костюм, который он обычно носил в городе, и еще несколько вещей. Тот, кто доставит его в дом мистера Лозела на Грин-стрит, получит одну гинею в качестве компенсации.

Следующее объявление, которое мы находим, также относится к тем, кого мы должны считать выходцами из Восточной Индии. Понятие собственности у этих мальчиков, по-видимому, было полным; их хозяева писали свои имена на их ошейниках, как они делали на своих сеттерах или спаниелях:

Чернокожий мальчик, индеец, около тринадцати лет, сбежал в 8-й момент из Патни с ошейником на шее с надписью: 'черный леди Бромфилд в Линкольнс-Инн-Филдс'. Тот, кто доставит его к сэру Эдварду Бромфилду в Патни, получит награду в гинею.—*Лондонская газета*, 1694.

Торговля африканскими неграми, начавшаяся в конце семнадцатого века, по-видимому, вытеснила этих восточных слуг ближе к концу столетия, поскольку с тех пор неизменно используется слово "негр", "черный мавр" или "черный мальчик". Несомненно, мода на этих негров и другую цветную прислугу пошла от Венецианской республики, сношения купцов которой с Африкой и Индией естественным образом привели к их появлению. Тициан и другие великие художники его школы постоянно изображали их на своих картинах, и наш собственный великий бард навсегда ассоциировал Мавра с Морским городом. В Англии негритянские мальчики, по-видимому, считались таким же предметом продажи, каким они были бы на невольничьем рынке в Константинополе. В *Tatler* за 1709 год мы находим статью, предлагаемую публике на следующих условиях:—

Чернокожий мальчик двенадцати лет, годный прислуживать джентльмену, должен быть отправлен в кофейню Дениса на Финч-лейн, недалеко от Королевской биржи.

Опять же, в *"Дейли джорнал"* от 28 сентября 1728 года мы натываемся на другое:

На продажу выставлен мальчик-негр в возрасте одиннадцати лет. Загляните в кофейню Virginia на Треднидл-стрит, за Королевской биржей.

Это были последствия печально известной торговли неграми, начатой сэром Джоном Хокинсом в 1680 году, в результате которой не менее 910 000 африканцев были оторваны от своих домов и

перевезены только на Ямайку в период с того времени до 1786 года, когда работорговля была отменена.

Мы познакомили читателя с датой последней битвы, которая разрушила надежды Стюартов и прочно утвердила Брауншвейгский род на троне. В 1745 году был основан *General Advertiser's*, название которого указывает на цель, которой оно было посвящено. Эта статья была первой успешной попыткой заручиться поддержкой содержащейся в ней рекламы, тем самым положив начало новой эре в газетной прессе. С самого начала его колонки были заполнены ими, от пятидесяти до шестидесяти, регулярно классифицированными и разделенными по правилам, появляющимися в каждой публикации; фактически, рекламная страница впервые приобрела современный вид. Об отправлении кораблей постоянно сообщается, и гравюры с изображением этих старинных судов с высокими бортами плывут ровной линией вдоль колонны. Торговые вопросы, наконец, взяли верх. Вы видите “пару кожаных сумок”, “алый камзол с кружевами”, “шпагу”, о которых все еще спрашивают; и театры устраивают представления, ибо это была заря эры Фута, Маклина, Гаррика и большинства других великих актеров прошлого столетия; но, говоря сравнительно, с этого времени веселье и безумства города постепенно перестали заявлять о себе посредством рекламы. Великое землетрясение в Лиссабоне так напугало людей, что маскарады были запрещены законом, и с тех пор кукольные представления, танцы на канате, фарфоровые аукционы и общественные завтраки становятся все реже и реже по мере того, как леди Бетти и Салли, открывшие их, постепенно уходили со сцены, увядшие, поблекшие и залатанные.

Единственными признаками политических тенденций того времени, которые можно почерпнуть из рассматриваемых нами источников, являются званые обеды, объявления о которых время от времени можно встретить следующим образом:—

К Радостным.— Супругам Блад желательно собраться вместе в доме, известном под названием “Сэр Хью Миддлтон”, недалеко от Сэддлерс-Уэллс, Ислингтон, который мистер Скеггс заказал на этот день для лучшего развлечения тех джентльменов, которые согласились встретиться в его собственном доме. Ужин будет подан на стол ровно в два часа. *Генеральный рекламодаель*, 13 января 1748 г.

Или следующий еще более характерный пример из той же газеты от 12 апреля:—

Таверна “Полумесец”, Чипсайд.— В следующую субботу, 16 апреля, в годовщину Славной битвы при Коллодене, Звезды сойдутся на Луне в шесть часов вечера. Поэтому желательно, чтобы Избранные Духи появлялись и наполняли радостью.—Эндимион.

В течение двадцати пяти лет с этой даты было основано большинство существующих утренних журналов, и их рекламные колонки приобрели вид, очень похожий на тот, который они представляют сейчас. Поэтому нам не нужно углубляться в древние недра, чтобы обнаружить давно похороненные свидетельства нравов и моды, поскольку они перестали появляться, будь то ископаемые или исторические; поэтому мы смело перепрыгиваем пропасть, которая лежит между этими старыми днями и настоящим.

Начало нынешнего столетия ознаменовалось началом того либерального и систематического плана рекламы, который знаменует собой завершающую эпоху в искусстве. Королевские идеи постепенно овладевали умами трейдеров относительно ценности этого нового агента в расширении их деловых операций. Около тридцати лет назад Пэквуд был первым, кто произвел

неизгладимое впечатление на каждого бородатого жителя империи своим лезвием для бритья. Как и другие великие властители, он хвастался своим жалованьем лауреата, и все помнят ответ, который был дан любопытствующим узнать, кто составил его рекламу: “Лос-Анджелес, сэр, у нас работает поэт!”

Однако по всеобщему согласию мир отдал пальму первенства покойному Джорджу Робинсу в этом стиле рекламного надувательства. Его рекламные объявления были написаны действительно художественно. Как и Мартин, он обладал способностью придавать каждому ландшафту и зданию, к которым прикасался, важность и величие, недостижимые для более подлых рук. Возможно, он действительно перешел грань даже поэтической вольности, когда описал один уголок рая, который он собирался представить на публичный конкурс, как украшенный, среди прочих прелестей, “висячим деревом”, которое, как выяснил изумленный покупатель, означало не что иное, как старую виселицу. Но затем он искупил легкие маневры такого рода штрихами, которые действительно демонстрировали его талант к надувательству. Однажды он сделал красоту поместья настолько чарующей, что счел необходимым замаскировать его одним-двумя недостатками, чтобы оно не оказалось слишком ярким и хорошим “для повседневной пищи человеческой натуры”. “Но у этой собственности есть два недостатка, ” вздохнул этот хафиз с рынка, “ множество розовых листьев и шум соловьев!” Конечно, сила изысканного пыхтения не могла продолжаться дальше, и когда он умер, поэзия рекламы исчезла. Другие, такие как знаменитый Чарльз Райт из Шампани, пытались задела за живое; и Мозес, как мы полагаем, действительно сохранил поэта; но ни один из них не смог соперничать с Георгом Великим, и мы зеваем, читая сонеты, заканчивающиеся неизменным “март”, или акrostихи, отсылающие к превосходным жилетам Хайама и Компании. Двадцать лет назад некоторые ежедневные газеты допускали иллюстрированную рекламу в свои колонки; теперь это было бы фатально для любой из них. Тем не менее, они, безусловно, наиболее эффективны в своем классе, поскольку для выражения своего значения они прибегают к помощи другого смысла. Все, кроме несовершеннолетних представителей нынешнего поколения, должны помнить изысканную гравюру Джорджа Крукшенка на дереве, изображающую изумленную кошку, рассматривающую себя в полированной мешковине, которая принесла Уоррену состояние. Но в те дни торговцы только пробовали свои крылья для полета. До настоящего времени оставалось доказать, к чему приведет безграничная уверенность в силе рекламы, и краткий список сумм, которые ежегодно тратят на этот товар некоторые из самых предприимчивых дилеров, возможно, поразит наших читателей.

“Профессор” Холлоуэй, Пилюли и т.д.	30 000
фунтов стерлингов	Моисей и сын
10 000	Роулэнд и Компания (Макассар ойл и др.)
10 000,,, Доктор Де Джонг (рыбий жир)	10 000
Хил и сыновья (кровати и постельные принадлежности)	6000
Николлс (портной)	4500

Кажется действительно невероятным, что один дом должен тратить на простую рекламу шарлатанских пилюль и мазей сумму, равную всему доходу многих немецких княжеств. Может ли это окупиться? спрашивает изумленный читатель. Пусть растущий поток ассистентов, которых можно увидеть “с утра до вечера”, заворачивающих таблетки в заведении “профессора” в тени Темпл-Бара, даст ответ.^[2] Несмотря на то, что пресса этой страны значительно расширилась за последние годы, ее оказалось недостаточно, чтобы сдержать в своих пределах начавшийся стремительный поток надувательства. Реклама теперь переполняет наши omnibusy, наши кэбы, наши железнодорожные вагоны и наши пароходы. Мадам Тюссо платит 90 фунтов ежемесячно только Omnibusной компании Atlas Omnibus Company за привилегию размещать свои счета в их транспортных средствах. Они нанесены чернилами на тротуар, крупными буквами нарисованы под арками мостов и на каждой глухой стене. Еженедельная газета Ллойда отпечатана на “пухлой гвельфской щеке” плебейского пенни; посланцы Моисея осыпают прекрасными библиотеками из окон вагонов, курсирующих от железнодорожных станций; и, как завершающий факт, Теккерей в своем “Путешествии из Корнхилла в Каир” сообщает нам, что Уоррен покрашен черной краской поверх стертой надписи Псамметиху на Колонне Помпея!

Показав читателю медленный рост рекламной колонки; поднявшись, подобно “Джеку в бобовом стебле”, от ее скромного корня во времена Содружества к все еще растущему стеблю в последующие сто лет, мы теперь подходим к ее достойному цветку в виде сегодняшней *Times* на шестнадцати страницах. Расправьте его широкие листья и узрите величайшее чудо эпохи — микрокосм в прообразе. Кто может распознать в его обширной поверхности, отражающей, подобно камере-обскуре, нужды, вожеления, надежды и страхи этого великого города, хронику кромвелевских времен с ее рекламой? Здесь мы видим, насколько ожесточенной является борьба двух с половиной миллионов людей за дорогое существование. Каждая реклама корчится и борется со своим соседом, и каждая фаза общества, блестящая, сломленная или тусклая, отражается на этом поле битвы жизни. Давайте отчитаем рядовых из этой армии объявлений. 24 мая 1855 года “*Таймс*” в своем обычном номере на шестнадцати страницах содержала невероятное количество 2575 рекламных объявлений. Каким бы удивительным ни казалось это общее количество, мы приходим к его полному значению только путем анализа огромного массива. Тогда, действительно, мы чувствуем, какой важной силой является великая британская общественность. В старину прихожие аристократов были переполнены поэтами, художниками, издателями, торговцами и иждивенцами всех мастей, стремящимися снискать их благосклонность; но в какой благородной прихожей когда-либо была такая толпа искателей места, слуг, литераторов и ученых, интриганов и лавочников, которые ежедневно предлагают свои услуги самому скромному человеку, который может выложить пенни за часовое прочтение “*Таймс*”? Давайте возьмем эту газету от 24 мая и рассмотрим толпу людей и вещей, которые громко кричат на ее страницах, каждый из которых пытается перекричать другой. Здесь мы видим благородную флотилию из 129 кораблей, зафрахтованных для золотых регионов, для Америки, для Индии, для Африки - фактически для каждого порта, где алчность, долг или привязанность делают британскую расу привлекательной. Другая колонка утомляет глаз своей бесконечной строкой “Хочет”. Здесь в длинном и тревожном ряду мы видим современную “швабру”, или официальную ярмарку найма; 429 слуг всех рангов, от благородной камеристки или “тщательного повара”, который снизойдет до обслуживания только там, где есть два лакея, до скромной судомойки, в тот день представили нам на проверку свои претензии. Другая колонна шумит от аукционистов; 136 из

них заявляют о своем намерении поднять свои нетерпеливые молотки, когда мы почтим их своей компанией. Здесь мы видим толпу книготорговцев, предлагающих только что вышедшие из печати 195 новых томов, многим из которых, как нас заверяет прилагаемая критика, “должно найтись место в библиотеке каждого джентльмена”. На выбор нам представлено 378 домов, магазинов и заведений; и 144 содержателя пансионатов, “леди, у которых дома больше, чем им требуется”, и медики, владеющие “ретритами”, настойчиво предлагают благородный стол и ночлег. Образование осуществляет свои притязания руками не менее 144 наставников, мужчин и женщин; в то время как волосы, кожа, ступни, зубы и внутренний человек находятся под добрым вниманием тридцати шести профессоров, обладающих безошибочными лекарствами от всех болезней, которым подвержена плоть. Остальное состоит из разногласных выкриков торговцев, чьи голоса доносятся с каждой страницы, как крики разносчиков на ярмарке. В разгар всей этой борьбы за золото, место и позитив, которая ежедневно продолжается в этом замечательном издании, крики, идущие из самых глубин сердца, страстные слезы, взрывы негодования и душераздирающие призывы поражают, когда они звучат из второй колонки на первой странице. Здесь отец издала видит своего блудного сына и бросается ему на шею; убитая горем мать умоляет своего сбежавшего ребенка вернуться; или брошенная жена ищет по всему миру своего суженого. Странно, как, когда глаз насыщается жаждой богатства, демонстрируемой остальной частью плаката, сердце трогают эти жалобные, но проникновенные высказывания, некоторые из которых мы приводим:

Однокрылая Голубка должна умереть, если Журавль не вернется, чтобы стать щитом от ее врагов.—*Времена* 1850 года.

Или вот другой, который волнует еще больше:—

Би Джей Си — Как более чем жестоко не писать. Сжальтесь над таким терпеливым молчанием.—*Times*, 1850.

Самое отвратительное объявление, которое, возможно, когда-либо появлялось в общественном журнале, мы копируем из этой статьи 1845 года. Это либо угроза похоронить не то тело в “семейном склепе”, либо обращение к мертвецу:—

Стороне, Которая размещает Его письма на Принсес-стрит, Лестер-сквер.—Ваша семья сейчас в состоянии невыносимого волнения. Вашему вниманию предлагается объявление в газете *Morning Advertiser* за среду, озаглавленное “Тело найдено утонувшим в Дептфорде”. После того, как вы признались своему другу в том, что вы могли бы сделать, он в сопровождении других лиц побывал на разложившихся останках. Черты лица исчезли, но на руке остались отметины; так что, если они не получают от вас вестей сегодня, они убедятся, что останки принадлежат их заблудшему родственнику, и будут немедленно приняты меры для помещения их в семейный склеп, поскольку им невыносима мысль о похоронах нищего.

Иногда мы видим горящие негодованием глаза, просвечивающие сквозь сами слова. Следующее, очевидно, написано старому любовнику со всей жгучей страстью обманутой женщины:

Этого достаточно; единственного человека на земле я нашел благородным. Прочь от меня навсегда! Холодное сердце и подлый дух, вы потеряли то, чего не могли купить миллионы —

империи — но что одно правдиво и благородно сказанное слово могло бы стать вашим достоянием на всю вечность. И все же вы прощены; уходите с миром: я покоюсь в моем Искупителе. — *Times*, 1 сентября 1852 г.

Иногда это более доверительная любовь, “доносящая вздох от Инда до полюса”, или, приложив палец к губам, говорящий тайно и, как он думает, надежно, посредством зашифрованных объявлений любимому человеку. Сладкое заблуждение! За границей есть злые философы, которые натягивают тетиву более тяжелого труда, выбирая ваши сокровенные мысли! Любовники, берегитесь! интриганы трепещут! Много порочных пассажей о недозволенной любви, много украденных в страхе радостей, которые проходили через вторую колонку первой страницы *Times* в виде цепочки бессвязных букв, непонятных, как думали корреспонденты, всему миру, кроме них самих, мы видели аккуратно переписанными простым, хотя и не всегда хорошим английским языком в банальных книгах этих искусных криптографов. Вот, например, эпизод из жизни “Фло”, который появился в “*Таймс*” за 1853-54 годы в качестве доказательства:

Фло. — Ты голос моего сердца! Берлин, четверг. Я уезжаю в следующий понедельник и прижму тебя к своему сердцу в субботу. Да благословит вас Бог! — 29 ноября 1853 г.

Фло.—Последнее неверно. Я повторяю это. Ты голос моего сердца. Я так одинок, я скучаю по тебе больше, чем когда-либо. Я смотрю на твою фотографию каждый вечер. Я посылаю тебе индийскую шаль, чтобы ты закуталась в нее, когда будешь спать после ужина. Она уберезет тебя от беды, и тебе должно казаться, что я обнимаю тебя. Да благословит тебя Бог! как я тебя люблю! — 23 декабря 1853 г.

Фло. — Любовь моя, я снова счастлива; это как пробуждение от дурного сна. Ты есть, моя жизнь; знать, что есть шанс увидеть тебя, услышать от тебя, сделать все возможное. [Здесь какая-то ошибка.] Я постараюсь увидеться с тобой в ближайшее время. Пиши мне как можно чаще. Да благословит тебя Бог, голос моего сердца! — 2 января 1854 г.

Фло.—Ты голос моего сердца! Как я тебя люблю! Как ты? Ты будешь лежать этой весной? Я вижу, как ты гуляешь со своей любимой. Что бы я отдал, чтобы быть с тобой! Спасибо за твое последнее письмо. Я ничего не боюсь, кроме разлуки с тобой. Ты - мой мир, моя жизнь, моя надежда. Ты больше, чем жизнь, прощай! Да благословит тебя Бог! — 6 января 1854 г.

Фло.—Боюсь, дорогая, наш шифр раскрыт: немедленно напиши своему другу “Индиан Шаль” (Р.О.), Букингом, Бакс. — 7 января 1845 г.

Объявление от 7 января написано в большом испуге и относится к обнаружению и разоблачению шифра в газете *Times*; ибо всякий раз, когда вышеупомянутые философы понимают, что секретная переписка достигла критической точки, они милосердно вставляют рекламу marplot тем же шифром. Интрига “Фло” продолжалась в цифрах, ключ к которым заключается в следующем:—

0	1	2	3	4	5	5	7	7	9	лет.	9
o.	u.	e.	o.	d.	e.	h.	a.	d.	n.		f.
s.	t.	n.	m.	r.	l.	d.	г.	ж.	п.	х.	
							с.		б.		
									в.		

Читатель, возможно, помнит другую безумно выглядящую рекламу, появившуюся в 1853 году под заголовком “Сенерентола”. Первое, датированное 2 февраля, мы интерпретируем следующим образом: —

Сенерентола, я хочу попробовать, сможешь ли ты это прочесть, и мне очень хочется услышать конец, когда ты вернешься и как долго ты останешься здесь. Напиши, пожалуйста, несколько строк, дорогая: я была очень далека от счастья с тех пор, как ты уехала.

Одна из сторон не может четко сформулировать адекватное объяснение какого—либо деликатного вопроса, поскольку 11-го числа мы находим следующее:-

Сенерентола, пока у меня не заболит сердце, я пытался сформулировать для тебя объяснение, но не смог. Молчание безопаснее всего, если никто не подозревает об истинной причине; если это так, все истории будут просеяны до дна. Ты помнишь первое предложение нашего кузена? — подумай об этом.

Следующее, появившееся 19 числа того же месяца, написано простым языком и, очевидно, является образцом рекламы *marplot*, на которую мы ссылались ранее:—

Сенерентола, что за чушь! Предложение твоего кузена абсурдно. Я дал объяснение — истинное, — которое полностью удовлетворило обе стороны - то, чего никогда не смогло бы добиться молчание. Так что хватит подобной нелепости.

Секрет этого шифра состоял в непрерывном представлении каждой буквы двадцать второй и далее. Еще один образец этих необычных рекламных объявлений, и мы закончили. 20 февраля 1852 года в *Times* появилась следующая загадочная строка:

Тиг джохв, это тиг джфиирвола, это тиг псгвв.—Ф. Д.Н.

Обычный читатель, несомненно, смотрел на эту мешанину букв с таким же озадаченным видом, какой мастиф придает черепахе на очень популярной французской бронзовой картине; но, не будучи в состоянии ничего понять из этого, перешел к более понятному содержанию статьи. Наш друг, однако, был достаточно любопытен и умен, чтобы извлечь из этого простой английский, хотя и не без особых проблем, например: —Если мы возьмем первое слово предложения, *Tig*, и поместим под его второй буквой *i* букву, которая в алфавитном порядке предшествует ему, и аналогичным образом обработаем следующие буквы, мы получим следующую комбинацию:—

T	i	g
	h	f
e		e

Читая первые буквы наклонно, мы получаем артикль “The;” если мы поступим со вторым словом таким же образом, результатом будет следующее:—

T	J	O	Ч	Ш
	я.	Н.	г.	В.
		М.	Ф.	ЕД.

Эл. Т.
сек.

которое, прочитанное таким же наклонным образом, производит слово *Times*, и все предложение, таким образом искусно разработанное, теряет свой скрытый и экстраординарный смысл, таким образом...

“*Таймс* - это Джеффрис прессы”.

Что могло побудить кого-либо взять на себя столько хлопот, чтобы таким образом нанести скрытое оскорбление ведущему журналу, мы не можем предугадать. “Восток”, “Он дул”, “Вилли и Фанни”, “Домино” и “Моя дорогая А.” не должны чувствовать себя неловко, хотя мы знаем их секреты. Мы сказали вполне достаточно, чтобы доказать этим людям, что те шифры, которые они используют, немедленно разгадываются любым специалистом в области криптографии; действительно, все системы письма, которые зависят от превращений букв алфавита или замены букв цифрами, такие, какие мы обычно находим в *Times*, являются просто головоломками для детей и не достойны более хитрых или сведущих в искусстве.

При всей осторожности, проявляемой утренними газетами в целях предотвращения размещения мошеннической рекламы, не следует ожидать, что мошенникам время от времени не удастся воспользоваться их большим тиражом для распространения своих собственных гнусных схем. Сэр Роберт Карден только что оказал добрую услугу, отправив на землю мистера Финна, который в течение многих лет роскошно жил за границей за счет бедных гувернанток, которых ему удалось сделать жертвами с помощью рекламных колонок *Times*. Сердце сжимается при виде потока бедных молодых леди, которых его обещания протащили через весь континент, и последствий, которые могли возникнуть из-за того, что они таким образом отдали свою репутацию, а также свои деньги в его власть. Такие скандальные ловушки, как эти, конечно, редки; но газеты полны мелких ловушек, в которые постоянно попадают неосторожные люди, иногда с широко открытыми глазами. К последнему классу относятся брачные объявления; вот образец одного из самых искусных в своем роде, какие мы когда-либо видели:

Девушкам удачи —вступление в брак.Холостяк, молодой, любезный, красивый, из хорошей семьи, привыкший вращаться в высших слоях общества, стеснен своими обстоятельствами. Женитьба - его единственная надежда на спасение. Это объявление размещено одним изего друзей. Неблагодарность никогда не входила в число его недостатков, и он будет учиться всю оставшуюся жизнь, чтобы доказать свою оценку оказанного ему доверия.—Адрес, оплаченный по почте, Лос-Анджелес, Кинг—стрит, 47, Сохо.-Примечание.Б. Остроты писак-кокни не приветствуются.

Атмосфера искренности и захватывающий портрет красивого холостяка, сама бедность которого превращается в очарование, искусно притворены. Объявление гораздо менее лестного характера, но, вероятно, более искреннего и благородного характера, было опубликовано в *Blackwood* некоторое время назад, которое мы прилагаем, поскольку, подобно фотографиям собак Ландсира, они образуют пару с большой буквы, иллюстрирующую высшую и низшую жизнь.

Брачная реклама. Настоящим я уведомляю всех незамужних женщин, что мне, Джону Хобнейлу, на момент написания этой статьи исполнилось сорок пять, я вдовец и мне нужна жена. Чтобы никто не ошибся, у меня есть хороший коттедж с парой акров земли, за который я плачу 2л. в год. У меня пятеро детей, четверо из них достаточно взрослые, чтобы работать; три ломтика бекона и несколько поросят, готовых к продаже. Я бы хотел, чтобы у меня была женщина, способная вести хозяйство в мое отсутствие. Я не хочу второй семьи. Ей может быть от сорока до пятидесяти, если она захочет. Было бы предпочтительнее найти хорошую женщину, которая заботилась бы о свиньях.

Следующее тоже имеет значение, но выглядит подозрительно:—

Женитьба на модистках и портнихах. Молодой человек, собирающийся ЭМИГРИРОВАТЬ в Южную Австралию, был бы счастлив заключить союз с молодой женщиной из вышеуказанной линии, обладающей имуществом в размере 60фунтов или 100фунтов. Любой желающий, подав заявление письмом (с оплатой по почте) по адресу Т. Холл, Аппер-Темз-стрит, 175, до следующей субботы, назначив собеседование, может рассчитывать на оперативное внимание и строгую секретность.— *Times*, 1845.

Матримониальная приманка настолько очевидно хороша, что в последние годы мы видим рекламу учреждений, в которых регулярно хранятся списки кандидатов на вступление в брак, как мужчин, так и женщин, вместе с портретами и бухгалтерской книгой, в которую аккуратно заносятся денежные и умственные данные. Однако такие рекламные объявления годятся только для самых вопиющих глупостей; но есть и другой класс рекламных объявлений, которые опустошают карманы трудолюбивых и честолюбивых людей в очень рабочей манере: мы ссылаемся на такие, как следующие: —

Джентльмены, имеющие респектабельный круг знакомств, могут услышать о способах УВЕЛИЧЕНИЯ своего ДОХОДА без малейшего финансового риска или о том, что (по какой-либо случайности) их чувства будут задеты. Обратитесь за подробной информацией в письме с указанием их должности и т.д. по адресу WR, 37, Уигмор-стрит, Кавендиш-сквер.

Джентльменам, чьи чувства настолько деликатны, что их ни в коем случае нельзя задевать, которые, тем не менее, жаждут наживы, мы рекомендуем не обращаться к таким лицам, если только они не желают получить за свои труды что-то вроде схемы, которая была передана человеку, откликнувшемуся на объявление (приложенное, как указано, к тридцати почтовым маркам) *веженедельном журнале "Ллойд"*, озаглавленное "Как зарабатывать 2фунта в неделю затратив 10фунтов":—

“Сначала купите 1 центнер картофеля крупного размера, который можно приобрести за 4с., затем купите большую корзину, которая обойдется, скажем, еще в 4с., затем купите фланелевое покрывало на 2с., и это составит ваш товарный запас, общая стоимость которого составляет 10с. Картофель крупного размера весит около полфунта, следовательно, в килограмме содержится 224 картофелины.

“Каждый вечер относите половину указанного выше количества картофеля в пекарню и запекайте его; когда картофель приготовится должным образом, положите его в свою корзинку, хорошо завернув во фланель, чтобы он оставался горячим, и выставляйте на продажу по одному пенни за штуку. Numbers будут рады приобрести их по этой цене, и вы наверняка сможете продавать половину килограмма. каждый вечер. Из приведенного ниже расчета вы увидите, что

таким образом вы сможете зарабатывать 2л. в неделю. Лучший план - часто бывать на самых оживленных магистралях и хорошо использовать свои легкие; таким образом, давая людям знать, что у вас есть на продажу. Вы также могли бы заезжать в каждый трактир по пути и заручаться покровительством клиентов, многие из которых наверняка купили бы у вас. Если у вас слишком много гордости, чтобы заниматься бизнесом самостоятельно (хотя никто не должен стыдиться честного занятия), вы могли бы нанять мальчика за несколько шиллингов в неделю, который выполнял бы всю работу за вас, и вы все равно могли бы получать солидную прибыль еженедельно.

“Следующий расчет доказывает, что 2л. в неделю можно заработать, продавая печеный картофель:—

“1 ц., содержащи е 224 картофель, проданные в два вечера, в 1Д. каждый	£0	18	8
вычесть затраты	0	4	0
	£0	14	8
			3
шесть вечерами продажи	£2	4	0
Бейкер платить по ставке 8д. на вечер для выпечки картофелем	0	4	0
прибыли в неделю	£2	0	0”

Еще один образец подобных приманок для пескаря, и мы закончили. Мы часто видим обращения к доброжелателям с просьбой одолжить небольшие суммы. Некоторые из них, несомненно, написаны невинными людьми, попавшими в беду, которые верят в хорошую сторону человеческой натуры; и нам дали понять, что во многих случаях эта слепая уверенность не была напрасной; ибо в наши дни многие самаритяне читают газеты и испытывают романтическое удовольствие, откликаясь на подобные призывы: в то же время мы опасаемся, что подавляющее большинство из них являются грубым обманом. Подлинное нытье “бедного разорившегося торговца”, который имеет привычку посещать наши тихие улочки и очень

торжественным голосом просить “моих братьев” одолжить ему какую-нибудь мелочь, в то время как он с тревогой осматривает витрины в поисках полпенса, прослеживается, например, в следующем холодном обращении:

К доброжелательным. Молодой торговец в результате ряда несчастий оказался доведен до мучительной необходимости просить ничтожную СУММУ, которая позволила бы ему собрать 10 фунтов стерлингов, чтобы спасти себя от неизбежного разорения и бедности; или, если бы какой—нибудь джентльмен одолжил вышеуказанную сумму, она была бы добросовестно возвращена. Удовлетворительные ссылки на подлинность этого дела.—Направляйте А.З., мистеру Ригби, на почту, Майл-энд-роуд.

Тогдашний канцлер казначейства постоянно подтверждает получение денег за совесть в рекламных объявлениях, и суммы, которые таким образом поступают в Казну, ни в коем случае не являются незначительными. Это благородно для человеческой природы, среди всего того мошенничества, которое мы разоблачили, обнаружить, что время от времени чья-то совесть задевается из-за очень незначительного вопроса, и что часто на это идут большие хлопоты и немалые расходы, чтобы другие не пострадали из-за непреднамеренности или беспечности рекламодателя. Ниже приведен изящный пример:—

Кучерам наемных экипажей.— Примерно в марте прошлого года джентльмен из провинции сел в карету на Финсбери-сквер и случайно разбил стекло в одном из ее окон. Будучи в то время нездоровым, он забыл об этом обстоятельстве, когда выходил из кареты, и теперь для него было бы большим облегчением оказаться в ситуации, когда придется заплатить за это кучеру. Если это попадет на глаза человеку, который управлял дилижансом, и он подаст заявление в А. В. в отель Walker's Hotel, Дин—стрит, Сохо, в любое утро на следующей неделе, до одиннадцати часов, этому будет уделено должное внимание.—*Times*, 1842.

Наиболее любопытные рекламные объявления, которые время от времени появляются в публичных журналах, но особенно в *Times*, не поддаются классификации; более того, их так много, что если бы нам пришлось прокомментировать хотя бы десятую часть из тех, что появились за последние шесть лет, мы бы намного превысили рамки этой статьи. Поэтому мы не приносим извинений за то, что собрали воедино следующую очень странную партию:—

Вам нужен слуга? — Необходимость подсказывает вопрос.—Рекламодатель ПРЕДЛАГАЕТ свои УСЛУГИ любой леди или джентльмену, компании или другим лицам, нуждающимся в действительно верном доверенном слуге в любом качестве, не являющемся чернорабочим, где были бы доступны практические знания человеческой природы в различных частях мира. Мог бы взяться за любое дело небольшой или большой важности, где были бы необходимы талант, нерушимая секретность или хорошее обращение. Вращался в лучших и худших обществах, не заразившись ни тем, ни другим; никогда не был слугой; просит рекомендовать себя как человека, знающего свое место; высокоморальен, умерен, средних лет; не возражает против любой части света. Мог бы проконсультировать любого капиталиста, желающего увеличить свой доход и получить контроль над своими собственными деньгами. Мог бы выполнять функции секретаря или камердинера любой леди или джентльмена. Может давать советы или придерживать язык, петь, танцевать, играть, фехтовать, боксировать или произносить проповедь, рассказывать истории, быть серьезным или веселым, смешным или возвышенным, делать что угодно, от закручивания перучек до штурма цитадели, но никогда не превзойти своего хозяина. —Адрес: А.В.С., 7, Литтл—Сент-Эндрю-стрит, Лестер-сквер. -*Times*, 1850.

Полуночный рев Могущественного Ангела. — “Се, Жених грядет, выходите навстречу ему”. Этот ужасный крик, как показано, очень скоро будет услышан, а именно: в начале “великого дня (или года) Божьего гнева”, или последнего из 2300 дней (или лет) в пророчестве Даниила. Авторами книги “Доказательства второго пришествия Мессии на Пасху в 1848 году”. Цена 6д. Четвертое издание.

Это магглтоновское пророчество о разрушении мира в определенный день. Однако предсказание не сбылось, и пророк счел необходимым объяснить причину: —

Полуночный рев могущественного ангела.—Авторы, из-за своего разочарования, самым тщательным образом исследовали его причину и немедленно объявляют о его открытии. Видение Даниила в главе 8 рассчитано на 2300 лет, до конца которых (см. 5-12) “малый рог” должен был действовать и процветать, после чего наступает год Божьего гнева, который ошибочно был включен в число 2300 лет, и, таким образом, полуночный крик прозвучит на год позже, чем указано.—*Times*, 1851.

П.К.: Как поживает ваша мать? Я не буду расспрашивать дальше и вынужден отказаться от упоминания побочных ветвей семьи.—*Times*, 1842.

Вдовцам и одиноким джентльменам.—Леди ЖЕЛАЕТ ПОЛУЧИТЬ ДОЛЖНОСТЬ, позволяющую руководить домашним хозяйством и председательствовать за столом. Она приятная, подобающая случаю, осторожная, желанная, англичанка, шутливая, щедрая, честная, трудолюбивая, рассудительная, проникательная, живая, веселая, изящная, послушная, философски настроенная, тихая, регулярная, общительная, со вкусом подобранная, полезная, жизнерадостная, женственная, античная, юная, ревностная и т.д. —Адрес, X.Y.Z., Библиотека Симмонда, Эджвер—роуд.—*Times*.

Титул Древнего барона. Мистер Джордж Робинс уполномочен ПРОДАТЬ ТИТУЛ и ДОСТОИНСТВО БАРОНА. Происхождение семьи, ее древнее происхождение и прославленные предки будут полностью раскрыты только тем, кто пожелает обладать этим выдающимся званием за незначительную сумму в 1000 фунтов стерлингов. Рынок в Ковент-Гардене.— *Times*, 1841.

Почтовые марки. Молодая леди, желавшая покрыть свою гардеробную погашенными ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ, была настолько воодушевлена в своем желании частными друзьями, что ей удалось собрать 16 000 долларов! однако, поскольку этого недостаточно, она будет очень признательна, если какие-нибудь добродушные люди, в распоряжении которых могут быть эти (в противном случае бесполезные) маленькие предметы, помогут в ее причудливом проекте. Адрес: ED, дом мистера Батта, гловер, Лиденхолл-стрит; или дом мистера Маршалла, ювелир, Хакни.—*Times*, 1841.

К театральной профессии.—ТРЕБУЮТСЯ для Летнего театра и гастролей Исполнительница главной роли, Поющая горничная, Первый комик низкого уровня, Грузный Мужчина, Джентльмен с прогулкой и один или два джентльмена для работы. Откроется 9 июля.

Адрес (с маркой для ответа) мистеру Дж. Виндзору, Королевский театр, Престон, Ланкашир. — *Эра*, 1 июля 1855 г.

Хотел, чтобы Мужчина и его жена ухаживали за Лошадью и Молочной Фермой с религиозным складом ума без каких-либо обременений.

Разнообразие, пожалуй, столь же поразительно, как и количество рекламных объявлений в *Times*. Подобно хоботу слона, любая материя кажется слишком мелкой или слишком гигантской, слишком нелепой или слишком печальной, чтобы быть прославленной гигантом с Типографской площади. Достаточно тонкого правила, чтобы отделить призыв к миллионному займу от печального слабого крика обездоленной благородной женщины, которой позволено быть рабыней в детской “ради дома”. Неистовая любовь шлет свой голос, умоляющий, по всему миру вслед за неуклюжим мальчиком, бок о бок с объявлением о приземлении груза живой черепахи или открытки с изображением жука-убийцы. Бедная леди, которая дает объявление о найме пансионеров “просто ради общества”, обнаруживает, что ее “нужда” соседствует с каким-то магглтоновским объявлением, безвозмездно рассчитанным на то, чтобы полностью расколоть общество, о том, что конец света наступит к середине следующего месяца. Или читателю сообщают, что за двенадцать почтовых марок он может узнать, “Как сколотить определенное состояние”, прямо напротив предложения о бонусе в 500 фунтов стерлингов. Любому, кто добьется для рекламодателя “положения в правительстве”. *The Times* отражает каждое желание и апеллирует ко всем мотивам, которые влияют на наше сложное общество. И почему он это делает? Из-за его повсеместности: куда бы мы ни пошли, там, подобно домашней мухе или воробью, мы его и находим. Привратник читает ее в своем кресле-улье, хозяин в своей библиотеке; Грин, мы не сомневаемся, уносит ее с собой в облака на своем воздушном шаре, а угольщик читает ее в глубине шахты; рабочий за своим верстаком, жилец в своем двухместном кресле, золотоискатель в своей яме и солдат в траншее вглядываются в ее широкие страницы. Свежая из печати или месячной давности, она все еще читается. О том, что это, по преимуществу, национальная газета, и она больше, чем любая другая, отражает жизнь народа, можно заключить из ее тиража. В кабинете редактора они показывают необычную диаграмму, на которой неровной линией обозначен тираж изо дня в день и из года в год. На этом листе порывы политических чувств и давление народного возбуждения обозначены так же точно, как сила и направление ветра показываются саморегистрирующим аппаратом в комнатах Ллойда. Таким образом, мы обнаруживаем, что в 1845 году его тираж был практически нулевым - 23 000 копий в день. В 1846 году — на один день, 28 января, в тот день, когда появилось сообщение о заявлении сэра Роберта Пила относительно хлебных законов, — оно достигло огромного пика в 51 000 человек, а затем снова упало до прежнего уровня. Он начал 1848 год с 29 000 человек и вырос до 43 000 29 февраля — на следующий день после Французской революции. В 1852 году начальный тираж составлял 36 000 экземпляров, и 19 ноября, в день выхода “Мемуаров великого герцога”, было продано 69 000 экземпляров, и он достиг наивысшей точки, которой когда-либо достигал. В январе 1853 года этот уровень возрос до 40 000 экземпляров, а в начале текущего года он составлял 58 000, и с тех пор тираж увеличился до 60 000 экземпляров в день! Несмотря на все тревожные причины, из-за которых линия его циркуляции имеет вид холмов и долин, иногда переходящих в альпоподобные возвышенности, его обычный уровень в начале каждого года в течение некоторого времени в прошлом постоянно повышался; настолько, что в течение десяти лет его циркуляция более чем удваивалась на 7000 в день.

Этот энергичный рост является истинной причиной того замечательного количества рекламных объявлений на его страницах, которые переросли во вторую газету, или приложение, как ее раньше называли. В том, что этот успех был достигнут справедливо, мы сами никогда не сомневались; но нам стал известен факт, который довольно ясно докажет, что эта великая

газета работает на принципах, которые превыше простых денежных соображений; или, скорее, ее операции настолько масштабны, что она может позволить себе нанести себе денежные потери, такие, которые уничтожили бы любой другой журнал, чтобы следовать совершенно свободному курсу. В 1845 году, когда железнодорожная мания была в самом разгаре, рекламный лист *Times* был переполнен прогнозируемыми линиями, и, как мы помним, в то время высказывалось много предположений относительно их вероятной стоимости; но какими бы высокими ни были оценки в целом, они были далеки от истины. Мы предоставляем денежные и кредитные возвраты по рекламным объявлениям всех видов в течение девяти недель:—

Сентябрь.	6	£2839	14	0
"	13	3783	12	0
"	20	3935	7	6
"	27	4692	7	0
октября.	4	6318	14	0
"	11	6543	17	0
"	18	6687	4	0
"	25	6025	14	6
ноября.	1	3230	3	6

В течение большей части того времени, когда владельцы пожинали этот великолепный урожай народного безрассудства, самые тяжелые орудия ежедневно пускались в ход с передовых колонн по пузырям, которые так густо вздымались на рекламных листах. Эффект от их возгорания можно оценить по падению почти 3000 *литров.* в возвратах за одну неделю. Журнал, который мог позволить себе пожертвовать таким доходом ради своей независимости, безусловно, заслуживал некоторого внимания со стороны правительства; но, напротив, он, по-видимому, был выделен из числа раздражающих законом, который касается газет. На наших лужайках мы видим определенные деревья, чьи устремленные ввысь ветви искусные садовники направили вниз и научили удерживать себя в зависимом состоянии, нагружая их конечности грузом. Садоводы штата применили то же самое к рассматриваемому журналу, наклеив лишнюю марку в полпенни на каждый экземпляр его выпуска — процедура, которая, по нашему мнению, столь же несправедлива, сколь и неблагоприятна: и в этом они убедятся в будущем, когда толпа похожих на комаров дешевых журналов, вызванных этой мерой и поддерживаемых самой жизнью ведущего журнала, начнет набирать силу и атаковать виггеров своим демократическим жужжанием.

Мы остановились главным образом на рекламном листе "*Таймс*", потому что он является воплощением того же во всех других журналах. Следует, однако, упомянуть, что некоторые утренние и еженедельные газеты публикуют объявления о занятиях. Таким образом, "*Морнинг пост*" монополизирует все, что связано с модой и светской жизнью; а "*Морнинг рекламодатель*", газета лицензированных производителей продуктов питания, собирает в себе каждое объявление, относящееся к их ремеслу. *Жизнь Белла* - это сплошная реклама различных видов спорта; *эпоха* велика для всех театральных представлений; *Атенеум* собирает в себе значительную долю книжной рекламы. "*Иллюстрированные новости*" среди еженедельников, как и "*Таймс*" среди ежедневных изданий, на голову выше их всех. Тираж газеты в 170 000 экземпляров привлекает на ее страницы гораздо более космополитичную

подборку объявлений, чем может похвастаться любой из ее современников. Мы ничего не сказали об объявлениях в провинциальных журналах, но отраднo обнаружить, что они более чем соответствуют тем, которые появлялись в столичных газетах. Об их огромном росте лучше всего свидетельствует доходность рекламного сбора; из которого следует, что в 1851 году в журналах Великобритании и Ирландии было опубликовано не менее 2 334 593 рекламных объявлений — число, которое значительно увеличилось с тех пор, как налог на них был отменен.

Любопытно увидеть оценку, которую различные журналы присваивают себе как средствам рекламы, сравнивая свои сборы за одну и ту же рекламу. Таким образом, содержание *Quarterly Review* за январь 1855 г., совершенно аналогичное по объему, было выставлено за размещение в качестве рекламы различными газетами следующим образом: — *Times*, 4.; *Illustrated News*, 1л. 8 с.; *Morning Chronicle*, 5.6 с.; *Morning Post*, 6 с.; *Daily News*, 5.6 с.; *Spectator*, 7 с. 6 с.; *Morning Herald*, 6 с.; *Punch*, 15 с.; *Observer*, 9s. 6d.; *Английский церковник*, 5s. 6d.; *Экзаменатор*, 3s. 6d.; *Джон Буль*, 5s. 6d.; *Аменеум*, 10s. 6d. *Times*, правда, не “показывала” рекламу, как все остальные, и поэтому втиснула ее в половину пространства; но с этой разницей ее стоимость была абсолютно самой низкой в списке, за единственным исключением цены *Examiner*. Как объяснить такую умеренность со стороны Ведущего журнала, мы не знаем; но очевидная дороговизна *Иллюстрированных новостей* находит готовое решение и дает нам возможность показать, насколько сильно себестоимость рекламы, особенно при нынешних высоких ценах на бумагу, увеличивается за счет значительного увеличения тиража газеты, в которой она появляется, и что рекламодатель действительно получает за свои деньги. Если мы возьмем рекламу нашего содержания (*Ежеквартальный обзор*), то обнаружим, что она имеет толщину около одного дюйма; тогда очевидно, что мы должны умножить этот показатель на 170 000, количество отдельных экземпляров, в которых она появилась. Теперь 170 000 дюймов дают полосу печатной бумаги шириной с газетную колонку — *более двух миль и трех четвертей в длину!* Таким образом, мы имеем представление о реальном объеме рекламы, который возможен в крупном журнале; и с таким замечательным заявлением будет хорошо закрыть нашу статью.

ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И ИХ ФАЛЬСИФИКАЦИИ.

Рассказывается история об одном европейце, который, желая убедить брамина в безрассудстве его веры в запрещение употреблять в пищу все, что когда-то обладало жизнью, показал ему с помощью микроскопа, что сама вода, которую он пил, была полна живых существ. Индеец, внезапно попавший в невидимый мир, швырнул инструмент на землю и упрекнул своего учителя в том, что тот так бессмысленно разрушил руководящий принцип его жизни. У нас тоже есть дома индус в лице верующей британской публики, для которого доктор Хэссалл умело настраивает фокус своего микроскопа и предлагает ему увидеть, какие невиданные злодеяния ежедневно совершаются с его кошельком и личностью.

Мир в целом почти забыл знаменитую работу Аккума “Смерть в горшке”; с тех пор, как она была написана, действительно выросло новое поколение, а торговцы-мошенники и фабриканты продолжали молча и, до сих пор, в безопасности подделывать продукты питания и обчищать карманы людей. Какими бы поразительными ни были откровения, содержащиеся в этой замечательной книге, тем не менее, они не оказали особого эффекта на исправление выявленных в ней злоупотреблений. Всеобщие обвинения в адрес бакалейщиков не касались представителей этого ремесла, и, следовательно, они не стремились улучшить качество своих товаров. Комиссия “Ланцета” приступила к работе по-другому. В Турции, когда в старину ловили пекаря, дающего ложный вес или фальсифицирующего “жезл жизни”, ему прибивали ухо к дверному косяку, “поощряя авторство”. Доктор Хэссалл, подобно современному Аль-Рашиду, сам обходил город или посылал своих надежных агентов закупать товары, над каждым из которых работал неумолимый микроскоп, и за каждый поддельный образец, после надлежащего уведомления, его продавец навечно попадал на страшные страницы отчета Комиссии. Таким образом, была получена прямая ответственность. Если разоблаченная фальсификация не была делом рук продавца, он был рад переложить вину на производителя; и таким образом правда выходила наружу.

Внезапный выстрел из ружья по птичьему гнезду не мог бы вызвать большего переполоха, чем эта публикация имен нечестных торговцев; и дневной свет, когда вы поднимаете камень, не пугает уродливых и отвратительных существ быстрее, чем луч света, пробивающийся через линзу в четверть дюйма, поражающий своим неприкрытым уродством тысячу и одно запрещенное вещество, которые в той или иной степени входят в каждое описание пищи, которую стоит подделать. Более того, искусство фальсификации пищевых продуктов достигло такой степени утонченности, что сами продукты, используемые для фальсификации, фальсифицируются; и в то время как один торговец обчищает карманы своих покупателей, еще более хитрый мошенник, сам того не подозревая, по уши в своих собственных!

Способ фальсификации пищевых продуктов зависит не только от степени, но и от вида. Самое простое из всех изысков и самое безвредное - это смесь низших качеств одного и того же вещества. Действительно, если бы взимаемая цена соответствовала качеству, это вообще не было бы мошенничеством; но такая корректировка имеет место редко. Во-вторых, сочетание более дешевых изделий другого вида. В-третьих, тайное введение веществ, которые при употреблении в больших количествах наносят ущерб здоровью; и, в-четвертых, подмешивание самых смертоносных ядов с целью улучшения внешнего вида “подделанного” изделия.

Только микроскоп способен за одну операцию выявить природу и масштабы более безобидного, но общего из этих мошенничеств. Когда однажды исследователь с помощью этого инструмента знакомится с конфигурациями различных видов одних и тех же химически составленных веществ, он вооружается гораздо большей детективной силой, чем могли бы предоставить ему химические агенты. Пробирка не в силах показать разуму различные формы животной и растительной жизни, которые существуют в нечистой воде; какими бы деликатными ни были ее свойства, она не смогла бы указать на присутствие сахарного насекомого или безошибочно отличить смесь обыкновенной маранты обыкновенной с более тонкой примесью. Химия вполне способна определить составные части любого изделия: каковы определенные формы и природа различных ингредиентов, входящих в смесь, на это она не может так легко ответить. Это может быть достигнуто сразу же с помощью микроскопа; и в его нынешнем применении заключается преимущество доктора Хэссалла перед всеми предыдущими

исследователями в той же области. Точность, с которой он способен описать результат своих трудов, не оставляет желать лучшего: он демонстрирует читателю интимную структуру кофейных зерен и дубовых или махагоновых опилок; а затем представляет образец того и другого вместе взятых, который продается под названием *genuine Mocha*. Многие производители и розничные торговцы, которые были уличены в фальсификации продуктов питания для населения, пригрозили судебными исками; но все они дрогнули перед испытанием этого безошибочного инструмента.

Система фальсификации настолько широко распространена и охватывает так много продуктов повседневной трапезы, что мы едва ли знаем, с чего начать - какой уголок завесы приподнять в первую очередь. Давайте, например, возьмем в руки графинчик и проанализируем его содержимое. Есть горчица, перец (черный и кайенский), уксус, анчоусы и соус Харви — так думает ничего не подозревающий читатель; давайте покажем ему, что еще есть помимо этого. Начнем с горчицы. “Лучший Дарем”, или “Дарем высшего помола”, несомненно, для этого его и покупали; но мы вкратце отвергнем это вещество, заявив, что его вообще невозможно получить в чистом виде: из сорока двух образцов, купленных доктором Хэссаллом как в лучших, так и в более дешевых магазинах, все были более или менее фальсифицированы пшеничной мукой для массы и куркумой для цвета. Уксус также подвергается двойной фальсификации. Сначала его разбавляют водой, а затем добавляют серную кислоту, чтобы придать ему остроту. Небольшое количество этой кислоты разрешено законом, и производители часто утворяют ее количество. Клещевина перечная - еще один оплот мошенничества — мошенничества, практикуемого так давно и открыто, что мы сомневаемся, что подавляющее большинство преступников вообще думают, что поступают неправильно. Среди более мягких форм обработки, которым подвергается это изделие, можно найти такие ингредиенты, как пшеничная мука, молотый рис, молотые семена горчицы и льняная мука. Бакалейщик придерживается определенной сдержанности в отношении общего количества продуктов, которые он использует для порчи своих товаров; но перец, как он, по-видимому, считает, предоставлен ему публикой для “приготовления” любым способом, который он сочтет нужным. Это он почти неизменно делает, добавляя то, что в торговле известно как P.D., или перечная пыль, она же отходы со складов с перцем. Но есть еще более глубокая проблема: P.D. - слишком подлинный товар для некоторых рынков, и, соответственно, его смешивают с D. P.D., или перцовой пылью.

Недавно вышедшая небольшая книга под названием “Успешный торговец”, в которой излагается подробная торговая история джентльмена, очень уважаемого в Бристоле, Сэмюэля Баджетта, эсквайра, дает нам отрывок, касающийся этого П. Д., который заслуживает внимания.

“В первые дни жизни мистера Баджетта, “ говорит его биограф, - перец облагался высокими налогами, и в торговой универсальной традиции говорилось, что от торговли все ожидали, что перец будет смешанным. В магазине стояла бочка с надписью P.D., содержащая что-то *очень* похожее на перечную крошку, с которой обычно смешивали перец перед отправкой на всеобщее обозрение. Торговая традиция обеспечила апокрифическому П. Д. место среди стандартных товаров магазина, и в силу этой традиции люди, считавшие себя честными, продавали его за перец. Но по мере того, как Сэмюэл шел по жизни, его представления о торговой морали становились все более ясными; этот полицейский участок начал доставлять ему большой дискомфорт. Он думал об этом до тех пор, пока не убедился, что после всего, что можно было сказать, все было неправильно: придя к такому выводу, он почувствовал, что

никакое благословение не может снизойти на это место, пока оно там находится. Он немедленно постановил, что полиция должна погибнуть. Была ночь; но он вернулся в лавку, взял лицемерную бочку, отнес ее в каменоломню, затем расколол ее и разбросал П. Д. среди комьев, шлака и камней ”.

Если бы мы могли сказать, что снижение налога на перец стимулировало честность других бакалейщиков играть ту же роль, что и мистер Баджетт; но П. Д. процветает так же вопиюще, как и прежде; и если бы каждый владелец этого товара в Лондоне ставил свои бочки на проезжую часть так же добросовестно, как это делал "преуспевающий торговец", у мусорщиков была бы тяжелая работа. Во времена Аккума было обычным делом изготавливать горошины перца из промасленной лепешки из льняного семени, глины и кайенского перца, формованных в массу, а затем гранулированных: эти поддельные зерна смешивались с настоящими на семнадцать процентов. Мы рады сообщить, что от такой формы навязывания, как использование деревянных мускатных орехов нашими американскими друзьями, уже давно отказались. Фальсификации, о которых мы упоминали, просто грязные и мошеннические; но в графине с кайенским перцем мы находим, кроме того, смертельный яд. Из двадцати восьми образцов, представленных на экспертизу, не менее двадцати четырех были фальсифицированы семенами белой горчицы, кирпичной крошкой, солью, молотым рисом и *древесными опилками* для придания массы; но поскольку все они имеют тенденцию осветлять цвет, необходимо довести его до требуемого оттенка. И что для этого используется? Слушайте и трепещите, старые индейцы и любители блюд с высокой приправой - с СВИНЦОВЫМ КРАСИТЕЛЕМ. Из двадцати восьми образцов свинцовый краситель, *и часто в ядовитых количествах*, присутствовал в тринадцати! Кто знает, сколько "желтых адмиралов" в Бате пали жертвами их коктейлей с кайенским перцем? Нельзя также сказать, что небольшое количество, принятое за раз, не могло нанести постоянного вреда, поскольку свинец относится к классу ядов, действие которых кумулятивно.

Тот, кто любит кайенский перец, как правило, любит порошок карри; и здесь также в больших количествах содержится ядовитая окись. Несколько лет назад некий любезный герцог рекомендовал трудящемуся населению в период голода принимать щепотку этой приправы каждое утро перед выходом на работу, поскольку она "согревает и успокаивает желудок". Если бы они последовали его совету, тринадцать из каждых двадцати восьми человек проглотили бы медленный яд. Те, кто имеет привычку употреблять карри, обычно употребляют его в значительных количествах, и, таким образом, злодейская фальсификация играет более смертоносную роль, чем даже в кайенском перце. Представьте себе человека, который годами упорно красит свой живот свинцово-красной краской! Мы не знаем, доказывает ли медицинская статистика, что паралич широко распространен среди "набобов", но в этом мы можем быть уверены, что не могло быть более плодотворного источника его, чем два названных нами излюбленных возбуждающих средства.

Основные продукты питания не подвергаются фальсификации в той же пропорции, что и многие другие продукты, пользующиеся незначительным спросом. Едва ли нужно говорить, что мясо не употребляется до тех пор, пока оно остается в состоянии сочленений; но как только оно приготовлено в любой форме, в которой могут быть скрыты его первоначальные волокна и форма, начинает действовать дух ремесла. Например, у публики всегда были определенные предубеждения против сосисок и полоний; и, если верить свидетелю, допрошенному под присягой перед комиссарами рынка Смитфилд в 1850 году, не без оснований. Очень старая

шутка гласит, что в радиусе двадцати миль от Эппинга не найти ни одного живого осла; но если все ослиное племя в Англии станет жертвой мясорубки, мы сомневаемся, смогут ли они снабжать *заведения по производству колбасных изделий "а-ля мод", "полони"*. Харпер, например, находясь под наблюдением, на вопрос, что стало с зараженным мясом, привезенным в Лондон, ответил:

Его покупают в закусочных, колбасных мастерских, *влавках по приготовлению* говядины и мясных пирогов по-домашнему и т. Д. По-моему, есть одна столовая, где продают большое мясо на пятьсот фунтов в неделю. У этой фирмы большая *внешняя* торговля [слава богу!]. Торговля больным мясом вызывает большую тревогу, поскольку все, что имеет форму мякоти, может продаваться примерно по одному пенни за фунт или по восьми пенсам за косточку.... Я уверен, что если бы в окрестностях Лондона валялась сотня трупов коров, я смог бы продать их все в течение двадцати четырех часов: *не имеет значения, от чего они умерли*".

Не следует воображать, что *а-ля модный* интерес к говядине обеспечивается этой падалью нуждающимися людьми, чьи потребности могут в какой-то степени смягчить их порочные деяния. В доказательство этого мы приводим далее свидетельство мистера Харпера. Отвечая на вопрос: "Производится ли в стране забой некачественного мяса для поставок на лондонский рынок?" он говорит: "

"Лондонский рынок в большом количестве снабжается больным мясом из страны. В Лондоне есть три страховых бюро, в которых скотоводы могут застраховать своих животных от болезней. В одной из таких контор существовала практика отправлять нездоровых животных, умирающих от болезней, на их собственные бойни, расположенные в ста шестидесяти милях от Лондона, для разделки и отправки на лондонский рынок.... Крупный рогатый скот, овцы и т.д. застрахованы от всех видов болезней; и одно из условий заключается в том, что больное животное в случае смерти становится собственностью страховой компании, при этом страхующая сторона получает две трети стоимости животного и одну треть утилизированного имущества; или, другими словами, одну треть суммы, за которую животное продается мертвым".

Когда его спросили: "Как вы думаете, у этой компании все еще сохранился обычай отправлять больных животных в Лондон?" он ответил: —

" Да, знаю; до недавнего времени их регулярно передавали продавцу мяса на Ньюгейтском рынке по имени Мэтьюз.... Большие количества продаются людям, которые готовят из него суп, мясные пироги, сосиски и так далее".

Мы не желаем портить обычно здоровый аппетит людей, посещающих такие магазины, каким-либо безвозмездным разоблачением; но мы задаемся вопросом, стал бы самый голодный метельщик перекрестков смотреть еще с вождением на огромные немецкие сосиски, какими бы сочными и аппетитными они ни казались, если бы, подобно мистеру Харперу, он знал о слишком вероятном происхождении их содержимого. Единственными другими продуктами из мяса, которые могут быть подвергнуты фальсификации, являются мясные консервы. Несколько лет назад "дело с канистрами Голднера" так возбудило общественность против этого бесценного метода хранения портящихся продуктов питания, что с тех пор против него существует предубеждение; и более бессмысленного предубеждения быть не может. Процесс Голднер, поскольку принятые гг. Купер и Авес, проста и красива. Провизию укладывают в

жестяные банки с запаянными крышками, погружают до горлышка в ванну с хлоридом кальция (препарат, который впитывает сильный жар, не доводя до кипения), и их содержимое быстро готовится; в то же время весь воздух из мяса и часть воды удаляются в виде пара, который выходит через небольшое отверстие в крышке. Как только повар убедится, что процесс завершен, он закрывает отверстие пробкой из припоя, и масса, таким образом, герметично закрывается. Отсутствие доступа воздуха и свертывание белка - вот два условия, которые позволяют нам передавать мясо с самым нежным вкусом отдаленным поколениям — фактически до тех пор, пока прочная окрашенная жестяная канистра может сохранять себя неповрежденной от окислительного воздействия атмосферы. Недавно мы сами отведали крылатой утки и молока, полученного от коровы, еще восемь лет назад. Плоды, собранные в то время, когда все еще продолжалась борьба за свободную торговлю, показались нам такими нежными на вкус, как будто их только что сорвали с ветки. Из множества ящиков со всевозможными продуктами, открытых и исследованных доктором Хэссаллом, едва ли хоть один был признан некачественным. Когда мы вспоминаем, что на могилах стольких наших солдат в Крыму может быть справедливо написано “Умер от соленой свинины”, мы не можем не обратить внимания на пренебрегаемый способ кормления наших войск хорошей и питательной пищей, вместо жесткой клетчатки, называемой мясом, из которого половина кроветворных свойств извлекается в процессе варки, в то время как оставшаяся половина становится неперевариваемой под действием соли и ядовитой из-за извлечения одного из ее важнейших компонентов. Может показаться, что мы живем во времена Энсона, который потерял от цинги 626 человек из 961 экипажа, прежде чем смог достичь острова Хуан-Фернандес, или во времена еще более позднего похода сэра К. Харди, который отправил 3500 человек в госпиталь с этой смертельной болезнью после шестинедельного плавания с флотом Ла-Манша. Можно утверждать, что моряков в конце войны не тошнило от соленой свинины; но, хотя в подаваемом им соке лайма у них было необходимое количество калия, который необходим желудку для выработки крови, наши солдаты были лишены этого незаменимого дополнения и, следовательно, погибли. В мясных консервах, которые готовят с картофелем и другими овощами, содержится необходимый калий, и такую пищу можно купить так же дешево, как и вредный соляной мусор, которому покровительствует правительство.

Хлеб, великий производитель крови, требует особого внимания. Людей, прогуливающих по мегаполису, часто удивляет, что цены варьируются в зависимости от местности; например, буханка, которая стоит в районе, или New Cut 7д. четверть - это 10½д. в Вест-Энде. Могут ли зеркальные окна и арендная плата вызвать всю эту разницу? Конечно, нет. Однако мы рады обнаружить, что многие фальсификации, упомянутые нашими старыми авторами, исчезли с появлением свободной торговли. Принц и Аккум упоминают парижскую штукатурку, костную пыль, муку из других злаков, белую глину, квасцы, сульфат меди, картофель и т. Д. Все эти изощренные приемы исчезли, за исключением картофеля, который иногда используется, когда разница между его стоимостью и стоимостью муки делает целесообразным его использование пекарем или мельником. Когда мы видим буханку с маркировкой ниже рыночной цены, мы можем быть уверены, что она приготовлена из муки, перемолотой из некачественной и поврежденной пшеницы. Чтобы придать ему требуемый цвет и уничтожить кислый привкус, который часто присущ ему, пекари имеют обыкновение добавлять смесь, называемую в торговле “хардс” и “прочее”, которая представляет собой не что иное, как квасцы и соль, которые аптекари готовят в больших количествах. Количество квасцов, необходимое для придания хлебу белизны, конечно, невелико — Митчелл обнаружил, что оно составляет от 116

до 34½ зерен в четырехфунтовой буханке; но большое преимущество, которое пекарь извлекает из этого, помимо улучшения цвета своих изделий, заключается в том, что они поглощают большое количество воды, которую он продает в настоящее время по цене 2д. фунт. Из двадцати восьми буханок хлеба, купленных в каждом квартале столицы, доктор Хэссалл не нашел ни одной, свободной от примеси квасцов; а в некоторых образцах он обнаружил значительные количества. Как правило, чем ниже район, тем дешевле хлеб и тем большее количество этого “гарнира” или “начинки” вводится в продажу. Однако мы не должны возлагать всю вину на пекаря. Это было удовлетворительно продемонстрировано Санитарными комиссарами при рассмотрении хлеба, продаваемого Хлебной компанией League Bread Company, рекламу которой следующего содержания постоянно можно увидеть в *Times*:—

“Цель, ради которой вышеупомянутая компания была создана и в настоящее время действует, заключается в обеспечении населения чистым и питательным хлебом. Ежедневный опыт доказывает, насколько наше здоровье зависит от качества и чистоты нашей пищи; следовательно, насколько важно, чтобы такой универсальный продукт потребления, как хлеб, не содержал фальсификаций. Свидетельства многих выдающихся людей полностью подтверждают, что различные заболевания вызываются использованием квасцов и других вредных ингредиентов при производстве хлеба. Чистый, неподдельный хлеб, полноценный, высочайшего качества и по возможно более низкой цене”.

При тестировании нескольких образцов этого *чистого хлеба*, приобретенных у различных агентов компании, было обнаружено, что они загрязнены *квасцами*! Это было открытие. Компания заявила протест, заявив, что анализы ничего не стоят; и все их работники сделали торжественное заявление, что они никогда не использовали никаких квасцов, пока работали у них. Агенты компании также заявили, что они никогда не продавали ничего, кроме своего хлеба. Аналитик снова посмотрел в микроскоп и снова повторил свое обвинение в том, что в их хлебе содержатся квасцы. Затем было решено протестировать муку, поставляемую компании, и было доказано, что три образца содержат вредный материал. Таким образом, мы обнаруживаем, что мельник все еще, в некоторых случаях, поддерживает свою сомнительную репутацию и стоит за этим мошенничеством.

Мы опасаемся, что наши последующие замечания упадут подобно бомбе на многие чайные столы и пошатнут трезвенничество в его цитадели. На лекциях о полном воздержании иногда демонстрируют желудок пьяницы во всех стадиях застойных явлений и воспалений, раскрашенный в соответствии с пылким красноречием лектора. Если чай - наше единственное спасение от ужасных болезней, которые навлекают на нас забродившие спиртные напитки, мы опасаемся, что британская общественность оказалась перед сложной дилеммой. Дамы, в чайнике смерть! Любители зеленого чая, будьте осторожны! В общественном сознании всегда витало смутное представление о горячих медных пластинах — подозрение, что порох и хайсон не совсем точно определяют их цвет. Старая герцогиня Мальборо любила хвастаться, что появилась на свет еще до того, как “нервы были в моде”. Мы наполовину склонны верить, что в этой шутке была большая доля правды; ибо с тех пор, как появился чай, нервные расстройства всех видов значительно участились; и нам не нужно далеко ходить, чтобы найти по крайней мере одну из причин в чайнике. В Англии нет такого понятия, как чистый зеленый чай. В Китае его фальсифицируют; и недавно мы научились фальсифицировать его у себя дома почти так же хорошо, как хитрый азиат. Чистый зеленый чай, приготовленный из нежнейших зеленых листьев, выращенных на удобренной почве, таких, какие используют сами китайцы,

действительно, совершенно не загрязнен; и нам сообщают, что его красивый голубоватый налет, подобный налету винограда, появляется после третьего процесса обжарки, которому он подвергается. Огромный спрос на зеленый чай по умеренной цене, возникший как в Англии, так и в Китае с момента открытия торговли, побудил гонконгских торговцев имитировать этот особый цвет; и они делают это настолько успешно, что вводят в заблуждение обычных ценителей этого товара. Черный чай открыто продается в окрестностях Кантона самым оптовым образом.

Мистер Роберт Форчун в своей очень интересной работе “Чайные районы Китая и Индии” дает нам хорошее описание способа, которым осуществляется этот процесс окрашивания, чему он сам был свидетелем:

Раздобыв порцию берлинской лазури, он высыпал ее в фарфоровую миску, похожую на химическую ступку, и растер в очень мелкий порошок. В то же время было произведено некоторое количество гипса, который обжигался на угольных кострах, на которых затем обжаривался чай. Цель этого состояла в том, чтобы размягчить его, чтобы его можно было легко растереть в очень мелкий порошок, таким же образом, как была растерта берлинская лазурь. Гипс, вынутый из огня по истечении определенного времени, легко крошился и превращался в порошок в ступке. Полученные таким образом эти два вещества затем смешивали вместе в пропорции четыре части гипса к трем частям берлинской лазури и получали светло-голубой порошок, который затем был готов к использованию.

“Это красящее вещество было нанесено на чай в процессе обжарки. Примерно за пять минут до того, как чай был извлечен из кастрюль — время регулировалось подгоранием ароматической палочки, — суперинтендант взял маленькую фарфоровую ложечку и с ее помощью рассыпал порцию красящего вещества по листьям в каждой кастрюле. Затем рабочие быстро переворачивали листья обеими руками, чтобы цвет мог равномерно распределиться. Во время этой части операции руки рабочих были совершенно синими. Я не мог отделаться от мысли, что если бы во время операции присутствовали любители зеленого чая, их вкус был бы исправлен и, я полагаю, улучшился.

“Однажды английский джентльмен из Шанхэ, беседуя с несколькими китайцами из страны зеленого чая, спросил их, по какой причине они окрашивают чай и не будет ли лучше без прохождения этого процесса. Они признали, что чай был намного вкуснее, когда его готовили без добавления каких-либо таких ингредиентов, и что *сами они никогда не пили окрашенный чай, но справедливо заметили, что, поскольку иностранцы, по-видимому, предпочитают добавлять в чай берлинскую лазурь и гипс, чтобы он выглядел однородным и красивым, и поскольку эти ингредиенты были достаточно дешевыми, китайцы не возражали против их поставки, тем более что такие чаи всегда стоили дороже.....*

“Я приложил некоторые усилия, чтобы точно установить количество красящего вещества, используемого в процессе окрашивания зеленого чая, конечно, не с целью помочь другим, как дома, так и за границей, в искусстве окрашивания, а просто для того, чтобы показать любителям зеленого чая в Англии, и особенно в Соединенных Штатах Америки, *какое количество* берлинской лазури и гипса они поглощают в течение одного года. На 14½ фунта. было нанесено 8 булавичных 2½ кандарина красящего вещества, или, скорее, более унции. На каждые сто фунтов цветного зеленого чая, потребляемого в Англии или Америке, потребитель фактически выпивает более половины фунта берлинской лазури и гипса. И все же, скажите любителям этого

цветного чая, что китайцы едят кошек и собак, и они в изумлении всплеснут руками и пожалеют бедных Небожителей”.

Если китайцы используют его в таких количествах для придания оттенка настоящим листьям, то насколько больше англичане должны использовать для придания свежести высушенным листьям! То, что каждая ложка гизона или пороха содержит значительное количество этого вредного красителя, увидит любой, кто насыплет щепотку на мелкое сито и нальет на него слабой струйкой воды, когда привкус жидкости сразу покажет степень фальсификации и глупость употребления окрашенного чая. Ассамский чай, хотя и не такого привлекательного цвета, не содержит фальсификаций. Мудрым достаточно сказать пару слов.

Из пятидесяти образцов зеленого чая, проанализированных доктором Хассаллом, все оказались фальсифицированными. Есть один особый вид, который почти полностью является промышленным изделием, — порошок, как черный, так и зеленый, первый называется душистым каперсом. Оба содержат большую примесь того, что называется “щелочным чаем”, или смеси песка, грязи, чайной пыли и измельченных частей других листьев, превращенных вместе со смолой в маленькие клубеньки. Это отвратительное соединение, которое, по словам мистера Уорингтона,^[3] который его проанализировал, содержит сорок пять процентов. состоит из землянистого вещества, производится как в Китае, так и в Англии специально для фальсификации чая. При смешивании с “душистыми каперсами” он “покрывается” черным свинцом; при смешивании с порошком - берлинской лазурью: куркума и французский мел придают ему необходимый цвет. Мистер Уоррингтон утверждает, что около 750 000 фунтов. этого поддельного чая было импортировано в Великобританию в течение восемнадцати месяцев! Как ни странно, только недорогие чаи являются подлинными. Каждый образец этого класса, который был проанализирован доктором Хассаллом, оказался идеально чистым. Здесь, по крайней мере, бедняки имеют преимущество перед высшими классами, которые платят более высокую цену за то, что их здоровью наносит вред окрашенный напиток.

Практика повторной сушки использованных листьев также в некоторой степени применяется в Англии. Г-н Джордж Филипс из Налогового управления США утверждает, что в 1843 году только в Лондоне насчитывалось не менее восьми заводов по повторной сушке чайных листьев, в то время как в разных частях страны было множество других. У этих производителей были агенты, которые скупали использованные листья в отелях, клубах, кофейнях и т. Д. По цене два пенса, полпенни и три пенса за фунт. Вместе с этими листьями использовались листья других различных деревьев, и очень красивое пекое до сих пор цветет на кустах боярышника, терна и т. Д. По всему мегаполису. Еще в 1851 году в *Times* появился следующий отчет о действиях одного из этих гнусных фабрикантов:

“Клеркенуэлл.Эдвард Саут и его жена Луиза предстали перед мистером Комбом, которому инспектор Бреннан из отдела "Е" предъявил обвинение в причастности к производству поддельного чая. Из заявления инспектора явствовало, что в результате получения информации о том, что заключенные и другие лица имели обыкновение заниматься обширной торговлей фальшивым чаем в помещениях, расположенных по адресу: 27½, Клеркенуэлл-Клоуз, Клеркенуэлл-Грин, в субботу вечером, около семи часов, свидетель в сопровождении сержанта Коула направился в дом, где они обнаружили заключенных в квартире, занятых изготовлением фальшивого чая. Там была обширная печь, перед которой висела железная сковорода с листьями терна и заваркой, которые они обычно покупали у владельцев кофеен после

использования. При обыске места они обнаружили огромное количество использованного чая, лавровых листьев и всевозможных поддельных ингредиентов для изготовления незаконного чая, и они были смешаны с раствором камеди и некоторым количеством *меди*. Женщина была занята перемешиванием лавровых листьев и другого состава с раствором камеди в кастрюле; и в одной части комнаты было большое количество поддельных добавок, точной имитации настоящего чая. В задней комнате они обнаружили почти сто фунтов сухих чайных листьев красного цвета, лавровых листьев и листьев терна, разложенных на полу для просушки.... Мистер Бреннан добавил, что заключенные наиболее активно занимались этой гнусной торговлей и имели привычку иметь дело в основном с бакалейными лавками, чендлерами и другими торговцами в стране ”.

Эта ядовитая имитация зеленого чая, “столь широко поставляемая в сельские бакалейные лавки”, без сомнения, использовалась для фальсификации других зеленых чаев, в которые уже были добавлены берлинский голубой, куркума и другие. Они нашли свое применение во многих загородных домах с небольшим достатком. Когда племянник приезжает с визитом или днем заходит викарий, обычные две ложки черного “дополняются” “просто щепоткой зеленого”, и бедный невинный джентльмен впоследствии задается вопросом, что же могло не давать ему спать всю ночь.

Мы часто слышим замечание от старомодных людей о том, что у нас никогда не было хорошего чая с тех пор, как была отменена монополия Ост-Индской компании: в этом замечании есть доля правды и много ошибок. Не может быть никаких сомнений в том, что более дорогие чаи подешевели с тех пор, как торговля была открыта, поскольку покупатели компании были прекрасно осведомлены о мошенничестве, совершаемом гонконгскими торговцами, и никогда не допускали поставки поддельного товара. С другой стороны, значительное снижение цен на обычный черный чай, как по причине прекращения монополии, так и снижения пошлины, в значительной степени уничтожило английское производство поддельного чая из местных листьев. О том, до какой степени это имело место раньше, можно судить по отчету Комитета Палаты общин от 1783 года, в котором говорится, что из листьев терна и ясеня в разных частях Англии ежегодно производилось не менее четырех миллионов фунтов; и это, следует помнить, когда общее количество настоящего чая, продаваемого Ост-Индской компанией, составляло не более шести миллионов фунтов ежегодно.

Если лучшие сорта черного и все зеленые чаи^[4] таким образом подло фальсифицированы, читатель может вообразить, что он может, по крайней мере, найти убежище в кофе — увы! слишком часто он избегает Сциллы, чтобы попасть в Харибду. Кофе, который обычно продается в мегаполисе и во всех крупных городах, фальсифицирован даже чаще, чем чай. Минутка казначейства, которая позволила смешать его с цикорием, находится во главе угла нарушителя. В 1840 году этот знаменитый кофе был выпущен с санкции тогдашнего канцлера казначейства сэра К. Вуда, непосредственным следствием чего стало то, что бакалейщики начали смешивать его с чистым кофе в очень больших количествах, совершенно забывая информировать общественность о природе смеси и в то же время пренебрегая снижением цены. Зло стало настолько вопиющим, что после прихода к власти администрации Дерби мистер Дизраэли пообещал аннулировать эту лицензию на фальсификацию; но прежде чем обещание было выполнено, администрация сама отменила свою деятельность. Мистер Гладстон, вступив в должность, не желая, по-видимому, наносить ущерб интересам цикория, изменил первоначальный протокол, но разрешил продолжить смешивание при условии, что на упаковке

будет надпись “Смесь цикория и кофе”. Однако вскоре выяснилось, что это объявление настолько перепуталось с другими печатными обозначениями на этикетке, что его было нелегко отличить, и в результате было предусмотрено, что слова “Это продается в виде смеси цикория и кофе” должны быть напечатаны отдельно на одной стороне канистры. Можно спросить, какова природа этого ингредиента, что право смешивать его с кофе должно соблюдаться двумя канцлерами казначейства в течение пятнадцати лет так ревностно, как если бы это было каким-то важным принципом нашей конституции? Цикорий, мягко говоря, безвкусный корень, совершенно лишенный каких-либо питательных или освежающих свойств, в нем крайне мало какого-либо азотистого компонента, хотя есть серьезные сомнения, не является ли он абсолютно вредным для нервной системы. Профессор Бир, знаменитый окулист из Вены, запрещает использовать его своим пациентам, считая его причиной амавротической слепоты. Даже если предположить, что это совершенно безвредно, мы имеем материал стоимостью 8d. фунт, который бакалейщику разрешается смешивать *без ограничений*, с фунтом стоимостью 1s. 4d. Если бы бедняки извлекли выгоду из фальсификации, возможно, нашлось бы какое-то оправдание для разрешения добавления цикория, но доказано, что эта смесь продается во многих магазинах по той же цене, что и чистый кофе.

Анализы, проведенные доктором Хэссаллом более сотни различных образцов кофе, закупленных во всех частях метрополии до издания приказа о маркировке упаковок “цикорий и кофе”, показали, что во многих случаях продукты, продаваемые под названиями “лучший мокко”, “отборный ямайский кофе”, “превосходный кофе” и т.д., Содержали в некоторых случаях совсем немного кофе; в других “только пятую часть, треть, половину” и т.д., остальное состояло в основном из цикория. Ничто так не свидетельствует о неприкрытом мошенничестве, совершаемом бакалейщиками против населения, как манера, с которой они из кожи вон лезут, чтобы самым грубым образом раздуть самую отвратительную дрянь. В отчете санитарной комиссии приводится множество примеров таких брошюр и объявлений, которые, как нам сообщили, хранятся в типографиях и могут продаваться в любых количествах. Мы приводим один из них в качестве примера:—

“Кофе от Джона,

“Насыщенность, вкус и крепость которого невозможно превзойти.

“В настоящее время кофе стал предметом потребления среди всех слоев общества. Отсюда важность поставки изделия такого характера, чтобы поощрять его потребление в предпочтении напиткам, употребление которых приводит к огромному количеству несчастий.

“Кофе от John... соответствует требованиям эпохи, и, как естественный результат, известность, которой он достиг, не имеет себе равных. Его особенность заключается в том, что он обладает тем богатым ароматным вкусом в сочетании с большой силой и восхитительностью, который можно найти только в отборных горных зарослях. Можно с полной уверенностью утверждать, что ни одна статья, связанная *свнутренней экономикой*, не принесла такого общего удовлетворения, и спрос на нее быстро растет.

“Заведение Джона... как по размаху, так и по возможностям является первым в империи.

“Наблюдайте!

“На каждой банке кофе Джона... стоит его подпись, без которой ни одна не является *подлинной*”.

В конце этой затяжки аналитик помещает слова—

-Фальсифицировано большим количеством цикория!“

Более эрудированные бакалейщики угощают нас слоеной литературой, как в следующем примере:—

“Ежедневно свежесобжаренный кофе с насыщенным вкусом.

“Употребление кофе в Турции.

“Сэндис, переводчик "Метаморфоз" Овидия, путешествовавший по Турции в 1610 году, приводит следующий отрывок в своих ‘Трудах’, стр. 51 (ред. 1657). Говоря о турках, он говорит: ‘Хотя у них и нет таверн, все же у них есть свои кофейни, которые иногда напоминают их. Там они сидят, болтая большую часть дня, и потягивают напиток под названием коффа, из ягод, из которых его готовят, в маленьких фарфоровых тарелочках, настолько горячий, насколько они его переносят, черный, как сажа, который, как они говорят, способствует пищеварению и повышает аппетит”.

К этому приятному образцу непрямого слоеного теста также добавлено голое предложение —

“Фальсифицирован цикорием, из которого состоит не менее половины образца.”

Самые плохие сорта фальсифицированного кофе содержатся в том, который продается в канистрах. Стоимость жестяной упаковки не может быть меньше 2d., и, поскольку продаваемый таким образом кофе продается по той же цене, что и кофе в бумажной обертке, должно быть очевидно, что для восполнения разницы необходима более тщательная фальсификация. Таково, при рассмотрении, оказывается дело, как оказалось—

“Что все двадцать девять упаковок, флаконов и канистр, представленных на анализ, за единственным исключением, [5] были фальсифицированными.

“Что в этих двадцати восьми фальсифицированных образцах фальсификация состояла из так называемого цикория, который во многих случаях составлял главную часть статьи.

- Что три образца содержали мангольд-вурцель, а два - обжаренную пшеничную муку.

Мы говорили, что часто бывает так, что фальсификации оказываются фальсифицированными. Цикорий - пример этого. Обнаруживается, что первоначальное мошенничество разветвлялось бесконечным образом; и сэр Чарльз Вуд, несомненно, будет поражен, услышав об отвратительном росте фальсификаций, появившихся из-под земли из-за его самого неудачного приказа.

Как только процесс превращения цикория в кофе был легализован правительством, этот продукт получил очень широкое распространение, и специально для его секретного производства были созданы фабрики. Причину такой секретности можно понять из списка продуктов, которые готовятся по назначению: жареная пшеница, молотые желуди, жареная морковь, тушеные бобы, жареный пастернак, мангольд-вурцель, семена люпина, собачьи

галеты, жженный сахар, *красная земля*, жареные конские каштаны, и, помимо всего прочего, *печеная печень лошадей и быков*. Это утверждение основывается на авторитете мистера П. Г. Симмондса в работе, озаглавленной “Кофе как он есть и каким он должен быть”:

“В разных частях мегаполиса, - говорит он, - но особенно на востоке, можно встретить “печеночных пекарей”. Эти люди берут печень быков и лошадей, запекают ее и измельчают в порошок, который продают владельцам недорогих кофейен по цене от четырех до шести пенсов за фунт, причем кофе из лошадиной печени стоит дороже всего. Об этом можно узнать, дав кофе настояться до остывания, когда на верхушке образуется толстая пленка или кожа. Он идет дальше, чем кофе, и обычно его *смешивают с цикорием* другими растительными имитациями кофе”.

В подтверждение этого ужасного заявления санитарные комиссары the Lancet заявляют, что при анализе это вещество, которое

“обладал неприятным животным запахом ... состоял из какого-то не до конца обугленного животного вещества”.

Новое постановление, обязывающее бакалейные лавки продавать кофе и цикорий с соответствующей маркировкой, несомненно, соблюдается в респектабельных магазинах; но в бедных кварталах смесь, как и прежде, выдается за настоящий мокко. Однако покупатель имеет средства защиты в своих собственных руках. Если он предпочитает кофе в чистом виде, пусть купит обжаренные ягоды и измельчит их сам; таким образом, он будет уверен в том, что у него настоящий продукт, и получит его в большем совершенстве, чем покупая готовый молотый.

В непосредственной близости от чайников и кофейников стоят молочник и сахарница. Что мы здесь находим? Несколько лет назад город нарушил приличия из-за небольшой работы под названием “Наблюдения над лондонским молоком”, опубликованной джентльменом-медиком по фамилии Рагг, в которой были сделаны некоторые пугающие открытия относительно способа фальсификации лондонского молока. Анализы доктора Хэссалла показывают, что, за исключением продукта “железнодорожной коровы”, ни одно из предполагаемых загрязнений на самом деле не существует, и что молочник - прискорбно оклеветанный человек. Вода добавляется в количествах, варьирующихся в разных образцах от 10 до 50%; а в более немодных частях города сливки отбираются для отправки в Вест-Энд. Если молоко *должно* фальсифицироваться в крупных городах, то вода, несомненно, является самым безвредным ингредиентом; в то же время будет видно, какой обман совершается над населением, когда молочная вода продается по цене 4 доллара. кварту.

В том, что лондонское доильное ведро так же часто попадает к насосу, как и к корове, мы нисколько не сомневаемся. Чтобы довести разбавленные продукты до нежного кремового цвета, обычно в банке с аннатто раскатывают шарики; другие внимательные наблюдатели и авторы статей, посвященных фальсификации пищевых продуктов, обнаружили муку, крахмал и патоку. Всем медикам известно, что дети часто испытывают сильное расстройство от утренней или вечерней порции — эффект, который не мог быть вызван простой примесью воды, — и мы должны признаться, что сами считаем молочника очень злым человеком.

Мы боимся, что если заглянем в сахарницу, то найдем там не больше утешения, чем в молочнике. Здесь мы имеем в виду обычный коричневый сахар, который обычно используется за завтраком к кофе. Едва ли возможно раздобыть влажный сахар, который не кишит

животными из рода акари, самого отвратительного класса существ. Во многих образцах сахаров они скапливаются до такой степени, что масса перемещается вместе с ними; и почти в каждом случае, растворив ложку в бокале с водой, можно невооруженным глазом обнаружить десятки из них, либо плавающих в жидкости, либо прилипших к краю бокала. Те, кто имеет привычку “обращаться” с сахаром, как это принято называть, подвержены кожному заболеванию, называемому бакалейным зудом, которое, как полагают, вызывается этими живыми обитателями наших сахарниц. Как ни ужасно думать, что такие существа являются предметом повседневного употребления, мы не можем напрямую обвинять бакалейщика в их появлении; однако зло усугубляется тем, как он смешивает или “обрабатывает”, как это называется в торговле, более дорогой сахар с мусковадос, бастардами и другими низшими сортами, которыми изобилуют животные.

В дополнение к этому инородному элементу животного происхождения бакалейщики иногда смешивают муку с сахаром и, если верить распространенному мнению, с песком; но мы никогда не видели достоверных доказательств присутствия этого зернистого ингредиента. Тем не менее, мы сказали достаточно, чтобы показать, что чайный дилер и бакалейщик делают все возможное, чтобы обеспечить пресловутый “кусочек грязи”, который каждый из нас должен съесть перед смертью. Если бы нас не кормили ничем более вредным или омерзительным! Давайте посмотрим, однако, какие низкопробные примеси человек может проглотить при приеме —

Чашечку чая	<i>или</i>	чашечку кофе.
<i>В чай.</i>		<i>В кофе.</i>
Если Зеленый —		цикорий.
Берлинский голубой.		<i>В цикории.</i>
Куркума.		Жареная пшеница.
Фарфоровая глина или		"желудь".
французский мел.		
Использованные чайные		"mangold-wurzel.
листья.		
Копперас.		- бобы.
Если Черный—		"морковь".
Камедь.		Пастернак
Чернит свинцом.		"семена люпина.
Голландский розовый.		"собачьи галеты".
Использованные чайные		- конские каштаны.
листья.		
Листья ясеня, терна,		Оксид железа.
боярышника,		Опилки красного дерева.
и многих других видов.		
		Запеченная конская печень.
		- бычья печень.

<i>В молоке.</i>	<i>В молоке.</i>
В среднем 25 %. воды.	Вода на 25%.
Аннато.	Аннато.
Патока.	Мука.
Мука.	Патока.
Оксид железа.	Оксид железа.
И другие неизвестные ингредиенты.	И другие неизвестные ингредиенты.
<i>В сахаре.</i>	<i>В сахаре.</i>
Если коричневый —	Если коричневый —
Пшеничная мука.	Пшеничная мука.
Сотни сахарных насекомых.	Сотни сахарных насекомых.
Если белые—	Если Белый —
Белок бычьей крови.	Белок крови вола.

Поскольку мы видим, что трезвенники подают петиции в парламент и агитируют города за закрытие трактиров, мы просим передать им в обе руки по чашке вышеуказанных смесей в скромной надежде, что они найдут средства предложить британской публике какой-нибудь напиток, который будет чуть менее вреден для здоровья, чуть более приятен на вкус и несколько менее отвратителен для чувств. Некоторых примесей сахара можно избежать, используя закристаллизованный восточно-индийский сорт — размер кристаллов не позволяет его фальсифицировать более дешевыми сортами.

Мы не будем подробно останавливаться на какао, а лишь отметим, что получить его в чистом виде еще реже, чем чай или кофе. Почти универсальными фальсификатами являются сахар, крахмал и мука вместе с красными красящими веществами, обычно некоторыми железистыми элементами; в то время как, насколько мы можем видеть, то, что называется гомеопатическим какао, отличается от других видов только небольшим количеством этого вещества, содержащегося в нем.

На самом деле на столе за завтраком почти нет ни одной еды, какой бы она ни казалась. Сливочное масло, Если соль, страдают от 20 до 30 процентов. воды. Торговец, занимающийся этой отраслью, сообщает *Lancet*, что “в Лондоне ежегодно продается от 40 000 до 50 000 бочек фальсифицированного сливочного масла, и торговцы знают это так же хорошо, как они знают, что такое фальшивый шиллинг”. Сало, когда оно дешевое, также попадает в масленку. Возможно, те, кто льстит себе мыслью, что они не употребляют ничего, кроме “Эппинга”, не получают особого утешения от следующего письма, также опубликованного в том же журнале:

“Редактору "Ланцета".

“Сэр, однажды в три часа ночи, сняв квартиру в доме масложирателя, я внезапно проснулся от шума в нижней части дома и встревожился, заметив свет под дверью моей спальни; решив, что дом горит, я поспешил вниз по лестнице. Я застал всю семью за занятиями, и, когда я выразил тревогу по поводу пожара в доме, они шутливо сообщили мне, что *просто готовят масло для Эппинга*. Они без колебаний рассказали мне обо всем процессе. Для этой цели они

использовали свежесоленное сливочное масло очень низкого качества: его неоднократно промывали водой, чтобы очистить от соли. После этого следующим процессом было частое промывание его молоком, а изготовление завершалось добавлением небольшого количества сахара. Любители свежего сливочного масла Эппинга получали это лакомство, которое приносило моему изобретательному хозяину прибыль по меньшей мере в 100%, помимо того, что его магазин был снабжен маслом Эппинга с одной из первоклассных молочных ферм.— Я, сэр, ваш покорный слуга,

“Студент”.

Если мы попробуем мармелад в качестве десерта, нам не станет лучше — по крайней мере, если мы хоть немного поверим в “настоящий мармелад, отличный заменитель сливочного масла”, который грудками выставляют на витринах дешевых бакалейных лавок. Анализ доктора Хэссалла доказывает, что это лакомство в значительной степени фальсифицировано репой, яблоками и морковью: нам не нужно так сильно ворчать на эти овощные продукты, за исключением того, что продавать их по цене 7 пенсов - мошенничество. фунт; но есть и более поразительный факт: в двенадцати из четырнадцати проанализированных образцов была обнаружена медь, причем иногда в больших и вредных количествах!

Аккум в своей “Смерти в горшочке” цитирует рецепты из известных в его время кулинарных книг, которые заставляют глазеть непосвященных людей. Например, “Современная кулинария, или Английская домохозяйка” дает следующие серьезные указания “по приготовлению зелени”: “Возьмите немного *зелени величиной с лесной орех*, измельченной в мелкий порошок, полпинты дистиллированного уксуса и немного порошка квасцов с небольшим количеством лавровой соли; положите все в бутылку, встряхните и дайте настояться, пока она не станет прозрачной. *Положите маленькую чайную ложку в сырники или что-нибудь еще, что вы хотите позеленеть!*”

Опять же, “Английская экономка”, книга, выдержавшая восемнадцать изданий, предписывает: “чтобы сделать соленые огурцы зелеными, *отварите их за полпенса* или дайте им постоять двадцать четыре часа в медных или латунных кастрюлях!” Задумывалась ли когда-нибудь известная домохозяйка про себя, почему все маринованные огурцы в магазинах такого привлекательного цвета, как у нее? Мы удовлетворим ее любопытство в двух словах — она забыла о “кусочке зелени величиной с лесной орех”, поскольку теперь неопровержимо доказано, что такой цвет они приобретают благодаря использованию меди, введенной с единственной целью придать им живой зеленый оттенок. Анализ двадцати образцов маринованных огурцов, купленных у самых уважаемых торговцев, доказал, во-первых, что уксус в бутылках был по большей части крепок благодаря добавлению серной кислоты; во-вторых, что из шестнадцати различных маринованных огурцов, проанализированных для этой цели, медь была обнаружена в различных количествах. Таким образом, “в двух образцах содержалось небольшое количество; в восьми - довольно много, в одном - значительное количество, в трех - очень значительное количество; в одном медь присутствовала в крайне вредном количестве, а в двух *ядовитых количествах*. Наибольшее количество этого металла было обнаружено в бутылках, полностью состоящих из зеленых овощей, таких как корнишоны и фасоль”.

Мы надеемся, что после этого хорошая хозяйка больше не будет испытывать зависти, а останется довольной тем, что домашнее блюдо, пусть и менее привлекательного и яркого цвета,

по крайней мере, более полезное. Простой тест на наличие меди в таких изделиях заключается в том, чтобы опустить блестящую вязальную спицу в уксус и оставить ее там на несколько часов, когда вредный металл быстро покроет его слоем, плотным или тонким, в зависимости от количества, которое имеется. Везде, где обнаруживается большое количество маринадов, их намеренно добавляют для придания им ярко-зеленого цвета, но небольшое количество может попасть в маринады в процессе варки в медных кастрюлях. Господа. Кросс и Блэквелл, крупнейшие производители маринадов и консервов в Сохо, как только им стало известно из анализа *Lancet*, что так оно и было, весьма похвальным образом заменили серебро и стекло, с большими затратами, на все свои прежние сосуды. Опасность, возникающая при попадании этого опасного яда в нашу пищу, не была бы столь велика, если бы дело ограничивалось солеными огурцами, количество которых невелико при каждом приеме пищи, но им окрашивают все виды консервов, а фрукты для зимних пирогов и тарталеток покрываются смертельным налетом. Папа, который дарит своим детям коробку со сладостями, завернутую в цветную бумагу и заключенную в элегантную шкатулку, возможно, сам того не подозревая, разрушает сами пружины их существования. Как правило, обнаруживается, что красные фрукты, такие как смородина, малина и вишня, не загрязнены этим вредным металлом, но своим глубоким оттенком обязаны какому-либо красящему веществу красного цвета, такому как отвар бревен или настой свеклы, точно так же, как обычная белокочанная капуста превращается в красную нечестивыми торговцами маринадами. Не все зеленые плоды вредны в одинаковой степени; по—видимому, существует возрастающая шкала вирулентности, примерно следующим образом: — Лаймы, крыжовник, ревень, зелень, оливки -последние упомянутые фрукты, особенно французского производства, обычно содержат вердигрис или ацетат меди, *в очень опасных количествах*. "Ланцет" публикует письмо мистера Бернейса, Ф.К.С., датированное Химической библиотекой в Дерби, в котором он указывает на необходимость осторожности при покупке этих продуктов питания:

“Из этого, - говорит он, “ я приведу вам последний пример. Я купил бутылку консервированного крыжовника в одной из самых респектабельных бакалейных лавок города и переложил ее содержимое на пирог. Меня поразило, что крыжовник при варке выглядел ужасно зеленым; и когда я ел его стальной вилкой, его сильная горечь заставила меня поискать сахар. Подсластив и размяв крыжовник той же стальной вилкой, я уже собиралась отправить немного в рот, когда заметила, что зубцы полностью покрыты тонкой пленкой из блестящей металлической меди. Мои показания могут быть подтверждены свидетельствами других людей, двое из которых обедали за моим столом”.

К счастью, эти трое джентльменов пользовались стальными вилками, что сразу же выявило вред; если бы они использовали серебро, все трое могли бы стать жертвами этих ядовитых консервов.

Но мы еще не достигли худшего. Когда Екатерина Медичи хотела избавиться от неприятных людей “артистичным” способом, у нее была привычка преподносить им искусно приготовленные сладости или безделушки, в которых самым привлекательным образом таилась смерть; она несла...

“Чистая смерть в сереге, шкатулке, печатке, подставке для веера, корзинке филигранной работы”.

Ее отравленные застолья вошли в историю, читая о них, люди содрогаются; но мы задаемся вопросом, изобретала ли когда-нибудь дьявольская месть и хладнокровная злоба итальянки гораздо более смертоносные безделушки, чем наши низкие, дешевые кондитеры в самых крупных масштабах. Мы выбираем из этих бонбоньерных изделий следующее угощение, которое подаем любящим матерям, чтобы они могли увидеть, какие смертоносные лакомства приготовлены для особого услаждения их детей:

“Рыба.

“, купленная на шепердс-Маркет, Майская ярмарка.

“Кончик носа и жабы рыбы окрашены в обычный розовый цвет, в то время как спина и бока сильно окрашены этим ядовитым *арсенидом меди*”.

- Голубь.

-Куплен в “Друри-Лейн”.

“Пигменты, используемые для окраски этого голубя, светло-желтые для клюва, красные для глаз и оранжево-желтые для основания или подставки. Желтый цвет состоит из светлого вида хромата свинца, для глаз бисульфата ртути, а для стойки - из более глубоких разновидностей хромата свинца, или оранжевого хрома”.

- Яблоки.

-Куплены на Джеймс-стрит, Ковент-Гарден.

“Яблоки в этом образце окрашены в желтый цвет, а с одной стороны - в темно-красный; желтый цвет проникает на значительную глубину в сахарную субстанцию. Красный состоит из обычного неметаллического пигмента, а желтый обусловлен присутствием ХРОМАТА СВИНЦА в действительно ядовитом количестве!”

“Петух.

“Куплен в “Друри Лейн”.

“Клюв птицы окрашен в ярко-желтый цвет, гребень - в ярко-красный, крылья и хвост пестрые, черные, два разных красных и желтый; в то время как подставка, как и у большинства этих сахарных украшений, окрашена в зеленый цвет. Желтый цвет клюва состоит из ХРОМАТА СВИНЦА; гребень и часть красного цвета на спине и крыльях - КИНОВАРЬ; в то время как второй красный цвет на крыльях и хвосте - обычный розовый неметаллический краситель, а желтые полосы состоят из гамбоги; наконец, зеленый цвет подставки - средне-брауншвейгский зеленый и, следовательно, содержит ХРОМАТ СВИНЦА. Таким образом, для окраски этого изделия используются не менее трех активных ядов, а также сильнодействующее слабительное ”гамбодж”!

-Апельсины.

-Куплен на Пилигрим-стрит, в доме врачей.

“Это очень неестественная имитация апельсина, поскольку он окрашен грубым и очень неравномерным слоем свинцово-красного ЦВЕТА”.

“Украшения из смешанного сахара.

“Куплено в Миддл-Роу, Холборн.

“Кондитерские изделия в этой посылке изготавливаются в различных формах и приспособлениях, таких как шляпки, кувшины, корзиночки и блюда с фруктами и овощами. Одна из шляп окрашена в желтый цвет ХРОМАТОМ СВИНЦА и обмотана зеленой шляпной лентой, окрашенной АРСЕНИТОМ МЕДИ; вторая шляпа белая с синей шляпной лентой, пигмент - берлинская лазурь. Корзинки окрашены в желтый цвет ХРОМАТОМ СВИНЦА. В окраску груш и персиков в значительной степени входит обычный неметаллический пигмент, а также ХРОМАТ СВИНЦА и средне-брансуикский зеленый; в то время как морковь, представленная на блюде, окрашена по всей длине красным ОКСИДОМ СВИНЦА, а верхушки - брансуикским зеленым. Это один из худших образцов цветных сахарных кондитерских изделий, представленных на анализ, поскольку в нем содержится не менее четырех смертельных ядов!”

Таким образом, расписное угощение содержит среди своих крайне вредных ингредиентов ферроцианид железа, или берлинскую лазурь, антверпенскую лазурь, гамбож и ультрамарин, а среди смертельных ядов - три желтых хрома, свинцовый краситель, свинцовые белила, киноварь, три брауншвейгских зеленых и зелень Шееле, или арсенит меди. Удивительно, что, учитывая, что мы устанавливаем такие ядовитые ловушки для детей, в десять раз более заманчивые и столь же смертоносные, как те, которые используются для уничтожения крыс, большее количество детей, которые их употребляют, не уничтожается сразу; и так, несомненно, было бы, если бы медсестры не были осторожны с этими цветными частями тела, которые всегда пользовались дурной славой под общим названием “мусор и беспорядок”. Как бы то ни было, доктор Летеби сообщил нам, что “не менее семидесяти случаев отравления были связаны с этим источником” в течение трех лет!

Во Франции, Бельгии и Швейцарии запрещено окрашивание кондитерских изделий ядовитыми пигментами, и продавцы несут ответственность за все несчастные случаи, которые могут произойти с людьми при употреблении их кондитерских изделий из сахара. Абсолютно необходимо, чтобы какой-то подобный запрет был введен в Англии. Мышь, согласно закону, должен продаваться окрашенным сажей, чтобы его цвет не позволял ошибочно использовать его для других веществ; как абсурдно, что мы должны позволять другим ядам, столь же опасным, подмешивать в пищу детей и взрослых только ради цвета! Все виды сахарных слив, конфитюров и “поцелуев”, в дополнение к тому, что в них часто подмешивают большое количество парижского гипса, всегда можно заподозрить отравление. Нельзя настаивать на необходимости продолжения этой порочной практики, поскольку существует множество растительных пигментов, которые, если и не такие яркие, как едкие минеральные, то достаточно, чтобы радовать глаз. В последние годы появились специальные пастилки, в которых своеобразно имитируется вкус определенных фруктов. Таким образом, у нас есть эссенция jargonel drops, эссенция ran-apple drops и многие другие с нежнейшим вкусом. Они

действительно настолько вкусны, что нам вряд ли хотелось бы создавать предубеждение против них; но правда велика и должна восторжествовать: все эти нежные эссенции приготовлены из эфира и прогорклого сыра и сливочного масла.

Производитель, возможно, не подозревающий о кумулятивном действии многих своих химических веществ, считает, что небольшое количество не может причинить вреда. Мы видели, насколько ошибочна эта идея на примере консервированных фруктов и кондитерских изделий с сахаром. Но практика фальсификации часто приводит к плачевным результатам того же характера, которые совершенно непреднамеренны со стороны тех, кто их совершает, и которые происходят самым окольным путем. Пример этого связан с помощью Ассит, который переходит непосредственно к сути. Джентльмен, заметивший, что приступ колик всегда возникает после употребления поджаренного глостерширского сыра в гостинице, в которой он имел обыкновение останавливаться, а также заметивший, что котенка, отведавшего его кожуры, сильно тошнило, провел анализ пищи, когда было обнаружено, что в ней присутствует свинец в ядовитых количествах. Продолжив свои расспросы, он выяснил, что производитель сыра, посчитав, что его аннатто недостаточно насыщенного цвета, прибегнул к способу окрашивания продукта киноварью. Эта смесь, хотя и была пагубной и дискредитирующей, не была абсолютно ядовитой и, конечно же, не могла объяснить катастрофическое воздействие пищи на организм человека. Однако, попытавшись вернуться еще дальше, в конце концов выяснилось, что аптекарь, продававший киноварь, смешал с ней немногосвинцового красителя, полагая, что пигмент нужен только для покраски дома. “Таким образом,” замечает Аккум, “ аптекарь обычным способом продавал свою киноварь, фальсифицированную свинцовым красителем, чтобы увеличить свою прибыль, не подозревая о том, для каких целей она может быть применена; и покупатель, фальсифицировавший аннатто, предполагая, что киноварь подлинная, без колебаний придал цвет своему аннатто с помощью такого безвредного добавки. Таким образом, благодаря разнообразным и циркулирующим операциям торговли, порция смертельного яда может попасть в предметы первой необходимости таким образом, чтобы не привлекать к уголовной ответственности стороны, через руки которых она последовательно проходила”. Любопытный аспект этого окольного вида отравления заключается в том, что оно происходит из-за веры каждого мошенника-фальсификатора в честность своего ближнего.

Если бы мы могли, возможно, исключить из массы человеческих заболеваний те, которые вызваны постоянным употреблением вредной пищи, мы обнаружили бы, что в целом они составляют очень значительный процент, и что один из лучших друзей врача оказался бы фальсификатором. Но даже наше убежище подводит нас в час нужды; инструменты медика, как и инструменты саперов и шахтеров под Севастополем, часто оказываются бесполезными. Лекарства и медицинские принадлежности, возможно, фальсифицируются так же широко, как и любой другой товар. Упомяну лишь несколько известных и бытовых лекарств, например: английскую соль заменяют сульфатом соды; карбонат соды заменяют сульфатом соды — очень вредный заменитель. Ртуть иногда заменяют свинцом, оловом и висмутом; горечавку - ядовитыми препаратами аконитом и белладонной; ремень - куркумой и гамбоджей; кантариды - черным перцем; печень трески и касторовое масло - обычными и неполноценными маслами; в то время как опиум, один из основных лекарственных препаратов, в наибольшей степени фальсифицируют десятком различных способов. Медицинские преимущества также сомнительны. Таким образом, картофельная мука составляет добрую половину так называемых коммерческих корней стрел; мука из саго - еще один очень распространенный ингредиент этого

питательного вещества. Из пятидесяти образцов так называемого марантового рутка доктор Хэссалл обнаружил двадцать два фальсифицированных, многие из которых *полностью* состояли из картофельной муки и муки из саго. Половина обычных овсяных хлопьев, которые вам приходится употреблять, фальсифицированы ячменной мукой, гораздо менее питательным веществом - важный факт, с которым следует ознакомиться по печительским советам. Мед получается изысканным с добавлением муки и крахмала с сахаром. И, наконец, мы хотим сказать кое-что важное матерям. Не верьте в сто одно мучное блюдо для младенцев, которое выставляется напоказ под таким количеством привлекательных названий. Все они состоят из пшеничной, картофельной муки, саго и т. Д. — Очень знакомых ингредиентов, которые встревоженные родители не стали бы употреблять, если бы их не окрестили необычными именами, за которые их составители требуют исключительной платы. Инвалидам мы бы также сказали, чтобы они не полагались на Реваленты и Ерваленты, рекламируемые по всей стране как лекарства от всех воображаемых болезней. Они почти полностью состоят из порошка чечевицы, ячменной муки и т.д., которые оплачиваются в процентах. в процентах. выше их реальной стоимости.

Из всех продуктов, которых мы коснулись, ни одно не является столь важным, как вода. Она в той или иной степени смешивается со всей нашей твердой пищей и составляет девять десятых всех наших напитков. Сам человек, как заметил один писатель-санитарист, в значительной степени состоит из этого элемента, и если бы вы положили его под пресс, то выжали бы из него 8 с половиной ведер. То, что он должен быть представлен потребителю в чистом виде, имеет первостепенное значение с санитарной и экономической точки зрения. Однако мы опасаемся, что были предприняты лишь слабые попытки обеспечить это преимущество метрополии. В настоящее время Лондон с его двумя с половиной миллионами населения в основном снабжается девятью водопроводными компаниями, шесть из которых получают воду из Темзы, одна из Нью-Ривер, одна из Рейвенсборна и третья из прудов и колодцев. Помимо этого источника, который разветвляется подобно сети по всему мегаполису, мы находим множество как государственных, так и частных колодцев различного качества. Мы не намерены следовать за доктором Хэссаллом в его микроскопических представлениях об органическом веществе, растительном и животном, с помощью которых клиенты одной компании могут сравнить подаваемую им воду с водой, раздаваемой другим, и, таким образом, с первого взгляда убедиться, что у них есть не более чем своя доля многоногих, бесчисленно-суставчатых, отвратительных животных, которые выглядят достаточно грозно, чтобы напугать человека, который никогда не прикоснется к капле лондонской воды, но удовлетворимся приведением их общих характеристик в целом. За одним исключением, все они имели твердость от 11 до 18 градусов. Эта твердость зависит от присутствующих землистых солей, таких как сульфаты и бикарбонаты извести и магнезии. Они также были в некоторой степени солеными, поскольку вся соль, используемая в мегаполисе, в конечном счете попадает в Темзу, или большой канализационный поток. Не так давно по крайней мере две из этих шести водопроводных компаний Темзы добывали свои запасы на небольшом расстоянии от устьев крупных водостоков, и все они прибегали к реке в разных местах ниже Баттерси, или той ее части, которая принимает стоки метрополии, и, следовательно, переполнена животными и растениями, как живыми, так и мертвыми, и густо покрыта грязью, поднимаемой проходящими туда-сюда пароходами. Однако яростный протест, поднятый Советом здравоохранения, привел к принятию парламентом Закона против установления тарифов на сточные воды, и теперь все компании, забирающие свои запасы из Темзы, вынуждены подниматься по крайней мере до

Кингстона и подвергать их процессу фильтрации; но даже на этом этапе река в той или иной степени загрязнена сточными водами, и химически смешанная часть неосновных веществ не может быть удалена никаким фильтром.

Загрязнения Темзы — это не все, с чем нам приходится иметь дело: одно только мыло, должно быть, обходится лондонцам в сотни тысяч долларов в год. Воздействие на свинец также заметно; следовательно, мы находим ядовитые карбонаты этого металла, содержащиеся в растворе. Водопроводчикам хорошо известен этот факт, и они часто сталкиваются со свинцовыми бачками, глубоко проржавевшими. Эта коррозия может возникнуть в результате химического или электрического воздействия. Соединение свинца и припоя или железа, погруженное в воду, пропитанную солями или кислотами любого вида, вызовет эрозию металла. Знакомый пример этого проявляется в том, как быстро ржавеют железные перила как раз там, где они вделаны в каменную кладку свинцом. Наличие кусочка раствора на крышке бачка может даже спровоцировать это действие и привести к коликам у целой семьи.

Насосы мегаполиса подвержены еще большему загрязнению, чем речная вода, поскольку окружающая их почва насыщена нечистотами из бесчисленных выгребных ям и вытекающими из несовершенных дренажных систем. Медики придерживались мнения, что ужасная вспышка холеры на Брод-стрит, Голден-сквер, в 1854 году, возникла из-за того факта, что люди по соседству имели привычку посещать общественный насос, который, как оказалось, был загрязнен сливной водой, и ручка которого была оторвана, чтобы предотвратить дальнейшее зло. Некоторые из этих общественных насосов, по-видимому, дают превосходную воду — холодную, прозрачную и приятную на вкус; но наличие этих качеств ни в коем случае не доказывает, что они чистые. Яркая искрящаяся ледяная вода, вытекающая из знаменитого насоса Олдгейт, по словам мистера Саймона, городского чиновника здравоохранения, своими самыми ценными качествами обязана нитратам, которые просачиваются в колодец из гниющих останков животных на соседнем церковном дворе.

Носильщики и стауты метрополии давно известны. Достоинства последнего напитка прославлены во всем мире; и один герцог королевской крови приписал большую смертность среди гвардейцев на Востоке недостатку их любимого напитка. Несомненно, чистый ликер, производимый великими пивоварами, полезен и укрепляет силы; но как только он попадает в руки трактирщиков, в подавляющем большинстве случаев изделие уже изготовлено. Посторонний человек, естественно, предположил бы, что пенящаяся кружка Meux's whole, которую он пьет в "Маркизе Грэнби", имеет тот же вкус, что и в "Голубом кабане", где название того же пивовара блистает на фасаде. Ни капельки: один должен быть гладким, приятно горьким, слегка кисловатым и покрытым бисеринками тонкой и стойкой пены; другой - горький с привкусом сажи, соленый, липкий, сладкий и пенящийся крупной и недолговечной пеной. Консистенция напитка, несомненно, одна и та же, но все вариации предлагаются мытарями и грешниками. Мы не делаем *эмеуты*, как это постоянно делают в Баварии, из-за нашего пива; но у нас сильные чувства по поводу вопроса такой национальной важности; и порочные привычки пивоваров и трактирщиков снова и снова становились предметом парламентского расследования. Отчеты различных комитетов доказывают, что в прошлые времена портер и стаут подделывались самым изобретательным образом и настолько повсеместно и безоговорочно, что возникло ремесло, называемое пивоваренными аптекарями, вся работа которых заключалась в поставке производителям и розничным торговцам национального напитка ингредиентов для его фальсификации; более того, до такой степени распространился

вкус к фальсификации пива и портера, что один гений, Хайт Джексон, написал руководство, чтобы показать пивоварам, как варить пиво *вообще без солода или хмеля!* Аккум сохранил на своих, теперь уже антикварных страницах, некоторые из модных в его время рецептов. Смелость, с которой наши отцы брались за дело, забавна. Например, мистер Чайлд в своем “Практическом трактате о пивоварении”, приведя в ужас своего непрофессионального читателя упоминанием множества вредных веществ, используемых при производстве пива, замечает в максимально мягкой форме:

Что, как бы сильно они ни удивляли, какими бы вредными или неприятными ни казались, он всегда считал их необходимыми приприготовлении портера и считает, что их обязательно должны использовать те, кто хочет сохранить вкус, аромат и шипучку пива. И хотя было принято несколько законодательных актов, запрещающих пивоварам использовать многие из них, автор может подтвердить по собственному опыту, что без них он никогда не смог бы производить настоящий ароматный портер. *Опьяняющие свойства портера следует приписывать различным наркотикам, подмешанным в него.* Очевидно, что какой-то портер более крепкий, чем другой, и это происходит из-за большего или меньшего количества дурманных ингредиентов. Солод, вызывающий опьянение, должен использоваться в таких больших количествах, которые очень сильно уменьшат, если не исключат полностью, прибыль пивовара”.

Из этого отрывка ясно, что мистер Чайлд считал целью любого успешного пивоварения то, чтобы сделать людей мертвецки пьяными по как можно более низкой цене, независимо от последствий. Среди ингредиентов, которые, по словам мистера Морриса, еще одного инструктора по искусству пивоварения, необходимы для производства популярного напитка, — *sosculus indicus* и бобы в качестве интоксикантов; *calamus aromaticus* в качестве заменителя хмеля; квассия в качестве горького; семена кориандра для придания вкуса; стручковый перец, семена карраВЕи, имбирь и райские зерна для придания теплоты; в то время как устричные раковины рекомендуются для придания молодости старому пиву, а квасцы - для придания “привкуса возраста” новому; и когда требуется ускорить процесс “продвижения”, председательствующей Гекатевелят капнуть в ее варево серной кислоты; таким образом, за несколько мгновений была получена имитация восемнадцатимесячного возраста. Даже “прекрасная головка цветной капусты”, которая считается признаком превосходства стаута, была — и, насколько нам известно, до сих пор остается — произведена искусственным путем путем смешивания с изделием отвратительной смеси, называемой “пивные головки”, состоящей из обычного зеленого купороса, квасцов и соли, а иногда и простым добавлением солей стали. О том, что эти продукты широко использовались, у нас есть свидетельства Акцизного департамента, который опубликовал длинный список таких ингредиентов, изъятых ими в помещениях пивоваров и их аптекарей.^[6] Многие из этих вопиющих фальсификаций, вероятно, больше не используются, хотя, судя по свидетельствам, представленным недавно комитету Палаты общин, считается, что к серной кислоте, стальной соли, сульфату железа и *sosculus indicus* все еще прибегают мелкие пивовары, особенно живущие в сельской местности — это убеждение очень подкрепляется очень странным привкусом, который мы иногда обнаруживаем у эля и портеров, и который, безусловно, происходит не от солода и хмеля. Распространенный метод фальсификации национального ликера заключается в смешивании с водой. Это делается почти повсеместно трактирщиками, причем в очень необычных масштабах.

Сравнение процентного содержания алкоголя, обнаруживаемого в определенном количестве образцов портера и стаута, полученных из так называемых пивных кранов, или агентов, с содержанием алкоголя в аналогичном количестве образцов, приобретенных у трактирщиков, доказывает этот факт очень убедительным образом. Доктор Хэссал сообщает нам, что в отношении стаутов:

“Содержание спирта — удельный вес 796, температура 60° по Фаренгейту. — в первых образцах составляло от 7 до 15 процентов. самый высокий, до 4,53 - самого низкого; тогда как доля стаутов, закупаемых у трактирщиков, колебалась, за одним исключением, от 4,87%. до 3·25 процентов”.

Такая же разница в крепости существовала и между различными образцами портера, приобретенными из двух источников; количество алкоголя в портере, полученном из кранов, варьировалось в пределах 4,51%. до 2,42%, тогда как доля приобретенных у мытарей колебалась от 3,97%. до 1,81%. Смесь с водой, конечно, уменьшает цвет, для придания которого широко используются как жженный сахар, так и меласса; а для того, чтобы “аппетит усиливался от того, чем он питается”, трактирщик обильно добавляет табак и соль. Пиво, портер и стаут также могут быть загрязнены присутствием свинца. Повсеместное использование насосных машин и хранение бочек в погребах, иногда на значительном расстоянии от бара, обуславливает необходимость использования длинных свинцовых труб, при прохождении по которым жидкость, если она “несвежая” или прокисшая, окисляет часть свинца. Этот факт настолько хорошо известен как публике, так и трактирщикам, что первую или две кружки, выпитые утром, обычно откладывают в сторону, поскольку после того, как они пролежали всю ночь в трубе, они справедливо считаются вредными. Щедрость барменши, пожертвовавшей таким образом порцией спиртного, скорее кажущаяся, чем реальная. Читатель, возможно, заметил, что большинство прилавков в трактирах оборудованы металлическими крышками, в которые вставлены решетки для слива всего пролитого спиртного, опорожнения бокалов, постукивания каблуками по кастрюлям и т. Д.: По этим решеткам проходит “первый глоток” с добавленной дозой окиси свинца. Нижнюю емкость, в которой хранятся все эти отходы вместе с отходами на дне бочек, хозяин либо возвращает пивовару, либо сам переливает их в наполовину заполненные бочки.

Несколько лет назад общественность была совершенно напрасно встревожена заявлением месье Пайена, знаменитого французского химика, о том, что стрихнин производился для Англии, где он использовался при производстве горького пива этой страны. Это утверждение было скопировано *"Медикал Таймс"*, а оттуда, попав на Типографскую площадь, получило широкое распространение, к ужасу и замешательству любителей светлого эля; и не без причины, если вспомнить, что известно, что одна шестая грана этого яда оказывается смертельной, а при ежедневном приеме гораздо меньшего количества вызывает столбнячные спазмы и иным образом серьезно повреждает нервную систему. Мы рады сообщить, что любители окуня и Оллсоппа могут в будущем пить свой тонизирующий напиток, не опасаясь таких ужасных результатов. Анализ показал, что горечь светлого эля полностью обусловлена экстрактом хмеля. Более того, этот напиток, выбранный в магазинах пивоваров или их агентов, повсеместно доказал свою безупречную чистоту. Мы говорим "со складов Burton brewers" или их агентов, потому что нет абсолютной уверенности в подлинности товара из какого-либо другого источника. Этикетка на бутылке не является надежной гарантией; поскольку использованные бутылки с неповрежденными этикетками во многих случаях повторно

наполняются трактирщиками некачественным товаром и продаются, разумеется, по реальной цене. У нас есть веские основания полагать, что этот трюк очень часто практикуется в самых разных случаях, к явному ущербу общественности и пивоваров.

Вино - слишком широкая тема, чтобы рассматривать ее здесь. Хорошо известно, что большая масса портвейнов по дешевой и умеренной цене состоит из нескольких видов и подбирается в зависимости от стоимости. Однако есть одно соединение, которое особенно привлекает наше внимание, - "портвейн для трактирщиков". Все мы знакомы с объявлениями, которые можно увидеть в витринах таких магазинов: "Прекрасный старый портвейн "крэсти", 2ш. 9д. за бутылку"; и самое удивительное, что, открыв пробку, мы часто обнаруживаем, что она *покрыта* коркой, а на пробке глубокие пятна. Как они могут позволить себе продавать изделие такого возраста и качества по такой низкой цене? Ответ прост: вино, корка и покрытая пятнами пробка - это подделка. В Лондоне есть мануфактура, где с помощью химического процесса доводят пчелиные крылышки до совершенства и разливают их в бутылки таким образом, чтобы в точности имитировать натуральную корочку; здесь пробки также окрашивают, чтобы придать им любой требуемый возраст. Само вино содержит совсем немного некачественного портвейна, остальное состоит из дешевого красного французского вина, бренди и древесины бревен в качестве красителя, если требуется. Портвейн, продаваемый в баре в 3дня. бокал — а мы уверены, что в бедных кварталах этому напитку отдают предпочтение перед джином, насколько нам известно, one gin palace, продающий через прилавок по бутылке в неделю, — уступает даже этому напитку, и его вкуса вполне достаточно, чтобы доказать, что лишь бесконечно малая часть его когда-либо производилась в Порту.

Известно, что лондонский джин, выпускаемый под сотней наименований, представляет собой сложный напиток. Большинство людей льстят себе мыслью, что его особый вкус обусловлен примесью сахара и одних только ягод можжевельника. Однако это гораздо более сложная смесь, чем принято считать. Те, кто привык к несладкому джину West Country, думают, что лондонский джин годится для употребления только в сыром виде, и во многих случаях они правы, поскольку владельцы пабов и низшие торговцы спиртным, такие как молочники, являются постоянными посетителями риптр. Похоже, что некоторые из образцов, исследованных аналитиком, содержали лишь половину того количества алкоголя, которое присутствовало в других; и поскольку коммерческий джин никогда не бывает лишним доказательством, из этого следует, что эти образцы были едва ли так же хороши, как "крепкий" джин с водой. Вот и все о чистом спирте; теперь о причудливой работе или "ароматизаторах". Количество сахара в исследованных образцах варьировалось от 3 унций до 4 драмов. 23 крупинки по 13 унций. 4 драхмы; две из них содержали масло корицы или, что более вероятно, кассии; семь содержали кайенский перец, некоторые из них в очень больших количествах; и большинство образцов содержали комбинированные сульфаты; хотя есть веские основания утверждать, что часто используется сульфат цинка или белый купорос. Те самые "пузырьки, мерцающие на краях", которые считаются доказательством прочности изделия, производятся искусственно. мистер Митчелл в своем "Руководстве по коммерции" утверждает, что это делается путем добавления смеси, состоящей из квасцов, карбоната калия, миндального масла, серной кислоты и винного спирта. "На земле есть пузырьки, как и в воде, и это один из них". Можно было бы подумать, что в интересах торговли было бы сохранять свою незаконную практику "в тайне", но у трактирщика есть свой "Справочник", который научит его, как фальсифицировать спирт не только в пиве. Например, в небольшой работе по пивоварению и дистилляции, написанной неким мистером Шенноном, приводится следующий рецепт:—

“Для уменьшения количества несладкого джина.

Бочка отличного джина	252	галлона.
Вода	36	"
, Что в совокупности составляет	288	"
Теперь наносят "доктор", и его еще больше разбавляют водой	19	"
Что дает	307	галлонов."

“После этого залейте один фунт квасцов водой и растворите при кипячении; *перемешайте* все вместе и всыпьте квасцы, и через несколько дней все будет в порядке”.

Мы удивляемся, что мистер Гоф, великий защитник трезвости, так и не воспользовался ни одним из этих рецептов, чтобы убедить людей в вредности жидкостей, которые им предлагают пить под самыми заманчивыми названиями. В каждом квартале города мы видим пивные, поражающие угловые дома улиц, подобно тому, как золотуха поражает суставы человеческого тела, и через их вечно открытые двери постоянно вливаются и выходят потоки убогих негодяев. Если бы им сообщили, что они входят, чтобы глотнуть купоросного масла, скипидара и серной кислоты, среди других едких и вредных соединений, — что из крана трактирщика извергается разъедающий огонь, подобный тому, что по команде Мефистофеля вырвался из деревянного стола в погребу Ауэрбаха, они бы почувствовали желание воскликнуть вместе с Зибальдом, обращаясь к дьяволу:

- Что, сэр, как вы смеееете проделывать с нами этот фокус-покус?

Джин, по-видимому, почти исключительно изготавливается таким крайне вредным способом, хотя все спиртные напитки подвержены изощренности, но особенно бренди, которое из-за своей цены хорошо окупает хлопоты. Мистер Шеннон, глубоко сведущий в “искусстве и тайне” ремесла трактирщика, сообщает нам, что бренди следует “компенсировать” для “розничной продажи” добавлением 10% из ароматизированного вина с изюмом, немного настойки райских зерен, вишнево-лавровой воды и спирта с миндальным пирогом: “добавьте также 10 горстей дубовых опилок и придайте *имцвет лица* с добавлением жженого сахара”.

Если мы можем хоть немного утешить любителя крепкого алкоголя, мы можем, по крайней мере, успокоить курильщика. “Все говорят”, что обычные сигары делаются из кочанов капусты, и всегда подозревали, что табак содержит много фальсификаций. Однако эти сборы были произведены наугад, и результат химического анализа и исследования под микроскопом доказал, что этот продукт ежедневного употребления является удивительно чистым. Тщательно исследующий микроскоп доктора Хэссалла не позволил обнаружить ничего, кроме настоящего листа, среди сорока образцов изготовленного табака; также не было обнаружено никаких изысканных добавок, за исключением соли, сахара и воды. Изучение образцов рулонных и скрученных изделий было в равной степени утешительным как для производителя, так и для жевателя. Время от времени, это правда, акцизные инспекторы изымают на складах табачных фабрикантов щавель, ревень, мать-и-мачеху и другие листья, но в очень незначительном объеме, принимая во внимание ценность товара и высокие пошлины на него.

Тот, кто, подобно Байрону, предпочитает обнаженную красоту листьев в форме сигары, будет в равной степени рад услышать, что такая вещь, как фальсификация, вряд ли присутствует в этом виде табака — по крайней мере, не при покупке в магазинах. Даже если мы опустимся до пенсового “Пиквика”, мы не найдем в нем ничего, кроме чистого листа. Из пятидесяти семи исследованных образцов только один был изысканным, и то, судя по его содержанию, случайно. Единственные фальсифицированные образцы, обнаруженные вообще, были именно там, где мы и ожидали их найти, - у лоточника в Уайтчепеле. При осмотре оказалось, что они состоят из двух скрученных оберток или слоев тонкой бумаги, окрашенных в бистровый цвет, в то время как внутренняя часть полностью состояла из сена, в их состав не входило ни крупички табака. Второй пример поддельной сигары был приобретен на смотре в Гайд-парке. Снаружи она состояла из табачного листа, а внутри была сделана из сена. Наши читатели достаточно знакомы с парнями, которые распространяют эти мошеннические изделия, сделанные на продажу, а не для курения; их обычно можно встретить на ярмарках и скачках или в любом людном месте под открытым небом, где они могут быстро скрыться от своих преследуемых покупателей. Есть класс мужчин, которые очень хорошо зарабатывают на жизнь в мегаполисе, прогуливаясь по улицам и присматривая за простодушной молодежью. К таким они приближаются украдкой и, подобно древнему искусителю, шепчут им на ухо о запретном плоде. Неосторожных постоянно ловит одна из этих змей в облике матроса прямо из доков, который торопливо намекает, что, если нам понадобятся какие-нибудь “контрабандные сигары”, у него есть только коробка, которую можно дешево продать за углом. В общем, этим достойным людям не нужно бояться акцизных сборов, поскольку товар, который они должны продавать, вообще не подпадает под название табака.

Однако, если сигары не могут быть обвинены в фальсификации, они становятся предметом бесчисленных мошенничеств, поскольку сигары английского производства выдаются за иностранные. Таким образом, так называемые бенгальские черуты - это все сделанные в домашних условиях имитации черут “Чинсура”. Чтобы выдать их за подлинные изделия, они продаются в коробках, заклеенных в точности так же, как те, что присылаются из Индии. Может возникнуть вопрос, почему такие сигары, сделанные из табачного листа, не так хороши, как сигары восточного или испанского производства. Настоящая причина заключается в том, что табак теряет большую часть своего прекрасного вкуса и аромата при упаковке и хранении; в противном случае английская сигара была бы ничем не хуже любой другой. Старое впечатление о том, что манильская сигара пропитана опиумом, не соответствует действительности, судя по исследованиям доктора Хэссалла, которому не удалось обнаружить этот наркотик ни в одном из образцов, которые он тестировал на него.

Мы должны упомянуть об одном препарате табака, о котором мы не можем отзываться столь же положительно, как о других. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что нюхательный табак сильно фальсифицирован, а некоторые виды ядовиты. Закон разрешает использовать при его производстве соль, воду и известковую настойку - привилегия, которой пользуются производители нюхательных табаков, чтобы увеличить их вес, поскольку во всех влажных нюхательных табаках в среднем содержится целых двадцать пять процентов. из воды. Если бы это были единственные примеси к возбуждающему порошку, вреда бы не было; но у нас есть убедительные доказательства, представленные нам в отчете комиссии “Ланцет”, что в дополнение к железистым землям, таким как красная и желтая охра, в него также вводятся не менее трех ядовитых препаратов — хромат свинца, красносвинцовый краситель и бихромат поташа! Когда человек постукивает по своей табакерке и берет щепотку, он почти

неподозревает, что вводит в свой организм врага, который в долгосрочной перспективе может овладеть его нервами и вызвать паралич; тем не менее это несомненный факт. Многие люди были лишены возможности пользоваться своими конечностями из-за того, что постоянно употребляли нюхательный табак, фальсифицированный свинцом в меньших пропорциях, чем было обнаружено в образцах, исследованных доктором Хэссаллом. Бихромат калия является еще более смертоносным ядом. Месье Дюшатель из Парижа обнаружил, что собаки погибали от доз от одной двадцать пятой до одной пятисотой крупинки. Мы слышали о заядлых нюхачах, которые держат это утешение открытым в карманах своих жилетов и берут себе понюшку за раз; если бы в их нюхательном табаке содержалось хоть сколько-нибудь похожее на то количество вредных ингредиентов, которое сейчас можно найти в том же товаре, “опущенные руки” и колики вскоре излечили бы их от этой грязной и неприятной привычки.

В наши цели не входит дальнейшее следование по пути, который открыли для нас Аккум и другие, а в последнее время и особенно доктор Хэссалл. Однако, прежде чем закрыть страницы отчета последнего джентльмена, из которого мы так много почерпнули, мы не можем не заявить, что сообщество находится в величайшем долгу как перед ним самим, так и перед редактором *Lancet* — перед первым за энергию, с которой он преследовал свою тему, а перед другим за его исключительную смелость взять на себя ответственность за многочисленные действия, которые публикация имен злодеев, вероятно, навлекла на его журнал, ответственность, которую доктор Хэссалл с тех пор взял на себя, перепечатав отчет под своим именем. Этот отчет, по сути, является справочником для честных и мошеннических торговцев продуктами питания в метрополии; и каждый человек, который ценит здоровую пищу и считает своим долгом перед обществом поддерживать честного торговца, отдавая предпочтение мошенникам, должен приобрести его как ценное справочное пособие. Мы не стали разбирать личности автора, поскольку это не могло бы послужить дальнейшей цели; но мы показали достаточно, чтобы убедить общественность в том, что в британском общественном комиссариате царит грубейший обман. Подобно стае обезьян, рука каждого человека видна в тарелке его соседа. Пекарь нанимает бакалейщика, бакалейщик обманывает трактирщика, трактирщик “делает” производителя маринадов, а производитель маринадов обирает и отравляет всех остальных.^[7]

Как хранитель доходов, правительство глубоко заинтересовано в этом вопросе, независимо от того, какого мнения оно должно придерживаться о его моральном аспекте, поскольку акцизы, без сомнения, занижаются на сотни тысяч в год из-за тех же незаконных практик, которые деморализуют значительную часть общества и вводят в заблуждение остальных.

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ САД.

Обеспечить все возможные звенья в великом процессе организованной жизни - вот цель науки зоологии. Его приверженцы исследовали дебри Африки и проникали далеко в глубь Южной Америки; терпели последние муки голода и жажды, чтобы поймать какую-нибудь любопытную

колибри; были до смерти поражены лихорадкой, чтобы подцепить неизвестного жука или раздобыть какую-нибудь редкую муху великолепной окраски. Страсть к этой науке, по-видимому, издавна жила в англичанах: наша любовь к полевым видам спорта и острое пристрастие к сельской жизни вкупе с привычкой к тщательным наблюдениям - все это способствовало знакомству с полевыми зверями и птицами в воздухе, и едва ли найдется деревня, которая не могла бы похвастаться каким-нибудь последователем Уайта или Уотертона. Этот вкус мы несем с собой в наши обширные колониальные владения и в ту цепь военных постов, утренние выстрелы которых эхом разносятся по всему миру. Располагая такими великолепными возможностями для наблюдения и коллекционирования животных, нам удалось собрать воедино зверинец, который, безусловно, является первым из существующих и который включает типичные формы большинства живых существ — от шимпанзе, в лице и строении которого мы прослеживаем предпоследнюю ступень высшей формы млекопитающих, до зоофита, который пожимает руку растительному миру.

Древний Рим, правда, в дни своего упадка был свидетелем более обширных коллекций животных и видел гиппопотамов, страусов и жирафов, а также более свирепых хищников, сотнями выводимых на арену; но насколько иным был дух, с которым они собирались! У униженных и расточительных римских императоров единственной целью этих кровавых представлений было удовлетворение зверского аппетита их народа к резне; у нас же целью является демонстрация различных чудес творения.

Большинство наших читателей в разгар лета перегнулись через балюстраду террасы *carnivora terrace*. С этой возвышенности виден весь план южной стороны территории. Справа от него, окаймляя тихий пруд, прозрачные воды которого отражают их в стоячем положении, зритель видит скопление аистов и журавлей; чуть дальше перед ним мягко ступают ламы и альпаки — обремененные животные Нового Света; дальше мы снова видим оленей в их загонах; а за ними - заросшие осокой водоемы с водоплавающими птицами, расположенные среди изящных кустарников, которые отделяют Сады от ландшафта Риджентс-парка. Переходя на северную сторону террасы, он видит орлиный вольер, обитаемый его царственными и одинокими на вид обитателями; выдры весело плавают по кругу, и, возможно, тюлень хлопает крыльями возле своего пруда; в то время как обезьяны с невероятной быстротой и постоянной болтовней расхаживают и прыгают в своем проволочном вольере. Прямо под ним, белые медведи расхаживают взад и вперед или, покачивая головами, пятятся назад с твердостью, которую лорд-камергер мог бы с пользой изучить; а совсем рядом видна длинная шея “корабля пустыни”, выплывающего из воды. Ворота красивого домика с часами. О том, что грозный лесной царь и другие “великие коты” находятся у него под ногами, он узнает по сердитому рычанию и дребезжащему звуку сотрясаемых железных прутьев, когда сторож ходит по кругу со своей ежедневной тележкой для мяса. Никто не может не испытывать определенного чувства странности, видя этих созданий всех стран, рассеянных среди цветущего сада, — наблюдать зверей, обескровленных зубами и когтями, нетерпеливо расхаживающих взад и вперед между грядками с алой геранью или клумбами, сверкающими бесчисленными цветами ранних георгинов, — или, что еще более странно, наблюдать за хищными птицами, которые любят летать в бурю в окружении ежемесячных роз. Если бы можно было дать каждому классу птиц и животных соответствующую растительность, это, несомненно, было бы предпочтительнее; но такое расположение было явно невозможно.

Если исходить из этого общего обзора, то длинный ряд притонов, которые тянутся под террасой с обеих сторон, в первую очередь привлекают внимание посетителя. До того, как в 1840 году была построена эта терраса, более крупные хищники жили взаперти в помещении, которое сейчас является домом для рептилий. Ранние притоны истеблишмента служат хорошим примером того, с какими трудностями сталкиваются англичане, приспособляясь к изменившимся обстоятельствам. При первом создании садов общество, по-видимому, взяло за образец какой-нибудь бродячий зверинец, поскольку многие дома зверей были не чем иным, как снятыми с колес фургонами, и управляющие разместили свою коллекцию лагерем, чуть более постоянным, чем Уомвелл разместил бы ее на деревенской лужайке. Быстро выяснилось, что здоровье кошачьих существенно пострадало от их тесного заключения, которое даже не учитывало перемены воздуха в путешествующем караване. На самом деле львы, тигры, леопарды и пумы жили в среднем не более двадцати четырех месяцев. Чтобы исправить такое положение вещей, были построены террасные берлоги, и, бросаясь из крайности в крайность, тропические животные оказались беззащитными перед всеми суровостями зимы. Мелкий дождь попадал им на волосы, и в холодную, сырую погоду они подвергались воздействию температуры, перед которой без защиты не смог бы устоять даже человек, живущий от жаркой зоны до полярного круга. Последствия проявились в увеличении числа воспалительных заболеваний легких, и теперь считается необходимым защищать берлоги с помощью циновки и искусственного обогрева от экстремального холода и сырости зимних месяцев. Летом им прекрасно подходит открытое пространство, и следует признать, что тигры выглядят слишком упитанными и довольными собой. Одна из самых интересных клеток - это та, в которой находится семейная вечеринка, состоящая из мастифа со львом и его супругой. Они вместе воспитывались с детства и на диво похожи друг на друга, хотя собака оказалась бы не более чем лакомым кусочком для любого из своих благородно выглядящих товарищей. Посетители выражают ему огромное сочувствие и воображают, что лев всего лишь приберегает его, как великан Джека, для будущего пиршества. Но мы считаем, что их сочувствие отброшено в сторону. "Лев" всегда сохранял то господство, которое он приобрел, когда был щенком, и любое грубое обращение со стороны его огромных товарищей по играм немедленно вызывает возмущение из-за того, что он летает у них перед носом. Хотя собаке разрешается выходить из берлоги каждое утро, она проявляет большое нежелание расставаться со своими старыми друзьями. Однако считается целесообразным разделять их во время кормления. И лев, и львица английского происхождения, и удивительно, что из огромного числа тех, кто родился в саду общества, целых пятьдесят процентов появились на свет с волчьей пастью и погибли из-за того, что не умели сосать. Если бы зрители набили себе ноздри паклей, мы предполагаем, что они могли бы совершить это действие с таким же успехом, по крайней мере, как дети, страдающие от головной боли. Самец дает нам возможность показать разницу между африканской разновидностью, к которой он принадлежит, и восточноиндийским экземпляром на другом конце террасы. У нашего юного капского друга прекрасная грива и хвост, но слегка пушистый на макушке, который ниспадает до земли. Взрослое животное из Гуджерата, напротив, сравнительно безгрудое, и его хвост на конце коротко загибается вверх. Хвостовая оконечность обоих снабжена рудиментарным когтем. Древние предполагали, что этот маленький придаток играет важную роль в том, чтобы приводить льва в ярость, и мистер Гордон Камминг сообщает нам, что коренные жители Южной Африки верят, что это обитель злого духа, который никогда не покидает своего поста, пока смерть не настигнет зверя и не предупредит его об уходе. Предполагается, что Гуджерат, или безрукий лев, является оригиналом

геральдического животного, к которому мы относимся с таким уважением как к национальной эмблеме, но которое, по мнению иностранцев, ничем не лучше леопарда.

Но почему мы держим этих благородных животных в клетках, похожих на ореховую скорлупу? Какое жалкое зрелище - видеть, как они расхаживают взад-вперед в своих похожих на коробки берлогах! Почему они, из всех лесных зверей, должны быть приговорены к такому заключению? У медведя есть своя удочка, у оленя - загон, у выдры - пруд, где по крайней мере, у них достаточно свободы, чтобы поддерживать здоровье; но мы держим наших львов и тигров в стойлах, как быков, пока они не станут вялыми, толстыми и одутловатыми, как городские олдермены. С половиной акра огороженной территории, посыпанной песком, мы могли бы увидеть, как царь зверей свободно расхаживает, как в своей ливийской крепости, а с двадцатифутовой искусственной скалой мы могли бы стать свидетелями прыжка тигра. Мы убеждены, что такое расположение привлекло бы тысячи людей в сады и вернуло бы более крупным хищникам то место среди зверей, которого они здесь были так несправедливо лишены. Мы одобряем эту идею способному секретарю общества, который своей системой "главных ролей" показал, насколько он осознал тот факт, что именно посетители стоимостью в шесть пенсов и шиллингов, которые десятками тысяч стекаются в сады по праздникам, должны поддерживать разумные и щедрые расходы, которые он недавно предпринял.

На другой стороне террасы, помимо леопардов и гиен, можно найти великолепную коллекцию медведей, от остромордого солнечного медведя (который грабит улей в дупле дерева так же артистично, как лондонский вор срезает кошелек) до огромного русского бруина, возможно, самого крупного из когда-либо выставленных. "Принц Меншиков", [8], как его называют зрители, вырос в чрезвычайно хорошем состоянии в садах Халла, где, по-видимому, он питался в основном своими собратьями, каннибал съел не менее пяти медведей; и они, по-видимому, оказали на него такое же действие, как рыбий жир на человека-инвалида. Его соседи, белые полярные медведи, странно отличаются от него физиономией и формой; их головы, острые, как у хорьков, кажутся сделанными наподобие волнорезов, позволяющих им прокладывать себе путь в море; и если бы они подняли свои огромные лапы, мы увидели бы, что они почти полностью покрыты шерстью, которая помогает им прочно стоять на льду. Самому крупному из этих зверей удалось выбраться из своего загона до того, как его закрыли сверху, но его мирно отвели обратно. В самом деле, даже самые дикие из зверей после недолгого заключения кажутся настолько напуганными обретением свободы, что легко позволяют снова поймать себя.

За один год одни только кошачьи съели говядины, баранины и конины на сумму 1367,19 *шилл.* 5д. Эта сумма совершенно не зависит от рыбы, змей, лягушек и других "мелких оленей", отданных птицам и низшим плотоядным. Все они живут здесь как джентльмены, освобожденные от рутинной работы по поиску пропитания. У них есть свои бойни в садах, где еженедельно специально для них забивают овец, быков и лошадей. Некоторые из них едят только вареное мясо. Вскоре после основания садов были проведены эксперименты относительно наилучшего способа их кормления, которые доказали, что, хотя они набирали вес и продолжали вести активный образ жизни при одном полноценном приеме пищи в день, они теряли вес и становились сонливыми при двух полупроеданиях. Стремясь еще ближе следовать природе, они соблюдали более щадящий рацион питания и даже голодали в определенные сезоны. Такое обращение, однако, привело к катастрофе — самка леопарда и пума убили и

съели своих товарищей: убедительный намек на более полноценный рацион, которым не пренебрегли.

Давайте теперь перейдем от клеток царя зверей к вольеру царя птиц. Коллекция орлов, стервятников и кондоров насчитывает более двадцати видов, среди которых мы узнали “старейшего обитателя” Садов — стервятника, подаренного обществу мистером Бруксом, хирургом, более тридцати лет назад. Несмотря на свой возраст, он выглядит одной из лучших птиц в коллекции. Однако мы сомневаемся, что последний новичок того же вида не “выставит клюв”, прибыв с далекого берега, к которому обратились тысячи встревоженных сердец. Мы имеем в виду стервятника, недавно присланного из Крыма. Он был пойман недалеко от монастыря Святого Георгия, и близость его убежища ко многим полям сражений наводит на размышления, слишком болезненные, чтобы на них останавливаться. Самое сильное впечатление, производимое при взгляде на этот вольер, - это совершенная изоляция, которую сохраняет каждая птица, когда она взбирается на самую верхнюю вершину груды камней, возвышающейся в центре ее логова, где она сидит, неподвижная, как камень. Кажется, что товарищи по заключению не узнают друг друга — за железной сеткой нет обмена ударами или любезностями. Каждый из них кажется вечным пленником, которого невозможно утешить или склонить на сторону людей. Время от времени обнажая свой пронзительный взгляд, мы замечаем расправленные огромные крылья, и, возможно, вспоминая молодых орлят в каком-нибудь альпийском орлином гнезде, птица на мгновение взмывает ввысь, ударяется крыльями о сетку и снова падает на землю с позорным шлепком рождественской индейки. Невозможно созерцать этих птиц без жалости, не без примеси боли. Кто узнает в неподвижном пучке перьев перед нами великолепное описание Одюбоном Белоголового орлана, набрасывающегося на свою добычу? —

В следующий момент раздается дикий трубный звук еще далекого, но приближающегося лебедя.... Сейчас самое время стать свидетелем проявления силы орла. Он скользит по воздуху, как падающая звезда, и подобно вспышке молнии обрушивается на робкую добычу, которая теперь, в агонии и отчаянии, пытается различными маневрами ускользнуть из его жестоких когтей. Он садится верхом, сгибается пополам и охотно бросился бы в ручей, если бы ему не помешал орел, который, давно зная, что с помощью такой хитрости лебедь может ускользнуть от него, заставляет его оставаться в воздухе, пытаясь ударить его когтями снизу. Лебедь вскоре оставляет надежду на спасение. Он уже сильно ослабел, и его силы иссякают при виде смелости и стремительности его противника. Она вот-вот испустит последний вздох, когда свирепый орел ударяет когтями по нижней стороне своего крыла и с непреодолимой силой заставляет птицу падать наискось на ближайший берег ”.

Такова романтика способа добывания пищи благородной птицей — здесь, когда она уходит сдохлой крысой в лапе или куском сырой говядины, мы видим ее прозу. Но каким бы непоэтичным ни было такое обращение, нельзя сказать, что мы с ним не согласны, о чем свидетельствует прекрасное оперение и хорошее состояние. Проходя по пути к обезьяннику, мы видим веселых выдр, играющих в “следуй за моим вожаком” вокруг своего каменного жилища, то бросающихся сломя голову в поисках плоской рыбы, которая блестит на дне воды, то вытаскивающих ее на берег и раздавливающих плоть, позвоночных и все остальное.

Прекрасно обустроенный, но плохо вентилируемый обезьянник всегда является отличным источником притяжения. Смесь веселья и торжественности, странные позы и трюки, а также

человеческое выражение их лиц - все это, как правило, привлекает и в то же время отталкивает. мистер Роджерс любил говорить, что навещать их - все равно что навестить своих бедных родственников; и некоторые из них кажутся удивительными потрепанными стариками. Нам стоит только на мгновение заглянуть в их лица, чтобы увидеть, что они отличаются друг от друга так же сильно, как и лица человечества. Вот крупный, длинноволосый, чернолицый негодяй, выглядящий таким же кровожадным, как малаец; чуть поодаль мы видим другого с большими кустистыми бакенбардами и косматыми бровями (мона), само воплощение преуспевающего торговца лошадьми; третий, с его длинным носом и пронизательным взглядом, имеет вид хитрого старого юриста. Созерцание их невольно наводит на мысль о переселении душ. Обезьяны и павианы действительно исключительно жестоки и вызывают только отвращение: по отношению к последним вся компания обезьян поменьше выражает крайнюю ненависть — это видно, когда зритель ради забавы вытаскивает одну из них из клетки и прогуливает по комнате. Все население бросается к своим клеткам и улюлюкает, рычит и болтает с ним так, как это могут делать только акционеры Восточного округа, когда их председатель занимает свое место. Жизнерадостные маленькие обезьянки-капуцины, очевидно, являются фаворитами и собирают большую часть орехов; коричневый капуцин, по-видимому, особенно сообразителен, поскольку держит под рукой большой камешек, и когда он обнаруживает, что его зубы не справляются с задачей, он стучит по ореху камнем с силой, достаточной для того, чтобы разбить скорлупу, не повредив ядро. Мы часто видели, как этот маленький человечек брал щепотку нюхательного табака и усердно натирал им кожу свою и своего товарища, без сомнения, прекрасно зная старый рецепт уничтожения блох. Он также будет использовать лук для аналогичной цели. Среди других четвероруких в этом доме мы находим лемуру, которые больше похожи на длинноногих ласок, чем на обезьян, и маленьких мартишек с яркими мордочками, которые вопросительно жмутся к передней стенке своей клетки, выглядя в своих меховых шапочках как множество сплетниц, расспрашивающих вас из-за жалюзи.

В настоящее время в Садах нет ни одного экземпляра ни урана, ни шимпанзе, но за последние десять лет здесь было по меньшей мере с полдюжины особей, одна из которых, “Дженни”, сохраняла здоровье в течение пяти лет. Сырой, холодный воздух Садов в конце концов вызвал чахотку; и публика должна помнить бедную, хрипящую, умирающую скотину с пластырем на груди и завернутую в одеяла - само воплощение умирающего старика. Единственный экземпляр, находящийся сейчас в Европе, находится в Ботаническом саду в Париже. Это животное, одно из прекраснейших, когда-либо виденных, обладает превосходным здоровьем и обещает сохранить его на свежем воздухе Прекрасной Франции. Опытный натуралист любезно предоставил нам следующие сведения об этом животном, которые ясно указывают на то, что он является настоящим доктором Басби среди своих собратьев:

“ Он проехал через Лондон по пути в Париж, высадившись в Плимуте. Тогда в Садах Риджентс-парка жили две самки шимпа, и французскому шимпу разрешили остановиться в их отеле на пару ночей. При его появлении обе эти юные леди издали крики узнавания, которые, однако, выражали больше страха, чем что-либо другое. Чима поместили в отдельный отсек, или комнату с двойной решеткой, чтобы предотвратить возможные травмы, которые несогласованные обезьяны нанесут друг другу. Едва он почувствовал пол под ногами, как начал обращать внимание на своих соотечественниц, столь внезапно обретенных. Их страх и удивление постепенно улеглись, и они стояли, внимательно наблюдая за ним, когда он разразился характерным *ла сеул*, которое он сохранял довольно долго, издавая крики, едва ли более отвратительные, чем кажутся нотами китайского певца, и почти не гармонирующие с его громко

стукающими ногами. Присутствовавший владелец сказал, что он имитировал танец негров, который животное часто наблюдало, когда жило в его доме в Африке. Животному было больше полутора лет, и он провел один год своей жизни в доме этого джентльмена. Девушки-шимпанзе постепенно ослабляли свою сдержанность по мере того, как росла живость танца, пока, наконец, когда он закончился, каждая украдкой не просунула руку через решетку и не поприветствовала своего друга и брата в их доме в далекой стране. Поскольку погода стояла суровая — было начало декабря, — вполне возможно, что они говорили о своих родных пальмовых рощах и нескончаемом лете. С тех пор Чим старался быть как можно любезнее, и когда пришло время его отъезда, девушки выразили живейшее сожаление, чуть ли не слезы, о том, что потеряли его. В Париже он быстро вырос в росте и уме. Климат, диета (он ежедневно выпивает пинту бордо) и оживленное общество французов кажутся более подходящими для телосложения Чима, чем наш меланхолический Лондон. Он знакомится не только с персоналом, но и с *завсегдатаями* Сада. В последний раз, когда я видел его (май 1854 г.), он вышел подышать утренним воздухом в большую круглую ограду перед Дворцом Синдж, построенную для “наших бедных родственников” М. Тьер. Здесь Чим начал свой день с неспешной прогулки, бросая довольные и благодарные взгляды в сторону солнца, прекрасного солнца раннего лета. У него было трое спутников, коати-мунди, то ли случайно, то ли чтобы позабавить его, и пока он строил всевозможные глазки молодой леди, которая поставляет в *Singerie* выпечку и пирожные, один из коати-мунди незаметно подошел сзади и слегка, но злобно укусил его. Чим с удивлением огляделся по сторонам при виде такого дерзкого надругательства над его личностью, надменно приложил руку к ране, но нисколько не потерял самообладания. Он неторопливо перешел на другую сторону круга и взял трость, которую обронил там во время своей прогулки. Он вернулся с величественным гневом на челе, смешанным, как мне показалось, с презрением; и, схватив Коати за хвост, начал наказывать его тростью, нанося такие удары, которые его жертва могла перенести без необратимых повреждений, и с равной справедливостью наносил удары по ребрам с обеих сторон, в направлении, всегда параллельном позвоночнику. Когда он решил, что сделано достаточно, он избавился от Коати, не дрогнув ни единым мускулом на своем лице, рывком левой руки, который подбросил преступника высоко в воздух кубарем. Он спустился еще более печальным и похорошевшим и со стыдом и страхом удалился в дальний угол. Совершив этот акт справедливости, Чим отвел его к дереву. Большой бабуин, который тем временем появился в кругу, подумал, что это хорошая возможность проявить вежливость, и соответственно взобрался на дерево и уселся, улыбаясь, как улыбаются бабуины, на следующей развилке. Чим медленно повернул голову в ответ на эту попытку фамильярности, измерил расстояние, поднял заднюю лапу и так же спокойно, как ударил палкой коати, сбросил большого бабуина с его насеста на арену внизу. Это унижение, казалось, пошло бабуину на пользу, потому что он тоже удалился, как и коати, и занял свое место на другой стороне. Я едва ли могу предположить, к какому совершенству манер и развитию мышления привели его последние полтора года; но, несомненно, однажды кто—нибудь скажет о нем, как однажды сказал мне один восточный принц, посмотрев на уранского ”Питера”: ”Он еще не говорит по-английски?”

Обезьяны до того, как их перевели в этот дом, страдали от большой смертности, и действительно, вступив во владение их новым жильем, зрители обычно убирали мертвых утром в курган. Такая чрезвычайная смертность была вызвана отсутствием вентиляции и системы отопления, которая сжигала воздух и вызывала воспаление легких. Доктор Маршалл

Холл и доктор Арнотт, проконсультировавшись, распорядились заменить открытую плиту, когда смертельные случаи прекратились.

Направляясь к небольшому зданию, которое когда-то использовалось как домик для попугаев, но теперь отведено для мелких кошачьих, мы проходим мимо тюленьего пруда и видим это странное животное, напоминающее датскую каретную собаку с ампутированными ногами. Он настоящий гурман в том, что касается своих обычных блюд, и воротит нос от любой рыбы, менее *изысканной*, чем путассу, этого дорогого деликатеса он потребляет по десять фунтов в день. Между тем, однако, он “охотится на необдуманные мелочи”, и мы видим, как он, пока посетители кружат вокруг его вольера, шлепают, шлепают по краю пруда, зорко высматривая из-за ограды случайную добычу. На обиталище мелких хищников обычно не обращают внимания, но его стоит посетить, хотя бы для того, чтобы увидеть красивых облачных тигров, как их неправильно называют, поскольку они больше напоминают охотящихся леопардов как по размеру, так и по отметинам на шкуре. Эти элегантные создания вполне ручные и допускают предельную фамильярность со стороны своего хозяина; но их сосед, каракал или рысь, кажется, никогда не устает совершать самые свирепые набеги на прутья, сопровождаемые мстительным и непрерывным плеванием, которое наводит нас на мысль, что оно обладает самой квинтэссенцией кошачьей натуры. В этой квартире есть одна маленькая клетка, заслуживающая особого осмотра, — в ней содержится экземпляр местной черной крысы, которая, по словам мистера Уотертона, была полностью съедена ганноверскими серыми крысами, прибывшими на одном корабле с *голландцем Уильямом*, и которые, по словам этого пылкого натуралиста, являются символами “протестантской ненасытности”. Те, кто читал его восхитительные эссе, хорошо знают, с каким упорством автор охотится на серого грызуна на протяжении каждой главы своей книги.

Если мы теперь проследим наши шаги вдоль границы плантации, которая образует темно-зеленый фон для бесчисленных георгин и, кроме того, закрывает сад с пронизывающего востока, мы, повернув направо, наткнемся на Аквариум, новейшую и самую привлекательную достопримечательность в садах. Как прохладно и восхитительно! Вокруг нас мы видим кусочки глубокого морского дна и быструю реку. Будь мы морями, мы не могли бы с большей непринужденностью рассматривать богатую поверхность океана, усаженную странными и живыми цветами. Посреди окружающих нас зеленых стен воды, имитирующих пещеры, заросшие морскими водорослями и другими морскими растениями, они служат убежищем и норами для ярких рыб, которые таращатся и бросаются наутек, или для неуклюжих ракообразных, которые ползают по каменистому дну. На фоне темной зелени этих затопленных скал морской анемон поднимает свое оранжевое основание, увенчанное похожими на цветы веерами, или свешивает змееподобные щупальца, извивающиеся, как головной убор Медузы. Но мы должны внимательно заглянуть в каждый уголок и под каждый камень, если хотим осознать количество животной жизни, которая здесь принимает такие странные растительные формы. Давайте в течение нескольких минут внимательно рассмотрим один из резервуаров, расположенных посередине здания. В течение нескольких месяцев вся мельчайшая животная и растительная жизнь размножалась и разлагалась, и все же вода оставалась чистой и светлой. Объяснение этого феномена дает один из самых прекрасных примеров того, как природа в широком масштабе поддерживает истинное равновесие между своими силами. Если бы мы поместили этих маленьких ясноглазых рыбок живыми в хрустальный аквариум, через неделю они бы умерли, потому что забрали бы весь кислород, который в нем изначально содержался, и загрязнили бы его ядовитым углекислым газом, выдыхаемым из их легких. Чтобы предотвратить

это, философ увешивает эти имитирующие пещеры зелеными морскими водорослями, а дно засаживает изящными морскими травами. Если зритель присмотрится к последним повнимательнее, он обнаружит, что они окаймлены яркими серебряными колокольчиками: эти колокольчики содержат кислород, который растения вывели из своих тканей под действием света, предварительно израсходовав углекислый газ, выделяемый рыбами и зоофитами. Таким образом, растения и животные необходимы для сохранения жизни друг друга. Но даже сейчас мы не рассказали обо всех причинах, которые обеспечивают кристальную чистоту воды. Растительный элемент растет слишком быстро, и если предоставить его самому себе, стенки резервуара были бы покрыты конфервидной растительностью, которая быстро скрыла бы его обитателей от нашего взгляда.

Мы хотим, чтобы падальщики убрали лишнюю растительность, и мы находим их в барвинках, которые, как мы видим, прикреплены ножкой к стеклу. Эти маленькие моллюски хорошо выполняют свою работу: мистер Госс, который наблюдал за их кормлением в карманный бинокль, заметил, что их пилообразные языки двигаются взад и вперед полумесяцевидными движениями, и таким образом, продвигаясь вперед, животное оставляет на стекле легкий след в виде полосы, как косилка на поле. Но ясно, что в аквариуме, который мы осматриваем, недостаточно рабочих, чтобы выполнить свою задачу, поскольку омар, который так неуклюже карабкается по камням, больше похож на движущийся салат, чем на любое живое существо, настолько густо покрыты спина, хвост, щупальца и клешни густой растительной порослью. Настоятельно требуется еще несколько черных косилок. Теперь, когда мы получили четкое представление о обитателях аквариума, давайте посмотрим их одного за другим. Здесь мы видим паразитического анемона. Подобно морскому старику, он присаживается на какого-нибудь бедного Синдбада в форме моллюска и непринужденно скачет в поисках пищи. Другой интересной разновидностью этого зоофита является перистая морская анемона, более домашнее животное, которое обычно садится на плоский камень или устричную раковину и ждет, когда к нему принесут еду, подобно тому, как ваша лондонская домохозяйка ожидает утреннего звонка мясника или пекаря.

Чисто белое тело соседней актинии делает его более заметным. Его щупальца, украшенные перьями над центральным ртом, выделенным желтым цветом, придают ему точное сходство с хризантемой и должны быть очень популярны у русалок для украшения своих волос. Еще более необычным существом является *Tabella ventilabrum*. Труба этого странного животного идеально прямая, а его большие, похожие на шелк, излучающие вентиляторы коричневого цвета в поисках пищи вращаются точно так же, как это делали старомодные вращающиеся вентиляторы в наших окнах. В тот момент, когда к этому вееру прикасаются, он втягивается в трубку, концы ее просто появляются наружу, придавая ему вид щетки из верблюжьей шерсти.

Мы не будем пытаться описывать различные виды зоофитов и кольчатых червей, насчитывающие сотни, — действительно, не все они знакомы ученым. Нам мало что еще можно сказать о ракообразных, которые карабкаются повсюду, и все же было бы невозможно обойти вниманием странствующего моллюска, который с такой удивительной активностью карабкается по камням. При более тщательном рассмотрении мы обнаруживаем, что это делается иностранным агентством. Эти раскинутые лапки, торчащие из его пасти, обнаруживают рака-отшельника, который вынужден облачать свое мягкое тело в первую попавшуюся защитную броню. Покинутый моллюск, или обыкновенная спиральная раковина, является ее излюбленным пристанищем, но, как и многие двуногие, она любит менять свое жилище; и те,

кто внимательно наблюдал за ее повадками, утверждают, что она намеренно переворачивает пустые раковины на пляже и, тщательно исследовав их когтями, перебрасывает свое тело из одного жилища в другое, чтобы подобрать наиболее подходящее. Но есть еще более странные факты, связанные с этим умным маленьким ракообразным. Мы уже наблюдали, что морской анемон-паразит неизменно, когда это возможно, закрепляется в этом передвижном домике, совершенно невзирая на многочисленные удары и потертости, которые неизбежно выпадают на его долю. Другой теплый друг, анемон-мантия, прижимается еще теснее, потому что он идеально обволакивает край раковины своей живой мантией. У нашего отшельника есть еще третий близкий знакомый, который пользуется его губкой вместо постели и питания, в виде красивого червяка, *Nereis bilineata*, который прячется за крабом на чердаке раковины моллюска, и в тот момент, когда его покровитель своими движениями указывает, что он добыл пищу, скользит между двумя челюстями левой ноги и вытаскивает кусочек изо рта, краб, по-видимому, проявляет не больше враждебности по поводу захвата, чем квакер, у которого внезапно отбирают ложки по церковным расценкам. . Интересные экземпляры, на которых мы остановились, обитают только в резервуарах для морской воды, которые расположены вдоль аквариума со стороны, противоположной двери, и в тех, которые проходят по центру квартиры. *Напротив* расположены резервуары с пресной водой, в которых мы можем наблюдать за повадками британских рыб. Там неподвижно, как камень, лежит благородная щука — натурщица фотографа, который недавно сделал его портрет. Усач, лещ, плотва и пескарь исполняют свои повседневные обязанности так, как будто они находятся на дне Темзы, а не зажаты между двумя стеклянными панелями и их осматривают с обеих сторон любопытные глаза. Те, кто отправится туда рано утром, смогут увидеть миног, которые, как пиявки, свисают со стекла своими круглыми ртами и дышат через семь отверстий, расположенных рядом с их грудными плавниками. Следует также изучить морских рыб; странные формы со злобно выглядящими челюстями, например, рыбу-собачку, которая пока еще молода, но вырастет на ярд или два в длину.

В восточном конце здания, у бассейна с аллигаторами, то тут, то там можно увидеть плавающую голову рептилии, очертания которой напоминают нам гиппопотама. В обоих случаях привычка отдыхать в воде с почти полностью погруженными головой и туловищем требует приподнятой формы ноздрей и глазниц, чтобы животное могло видеть и дышать. Аналогичное строение лица наблюдается у бородавчатой свиньи (в другой части садов), которая по самые глаза утопает в слякоти и трясине. Аквариум в полном распоряжении аллигаторов, за исключением пары черепах, которые слишком твердые орешки, чтобы даже они могли их расколоть.

Муниципальный аквариум открылся всего несколько лет назад, а он уже богат образцами британских зоофитов и кольчатых червей, по большей части добытых в окрестностях Веймута. Если они так прекрасны, то какими же должны быть чудеса морских глубин в тропическом климате? Кто знает, какие странные вещи может обнаружить смелый искатель приключений, который, подобно шиллеровскому ныряльщику, проникнет в ужасные глубины водоворота не за украшенной драгоценными камнями чашей монарха, а за спрятанными там живыми сокровищами, заложенными природой? Несомненно, среди ржавых якорей и заросших водорослями ребер давно исчезнувших армад гнездятся гигантские зоофиты и огромные морские звезды, которые за один сезон сделали бы Сады целым состоянием. Во всяком случае, мы надеемся, что аквариум значительно расширится, поскольку он предоставит средства для изучения отдела естественной истории, о котором мы до сих пор почти ничего не знали.

Если мы продолжим нашу прогулку по широкой дорожке, огибающей загон для оленей и лам, нас не может не поразить тот факт, что лучшая половина садов — та, что открыта заходящему солнцу, — еще не застроена, в то время как более открытая часть неудобно перегружена. Причина в том, что Уполномоченные по лесам не разрешат возводить в этих местах какие-либо постоянные здания, по какой причине мы не можем сказать. Мы надеемся, что запрет будет снят и что мы увидим, как здесь построят закрытую тренировочную площадку для бедных замкнутых обитателей террасных притонов. На северной оконечности тропы, по которой мы шли, мы натываемся на загон и бассейн, посвященный журавлям и аистам. Какие призрачные птицы у нас есть? Видите вон там, на самом краю бассейна, изможденного адъютанта, его голова втянута в плечи, он похож на путешественника, пытающегося согреть нос на восточном ветру. Говорят, что у каждого человека есть свое сходство с низшими животными, и мы видели множество адъютантов, ожидающих зимней ночью последнего омнибуса. Каким элегантным джентльменом кажется Стэнли Крейн рядом с ним! Между ними такая же разница, как между молодым гвардейцем в парадном наряде в опере и ночным извозчиком, кутающимся в многочисленные накидки своего пальто. Третий претендент на наше восхищение выступает вперед, как учитель танцев, то низко наклоняясь, то с помощью крыльев приподнимаясь на легком фантастическом носке, то наступая, то приседая, и все время привлекает внимание к своим гротескным, но не совсем неэлегантным позам своеобразным криком. Мы бросаем вызов самому серьезному зрителю, который без смеха наблюдает за выходками прекрасного коронованного журавля. Но мы слышим, как леди рядом с нами восклицает: “Возможно ли, что перья марабу, которые так часто грациозно покачиваются в поклоне перед королевой, когда-либо принадлежали таким уродливым птицам, как эти?” Каким бы невероятным это ни казалось, но это модное оперение действительно получено от этих грязных, неприглядно выглядящих аистов Марабу. Неподалеку, сидя на камне, мы видим меланхоличного вида цаплю, а дерзкие воробьи прыгают в футах от ее ног, таким неживым он кажется. Ах, это подлый обман птицы: в одно мгновение она ударила незваного гостя клювом, а в следующее мгновение воробей исчез у нее в горле. Этот элегантный серый журавль — “местный компаньон” из Австралии, названный так из-за его любви к общению с людьми в этой стране. Все мы знаем, какими семьями являются журавли и аисты в Голландии и на Востоке, где они без малейшего страха залезают на дымовые трубы; и мы рады обнаружить, что они питают такое же доверие к дикарям Нового Света. Это красивые птицы, но не с таким богатым оперением, как у европейского журавля, с его черно-белыми перьями и густым хвостом. Когда-то эти журавли были здесь обычным явлением, когда “Англия была веселой Англией”, то есть до того, как заработали ветряные мельницы и паровые машины, чтобы спасти многие графства от состояния болота. С цивилизацией они полностью исчезли с лица земли, и с цивилизацией мы снова находим их среди нас — зрелище, на которое стоит посмотреть. Не так давно странное население этого загона облюбовало птицу-секретаря, чьи бархатные бриджи, белые чулки и сдержанный вид придавали ему официальный вид, достойный Сомерсет-хауса прошлого века. Позаботься, малышка, о том, как ты их кормишь; атака с примкнутыми штыками едва ли более грозна, чем бросок длинных острых клювов через ограду, который следует сразу за выкладкой провизии.

Несколько шагов приведут нас к великолепному вольеру длиной 170 футов, построенному в 1851 году, через девятнадцать отделений которого постоянно течет чистая струя воды, а пространство, огороженное железной сеткой, настолько просторно, что у птиц есть место свободно пользоваться своими крыльями. В первом отделении хранятся две садовые редкости — атласная беседочная птица и таллагулла, или кустарниковая индейка. Первая, птица

блестящего иссиня-черного окраса, является единственной оставшейся из трех, завезенных в эту страну в 1849 году. Сразу по прибытии в сады они приступили к строительству одной из своих беседок, или “дорожек”, которые, по словам секретаря, постоянно дополнялись и перестраивались с того периода по настоящее время. Беседка, пожалуй, одна из самых необычных вещей в птичьей архитектуре, поскольку она построена не с полезной целью содержания молодежи, а исключительно как место для игр — фактически, украшенный бальный зал, где молодая пара флиртует и занимается любовью, прежде чем вступить в супружескую жизнь. Беседка в данном случае сооружена из прутьев старого веника в форме подковы; или, возможно, нам следует лучше представить ее, указав, что прутья согнуты в форме ребер военного корабля, верхняя часть открыта, а длина варьируется от шести до двенадцати дюймов. По бокам и у входа в беседку птица в естественном состоянии кладет яркие перья, раковины улиток, отбеленные кости - словом, все, что содержит цвет. Если вспомнить, что Австралия - настоящий рай для попугаев и птиц с ярким оперением, станет ясно, что у маленького художника не может быть недостатка в материалах, чтобы удовлетворить свой вкус к украшениям; тем не менее, нам говорят, что за некоторыми из своих украшений он преодолевает значительные расстояния. Когда сооружение завершено, он садится в него, чтобы соблазнить самку, полностью осознавая, без сомнения, что представительниц прекрасного пола привлекает красивое заведение. Как бы то ни было, пара быстро начинает носиться туда-сюда, с таким же чувством и, вероятно, с таким же удовольствием, с каким двуногие на легких каблуках совершают галоп. Однако в результате того, что самец птицы лишился своих товарищей, он, кажется, небрежно относится к своей беседке, которая находится в самом запущенном состоянии — фактически это бальный зал на следующий день после праздника. Пусть поскорее появится новый компаньон и побудит его еще раз привести свой дом в порядок! Атласная птичка, как и сорока, хорошо известна туземцам как ужасная воровка, и они всегда обыскивают ее жилище в поисках любого предмета, который они, возможно, потеряли. “Я сам, - говорит м-р Гулд в своем рассказе об этих птицах, - нашел у входа в одну из них небольшой, аккуратно обработанный каменный томагавк длиной в полтора дюйма вместе с несколькими полосками синих хлопчатобумажных лоскутков, которые птицы, несомненно, подобрали в покинутом лагере туземцев”.

Едва ли менее интересной птицей является кустарниковый индюк. По внешнему виду она очень похожа на обычную черную индейку, но не такая крупная; необычный способ высидывания яиц составляет ее необычность. Он не вьет гнезда в обычном понимании этого термина, а скребет лапами разложившуюся растительную массу в пирамиду. Затем осторожно, через равные промежутки времени, обмакивайте яйца маленьким концом вниз и покрывайте их теплыми сброженными сброживаниями. Пара в саду, вскоре после того, как их привезли из Австралии, начала делать один из таких инкубационных холмиков, который к тому времени, когда он был закончен, вмещал более четырех тележек листьев и других растительных остатков. После того, как самка отложила шестнадцать яиц, каждое размером не менее четырех дюймов в длину — огромный размер, учитывая массу птицы, — самец начал присматривать за этим естественным Эккалеобионом и время от времени разгребал мусор, чтобы осмотреть их. После шести недель захоронения яйца одно за другим и без всякого предупреждения выпустили своих птенцов — не слабеньких, а полноценных и сильных: умный сторож рассказал нам, что видел, как один из них вылетел из земли высотой не менее пяти футов. Ночью птенцы выкапывали для себя норы и, улегшись в них, прикрывались старыми птицами и так оставались до утра. Необычайная сила только что вылупившейся птицы объясняется размером панциря, который содержит достаточно

питательных веществ, чтобы питать ее до тех пор, пока она не станет аппетитной. К сожалению, все детеныши, кроме одного, погибли в результате различных несчастных случаев совершенно независимо от температуры; и следующий выводок, вероятно, будет выращен. Поскольку и мясо, и яйца этих птиц восхитительны, совет стремится натурализовать их среди нас. Фактически, одна из целей садов, находящихся под их просвещенным управлением, состоит в том, чтобы превратить их в то, что Бэкон называет в своей “Атлантиде”, “испытательное место для зверей и рыб”. Веками применялась система истребления многих местных животных; волк и канюк совершенно исчезли, а орла быстро уносят даже с высокогорья Шотландии — действительно, так быстро, что мистер Гордон Камминг, как мы слышали, озабочен созданием общества защиты его яиц. Вредные животные были заменены акклиматизацией многих представителей иностранной фауны, которые либо отличаются своей красотой, либо ценны своей плотью. Этот перенос, который так много добавляет к богатству страны, может быть значительно ускорен с помощью этих садов, которые являются своего рода “испытательным полигоном” для животных, подобно тому как поля некоторых наших богатых земледельцев предназначены для выращивания чужеземных корней и трав, в которых можно обнаружить те, которые могут принести пользу, а затем распространить по всей стране.

Если мы можем сослаться на ручных индеек как на примеры птиц, способных обеспечить новый вид нежной и легкой в выращивании пищи, то великолепные импеганские фазаны, находящиеся поблизости, выведенные здесь от пары, принадлежащей ее Величеству, и которые переносят суровую зиму на открытом воздухе, могут рассматриваться как “прекрасные создания”, которые могут быть выведены среди нас, чтобы очаровывать глаз. Канны, опять же, на северной стороне сада, которые так обильно размножились и так быстро обрели плоть, были с пользой превращены в наши парки, где их красивые формы оказываются столь же привлекательными для глаз, как их оленина высшего качества - для вкуса.

Но мы больше не можем задерживаться и рассуждать о богатстве этого вольера, в котором содержатся редкие экземпляры птиц со всех уголков мира. Пройдя по тропинке, которая ведет нас к северному входу, мы достигаем загона для пеликанов, в котором видим с полдюжины этих неуклюжих созданий, белых и серых, с мешочками под клювами, вместительными, как сумка на рабочем столе леди. Иногда у посетителя может быть возможность стать свидетелем объяснения популярного мифа о том, что старая птица кормит своих детенышей кровью из собственной груди. Эта идея, очевидно, возникла из-за того факта, что она может опорожнить содержимое своего мешочка в рот своим детенышам, только прижимая его к груди, при этом перья часто не обескровливались от крови растерзанной рыбы внутри них. Пристальное наблюдение за птицами и зверями в зоологических коллекциях привело к тому, что многие сказочные истории были сведены к трезвому рассуждению. По другую сторону аллеи можно увидеть в незрелом оперении одного из красных фламинго из Южной Америки, которые, как говорят, очень похожи на полк наших солдат, когда они стоят рядами на рыбалке у берегов рек; и здесь также есть нежные розовые экземпляры Средиземноморья, которые также чрезвычайно красивы. Те, кто привык плавать по Красному морю, часто становятся свидетелями огромных перелетов этих птиц, пролетающих и возвращающихся из Аравии в Египет; и один путешественник сообщил нам, что однажды, когда у него была хорошая возможность измерить столб, он убедился, что его длина превышает милю! Какое великолепное зрелище - видеть чистое небо на востоке, расчерченное этой движущейся полосой ярких цветов!

Но мы еще не исследовали северную часть территории, где обитают огромные толстокожие животные. Трудности, вызванные подъездной аллеей, соединяющей два сада, были устранены с помощью туннеля, подъем из которого на противоположной стороне, по обе стороны от которого растут изящные папоротники, является одним из самых очаровательных уголков сада в жаркий летний день. Если, пройдя по подземному ходу, мы повернем направо, то сразу наткнемся на жилище рептилий. Если посетитель не выберет подходящее время, он, как правило, не найдет здесь ничего интересного. Большие змеи либо ушли из общественной жизни под свои одеяла, либо лежат, свернувшись кольцами, на ветвях деревьев в своих берлогах. Рептилиям предлагают корм раз в неделю, но они не всегда будут питаться с таким интервалом. Один огромный питон голодал почти невероятное время - двадцать два месяца, вероятно, подготовившись к своему воздержанию великолепным объедением. Однако после семидневного поста к большинству змей возвращается аппетит. Три часа - время кормления, и рептилии, которые стоят на страже, кажется, прекрасно знают, зачем человек входит с корзиной, за стенкой которой они слышат хлопанье крыльев пернатых жертв и короткий топот обреченных кроликов. Зритель открывает дверь в задней части логова огромных змей справа от нас — ибо их мы не боимся, — снимает с них одеяло и бросает на гремющую гальку бегущего кролика, который прыгает из стороны в сторону, с любопытством осматривая свое новое жилище; вскоре, удовлетворенный, он садится на корточки и неторопливо начинает умываться. Каменный змей бесшумно скользит по камням, расправляя свои огромные складки, которые, подобно канату, кажется, движутся как бы под действием какой-то силы извне, на мгновение останавливает взгляд на своей потерявшей сознание жертве, а в следующее мгновение хватает ее своими жестокими челюстями. Его сжимающие складки обвиваются вокруг визжащей жертвы так же быстро, как хлыст, и в течение десяти минут змей лежит неподвижно, поддерживая свой смертельный узел, пока его жертва не умрет, после чего, схватив ее за уши, он тянет ее через свои тиски, раздавливая каждую кость и удлинняя тело, готовясь пожрать его. Удав и каменная змея всегда заглатывают свою добычу головой вперед. Как при такой тонкой шее и изящной голове удастся освободить место для этого громоздкого кролика? думает зритель. Вскоре он видит, что челюсти разинуты, и рептилия медленно *подтягивается* к своей добыче, а не заглатывает ее, подобно тому, как вы натягиваете чулок на ногу. Огромный кусок опускается все ниже и ниже под крапчатую чешую, которая, кажется, вздулась, и чудовище снова сворачивается калачиком, чтобы спокойно переварить свою трапезу. Питоны в этих садах питаются кроликами и голубями. В то время как на мелких птиц охотятся в приюте для рептилий, их старшие братья, аисты в загоне, нарушают закон природы, поедая змей. Когда мы переходим на противоположную сторону змеиной комнаты, где содержатся ядовитые виды, мы замечаем, что для кормления здесь устроено более осторожное место. Дверь открывается наверху, а не по бокам их логова, и на то есть веская причина; ибо как только сторож снимает изогнутым железным прутom одеяло с кобры, рептилия с надутым капюшоном принимает S-образную позу и бросается вбок на своего врага. Кажется, он не способен нанести хороший удар по какому-либо предмету выше или ниже своего уровня: посмотрите, например, на морскую свинку: снова и снова он бросается на нее, но промахивается; теперь он попадает в нее, но только для того, чтобы сбить бедное испуганное существо с ног десятком летящих перед ним камешков; когда, наконец, ему удастся проткнуть бока своей жертвы, немедленно начинаются столбнячные спазмы, и она умирает в конвульсиях через несколько секунд. Те, кто наблюдал за ядовитыми змеями, говорят, что способ умирания их пораженной жертвы раскрывает природу рептилии, нанесшей отравленную рану. Вряд ли нужно утверждать, что популярное представление о том, что язык выделяет яд, является

ошибочным. Яд содержится в железах, которые находятся у основания клыков с обеих сторон, и за счет сжатия мощных мышц, из-за которых голова кажется такой широкой и плоской, он выталкивается в тонкую трубку, проходящую по бокам клыка, и находит свой выход рядом с острием через крошечное отверстие. Кобра, представленная в коллекции в настоящее время, с ее глянцевой черно-желтой кожей, черными и злыми глазами, быстрыми и грациозными движениями, кажется, является олицетворением Индии. Когда мы смотрим его, готовые к прыжку, мы внезапно вспоминаем, что только стеклянная пленка стоит между нами и “чистой смертью”. Но бояться нечего: питон в соседней комнате, который весит сто двадцать фунтов, придя в ярость по прибытии из-за того, что его удалили из ложи, со всей силы бросился на зрителя. Тем не менее, оконному стеклу хватило прочности поднять его, и в результате столкновения он упал на спину, получив такие ушибы по голове и морде, что несколько месяцев не мог нормально питаться. Кобра, которую мы видим, - та же самая, что уничтожила своего хранителя. В припадке опьянения мужчина, вопреки прямому приказу, вытащил рептилию и, засунув ее голову себе под жилет, позволил ей скользить по своему телу. Когда она вынырнула из-под его одежды с другой стороны, по-видимому, в хорошем настроении, он сжал ее хвост, когда она ударила его между глаз; через двадцать минут он потерял сознание, а менее чем через три часа был мертв. Прежде чем мы покинем эту комнату с рептилиями, давайте заглянем на минутку в маленькую комнатку, открывающуюся из угла, где на стене мы видим все сброшенные одежды змей. Если хранитель позволит нам ненадолго подержать в руках один из них, мы увидим, что это действительно цельный костюм светло-коричневого цвета и прозрачной текстуры, который закрывал не только тело и голову, но и сами глазные яблоки владельца.

В Питоновом домике на другой стороне музея обитают две огромные змеи. Приключения одного из них — *Python reticulatus* — заслуживают того, чтобы их описали: когда он был достаточно мал, чтобы поместиться в кармане, американские моряки вместе с товарищем, которого уже нет, перевезли его с Цейлона в Бразилию; затем они были выставлены в большинстве приморских городов Южной Америки и публично проданы за высокую цену в Кальяо капитану корабля, который принес их в the gardens и потребовал 600 фунтов стерлингов за пару; полностью убежденный в их огромной ценности, он заплатил 30 фунтов стерлингов, чтобы застраховать их на время путешествия, и только после этого он смог застраховать их. долго и мучительно размышлял над тем, что он согласился продать их за 40 фунтов стерлингов. Ранее мы упоминали о необычайно длительном голодании питона без травм. Их фантазии, так же как и их посты, довольно эксцентричны. Каждый слышал о змее, которая проглотила его одеяло, о еде, которая в конце концов убила его. Питон, который много лет жил в дружеских отношениях со своим братом, почти таким же крупным, как он сам, был найден однажды утром солусом. Поскольку клетка была надежно заперта, зрители были озадачены тем, как змея сбежала: наконец было замечено, что оставшийся в ней заключенный заметно распух за ночь, когда ужасный факт стал достаточно очевиден; братоубийце удалось проглотить своего брата целиком; однако это была его последняя трапеза, поскольку через несколько месяцев он умер. Друг сообщил нам, что однажды он видел в этих садах, как цейлонская крысозуба пожирала обыкновенный *Coluber natrix*. Крысо-змея, однако, не измерила свою жертву, так как никакими усилиями не могла избавиться от последних четырех дюймов своего хвоста, который довольно лихо торчал из уголка рта, очень напоминая сигару. Через четверть часа хвост начал совершать ретроградные движения, и проглоченная змея была извергнута, что не повредило ее живому гробу, за

исключением раны, нанесенной его партнером, когда он впервые схватил ее. Муравьед, который недавно жил в комнате, ведущей из квартиры питона, умер от нехватки муравьев.

Когда мы снова выходим на открытый воздух, перед нами предстает аллея по всей длине, обсаженная липами, летом представляющая собой настоящий островок зелени. Какой очаровательной картиной было видеть послушную слониху, шагающую к нам тяжелыми и величественными шагами, в то время как в алой хаудхе счастливые дети раскачивались из стороны в сторону, пока она маршировала. Она, которая столько лет была нашей радостью, некоторое время назад умерла от бури с громом и молнией. Таков действительно был, на первый взгляд, странный вердикт врача, который произвел его *вскрытие*. Однако ужас, вызванный бурей, по-видимому, вызвал какое-то нервное заболевание, от которого она скончалась. Есть подозрение, что туша весом в пять тысяч фунтов и выше, которая была отправлена на переработку, в конечном итоге попала к производителям колбасных изделий. Не начинай, уважаемый читатель; у племен Южной Африки мясо слона считается отличной едой, а истребитель львов говорит нам, что ноги - настоящий деликатес. Он обычно ел их так, как мы едим стилтонский сыр, вынимая внутренности и оставляя кожуру; он демонстрировал своим слушателям некоторые из этих реликвий, которые выглядели как огромные кожаные ведра для тушения. И теперь у нас осталось только молодое животное, которое когда-то сосало свою огромную мать, к восторгу толпы детей и к отвращению носорога, который является заклятым врагом всех слонов. Однако малыш быстро растет и уже получил повышение, чтобы нести давно покинутую хаудху. Носорог, находящийся совсем рядом, является преемником прекрасного старичка, купленного в 1836 году за 1050 *фунтов стерлингов*, самую большую сумму, когда-либо выделенную обществом за одно животное. Образец, выставленный сейчас в садах, стоил всего 350 *фунтов стерлингов*. в 1850 году стоимость этих товаров колебалась настолько сильно. Его предшественник, ушедший из этой насыщенной годами жизни, постоянно подвергался давлению драчливого слона, который упирался бивнями в спину своего соседа, когда тот приближался к ограде, разделявшей их огороженное пространство. Это грубое обращение, по-видимому, привело к его смерти, поскольку профессор Оуэн обнаружил при вскрытии массивного животного, весившего более двух тонн, что седьмое ребро было сломано на изгибе около конца позвонка и повредило левое легкое.

Недалеко от живописного дома, построенного Децимусом Бертоном, в одной из клеток перед офисом смотрителя садов можно увидеть бобра. Удивительный инстинкт этого маленького животного, безусловно, не уступает инстинкту огромного слона. Пока что он не был помещен в условия, позволяющие общественности убедиться в его строительных способностях; но, как мы понимаем, Муниципальный совет намерен предоставить ему ручей с проточной водой и необходимые материалы для строительства одной из тех необычных плотин, которыми так славится это животное. В Канаде, где он когда-то процветал, жители лесной глуши часто натыкались на склоны холмов, полностью очищенные от крупных деревьев колониями этих маленьких существ, которые использовали срубленную древесину для строительства своих плотин - плотин не нескольких футов в длину, а иногда ста пятидесяти футов, построенных в соответствии с наилучшей инженерной формулой сопротивления давлению воды, а именно под углом, направленным вершиной вверх по течению, и постепенно сужающихся от основания к вершине. Короче говоря, сам мистер Брюнель не смог превзойти вашего бобра в своих

инженерных разработках. Даже в неволе этот проникательный грызун любит демонстрировать свое мастерство, как мы можем узнать из рассказа мистера Бродерипа о его питомце Бинни:

“Его строительный инстинкт, ” говорит этот опытный натуралист, - проявился сразу же, как только его выпустили из клетки и подложили материалы на его пути, и это раньше, чем он провел неделю в своем новом жилище. Его сила, еще до того, как он наполовину вырос, была велика, он тащил за собой большую подметальную щетку или грелку, хватаясь зубами за ручку, так что груз оказывался у него на плечах, и продвигался в косом направлении, пока не достигал той части, куда хотел его поместить. Сначала всегда брались длинные и крупногабаритные материалы; и два самых длинных обычно укладывались крест-накрест, причем один из концов каждого касался стены, а другие их концы выступали в комнату. Пространство, образованное поперечными щетками и стеной, он заполнял ручными щетками, корзинами для тростника, книгами, ботинками, палками, тряпками, сухим дерном или чем-нибудь портативным. По мере того как работа набирала обороты, он опирался на свой хвост, который превосходно поддерживал его; и часто, положив на него какой-нибудь из своих строительных материалов, он садился, прислонившись к нему, делая вид, что рассматривает свою работу, или, как говорят деревенские жители, ‘судит о ней’. Иногда за этой паузой менялось положение материалов, а иногда их оставляли на своем месте. После того, как он сложил свои материалы в одной части комнаты (поскольку обычно он выбирал одно и то же место), он приступил к замуровке пространства между ножками комода, который стоял на небольшом расстоянии от него, достаточно высоко на ножках, чтобы сделать нижнюю часть для него крышей, используя для этой цели сухой дерн и палки, которые он укладывал очень ровно, и заполняя промежутки кусочками угля, сеном, тканью или чем угодно, что он мог подобрать; последнее место, которое он, по-видимому, выбрал для своего жилища, предыдущая работа, по-видимому, предназначалась для строительства плотины. Замуровав пространство между ножками комода, он принялся заносить туда палки, тряпки, сено, вату и мастерить гнездо; а когда он закончил, он садился под ящиками и расчесывал себя когтями задних лап”.

Молодец, Бинни! Если бобр в саду будет так же безупречно проявлять свои природные инстинкты, нас может ожидать некоторое развлечение. Вплоть до позднего периода бобр был довольно редким животным, требования моды почти истребили его. Однако, когда появились шелковые шляпы, ежегодное истребление сотен тысяч представителей его расы ради меха постепенно уменьшилось, и теперь он начинает размножаться в своих родных местах обитания — исключительный пример того, как парижская и лондонская моды влияют на само существование плодовой расы животных в Новом Свете! В самом соседнем купе находится заяц, который годами играл на тамбурине на улицах мегаполиса, но его хозяин, обнаружив, что его выступления не привлекают внимания, обменял его в этих садах на обезьяну; и теперь, пока он спокойно ест зелень, бедняге Джако в красном плаще и шапочке с перьями, вероятно, приходится зарабатывать на хлеб насущный, изображая человечество на шарманке. Но когда мы останавливаемся, гиппопотам ныряет в свою ванну на огороженной территории, и посетители устремляются посмотреть, как могучее животное совершает свое омовение. Он больше не дает аудиенций всем честным и модным людям города. Увы величю этого мира! краб-солдат и креветка-эзоп теперь рисуют “домики” получше. Озлобило ли его это дезертирство или нет, мы не можем сказать, но он определенно утратил свое дружелюбие, несмотря на то, что до сих пор сохраняет юмористическую приподнятость уголков рта, которая так неподражаемо удавалась Доилу. Временами, действительно, он приходит в ярость, и его огромная сила потребовала реконструкции его дома по гораздо более строгому плану. Только

те, кто видел, как он бросался с разинутой пастью на массивную дубовую дверь своей квартиры, снова и снова возвращаясь в атаку и заставляя прочные балки дрожать, как будто они были толщиной всего в дюйм, могут понять опасные припадки, которые время от времени проявляет существо, которое было таким кротким, когда *дебютировало*, что не могло заснуть, не положив шею на ноги своего арабского сторожа. Эта привязанность к своей кормилице претерпела большие изменения, поскольку, когда соотечественник и коадьютор Хамета, Мохаммед, во второй раз появился с молодой самкой гиппопотама, Обайш в приступе ярости чуть не убил его. Ему особенно не нравится вид работающих мужчин, особенно если они заняты какой-либо работой по его квартире. Кузнецу этого заведения случилось однажды проходить по железной галерее, проходящей по одной стороне его ванны, и разъяренное животное выпрыгнуло из воды высотой по меньшей мере в восемь футов и быстро снесло бы всю конструкцию, если бы человек быстро не скрылся у него из виду. Мы надеемся, что его настроение улучшится, когда ему представят его юную невесту в соседней комнате; но она пока всего лишь детеныш бегемота, хотя и быстро растет. Невероятно прочные железные перила перед его апартаментами необходимы для защиты от набросков, которые он иногда совершает на людей, которые ему не нравятся. Посмотрите на этот огромный рот, игриво открытый для колкостей! Что для него булочка или бисквит? В это огромное горло ежедневно попадает сто фунтов провизии. Конечно, у дракона Уэнтли не было такой глотки.

Жирафы в соседнем помещении находились в садах так долго, что их уже не считают редкостью; но следует помнить, что четыре вида, приобретенные в 1835 году в Хордофане агентом общества, были, как и гиппопотам, первыми, когда-либо выставленными в Европе со времен древнего Рима. Из них сейчас осталась только одна самка; но очень многие были выведены в садах и сохранили отличное здоровье. В настоящий момент трое из их потомства размещены в квартире, в которую мы входим. Лучший из них, самец, благородный малый, ростом почти семнадцать футов. Когда он выходит на огороженную территорию, высоко, поскольку деревья защищены бордюром, ему все же удастся осмотреться, как в его африканских лесах, и именно тогда посетитель видит всю красоту зверя, которая теряется в доме. Жираф, несмотря на свой кроткий и меланхоличный вид, который сильно напоминает нам верблюда, все же в определенное время года яростно сражается со своими собратьями. Однажды два самца сражались здесь так яростно, что рог одного из них фактически вонзился в голову другого. Их метод боя очень своеобразен: вытянув передние и задние ноги, как у лошади-качалки, они используют свои головы, как кузнец кувалду, и размахивая позвоночным столбом таким образом, который, как можно было бы подумать, рассчитан на то, чтобы сломать его, они обрушивают всю силу рогов на череп своего противника. Удар крайне серьезен, и принимаются все меры предосторожности для предотвращения этих конфликтов.

Проходя по узкому коридору, в котором заключены страусы, мы наконец добираемся до последнего обитателя сада и, возможно, самого любопытного существа, которое в нем обитает. Если наблюдатель окажется под рукой, он откроет дверцу ящика, в котором оно живет, и выгонит для нас растерянного аптерикса — высшего представителя, по словам профессора Оуэна, класса теплокровных животных, обитавших в Новой Зеландии до появления человека. Странное и хаотично выглядящее, как и большинство живых существ, привезенных из Австралии и прилегающих островов, это существо, безусловно, является самым странным из класса птиц и, как мы полагаем, единственным, кого когда-либо видели за пределами Новой Зеландии. Поскольку он тщетно забивается в углы и пытается спрятаться от дневного света, мы замечаем, что он бескрылый и бесхвостый; короче говоря, он похож на ежа, сидящего на карликовых, но

мощных ногах страуса, в то время как его длинный клюв, который кажется позаимствованным у аиста, используется, когда птица наклоняется вперед, чтобы поддержать его, подобно тому, как старик пользуется палкой. Это странное существо, по-видимому, занимает среди пернатых двуногих Полинезии параллельное положение с новоголландским кротом (*Ornithorhynchus paradoxicus*), который обладает клювом и перепончатыми лапами утки с когтями наземного животного — среди четвероногих. Г-н Гулд отмечает, что природа предоставляет соответствующую растительность каждому классу животных. Наша вселенская мать, похоже, подобрала свою Флору и Фауну в этой части земного шара; по крайней мере, парадоксальные существа, о которых мы упоминали, кажутся счастливо сочетающимися с австралийской растительностью, где косточки растут снаружи вишен, а грушевидные плоды свисают с ветки своими маленькими концами вниз! Аптерикс ведет полностью ночной образ жизни, преследуя свою добычу на земле скорее по запаху, чем зрением; для этого обонятельные отверстия расположены рядом с концом клюва. Таким образом, птица чувствует червяка, которым она питается, далеко под поверхностью земли. Мы не должны рассматривать аптерикса как исключительное существо, скорее как тип большого класса птиц, характерных для островов Новой Зеландии, которые были уничтожены, подобно дронту на Маврикии, с момента прихода человека. Профессор Оуэн задолго до появления аптерикса в Англии заявил, что единственная кость, найденная в одном из новозеландских водотоков, принадлежала бескрылой бесхвостой птице высотой не менее двенадцати футов.[9] Эта научная гипотеза недавно была преобразована в уверенность благодаря открытию ряда костей, которые демонстрируют, что несколько видов моа когда-то бродили среди поросших папоротником островов, которые усеивают светлый полинезийский океан. Эти кости были найдены вперемешку с костями аптерикса, который, таким образом, оказывается связанным с расой таинственных существ, которые, как предполагается, давно исчезли, хотя рассказывают историю — правда, американскую — об англичанине, наткнувшемся на динозавра во время его ночных прогулок, и о том, как он бежал от него с таким ужасом, как будто это был древний грифон.

Наша прогулка по садам позволила нам лишь бегло взглянуть на несколько из 1300 млекопитающих, птиц и рептилий, обитающих в настоящее время там; но долг зоолога - подробно остановиться на каждом. Для таких людей эти сады на протяжении последних двадцати шести лет были настоящим источником информации. За это время через них прошла грандиозная процессия животных, диких и ненасытных, и по большей части они направились к тому “краю, откуда не возвращается ни один путешественник”. Давайте расставим их по ранжиру и передадим нам:—

Quadrupeds	1,069
Mammals	1,409
Grasshoppers	1,025
Thick-skinned 204	Chewing
Ruminantia	1,098
219	Reptiles 219
Reptiles	7,320

.

— итого 14 205. От этого большого количества любопытных животных, несомненно, не осталось и следа; но благодаря заботе Совета, ни один редкий экземпляр не умер, по крайней мере, за эти пять лет, не позировав предварительно для своего портрета. Первая часть ценного собрания цветных рисунков, выполненных неподражаемым карандашом мистера Вулфа, сопровождаемая описанием, сделанным пером покойного мистера Митчелла, редактора этого труда, опубликована под названием “Зоологические очерки и т. Д.”, а вскоре последуют и другие. Работа, когда она будет завершена, войдет в анналы зоологии как из-за исключительной красоты рисунков, которые, можно сказать, являются дагерротипией предметов в их наиболее характерных позах, так и из-за характера печати, доказывающей, что редактор писал с натуры.

Эта великолепная коллекция была собрана путем подарков, покупок, разведения и обменов. Однако из 14 205 экземпляров, находившихся во владении общества, была куплена едва ли десятая часть. Королева, в особенности, была щедра на подарки, и поток варварских подношений в виде львов, тигров, леопардов и т. Д., Который постоянно поступает от тропических принцев к прекрасному Главе нации, изливается в эти сады. Ее величество, очевидно, не обращает внимания на некогда распространенное в народе суеверие, что династия в безопасности только до тех пор, пока в королевской крепости процветают львы. На самом деле сады служат удобством как для нашей милостивой монархини, так и для ее подданных, поскольку диких животных неудобно держать на заднем дворе. Мы также не должны упускать из виду размножение, которое имело место в садах; действительно, поголовье увеличилось до такой степени, что ежегодно производятся продажи в больших количествах. Система обмена, существующая между различными британскими и континентальными обществами, помогает снабжать сад дефицитными экземплярами взамен дубликатов. Как правило, покупаются очень редкие и, следовательно, дорогие животные. Таким образом, первый носорог стоил 1000л., четыре жирафа - 700л., а их перевозка - еще 700л. Слоны и телята были куплены в 1851 году за 800фунтов; а бегемот, хотя и был подарен, не был доставлен домой и содержался менее чем за 1000фунтов— сумма, которую он с лихвой реализовал в знаменитый Выставочный сезон, когда поступления составили 10 000фунтов. по сравнению с предыдущим годом. Лев Альберт был куплен за 140фунтов; тигр в 1852 году за 200фунтов. Стоимость некоторых мелких птиц, однако, покажется более поразительной: так, пара черношеих лебедей была приобретена за 80фунтов стерлингов (сейчас их можно увидеть в пруду с тремя островами); пара коронованных голубей и два мале - за 60фунтов; пара голубей Виктория - за 35фунтов; четыре утки-мандаринки - за 70фунтов. Большинство этих редких птиц (ныне находящихся в большом вольере) поступило из коллекции Ноусли, при продаже которой в 1851 году было приобретено на сумму 985фунтов стерлингов. Однако по этим ценам было бы невозможно судить о текущей стоимости животных. Возьмем, к примеру, носорога: первый экземпляр стоил 1000фунтов стерлингов; второй, столь же прекрасный зверь, - всего 350фунтов. У львов снова диапазон составляет от 40л. до 180л., а у тигров - от 40л. до 200л. Цена обычно определяется состоянием рынка диких зверей и внутренней редкостью этого существа. Первое появление в Европе, конечно, скорее всего привлечет внимание и, следовательно, будет стоить дороже; но удивительно, как спрос порождает предложение. Пусть любое редкое животное соберет толпу в садах, и через двенадцать месяцев множество его собратьев будет выставлено на продажу. Невежество, проявляемое некоторыми людьми относительно ценности хорошо известных предметов, является чем-то удивительным. Мы уже говорили о морском капитане, который потребовал 600фунтов стерлингов. за пару питонов,

наконец, взяли 40л.! В другом случае американец предложил обществу ужасного медведя за 2000фунтов, который должен быть доставлен в Соединенные Штаты; и, что еще смешнее, умирающий морж, которого девять недель кормили соленой свининой и мукой, был предложен за ничтожную сумму в 700фунтов!

Мы могли бы продолжать умножать, *до тошноты*, примеры такого рода, но должны завершить перечень абсурдов заявлением о том, что многие люди твердо убеждены в том, что именно Зоологическое общество предложило большую награду, о которой все слышали, *за the* черепахового кота. Соответственно, “Единственный из когда-либо известных” был предложен по чрезвычайно низкой цене в 250литров. Однажды было получено сообщение от некоего влиятельного лица из Тюрингии с просьбой сообщить сумму предложенного приза, на который он собирался претендовать. Вскоре за этим последовало письмо от другого человека, очевидно, написанное в ярости, в котором общество предостерегало от присуждения премии предыдущему автору, поскольку он не был заводчиком кошки, а всего лишь пытался купить ее дешевле ее стоимости, “в чем он никогда бы не преуспел, пока жив настоящий заводчик”. Чтобы предотвратить дальнейшее использование этого уникального животного со стороны производителей, мы также можем заявить, что черепаховые томы можно выращивать во многих местах.

Мы говорили, что ценность животных зависит от состояния рынка диких зверей. “Рынок диких зверей!” - воскликнет читатель. “и где же это может быть?” Всем известно, что в Лондоне за деньги можно купить все, что угодно; и если какой-нибудь леди или джентльмену понадобятся львы или тигры, на Рэтклифф-хайвей и в прилегающих районах есть торговцы, у которых они есть и которые продадут их без пяти минут. Они “говорят о львах так же фамильярно, как леди о щенках”; и джентльмен, купивший медведя одного из них, недавно сообщил нам, что продавец хладнокровно предложил отвезти его домой на такси! Однажды нам довелось побывать в заведении одного из таких дилеров, и нас провели по лестнице на чердак, где, услышав стук и заметив, что люк поднимается, мы поинтересовались причиной, на что последовало сухое замечание, что внизу в ложе играют всего три льва. Хотя этим людям, как правило, удается обеспечивать сохранность своего поголовья удовлетворительным образом, все же в наиболее регулируемых львиных хранилищах могут произойти несчастные случаи. Торговец дикими животными, например, сообщил нам, что однажды ночью его разбудила жена, которая привлекла его внимание к шуму на заднем дворе, где накануне вечером он поместил двух львов. Когда он высунул голову из окна — его комната находилась на первом этаже, — львы были на свободе и, положив лапы на подоконник, мрачно смотрели на него. Хороший хлыст и решительный вид отправили Лео обратно в клетку без дальнейших проблем. В другой раз этот же человек, услышав шум на заднем дворе своего дома, к своему ужасу обнаружил, что слон хоботом-отмычкой выпустил гиену и нильгау из их клеток и был занят тем, что расстегивал застёжки логова, полного львов! Однако тот же решительный настрой вскоре восстановил порядок. Любителям не всегда хватает смелости или самообладания, и они немедленно обращаются к садовникам, чтобы те помогли им выбраться из затруднительного положения, подобно тому, как экономка отправила бы их в участок, обнаружив грабителя, спрятавшегося в его подвале. Однажды джентльмен, предложивший гремучую змею и ее детенышей в сад по высокой цене, внезапно обратился к управляющему с просьбой о немедленной помощи, поскольку упомянутая змея с полудюжиной ядовитых отпрысков вырвалась из своего ящика и разбрелась по его детской. Владелец, чтобы избежать еще больших потерь, был только рад избавиться от своих гостей за любые денежные жертвы.

Мы не можем завершить наш обзор, не коснувшись расходов комиссариата. Убитые животные, принадлежащие хищникам, как мы уже указывали, стоили в 1854 году не менее 1367 фунтов 19 шилл. 5д. Если мы рассмотрим другие виды пищи, то дадим некоторое представление о стоимости и разнообразии пиршества, на которое животные ежедневно садились в течение этого года. Таким образом, мы видим, что сено стоит 912л. 14 шекелей; кукуруза, семечки и т. Д. - 700л. 8 шекелей; хлеб, булочки и т. Д. (для обезьян) - 150л. 16 шекелей; яйца - 87л. 4 шекеля. 1 шекель (в основном для муравьедов); молоко - 69л. 6 шекелей. 2 шекеля; мангольд-вурцель, морковь и репа - 22л. шекеля; печенье для собак - 135шекелей. 19 10 шекелей (главным образом для медведей, волков и собак); рыба (для выдр, тюленей, пеликанов и т. Д.) - 214л. 8 шекелей 8 шекелей; зеленые плевелы - 23л. 16 8 шекелей; кролики и голуби (для змей) - 33л. 13 шекелей; рис и жмых - 66л. 15 шекелей; всякая всячина, включая фрукты, овощи, кузнечиков, змей, мучных червей, инжир, сахар, & с. (главным образом для птиц), 157л. 1 шилл. 11д.: итого 3942л. 8 шилл. 3д.; значительное увеличение расходов на продовольствие в 1853 году, которое было вызвано исключительно ростом цен.

Уровень совершенства, которого достигли сады, естественным образом привел к привлечению к ним повышенного внимания общественности. Нам стоит только сравнить, например, количество людей, поступивших в 1848 году — первом, когда в игру вступила более либеральная система управления, — с теми, кто поступил в 1854 году, чтобы увидеть, что заведение процветает под эгидой нового руководства; ибо, если в предыдущем году через турникеты прошли всего 142 456 человек, то во втором их число возросло до 407 676. Интересно наблюдать за этим, несмотря на увеличение на полные 100 процентов. это имело место с привилегированными и обычными посетителями по шиллингу в течение этого промежутка, однако снижение платы за вход до шести пенсов по понедельникам и праздничным дням было основной причиной постепенного притока посетителей — в 1848 году было зарегистрировано всего 60 566 случаев приема этих отдыхающих и рабочих, по сравнению со 196 278 в 1854 году. Таким образом, здесь мы имеем увеличение на 135 712 человек, многие из которых, без сомнения, были спасены, по крайней мере в те дни, от чар публичного дома. При всем этом потоке жизни — большая ее часть, несомненно, принадлежит рабочему классу, — садам не было нанесено ни малейшего ущерба. Один-два цветка, возможно, и были сорваны, но не тем классом англичан, которых когда-то считали слишком жестокими, чтобы допускать без присмотра на какие-либо публичные выставки. Каждый пролетающий над нашими головами год доказывает, что подобные шоу являются великолепными примерами метода обучения, введенного Беллом и Ланкастером; что они дают наставления такого характера, которые никогда не забываются и которые совершенствуют и в то же время доставляют удовольствие.

КРЫСЫ.

Босуэлл рассказывает, что остряки, собравшиеся в доме сэра Джошуа Рейнольдса, чтобы послушать стихотворение Грейнджера о “Сахарном тростнике”, прочитанное в рукописи,

разразились хохотом, когда после множества помпезных белых стихов новый абзац начинался призывом -

“А теперь, Муза, давай споем о крысах”.

Но если для барда это второстепенная тема, то для натуралиста они представляют интерес, для агронома - тревогу и имеют определенное значение для всех. Хотя было нелегко окружить их ореолом поэзии и возвысить до эпического достоинства — трудность, которую никак не удавалось преодолеть, назвав их, как это впоследствии сделал Грейнджер, “расой усатых паразитов”, — все же не было ничего, с чем они имели бы более серьезную практическую связь, чем с “сахарным тростником”. Было подсчитано, что на Ямайке они потребляли двадцатую часть всего урожая, и за один год на одной плантации было уничтожено 30 000 штук. Фактически, крысы для земли — то же, что воробьи для воздуха, - присутствуют повсеместно. В отличие от их пернатых аналогов, мы редко видим их и, следовательно, имеем слабое представление о том, с какой щедростью они распространены по всем частям обитаемого земного шара. Они роятся мириадами в обширной сети канализационных труб у нас под ногами и с помощью наших домашних стоков имеют свободный доступ в наши подвалы, под которыми они прячутся; в стенах они прокладывают ряд скрытых ходов; они бродят под полами и крышей и таким образом обосновываются над, под нами и рядом с нами. На отдаленных островах Тихого океана они также многочисленны, а иногда являются единственными обитателями. Но мы не будем пытаться написать всеобщую историю крысы. Достаточно, если мы расскажем о его деяниях в Великобритании.

В Англии водятся два вида наземных крыс - староанглийская черная крыса и норвежская, или бурая крыса. Согласно мистеру Уотертому, черная крыса является коренным и законным обитателем острова; коричневая крыса не только вторгается в чужие владения и уничтожает их, но и является крысой вигов — сочетание, которое он считает совершенно логичным. В своих очаровательных эссе по естественной истории он говорит:

“Хотя мне неизвестно, есть ли какие-либо протоколы в зоологических архивах этой страны, которые указывают нам точное время, когда это ненасытное и озорное маленькое животное впервые появилось среди нас, все же в этой части страны (Йоркшир) существует предание, что оно действительно прибыло на том же корабле, который доставил новую династию к этим берегам. Мой отец, принадлежавший к первому разряду полевых натуралистов, всегда был уверен в этом пункте и твердо утверждал, что он действительно сопровождал Ганноверский дом в его эмиграции из Германии в Англию”.

Дав таким образом “маленькому зверенышу” дурную славу, он упорно преследует его на протяжении двух томов своих эссе; более того, он делает больше, ибо из-за своей вигистичности он - единственное дикое животное, навсегда изгнанное из Уотертон-Холла, этого счастливого дома для всех других птиц небесных и полевых зверей, с которыми егеря ведут войну как с паразитами. Однако в карпентерском издании Кьюье приводится рассказ о коричневой крысе, или Сурмулоте, который, если он правдив, полностью опровергает этот прелестный рассказ о его появлении. Там нам рассказывают, что он родом из Персии, где живет в норах, и что он не отправлялся в свои путешествия до 1727 года, когда землетрясение вынудило его переплыть Волгу и попасть в Европу через Астрахань.^[10] Едва ступив на землю Англии, он, без сомнения, обошелся со своим более слабым братом и предшественником, черной крысой, примерно так же, как ганноверский дом обошелся с династией Стюартов. Хотя

черная крыса сам по себе не был узурпатором, а скорее эмигрантом, завладевшим неоккупированной территорией, некоторые также говорят, что его правление совпало с более ранней сменой королевской линии Англии, поскольку утверждается, что он прибыл в свите Завоевателя. Он до сих пор в изобилии водится в Нормандии и по сей день известен в Уэльсе под именем Ллиоден Ффанк — французская мышь.

Крысы не являются исключением из закона, который, по словам Вордсворта, царит среди “всех обитателей рек и полей”.

“Им достаточно старого доброго правила,
простого плана,
Согласно которому они должны брать тех, у кого есть власть,
И удерживать тех, у кого есть возможность”.

Но черная крыса сохранила больше, чем принято думать. мистер Уотертон ошибается, когда придерживается популярного мнения, что старая английская порода, пришедшая с Завоевателем, почти полностью истреблена его коричневым родственником. Первый пришелец был уничтожен последующим захватчиком не больше, чем кельт был уничтожен торжествующим саксом. Как мы обнаруживаем, что первые все еще удерживают свои позиции в Корнуолле, Уэльсе и Высокогорьях Шотландии, так и черная крыса процветает в определенных местностях. По соседству с Тауэром, на пивоварне Уайтбрида и на сахарных заводах Уайтчепела он по-прежнему держит себя в руках, и горе любому темнокожему нарушителю границы, который отважится проникнуть на его территорию. Более слабые животные поняли, что союз - это сила, и, действуя массами, они нападают на своего могущественного врага так же бесстрашно, как стая ласточек нападает на ястреба; но если равное количество представителей двух пород поместить вместе в клетку без еды, есть вероятность, что все черные крысы исчезнут до утра, и, даже будучи хорошо накормленными, коричневые бродбдингнэги неизменно откусывают длинные и нежные уши у своих маленьких собратьев, подобно тому, как гурман после сытной трапезы тешит свой аппетит вафельным печеньем.

Быстрое распространение крысы объясняется бесстрашием, с которым она следует за человеком и его окружением, куда бы они ни пошли. Едва ли корабль покидает порт, отправляясь в далекое плавание, но он принимает на борт крыс так же регулярно, как и пассажиров, и таким образом маленькое вредное животное не только распространилось по всему земному шару, но и, подобно предприимчивому путешественнику, постоянно переходит из одной страны в другую. Колония четвероногих грабителей, которая бесплатно отправляется в плавание, совершает, например, путешествие в Калькутту, откуда многие из них снова выйдут в море и, возможно, высадятся на каком-нибудь необитаемом острове, где судно, возможно, заходило за водой. Таким образом, многие седые скитальцы совершали кругосветное плавание чаще, чем капитан Кук, и касались двадцати различных берегов. Крысолов Ост-Индской компании часто уничтожал до пятисот человек на корабле, только что прибывшем из Калькутты. Настоящая корабельная крыса - более деликатное животное, чем коричневая крыса, и имеет настолько сильное сходство со старой нормандской породой, что мы не можем отделаться от мысли, что они тесно связаны. Одно и то же красивое большое ухо, острый нос, длинный хвост, темный мех и небольшой размер характеризуют обоих, и подобная антипатия существует между ними и норвежским видом. Нет ничего необычного в том, чтобы найти отдельные колонии этих двух видов на одном и том же корабле — одна ограничивается форштевнем, другая - кормой

судна. Такое же расположение часто используется на складах морских портов, где судовая компания обычно располагается как можно ближе к воде, а сухопутные войска - в более удаленной от берега части здания.

Когда крысы однажды пробираются на корабль, они в безопасности до тех пор, пока груз находится на борту, при условии, что они могут пользоваться самым необходимым — водой. Если это хорошо охраняется, они прибегнут к экстраординарным мерам, чтобы добыть это. Дождливой ночью они выйдут на палубу попить и даже поднимутся по снастям, чтобы глотнуть влаги, которая скрывается в складках парусов. Доведенные до крайности, они нападут на бочонки со спиртным и так напьются, что не смогут дойти домой пешком. Сухопутная крыса подобным же образом грызет металлические трубки, которые в трактирах ведут от хранилища спиртных напитков к крану, и в этих случаях ведет себя так же дружелюбно, как и ее родственник-моряк. У всей расы острый слух на проточную жидкость, и они постоянно вгрызаются в свинцовые трубы и, к их большому удивлению, в результате принимают душевую ванну. Без сомнения, именно трудности с добычей воды во многих случаях заставляют их покидать судно в тот момент, когда оно причаливает к берегу. В таких случаях им удастся, по возможности, выйти на сушу сухими ногами, чего они обычно добиваются, проходя гуськом по швартовному канату, хотя, если для них не предусмотрено другого прохода, они без колебаний пускаются вплавь. Точно так же они проникают на корабли с берега, и их привычки к вторжению настолько хорошо известны морякам, что по прибытии в порт принято заделывать отверстия в канатах или же пропускать швартовый трос через метлу, выступающие веточки которой эффективно препятствуют проникновению этих морских четвероногих. Их заселение небольших островов, где разводятся птицы, неизменно заканчивается тем, что они прогоняют пернатых обитателей, поскольку они разграбляют гнезда с их яйцами и пожирают птенцов. Таким образом, тупики были вынуждены покинуть остров Паффинз у побережья Кернарвона.

Корабельную крысу не следует путать с водяной крысой, которая представляет собой совершенно другой вид. Последний унаследовал повадки бобра и чем-то похож на него внешне. У него такая же круглая голова и длинный мех, в который утопают его маленькие ушки. Он обитает в норах на берегах рек, которые он сооружает с выходом на сушу и воду, чтобы обезопасить себя от разрушения внезапным подъемом уровня воды. Это животное питается исключительно растительной пищей, которую оно время от времени отыскивает на некотором расстоянии от берега, и мы подозреваем, что к нему могут быть отнесены многие разрушения во фруктовых и огородных садах, в которых винят бедных воробьев. Мы видели, как водяные крысы пересекали широкий луг, взбирались по стеблям карликовых бобов и, откусив стручки зубами, самым искусным образом очищали их содержимое. Они взбираются на виноградные лозы и питаются виноградом; и мой друг сообщает нам, что однажды он видел, как водяная крыса взобралась по лестнице, прислоненной к сливовому дереву, и набросилась на плод. Если сад находится недалеко от мест обитания водяных крыс, необходимо внимательно следить за отверстиями под стенами, поскольку они будут рыть норы под фундаментом со всей энергией саперов и шахтеров. Хитрость, с которой они пускают в ход свои стрелы, такова, что они заберутся под штабель дров, груду камней или любой другой предмет, который скроет проход, по которому они доберутся до входа. Водяная крыса, однако, редкое животное по сравнению со своей двоюродной сестрой, обыкновенной бурой, или норвежской крысой, которая также, как говорит лорд Бэкон о муравье, “хитрая тварь в саду”. По словам Коббетта, они выбирают лучшие десерты — дыни, клубнику, виноград и кленовый сироп; и хотя у каждого из них свой вкус, есть после них, как он замечает, не очень приятно. Не так много лет прошло с тех пор, как они

миллионами существовали в канализационных трубах мегаполиса. Было задействовано несколько причин, чтобы уменьшить их численность, а в некоторых кварталах города почти полностью уничтожить их. Во-первых, недавно принятый метод промывки канализации чрезвычайно опасен для них. Когда шлюзы открываются, они должны уходить вместе с потоком воды, и можно увидеть, как они сотнями вылетают из устьев водопропускных труб в Темзе. Тот факт, что крысы стоят три шиллинга за дюжину в спортивных целях, доказывает, однако, наиболее надежное средство их уничтожения, поскольку оно обеспечивает их непрерывное преследование великим охотником, человеком. Подземный город канализации превращается в одно обширное охотничье угодье, в котором люди регулярно добывают средства к существованию, отлавливая их. Прежде чем войти в подземный мир, партнеры обычно планируют, какими маршрутами они пойдут и в какой точке они встретятся, возможно, с идеей загнать свою добычу в центральное место. Они идут парами, каждый мужчина несет зажженную свечу с жестяным отражателем, мешок, сито и лопату; лопата и сито используются для осмотра любого месторождения, которое обещает содержать какой-либо ценный предмет. В тот момент, когда крыса видит свет, она бежит вдоль водостока прямо над линией сточных вод; люди следуют за ней и быстро настигают запыхавшееся животное, которое, как только обнаруживает, что преследователи настигают его, издает пронзительный писк, посреди которого его хватают голой рукой за уши и сажают в мешок. Таким образом, иногда дюжина будет захвачена за столько минут. Загнанные в тупик в конце тупиковой канализации, они часто самым решительным образом бросаются на ноги своим преследователям.

Излюбленным пристанищем крысы является та часть домашней канализации, которая выходит под прямым углом в главную канализацию. Здесь он сидит, как часовой, и в безопасности наблюдает своими острыми, но удивленными глазами за необычным видением, бегущим со светом. Примечательным фактом является то, что в большинстве незастроенных домашних водостоков обитают свои собственные крысы, и горе тому злоумышленнику, который осмелится вторгнуться во владения тех, кто ими владеет. Таким образом, крысу, как и кошку, можно отнести к домашним животным, которые действуют как своего рода профилактическая кошка, не подпуская все подземное сообщество паразитов, которые в противном случае кишели бы в наших подвалах.

Эти паразиты наиболее густо скапливаются по соседству со скотобойнями, или, другими словами, там, где пищи больше всего. Их часто можно найти сидящими группами на выступе, образованном заворотом канализации. Как очистители сточных вод, они, несомненно, приносят пользу, но это плохая компенсация за вред, который они совершают, разрушая кирпичную кладку канализации — роют рои во всех направлениях и, таким образом, сооружают боковые выгребные ямы, содержимое которых пропитывает землю и просачивается в колодцы. Более того, при проведении этих раскопок они неизменно переносят землю в главную канализацию и создают препятствия для стока. Скопления их наработок приходится регулярно вывозить в небольших грузовиках, сконструированных специально для этой цели, и если бы эта мера предосторожности не была принята, они за несколько лет полностью разрушили бы обширную систему подземных водопропускных труб, которые были кропотливо сооружены за счет миллионов. Одни только водосточные трубы с гладкими бочками, которых не может коснуться зуб крысы, сбивают его с толку; более того, быстрый поток воды в их узком канале не позволяет ему даже удержаться на ногах. В отместку за то, что его таким образом обошли, он во многих случаях полностью разрушил недавно проложенный канал труб, подкопавшись под них и заставив их прогибаться и раскрываться в местах соединения.

Во Франции власти канализации ежегодно устраивают охотничьи состязания, по случаю которых устраивается грандиозный отлов крыс; этим животным не суждено потешить "фантазию" под нежными манипуляциями пса "Билли"; напротив, наши соседи слишком уважают целостность его шкуры. Нам сообщили, что они основали компанию в Париже по принципу Гудзонова залива, чтобы скупать всех крыс в стране ради их шкуры. Мягкий ворс меха при выделке имеет самую красивую текстуру, намного превосходящую по деликатности ворс бобра, и поэтому шляпники используют его в качестве заменителя. Кожа используется для изготовления больших пальцев лучших перчаток, ее эластичность и текстура делают ее предпочтительной для детских.

Родитель Дюшателе собрал несколько подробностей о крысах, которые в его время часто посещали живодерские дворы в Монфоконе. Привлеченные изобилием животной пищи, они так сильно размножились, что окрестные жители, услышав, что правительство намерено снести эти заведения, были охвачены опасением, как бы паразиты, лишившись своих кладовых, не распространились по окрестностям и, подобно стае саранчи, не поглотили все. Паникеры, возможно, даже опасались, что их постигнет та же участь, что и архиепископа Майнцского, который, если верить старым хроникам, удалился в башню на одном из островов Рейна, чтобы спастись от множества этих существ, чьи аппетиты были направлены против него, и которые, упорно преследуя его до самого убежища, в конце концов смогли его съесть. Отчет Комиссии, учрежденной для расследования обстоятельств дела Монфокона, показал, что опасения относительно серьезного ущерба ни в коем случае не были необоснованными.

"Если туши мертвых лошадей бросить в течение дня в угол, то на следующее утро их обнаружат ободранными. У старого владельца одной из бойен было определенное пространство земли, полностью окруженное стенами, с отверстиями, достаточными только для входа и выхода крыс. Внутри этого ограждения он оставил туши двух или трех лошадей; и когда наступила ночь, он тихо пошел со своими рабочими, заделал ямы, а затем вошел внутрь ограждения с палкой в одной руке и зажженным факелом в другой. Животные покрывали землю так густо, что удар, нанесенный в любом месте, приводил в исполнение. Повторяя процесс с интервалом в несколько дней, он убил 16 050 крыс в течение одного месяца и 2650 за одну ночь. Они зарылись под все стены и здания по соседству; и только благодаря таким мерам предосторожности, как укладывание битых стеклянных бутылок вокруг фундамента дома, пристроенного к заведению, владелец может сохранить его. Они перекапывают все соседние поля, и нет ничего необычного в том, что земля проседает и обнажает эти подземные сооружения. В сильный мороз, когда становится невозможным разделять тела лошадей и когда куски мяса становятся почти слишком твердыми, чтобы крысы могли ими питаться, они проникают в тело и пожирают мясо изнутри, так что, когда наступает оттепель, рабочие не находят под кожей ничего, кроме скелета, лучше очищенного от плоти, чем если бы это было сделано самым искусным оператором. Их свирепость, а также прожорливость превосходят все, что можно себе представить. Месье Маженди поместил дюжину крыс в коробку, чтобы провести несколько экспериментов; когда он вернулся домой и открыл коробку, там оставалось всего три; они съели остальных, оставив только кости и хвосты".

Нам сообщили, что эти крысы регулярно маршировали отрядами в поисках воды в вечерних сумерках, и что их часто встречали поодиночке, крадущимися вдоль стен, окаймлявших дорогу к их водопою. Поскольку тротуар в Париже нависает над водосточными канавами, крысы пользуются этим крытым проходом, чтобы безопасно переползать с улицы на улицу. Их

миграционные привычки хорошо известны, и в каждом районе есть свои истории об их путешествиях. Мистер Джесси рассказывает анекдот, переданный ему священником из Сассекса, который, как правило, доказывает, что старая английская крыса, по крайней мере, проявляет внимание и заботу о старших во время похода, что достойно человеческой филантропии. “Однажды вечером, прогуливаясь по лугам, он заметил огромное количество крыс, мигрирующих с одного места на другое. Он стоял совершенно неподвижно, и все стадо проходило рядом с ним. Однако его изумление было велико, когда он увидел среди них старую слепую крысу, которая держала во рту кусок палки за один конец, в то время как другая держалась за другой ее конец и таким образом вела своего слепого товарища”. Аналогичное обстоятельство было засвидетельствовано в 1757 году мистером Пардью, помощником хирурга на борту *"Ланкастера"*. Однажды вечером, лежа без сна на своей койке, он увидел, как вошла крыса, осторожно огляделась и удалилась. Вскоре он вернулся, ведя за ухом вторую крысу, которая казалась слепой. Вскоре к ним присоединилась третья крыса и помогла первому дирижеру собрать кусочки печенья и положить их перед их немощным родителем, каким и должен был быть старый слепой патриарх. Только когда их мучает голод, кажется, что они теряют чувство товарищества и охотятся друг на друга.

Проницательность крысы в поисках пищи настолько велика, что мы почти удивляемся малому уровню ее умственного развития. Действительно, он настолько хитер и иногда действует с такой человеческой изобретательностью, что совершенно верные рассказы иногда воспринимаются просто как басни. Какой бы невероятной ни казалась история о том, как они отбирали куриные яйца у одного крысы, лежащего на спине и крепко сжимающего свою яйцевидную ношу передними лапами, в то время как его товарищи тащат его за хвост, у нас нет причин не верить в это, зная, что они таскают яйца снизу доверху от дома, перенося их со ступеньки на ступеньку, причем первая крыса поднимает их на задних лапах, а вторая - передними. Они будут извлекать вату из флакона с флорентийским маслом, макать в нее свои длинные хвостики и повторять этот маневр до тех пор, пока не выпьют все до последней капли. Мы нашли куски сахара в глубоких ящиках на расстоянии тридцати футов от того места, где была совершена мелкая кража; а один мой друг видел, как крыса взобралась на стол, на котором стояла бочонок с инжиром, и сразу же опрокинула его, рассыпав содержимое по полу внизу, где сидели два десятка ее собратьев в ожидании неожиданной добычи. Его инстинкт не в меньшей степени проявляется и в выборе подходящей пищи. Он выбирает ту часть слоновых бивней, которая богата животным жиром, предпочитая ту, которая содержит фосфат извести; а обглоданная крысами слоновая кость отбирается токарем как пригодная для изготовления бильярдных шаров и других изделий, где требуются такие качества, как эластичность и прозрачность. Таким образом, отпечаток зубов этого маленького животного служит отличительным знаком совершенства в драгоценном материале, посвященном декоративно-прикладному искусству. Крыса не ограничивает себя инертными веществами: когда ей не хватает пищи, она нападает на все, что слабее ее. Голдсмит говорит, что лягушки были завезены в Ирландию задолго до появления бурой крысы и обильно размножились, но этот неутомимый охотник преследовал их в их болотах и съедал дочиста у берегов Изумрудного острова. Он не гнушается нападать на домашнюю птицу; хотя крыса, пытавшаяся схватить цыпленка дичи, была убита матерью клювом и шпорой в течение двенадцати минут. Курица схватила его за шею, яростно встряхнула, выколола глаз и ясно показала, что птица в схватке была бы более сильной из них двоих, если бы только была столь же отважной. Количество молодых уток, которых крысы уничтожили в Зоологических садах, привело к необходимости окружить бассейны проволочной крысиной оградой, к середине

которой прикреплена проволочная труба, окружность которой не завершается на несколько дюймов в нижней части, и крыса, неспособная проползти по вогнутой крыше, которая преграждает ей дальнейший путь, вынуждена возвращаться в замешательстве.

Крысы долгое время были вредителями этих садов, привлеченные наличием большого количества пищи. Решетка под одним из логовищ тигров прогрызена этим ловким зубастым грабителем, который делает медную проволоку такой же легкой, как и свинцовые трубы. Сразу же после постройки нового обезьянника они вступили во владение имением и прогрызали полы во всех направлениях, чтобы добраться до хлеба бедняги Джако. Были приняты энергичные меры, чтобы исключить их появление; полы были залиты бетоном, а открытую крышу перекрыли; но они быстро проникли сквозь штукатурку последней, что видно по отверстиям и по сей день. Они зарывались в старое укрытие вомбата, пока земля совсем не прогнила; и они все еще разгуливают по логову носорога и бегают по его неприступной шкуре. Только постоянно охотясь на них с терьерами, их можно сдерживать; и часто за две недели убивают до сотни особей, а их туши передают стервятникам и орлам. Многие из них ищут в дневное время более безопасного убежища. Их часто видели по вечерам, когда они группами переплывали канал, чтобы ночью добыть корм в садах, а утром тем же маршрутом возвращались в свои постоянные жилища.

Владельцы складов таможенной пшеницы на берегах Темзы вынуждены принимать максимальные меры предосторожности против проникновения этих грабителей; в противном случае они бы толпились мириадами из канализации и прибрежных помещений, и, поскольку у них, несомненно, есть привычка сообщать своим друзьям о местонахождении любых чрезвычайных припасов, их количество увеличивалось бы день ото дня по мере распространения хороших новостей по крысиному краю. Чтобы отвлечь их внимание, деревянные полы и нижние части дверей зернохранилищ облицованы листовым железом, а фундаменты иногда залиты бетоном, смешанным со стеклом, - вопросы, которые слишком сложны даже для их зубов, чтобы обсуждать их.

Сельские крысы летом выходят на поля и устраивают огромный хаос среди стоящей кукурузы. Они обгрызают колосья пшеницы и уносят их в свои норы, где были найдены большие запасы, припасенные со всей предусмотрительностью сони. Фермеры часто бывают озадачены присутствием крыс в стогах пшеницы, которые были размещены на самых хитроумных подставках. Дело в том, что этих животных подбрасывают вместе со снопами в стог, где они растут и размножаются на досуге, и часто до такой степени, что стог, кажущийся снаружи красивым, немногим лучше огромного крысиного пирога.

Склонность крысы к грызению не следует полностью приписывать безрассудной решимости преодолевать препятствия. Непрекращающийся скрежет его зубов - это не развлечение, а необходимость его существования. Автор интересной статьи о крысах в *сборнике Бенгли* так ясно объяснил стоматологию этого племени, что мы приводим его отчет:

“У крысы есть грозное оружие в виде четырех маленьких, длинных и очень острых зубов, два из которых находятся в верхней и два - в нижней челюсти. Они сформированы в форме клина и, благодаря следующему чудесному дару природы, всегда имеют тонкую, острую режущую кромку. Внимательно изучив их, мы обнаруживаем, что внутренняя часть сделана из мягкого

материала, похожего на слоновую кость, который легко стирается, в то время как внешняя часть состоит из стеклообразной эмали, которая чрезмерно твердая. Верхние зубы входят точно в нижние, так что центры противоположных зубов точно соприкасаются в процессе грызения; таким образом, мягкая часть постоянно стирается, в то время как твердая часть сохраняет острый, похожий на долото край; в то же время зубы растут снизу, так что по мере их стирания готов новый запас. Следствием такого расположения является то, что, если один из зубов будет удален случайно или намеренно, противоположный зуб продолжит расти вверх, и, поскольку его нечем отшлифовать, выступит изо рта и повернется сам на себя; или, если это нижний зуб, он даже упрется в череп сверху. В музее Королевского колледжа хирургов хранится препарат, который хорошо иллюстрирует этот факт. Это резцовый зуб крысы, который по вышеупомянутой причине усилил свой рост вверх до такой степени, что образовал полный круг и сегмент другого; его диаметра примерно достаточно, чтобы вместить большой палец хорошего размера. К нему прилагается следующий меморандум, адресованный испанским священником сэру Дж. Бэнксу, который подарил его музею: ‘Посылаю вам необыкновенный зуб крысы. Поверьте мне, он был найден в Назаретском саду (к ордену которого я принадлежу). Я присутствовал при убийстве животного и взял зуб; я не знаю его свойств, и туземцы не открыли их’.

Однажды мы видели только что убитую крысу, с которой случилось это несчастье. Зуб, который был верхним, в этом случае также образовал полный круг, и острие при наматывании прошло через губу животного. Таким образом, непрерывная работа резцов крысы с каким-либо твердым веществом необходима, чтобы удерживать их опущенными, и если бы она не грызла для своего пропитания, она была бы вынуждена грызть, чтобы предотвратить постепенное заклинивание челюстей из-за их быстрого развития.

Разрушительная природа крысы, необычайный способ ее размножения и ее постоянное присутствие — ибо там, где есть щель, которую она может заполнить, и пища для нее, тамона будет, несмотря на то, что длинный ряд предков был один за другим уничтожен на месте^[11]— требует некоторого противодействующего воздействия, чтобы удерживать ее в должных рамках. Это достигается путем превращения его в добычу охотничьих животных и рептилий, начиная с человека и спускаясь по цепочке организованной жизни к скользящей змее. Бедная крыса, хотя она, несомненно, служит мусорщиком и должна быть использована для достижения какой-то существенной цели творения, нигде не находит благосклонности: каждая человеческая рука, почти каждая кошачья лапа и клювы многих птиц ополчились против нее. Мир думает о нем, как о мальчике-нищем из “Оливера Твиста”: “Ударь его как следует, у него нет друзей”. Живя среди тревог, можно было бы предположить, что он ведет беспокойное и нервное существование. Но это совсем не так. То же самое Провидение, которое снабдило его зубами, подходящими для работы, которую они должны выполнять, наделило его чувствами, подобающими его участи; и ни одно животное, если наблюдать за ним издали, не кажется более счастливым и самодовольным. В опасности он сохраняет удивительное присутствие духа и действует по принципу, что пока есть жизнь, есть и надежда. Его хитрость в таких случаях часто замечательна и демонстрирует незаурядную способность рассуждать:

“Путешественник на Цейлоне, ” рассказывает миссис Ли в своих занимательных “Анекдотах о животных”, - увидел, как его собаки набросились на крысу, и, заставив их отпустить ее, он схватил ее за хвост, собаки все время прыгали за ней. Он отнес его к себе в столовую, чтобы осмотреть при свете лампы, и все это время оно оставалось как мертвое: конечности повисли, ни один мускул не шевельнулся. Через пять минут он бросил его собакам, которые все еще были

в состоянии сильного возбуждения, и, к удивлению всех присутствующих, он внезапно вскочил на лапы и убежал так быстро, что сбил с толку всех своих преследователей”.

Проницательность крысы в уходе от опасности ничуть не меньше, чем ее хитрость в обращении с ней, когда она приходит. Мистер Джесси рассказывает, что джентльмен, который сам кормил своих пойнтеров, наблюдал через дыру в двери, как несколько крыс ели из кормушки вместе с его собаками, которые не пытались к ним приставать. Решив пристрелить незваных гостей, он на следующий день разложил еду, но не пустил собак. Крысе это не пришлось по вкусу. Он видел, как они выглядывали из своих нор, но они были слишком хорошо осведомлены о человеческой природе, чтобы выходить на улицу без защиты своей собачьей охраны. Через полчаса пойнтеров впустили, и крысы немедленно присоединились к своим хозяевам и, как обычно, поужинали с ними. Если дело дойдет до худшего и крысу загонят в угол, она будет сражаться с завидной решимостью. Известно, что крупная канализационная крыса на мгновение пугает самого отважного бультерьера, приближаясь к нему с поднятым хвостом и нанося раны самого отчаянного характера. Укус любой крысы серьезен, а укус канализационной крысы настолько опасен, что хозяева редко позволяют ценным собакам драться с ними. Мусор, которым они питаются, отравляет их зубы и делает раны, которые они наносят, смертельными. Даже со своим злейшим природным врагом и превосходством, хорьком, он иногда получает преимущество благодаря своей стойкой храбрости и превосходству своей тактики. Мистер Джесси описывает подобную встречу, обстоятельства которой ему рассказал джентльмен—медик из Кингстона:

“Будучи сильно удивлен тем, что хорек, животное с такими медленными двигательными способностями, может быть настолько разрушительным для крысиного племени, он решил вывести обоих этих животных на арену, чтобы оценить их соответствующие способности; и выбрав прекрасного крупного и взрослого самца крысы, а также не менее сильного самца хорька, который привык охотиться на крыс, мой друг в сопровождении своего сына выпустил этих двух животных на волю в комнате без мебели, в которой было всего одно окно. Сразу же после освобождения крыса забежала покомнате, словно в поисках выхода. Не найдя никакого способа спастись, он издал пронзительный вопль и с самым быстрым решением занял позицию прямо под светом, таким образом получив над своим противником (выражаясь языком других дуэлянтов) *преимущество солнца*. Теперь хорек поднял голову, принялся и начал бесстрашно пробираться к тому месту, где запах его дичи был сильнее всего, стоя лицом к свету и с жадностью готовясь схватить свою добычу. Однако не успел он приблизиться на расстояние двух футов к своему бдительному врагу, как крыса, снова издав громкий крик, яростно бросилась на него и нанесла тяжелую рану в голову и шею, о чем вскоре стало видно по потекшей из нее крови; хорек, казалось, был поражен нападением и отступил с явным замешательством; в то время как крыса, вместо того чтобы воспользоваться полученным преимуществом, немедленно ретировалась на свое прежнее место под окном. Хорек вскоре оправился от пережитого потрясения и, подняв голову, снова вышел на поле боя. Это второе столкновение по всему своему ходу и результатам было точным повторением первого — за тем исключением, что при броске крысы в бой хорек казался более собранным и явно демонстрировал склонность крепко схватить своего врага; сила крысы, однако, была очень велика, и ей снова удалось не только избежать смертельных объятий хорька, но и нанести ему еще одну тяжелую рану в шею и голову. Крыса во второй раз вернулась в свое убежище под окном, и хорек, казалось, уже не горел желанием возобновлять конфликт. Эти атаки возобновлялись с интервалами почти в два часа, и все они закончились неудачей хорька,

который, очевидно, сражался в невыгодном положении, поскольку свет падал ему прямо в глаза всякий раз, когда он приближался к крысе, которая мудро оставалась на месте и ни на минуту не упускала из виду полученное преимущество. Чтобы доказать, зависел ли выбор этой позиции от случайности, моему другу удалось сбросить крысу и занять свою собственную позицию под окном; но в тот момент, когда хорек попытался приблизиться, крыса, очевидно, осознав упущенное преимущество, попыталась пролезть между ног моего друга, таким образом утратив свой естественный страх перед человеком перед опасностью, которая ожидала его от его более смертельного врага”.

Вытесненный из своей оборонительной позиции, крыса продолжил свои атаки, но с явной потерей мужества, и хорек в конце концов вступил в смертельную схватку со своим коварным противником. Свидетелем подобной битвы был мой друг, с той разницей, что крыса, находясь в своей выгодной позиции по отношению к свету, в конце концов отбилась от хорька, который был полностью искусан в клочья по голове и морде. Повторение того же поведения вторым животным показывает, что этот особый вид хитрости является общей способностью племени. Главное превосходство хорька заключается в том, что он удерживает свою хватку, когда однажды вцепляется в свою жертву, высасывая при этом ее кровь; в то время как крыса сражается последовательностью одиночных укусов, которые ранят, но не уничтожают. Змея побеждает своим ядом. Миссис Ли рассказывает подробности боя в Африке, в котором крыса и змея неоднократно сближались и кусали друг друга, разделяясь после каждого нападения и собирая силы для новой атаки. Наконец крыса упала, изо рта у нее пошла пена, она раздулась до огромных размеров и умерла через несколько минут.^[12]

Если он может быть свирепым, когда требуется самозащита, у него также бывают более мягкие моменты, когда он проявляет доверие к человеку почти такое же сильное, как у собаки или кошки. Старая слепая крыса, на голове которой скопился снег многих зим, имела привычку сидеть у нашего кухонного очага с довольным видом своего врага, кота; и он стал таким любимцем слуг, что его никогда не позволяли беспокоить. К несчастью, он стал жертвой внезапного прыжка незнакомой кошки. Внимательное наблюдение за этими животными полностью побеждает антипатию, которую к ним питают. Их острые и красивые головы, их ясные глаза, их умный вид, их гладкая шкурка являются полной противоположностью отталкивающему; и есть несомненная привлекательность в том, как красиво они сидят, вылизывая лапы и умывая мордочки, — занятии, за которым они проводят значительную часть своего времени. Автор книги о крысах *в сборнике Бенгли* рассказывает анекдот о ручной крысе, который показывает, что она способна служить своему хозяину, а также вести пассивное существование под его защитой. Животное принадлежало водителю лондонского омнибуса, который поймал его, когда он убирал сено. Его пощадили, потому что ему посчастливилось быть пегим, он стал удивительно ручным и привязался к детям. Ночью он демонстрировал ощущение защищенности и тепла, вытягиваясь во весь рост на коврик перед камином; а холодными ночами, после того как огонь гас, он забирался в постель своего хозяина. Однако в дневное время им пользовался его владелец. По команде “Пошли, Айки” он запрыгивал в просторный карман пальто, из которого его переносили в багажник омнибуса. Здесь его обязанностью было охранять обед водителя; и если кто-нибудь пытался вырвать его, крыса вылетала на него из соломы. Было только одно блюдо, которое он не смог защитить. Он никогда не мог устоять перед сливовым пудингом, и хотя держался подальше от всех остальных незваных гостей, сам наелся им досыта. Это ни в коем случае не экстраординарные примеры дружелюбной стороны крысиной натуры, когда к ней доброжелательно относится человек, и мы могли бы заполнить

страницы подобными отношениями. Но, похоже, в дополнение к другим его достоинствам, он обладает драматическим гением. Мы слышали о военных блохах, мы видели, как Джако исполнял свою жалкую имитацию человечности на шарманке; но кто когда-нибудь слышал о том, что крысы склонны к трагедии? Тем не менее, бельгийская газета не так давно опубликовала отчет о театральном представлении стаи крыс, который дает нам более полное представление об их интеллектуальной природе, чем все остальное, что о них известно. Эта необычная компания актеров была одета в мужскую и женскую одежду, ходила на задних лапах и с нелепой точностью имитировала многие обычные сценические эффекты. Только в одном пункте они были несговорчивы. Подобно юной леди из басни, которая превращалась в кошку при появлении мыши, они забывали о своих ролях, о публике и о распорядителе при виде яств, которые подавались по ходу пьесы, и, опустившись на четвереньки, набрасывались на еду с присущей их расе прожорливостью. Представление завершилось тем, что они с триумфом повесили своего врага кошку и станцевали вокруг ее тела.

У крысы, как мы уже говорили, много врагов: ласка, полярный кот, выдра, собака, кот и змея безжалостно охотятся на нее по всему миру. Человек, однако, его самый безжалостный и разрушительный враг. В некоторых местах его убивают ради еды, как, например, в Китае, где сушеные разделанные крысы продаются как лакомство. *Шифоньеры* Парижа питаются ими без отвращения. И в нашей собственной стране крысиный пирог не совсем устарел. Цыгане продолжают есть тех, кого ловят в стогах и амбарах, и выдающийся хирург нашего времени часто подавал их к своему столу. Питаются они главным образом зерном; и только отталкивающее представление, которое связывают с этим животным в любом виде, заставляет отвергать его того же человека, который считает омаров, крабов и креветок деликатесом, хотя и знает, что они являются морскими падальщиками. На флоте не всегда были такими милыми. Старый капитан на службе ее Величества сообщает нам, что однажды, возвращаясь из Индии, судно было кишмя кишит крысами, которые сильно опустошили бисквиты. Джек, чтобы компенсировать потерю провизии, собрал всех вредителей, которых смог убить, положил в пироги и считал их необыкновенным деликатесом. Во время осады Мальты, когда французам приходилось туго, крысы стоили по доллару за штуку; но изголодавшийся гарнизон подчеркивал свое чувство превосходства тех, кого деликатно кормили, предлагая двойную цену за каждую крысу, пойманную в амбаре. Однако человек направляет свою враждебность против крысы главным образом потому, что считает ее досадной помехой; и соответственно ему предлагаются джин и яд, холодное железо и миска - мрачная альтернатива. С первым его не так-то легко поймать, и он никогда не попадет в ловушку и не прикоснется к джину, в котором повозился кто-либо из его вида. Яд - более эффективный метод, но он не всегда безопасен. Крысы, которых обманом заставили отведать мышьяка, немедленно прибегают к воде, чтобы утолить свою невыносимую жажду, и, хотя они обычно убегают из дома, в агонии они могут прибегнуть к встроенному резервуару и остаться там, чтобы загрязнить его.^[13] Писатель, который называет себя "дядей Джеймсом" и который по причине, которая вскоре станет известна, чрезвычайно стремится внушить публике веру в то, что лучший способ избавиться от крысы - это охотиться на нее с терьерами, утверждает, что фермер-молочник в Лимерике отравил своих телят и свиней, дав им обезжиренное молоко, которое пили крысы, испытывая боли, вызванные мышьяком. Один из способов выгнать их из дома - это либо опалить шерсть преданной крысы, либо окунуть ее задние лапы в смолу, а затем выпустить ее на свободу, когда все общество на некоторое время разойдется. Но это лишь временная мера, а тем временем преступникам остается размножаться и, возможно, переносить свои опустошительные

действия в другую часть владений, где они столь же вредны. То же возражение относится и к средству, заключающемуся в растирании языка обыкновенной собаки, когда он собран в полном соку, и раскладывании его в своих убежищах. Они удаляются только для того, чтобы вернуться. Немцы превращают саму крысу в полицейского, чтобы она предупреждала своих собратьев-грабителей. Доктор Шоу в своей книге "Общая зоология" утверждает, что джентльмен, путешествовавший по Мекленбургу около тридцати лет назад, видел крысу на почте с колокольчиком на шее, который, как заверил его хозяин, распугал всю "усатую нечисть", ранее наводнившую это место. Мистер Нил говорит, что в Бангкоке, столице Сиам, люди привыкли держать ручных крыс, которые разгуливают по комнате и ползают по ногам заключенных, которые глядят их, как собаку. Их отлавливают молодыми, и, достигая чудовищных размеров при хорошем кормлении, они заменяют наших кошек и полностью освобождают дом от себе подобных. Но самое эффективное и, в конечном счете, самое дешевое средство - опытный крысолов. Какой бы хитрой ни становилась опытная старая крыса, она неизменно получает мат, когда человек честно пробует с ней поиграть в ловкость. Хорошо обученный профессор этого искусства, который по давней привычке ознакомился с убежищами и тактикой своего противника, его надеждами и страхами, его пристрастиями и антипатиями, очистит дом или фермерский двор, где новичок просто поймает нескольких неосторожных авантюристов и заставит остальных быть настороже. У большинства стран мира, к счастью для них самих, есть офис получше, и постоянный практикующий может справедливо обратиться к любителю примерно в тех же словах, которые музыкант употребил к Фридриху Великому, когда королевский флейтист ожидал комплимента за свою игру: "Было бы дискредитацией для вашего величества, если бы вы играли так же хорошо, как я".

Однако "дядя Джеймс" придерживается иного мнения. Этот автор считает, что каждый человек должен быть своим собственным крысоловом, что, по его очевидному мнению, является самым полезным, достойным и увлекательным занятием под солнцем, поскольку он считает самих крыс вопиющим злом современности, уступающим, по его оценке, только великой несправедливости старого закона о хлебе. Действительно, мы не можем видеть из его собственных предпосылок, как зло может уступать какому-либо великому разрушительному принципу, включая землетрясения. Он берет единственную пару крыс и удовлетворительно доказывает, что через три года, если их не беспокоить, у них будет тринадцать пометов по восемь особей в каждом при рождении, и что детеныши снова начнут пометаться в возрасте шести месяцев; с помощью этого расчета он увеличивает исходную пару по истечении трех лет до шестисот пятидесяти шести тысяч восьмисотвосьми. Подсчитав, что десять крыс съедают за один день столько же, сколько человек, что, по нашему мнению, скорее ниже, чем выше этого факта, потребление этих крыс было бы равно "потреблению шестидесяти четырех тысяч шестисот восьми человек круглый год, и оставалось бы в запасе восемь крыс в год". Итак, если пара крыс могла вызвать такое опустошение через три года после того, как первоначальная пара покинула ковчег, как получилось, что потомки мириадов, которые много веков назад сосуществовали среди нас, не съели землю и все ее содержимое? Дядя Джеймс удачно забывает, что животные размножаются не в соответствии с арифметической прогрессией, а просто пропорционально предоставляемой им пище. Однако не следует ожидать, что он мудрее Мальтуса в вопросе размножения животных, и у него есть дополнительный стимул к ошибкам, заключающийся в том, что он, очевидно, приукрашивает свои ужасы с коварной целью. Не может быть никаких сомнений в том, что у него есть несколько породистых терьеров, от которых

можно избавиться, и, следовательно, следующая панацея от всех зол, от которых страдает общество.

“Собака, чтобы быть полезной, должна весить от шести до тринадцати фунтов; при превышении этого веса она становится слишком громоздкой. Я бы также порекомендовал, прежде всего, лондонского терьера-крысолова: он тверд, как сталь, отважен, как лев, и красив, как скаковая лошадь! — (Дядя Джеймс, конечно, лондонец.) Пусть фермеры в каждом приходе соберутся и примут резолюции, призывающие своих представителей в парламенте снять налог с собак, убивающих крыс. Пусть они разработают планы по приобретению нескольких породистых терьеров и хорьков и распространят молодняк среди своих мужчин. Пусть за дохлых крыс будет назначена награда в размере такой-то суммы за голову, и пусть в каждом приходе будет по одному человеку, назначенному платить за то же самое. Крысы ценны как удобрение; пусть в каждом населенном пункте будет яма, и пусть этот человек каждую неделю вывешивает на каком-нибудь видном месте объявление о количестве убитых крыс и кем. Тогда каков же будет результат? Да ведь среди жителей деревни поднимется дух соперничества, и они будут обшаривать каждую нору и угол в поисках крыс. *Таким образом, среди них войдет атмосфера веселой предприимчивости, активности и шутливости, сопровождаемая разговорами*; и вместо того ползучего, упрямого однообразия, которое характеризует их общую походку и манеры, они встретят своих работодателей и пойдут на работу радостными шагами и с улыбающимися лицами”.

Грядущий человек, которого так долго ждали, — это, по-видимому, крысолов. Здесь размножается навоз, улучшается сельское хозяйство, выращиваются продукты питания, улыбчивое, просвещенное и общительное крестьянство — и все это результат ловли крыс. Но была упущена из виду одна трудность. Когда вся популяция превратится в крысоловов, крысы вскоре должны будут, как и дронты, вымереть. На какое-то время мы станем страной-экспортером, но в конце концов этот ресурс нас подведет, и слава Англии угаснет вместе с ее крысами. Тогда у нас снова будут угрюмые, молчаливые, недовольные крестьяне; “их запас разговоров” будет исчерпан, или, в лучшем случае, сельские жители будут вынуждены со вздохом рассказывать о золотом веке, который никогда не возобновится, когда страна наслаждалась невыразимым благословением ловли крыс. Короче говоря, мы опасаемся, что дядя Джеймс был настолько исключительно предан науке ловли крыс, что пренебрег развитием низшего искусства рассуждения; но, как мы ни подозреваем, заинтересовавшись этим, мы присоединяемся к его похвалам достоинствам терьера. Скорость, с которой умная собака избавляет своих жертв от мучений, такова, что терьер весом менее четырех фунтов за два часа убил четыре сотни крыс. Исходя из этого, мы можем оценить разрушения, нанесенные человечеству этим проворным животным, “твердым, как сталь, отважным, как лев, и красивым, как скаковая лошадь”. За последние двадцать лет сложился обычай наблюдать, как эти собаки терзают крыс в яме, и существуют частные арены подобного рода, где наши прекрасные сельские жительницы, склонившись над кругом с подушками, с восхищением наблюдают за сообразительностью терьеров своих мужей или братьев. “Дядюшка Джеймс” мог бы похвалить их вкус и подумать, что это развлечение призвано дать им “пищу для разговоров, дух веселой предприимчивости и остроумия”; но если бы сам факт не доказывал обратного, мы бы предположили, что в Великобритании нет образованного человека, которого не шокировала бы эта необычная склонность английских леди.

ПРИЮТЫ ДЛЯ УМАЛИШЕННЫХ.

Гораций Уолпол, чье перо так глубоко запечатлело социальные характеристики его эпохи, описывая своему другу Манну ужасы, вызванные толпой лорда Джорджа Гордона, говорит: “Они угрожают выпустить львов из Тауэра и безумцев из Бедлама”. В этой короткой фразе мы получаем четкое представление о мнении наших предков о сумасшедших — мнении, которое фотографии камер Сумасшедшего дома Хогарта запечатлели в сознании людей даже по сей день. И, по правде говоря, не прошло и пятидесяти лет с тех пор, как положение вещей, существующее сейчас только в воображении невежд, было всеобщим и одобренным. Внутреннее убранство Вифлеема в то время могло представить картины более ужасные, чем когда-либо представлялось Хогарту. Однако в наши цели не входит подробно останавливаться на этих ужасах прежних дней. Благодаря усилиям покойного Сэмюэля Тьюка из Йорка, Гарднер-Хилла, Чарльзуорта, Уинслоу и Конолли из Лондона старый метод лечения с его кнутами, цепями и кандалами ушел в прошлое навсегда; и в качестве истинной эмблемы произошедшей революции мы можем упомянуть, что несколько лет назад губернатор, проходя через прачечную Вифлеема, заметил наручник, который одна из женщин превратила в подставку для утюга!

Несмотря на улучшение состояния душевнобольных, многие из высших и почти все из низших классов по-прежнему смотрят на Окружной сумасшедший дом как на чулан Синей Бороды по соседству. Эти необоснованные идеи являются серьезным препятствием для успешного лечения безумия, поскольку подавляющее большинство излечений достигается в течение трех месяцев после первоначального приступа, и все, что удерживает друзей пациента от того, чтобы как можно скорее перевести его на режим лечения, вероятно, обеспечивает увековечение болезни. Мы можем хорошо представить себе неопределенный трепет и душевную скорбь, с которыми несчастные создания, пораженные умом, входят в ворота обители, в которой они, как предполагается, обречены на испытание худшее, чем смерть; но это впечатление настолько ошибочно, что чувство отчаяния почти сразу сменяется вдохновляющими проблесками надежды. Разъяренный маньяк, который прибывает в Колни-Хэтч или Хануэлл на телеге или ручной тележке, связанный веревками, как обезумевшее животное, наводящий ужас на своих друзей и на самого себя, оказывается в здании, которое воображение облакает такими ужасами, и половина его страданий прекращается. Веревки перерезаны, он снова встает, освобожденный от пут, ему говорят добрые слова, его успокаивают ванной, и, если он все еще буйствует, обитая войлоком комната, которая не оказывает раздражающего механического или личного сопротивления, успокаивает его ярость, и сон, который так долго был ему чужд, посещает его в первую ночь, которую он проводит в страшном приюте. Пожилая леди — пациентка с рецидивом, — чьи серебристые локоны растрепались по плечам, когда мы приехали в Ханвелл, ждала такси в состоянии сильнейшего возбуждения. Как только ее впустили, и она узнала лица медсестер, которые раньше были добры к ней, все ее лицо изменилось. “Что, опять вы, Берк, и вы, Томсон!” - воскликнула она,

обрадованная возобновлением прежних дружеских отношений; и, мирно устроившись в палате, она казалась такой же уютной, как у собственного очага.

Были не только оставлены старые методы лечения, но и внесены многие изменения, чтобы сделать дома для умалишенных менее отталкивающими для глаз. Тысячи фунтов были потрачены на замену проемов, похожих на подземелья (часто без стекол), окнами со светлыми рамами, не затемненными мрачными решетками; решетки с каминов были сняты; и чтобы все остальные ассоциации гармонировали с улучшенным внешним видом здания, суровое звание зрителя уступило место званию обслуживающего персонала, и сумасшедший дом стал приютом. По старому плану все лечение, казалось, заключалось в том, чтобы изолировать пациента от всего, что делает жизнь сладкой, и насильственно вырвать его из всех условий, которые его раньше окружали; новая идея состоит в том, чтобы перенести в стены как можно больше внешнего мира. Здесь ремесленник находит работу в различных ремесленных мастерских, сельскохозяйственный рабочий возобновляет свою торговлю с землей, а женщина занимается шитьем или продолжает свои привычные занятия в прачечной или на кухне. Развлечения сменяют друг друга, и те, кто путешествует зимними вечерами на поезде Грейт Вестерн, будут удивлены, увидев свет, льющийся из большого зала Хануэлла, и, возможно, услышав звуки музыки. Они выходят из бального зала заведения! Вместо темной темницы, уз и ударов, которые когда-то добавляли внешнего к внутреннему горю, заключенные осознают поэтическую картину Грея, —

“С античным спортом и голубоглазыми Удовольствиями,
легко резвясь в резвых действиях;
То преследуя, то отступая,
То кружащимися войсками они встречаются:
Под бодрые ноты в ритме, отбивая
взглядом свои многочисленные мерцающие ступни”.

Умственная аберрация не обязательно является проклятием умственного наслаждения. Есть много сладостей, с помощью которых можно разбавить и уменьшить их горечь, хотя наши предки были настолько невежественны в этом факте, что верили, что лучшее, что можно сделать для того, у кого забит ум, - это влить уксус в желчь.

Доктор Конолли в своей недавно опубликованной книге “Лечение душевнобольных без механических ограничений” смотрит на отмену смиренной рубашки с справедливой гордостью, ибо ему мы обязаны отменой последнего механического средства принуждения к временному насилию; но мы не можем разделить его опасения, что эгоизм и невежество человеческой природы когда-либо смогут восстановить мрачное правление, которому наконец пришел конец. Мы не можем вернуться к временам кандалов и наручников, цепей и нашивок, как не можем вернуться к временам дыбы и скручивания пальцев. Правда, у нас могут быть прискорбные разоблачения, подобные тем, что имели место в Вифлееме в 1851 году, но глубина общественного возмущения и быстрота, с которой были устранены нарушения, сами по себе являются доказательством того, что общее мнение поможет исправить случайные злоупотребления. Мы также не можем из воображаемого опасения возвращения к устаревшим практикам присоединиться к фанатизму, который запрещает использование смиренной рубашки в качестве средства принуждения при любых обстоятельствах. Не может быть никаких сомнений в том, что лечение, требующее его частого использования, является плохим; но

отрицать, что существуют случаи, требующие его ограничения, значило бы отрицать свидетельства наших чувств. Мистер Уилкс, ныне покойный медицинский работник Сумасшедшего дома округа Стаффорд, а ныне уполномоченный по вопросам невменяемости, отвечая на серию вопросов, заданных Уполномоченными по вопросам невменяемости по этому вопросу, делает следующие замечания:—

“При всем желании в максимальной степени выступать за неприменение мер пресечения, я вынужден признать, что результат моего опыта работы в этом приюте вплоть до настоящего времени приводит меня к выводу, что могут иметь место случаи, когда его временное использование может быть как необходимым, так и оправданным. Помимо случайного использования некоторых средств ограничения движения рук при кормлении пациентов с помощью желудочного насоса, в двух случаях, произошедших несколько лет назад, потребовалось более длительное применение ограничений. Одним из них был человек с настолько решительными суицидальными наклонностями, что не раз он почти достигал своей цели, пытаясь биться головой и лицом о стены, бросаться со столов и стульев и засовывать себе в глотку ложки и другие предметы. Когда его впервые госпитализировали, его не заподозрили в каких-либо суицидальных наклонностях, и в течение нескольких недель он их не проявлял; из предосторожности он спал в комнате с обитыми войлоком стенами, и однажды ночью он так разбил себе голову оловянным сосудом, что был найден почти мертвым от потери крови, и впоследствии его жизнь была в большой опасности из-за обширного шелушения кожи головы. В этом случае было абсолютно необходимо связать руки, чтобы сохранить какие-либо повязки на голове, и после того, как раны зажили и ограничение свободы рук было прекращено, он много месяцев носил шапочку с толстой подкладкой. Через несколько лет после этого он откусил себе оба мизинца; и хотя склонность к самоубийству в значительной степени утихла, он все еще временами сильно возбужден, но не требует никаких ограничений. Второй случай был связан с острой манией. Сильный молодой человек отказывался от любой пищи, полагая, что она отравлена, и воображал, что каждый, кто оказывался рядом с ним, намеревался убить его. Все попытки заставить его принять пищу были тщетны, и хотя достаточное количество обслуживающего персонала, под моим собственным контролем, пыталось сделать для него то, что было необходимо, он получил столько синяков, удерживая его в попытках напасть на обслуживающего персонала, когда срочно требовалось ввести пищу в желудок, что я решил связать ему руки, и тогда и еда, и лекарство были легко введены. Результат, безусловно, оправдал использованные средства, поскольку возбуждение улеглось, и вскоре он пришел в себя”.

Вот и весь опыт санитаров государственной лечебницы; теперь давайте послушаем свидетельство доктора Форбса Уинслоу, чей опыт работы в частной лечебнице Сассекс Хаус в Хаммерсмите, возможно, был столь же велик, как и у любого другого человека, поскольку он прожил со своей семьей десять лет в самой гуще своих пациентов и которого никто не превзошел в его просвещенном и мягком обращении с душевнобольными.

“Пациенты, ” говорит он в своем отчете комиссарам, - часто выражали желание, чтобы их подвергли механическому ограничению, если, по моему мнению, они, будучи сильно возбуждены, совершат открытые акты насилия и будут опасны для себя и других. В подобных случаях механическое ограничение на короткий период может применяться не только без ущерба, но и с положительной пользой в качестве лечебного процесса. Я наблюдал несколько примеров, подтверждающих этот факт. Я видел случаи, когда нельзя было вводить пищу или

лекарства, не подвергая пациента ограничениям. В этих случаях, если бы была отброшена всякая мысль об излечении, и я мог бы примириться со своей совестью, позволив болезни протекать своим непрерывным ходом, и позволил бы пациенту существовать на минимальном количестве пищи и не принимать никаких лекарств, без всякого ограничения можно было бы легко обойтись; но, считая излечение моего пациента превыше всех других соображений, я не сомневался в гуманном и правильном способе лечения”.

В известном нам случае пациент вообразил, что текст “Если глаз твой оскорбляет тебя, вырви его” был написан буквально, и после различных попыток выполнить команду ему удалось уничтожить зрение одной глазницы. Такие случаи редки, но врач должен всегда быть готов встретиться с ними, вместо того чтобы складывать руки на груди и беспомощно наблюдать, как творится зло, из-за малодушного страха перед несдержанным криком. Смирительная рубашка, безусловно, подвержена большим злоупотреблениям, но в меньшей степени, чем обитая войлоком комната, которая может быть превращена в жестокое средство принуждения в руках посторонних.

Все же остается огромное количество средств сдерживания, которые почти так же раздражают, если не так сильно осуждаются, как инструменты, которыми связывают конечности самоубийц или буйных. Ограничения носят лишь сравнительный характер. Смирительная рубашка - это самая узкая зона заключения, а комната с мягкой обивкой - лишь немного шире. За ними следует запертая галерея для класса, затем окружающая высокая стена для всего сообщества сумасшедших; и, наконец, этот воздушный барьер - условно-досрочное освобождение - для тех, кому можно доверить выйти за пределы психушки. Мы убеждены, что усилия филантропов не прекратятся, пока все методы заключения, вплоть до условно-досрочного освобождения, не будут отменены; или, по крайней мере, настолько замаскированы, чтобы помешать их нынешнему раздражающему действию на заключенных. До тех пор, пока основная идея, связанная с этими учреждениями, заключается в том, что они являются вместилищами для *содержания* душевнобольных, возможно, до тех пор будут использоваться средства, принимаемые для предотвращения побега; но когда они будут рассматриваться просто как больницы для лечения психических заболеваний, мы станем свидетелями отказа от многих мероприятий, которые являются такими же варварскими и неэффективными, как жестокости, практиковавшиеся в прошлом столетии. Приюты, где ограничения являются самыми строгими, - это как раз те, из которых ухитряется сбежать наибольшее количество пациентов; в то время как, когда ограничения всех видов отменяются, как в колонии для умалишенных в Гиле в Бельгии, лишь немногие люди когда-либо пытаются сбежать.

В прежние времена публике разрешалось бродить по Бедламу за плату в два пенса. Писатель из *мира* рассказывает о посещении этого места на пасхальной неделе 1753 года, когда он обнаружил там сотню отдыхающих, которые “были оставлены без присмотра и бесчинствовали взад и вперед по палатам, издеваясь над несчастными обитателями”. Романист Ричардсон несколькими годами ранее изобразил эту сцену в образе молодой леди из провинции, описывающей своим друзьям достопримечательности Лондона.

“Сегодня днем я был со своими двоюродными братьями, чтобы удовлетворить странное любопытство большинства людей - увидеть Вифлеем, или больницу Бедлама. Более трогательной сцены мои глаза никогда не видели. Я испытал шок, увидев покойного вежливого и изобретательного мистера ... в одной из этих прискорбных комнат. Не успел я прижаться

лицом к каминной решетке, как он вскочил со своей кровати и с ужасающей горячностью позвал меня к себе в комнату. Это удивление сильно подействовало на меня, и, поскольку за моим замешательством наблюдала толпа незнакомцев, я услышала, как вскоре перешептывались, что я была его возлюбленной и причиной его несчастья. Мой двоюродный брат заверил меня, что подобные фантазии быличасты в подобных случаях; но этот случай привлек ко мне столько взглядов, что вынудил меня вскоре покинуть это место. Я был в большом недоумении, пытаюсь объяснить поведение большинства людей, которые смотрели на эти жалкие предметы. Вместо беспокойства, которое, я думаю, неизбежно при таком зрелище, на их лицах появилось что-то вроде веселья, и расстроенные фантазии несчастных пациентов вызывали веселье и громкий смех у бездумных слушателей; и множество отвратительных рычаний и диких движений других людей казались им не менее забавными. Более того, некоторые были настолько постыдно бесчеловечны, среди которых, к сожалению, было несколько представителей моего пола, что пытались вызвать у пациентов ярость, чтобы позабавить их”.

Предполагалось, что они были низведены до уровня зверей, как с дикими зверями обращались. Как и их самих, их запирали в берлогах, заваленных соломой, выставляли за деньги и заставляли рычать для развлечения зрителей, которые заплатили свой гонорар. Неудивительно, что Бедлам стал словом, внушающим страх; неудивительно, что, по мнению людей, дурной запах столетий все еще держится на его стенах и что незнакомец, движимый любопытством пройти под сенью его купола, должен входить с тошнотворным трепетом. Но теперь, вместо воющего сумасшедшего дома, который, возможно, нарисовало его воображение, он видит чопорные галереи, заполненные аккуратными людьми. Картины жизнерадостности и довольства предстают взору посетителя, когда его ведут по хорошо освещенным коридорам, из которых исчезли старые решетки. Он останавливается, удивленный и восхищенный, чтобы взглянуть на гравюры с картинами Ландсира на стенах или полюбоваться бюстами на кронштейнах; он видит спокойных людей, прогуливающихся вокруг него, или наблюдает, как они кормят птиц, которые в изобилии обитают в вольерах, установленных в глубине просторных окон. Действительно, домашние животные, такие как кролики, белки и т. Д., А также зеленые папоротники делают палаты для выздоравливающих в этой больнице более жизнерадостными, чем те, которые мы видели в аналогичных учреждениях. Время от времени монотонность длинных коридоров нарушается просторными комнатами, устланными коврами и обставленными так, как это делают в домах высшего класса. Если мы пройдем по женской половине больницы, то обнаружим квартиры, занятые десятком занятых работниц, большинство из которых, по-видимому, благородные дамы. Все мыслимые виды рукоделия разделяют их внимание с молодой леди, которая читает вслух “Дэвида Копперфильда” или “Дреда”; в то время как у камина, возможно, пожилая леди с седыми локонами придает сцене нотку домашнего уюта, которую мы вряд ли ожидали встретить в этих стенах. Пересекая мужскую половину, вместо рабочей комнаты мы обнаруживаем библиотеку, в которой пациенты, полулежа на диванах или развалившись в креслах у камина, коротают время за книгами или *Иллюстрированными новостями*. Многие ученые, серебряные струны в чьем мозгу на мгновение фальшивят, находят здесь благоприятную атмосферу и такие материалы для изучения, которые они часто не могли получить на улице; и здесь многие художники, священнослужители, офицеры и сломленные жизнью джентльмены встречаются с общением, о существовании которого в Бедламе и не мечтает мир.^[14]

В стенах Бедлама не допускаются случаи, длящиеся более двенадцати месяцев, и только девяноста лицам, считающимся неизлечимыми, разрешается оставаться дольше этого срока. Эти правила исключают пациентов с идиотизмом и эпилепсией, которые образуют такие тревожные группы в других учреждениях, и заинтересованность, необходимая для получения допуска в это щедро финансируемое благотворительное учреждение, обеспечивает в то же время гораздо более высокий класс заключенных. Священнослужители, адвокаты, гувернантки, литераторы, художники, а также военные и флотские офицеры составляют основу собрания. Присутствуют также представители низших слоев общества, но преобладает образованный элемент, а тон одежды и манер значительно выше того, что можно найти в приютах для бедных графств. В первый понедельник каждого месяца устраивается бал, и компания, которая собирается в хрустальном зале в дальнем конце южного крыла, не опозорит своим поведением и внешним видом ни одно здравомыслящее и благовоспитанное общество. Полька, вальс и мазурка, исполняемые с изяществом и легкостью, подчеркивают социальный статус собрания; и многие прохожие, видя темные силуэты танцоров, кружащихся в свете фонарей, поражаются празднеству заключенных. Летними вечерами просторные корты переполнены пациентами, которые не мрачно прогуливаются между четырьмя унылыми стенами, в которых, казалось, скован сам воздух, а развлекаются на площадке для боулинга или в кегельбане. Сад находится под рукой у тех, кто любит выращивать цветы. Когда мы сравниваем состояние Вифлеема пятидесятилетней давности с сегодняшним Вифлеемом, мы с первого взгляда видим, какую пропасть преодолели за полвека — пропасть, по одну сторону которой мы видим человека, подобно демону, мучающего своих несчастных собратьев, по другую - подобно ангелу-попечителю, исполняющему всемогущий закон любви. Может ли это быть тот же самый Вифлеем, где в 1808 году мистер Вестертон, мистер Калверт и мистер Уэйкфилд увидели десять пациенток в женской галерее, каждая из которых была прикована за руку или ногу к стене длинной цепью, которая позволяла им стоять только у своей скамьи, и одеты в грязные одеяла, наброшенные наподобие пончо на их обнаженные тела? Может ли это быть то самое учреждение, в котором бедный Норрис, подобно свирепой гончей в конуре, был облагодетельствован длинной цепью, которая проходила через стену в соседнюю комнату и которая, позволяя ему немного больше привязывать, позволяла надзирателю оттаскивать его к стене камеры, когда было необходимо приблизиться к нему? Но это снисхождение длилось недолго, и со страниц Эскироля мы узнаем об адских пытках, которым в конце концов подвергли его.

На его шее было приклепано прочное железное кольцо, от которого короткая цепь переходила к кольцу, предназначенному для скольжения вверх или вниз по вертикальному массивному железному стержню высотой более шести футов, вделанному в стену. Вокруг его тела был прикован прочный железный прут шириной около двух дюймов; с каждой стороны прута имелись круглые выступы, которые, будучи прикреплены к каждой из его рук и охватывая их, прижимали их вплотную к его боку”.

В этом положении, в котором он мог только стоять прямо или лежать на спине, он прожил двенадцать лет! Но, пожалуй, ни в чем так не проявляется контраст между прошлым и настоящим, как в двух фотографиях, представленных доктором Худом, постоянным врачом, из истории болезни Вифлеемской больницы, которые сразу показывают разницу в лечении и разные результаты, которые оно принесло.

“А. Ф., поступила в больницу 6 февраля 1808

“М. К., поступила в эту больницу 30 сентября

года в возрасте 34 лет. Эта женщина родилась в Дерби. В возрасте 20 лет она приехала в Лондон в поисках работы, но вскоре потеряла свой характер. Природная буйность ее характера усилилась из-за ее неводержанности. Она была самой буйной из всех женщин, которые тревожат ночь на Флит-Маркет, и неоднократно подвергалась порке в Брайдуэлле за свою крайнюю жестокость и беспорядок. В конце концов, она стала ужасом для стражей порядка, поскольку наказания и тюремное заключение никак не повлияли на ее карьеру. Ее товарищи знали ее под именем Джинджер.' В одном из своих пароксизмов ярости она атаковала окна особняка, и при ее допросе у лорд-мэра оказалось, что ее буйный нрав постепенно перешел в состояние полного безумия. При таких обстоятельствах 6 февраля 1808 года ее отправили в больницу и поместили в излечимое учреждение. По истечении двенадцати месяцев, поскольку ее невменяемость продолжалась, она была внесена в список неизлечимых. Нет никаких записей о том, как она вела себя в течение первого года, но, похоже, *что она была прикована к своей соломенной постели на восемь лет без какого-либо покрывала или одежды.* До тех пор, пока она продолжала таким образом принуждаться, насилие продолжалось. Последняя запись гласит: *"принуждение все еще делает ее свирепой, но когда ее оставляют на свободе, она ни в малейшей степени не опасна."*

1853 г. в состоянии сильного неистового возбуждения, в зависимости от острой мании. Она находилась в таком состоянии за три дня до своего поступления и бродила по улицам в сравнительно обнаженном виде, охваченная религиозным энтузиазмом. Она была сильной, мускулистой женщиной, и, чтобы доставить ее в больницу, было необходимо надеть на нее смиренную рубашку. Она яростно кричала всю дорогу до больницы и использовала самые угрожающие выражения, отказываясь слушать все, что ей говорили, но когда устала кричать, довольствовалась тем, что пинала и плевала в тех, кто находился в пределах ее досягаемости. При поступлении механическое удерживающее устройство было снято; ей назначили теплую ванну и две гранулы ацетата морфия, а затем поместили в кровать в палате с мягкими стенами. Она продолжала шуметь час или два, а затем стала тише; но дежурный, который заглядывал к ней каждые полчаса, всегда находил ее бессонной. На следующий день она оставалась спокойной, но, когда к ней обратились, ответила ругательством. Ей прописали полторы грана ацетата морфия. На третий день она оставалась тихой и угрюмой, но позволила медсестре одеть ее и усадить в кресло в дневной комнате вместе с другими пациентами. На следующий день (четвертый) она оставалась спокойной и рассудительной, несколько уклоняясь от разговоров; и, поскольку ее немного лихорадило, ей прописали "белену" с физиологическим раствором. С этого дня она быстро пошла на поправку и была выписана выздоровевшей 11 ноября 1853 года, пробыв пациенткой в больнице сорок два дня".

Таким образом, неупорядоченная природа по-разному откликается на призыв в соответствии с духом, в котором он сделан. Однако у каждой медали есть обратная сторона, и каркасные шкафы Вифлеема - это палаты для сумасшедших мужчин-преступников. Эти притоны, ибо мы не можем назвать их более мягким именем, являются единственными оставшимися представителями старого Бедлама. Они состоят из мрачных сводчатых коридоров, слабо освещенных с обоих концов единственным окном в двойных решетках и разделенных

посередине решетками, более похожими на те, что окружают самых свирепых хищников в Зоологических садах, чем на что-либо, что мы где-либо видели, используемое для содержания страждущего человечества. Здесь собраны пятьдесят сумасшедших мужского пола, невзирая на их предыдущее социальное или моральное состояние. Так, несчастный священник, преподобный. Хью Уиллоуби, два года назад стрелявший из пистолета в судью Центрального уголовного суда, водится с плебеем, совершившим какое-то ужасное убийство. Бок о бок с несчастным капитаном Джонсоном с корабля “Тори”, который в припадке необычайного возбуждения во время мятежа на борту своего судна перерезал несколько человек из своей команды, но теперь совершенно вменяем, сидит, возможно, тот негодяй, который хладнокровно убил надзирателя на Колдбат Филдс - злодей, признанный сумасшедшим мягкосердечными присяжными, уклонившимися от ответственности за его повешение. И здесь бедный папа, художник, убивший своего отца во время внезапного приступа безумия, вынужден воплощать свои прекрасные фантазии на холсте среди самых отвратительных разговоров и самого жестокого поведения. Те, кто утверждает, что со всеми сумасшедшими преступниками следует обращаться одинаково, не учитывают огромной разницы между настроением покинутого негодяя, прожившего жизнь злодея, и джентльмена, совершившего обычное преступление. По мере того, как первый приближается к здравомыслию, жестокий нрав, который раннее воспитание в пороке и распутстве запечатлело в его натуре, проявляется все отчетливее, в то время как хорошее воспитание, естественное для второго и лишь временно затмившее его, возобновляет свое влияние. Более того, нет ничего более определенного, чем то, что прежние привычки и манеры сумасшедшего в значительной степени не затронуты его прискорбной болезнью, даже когда она находится в самом разгаре. Позор такого заключения в клетку грубых и нежных, добродетельных и покинутых полностью лежит на плечах министра внутренних дел. Управляющие больницами, медицинские работники и уполномоченные по борьбе с безумием снова и снова протестовали против чудовищности происходящего, и, к нашему национальному стыду, протестовали напрасно. Предлагается построить специальный приют для всех сумасшедших штата, которые в настоящее время распределены по окружным приютам, больницам, лицензированным домам, работным домам и тюрьмам, числом 591,^[15] и мы надеемся, что это обязанность, которая больше не будет откладываться. Не может быть никаких сомнений в том, что присутствие этих запятнанных преступлениями личностей глубоко ощущается невинными сумасшедшими и что их выздоровлению препятствует негодование, вызванное их унижительным общением с изгоями общества. Создание приюта для преступников в больших масштабах потребовало бы как совершенствования системы классификации, так и некоторого решения сложного вопроса — что делать с выздоровевшими пациентами-преступниками? По крайней мере, одна категория случаев, как указал доктор Тайлер Смит, не оставляет места для сомнений. Женщины, совершившие правонарушения, находясь под влиянием бреда, сопровождающего послеродовую горячку, и которые, выздоровев, вышли из детородного возраста, должны быть немедленно освобождены. Они больше не подвержены повторению психических отклонений, и держать их в заключении пожизненно - значит относиться к прошлому несчастью как к непростительному преступлению. Ничто не может быть более жестоким, несправедливым и лишенным мотивации.

Предлагается перенести Вифлеемскую больницу в глубь страны под предлогом того, что земли не может быть получено в достаточном количестве для использования заключенными. Если под этим подразумевается, что сельскохозяйственные работы не могут вестись на полях Сент-Джорджа, мы радуемся этому факту. Нормальный человек, привыкший к оживленной жизни

большого города, был бы несчастен, если бы был обречен провести остаток своих дней в тишине полей, а сумасшедший по большей части остается под властью прежних привычек. Представление о том, что его способности повсеместно расстроены, все его восприятие разрушено, все его вкусы уничтожены, а все его симпатии угасли, является одной из самых грубых ошибок, которые могут иметь место. Также и более высокому классу пациентов (таким, как обитатели Вифлеема) не требуются тяжелые физические упражнения, которые необходимы для поддержания здоровья бедняку-земледельцу. Они находят гораздо больше удовольствия в том, чтобы прогуливаться по улицам поблизости от приюта под присмотром санитаров, чем в том, чтобы бродить по вспаханным полям или по очереди возделывать землю лопатой. К этому мы должны добавить, что безумие часто представляет собой внезапный припадок, что люди сходят с ума от бреда на улицах; что, короче говоря, происходят ужасные поражения ума, как и тела, которые требуют немедленного внимания психиатра. Только по этой причине ни один сумасшедший дом не должен быть перемещен в страну, как и любая обычная больница. Но, помимо этого обстоятельства, мы повторяем, что Вифлеем, расположенный на зов друзей и в шуме суетного мира, проблески которого пациенты могут уловить из лазеек своего убежища и в который им иногда разрешается заходить, гораздо лучше расположен для целей лечения, чем в любом сельском округе, как бы хорошо он ни был обеспечен средствами для занятий сельскохозяйственным трудом. В настоящее время заключенные время от времени пользуются всеми достопримечательностями мегаполиса. “В прошлом году пациентам мужского пола, — рассказывает доктор Худ, местный врач, — которые не годились для выписки, разрешили провести день в Кью; на другой день они отправились на пароходе в Нор; и, хорошо себя ведя под присмотром заботливой прислуги, посетили множество публичных выставок — Национальную галерею, Хрустальный дворец, Мальборо-хаус, Зоологические сады, выставку крупного рогатого скота в Смитфилде и т. Д.”. Кто может сомневаться, что люди, привыкшие к таким зрелищам и звукам, бесконечно предпочли бы их удовольствиям прогулки между рядами живых изгородей, выпалывания сорняков или других подобных мероприятий? копать картошку? Кто может сомневаться в том, что эти небольшие экскурсии прикованных к стенам заключенных в веселую жизнь внешнего мира являются огромным преимуществом для медленно восстанавливающегося мозга и представляют собой как раз ту желанную переходную тренировку, необходимую для их безопасного возвращения к неограниченной свободе? Фактически, при старой системе, когда выздоравливающих пациентов, месяцами содержавшихся в камерах, похожих на темницу и оцетинившихся решетками, выводили к воротам и внезапно возвращали к неограниченной свободе, эффект контраста часто был настолько велик, что они пускались бежать в пароксизме возбуждения и часто возвращались обратно через несколько дней, доведенные слишком резким освобождением до их прежнего состояния. Возможно, не было бы нежелательно пристроить к Вифлеему какое-нибудь маленькое сельское заведение, соответствующее *распродажам* зарубежных сумасшедших домов; но это должно быть строго дополнением, в которое пациентов следует отправлять на короткое время, для смены воздуха и обстановки, точно так же, как время от времени весь мир совершает поездки за город, чтобы освежить утомленные глаза видом зеленых деревьев и полей и вылечить моральную цингу, вызванную постоянным созерцанием унылых видов из почерневших кирпичей, составляющих столичные перспективы.

Для наиболее полного освоения распространенной системы лечения душевнобольных мы должны отправиться в Колни-Хэтч и Ханвелл, два больших приюта для душевнобольных в графстве Мидлсекс. Первое, расположенное на Великой Северной железной дороге, всего в

шести милях от мегаполиса, является самым большим и, возможно, самым внушительным на вид зданием подобного рода в Европе. В этом учреждении, построенном за последние шесть лет, мы можем изучить достоинства и недостатки современных приютов. Заклучая в своих стенах население, включая офицеров и обслуживающий персонал, в 1380 человек, что равно численности наших крупнейших деревень, и представляя собой подобие города, его палаты и переходы которого в совокупности достигают шести миль в длину, именно здесь мы найдем наиболее совершенную систему организации и, если можно так выразиться, официального распорядка. Огромная сумма денег, затраченная на строительство Colney Hatch, которая уже достигла 270 000 фунтов стерлингов, подготавливает нас к почти дворцовому характеру его возведения. Его *фасад*, протяженностью почти в треть мили, через определенные промежутки прерывается итальянскими колокольнями и куполами; и весь внешний вид заставляет посетителя ожидать от интерьера соответствующих притязаний. Однако, как только он переступает порог, сцена меняется. Когда он проходит по коридору, который тянется из конца в конец здания, его угнетает полумрак; скудный свет, проникающий через окна с петлевидными отверстиями, поглощается чернильно-черным асфальтовым покрытием и в сочетании с низкими сводами потолка создает ощущение удушья и заточения, как в тюрьме. Лестницы едва ли сравнимы с лестницами рабочего дома; штукатурки там нет, а слой краски или побелки даже не скрывает неровную поверхность кирпичной кладки. В палатах царит похожее положение вещей: они, без сомнения, просторны, но человеческого интереса в них нет ничего. Свыше четверти миллиона было потрачено главным образом на внешнюю отделку этого здания; но нельзя и шести пенсов потратить на то, чтобы украсить стены внутри картинами, бюстами или даже самыми обычными украшениями коттеджа. Это порок, который пронизывает большинство недавно построенных приютов графства. Посещающие нас судьи, несомненно, полагают, что было бы излишней и даже вредной утонченностью беспокоиться о том, чтобы радовать глаз или развлекать мозг сумасшедшего; но это серьезное заблуждение, как знает каждый, кто понимает, насколько остро чувствительны умы большинства сумасшедших.

“Каменные стены не делают тюрьму,
А железные прутья - клетку”,

поет грациозный Ловелас; но следует помнить, что у сумасшедшего нет божественной Алтеи, о которой он мог бы размышлять в своем доме заключения, а у большинства безумных нет здоровых крыльев, с помощью которых их разум мог бы вырваться за пределы уныния настоящего. Чтобы отвлечь их от одержимого демона, следовало бы пустить в ход всю изобретательность филантропии; но эта истина была упущена из виду как здесь, так и в Хэнвелле; и мы теряемся в изумлении, когда размышляем о безумии тратить сотни тысяч на внешние украшения, в то время как в украшениях, обычных для беднейших рабочих, заключенным, ради которых были понесены все эти расходы, отказано. В Колни-Хэтч нет более трогательного зрелища, чем наблюдать за тем, как женщины-лунатички пытались разнообразить монотонный вид своих похожих на кельи спальных комнат тряпичными куклами, кусочками ракушек, фарфора или яркой ткани, симметрично расставленными на освещенном подоконнике. Любовь к украшательству, по-видимому, живет в них, когда утрачены все другие умственные способности; и они разбрасывают вокруг себя яркие краски без особого смысла, но с таким же удовольствием, с каким птичка из Зоологического сада украшает свою игровую беседку.^[16] Тюремная одежда пациентов мужского пола гармонирует с унылыми стенами. Бесконечно угнетает даже посетителя, когда он не видит ничего, кроме унылой серой одежды; и сами сумасшедшие чувствуют себя униженными в униформе, посвященной тюремной птице.

Медицинские работники как этого приюта, так и Хэнвелла глубоко впечатлены его пагубными последствиями и уже давно осуждают его. К счастью, эта система распространяется только на мужчин, однако не из каких-либо благожелательных чувств по отношению к женщинам, а просто потому, что халатов одного и того же образца нельзя приобрести в достаточном количестве, чтобы одеть все общество. У людей в здравом уме самоуважение повышается благодаря обладанию приличной одеждой, а сумасшедший часто еще более поддается их влиянию. Невосприимчивый пациент в Колни-Хэтч имел привычку рвать на себе одежду в клочья. Мистер Тайерман, один из медицинских работников, приказал переодеть его в совершенно новый костюм. Бедняга, портной по профессии, то ли профессионально оценив ценность своего нового одеяния, то ли будучи тронут этим знаком внимания, с уважением отнесся к его целостности и с этого момента быстро пришел в себя. Перед тем как покинуть лечебницу, он заявил, что своим исцелением обязан благотворному воздействию, произведенному на его разум тем, что ему доверили этот новый костюм. В Хэнвелле пациентов, которые портили свою одежду, одевают в прочную холщовую одежду, обшивают кожей и застегивают висячими замками. Этот план принят и в некоторых других сумасшедших домах, но он всегда выглядит отталкивающе.

Мы считаем, что только в приютах округа метрополитен, которые должны быть образцовыми учреждениями, сохраняется серая тюремная одежда. В большинстве приютов округа используется домашняя одежда округа, и пациент передвигается, не отличаясь от остального населения никакими отталкивающими знаками отличия. Во Франции и Бельгии им это удастся еще лучше. Доктор Вебстер в своих заметках о зарубежных приютах для душевнобольных, опубликованных в *Психологическом медицинском журнале*, говорит о ярких головных уборах и ярких шaliaх, используемых во Франции, которые придают веселый вид собравшимся заключенным. Ничего меньшего нельзя было ожидать от известного нрава народа, о котором было сказано, что если бы кого-нибудь из них бросили голым в море, он поднялся бы одетым с головы до ног, с мечом, мешковатым париком и оборками в придачу. В данном вопросе они были мудрее своего поколения, чем мы; и мы можем представить, с каким удивлением они узнали бы, что в Хэнвелле, самом знаменитом английском учреждении для лечения душевнобольных, пациентов вознаграждают за хорошее поведение, разрешая им носить модные жилеты. Этот факт сам по себе свидетельствует об отвращении к тюремной одежде и необходимости избавиться от нее. Но тот же комитет по посещениям, который инспектирует окружную тюрьму, управляет приютом, и мы с сожалением должны сообщить, что они позволяют внедрить организацию первого во втором.

Несмотря на эти недостатки, прогресс, достигнутый за последние двадцать лет, был огромным. Прогулка по палатам и мастерским Колни Хэтча докажет, что с сумасшедшим наконец-то обращаются так, как если бы он обладал человеческими симпатиями и желаниями и был способен вести себя во многих отношениях как разумное существо. Все крупные приюты обладают преимуществом перед более мелкими в большей способности классифицировать своих обитателей. Палаты и коридоры Колни-Хэтча и Хануэлла настолько обширны, что их можно сравнить с разными улицами, населенными разными классами. Обычно отделения называются в соответствии с психическим состоянием содержащихся в них пациентов. Таким образом, в большинстве приютов у нас есть рефрактерное отделение, отделение для эпилептиков, отделение для паралитиков, отделение для грязных пациентов и отделение для выздоравливающих. В Колни-Хэтч считают, что вместо этого лучше использовать цифры, поскольку пациенты вскоре знакомятся с обозначением класса, к которому они принадлежат, и

часто ведут себя в соответствии с ним. Таким образом, сумасшедший, оказавшись в непокорной палате, иногда будет вести себя в соответствии с отведенной ему ролью, когда в противном случае он был бы миролюбивым. Порок классификации заключается в том, что она разделяет население приюта на очень много умственных каст, что в какой-то мере препятствует тому легкому переходу от безумия к здравомыслию, который желательно поддерживать. Однако при выборе трудностей не может быть никаких сомнений в том, что эти отделения в учреждениях для душевнобольных в том виде, в каком они построены в настоящее время, представляют собой наиболее удобное, а также наилучшее средство лечения душевнобольных, и ошибки, которым они подвержены, могут быть в любое время устранены тщательным наблюдением медицинских работников.

Ничто не вызывает у посетителя большего восхищения, чем забота о паралитиках и слабоумных пациентах, которые составляют столь значительный процент обитателей приютов округа. В большинстве случаев спальные помещения этих бедняг в Колни-Хэтч и Хануэлле обиты войлоком до уровня груди, чтобы они не могли пораниться о стены, когда будут биться в конвульсиях в постели; и была изобретена подушка, совершенно пропускающая воздух, на которой они могут лежать лицом вниз во время приступа припадка без риска задохнуться. В крайних случаях даже пол устилают мягкой тканью, чтобы страдалец неосознанно не бросился на него. Прикованный к постели паралитик возлежит на водяной кровати, и за ним ухаживают ночь и утро так же усердно, как за беспомощным младенцем. Критерием заботы, которая преобладает в приюте, является состояние людей, которые не могут помочь себе сами. Там, где начинаются проблемы, начинается и халатность, в плохо регулируемом учреждении. Нигде гуманное облегчение не требуется так сильно, как в случае с идиотами и паралитиками. Из всех палат в Колни-Хэтч эти самые удручающие. Невозможно созерцать комнату, полную существ, монотонно передвигающихся на своих сиденьях, подобно стае обезьян, или, когда у них парализованы нижние конечности, видеть, как они, подобно тюленям, ползают по полу с помощью своих рук, не испытывая угнетающего чувства ужасного состояния, до которого может быть доведен человек, когда его разум разрушен, а нервная система поражена. Только в этих палатах и у непокорных незнакомец в обычных случаях обнаружил бы, что находится среди душевнобольных. Сообщается, что однадама, после того как знаменитый Эскироль показал ей большую лечебницу, спросила: “Но где же сумасшедшие?” Все бесконечно тонко оттененные стадии безумия, которые лежат между психическим здоровьем, дикой яростью и хроническим слабоумием, по популярному представлению, объединены в бредящем маньяке. И все же случайный посетитель редко становится свидетелем сцен насилия в сумасшедшем доме. Тех, кто проявляет озорство, приучают концентрировать свою неприязнь на медицинских сотрудниках и обслуживающем персонале, а не на своих товарищах-пациентах. Надзирательница приюта Хэнвелл в своем отчете за 1856 год так отзывается об одном из сумасшедших преступников, который принадлежит к этому непокорному классу:

“Она редко вмешивается в дела других пациентов, офицеры и обслуживающий персонал являются особыми объектами ее яростных попыток, и способ ее нападения своеобразен; обычно в ее манерах или внешности нет ничего, что указывало бы на озорство, и она, возможно, ранее спокойно разговаривала с человеком, на которого — наблюдала до тех пор, пока она не повернулась спиной; пока лицо обращено к ней, человек в безопасности — она набрасывается с быстротой тигрицы, вцепляется руками в волосы и в одно мгновение валит свою жертву на

землю. Если несчастного не спасти немедленно, его голова неоднократно ударяется об пол; и до сих пор было невозможно оторвать руку этой пациентки без того, чтобы она не вырвала некоторое количество волос с головы страдальца”.

Посещающие магистраты также крайне неприятны по отношению к пациентам; и их прохождение через палату обычно оставляет за собой шлейф возбуждения, который часто порождает вспышки, которые не утихают в течение нескольких часов. Однако в целом примечательно, насколько мало попыток к насилию предпринимают душевнобольные. В Колни-Хэтч, где проживает 1250 пациентов, за год происходит гораздо меньше личных нападений, чем в любой деревне с половиной населения. Тем не менее, меры предосторожности всегда необходимы; и обслуживающий персонал, в результате длительного наблюдения, обычно предупрежден и, следовательно, вооружен. Для тех людей, которые имеют необычную склонность причинять вред себе или своим товарищам, принимаются специальные меры. Склонных к суициду всегда помещают на ночь в общие палаты с другими пациентами, что эффективно предотвращает любые попытки саморазрушения; в то время как тем, кто склонен к совершению убийства, предоставляются отдельные камеры. В настоящее время в Колни-Хэтч находится человек, пребывающий в заблуждении, что он может вернуть себе свободу, только убив одного из зрителей, и в соответствии с этой идеей он уже совершил несколько покушений на их жизнь. В позапрошлом году в Хэнвелле произошла прискорбная смерть из-за того, что санитар не позаботился о том, чтобы пациент, склонный к убийству, был должным образом заперт в своей квартире на ночь.

“12 апреля пациенты 7-го отделения (всего двадцать пять человек), поужинав, собирались лечь спать без четверти восемь - все они, будучи более или менее невосприимчивыми, имели по одной спальне на каждого. Санитар, укладывая их спать, по неосторожности запер двоих (Б. и У.) в одной комнате; он заявил, что, наблюдая за повседневной одеждой всех у дверей, он предположил, что пациенты были в своих комнатах, и, следовательно, не позаботился о том, чтобы заглянуть к ним. Палату № 19 обычно занимал У., человек чрезвычайно чистоплотных привычек, с мягким выражением лица, но очень вспыльчивый, склонный внезапно и без повода ударить любого человека, находящегося в пределах его досягаемости; он делал это так часто, что ему не разрешалось сидеть рядом с другими пациентами даже во время еды, но он брал свою еду отдельно от них за приставным столиком. Б., чья палата была № 10, прямо напротив № 19, иногда проявлял жестокость, всегда был грязен в своих привычках и разрушал одежду. Предполагается, что этот человек вошел в комнату № 19 по ошибке и что его присутствие там пробудило в другом человеке склонность к убийству. Известно лишь, что ночной дежурный, когда он посетил палату в половине одиннадцатого и, как обычно, направился в палату № 10, обнаружил, что она пуста, а одежда пациента лежит за дверью; затем, услышав шум в палате 19, он открыл дверь и увидел Б., растянувшегося во всю длину на спине на полу, голого и совершенно мертвого. У. вышел из палаты в рубашке сразу же, как только открылась дверь, и, указывая на Б., сказал: ‘Этот парень не дает мне спать’. На шее Б. была отметина, как будто от веревки, которая вызвала удушение, и след сильного удара по макушке носа, и синяк на груди; постельное белье было в большом беспорядке; среди них были найдены рубашка и фланель Б.; один рукав первой был скручен, как веревка, как будто У. задушил им Б.”.

Крайние меры предосторожности не всегда обеспечивают безопасность, поскольку пациенты, считающиеся вполне безобидными, время от времени совершают самые ужасные поступки. Чернокожий мужчина, мясник, который много лет провел в американской лечебнице и никогда

не проявлял никакого насилия, однажды ночью спрятал нож и заставил другого пациента войти в его камеру. Когда его товарищ лег, он перерезал ему горло, разделил тело на куски и разложил их по камере так, как он привык раскладывать мясо в своей лавке. Затем он предложил свой ужасный товар своим товарищам-сумасшедшим, принося те части тела, которые они желали, тем, кто был прикован. Сторож, услышав шум, осмотрел камеры и обнаружил, что пропал один человек; на вопрос черного мясника, видел ли он его, тот спокойно ответил: “Он продал последний косяк!” Даже те, у кого внешне безобидные заблуждения, иногда, если им помешать, совершают неожиданные зверства. Не так много лет назад перед господином комиссаром Уинслоу было проведено расследование в отношении молодого джентльмена, который проделал значительный путь, чтобы увидеть ветряную мельницу, и сидел, наблюдая за ней в течение нескольких дней. Его друзья, чтобы положить конец его абсурдной склонности, переехали туда, где не было мельниц. Юноша, чтобы воспрепятствовать этому замыслу, убил ребенка в лесу, ужасным образом искалечив его конечности, в надежде, что в качестве наказания его переведут туда, откуда будет видна мельница.

Безделье, возможно, является большим проклятием для большинства сумасшедших, чем для здравомыслящих людей. Занятие отвлекает разум от его болезни. Колни Хэтч и Хэнвелл, судя по их многолюдности и тому факту, что их заполняют в основном столичные сумасшедшие, представляют собой замечательные примеры нового метода привлечения пациентов к тем профессиям, к которым они привыкли, когда были здоровы. Поскольку ассортимент мастерских в Colney Hatch самый обширный, мы возьмем наше описание из этого заведения. Из пациентов мужского пола только 245 человек, в среднем из 514, находившихся в палате в течение 1855 года, вообще были заняты на работах, остальные состояли из жестоких маньяков и лиц, страдающих параличом, эпилепсией и идиотизмом, ни один из которых не способен выполнять какую-либо работу. Шестьдесят пять человек были распределены по садам, участкам и фермам, 180 человек осталось распределить по мастерским и различным отделениям приюта. Швейный цех самый обширный. Во время нашего визита там было по меньшей мере два десятка сумасшедших со скрещенными ногами, которые кроили и шили серые платья для заключенных или чинили старую одежду, их поведение ничем не отличалось от поведения нормальных подмастерьев. Сапожников было около дюжины, и каждый держал в руках свой короткий нож. Те, кто не привык к сумасшедшим, сочтут нервным пробираться среди такого количества вооруженных безумцев и пожелают побыстрее убраться с этого явно опасного сборища. И все же, по правде говоря, их следует опасаться не больше, чем любого другого числа здравомыслящих рабочих, поскольку склонные к убийству тщательно исключаются. Плотники весело строгают среди своих щепок в соседней квартире, время от времени совершенно свободно пользуясь стамеской, долбилкой и пилой. Многие легковозбудимые пациенты были помещены в эти мастерские без каких-либо плохих результатов; и даже те, кто склонен к озорству при подозрении, становились спокойными, когда им доверяли режущие инструменты самого устрашающего вида. Чем больше уверенности в себе у большинства душевнобольных, тем больше это способствует хорошему поведению. Из других ремесленников в различных отделах мы можем упомянуть художников, обойщиков, пекарей, мясников, пивоваров и бондарей; в то время как еще большее число людей занято на кухне и в столовой или в качестве помощников в коридорах и палатах. Услуги всех этих сумасшедших ремесленников и чернорабочих были оценены в прошлом году в 1059 фунтов 3 шекеля.

Насколько это возможно, мужчины занимаются теми профессиями, которыми они занимались раньше; но есть много пациентов, чей квалифицированный труд не может быть использован в

этом сравнительно ограниченном сообществе; таких, например, как законодатели, ювелиры, резчики китовых костей, маляры карет, золотовары, резчики по булю, изготовители восковых кукол и множество других разнородных ремесленников, которых можно найти только в большом мегаполисе. Эти люди занимаются наиболее подходящей для них работой, и, таким образом, многие из них покидают убежище, будучи квалифицированными в двух профессиях. Не менее эффективным является занятие на ферме, которая включает в себя семьдесят шесть акров пастбищ и пахотных земель, в основном предназначенных для выращивания и содержания скота. На 1 января 1856 года здесь было 28 коров, 1 бык, 2 теленка, 152 свиньи, 40 овец, 7 лошадей и так далее. Уход за этими животными, обработка полей и тридцати одного акра декоративных насаждений, дойка коров, забой мяса и производство масла обеспечивают разнообразное и полезное занятие шестидесяти пяти земледельцам. Некоторые люди, которые никогда раньше не держали в руках лопату, здесь радостно и с желанием берутся за работу, и можно увидеть, как французский полотер, уэслианский священник, школьный учитель или юрист копает картофельное поле; или корабельный плотник, шорник, извозчик, грузчик угля и шарманщик усердно заполняют тележку для перевозки навоза. Они, правда, были бы лучше заняты занятиями, более соответствующими их прежним привычкам; но их невозможно найти для них, и труд любого рода предпочтительнее безделья. На женской половине домашнего хозяйства к трудолюбию прибегают как к средству лечения в еще большей степени. Из 503 приравненных к труду 270 работают рукодельницами, 7 заняты на кухне, 72 стирают, гладят и чистят белье в прачечной, 125 помогают в палатах и 29 посещают школу и заняты другими делами. Общая стоимость женского труда по дому исчисляется в 500 *фунтов стерлингов. per annum*.

Колни Хэтч не так широко занимается промышленностью и сельским хозяйством, как лечебница Норт-Энд-Ист-Райдинг, где пациенты представлены смешанным производственным и сельскохозяйственным населением, а продукции с их полей и мастерских намного больше, чем можно было бы получить от измученных столичных пациентов. Сумасшедшие не только выращивают овощи, но и отвозят их к воротам лечебницы и выбрасывают на всеобщее обозрение. Полученный результат является доказательством того, что мы считаем устоявшимся принципом, а именно, что хроническим случаям безумия очень помогает как можно больше общения с более здравомыслящей частью общества.

В соответствии с мнением, что занятия сумасшедших должны быть аналогичны их занятиям в прежние времена, южное крыло больницы Хаслар отведено для офицеров, моряков и морских пехотинцев флота ее Величества, страдающих безумием. Из каждого окна здания открывается прекрасный вид на Спитхед и остров Уайт, и здесь старые Солты могут сидеть и любоваться великолепной панорамой, заполненной судами и активной морской жизнью, которая вызывает в их сознании так много приятных ассоциаций. Они собирают рыболовные отряды, плетут сети и отправляются на увеселительные экскурсии на гребных и парусных судах. "Лодка сумасшедшего" с восемью веслами, в которой работают пациенты и которой управляет санитар, хорошо известна морякам с "Солента", и они считаются настолько безобидными, что молодые леди часто сопровождают их в поездках на остров Уайт, безоговорочно доверяя их мастерству мореплавания и вежливости.

Умственный труд как средство лечения не был принят в Англии в значительной степени; в большинстве приютов есть свои библиотеки, в которых всегда можно найти внимательных читателей, но заключенные редко пытаются развлечь или обучить своих товарищей.

Королевская лечебница Мюррея в Перте является одним заметным исключением из этого правила. Это учреждение, находящееся под руководством доктора Лаудера Линдси, по-видимому, является средоточием интеллектуальной деятельности. Программа зимней сессии 1856-7 годов больше похожа на проспект Атенеума какого-нибудь большого города, чем на счет за проезд в сумасшедшем доме. Известные профессора отражают в своем лекционном зале философию и науку внешнего мира, и их выбор предметов не был бы отвергнут комитетом лондонского научного учреждения.

<i>Лектор.</i>	<i>Предмет.</i>
1. Профессор Блэки, Эдинбургский университет.	Красота.
2. Хью Баркли, эсквайр, доктор права, заместитель шерифа Пертшира.	Подлинность стихотворений Оссиана.
3. Томас Миллер, эсквайр, доктор права, ректор Пертской академии.	Химическое сродство.
4. Джордж Лоусон, эсквайр, преподаватель ботанической гистологии, Эдинбургский университет.	Жизненно важные явления растительности.
5. Преподобный доктор Кромби из Сконе, бывший модератор Генеральной ассамблеи.	Зима: ее уроки и ассоциации.
6. Преподобный Джон Андерсон, Киннулл.	Очерки из истории древних народов.
7. Преподобные У. М. Мердок, Киннулл.	Образование: его цели и применение.
8. Доктор Браун, Королевский институт Крайтона, Дамфрис.	Генезис мысли.
9. Доктор Фейрлесс, Крифф.	Электричество: его явления и приложения.
10. Доктор Стирлинг, Перт.	Естественная история человека.
11. Алекс. Коралл, эсквайр, Монтроуз.	Естественная история зоофитов.
12. Томас Р. Маршалл, эсквайр, Эдинбург.	Искусство: в его применении к обычной жизни.

Эти научные и философские экспозиции посещают пациенты самого высокого класса. Для бедных предусмотрен отдельный набор лекций и занятий, большую часть которых читают и проводят сами заключенные. Гальванизм, Кровь, Время, Экономическая ботаника - вот

некоторые из тем, разъяснения на которые с удовольствием выслушивают ненормальные мозги Пертской психушки. Деятельность заведения на этом не заканчивается: камерные концерты, на которых выступают пациенты; грандиозные концерты, в которых артисты со стороны приглашают ведущих звезд; и театральные представления, в которых роли различных персонажей исполняют “постоянные актеры”, являются одними из ресурсов, которые были использованы, чтобы развлечь и заинтересовать заключенных в течение только что прошедших зимних месяцев. Яма, полная сумасшедших, наблюдающих за “Боксом и Коксом” в исполнении своих братьев, - любопытный предмет для созерцания. Не довольствуясь этими усилиями, они, похоже, думают, что они ничто, если их не критиковать, и, соответственно, они завели журнал, в котором рецензируют свои собственные выступления. Перед нами первый номер *журнала "Эксельсиор"*, в котором мы находим стихи, новости и критические замечания о музыке и современной литературе; и тот, кто читает с мыслью найти что-то странное в этом произведении, наверняка ошибется; ибо никто не мог догадаться, что в шляпке печатника, издателя и автора был “пчела в шляпке”. Мячи и конверсационы составляют основу более легких развлечений этого необычного сообщества, в то время как более спортивные игры - бег, прыжки, бег с барьерами, горные танцы, бросание камня, перекладка и поднятие тяжестей - проводятся с таким успехом, что the lunatics с гордостью хвастаются, что они победили некоторых призеров внешнего мира.

Можно было бы предположить, что интеллектуальные усилия - это не то лекарство, которое можно предложить больному мозгу; но доктор Линдсей сообщил нам, что в подавляющем большинстве случаев наилучшие результаты дает этот метод лечения и что достигается большой процент излечений. Такие пациенты, которые могли бы пострадать от стимуляции своих способностей, отстраняются врачом от чрезмерных физических упражнений, а другие, должно быть, зашли слишком далеко или слишком неосведомлены, чтобы быть способными к этому. Удивление, что сумасшедшие могут быть восприимчивы к здоровому умственному напряжению, возникает из-за общего забвения о том, что у многих понимание слегка нарушено или они невменяемы только в определенных моментах. Когда Нат Ли был в Бедламе, он сказал, что очень трудно писать как сумасшедший, и очень легко писать как дурак. Произведения дураков более объемны, чем произведения безумцев, потому что дураков больше, чем сумасшедших; но те, кто полностью безумен, настолько далеки от того, чтобы испытывать трудности в написании своего собственного характера, что они не могут писать ни о каком другом. Однако, поскольку многие из тех, кто не совсем в порядке со своим умом, не более исключительно безумны, чем люди, которые не совсем мудры, не совсем глупы, легко видеть, что они все еще могут быть способны к гораздо более полезному умственному напряжению. В наши дни бедного Кристофера Смарта не лишили бы пера и чернил и не заставили бы делать отступы в его длинном стихотворении о “Дэвиде” с помощью ключа на панели его камеры; и, возможно, следующая эпиграмма, которую женщина в Бедламе написала на аргумент Мартина Мадана в пользу полигамии, не была бы представлена как явление, достойное удивления:

“Если Джон женится на Мэри, и только на Мэри,
Это будет хорошая пара между Мэри и Джоном:
но если Джон женится еще на нескольких женах, какие удары и царапины!
Это уже не спичка, а связка спичек.

Во Франции и, как мы полагаем, в некоторых других континентальных странах принято нанимать сумасшедших на частных фермах, окружающих сумасшедший дом. Этот план в старину

осуществлялся в Англии, но, по-видимому, он исчез вместе с древней системой принуждения. Когда совершаются радикальные революции, хорошие идеи иногда гибнут вместе с плохими; и мы не можем отделаться от мысли, что отказ от этого метода тренировки сумасшедших был ошибкой и что возврат к старой практике при соответствующих правилах был бы выгоден как работодателю, так и нанятому. Мы никогда не должны упускать из виду мудрость, заключающуюся в том, чтобы освободить пациента, насколько это практически возможно, от общения с его товарищами и, насколько это в наших силах, поместить его в те же свободные условия, которыми он наслаждался в дни своего здравомыслия.

В Колни-Хэтч, как и в Ханвелле, да и во всех других общественных приютах, представители обоих полов занимают отдельные части здания, и им разрешается присутствовать вместе только в определенных случаях. Это неестественное устройство, несомненно, возникло в результате внедрения в лечебницы тюремной и рабочей систем управления; ибо, безусловно, ничто не может сделать жизнь пациента более унылой, чем осознание того, что он тщательно исключен из общества другой половины творения. Сторонники раздельного проживания заявляют, что смешение полов среди душевнобольных время от времени приводило бы к плохому поведению; но ничто не может быть более несправедливым, чем лишать большинство преимуществ, которые были бы получены от частых социальных встреч, вследствие эротических наклонностей немногих. Поэтому мы с удовольствием наблюдаем за попытками приравнять общение сумасшедших к общению здравомыслящих в Ханвелле, Колни-Хэтче и других приютах. Самой интересной особенностью бывшего заведения является бал, который проводится каждый понедельник вечером. Вскоре после шести часов красивый актовый зал, ярко освещенный газовым баллоном, становится центром притяжения для всех заключенных, мужчин и женщин, которые считаются достаточно здоровыми, чтобы потакать своей склонности к веселью. По случаю нашего визита здесь присутствовало около 200 пациентов, а также несколько посетителей и множество обслуживающего персонала. В приподнятом оркестре пятеро музыкантов, трое из которых были сумасшедшими, вскоре заиграли веселую польку, и зал немедленно наполнился танцорами. В ходе этого развлечения мы не увидели ничего гротескного или странного. Если бы люди были одеты иначе, было бы невозможно догадаться, что мы находимся среди компании сумасшедших, простых обитателей приходских рабочих домов; но тюремная униформа печального серого цвета представляла невыгодный контраст с более веселыми и разнообразными костюмами в Вифлееме и казалась резкой нотой среди общей гармонии сцены. В углах комнаты были замечены игроки в вист, состоявшие в основном из пожилых заключенных, увлеченных своей игрой; ни одно слово не было произнесено вслух, не было сделано ни одного жеста, который дискредитировал бы любое подобное собрание в здравом уме; и все же ни один пациент не был свободен от какой-либо странной галлюцинации или какого-либо болезненного импульса. Среди самых веселых танцоров в "Сэре Роджере де Каверли" был человек, который считал себя нашим Спасителем и носил в волосах шип, имитирующий терновый венец; а одним из самых заядлых игроков в вист была пожилая леди, которая, пока ее партнер сдавал карты, конфиденциально заверила нас, что она умерла вот уже три года назад, и попросила в качестве одолжения, чтобы мы использовали наше влияние на хирурга, чтобы убедить его отрезать ей голову. Посреди такого странного бреда было любопытно заметить, как рационально развлекаются те, кто был самими собой одурачен; и невозможно отрицать, что такие воссоединения в высшей степени рассчитаны на то, чтобы помешать разуму болезненно заикливаться на своих собственных нездоровых творениях. Обнаружено, что слишком длительное и частое повторение мячей

несколько снижает их интерес — зло, направленное против Хэнвелла, поскольку ограничивает отведенное на них время. Ровно в девять, хотя и в разгар танца, раздаётся пронзительная нота, и все собрание, подобно множеству Золушек, разом распадается, и компания спешит разойтись по своим спальням. Эти праздничные балы еще не были представлены в Colney Hatch. Однако в последнее время было предпринято движение в сторону ограниченного общения между полами, позволив им обедать вместе. Из 500 пациентов, собравшихся в просторном обеденном зале, 200 - женщины и 300 - мужчины. Сцена, когда женщины впервые появились, описывается как нечто примечательное; мужчины встали всем скопом, очевидно, обрадованные сверх всякой меры, а присутствие представительниц слабого пола не только нарушило прежнее однообразие, но и поддержало в собрании порядок и хорошее настроение. До этой счастливой встречи у некоторых наиболее возбужденных пациентов время от времени случались вспышки гнева; но теперь, когда кто-либо из мужчин склонен к капризам или недовольству, женщины обращают это в шутку, и их немедленно заставляют замолчать. Пока двум полам не разрешается сидеть за одним столом, они располагаются в противоположных концах комнаты. Гораздо лучшим планом было бы рассадить их по разные стороны длинных столов; но поскольку многие люди, облеченные властью, желая быть уверенными в человеческой природе, возражают против такого естественного расположения, новаторам пока приходится довольствоваться нынешней несовершенной уступкой. Когда впервые было предложено установить бильярдный стол в Вифлееме, схема была отклонена большинством в две трети губернаторов на том основании, что игроки будут сражаться друг с другом киями и шарами, и вместо этого была разрешена игра в багатель в качестве своего рода полумеры. Поскольку пациенты ограничили использование шаров их законным назначением, а булава не была превращена в наступательное оружие, бильярдный стол, наконец, был установлен с неохотой. То же самое, несомненно, произойдет и с организацией ужина в Colney Hatch; и мы надеемся, что вскоре сумасшедшие мужчины и женщины будут обмениваться любезностями через стол, а не через комнату.

В часовнях почти всех крупных сумасшедших домов более тихие заключенные привыкли собираться на ежедневную утреннюю и вечернюю службу. В просторных часовнях Хануэлла и Колни-Хэтча посещаемость в будние дни, а также в субботу, намного выше, чем среди того же количества людей, находящихся на улице: в среднем 250 человек посещают в будние дни и 500 - в воскресенье. Мы не предполагаем, что сумасшедший более религиозен, чем нормальный, носука, которая в определенной степени все еще присуща психушке, делает любую форму воссоединения приятной; и поскольку посещение церкви - это "какое-то занятие", многие заключенные повинуются призыву, которые могли бы остаться дома, если бы были на свободе. Тем не менее, поведение этого собрания является самым образцовым. "Сердечность," говорит капеллан в своем отчете за 1856 год, - с которой они присоединяются к ответам и пению псалмов, очень обнадеживает, в то время как их тихое, упорядоченное поведение — молитва, возносимая многими при входе в часовню, регулярность, с которой все они преклоняют колени или садятся в соответствии с порядком службы, — я думаю, если бы все были свидетелями, заставили бы покраснеть многие наши приходские общины". Время от времени большой эпилепсией потревожит часовню своим тяжелым падением; но поскольку те, кто страдает таким недугом, находятся рядом с дверями, перерыв будет лишь кратковременным. Капеллан Колни-Хэтч обучил двенадцать пациентов мужского и женского пола практике исполнения церковной музыки и псалмопения. Хоровое богослужение хорошо исполнено и в сочетании с органом оказывает заметный эффект, успокаивая более одичавших пациентов и доставляя удовольствие

всем. В причастии не отказывают тем, кто пригоден для его принятия, и нельзя засвидетельствовать более трогательной сцены, чем та, что представлена в часовне, когда десятки причастников, несмотря на помрачение рассудка, смиренно преклоняют колени и “Осушите чашу винограда Божьего”.

Игры душевнобольных на открытом воздухе в значительной степени регулируются площадью территории, прилегающей к лечебнице. Там, где этого достаточно, как, например, в Колни-Хэтч, крикет является любимым летним развлечением; кегельбаны, лужайки для боулинга и площадки для игры в фэйвз-корт есть в большинстве приютов графства. В Америке, где женщины перенимают больше мужских привычек, чем в Англии, женщины-сумасшедшие играют матчи на поле для боулинга; а во Франции гимнастические упражнения используются для тренировки обоих полов и, как мы думаем, могут быть с пользой внедрены в английские лечебницы. Слабоумных пациентов и тех, кто неспособен к большим нагрузкам, можно увидеть на прогулочных площадках, наслаждающихся монотонным раскачиванием машины, известной в быту под названием “детская яхта”, представляющей собой не что иное, как лошадку-качалку, у которой лошадь оставлена без присмотра по особому желанию. В дополнение к этим средствам отвлечения ума пациентов два или три раза в неделю организуются пешие прогулки под руководством сотрудников учреждения. В сезон сенокоса принято разрешать обитателям приютов, к которым прикреплены фермы, выходить в поля, чтобы помочь с граблями и вилами. Это разрешение всегда рассматривается как большое удовольствие, и его действие на пациентов является самым счастливым, *особенно если место их временных схваток не допускает вида лечебницы и ее утомительных стен.* Здесь на несколько часов они, кажется, осознают свободу и восторг юности. Врач в таких случаях может прочитать в их “благодарных глазах”, что в настоящее время мы прошли только половину пути к свободе от ограничений. Отдельным пациентам, опять же, разрешается покидать общественные приюты для однодневного посещения своих друзей под присмотром медсестры; а тем, кто почти выздоравливает, разрешается уходить и возвращаться по собственному желанию. В Колни Хэтче и Хэнвелле, и, как мы полагаем, в большинстве приютов Англии, существует обычай предоставлять пациентам определенный испытательный срок среди их друзей, чтобы проверить их пригодность к выписке как вылечившихся; короче говоря, выдавать им психологические квитанции об увольнении. Это замечательный план, поскольку он обеспечивает пациенту полное пользование свободой, в то же время позволяя ему держать себя в руках, зная, что, поскольку он не освобожден безоговорочно, немедленный отзыв в лечебницу последует за любыми признаками возвращения иррациональности.

Рацион питания в общественных приютах обильный, а качество превосходное. Hanwell, пожалуй, можно считать образцовым заведением в этом отношении. В других приютах шутят, что одного человека там годами ежедневно потчевали курицей и вином. Даже фантазии пациентов время от времени удовлетворяются за определенную плату. В Хэнвелле живет пожилая леди, которая считает, что все это заведение является ее частной собственностью; и однажды она пожаловалась главному врачу на то, что, несмотря на все расходы, которые она тратила на содержание сада и выгонных мастерских, она так и не смогла получить ни гроша винограда. На следующий день ей подарили букет, который был куплен, чтобы успокоить ее чувства. Этот щадящий метод лечения, как его называют в других лечебницах, пользуется большим покровительством надзирательницы, особы, которая, кажется, обладает такой же

властью, как и медицинские работники. В своем отчете за 1856 год она так говорит о пациенте, который умер в течение прошлого года:

Она много лет проработала в прачечной и всегда воображала, что ее перевезут куда—нибудь еще - что в понедельник утром к воротам заедет повозка за ней и ее имуществом. Соответственно, каждый понедельник утром в течение всего года, в 10 часов, ее провожали к воротам, одетую в цветной носовой платок, причудливо приколотый поверх чепца вместо шляпки, и несущую небольшой сверток (*ее собственность*) с самым разнородным содержимым — наперстками, концами ленты, полированными костями, камешками, кусочками гладкого угля и так далее. Фургон так и не нашли на месте, и Мэри, не выказав ни малейшего разочарования, бодро пошла обратно в прачечную, сказав управляющему, что "Фургон обязательно придет в следующий понедельник, но ей нельзя терять времени, поэтому она будет работать всю эту неделю".

Во многих лечебницах считается, что этот метод лечения рассчитан на подпитку первоначального заблуждения; но здесь, опять же, только суждение врача должно определять курс, который следует избрать в каждом отдельном случае. У пациентов, находящихся в состоянии сильного возбуждения, противодействие галлюцинации, какой бы абсурдной она ни была, подлило бы масла в огонь. Опять же, в таком хроническом случае, как случай с прачкой, безобидным фантазиям бедняжки можно было не только безнаказанно потакать, но и неделю за неделей обновлять запас ее жизнерадостности.

Колония сумасшедших в Гиле, расположенная в двенадцати милях к югу от Турнхона в Бельгии, среди обширного неводеланного плато, состоящего из вереска и песка, называемого Кампин, представляет собой выдающийся пример выдающихся преимуществ современного способа обращения с сумасшедшими. До эпохи железных дорог это место было настолько необычным для обычного мира, что лишь немногие люди, даже из тех, кто интересовался лечением душевнобольных, знали о его существовании. Здесь мы обнаруживаем, подобно мухе в янтаре, положение вещей, которое практически не менялось на протяжении тысячи двухсот лет. Здесь мы видим последние остатки священнического лечения безумия в сочетании с системой неограниченности, которая, несомненно, существовала задолго до того, как этот термин был когда-либо услышан в Англии и Франции. Своим происхождением Гил обязан чуду. Святая Димпна, дочь ирландского короля, приняла мученическую смерть в этом месте от руки своего отца в шестом веке. Так велика была ее слава как святой покровительницы сумасшедших, что ее святилище, воздвигнутое в посвященной ей церкви, быстро стало прибежищем паломников, которые направлялись сюда в надежде излечиться от своего безумия или предотвратить его наступление. Ее изящно изваянная гробница содержит среди прочих барельефов один, на котором изображен дьявол, выходящий из головы сумасшедшей женщины, в то время как несколько священников и монахинь возносят молитвы, а рядом другой закованный в цепи маньяк, кажется, с тревогой ожидает своей очереди освободиться от демона. Тщательно насаждаемая священниками идея о том, что безумие означает не что иное, как одержимость дьяволом, давно изгнана из других стран. Здесь, однако, он процветал на протяжении многих веков, а церемония проползания под могилой существовала так долго, что руки и колени преданных стерли мостовую. Этот акт до сих пор иногда разыгрывается посреди сцены, в которой суеверие и ужас сочетаются таким образом, что способны вылечить любого сумасшедшего, если бы для избавления от его болезни требовались только глубокие ментальные впечатления. Но что гораздо интереснее и удивительнее для тех, кто привык к

засовам и решеткам, замкам, камерам и высоким стенам переполненных европейских приютов, так это почти полная свобода, предоставляемая сумасшедшим, проживающим в городе Гил и соседних деревушках, числом 800, или одной десятой части всего района. Здесь не видно ни одного роскошного здания, подобные тем, что мы встречаем почти в каждом графстве Англии. Маленькая армия нищих и других пациентов, собранных со всех концов Бельгии, вместо того чтобы быть запертыми в одном гигантском учреждении, в котором все представления о жизни сливаются с железной рутинной огромного рабочего дома, распределена по пятистам различным жилищам, триста из которых представляют собой коттеджи или маленькие фермерские домики, в которых рассредоточены наиболее буйные и бедные классы, а остальные двести расположены в городе Гил и предоставлены более тихим сумасшедшим и тем, кто в состоянии щедро платить за свое лечение. В этих жилищах пострадавшие находятся под присмотром хозяина и хозяйки; более трех человек никогда не проживают под одной крышей, и, как правило, не более одного. Сумасшедший участвует в обычной жизни семьи; его занятия принадлежат им, его маленькие заботы и удовольствия такие же, как у них. Он идет в поля трудиться, как в обычной жизни; никакие суровые стены не удерживают его вечно и не заставляют желать перепрыгнуть их, как Расселас хотел сбежать даже из Счастливой Долины. Если считается, что ему не подобает работать с плугом или лопатой, он остается дома и заботится о детях, подрезает деревья в саду и следит за приготовлением пищи на огне; или, если это женщина, занимается обычными домашними обязанностями по дому. Сумасшедшие, как можно предположить, не оставлены на произвол хозяина и хозяйки. Преобладает строгая система надзора, в чем-то аналогичная системе уполномоченных по борьбе с психическими расстройствами и приезжих судей Англии. Вся страна разделена на четыре округа, в каждом из которых есть главный опекун и врач, которым доверено медицинское обслуживание каждого заключенного, принадлежащего к этому отделению. Кроме того, на все сообщество приходится один хирург-консультант и один врач-инспектор. Общее управление колонией находится в руках восьми человек, которые издают свод законов, специально разработанный для этого. Бургомистр Гиля возглавляет этот управляющий комитет, в обязанности которого входит распределение пациентов по разным отделениям, наблюдение за их лечением и прием или выписка их. Ежегодно назначается выездной уполномоченный, который осматривает жилища различных хозяев и следит за тем, чтобы о пациентах должным образом заботились. Надзор за сумасшедшими почти полностью ложится на хозяйку, мужчина редко вмешивается, за исключением случаев, когда ему приходится контролировать буйствующего пациента. Говорят, что жители Гиля, веками занимавшиеся лечением душевнобольных, приобрели необычайный такт в управлении ими, который, как замечает доктор Вебстер, можно считать проявлением наиболее разумной смеси «мягкости и силы». Хотя иногда прибегают к средствам усмирения, таким как смиренная рубашка и длинный кожаный ремень под штаниной, чтобы пациенты не могли убежать, секционный врач должен быть немедленно проинформирован об их применении, и их использование не может быть продолжено без его санкции. От них требуется так мало, что доктор Вебстер обнаружил меньше сдержанности в этой колонии, не огороженной стенами, чем в приюте в Маревиле, во Франции, где содержится такое же количество сумасшедших. И все же побегов было меньше, чем из строго охраняемой тюрьмы, изобилующей ограничениями: только одиннадцать человек бежали из Гиля в течение прошлого года и девятнадцать - из Маревилля. Следует заметить, что здесь также нет разделения полам. Сумасшедшие живут жизнью других обитателей, и мужчины и женщины живут в одном доме. Если мы сравним результаты этого простого лечения с результатами лечения в самых дорогих наших лечебницах, мы вынуждены признать, что баланс в пользу Gheel, где, несмотря на

бесплатную госпитализацию хронических больных, более двадцати двух процентов. Излечение происходит ежегодно, в то время как в Хэнвелле и Колни Хэтч излечение никогда не превышает пятнадцати процентов. Невозможно провести справедливое сравнение между расходами на душу населения в Гейле и в наших английских учреждениях, поскольку в Бельгии жизнь намного дешевле; но мы можем заявить, что средняя стоимость питания и ночлега для каждого бедняка в колонии составляет 10 фунтов в год, или точно такую сумму, которая взимается только за проживание в приютах нашего графства.^[17]

План, к осуществлению которого мы медленно продвигались в течение последних полувека, вскоре, как мы надеемся, будет осуществляться более тщательно. В какой-то степени это уже делается по соседству с существующими приютами и могло бы с огромной выгодой вытеснить преобладающий обычай строить новые корпуса и перенаселять старые палаты. Нынешняя система огромных зданий, которая разрушает индивидуальность заключенных и подавляет все их старые привычки и образ жизни, очевидно, не одобряется комиссарами, как явствует из формулировок, которых они придерживаются в своем десятом ежегодном отчете:

“У нас есть все основания полагать, что пациенты получают прямую выгоду во многих отношениях от проживания в уютных, просторных квартирах, отделенных от главного здания и связанных с должностными лицами, занимающимися производственной деятельностью. Сознание того, что он полезен и заслуживает доверия, обязательно зарождается в сознании каждого пациента путем перевода из обычных палат, где действуют определенные ограничения, в отделение, где он пользуется сравнительной степенью свободы; и это обязательно способствует самоуважению и самоконтролю и оказывается в высшей степени полезным для ускорения выздоровления пациента. Как средство лечения, мы считаем этот вид раздельного проживания чрезвычайно важным, поскольку он фактически представляет собой систему испытательного срока для выздоравливающих пациентов; предоставляет им большую свободу действий, расширенные физические упражнения и возможности для занятий; и, таким образом, формирует уверенность в себе и становится не только отличным тестом на вменяемость пациента, но и мощно способствует удовлетворительному излечению. Нехватка такого промежуточного места жительства всегда сильно ощущается; и часто случается, что пациент, только что оправившийся от приступа безумия и отправленный в мир иной прямо из большого приюта для душевнобольных, оказывается настолько неподготовленным к испытаниям, которым ему приходится подвергаться при любом предыдущем использовании своих умственных способностей, что вскоре у него случается рецидив, и он оказывается перед необходимостью снова вернуться в его стены. В настоящее время в лечебнице округа Сомерсет строятся просторные помещения, примыкающие к хозяйственным постройкам; и есть все основания полагать, что пациенты извлекут пользу, проживая в этих квартирах, которые одновременно носят домашний характер и предоставляют все возможности для ведения сельского хозяйства”.

Нас сильно поражает, что комиссары были склонны творить зло, которое они осуждают, не протестуя против возведения гигантских приютов; но отрадно обнаружить, что идея дополнительных зданий, обладающих “домашним характером”, завладела их умами, и что теперь они внедряют ее в умы других со своим хорошо известным рвением и способностями. Девонский приют для душевнобольных, среди прочих, принял этот план; и его опытный врач, доктор Бакнил, редактор *Журнала для душевнобольных*, является важным свидетельством огромных преимуществ, которые можно извлечь из него.

“Я рекомендовал возвести недорогое здание, стоящее отдельно от нынешнего приюта, но на территории нынешнего приюта, отдавая предпочтение расширению самого приюта. Мои доводы в пользу этой рекомендации заключаются в том, что такое здание обеспечит полезную и важную перемену для пациентов, которым желательна смена палат. Было обнаружено, что система размещения пациентов в отдельно стоящих зданиях, напоминающих по своей конструкции и устройству обычный английский дом, дает положительные результаты в так называемых коттеджах, которыми в настоящее время располагает это учреждение. *Сами пациенты предпочитают эти коттеджи палатам, и разрешение на проживание в них очень желанно.* Я также убежден, что такие вспомогательные здания могут быть возведены с гораздо меньшими затратами, чем потребовалось бы при расширении и переделке самого приюта. Я предлагаю, чтобы в новом корпусе пациенты сами готовили и стирали”.

“Сами пациенты предпочитают эти коттеджи палатам, и разрешение на проживание в них очень желанно”. В этих нескольких строках мы читаем осуждение таких огромных сооружений, как Колни-Хэтч, построенных снаружи по образцу дворца, а внутри - по образцу рабочего дома, в котором бедный безумец редко находит какой-либо объект человеческого интереса, где его свобода воли низведена до уровня свободы каторжника, а сам воздух рая, необходимый для его здоровья, выдается через определенные промежутки времени, когда с бесконечными запираньями и отпираньями служители отправляют группу людей в застойные и утомительные проветриваемые дворы. Бесконечно лучше для сумасшедших были бы свобода и домашний уют самого маленького коттеджа по сравнению с формальным однообразием унылых палат; гораздо лучше, если бы они, как предлагает доктор Бакнил, готовили и стирали для себя сами, чем если бы все услуги выполнялись оптом в паровой прачечной и паровой кухне. Пациент, несомненно, почувствовал бы гораздо больший интерес к тому, чтобы самому почистить картофель для тушения и приготовить себе кусочек бекона, чем к тому, чтобы получить их готовыми. Долг врача - заинтересовать пациента в его повседневной работе, и нельзя предложить более эффективного метода достижения этой цели, чем заставить его работать на себя.

Везде, где уже возведены большие приюты, возможно, нельзя предложить лучшего плана, чем строительство коттеджей-спутников, которые сформировали бы своего рода дополнительный корпус к центральному учреждению; но мы хотели бы увидеть, как в каком-нибудь новом районе будет опробован эксперимент по воспроизведению в целостности бельгийской системы. Колония Гил была когда-то пустыней, как и окружающая ее местность; теперь, благодаря счастливому применению нищенствующего сумасшедшего труда, это один из самых производительных районов Нидерландов. Разве у нас нет незанятых Дартмуров, на которых мы могли бы возвести коттеджи и обучить дачников принимать душевнобольных как членов семьи? Выполнение домашних обязанностей, общество доброй жены и попечителя и влияние детей сделали бы гораздо больше для восстановления нарушенного рассудка сумасшедшего — нищего или кого—либо еще, - чем вся организация приюта с его повседневной рутинной, подчиняющейся неумолимому монотонному движению машины и обращающейся с его обитателями скорее как с бесчувственными атомами, чем как с разумными существами, способными, хотя и безумными, проявлять интерес к окружающим их вещам, и особенно чувствительными к удовольствию от того, что с ними обращаются как с личностями, а не как с неотличимыми частями толпы. Дети представляют собой особый момент. Сумасшедшие необычайно нежны с ними и интересуются всеми их действиями. В Гхиле принято посылать детей в поле, чтобы они вечером проводили пациентов домой после родов; и мы узнаем от доктора Вебстера, что буйный безумец, который не пошевелится по команде хозяина,

безропотно позволит, чтобы его вел сорванец ростом едва ли выше его колена. Присутствие молодых людей в палате приюта, кажется, озаряет ее, как солнечный луч. Любовь к детям действительно лежит в самой основе человеческого сердца, и мы не можем слишком высоко оценивать их благотворное влияние на мозг, который оправляется от ужасов безумия.

Одним из наиболее важных моментов в отношении душевнобольных нищих, как мы уже упоминали, является как можно более быстрое направление их на лечение. Нежелание самого сумасшедшего быть устраненным обычно крайне, и удивительно, какую изобретательность он часто применяет, чтобы помешать замыслу. Саути рассказывает, что сумасшедший, которого перевозили из Рая в Бедлам, спал в этом Районе. Он догадывался, куда направляется, и, поднявшись рано, чтобы ускользнуть от своего слуги, отправился в Бедлам и сказал зрителям, что собирается привести к ним пациента. “Но, - сказал он, - для того, чтобы повести его добровольно, его убедили, что я сумасшедший, и, соответственно, я приду как сумасшедший. Он будет очень возмутителен, когда вы схватите его, но вы должны надеть смиренную рубашку”. Прием полностью удался. Сумасшедший вернулся домой, нормальный человек был заперт и до тех пор, пока его не обменяли по истечении четырех дней, оставался в смиренной рубашке, несомненно, проявив насилие, которое вполне оправдывало его применение. Отвращение самого страдальца к тому, чтобы его забрали, совпадает с таким же отвращением со стороны его родственников и друзей отправлять его из дома, и они не предпринимают этого шага до тех пор, пока безумие не станет невыносимым. Таким образом, с самого начала теряется драгоценное время, и когда происходит высылка, то в основном в работный дом. Здесь пациент обычно содержится до конца излечимой стадии своего заболевания. Приходские власти обычно руководствуются немедленным соображением о карманах тех, кто платит налоги, а не какой-либо заботой о благополучии сумасшедшего; и, поскольку они могут содержать его в “доме” за три шиллинга в неделю — тогда как им пришлось бы платить девять, если бы они перевели его в окружной приют для умалишенных, - в работном доме он остается до тех пор, пока не станет настолько грязным или вызывающим беспокойство в своих привычках, что опекуны готовы оплатить разницу, чтобы избавиться от него. Таким образом, первые несколько месяцев болезни, в узких пределах которых происходит полное 60% выздоровления, таким образом, они проходят впустую. Проходят месяцы, и жертва переходит в разряд неизлечимых. Это порождает второе зло. Поскольку в приюты постоянно поступают призывы неизлечимых больных, в течение нескольких лет они “закупориваются” и превращаются в дома для содержания безнадежных больных. До такого состояния уже доведены три четверти приютов, а усилия филантропической медицины зашли в тупик из-за близорукости приходских властей, которые не учитывают, что ради экономии нескольких шиллингов на содержание Бетти Смит в первые недели ее сумасшествия они превращают ее в хроническую обузу, понимая, что она, вероятно, проживет до глубокой старости в приюте, и в конечном итоге тратят на это сотни фунтов. Для более быстрого излечения после вспышки заболевания мы должны искать постоянное средство; но тем временем необходимо что-то предпринять, чтобы избавить общественные приюты от мертвого груза безнадежных случаев, если мы всерьез намерены воспользоваться лечебными средствами, которыми мы уже располагаем. Члены комиссии, похоже, склоняются к созданию отдельных приютов для тех, кто находится вне досягаемости медицинского искусства. Нам кажется, что более экономичным планом было бы выделить определенные палаты в различных работных домах для приема хронических больных и отправлять идиотов поодиночке в специальные учреждения. Таким образом, наши заболоченные приюты быстро восстановились бы и снова стали тем, чем они

никогда не должны были переставать быть, - больницами для *лечения* душевнобольных. В настоящее время мы поощряем сложную систему производства пожизненных сумасшедших. Хорошо известно, что излечение ранних случаев безумия по всей Англии составляет 45%, а в Вифлееме и больнице Святого Луки, куда больше никто не поступает, излечение составило 62% и 72 процента. соответственно; в то время как в Колни-Хэтч, Хэнвелле и приюте графства Суррей, трех главных вместилищах для рыдающих столичных рабочих домов, среднее излечение не превышает 15 процентов. Если мы возьмем самые низкие средние показатели лечения, то разница все равно составит 30 процентов. о человеческих созданиях, которые погружаются в безрадостную ночь хронического слабоумия и идиотизма или проводят остаток своей жизни в безнадежных детских мечтах. Другим основанием для жалобы является то, что медицинским руководителям крупных приютов навязывается такая работа клерка, которая совершенно несовместима с надлежащим выполнением их главной обязанности — выздоровлением их пациентов. Независимо от рутинной работы по составлению ежедневных, квартальных и годовых отчетов, которая является очень значительной, им предстоит сделать гораздо больше в их сугубо профессиональном качестве, чем они в состоянии выполнить. В трех больших лечебницах недалеко от метрополии содержится свыше 3000 пациентов, или население большого провинциального городка; и их моральное и физическое воспитание доверено ровно шести врачам, или столько, сколько найдется в больнице на сто коек! Нет необходимости отмечать, как мало внимания может уделяться каждому отдельному человеку и что наиболее многообещающие пациенты неизбежно должны быть потоплены в море безнадежных сумасшедших. Пока наши приюты остаются просто домами предварительного заключения, недостаток медицинского надзора не так очевиден; но как только эти учреждения вернутся к своим надлежащим функциям, мы предсказываем, что зло станет слишком вопиющим, чтобы продолжаться долго.

Во многих районах власти полностью игнорировали требования Парламентского акта в отношении своих безумных бедняков-пауперов и не только пренебрегали возведением надлежащих приютов, но и годами сопротивлялись попыткам комиссаров заставить их выполнять свой долг. Во всех таких случаях сумасшедшие не только страдают от болезней, возникающих в результате недостаточного ухода, но и, когда их становится слишком много для домашнего проживания, подвергаются *систематранспортировке*, которая является позорной не только для самих муниципальных властей, но и для возраста, когда это разрешено. Верные своим экономическим инстинктам, опекуны бедных часто “сдают на откуп” своих безумных нищих владельцу какого-нибудь частного приюта, совершенно независимо от расстояния. Члены комиссии, справедливо возмущенные этой отвратительной практикой, заявляют в одном из своих Отчетов, что...

“В настоящее время большое количество этих пациентов направляются в лицензированные учреждения вдали от их домов, на расстояния (иногда превышающие, а часто едва ли меньше 100 миль), которые их родственники и друзья не в состоянии преодолеть. Сбережений трудящейся бедноты в большинстве случаев совершенно недостаточно для покрытия расходов на такие поездки, и их время (составляющее их средства существования) не может быть потрачено на эту цель. Следствием этого было то, что бедному городскому сумасшедшему слишком часто приходилось проводить значительную часть своей жизни, *а в некоторых случаях и умирать, вдали от своего дома, и без того, чтобы кто-либо из его ближайших*

родственников мог утешить его своим случайным присутствием. Визиты его приходских священников неизбежно поверхностны и нечасты, и он, по сути, вынужден полагаться на человечность незнакомцев, чье процветание зависит от прибыли, которую они извлекают из содержания его и других представителей его класса ”.

Мы уверены, что это система, столь же незаконная, сколь и бессердечная, и мы поражены, что группы англичан осмеливаются оскорблять страдания сумасшедших, наказывая таким образом их самих и их друзей за их страдания. Не так давно в лондонском Камберуэлл-Хаусе находилось двадцать пять душевнобольных нищих, которых отправили из Саутгемптона, расположенного на расстоянии восьмидесяти миль, хотя лечебница округа Хантс расположена в пределах шестнадцати миль от городка. Семнадцать человек были подобным образом сосланы из Грейт-Ярмута в Хайбридж-Хаус, недалеко от Лондона, а их родственники, которым пришлось проехать 146 миль, чтобы повидаться с ними, по пути посетили приюты графств Норфолк и Эссекс, в обоих из которых было много вакансий, и они охотно приняли бы их. Нищие сумасшедшие из Ипсуича, Кингс-Линна, Дувра, Кентербери, Портсмута и различных других районов точно так же переводятся местными властями в некоторые столичные лицензированные дома.

Чувства бедных к своим страдающим родственникам часто бывают глубочайшими, и эти жестокие разлуки с теми, кого они любят, влекут за собой величайшие страдания. В одном случае уроженец Ипсуича, слишком бедный, чтобы воспользоваться железной дорогой, прошел пешком до Лондона и обратно расстояние в 140 миль с единственной целью навестить свою жену, которая была незаконно сослана в Пекхэм-Хаус в Лондоне. В других случаях родители так жалобно умоляли передать их своим детям, что уполномоченные предлагали оплатить расходы из приходских фондов, но власти, которые придумали первоначальную процедуру, чтобы сэкономить по два-три шиллинга на душу населения, конечно, не смогли убедить выделить деньги для столь сентиментальной цели. Комиссары решительно отказывались санкционировать подобные позорные операции всякий раз, когда они попадали в сферу их компетенции, — это один случай из многих, доказывающий, что, как бы сильно городские власти ни осуждали их как централизованную власть, они оказали отличную услугу в пресечении местного невежества, эгоизма и бесчеловечности.

Если мы теперь обратимся к состоянию частных приютов, мы найдем в них много как похвального, так и осуждающего. Когда люди с репутацией, признанными навыками и характером, такие как доктора Дж. Конолли, Форбс Уинслоу, Сазерленд и Манро из Лондона; доктора Дж. Хитч, Нобл, Ньюингтон, Фокс в провинциях управляют частными приютами, общественность не должна опасаться, что пациенты будут неправильно приняты, незаконно задержаны или подвергнутся жестокому и ненаучному обращению. Лицензированные заведения в столичном округе, находящиеся непосредственно под контролем комиссии по борьбе с безумиями, насчитывающие сорок одно заведение, представляют собой, без сомнения, прекраснейшие образцы подобных заведений. Поскольку они в любой момент могут подвергнуться проверке уполномоченных и во многих из них руководят самые выдающиеся представители профессии, они, как правило, поддерживаются в состоянии высокой эффективности. Они в основном предназначены для ухода за высшими классами общества и представляют собой, возможно, наиболее близкий из когда-либо существовавших подходов к совершенному методу лечения, проводимому в большинстве случаев по принципу частной семьи. Засовы, решетки, высокие стены и мрачные вентиляционные площадки общественной лечебницы либо неизвестны, либо настолько скрыты, что больше не раздражают

восприимчивый ум сумасшедшего. Неразумное разделение полов, как правило, не принято. Скрупулезное отношение к одежде и всем формам приличного общества предписывается как ради них самих, так и как метод привлечения внимания пациентов к повседневной жизни общества. Когда мы воспользовались гостеприимством одного из этих заведений, мы не смогли обнаружить в лицах или внешности гостей ничего, что было бы характерно для их состояния: беспокойный взгляд, бессвязный разговор, внезапное движение головы необычной формы, чего мы ожидали по нашим предвзятым представлениям, - ничего из этого не было заметно. Действительно, там был один человек, которого мы мысленно сочли определенно сумасшедшим. И все же, как ни странно, этот джентльмен был единственным здравомыслящим человеком в комнате, не считая нас и старшего врача; и при дальнейшем знакомстве, поделившись нашими необоснованными подозрениями, он откровенно признался, что про себя сделал нам подобный комплимент. Нетерпеливый взгляд любопытства, естественный для любознательных незнакомцев, был ближайшим приближением в этой группе сумасшедших к внешнему проявлению безумия. Вот и все, что можно сказать о “безошибочном” выражении лица сумасшедшего! Не следует предполагать, что более жестоким может быть предоставлена такая социальная свобода даже в частных учреждениях, или что безумие отличается в столичном лицензированном доме от того, что оно представляет собой в государственном приюте; но мы без колебаний утверждаем, что в подавляющем большинстве случаев большая свобода и отсутствие каких-либо тюремных характеристик оказывают несомненный эффект не только в успокоении ума пациента, но и в ускорении его выздоровления. Следовательно, процент излечений в высококласных частных лечебницах неизмеримо превышает показатели любого государственного учреждения. Увеселительные заведения, игры на свежем воздухе, вечеринки в экипаже и на лошадях, бильярд, вист и вечерние вечеринки - все это способствует восстановлению расстроенного ума. Мы видели, как четверо или пятеро пациентов выходили из дверей одного из этих лицензированных столичных домов (заведение доктора Форбса Уинслоу, “Сассекс Хаус”, Хаммерсмит) и часами оставались без присмотра, их слово *чести* было единственной связью, существующей между ними и лечебницей.[18]

Состояние нескольких провинциальных лицензированных заведений по-прежнему вопиюще плохое и показывает, что старые представления о безумии не совсем устарели. Отчет Комиссии по борьбе с безумием за 1856 год описывает обстоятельства, которые возвращают нас к старым временам Бедлама. Так, в Хэнбери-Хаусе члены Комиссии обнаружили “одну молодую леди, пристегнутую плетеными браслетами к кожаному поясу; она также была привязана веревкой к своему стулу”. И снова, во время своего последнего посещения Сэндфордской лечебницы в декабре 1855 года, они обнаружили “пациента, только что умершего, на его теле были видны язвы и обширные рубцы, которые, как мы думаем, неизбежно возникли из-за отсутствия водяных подушек или других надлежащих мер предосторожности. В комнате с каменным или оштукатуренным полом нет камина.” Однако отрадно обнаружить, что в том, что касается личной сдержанности, самые худшие из наших частных приютов намного превосходят некоторые из лучших государственных приютов Франции. Доктор Вебстер, наш большой авторитет в этом вопросе, приводит в “Психологическом журнале доктора Уинслоу” результаты, полученные во время его посещений этих заведений в августе и сентябре 1850 года:

“Сорок сумасшедших мужского пола из 1464 проживающих в то время были в *камзолах* (смирительных жилетах), некоторые также были скованы иным образом, таким образом, на каждые 33/4 заключенных мужского пола приходилось по одному человеку, или трое на сотню. Среди сумасшедших женщин, опять же, доля была несколько выше: 72 человека этого пола из

общего числа 1902 постоянных пациентов находились под медицинским принуждением; таким образом, на каждые 26½ заключенных приходится одна женщина, или 3,78процента. В отличие от этого отчета, касающегося вышеупомянутых французских провинциальных приютов, я бы сейчас поместил официальное заявление о практике, применявшейся в Вифлеемской больнице в тот же период. В этом учреждении, где раньше смиренная рубашка и различные виды личного принуждения были в еще большем употреблении, чем по другую сторону Ла-Манша, *ни один* душевнобольной пациент из 391 сумасшедшего населения в среднем не подвергался каким-либо ограничениям в течение пяти недель, закончившихся 25 сентября, когда я впервые посетил это учреждение после моего возвращения с Континента, и которые охватывали все время, указанное в этом меморандуме ”.

Из этих любопытных фактов видно, что мы намного опережаем наших французов и, можем также добавить, других наших континентальных соседей.[19] Когда великому Пинелю пришла в голову благая мысль сбросить оковы с английского капитана, он издал звук, который разнесся по всей Европе, и бедные безумные пленники вышли из своих темниц, в которых они были так долго заточены, как узники выходят из своей тюрьмы под божественные звуки бетховенского “Фиделио”. Но когда этот огромный шаг был сделан, все еще оставалось огромное количество принуждения, едва ли менее вредного, чем старая тьма и цепи, и англичанам в основном принадлежит заслуга в его отмене. И мы не успокоимся там, где находимся. Мы верим, равно как и надеемся, что прежде, чем сменится другое поколение, последние остатки сдержанности в виде унылых вентиляционных площадок и внешних стен, которые служат для того, чтобы ранить дух, а не поработать конечности, навсегда уйдут из нашей жизни, и о них будут помнить только как оковы прошлого.

Некоторые психологи утверждали, что безумие находится на подъеме и что его быстрое развитие в последние годы было следствием возросшей активности национального сознания. Это заявление, безусловно, поразительно и рассчитано на то, чтобы привлечь внимание всех мыслящих людей. Правда ли, что цивилизация вызвала к жизни монстра, подобного тому, который привел в ужас Франкенштейна? Необходимо ли прогрессу, чтобы его когда-либо сопровождал этот страшный черный всадник, который, подобно Отчаянию, сидит за ним? Означает ли умственное развитие усиление умственного упадка? Если бы на эти вопросы действительно были даны утвердительные ответы, мы действительно могли бы вздохнуть о том золотом времени, когда

“Бежал благородный дикарь по диким лесам”,

ибо было бы ясно, что чем ближе человечество стремилось к божественному совершенству, тем больше оно скатывалось к состоянию, низшему по сравнению с состоянием животного творения. Обследование пациента, однако, полностью опровергает такой вывод. Доктор Рэй из Соединенных Штатов, придерживаясь противоположной точки зрения на этот случай, говорит:

—
“Если мы должным образом рассмотрим особенности нашего времени, то найдем множество причин для того факта, что безумие растет со скоростью, не имеющей аналогов ни в один предыдущий период. В каждом последующем шаге, ведущем к более высокому уровню цивилизации; во всех средствах и приспособлениях для развития умственных ресурсов расы; во все расширяющемся круге объектов, рассчитанных на то, чтобы влиять на желание и побуждать к усилию, мы находим так много дополнительных факторов для распределения умственных

энергий и, таким образом, нарушения здорового равновесия, которое связывает способности воедино и приводит к гармоничному результату. Пресса и трибуна, железная дорога и прядильня, паровой двигатель и телеграф, республиканские учреждения и общественные организации являются средствами, более действенными в подготовке ума к безумию, чем любой или все те пороки и жертвы, которые оказывают более немедленный и поразительный эффект”.

Таково бремя историй всех тех психологов, которые верят, что безумие быстро овладевает нами; но если “во все расширяющемся круге объектов, рассчитанных на то, чтобы влиять на желания и побуждать к усилию, мы находим так много дополнительных средств для распределения ментальной энергии и, таким образом, нарушения здорового равновесия, которое связывает способности воедино”, то должно показаться, что те классы общества, которые находятся в авангарде цивилизации, должны быть главными страдальцами. Банкиры, крупные спекулянты, торговцы, инженеры, государственные деятели, философы и литераторы — те, кто работает мозгом, а не руками, — должны вносить наибольший вклад в предполагаемый рост безумия. Как обстоит дело на самом деле? В отчете Уполномоченных по борьбе с невменяемостью за 1847 год мы находим, что общее число частных пациентов среднего и высшего классов, находившихся в то время в заключении в частных лечебницах, составило 4649 человек. Теперь, если мы пропустим восемь лет и обратимся к Отчету за 1855 год, мы обнаружим, что в заключении находилось всего 4557 пациентов, или примерно на 96 меньше, несмотря на рост населения за этот период. Если мы сравним количество нищих сумасшедших, находившихся в заключении в эти два разных периода, мы обнаружим совершенно разное положение вещей; ибо в 1847 году в наших государственных и частных лечебницах было 9 654 человека, в то время как в 1855 году их насчитывалось 15 822. Другими словами, за восемь лет число наших нищих сумасшедших *увеличилось* на 6170 человек, или более чем на 64 процента. Именно этот необычайный рост числа нищих сумасшедших в приютах графства отпугнул некоторых психологов от их благопристойности и заставил их поверить, что безумие побеждает в гонке со здоровым интеллектом. Но эти цифры, если они что-нибудь значат, доказывают, что не интеллект страны порождает безумие, а ее невежество, поскольку ни на минуту нельзя утверждать, что серьезные движения, происходящие сейчас в мире, происходят от трудящихся классов. Нам скажут, мы знаем, что наблюдается постоянное перетекание пациентов из частных лечебниц в общественные; что профессионал и торговец, израсходовав средства своих друзей и семьи на год или два в тщетной надежде на скорое излечение, неизбежно в конце концов становится нищим сумасшедшим, и что этот поток способствует увеличению числа пациентов в окружных лечебницах. Принимая во внимание должное значение этого объяснения — а те, кто знаком с общественными приютами, хорошо знают, насколько мал, сравнительно говоря, образованный элемент, — и все же, поскольку в расчетах, полученных за оба периода, присутствует один и тот же тревожный элемент, мы можем с уверенностью заключить, что цифры при этом существенно не изменились.

Еще более убедительное доказательство того, что умственное разрушение происходит скорее от умственной апатии, чем от умственного возбуждения, можно найти, сравнив долю сумасшедших в населении сельских и промышленных районов. Сэр Эндрю Холлидей, который разработал эту интересную проблему в 1828 году, [20] выбрал в качестве своих двенадцать несельскохозяйственных округов — Корнуолл, Чешир, Дерби, Дарем, Глостер, Ланкастер, Нортумберленд, Стаффорд, Сомерсет, Йорк (Уэст-Райдинг) и Уорик, население которых в то время составляло 4493 194 человека, а общее число душевнобольных составляло 3910 человек,

или по одному на каждые 1200. Его двенадцатью сельскохозяйственными округами были Бедфорд, Беркшир, Бакс, Кембридж, Херефорд, Линкольн, Норфолк, Нортгемптон, Оксфорд, Ратленд, Саффолк и Уилтс, общая численность населения которых составляла 2 012 979 человек, а общее число душевнобольных — 2 526 человек - пропорция 1 сумасшедший на каждые 820 здравомыслящих. Другим выявленным важным фактом было то, что в то время как в промышленных округах идиотов было значительно меньше, чем сумасшедших, в сельских округах соотношение идиотов к сумасшедшим составляло 7 к 5! Таким образом, Ходжесы из Англии, которые ничего не знают о движении интеллекта, которые совершенно невиновны в спекуляциях любого рода, отправляют гораздо больше обитателей в общественные приюты для умалишенных, чем измученные трудом ремесленники Манчестера или Ливерпуля, которые живут в центре внимания мира и идут в ногу с ходом цивилизации, даже если они всего лишь замыкают ее тыл. Изоляция — большая причина умственной гибели, чем скопление людей: наши английские поля могут давать *кретины* в таком же изобилии, как и горные долины горного хребта, редко посещаемые ногой путешественника; в то время как, с другой стороны, в мастерской и общественных собраниях “Как железо изнашивает железо, так человек оттачивает лицо своего друга”.

Если бы нам потребовались дополнительные доказательства беспочвенности тревог о том, что умственная деятельность разрушает национальный разум, мы бы нашли их в хорошо установленном факте, что доля сумасшедших среди женщин выше, чем среди мужчин. Можно также утверждать, что квакеры, которые гордятся степенностью своего поведения, дают гораздо больше, чем им положено; но в этом странном результате, несомненно, во многом виновата их система смешанных браков. И все же факт остается фактом: за восьмилетний период, с 1847 по 1855 год, их число увеличилось на 64 процента. в наших приютах для бедных умалишенных. Эти цифры, однако, являются не большим доказательством увеличения числа сумасшедших-пауперов, чем увеличение числа уголовных приговоров, поскольку введение более мягкого свода законов и назначение новой полиции являются доказательством роста преступности. Как справедливо отмечают члены комиссии, практикующие врачи последних лет придерживаются гораздо более всеобъемлющего, а также научного взгляда на безумие, чем раньше; и теперь под их опекой находятся многие формы болезни, которые ранее упускались из виду, когда ни один человек не считался сумасшедшим, если он не бредил или не был идиотом. Но главную причину увеличения числа сумасшедших в наших лечебницах следует приписать возведению самих лечебниц. За исключением трех или четырех графств Уэльса и двух или трех на севере Англии, в Англии нет графства, в котором не было бы какого-нибудь роскошного здания. Эти заведения, в которых сдержанность, говоря в обычном понимании этого термина, неизвестна, и в которых с заключенными всегда обращаются с гуманностью, лишили землю сумасшедшего населения, которое раньше было разбросано по деревням или работным домам и насчитывало, по подсчетам комиссаров, свыше 10 500 человек — точно так же, как глубокие колодцы столичных пивоваров осушили на многие мили вокруг неглубоких колодцев района, в котором они расположены. По той же причине число сумасшедших в зарегистрированных больницах с 1847 года сократилось с 384 до 185, а в “лицензированных домах” - с 3996 до 2313. В целом, мы можем с уверенностью предсказать, что, когда эти тревожные причины перестанут действовать, ежегодные отчеты уполномоченных покажут, что по мере того, как лечение безумия с каждым днем становится все более понятным, количество нищих сумасшедших в наших общественных приютах, вместо того, чтобы увеличиваться в соотношении, превышающем соотношение населения в целом, уменьшается. Уже есть признаки того, что

наводнение возвращается к своему надлежащему уровню; поскольку, в то время как сумасшедших всех классов в общественных приютах, лицензированных домах и Королевской больнице в Хасларе в 1855 году было 20 493 человека, их число увеличилось только в 1856 году до 20 764, что является увеличением за двенадцать месяцев всего на 271.

ЛОНДОНСКИЙ КОМИССАРИАТ.

Если бы ранним летним утром, еще до того, как дым бесчисленных пожаров сузил горизонт столицы, зритель поднялся на вершину собора Святого Павла и занял позицию на балконе, позолоченные перила которого вспыхивали, как огненная бахрома, на вершине купола, он увидел бы спящий у своих ног величайший лагерь людей, над которым когда-либо восходило солнце. Насколько он мог различить в утреннем свете, перед ним простиралась огромная карта столицы; и если бы он мог подняться еще выше, то заметил бы поток жизни, разливающийся по краям холмов, окружающих котловину, в которой он стоит.

В пространстве, охватываемом его взглядом, должны были находиться скопления двух с половиной миллионов представителей его вида - но как тщетны цифры, чтобы передать представление о таком огромном множестве. Если бы Норвегия, простирающаяся от Замерзшего океана до южной оконечности Северного моря, собрала всех своих людей на один обширный конклав, их число составило бы немногим более половины душ, указанных в лондонских счетах смертности. Швейцария, в ее тысячах долин, не могла собрать такую армию; и даже деловитая Голландия, в ее переполненных мачтами гаванях, шумных городах и густонаселенных равнинах, едва могла противостоять миллионам людей, собравшихся в тесноте под звуки большого колокола у его ног. По мере того как зритель созерцал эту необычную перспективу, до его слуха постепенно доносилось первое шевеление пробуждающегося города. Грохот колес, лязг молотков, ясный зов человеческого голоса, постепенно переходящий в неясный гул, возвещал, что могущественный город снова пробуждается к дневным трудам, а голубые столбы дыма, поднимающиеся к небесам, означали, что утренняя трапеза близка. В такой момент в его уме естественным образом возникла бы мысль— каким образом такое сборище питается? С помощью каких сложных колесиков приводится в движение весь механизм, с помощью которого два с половиной миллиона человеческих существ день за днем садятся за стол так регулярно и спокойно, как будто они всего лишь устроили небольшую вечеринку у Лавгроува летним днем? Пока он размышлял о средствах, с помощью которых согласовываются спрос и предложение столь огромного множества людей, так что каждый может приобрести именно то, что он хочет, в точное время без потерь для себя или вреда для общества, тонкие струйки пара, четко обозначенные на данный момент, когда они одна за другой появлялись из-за горизонта и сходились к нему, указывали бы на прибытие огромных поездов комиссариата, груженных продуктами со всех частей этих островов и с соседнего континента. Если бы его глаз мог вдобавок различить тонкие нити этой широко раскинувшейся паутины, которая делает Лондон самым чувствительным

местом на земле, он смог бы с первого взгляда уловить два фактора - пар и электричество, — которые поддерживают баланс между потребностями и снабжением Лондона.

Если теперь наш зритель спустится со своей головокружительной высоты и пойдет с нами по людным местам, мы попытаемся указать ему, откуда были получены те бесчисленные товары, которые, как он видел, потоком хлынули в город, на главные рынки, куда они направляются, и на способ, которым они распределяются от дома к дому. Будь в Лондоне, как в Париже, *октябрь*, сложность нашей задачи была бы ограничена простым приведением официальных цифр, но, благодаря политике свободы, у нас нет таких средств получения строго точных оценок, и поэтому мы должны довольствоваться результатами терпеливого опроса ведущих перевозчиков - железнодорожных компаний — с опорой на такую другую информацию, какую нам удалось раздобыть. Для удобства и последовательности давайте представим, что продолжается основная ежедневная трапеза, и, в соответствии с порядком подачи блюд, мы попытаемся проследить различные съестные припасы до их источника — рыбу до ее моря — зверя до его пастбища — дикого зверя до его логова — дичь до ее укрытия — а фрукты до фруктового сада; показать, как их вылавливают сетями, откармливают, упаковывают в мешки, собирают и доставляют к их конечному месту назначения — *большой красной улице* лондонского человечества. Давайте начнем с рыбы, и этот непревзойденный рыбный рынок, о котором знает весь мир, возвышается у Лондонского моста.

Те, кто помнит старый Биллингсгейт с его полуразрушенной пристанью и причалом, наполовину забитым тленом и устричными раковинами — грязным пережитком времен Елизаветы, — с удовольствием войдут на новый рынок мистера Баннинга. Сквозь его итальянскую колоннаду видны мачты рыбацких шхун и коричневые причалы противоположной стороны - приятная картина, которая мгновенно приковывает художественный взгляд. Оживленная сцена на рынке между пятью и семью часами утра - одно из чудес мегаполиса. Биллингсгейт - единственный оптовый рыбный рынок в Лондоне, и поэтому можно представить, насколько велик, должно быть, бизнес, ведущийся в его стенах. В старину девять десятых припасов доставлялось по реке, а то небольшое, что доставлялось по суше, доставлялось с побережья, за большие деньги, в фургонах, запряженных четверкой лошадей. Сейчас железные дороги день ото дня вытесняют легковые автомобили и во многих случаях пароходы; ибо с помощью своих железных рук Лондон, пока миллионы его жителей спят, захватывает продукты каждого моря, бьющегося о побережье нашего острова, и, прежде чем они взбунтуются, он оказывается в центре внимания на этом центральном рынке. Таким образом, каждую ночь в течение сезона отважные рыбаки Ярмута вылавливают сто тонн (12081 в год), главным образом сельди, которая на следующее утро по железной дороге Восточных графств прибывает в Биллингсгейт. Юго-Западная железная дорога ежегодно с одинаковой скоростью доставляет 4000 тонн макрели и другой рыбы, собираемой на южном побережье. The North Western собирает за ночь "улов" из Ирландии, Шотландии и с северо-восточного побережья Англии и добавляет на рынок на Темз-стрит 3 578 тонн, в основном лосося, в то время как Great Northern доставляет на рынок рано утром, а иногда и позже в течение дня, 3 248 тонн аналогичных морепродуктов. "Грейт Вестерн" собирает урожай на побережьях Корнуолла и Девоншира, в основном скумбрии и сардины, в количестве 1560 тонн в год; а на Брайтонском и Южном побережье добывается невероятное количество устриц - 15 000 бушелей, помимо 4000 тонн другой рыбы. Фактически почти половина рыбных запасов Лондона, вместо того чтобы следовать, как в старые времена, утомительным маршрутом вдоль побережья, спешит глубокой ночью через всю страну к Биллингсгейту, и, прежде чем крупные потребители в Тайбернии и Белгрейвии встанут со своих

постелей, их можно увидеть либо лежащими на мраморных плитах у торговцев рыбой, либо проникающими на странствующей тележке уличного торговца в мрачные переулки, населенные “лондонскими рабочими и лондонской беднотой”. Эти поразительные находки из того, что Голдсмит вполне мог бы назвать “финни дип”, доставляются из термини в рессорных фургонах, запряженных двумя, а иногда и четырьмя лошадьми. Лосось поставляется в коробках, сельдь - в бочках, а все другие виды рыбы - в корзинах. Иногда в течение двух-трех часов на узкую улочку, ведущую к рынку, въезжает до шестидесяти таких фургонов, и неразбериха, вызванная их метанием среди тележек торговцев рыбой и тачанок уличных торговцев, которых часто насчитывается более тысячи, почти такая же, как в Смитфилде; ибо рыба, как и торговля живностью, давно переросла свой рынок; и Биллингсгейт, как и Смитфилд, забит из-за нехватки места. Пусть посетитель остерегается входить туда в хорошем плаще, ибо, как бы он ни был одет в широкую ткань, он наверняка выйдет *вчешуйчатых* доспехах. В Биллингсгейте, как известно всему миру, невежливы, и “с вашего позволения” - это лишь предисловие к тому, что бушель устриц или корзина крабов сбьют с вашей головы шляпу. Ранним утром уличное движение протекает в относительной тишине, поскольку обычные торговцы рыбой, которые первыми приходят на рынок, ведут свой бизнес без особого шума, но сердце голландского художника возрадовалось бы, увидев груды продуктов дюжины разных морей, сверкающих серебром и переливающимися красками. Гигантские лососи, только что выловленные в заливах Шотландии или в плодородных Ирландских морях, барахтаются повсюду, когда ящики, в которых они путешествовали, извергают их на борт. Огромное количество нежной красной кефали, которую “Грейт Вестерн” спешно доставляет из Корнуолла, чтобы доставить свежими на суденышки привозимых в Вест—Энд голландских судов, их нежная шкурка меняет оттенок, как опал, когда вы проходите мимо; пирамиды омаров, шевелящаяся масса злобных клешней и беспокойных щупалец, свирепых после того, как их недавно похитили из какого-то норвежского фиорда; огромные груды креветок розоватого цвета; тюрботы, которые недавно откормились на Доггербанке, с загнутыми белыми брюшками. что касается какого-нибудь грандиозного прыжка; и более скромной камбалы и мазков, приготовленных нашим собственным промыслом, - все это обильное скопление образует смешанную сцену странных форм и ярких красок, которую ни один человек, любящий живописное, не может созерцать без интереса. Эта сцена также не всегда является натюрмортом, поскольку нередко посетитель видит орущую группу мужчин, волокущих на веревках сквозь возбужденную толпу королевского осетра длиной девять футов. Если зритель сейчас посмотрит через большое квадратное отверстие в унылое пространство внизу, которое выглядит как трюм корабля, недавно извлеченного из пучины, он увидит рынок моллюсков, где груды иссиня-черных мышц, моллюсков и серых ракушек, окрашенных в желтый цвет, придают месту отталкивающий вид грязи и помоев. Покупателей здесь видно немного, и в основном это женщины, принадлежащие к классу уличных торговцев, поскольку мужчины довольно пренебрежительно относятся к торговле моллюсками. Можно заметить, как эти странствующие самки переходят от корзины к корзине, время от времени выковыривая большим пальцем моллюска из раковины, чтобы проверить партию, а затем переходят к следующей.

Самым занятым среди занятых считается “Боммери”, или посредник, которого иногда называют лесничим. В обязанности этого человека входит закупать рыбу по мере ее поступления на рынок и делить ее на партии, подходящие крупным и мелким покупателям, разделяя качества в зависимости от того, предназначены ли они для Сент-Джеймса или Сент-Джайлса. Одно время эти достойные люди широко опережали рынок, когда из-за прилива они были уверены, что в

течение дня никаких запасов рыбы завезти не удастся, но теперь железная дорога разрушает их тактику, и полная неопределенность с прибытием покончила с этой отраслью их бизнеса. После того, как "торговля" завершена, и "завсегдатаи" в саржевых фартуках загрузили свои легкие рессорные тележки, наступает, особенно в определенные рыбные сезоны, наплыв покупателей совершенно иного характера — уличных торговцев. Это кочевое племя, тысячами кочующее с рынка на рынок, играет важнейшую роль в распределении продовольствия. Они по большей части являются торговцами бедняков и своей энергией и предприимчивостью обеспечивают нашему рабочему классу многие плоды как морских, так и сухопутных промыслов, которые они никогда бы не попробовали, если бы не они. Около семи часов армия уличных торговцев, пеших и "ослиных", поскольку большее их количество грохочет в тележках, запряженных этим полезным животным, начинает заметно менять весь оттенок и внешний вид этого места. Молодые люди в фустианских пальто и носовых платках от Белчера толпятся на рынке и садятся за прилавки, "подшучивая", балагуря, шутя и ругаясь — но никогда не дерутся, потому что у уличного торговца сейчас слишком много дел, чтобы устраивать физические демонстрации. Среди самых нетерпеливых странствующих продавцов посетитель быстро различает иудейский нос. Евреи, которые пользуются большим влиянием в этом районе благодаря торговле сушеными фруктами, которая находится главным образом в их руках, в основном торгуют также рыбой. Более бедные члены братства покупают большую часть запасов пресной воды, таких как камбала, плотва, елец и т. Д. Фактически, почти все, что вылавливает рыбак из Уондсворта, чьи живописные лодки "боули", в которых часто находятся и его семья, и состояние, обычно можно увидеть пришвартованными в ручье между Баттерси-рич и Кью-Бридж, - массу коричневых сетей и темно-коричневых навесов, освещенных ярко-красными шапочками их владельцев, именно такими Констебл любил рисовать на передних планах своих пейзажей. Эти рыбы, если и не живые, должны, по крайней мере, сохранять спазматическую дрожь мяса, которая остается сразу после смерти, иначе евреи не будут покупать их по причинам, которые, как мы предполагаем, связаны с их религией, поскольку их основной промысел направлен среди богатых и бедных их собственного народа. Рыбаки Уондсворта также поставляют всю белую наживку, которую потребляют в Гринвиче и Блэкуолле: обычно ее ловят между последним местом и Вулвичем ночью, и удивительно, что рыба, одна из самых деликатесных, какие у нас есть, процветает в одном из самых грязных участков самой грязной реки в Европе. Площадь рынка, как только появляются уличные торговцы, быстро разбивается на множество маленьких кружков, строго прикованных к глазам людей, которые занимают позицию высоко над их головами на досках или стендах. Это продавцы, продающие с аукциона доставшуюся им рыбу. Некоторые дилеры - люди состоятельные и готовы выложить свои пятьдесят фунтов за утро, чтобы снова перепродать их своим товарищам с прибылью. Более мелкие капиталисты объединяются в тройки и четверки и таким образом умудряются получать свои товары по оптовым ценам. Активность рынка в основном зависит от сезона года и количества рыбы. Энергия этих перипатетиков удивительна: они заглядывают на Биллингсгейт, и если запасы заканчиваются, они немедленно отправляются обратно в Ковент-Гарден, потому что там продают все, и тележка, которую вы видите однажды утром наполненной свежей селедкой, на следующий день цветет сливами. Если же, напротив, в Лондон внезапно прибывает большая партия шпрот или если солей становится необычайно много, об этом за невероятно короткий промежуток времени узнает весь город, и тысячи людей стекаются на рынок; обычно в таких случаях их посещает до пяти тысяч. Эти уличные торговцы поглощают более трети всего ассортимента Billingsgate; из шпрот и свежей сельди они забирают целых две трети. Тюрбо и всю более дорогую рыбу они покупают экономно, но в основном, когда есть шанс, что она

окажется дешевой, как в 1849 году во время холеры, когда первоклассный лосось попрошайничал по четыре пенса за фунт! Если рынок скучен, а цены высоки, факт быстро становится известным, и крика “Не стучать в ворота” достаточно, чтобы немедленно повернуть поток в направлении “Сада”.

Пар, как мы уже упоминали, произвел революцию в рыбной торговле и быстро сметает весь флот лодок, приводимых в движение парусами, так же безжалостно, как рельсы - дилижансы. Несколько лет назад все устрицы доставлялись по воде в Биллингсгейт; но вскоре после этого было открыто обширное естественное русло, называемое Дном Мид-Ла-Манш, которое простирается на сорок миль между портами Шорхэм и Гавр, и, поскольку выемка грунта бесплатна для всех желающих, рыбакам открылось обширное поле для обогащения, тем более что из-за близости Брайтонской и Южнобережной железной дороги продукция может быть немедленно отправлена в город, не взимая платы за перевозку и других сборов, которым облагается вся рыба, добытая на рынке. Морские устрицы, таким образом, поставлены в крайне невыгодное положение, и различные компании, владеющие ими, справедливо жалуются на городской сбор, который ежегодно выносит из их карманов крупную сумму, не считая платы за транспортировку, которую это влечет за собой для покупателей. мистер Олстон, который, без сомнения, является крупнейшим ловцом устриц в мире, за один год добывал от 40 000 до 50 000 бушелей со своего промысла в Чейни-Рок, недалеко от Ширнесса, и заплатил 800 *фунтов стерлингов* для метажа. Вся торговля платила не менее 3000 *фунтов стерлингов*, и это за услуги, которые их собственные люди могли бы выполнять так же хорошо, как и они сами, если бы не обычай, принуждающий к праздности местных жителей.^[21]

“Устричники”, как их называют из-за их огромных раковин, не обращают внимания на время года, и, следовательно, устричный день в настоящее время в значительной степени утратил свое значение. Правда, 4 августа по-прежнему является днем открытия выставки в Биллингсгейте, но поставки извне выбили ветер из ее парусов. Только те, кто был свидетелем того, как толпы заполняли все улицы, ведущие к рынку, задолго до начала работы — шести часов утра, — могут понять, с каким нетерпением люди в старину добывали устриц первого дня. Теперь все это исчезло. На открытии нынешнего года было представлено не более восемнадцати *smacks*, и, как бы мало ни было прибывших, покупатели не горели желанием. Устрицы со среднего течения Ла-Манша, которые таким образом нарушили прежнюю торговлю, относятся к крупным и отнюдь не деликатесным сортам, например, из Тенби, Джерси и др. — грубая рыба, которую едят грубые люди, фактически устрицы третьего сорта, которые редко попадают в Вест-Энд, разве что для приготовления соуса. Настоящие туземцы являются большими аристократами среди своих собратьев, чем когда-либо; спрос на них в течение длительного времени намного превышал предложение, и, следовательно, цена выросла. О рождении, происхождении и воспитании этой нежной рыбы можно было бы рассказать любопытную историю. Ее разведению, предназначенному для привередливых гурманов, уделяется много заботы и внимания. *Завсегда*тай Оперы, который ближе к полуночи прогуливается по ярко освещенному Хеймаркету и заходит в любой из рыбных ресторанчиков, расположенных вдоль его западной стороны, мало мечтает о действующей организации, позволяющей ему наслаждаться родной кухней. Большая часть устриц, за исключением устриц Среднего течения Ла-Манша, регулярно выращивается различными компаниями, которые выращивают и ухаживают за ними в разных частях южного побережья и Темзы в ее устье. Таких компаний девять, не считая частных лиц, которые владеют и работают на так называемых морских фермах, некоторые из которых простираются на многие мили. На всех грядках есть

определенное место, отведенное для местных жителей. В Бернхеме, Эссекс, “плевки”, или оплодотворенные сперматозоиды, хранятся в больших ямах и продаются как местный выводок, который впоследствии “откладывается” в той части различных грядок, которая отведена для привилегированных устриц. Здесь молодые туземцы остаются на три года, после чего их обычно вывозят на рынок. Пока их воспитание в известной степени предоставлено природе; но как только они попадают в руки владельцев рыбных лавок, в дело вступает искусство, чтобы улучшить их положение. Теперь их хранят в больших неглубоких чанах, аккуратно укладывая надлежащими сторонами вверх, и ежедневно засыпают овсянкой: этот процесс рассчитан скорее на откорм, чем на придание вкуса, и многие считают, что, подобно выставочному скоту, они не лучше от перекарма. “Туземцы”, упакованные в бочки, составляют один из продуктов питания, которые в основном отправляются из Лондона в деревню, как известно всем, кто много путешествует на Рождество, и с удивлением замечает пирамиды устричных бочек, которыми заставлены платформы всех вокзалов метрополии.

Лондонские сковородки в основном круглый год снабжаются подошвой от троллинговых лодок Barking, которых насчитывается более 150, принадлежащих разным компаниям. Они ловят рыбу в Северном море у берегов Йоркшира и Голландии, особенно у Серебряных и Коричневых берегов. В старину смаки сами возили свой улов в Биллингсгейт, но потеря времени была так велика, что в последнее время стали нанимать быстроходные катера для обслуживания рыболовных смаков и доставки их продукции на рынок упакованной во льду. На этом великолепном судне, которое может плыть почти по ветру, насчитывается сорок человек; а общее число нанятых матросов составляет не менее 2000 человек, большая часть из которых была взята мальчиками из работного дома и благодаря этой замечательной службе стала первоклассными моряками. Любопытно проследить за малыми событиями в мире до их конечных результатов. Гастроном, самодовольно улыбающийся, когда он снимает крышку и показывает пару хорошо подрумянившихся подошв, никогда бы не догадался, что они и им подобные являются непосредственной причиной счастливого превращения приходского бремени в правую руку нашей силы. Голландские суда постоянно завозят угрей в Биллингсгейт. Галиоты никогда не швартуются близко к пристани, поскольку из-за колодцев, в которые они доставляют живую рыбу, в них набирается слишком много воды, но они бросают якорь на середине течения, по двое или по трое - их коричневые борта, плоские носовые части с высокими скулами, как у их штурманов, и ярко-зеленые рули, придающие реке живописный вид. Привезенные ими огромные жирные существа в основном служат пищей для домов, где готовят пироги с угрем, и, как нам сообщили, вносят значительный вклад в приготовление того маслянистого супа, который люди, слишком голодные, чтобы проявлять любопытство, принимают за настоящий бычий хвост и телячью голову. Однако голландские лодки не ограничиваются ловлей угрей. Они торгуют тюрбо, камбалой и всеми видами камбалы, которые часто водятся в Доггер-Банке, сильно дискредитируя наше отечественное предприятие, пренебрегая, как и мы, великолепными глубоководными рыбными угодьями у юго-западного побережья Ирландии, где в изобилии водятся треска и лосось, в то время как те, кто хорошо знает западное побережье, заявляют, что в заливе Голуэй достаточно тюрбо, “чтобы обеспечить всю Европу на ближайшие сто лет”.

Мы полагаем, однако, что сейчас рассматривается возможность начать крупномасштабную работу в этих водах, имея винтовые пароходы для сбора продукции и доставки ее живой в Милфорд-Хейвен в Уэллсе, из порта которого она поступала бы, через Южный Уэльс и Великие западные железные дороги, в Биллингсгейт в течение двадцати четырех часов после вылова.

Ценность винтовых пароходов с вместительными колодцами была полностью проверена мистером Ховардом из Мэннингтри, Эссекс, который установил двигатель и винт в одну из своих рыболовных лодок. Едва ли хоть один омар из двадцати тысяч, помещенных живыми в лодку, погиб, в то время как большое количество тех, кого привезли на парусных лодках, погибает. Лосось, треска и другая рыба с таким же успехом доставляются живыми на пароходах *welled* из Северного моря и с побережья Шотландии. Почти настало время найти какую-нибудь новую территорию на месте знаменитого Доггер-Банка, на который веками охотились так много народов и который снабжал так много поколений католиков и протестантов едой для постов и праздников. Лучшим доказательством того, что его запасы истощаются, может служить тот факт, что, хотя территория, считая Длинную отмель и северо-западную равнину в ее окрестностях, занимает 11 800 квадратных миль, и что в хорошую погоду лондонские компании ловят здесь от пятнадцати до двадцати дюжин длинных леск, простирающихся на десять или двенадцать миль и содержащих от 9000 до 12000 крючков, все же не так уж часто удается поймать даже четыре десятка рыб за ночь — бедность, которая может быть лучше оценена, когда мы узнаем, что 600 рыб на 800 крючков - это улов для глубоководной рыбалки около Кинсейл.

Ближе к концу августа начинается большой сезон ловли сельди. Ярмут является главным центром этого вида промысла. Каждую ночь в хорошую погоду рыбаки этого старого порта “забрасывают” сеть площадью более 300 квадратных миль. Нептун в своих широких объятиях никогда еще не заключал океан в такие великолепные объятия. Продукты этой оптовой уборки моря доставляются в город железной дорогой Восточных округов. Они поступают в Биллингсгейт упакованными в бочки и навалом, и количество проданных за год вин кажется почти невероятным - более *миллиарда*. После промысла сельди, морской урожай, наиболее важный для лондонской бедноты, - это шпроты, которые появляются в День лорда-мэра, и распространено поверье, что первое блюдо всегда отправляется главному магистрату города. Если бы во все переулки и дворы был проведен телеграф, факт большого прибытия этих маленьких созданий в Биллингсгейт стал бы известен низшим слоям общества не раньше, чем в результате какого-то таинственного процесса, который происходит в настоящее время. мистер Голдхэм, продавец рынка, привыкший к внезапным вторжениям уличных торговцев, сообщает нам, что сцена на борту “смакса”, нагруженного кильками, действительно ужасна. Люди толстым слоем, как морские водоросли, свисают с такелажа, заполняют палубы и копошатся на каждом доступном дюйме досок, пока не возникает чудо, что весь этот жалкий флот не опрокидывается под их тяжестью. Причина суматохи в том, что уличные продавцы не желают покупать, пока не увидят образец, и поэтому каждый старается занять самую высокую позицию, чтобы заглянуть вниз, в трюм, пока мужчина ковыряется лопаткой в кильках, осыпая их серебряным дождем. Сезон камбалы сменяется сезоном шпрот с перерывом на скумбрию, который продолжается до конца мая, когда Шотландия и Ирландия начинают поставлять на рынок лосося. Но откуда берутся все омары? Любители этого самого вкусного вида из племени ракообразных, вероятно, будут удивлены, узнав, что в основном их привозят из Норвегии. Франция и Нормандские острова, Оркнейские и Шетландские, действительно, вносят небольшой вклад в рынок метрополии, но полные две трети неохотно и с большим трудом вытаскиваются из тысячи скалистых бухточек, которые врезаются в норвежское побережье. Их доставляют живыми на винтовых пароходах и тачками, в корзинах, иногда до 20 000 за ночь, в Грейт-Гримсби, а оттуда переправляют в город по Великой Северной железной дороге — еще 10 000 прибывают, возможно, из пунктов на нашем собственном и французском побережье.

Дерущиеся, извивающиеся, иссиня-черные массы сразу после покупки отправляются в так называемые “кипятильни”, которых здесь четыре, расположенные на Утином и Любовном переулках, недалеко от рынка; и здесь, за ничтожную сумму за десяток, они меняют свою темную форму на алую. Их опускают в кипящий котел вместе с корзинкой и всем остальным, и через двадцать минут они готовы. Крабов готовят в тех же заведениях, но их нервная система настолько развита, что они отдирают клешни в конвульсивной агонии, если их живьем опустить в горячую воду. Чтобы предотвратить это увечье, которое испортило бы их продажу, их сначала убивают, протыкая голову иглой. Торговля омарами в основном находится в руках одного коммивояжера, мистера Сондерса, с Темз-стрит, который часто получает свыше 15 000 фунтов стерлингов в день и благодаря которому не менее 15 000 *фунтов стерлингов* в год попадает в рыбные руки норвежцев из-за этого единственного предмета торговли. Что касается общего объема поставок рыбы на лондонский рынок, мы заимствуем следующую оценку из очень умной книги мистера Мэйхью “Лондонские рабочие и лондонская беднота”. Цифры на первый взгляд показались нам настолько огромными, что мы нерешительно представили таблицу одному из крупнейших продавцов, который заверил нас, что это не преувеличение:-

<i>Описание рыбы.</i>	<i>Количество рыбы.</i>	<i>Вес рыбы.</i>
Сырая рыба.		фунтов.
Лосось и лососевая форель (29 000 коробок, по 14 рыб в коробке)	406 000	3 480 000
живой трески (в среднем 10 фунтов). каждый)	400 000	4 000 000
солей (в среднем по ¼ фунта каждая)	97 520 000	26 880 000
путассу (в среднем по 6 унций каждая)	17 920 000	6 720 000
пикши (в среднем по 2 фунта каждая). каждая)	2,470,000	5,040,000
Камбалы (в среднем по 1 фунту каждая)	33,600,000	33,600,000
скумбрии (в среднем по 1 фунту каждая)	23,520,000	23,520,000
свежей сельди (250,000 бочек, 700 рыб в бочке)	175,000,000	42,000,000
То же самое оптом	1,050,000,000	252,000,000
Шпрот	..	4,000,000
угрей из Голландия (в основном), Англия и Ирландия (6 рыбок за фунт)	9797 760	1 505 280 127 680
камбалы (7 200 кило, 36 рыбок за кило)	259 200	43 200
вяленой рыбы (7500 кило, 36	270 000	48 750

рыбок за кило)

Сушеная рыба.

Треска в бочонках (15 000 баррелей, 40 штук рыбы за баррель)	750 000	4 200 000
сушеной соленой трески (5 фунтов каждая)	1,600,000	8,000,000
Копченая пикша (65,000 бочек, по 300 рыбок в бочке)	19,500,000	10,920,000
копченостей (265 000 корзинок, по 150 рыбок в корзинке)	147,000,000	10,600,000
красной сельди (100,000 бочек, по 500 рыбок в бочке)	50,000,000	14,000,000
Сушеных шпрот (9,600 больших связок, по 30 рыбок в связке)	288,000	96,000

Моллюски.

Устрицы	495 896 000	
Омаров (в среднем по 1 фунту каждой рыбы)	1 200 000	1 200 000
крабов (в среднем по 1 фунту каждой рыбы)	600 000	600 000
креветок (от 324 до пинты)	498 428,648	
Моллюски (от 227 до половины бушеля)	4,943,200	
Мидии (от 1000 до половины бушеля)	50,400,000	
Моллюски (от 2000 до половины бушеля)	67 392 000	
Барвинков (от 4000 до половины бушеля)	304 000 000	

А теперь о *главном сопротивлении*.

Лондон всегда славился превосходным мясом, и ее сыновья отдают ему должное; по крайней мере, у всех сложилось впечатление, что они потребляют больше, человек за человеком, чем любое другое городское население в мире. Мы подозреваем, что именно вырезка, свежая и румяная, висевшая у двери какого-нибудь Джиблетта или Слейтера в прошлом веке, вдохновила нас на песню, которая с тех пор волнует англичан на чужбине, - “Ростбиф Старой Англии”.

Посетитель, привыкший к рынкам наших больших провинциальных городов, несомненно, ожидал бы увидеть торговые центры по торговле живностью для столь внушительного населения. Иностранец, увидев великолепие наших доков - прочность и размах наших мостов, — естественно, мог бы поискать национальную экспозицию нашего величия на главном рынке, посвященном той британской говядине, которой гордится Джон Буль. Что они видят на самом деле, если у них хватает смелости пройти по любой из узких полуразрушенных улочек, ведущих к Смитфилду, который, к сожалению, пощадил большой пожар, - это неправильной формы пространство, ограниченное грязными домами и неровными стенами разрушенных жилых домов, которые придают ему вид места недавнего пожара — все пространство, включающее всего шесть акров, пятнадцать насестов, включая дороги и общественные магистрали. На этой узкой территории, окруженной бойнями, трипериями, цехами по варке костей, очистке кишок и т. Д., бараньи отбивные, обрезки, седла, ножки, филейные части и туловища, которые круглый год украшают праздничные столы нашей благородной столицы империи, по большей части были загнаны и использованы в интересах гражданской корпорации, расположенной в Ратуше. [22] Лучшее время — раннее утро, скажем, в час или два “великого дня”, как называется последняя ярмарка перед Рождеством. В этом случае не только пространство, рассчитанное на 4100 волов и 30 000 овец, не считая телят и свиней, забито до отказа, но и подходы к нему на многие сотни футов переполнены живностью, и иногда видно, как крупный рогатый скот загораживает проход вплоть до церкви Гроба Господня. Если незнакомец сумеет пробраться сквозь толпу и с помощью какой-нибудь выгодной площадки или порожка сможет приподняться на несколько футов над общим уровнем, он увидит перед собой в одном направлении, при тусклом красном свете сотен факелов, извивающуюся массу праздничного цвета, увенчанную изогнутыми рогами, некоторые рядами привязаны к перилам, которые проходят по всей длине открытого пространства, некоторые собраны в один борющийся узел. В другом квартале движущиеся факелы время от времени освещают ему в туманном свете пару акров живой шерсти или груды свиных шкур. Если он отважится проникнуть в эту тесно сплоченную и трудящуюся массу, то сможет более внимательно рассмотреть причину всеобщего брожения среди животных.

Погонщик своей палкой загоняет скот в как можно меньший угол, а чуть дальше полдюжины мужчин прилагают отчаянные усилия, чтобы подтащить упрямых волов к перилам с помощью веревок. В завязывающейся драке соскальзывающие веревки часто прищелкивают пальцы людей, проводящих операцию, и на рынке едва ли найдется погонщик, которому не сломали несколько пальцев. Овцы, втиснутые в заграждения, как инжир в барабан, ложатся друг на друга “и не подают никаких признаков”; свиньи, с другой стороны, кричат до того, как их ранят. Эта сцена, которая больше похожа на отвратительный кошмар, чем на еженедельное представление в цивилизованной стране, сопровождается лаем собак, мычанием скота, руганью людей и глухими ударами палок — харивари звуков, которые нужно услышать, чтобы оценить по достоинству. Шум постепенно стихает с двенадцати часов ночи, времени открытия, до закрытия в 3 часа дня следующего дня; хотя в течение всего периода, по мере поступления новых партий, отдельные акты жестокости продолжают. Может ли вызывать удивление тот факт, что положение вещей, худшие подробности которого мы умолчали из-за боли, причиняемой подобными ужасами, иногда наносит такой вред стаду, что, цитируя слова одного из свидетелей, выступавших перед Комиссией Смитфилда, “скотовод не узнает своего собственного зверя через четыре дня после того, как оно его покинуло”? Качество мяса само по себе страдает, поскольку хорошо известно, что испуг или страсть влияют на кровь и,

следовательно, на плоть. Животные, подвергшиеся таким воздействиям, часто становятся зелеными в течение двадцати четырех часов после смерти. Мистер Слейтер, известный мясник с Кенсингтон и Джермин-стрит, утверждает, что баранина часто бывает настолько изуродована ударами и подстрекательством, что ее нельзя продавать за столиками в Вест-Энде. Мы не сомневаемся, что многие погонщики являются хулиганами, но мы считаем, что большую часть этой жестокости следует приписать самой рыночной площади, которая, учитывая огромное количество торговли, проходящей по понедельникам и пятницам, абсурдно и позорно ограничена. Согласно официальному отчету, количество живого поголовья, выставленного в 1853 году, составляло—

Волы.	Овцы.	Телята.	Свиньи.	Итого.
294 571	1,518 040	36 791	29 593	1,893,888

Но это далеко не дает истинного представления обо всем количестве, ввозимом в Лондон. В столицу прибывает много товаров, которые никогда не попадают на большой рынок. Например, мистер Слейтер, который убивает в среднем 200 овец и от 20 до 25 быков в неделю, говорит в своих показаниях Комиссии Смитфилда, что большую часть своего поголовья он покупает у скотоводов в Норфолке и Эссексе. Опять же, “городских” свиней забивают и отправляют прямо на мясной рынок, в то время как многие овцы покупаются в парках, где их временно держат до тех пор, пока они не найдут покупателя. Гораздо более точную оценку поголовья крупного рогатого скота, ежегодно потребляемого в Лондоне, можно получить из отчета о цифрах, передаваемых различными линиями железных дорог, составленного из официальных источников мистером Орманди, управляющим перевозками крупного рогатого скота Северо-Западной железной дороги. Из этой полезной брошюры мы извлекаем следующую таблицу:—

	<i>Быки.</i>	<i>Овцы.</i>	<i>Телята.</i>	<i>Свиньи.</i>	<i>Всего за 1853 год.</i>
По Восточным округам	81 744	277 735	3,492	23,427	386 398
"Лос - Анджелес Вестерн"	70,435	248,445	5,113	24,287	348,280
"Грейт Нортерн"	15,439	120,333	563	8,973	145,308
"Грейт Вестерн"	6,813	104 607	2,320	2,909	116,649
"Западный" Лос - Анджелес	4,885	100,960	1,781	516	108 142
"Юго - восточный"	875	58 320	114	142	59,451
"Побережье Лос - Анджелеса	863	13,690	117	54	14,724

"Море с севера Англии и Шотландии"	14,662	11,141	421	3,672	29,896
"Морем из Ирландии"	2,311	3,472	21	5476	11,280
Импортировано с Континента	55,065	229,918	25,720	10,131	320 834
Доставлено автомобильным транспортом и из окрестностей метрополии (получено от арендаторов платных въездов)	69 096	462 172	62,114	48 295	641 647
Всего	322,188	1,630,793	101,776	127,852	2,182,609

Эти цифры с первого взгляда показывают, какую роль играет железная дорога в снабжении мегаполиса кормом для животных, и насколько ничтожно мало по сравнению с тем, что приходится преодолевать пешком. Линии Восточных графств, проникающие в богатые районы разведения и откорма Норфолка и Эссекса и монополизирующие их, приносят наибольшую долю. Многие из маленьких черных коров, которых туристы видят в Шотландии, карабкающихся по холмам, как кошки, происходят непосредственно из этих графств, поскольку за несколько месяцев до этого их отправили туда с их родного севера, чтобы облечь их кости английской материей. По той же линии мы получаем значительную часть того огромного иностранного вклада в наши кладовые, одна тень которого так пугала наших скотоводов несколько лет назад, в основном датский товар, который поступает из Тоннинга в Лоустофф, маршрут, недавно открытый паровой компанией Севера Европы. Северо-Западный регион является следующим по рангу поголовья скота. Эта линия включает в себя поставки из графств Мидленд и, через Ливерпуль, изобилие ирландского и шотландского крупного рогатого скота. Великому Северному, возможно, суждено превзойти обоих по количеству пищи, которое он в конечном итоге доставит в Лондон, проходя по северным племенным районам и принимая на своей оконечности стада, прибывающие из Абердина и его окрестностей.

Зарубежные поставки крупного рогатого скота, овец, свиней и телят в прошлом году составили более седьмой части от всего поголовья, отправленного в Лондон. Ежедневные счета ввозимых товаров на таможне дают нам ценное представление о тех отраслях, из которых мы уже получили и можем в будущем ожидать получения еще большего количества того, чего так жаждут англичане, — хорошей говядины и баранины по умеренной цене. Количество прибывших на пароходе в Лондонский порт в 1853 году было следующим:—

<i>Из</i>	<i>быков.</i>	<i>Овец.</i>	<i>Телята.</i>	<i>Свиньи.</i>	<i>Всего.</i>
Голландия	40,538	172,730	24,280	9,370	246,918
Дания	9,487	7,515	60	..	17,062
Ганзейских городов	4,366	37,443	1	632	42,442
Бельгия	449	12,006	1,244	..	13,699
Франция	105	224	135	129	593
Португалия	100	..	..	..	100
Испания	17	..	..	..	Россия
3	3	..	..	..	3
Всего	55 065	229 918	25 720	10 131	320 834

Голландия, Дания и Ганзейские города, как мы увидим, внесли основной вклад. Невозможно привести более поразительный пример влияния законодательства одной страны на изменение занятий населения другой, чем способ, которым тариф сэра Роберта Пиля произвел революцию в характере датского и голландского сельского хозяйства. До 1844 года пастбища двух стран, особенно богатые болота Голландии, были почти исключительно предназначены для молочного животноводства: отмена пошлины на живой скот в том году быстро установила новое положение вещей. Фермеры начали разводить скот, и, следовательно, репа и мангель-вурцель расползлись по полям, где когда-то молочница несла доильное ведро, так же постепенно, как один пейзаж сменяет другой в растворяющихся видах Политехнического института. Сейчас мы получаем из обеих стран превосходную говядину, особенно из Ютландии, чьи мычащие стада раньше отправлялись в Гамбург - а кто не слышал о знаменитой говядине "Хамбро"? Со временем мы можем ожидать получения еще более качественного мяса из этих мест, поскольку датчане усердно улучшали свою породу, и земледельцы, видевшие животных, присланных на последнюю выставку на Бейкер-стрит, признали, что они во всех отношениях не уступают нашим короткорогим. Отрадно отмечать, насколько мир готов последовать нашему примеру в вопросе животноводства. Иностранцы, и особенно наши кузены по другую сторону Атлантики, скупают быков по баснословным ценам с целью доведения местного скота до британского стандарта. Один американец, например, приобрел за 1000 *фунтов* знаменитого быка, выведенного эрлом Дьюси, хотя, к сожалению, животное сломало шею при выходе. Другой благородный экземпляр, как мы слышали, был приобретен в том же квартале за 600 *фунтов стерлингов*.

Поставки овец и ягнят в течение последних двадцати лет почти прекратились; ибо в 1828 году на рынок было завезено 1 412 032, а в 1849 году - только 1 417 000, или только дополнительные 4000 на 500 000 голов, которые были добавлены в столицу между этими двумя периодами. То, что Лондон в последние годы отказался от баранины, поскольку наши непосредственные предки, по-видимому, готовили свинину, наши органы чувств отрицают. Как же тогда нам объяснить этот застой в "Возвращении Смитфилда"? Благодаря тому факту, что был найден новый канал в стремительном росте Ньюгейтского рынка, огромного хранилища мяса, убитого в сельской местности, доставляемого в город по железным дорогам. Те, кто помнит это место сорокалетней давности, утверждают, что тогда там не было двадцати продавцов, а сейчас их двести. Такое грандиозное развитие событий произошло благодаря steam, которая делает ставку на то, чтобы дать "Ньюгейту", по крайней мере, в холодное время года, преимущество над

"Смитфилдом". Новый агент более чем в четыре раза увеличил площадь, из которой Лондон добывает мясо. Двадцать лет назад восемьдесят миль были самым дальним расстоянием, с которого когда-либо доставляли туши; сейчас Великие северные и Северо-Западные железные дороги в зимние месяцы доставляют сотни тонн даже с севера, вплоть до Абердина, в то время как некоторые привозят из Гамбурга и Остенде. Мы почти не сомневаемся, что резня в сельской местности со временем избавит столицу от неприятностей, которые возникают в результате этой ужасной торговли. Абердин на самом деле становится не чем иным, как лондонской *скотобойней*. Стиль, в котором мясники этого заведения разделявают и упаковывают туши, не оставляет желать лучшего, и в течение года горы говядины, баранины, свинины и телятины прибывают на следующий день после забоя в идеальном состоянии. Согласно декларациям, любезно присланным нам различными железнодорожными компаниями, мы обнаруживаем, что вес мяса, убитого в стране, по указанным ниже строкам был следующим:-

	Тонн.
Восточные округа	10,398
Северо-Западные	4,602
Грейт-Вестерн	5200
Грейт-Нортерн	13,152[23]
Юго-Восточный	1,035
Юго-Западный	2,000 2,000
Брайтон и Южное побережье	100
36,487	.

Таким образом, ежегодно на рынках Ньюгейт и Лиденхолл “продается” не менее 36 487 тонн мяса. Поскольку шотландские суда перевозят примерно на 700 тонн больше, у нас есть по меньшей мере 37 187 тонн мяса, убитого в сельской местности, доставленного в Лондон паровым способом, и эти огромные объемы совершенно не зависят от количества забиваемого в Смитфилде мяса, которое, по оценкам, составляет в среднем 1000 волов, 3000 овец и ягнят, а также 400 телят и свиней в неделю. Мы привели средний запас, но в некоторых случаях его количество значительно увеличивается. Компания Eastern Counties line в течение одной рождественской недели поставила в Ньюгейт около 1000 тонн мяса; и вес, отправленный другими компаниями в тот же день, был бы пропорционально большим. Однажды не менее сорока фургонов ожидали отправки говядины и баранины на рынок. И каким, по мнению нашего читателя, может быть район, в котором продается девять десятых всей этой массы мяса? Всего 2 руда на 45 насестов, с одним входом для экипажа, ширина которого варьируется от 14 до 18 футов, и четырьмя входами для ног, самый широкий из которых составляет всего 16 футов 6 дюймов, а самый узкий 5 футов 8 дюймов. Неудивительно, что, как нам сообщили несколько свидетелей в Комиссии по расследованию в Смитфилде, часто не хватает места для выставления мяса на продажу, и в результате оно становится гнилым. Хотя мы приобрели славу практичного народа, следует признать, что многие из наших повседневных операций мы совершаем небрежно, когда не можем обеспечить удобные рынки сбыта скоропортящихся товаров или даже изготовить омнибус, на который можно сесть, не прилагая усилий ловкости и отваги.

Мистер Гиблетт, известный мясник с Бонд-стрит, подсчитал, что количество мяса, доставляемого железными дорогами в Ньюгейт, в три раза превышает количество, поставляемое лондонскими мясниками, которые ежегодно отправляют 52 000 быков, 156 000 овец, 10 400 телят и 10 400 свиней. Принимая эту оценку и применяя ее также к рынку Лиденхолла, мы получим по крайней мере

	<i>Животные.</i>	<i>Овцы.</i>	<i>Телята.</i>	<i>Свиньи.</i>
Ньюгейт, мясная	156,000	468,000	31,200	31,200
Лиденхолл, то же самое	5,200	41,600	..	..
	161 200	509 600	31 200	31 200
скота, завезенного в Лондон	322,188	1,630,793	101,776	127,852
Всего в Лондон поставлено скота и мяса	483,388	2,140,393	132,976	159,052

Мы убеждены, что это все еще не соответствует действительности, поскольку мы не включили мясо, произведенное в сельской местности и продаваемое на рынках Фаррингдона и Уайтчепела.[24] Общая стоимость этого огромного запаса мяса не может быть намного меньше четырнадцати миллионов в год.

Эти цифры показывают, что падеж овец, отправляемых в Лондон, происходит исключительно потому, что теперь они поступают в город в виде баранины. Его отправляют в гораздо большем количестве, чем говядину, вследствие того, что оно поступает в более хорошем состоянии, его легче транспортировать и оно более оправдывает затраты на транспортировку из-за большей доли отбивных частей. Действительно, туша быка целиком никогда не доставляется, поскольку за грубые куски мяса придется заплатить ту же цену, что и за отборное “жаркое”. Следует помнить, что Ньюгейт - это в высшей степени рынок Вест-Энда, и добрых две трети его мяса поступает в этот квартал города. Соответственно, большая часть говядины, “приготовленной” здесь, состоит из вырезки и ребрышек; и, в дополнение к целым тушам баранины, есть множество отдельных ножек и седловин баранины. Это объясняет факт, который многих озадачил, а именно, как Лондону удается получать такое количество отбивных. Поезжайте в любую часть мегаполиса и загляните в витрины тысяч закусочных и кофеен на главных магистралях, и в каждой из них вы увидите неизменное голубое блюдо с полудюжиной сочных, хорошо прожаренных отбивных, увенчанных веточкой петрушки. Чтобы оправдать такое количество, в Лондон должно поступать либо вчетверо больше овец, чем у нас есть, либо вместо обычного количества позвоночных их должно быть столько же, сколько у большого удава. Когда мыоднажды увидели огромный запас седел, которые страна поставляет городу, удивлению приходит конец. “Иногда я разрезаю 100 бараньих отбивных из седла, чтобы снабдить ими закусочные”, - говорит мистер Банистер с Треднидл-стрит.

Погода сохраняет хрупкий баланс между Ньюгейтом и Смитфилдом. Зима - самое оживленное время на бывшем рынке, когда мясо можно перевозить на любое расстояние, не опасаясь испортить. Как только наступает лето, наступает очередь Смитфилда, потому что мясники предпочитают закупать живое мясо, чтобы убить его именно в тот момент, когда оно потребуется. Иногда в жаркую погоду в пятницу вечером в окрестностях Смитфилда для субботнего рынка забивают до 1200 голов крупного рогатого скота и от 12 000 до 15 000 овец. На железных дорогах принимаются все меры предосторожности, чтобы мясо оставалось сладким. Компания “Истерн Каунтиз Компани” поставляет своим клиентам “пэды”, или ткани,

вырезанные по форме туши или сустава, и иногда их доставляют с севера в коробках. Когда, несмотря на все предосторожности, оно оказывается испорченным, продавец, которому его передают, вызывает рыночного служащего, который немедленно отправляет его на Кау-Кросс и там сжигает во дворе скупщика. Однако, согласно компетентному свидетелю — мистеру Харперу, — испорченное мясо в любом количестве может быть продано в мегаполисе мясникам, живущим в бедных кварталах, которые по ночам раздают его беднякам. “Есть один магазин, я верю, - говорит он, - делает 500л. в неделю в большое мясо. Эта фирма имеет большой внешней торговли. Торговля большим мясом вызывает большую тревогу, и все, что имеет форму мякоти, может продаваться примерно по 1д. за фунт или 8д. за косточку”.

Если читатель еще не пресытился горами мяса, которые мы навалили у него перед глазами, давайте попросим его уделить несколько минут вниманию дичи и домашней птицы, которые мы подаем в надлежащем виде. Лиденхолл и Ньюгейт, как известно всему миру, являются крупнейшими столичными складами этого класса продуктов питания, особенно первых, на которые приходится, возможно, две трети всех запасов. Количество дичи и диких птиц, поставляемых некоторым крупным торговцам, почти превосходит всякое воображение. После нескольких успешных боев в Высокогорье нет ничего необычного в том, что одна фирма получает 5000 голов дичи, и часто от 20 000 до 30 000 жаворонков отправляются на рынок вместе. Все другие виды пернатого племени, которые считаются полезными в пищу, получают в пропорциональном изобилии. Если бы не великие продавцы, многие веселые ужины были бы испорчены, поскольку розничные торговцы птицей были бы совершенно неспособны выполнять постоянные и внезапные заказы на банкеты, которые всегда продолжаются. Добрые люди в “Кристал Пэлас” уже научились потреблять, помимо бесчисленных других продуктов, по 600 цыплят в день; и из этого мы можем догадаться, насколько велики потребности всего мегаполиса. Источников, из которых добывают дичь и домашнюю птицу, меньше, чем можно было бы себе представить. В Высокогорье и Йоркшире добывается почти вся куропатка; и десятки дворян, членов парламента и других богатых или увлеченных спортсменов, которые в настоящее время объезжают вересковые пустоши и проходят для своего удовольствия двадцать пять миль в день, помогают поставлять это лакомство лондонской публике по умеренной цене.

Фазанов и куропаток привозят в основном из Норфолка и Саффолка; бекасов - из болотистых низменностей Голландии, которые также обеспечивают весь наш запас чирков, сигов и других видов дикой птицы, за исключением тех, кого ловят на “приманки” в Кембриджшире и Линкольншире. Из Остенде ежегодно в Лондон переправляется 600 000 ручных кроликов, которых для этой цели выращивают на соседних песчаных дюнах. Мы в долгу перед Ирландией за стада ржанок, а перепелов завозят из Египта и с юга Европы. В витринах большинства наших птицеводческих хозяйств можно увидеть длинные деревянные ящики с узкой щелью, в которых этих последних держат до тех пор, пока они не понадобятся для вертела. Не так давно более 17 000 человек прибыли в Лондон через Ливерпуль, куда их привезли из Кампании, недалеко от Рима. Из 2 000 000 домашних птиц, которые каждый год находят пристанище *вместо* вареных языков на наших лондонских столах, безусловно, наибольшее количество поступает из графств Суррей и Сассекс, где предпочитают породу доркинг. Ирландия также отправляет много домашней птицы. Ежегодно по Великой Западной железной дороге в город доставляется не менее 1400 тонн цыплят, гусей и уток, большая часть которых поступает из окрестностей Корка и Уотерфорда, откуда их отправляют в Бристоль. Лондонцы привыкли видеть магазины последних лет, которые заявляют, что продают “продукты Западной Англии”, такие как молодая свинина, птица, сливочное масло и взбитые сливки. Все эти деликатесы доставляются Великой Западной

железной дорогой и в основном являются продуктами Сомерсетшира и Девоншира. Основная масса гусей, уток и индеек, однако, поступает из Норфолка, Кембриджа, Эссекса и Саффолка — четырех тучных графств, которые в значительной степени снабжают лондонский комиссариат, одна только железная дорога Восточных графств доставила оттуда в прошлом году 22 462 тонны рыбы, мяса птицы и хорошей красной сельди.

Голубями мы в долгу перед “нашим справедливым врагом Францией”, как называет ее сэр Филип Сидней, но теперь мы доверяем нашему верному другу. Они поступают главным образом из внутренних районов страны и поставляются на наш рынок из Булони и Кале. Сколько яиц мы получаем из-за Ла-Манша, нам вряд ли хотелось бы говорить. Мистер Мак-Каллох считает, что столица получает от 70 000 000 до 75 000 000 000 долларов — цифра, которая, по нашему мнению, должна быть намного ниже этой отметки, учитывая, что Брайтон и Южное побережье ежегодно привозят 2600 тонн продукции Бельгии и Франции. В Бастоине, в последней стране, есть ферма площадью 200 акров, полностью посвященная разведению домашней птицы и производству яиц для снабжения Лондона.

Невозможно дать абсолютно точный отчет о количестве домашней птицы, дичи и диких птиц, ежегодно поступающих на рынки Лиденхолла и Ньюгейта; но следующая оценка была предоставлена нам дилером, который зарабатывает более 100 000 фунтов в год на этой торговле. Поскольку в списке не учитывается количество, которое поступает непосредственно розничному продавцу, или тысячи отправленных в качестве подарков, оно должно не соответствовать фактическому потреблению:—

Рябчики		100 000
Куропаток		125 000
фазанов		70 000
бекасов		80 000
Диких птиц (в основном мелких)		150,000
Ржанки	150 000	Перепелов
Перепела		жаворонков
Жаворонки		400,000
70 000	чирок	
30 000	Диких уток	30,000
Дикие утки		400 000
Домашних птиц.		400,000
Домашняя птица		2 000 000
Гусей		100 000
Уток		350 000
Индеек		104 000
Зайцев		100,000
Кролики	1 300 000	Всего
	5 759 000	.

Помимо убитой дичи и дикой птицы, рынок Лиденхолл представляет собой настоящий ноев ковчег с живыми животными. Гуси, утки, лебеди, голуби и петухи сбивают вас с толку своим шумом. Вперемешку с этими пернатыми обитают ястребы, хорьки, собаки и кошки, передвигающиеся в своих плетеных клетках и почти доведенные до безумия близостью своей добычи. Большая часть поголовья предназначена либо для спортивных целей, либо для “ласки” и разведения и не принадлежит департаменту комиссариата. В течение года семь железных дорог доставляют в Лондон около 7 871 тонны убитой дичи и домашней птицы.

Прощаясь с птичьим двором, мы вспоминаем о молокозаводе и о крупных заведениях, необходимых для наполнения молочных кувшинов в Лондоне. В настоящее время, насколько нам известно, на столичных и пригородных молочных заводах насчитывается 20 000 коров, некоторые из которых насчитывают по 500 коров на штуку. Даже эти гигантские предприятия иногда перегружались, и несколько лет назад у одного человека было 1500 доярок — факт, фатальный для популярного суеверия, что, несмотря на многочисленные попытки, ни одному молочнику никогда не удавалось собрать больше 999 доярок. Ужасные последствия плевропневмонии, которую многие считают заразным заболеванием, излечили страсть к таким обширным стадам. Более крупные молочные заводы мегаполиса в целом управляются превосходно, и коровы нежатся в просторных надворных постройках, но владельцы помельче часто ограничены в пространстве, и животных иногда держат взаперти в сараях, расположенных ярусами один над другим. Деревенская молочница смеется над неосведомленностью лондонки в сельских делах, когда приходит в гости к своему хозяину, но она, в свою очередь, была бы озадачена, если бы ей сказали, что в столице коров кормили в основном пивным зерном и доили их *навтором этаже*? Несколько лет назад мистер Рагг потряс город, который забыл Мэтью Брэмбла, эсквайра, и “Путеводитель по новым ваннам”, подробно описав отвратительный процесс, который, по его утверждению, использовался хитрыми молочниками для фальсификации молока. Однако в этом отчете было много преувеличений, и доктор Хасселл, чей анализ различных продуктов питания в журнале *Lancet* широко известен, утверждает, что “железнодорожная корова” является основным средством, использованным при мошенничестве, и что единственным красителем, который ему удалось обнаружить, является аннато. Почти все сливки идут в Вест-Энд; и один молочник, живущий в Ислингтоне, сообщил нам, что он зарабатывал 1200 фунтов в год на торговле этим единственным товаром с фешенебельной частью города. При малейшем рассмотрении должно быть очевидно, что лондонские и пригородные молочные заводы сами по себе не могли бы снабжать метрополию. Если бы каждая из 20 000 коров давала в среднем по двенадцать кварт в день, общая сумма составила бы всего 240 000 кварт. Если мы предположим, что это количество будет увеличено за счет неистощимой “железнодорожной коровы”, о которой говорит доктор Хасселл, до 300 000 кварт, то норма на каждого человека из двух миллионов с четвертью населения составит немногим более четверти пинты. Это явно ниже требований чайного стола, детской и кухни, и мы не думаем, что будем преувеличивать, если предположим, что ежедневно потребляется вдвое меньше. И здесь железная дорога, которая в некоторых случаях доставляет молоко за восемьдесят миль, восполняет дефицит. Линия Восточных графств доставила в 1853 году в Лондон 3 174 179 кварт, Северо-Западная - 144 000 кварт, Грейт-Вестерн - 23 400 кварт, Брайтон и Южное побережье - 100 тонн, а Грейт-Нортерн, возможно, столько же, сколько Северо-Западная. Молоко собирают у фермеров агенты по всей стране, которые продают его молочникам, которых насчитывается 1347, для распространения по городу. Со временем не исключено, что городские молочные заводы могут полностью исчезнуть. Коровники, часто

узкие и низкие, в густонаселенных местностях, не могут быть столь же полезны для животных, как более чистая атмосфера; и хотя эксперимент показал, что они превосходно себя чувствуют в загоне, пища, которую они получают в этих городских тюрьмах, вряд ли может быть такой же полезной, как та, которую дают зеленые пастбища фермы. Молоко, поступающее по железной дороге, имеет, однако, тот недостаток, что оно хранится и близко не так долго, как местная продукция столичных молокозаводов. Различные компании сконструировали тележки, слегка подвешенные на рессорах, но полностью избавиться от эффекта вспенивания при внезапных толчках невозможно.

Из овощей и фруктов, которые поставляются на различные рынки столицы, но особенно в Ковент-Гарден, очень большое количество выращивается в непосредственной близости. Из какого бы района железнодорожный путешественник ни подъезжал к Лондону, он видит, что обработка земли постепенно усиливается, пока он не прибывает в те пригородные резиденции, которые составляют авангард метрополии. Поля уступают место садам без живой изгороди, в которых, по выражению Вашингтона Ирвинга, “борозды кажутся законченными скорее карандашом, чем плугом”. Акр за акром, освещаемые в ручной бинокль, полосы зелени с математической точностью очерчиваются на почве параллельными линиями, перемежающимися тут и там участками с такими острыми по краям, как будто это кусочки зеленого сукна, — это широко известные рыночные сады. В основном они расположены на длинных ровных участках земли, которые, должно быть, когда-то были затоплены Темзой, — таких как плоская аллювиальная почва, известная как Иерусалимский уровень, простирающаяся между Лондонским мостом и Гринвичем, — и на землях вокруг Фулхэма, Баттерси, Челси, Патни и Brentford. Мистер Катхилл, который, возможно, является лучшим авторитетом в этом вопросе, оценивает, что здесь возделывается 12 000 акров для выращивания овощей и 5000 - для выращивания фруктовых деревьев. Кажется, что этой площади недостаточно для содержания такого количества ртов, но навоз и активное использование лопат компенсируют нехватку места. Эти агентства собирают с земли четыре, а иногда и пять урожаев в течение года. Старомодный фермер, привыкший к ограничениям, связанным со старомодными договорами аренды, удивился бы такому заявлению и спросил, как долго это продлится. Но его удивление было бы еще больше, если бы ему сказали, что после каждой расчистки земля глубоко разрыта траншеями и ее прочность восстанавливается добавлением навоза на каждые тридцать квадратных футов земли. В этом секрет великолепной отдачи, и она могла быть достигнута только в окрестностях таких городов, как Лондон, где производство удобрения достаточно велико, чтобы удерживать его цену на низком уровне. И здесь мы имеем поразительный пример взаимодействия города и деревни. Та же самая повозка, которая утром привозит груз капусты, возвращается через несколько часов, наполненная навозом. Таким образом, соблюдается точный баланс, насколько это возможно, и навоз, вместо того чтобы оставаться гнить среди людей, вывозится для производства овощей. Как жаль, что мы не можем расширить систему и полностью пустить всю канализацию по дренажным трубам в сельские районы, чтобы питать землю, вместо того чтобы позволять ей, как это делаем мы, впадать в Темзу и загрязнять воду, которая используется в наших жилищах.

Забота и внимание, проявляемые огородниками, невероятны для тех, кто не был свидетелем этого; используется каждый дюйм земли - культивация проходит между фруктовыми деревьями; бунтующие отряды капусты и цветной капусты поднимаются до самых стволов яблонь; кусты малины окружены и срезаны молодыми саженцами. Если вы увидите акр сельдерея, растущего на грядках, будьте уверены, что при ближайшем рассмотрении вы обнаружите длинные стебли

молодого горошка, пробивающиеся вдоль борозд. Здесь цветет все, кроме сорняков, и вы можете пройти по участку площадью 150 акров, не обнаружив ни одного. Лучшие садоводы заботятся о качестве даже больше, чем о количестве, и они ухаживают за своими растениями, как за детьми. Иногда посетитель увидит, как "головки" цветной капусты площадью в целый акр одну за другой заворачивают в собственные листья так же бережно, как встревоженная жена заворачивает мужа-астматика ноябрьской ночью; а если пойдет дождь, служители бегут укрывать их так же быстро, как они укрывают зоологические образцы в Хрустальном дворце, когда за дело берутся лейки.

Насекомые и гниль также изгоняются так же строго, как и при дворе Оберона. Бдительность доведена до такой степени, что, согласно автору книги *"Бытовые слова"*, гниль и грибки исследуются с помощью микроскопа, мокриц истребляют бантемы, одетые в носки, чтобы не слишком сильно чесались, а других вредных насекомых уничтожают с помощью партий жаб, покупаемых по цене шесть шиллингов за дюжину!

Однако постоянное расширение Лондона быстро распространяется на все старые рыночные сады, и они вынуждены продвигаться все дальше: таким образом, высокая культура, подобно зеленому волшебному кольцу, постепенно расширяет свое кольцо вокруг столицы. На этих ценных землях редко выращивают более грубые виды овощей, но их привозят в больших количествах со всех концов страны; а некоторые из отборных сортов в настоящее время выращивают далеко в Девоншире и Корнуолле, где им благоприятствует климат. Было бы интересно получить достоверную информацию о площади, отведенной под выращивание фруктов и овощей для лондонского рынка, но мы считаем эту информацию недостижимой. Мистер Катхилл подсчитал, что в окрестностях мегаполиса 200 акров заняты выращиванием клубники, а 5 акров засажены как грядки с грибами. Когда-то огурцы выращивали очень широко. Он видел целых 14 акров под ручными стеклами на одном участке и знал, что 200 000 корнишонов срезают за утро для торговцев маринадами. Как ни странно, они отказывались хорошо расти в окрестностях Лондона с тех пор, как вспыхнула картофельная болезнь. Катастрофическая эпидемия 1849 года, мы почти не сомневаемся, имела большое отношение к сокращению предложения, поскольку холера вскоре привела к результату, которого добивалась миссис Гэмп: "когда коровьи огурцы по три штуки за два пенса", цены вполне объясняют негодность земли для их выращивания. Очень высокий уровень возделывания в столичных огородах требует применения большого количества рабочей силы; и предполагается, что не менее 35 000 человек заняты в обслуживании овощных и десертных блюд столицы. Эта оценка не учитывает тех, кто находится в провинциях и на Континенте, что, мы не сомневаемся, почти удвоило бы расчеты и показало бы отряд мужчин и женщин такой же численности, как вся британская армия. В Лондоне есть пять рынков, предназначенных для продажи фруктов — Ковент-Гарден, Спиталфилдс, Боро, Фаррингдон и Портман—маркетс, - не считая огромного количества уличных переулков, таких как Клэр-маркет, на которых лоточники обычно стоят со своими тележками. Ковент-Гарден не только в их вкусе, но и занимается почти таким же бизнесом, как все они вместе взятые, и по этой причине мы остановимся на нем, исключая остальные.

На первом утреннем рассвете посреди убогого Лондона сладкие деревенские ароматы приветствуют тех, кто встает рано, а прохладные фруктовые сады и зеленые земляничные склоны, кажется, всегда присутствуют в памяти.

Если те, кто ищет удовольствия в веселье, никогда не бывали на рынке в его расцвете, пусть отправятся туда как-нибудь летним утром и обратят внимание, каким свежим покажется воздух и какими полными жизни люди после томного вальса на Гросвенор-сквер. Центральная аллея "Гарден", как ее называют уличные торговцы, является одним из самых красивых залов отдыха в городе; и, случайно или намеренно, в своем расположении с востока на запад она демонстрирует полную смену времен года. У западного входа посетителя встречает аромат цветов; и там они выставлены в улыбающихся банках на прилавках или собраны с оборками по краям в дамские букеты. По мере продвижения он натывается на более нежные весенние овощи — розовые стебли ревеня восточного вида, нежный салат-латук *cos* и т.д.; еще дальше вдоль галереи в витринах с зеркальным стеклом по обе стороны выставлены нежные фрукты, упакованные в изящные коробки и украшенные лоскутками цветной бумаги. За этими витринами также можно было увидеть те редкости, которыми гордятся лондонские огородники и при производстве которых все они изо всех сил стараются украсть как можно больше времени: сито, полное раннего картофеля, каждое такое же маленькое и дорогое, как яйцо китайской птицы Кохинхины; миску, полную гороха, по гинее за пинту; огурец с маркировкой *5 фунтов стерлингов* клубника с маркировкой *18 фунтов*. унция.

Огородники Пензанса начинают выращивать много этих ранних овощей, а мягкость юго-западной оконечности Корнуолла дает им замечательное преимущество перед любой другой частью королевства. Садовники джентльменов также вносят свой вклад, отправляя продавцам ту часть продукции из своих застекленных домов, которая не потребляется в семье, и получают взамен товары, которых у них самих оказывается в недостаточном количестве. Эти вынужденные овощи, правда, уступают место по мере приближения сезона; но когда они появляются, их всегда больше всего можно найти в том конце аллеи, который ближе всего к восходящему солнцу. С течением года появляются все более сочные и натуральные фрукты — созревшие персики, румяные на ветру, гигантская клубника, малина, нектарины или цветущие сливы. Пушистые сосны придают им мягкий оттенок, а когда он исчезает, цвет становится более насыщенным, приобретая оттенки янтарных груд апельсинов, янтарного фундука и насыщенно-коричневого цвета испанских каштанов, урожая уходящего года.

Оставим, однако, нашу воображаемую смену времен года и вернемся к реальным рыночным делам. Уже в два часа ночи человек, смотрящий на Пиккадилли, заметит первый поток ежедневных поставок овощей и фруктов на рынок Ковент-Гарден: тележки с капустой, выстроенные и аккуратно облицованные, с искусством скорее каменщика, чем огородника; легкие рессорные фургоны, благоухающие клубникой; и молочно-белые груженные репой, которые медленно катятся по грейт-вестерн-роуд и доставляют продукты с плодородных аллювиальных берегов Темзы на большой рынок Вест-Энда. Пешеход, идущий по южной и восточной дорогам, видит подобный поток растительной пищи, спокойно стекающийся к тому же месту. Начиная с этого часа, особенно в субботу утром, и до девяти часов, сцена на рынке сама по себе представляет собой самое захватывающее зрелище.

Без какой-либо организации было бы невозможно получить и продемонстрировать в интересах покупателя и продавца разнообразные продукты, которые в предрассветный сумрак вливаются в столь ограниченное пространство. Соответственно, разные его части посвящены разным сортам овощей и фруктов. Лучшие из нежных мягких фруктов, таких как клубника, персики и т.д., находятся, как мы уже упоминали, на центральной аллее рынка — на самом внутреннем листе розы. На большом крытом участке к северу от этой центральной аллеи находится оптовая

фруктовая лавка, благоухающая яблоками, грушами, зеленью и всем, что есть в сезон. Открытое пространство на юге отведено под капусту и другие овощи, а крайний южный фронт полностью занят продавцами картофеля. В это оживленное утро по всему четырехугольнику тянется разноцветная ограда фургонов, придвинутых к центральному пространству, в котором преобладающий цвет составляет светло-зеленая капуста, кое-где прерываемая белизной репы или темно-оранжевым цветом моркови, похожей на пальчики; и пока зритель наблюдает, вся масса постепенно поглощается центром рынка. Тем временем пространство, предназначенное для оптовой продажи фруктов, оживлено. Колонны пустых корзин высотой в двенадцать футов, кажется, продвигаются сквозь толпу “своим собственным движением”. Фургоны прибыли с железных дорог, и сельская Англия, соседствующая с Континентом, завозит свои припасы из множества укромных мшистых уголков. С первого взгляда очень легко определить, какие продукты выращены дома, а какие - за рубежом. Там стоят английские корзины и сита, прочные, как у Гарри Восьмого, среди маленьких корзиночек, изящных, как у французских леди, и, по-видимому, столь же неспособных выдержать суровое обращение. Тем не менее, некоторые из них прибыли из Алжира, другие - с юга Франции, где выращивают зелень, и большинство - из Нормандии. Франция начинает поставлять большие партии персиков и нектаринов, тщательно упакованных в маленькие коробочки с бумажной стружкой; и даже клубника этим летом попала сюда из того же квартала. Заморозки, которые иногда случаются в начале года, уничтожают почти все фруктовые культуры в окрестностях Лондона; и если бы не обильные запасы, которые привозят из-за границы, Ковент-Гарден был бы немногим лучше пустыни.

Отмена высокой пошлины на иностранные фрукты настолько расширила сферу поставок, что они больше не могут быть уничтожены необычным падением ртути. С помощью телеграфа, парохода и железной дороги мы устраняем последствия заморозков, очищаем море и за несколько часов получаем в распоряжение продукты Континента. Когда в этой стране наступает дефицит, крупные торговцы фруктами в Городе немедленно замечают этот факт: телеграф немедленно передает информацию в Голландию, Францию и Бельгию; и в течение сорока часов пароходы из той или иной из этих стран будут замечены направляющимися к Даунсу и прилегающим побережьям, а еще через шесть часов их грузы, только что сорванные в кварталах старых нормандских аббатств и причудливых фламандских штадтхаусов, цветут в Ковент-Гардене. Фрукты, которые принесут задержку, доставляются вверх по Темзе на лодке и выгружаются на причалах у Лондонского моста, но большая часть в конечном итоге попадает в “Сад”. Юго-западная и Юго-Восточная - это две основные линии поставок иностранных фруктов: первая доставляет большое количество испанских и португальских продуктов, таких как апельсины, виноград, дыни, орехи и т.д.; вторая доставляет яблоки, груши, клубнику, персики, нектарины и т.д. Из Дувра, куда их доставляют пароходами. Чтобы показать, насколько огромны поставки из-за границы, мы приводим, по свидетельству товароведа Юго-Восточной линии, количество, привезенное ими за одну ночь:—

100	тонн	зеленого горошка из Франции.
50	"	фруктов из Кента.
10	"	фундука из Кента.
25	"	слив из Франции.
10	"	черной смородины из Франции.

Всего 195 тонн, из которых 135 были доставлены с другого берега. Брайтон и Южное побережье поставляют продукцию Джерси и Дьеппа — яблоки, груши и сливы — в объеме, который в прошлом году составил около 300 тонн. Основным перевозчиком овощей является Great Northern; в прошлом году они привезли в город огромное количество картофеля в количестве 45 819 тонн, помимо 1940 тонн других овощей. Картофель в основном поступает из болотистой местности. Грецкие орехи обычно доставляются антверпенскими судами, которые иногда перевозят грузы весом от 400 до 500 тонн. Каждый, кто путешествовал по Нидерландам, помнит великолепные ореховые деревья, которые растут по берегам каналов так же часто, как вязы в нашей стране. Они дополняют наши скудные местные запасы и помогают сделать послеобеденную беседу за бокалом портвейна более уютной. В течение двух утренних визитов в Ковент-Гарден мы увидели 613 бушельных корзин клубники, только что доставленной из Онфлера, и более 1000 корзин зелени, доставленных из того же района в течение недели. Когда в один из таких случаев мы смотрели на сплошные стены корзин, протянувшихся вдоль рынка, увенчанные парапетами из коробок с персиками и нектаринами, мы про себя задавались вопросом, будет ли когда-нибудь все это продано, и удивление возрастало по мере того, как прибывала повозка за повозкой, громоздившиеся до окон второго этажа площади. Рискнув высказать это сомнение мужчине с ленивым видом, который заплетал пряди хлыста: “Благословляю, сэр, - ответил он, не отрываясь от своей работы, - основная часть будет в Бруммагеме к обеду”. Действительно, пока мы гадали, один шустрый малый сбегал на телеграф и справился в Бирмингеме и нескольких отдаленных городах, не испытывают ли они недостатка в определенных фруктах в это утро. Получив утвердительный ответ, фургоны развернулись и с грохотом покатали к Северо-западному вокзалу, а еще через час излишки Ковент-Гардена уже мчались в путь, чтобы восполнить дефицит в центральных графствах. Таким образом, проволока и пар, как внутри страны, так и за рубежом, заставляют предложение мгновенно реагировать на спрос, какими бы разными ни были эти два принципа.

Однако в настоящее время маловероятно, что торговля клубникой в Ковент-Гардене попадет в руки иностранцев. Лондонские огородники издавна справедливо относились к этому фрукту как к своему собственному. Благодаря мастерству, которое они привили своей культуре, он значительно продвинулся как по вкусу, так и по размеру по сравнению со старым стандартом “hautboy” наших отцов, который в основном выращивают иностранцы по сей день. Мистер Миатт из Дептфорда - великий садовод; путем разумной прививки он вывел из старого подвоя полдюжины различных сортов, самым знаменитым из которых является “Британская королева”, достигающая огромных размеров. Большие партии клубники отправляются на рынок в легких рессорных фургонах. Их кладут в 1-фунтовые паннеты или круглые ивовые корзиночки, или аккуратно укладывают в горшочки, и процесс “доливки”, как его еще называют, считается настоящим искусством в торговле. Самые редкие и спелые фрукты, которые идут непосредственно в кондитерские изделия, подвергаются еще более тщательной обработке. Чтобы она не пострадала от тряски, лошадь заменяют на человеческую повозку. Часто можно видеть процессию из восьми или десяти полных женщин, несущих на головах корзины, полные горшочков с клубникой, которые торопливо движутся по Пиккадилли, а впереди них мужчина, как стадо овец за поводырем. Вероятно, они проделали весь путь от Айлворта с фруктами, и, поскольку они часто совершают два перехода в день, пройденное расстояние составляет не менее двадцати шести миль.

После клубники, пожалуй, горох является самым важным продуктом, производимым огородниками. Торговцы, заботясь об удобстве хозяев гостиниц и тех, кому внезапно требуется

большой запас продуктов к столу, держат их наготове для приготовления в кастрюле; и не менее любопытной особенностью Ковент-Гардена около полудня является вид плотной массы женщин — в основном пожилых — сидящих рядами на углу рынка и занятых их обстрелом. В этой профессии на одного продавца часто работает до 400 человек. Большая часть этих помощников принадлежит к окрестным богадельням; они получают разрешение выходить на улицу с этой целью, ишиллинг или восемнадцать пенсов в день, зарабатываемые некоторыми наиболее опытными, с радостью обмениваются на однообразный паек прихода. Осенью, опять же, вдоль всей северной стороны площади протянется ряд бедняков, лущащих грецкие орехи, у каждого человека будет по две корзины, одна для орехов, другая для скорлупы, которые покупают производители кетчупа. Бедняки стекаются со всех концов города, чтобы найти подобную работу. Если в ноябре бывает туман, тысячи мальчиков-связистов и мужчин выскакивают с готовыми факелами; если наступает мороз, на Серпантине и других водоемах парка можно встретить сотни мужчин, которые подметают лед или надевают вам коньки: в оживленной части города полдюжины парней готовы в дождливый день одновременно броситься вызывать такси “для вашей чести”; и на каждом перекрестке, когда становится грязно, почти мгновенно появляется свой человек с метлой. Печальный комментарий по поводу огромного количества голодающих рабочих, которых всегда можно встретить на улицах Лондона.

Самое оживленное время на рынке - около шести часов, когда уличные торговцы окружают Ковент-Гарден своими тележками, а сотни уличных торговцев с ручными корзинками и подносами приходят за своим дневным запасом. Здесь применяется та же система закупок, что и в Биллингсгейте — богатые торговцы покупают большую часть и снова продают, а более бедные складывают свои средства и делят продукцию. Обычный уличный торговец, который держит свою тележку, запряженную ослом или пони, с некоторым презрением смотрит на неполноценных разносчиков, в основном ирландцев. Они касаются только определенного класса овощей, таких как горох, молодой картофель, брокколи или цветная капуста, и не имеют ничего общего *спростой зеленью*. Другой класс покупателей - это маленькие девочки, продающие водяные кресс-салаты. Спрос на кресс-салаты таков, что в настоящее время их в основном выращивают для продажи, причем спонтанный рост оказывается совершенно неадекватным спросу. Их производят в основном в “Спринг Хед”, в Уолтемстоу, в Эссексе, и в Кукхэме, Шривенхэме и Фарингдоне, на линии Great Western, которая доставляет в город не менее тонны этого полезного салата для завтрака в неделю. Однако лучшие приезжают из Кэмден-Тауна. Большинству людей кажется, что для их производства необходимы чистые журчащие ручьи; но грядки Кэмден-Тауна разбиты на старом кирпичном поле, орошаемом Флит-Дитчем; и хотя ручей в этом месте сравнительно чистый, своим необычайно пышным видом они обязаны определенной примеси канализации. Каждое утро в Ковент-Гардене продается великое множество сотен букетов, но самая большая доля приходится на Фаррингдонский рынок. Общий объем поставок на различные столичные рынки не может составлять менее трех тонн в неделю. Ревень почти полностью выращивается лондонскими огородниками. Впервые он был представлен мистером Миаттом сорок лет назад, который послал двух своих сыновей на Городской рынок с пятью букетами, из которых они продали только три. С этого времени он продолжал его выращивать, несмотря на насмешки над тем, что называлось его “лечебными пирогами”. Как он и предсказывал, вскоре он стал фаворитом, и теперь в Ковент-Гарден продаются сотни тонн весом в течение года. Было бы невозможно дать какой-либо точный отчет о фруктах и овощах, которые изо дня в день прибывают в Лондон; поскольку властью знают только, сколько корзин прибывает, а не сколько в них содержится.

В отчетах железной дороги указывается количество привезенных издалека грузов, и мы обнаруживаем, что по семи линиям ежегодно перевозится где-то около 70 000 тонн овощей и мягких зеленых фруктов. Это независимо от сухофруктов, апельсинов и т. Д. — Бизнес сам по себе, представляющий большой интерес и требующий огромного капитала, о котором мы скажем несколько слов.

Штаб-квартира иностранной торговли фруктами находится в городе. Пешеход, идущий по Фиш-стрит-Хилл, наверняка никогда не догадается, что в определенное время года в этих унылых кирпичных домах, перед которыми возвышается высокая колонна, регулярно проводится выставка фруктов. Весь мир знает господ Килинга и Ханта. Их изображения, кажется, стоят на виду у публики на огромной пирамиде ананасов. Эта фирма проводит распродажи различных видов фруктов в своих аукционных залах на Монумент-Ярд. В таких случаях "Лонг апартментс" устраивают шоу, перед которым, по крайней мере, в количественном отношении, Чизвик бледнеет. Ананасы тысячами, дыни, запретный плод и манго заполняют зал из конца в конец; экспозиция действительно настолько знаменита, что на ней есть литографические изображения, на которых видно, как продавцы расхаживают, очевидно, озадаченные окружающей их роскошью, как Адам был бы озадачен в своем собственном счастливом саду. Рынок ананасов является современным. Первый груз был доставлен около двадцати лет назад, и с тех пор грузопоток быстро возрос, и в настоящее время в Лондонский порт ежегодно прибывает 300 000 сосен, из которых девять десятых отправляются господам Дж. Килинг и Хант - первоначальные импортеры. Они в основном с Багамских островов, в Вест-Индии, где произрастают почти спонтанно; но в последние годы их стали выращивать более тщательно, и для улучшения их качества были взяты прививки от наших лучших тепличных сосен. Для перевозки этого единственного фрукта через море выделена целая флотилия клиперов. Дыни привозят из Испании, Португалии и Голландии. Испания, как известно, изобилует дынями, потому что мальчики-попрошайки Мурильо постоянно их едят; но мы полагаем, что для большинства англичан будет новостью, что страна дайкс снабжает Лондон ароматными грузами этого почти тропического фрукта. Однако самая крупная зарубежная торговля фруктами, безусловно, связана с апельсинами. Возможно, мы удивим наших читателей, когда скажем им, что только для использования в Лондоне импортируется свыше 60 000 000 лимонов, а также не менее 15 000 000 лимонов. В любое время с декабря по май "Орандж клипперс" с Азорских островов и Лиссабона можно увидеть, как они разгружают свой груз по соседству с крупными магазинами на Пудинг- и Ботолф-лейнз. Всего в торговле задействовано 240 быстроходных судов, и по меньшей мере семьдесят из этого флота заняты в снабжении витрин фруктовых лавок и прилавков с яблоками в Лондоне. Все эти фрукты, вместе с орехами и грецкими орехами, яблоками, сливами, грушами и некоторыми персиками и т. Д., Ежедневно продаются на аукционе в Монумент-Ярде крупным дилерам, большинство из которых находятся на Дьюкс-Плейс, совсем рядом, и в основном это евреи. Более того, нам сообщили, что многие из них - те самые выросшие мальчики, которые лет двадцать пять назад продавали на улицах апельсины и чье старое место постепенно заняли ирландцы. Они действуют как посредники между импортерами и племенем перипатетиков, которые в определенное время дня прибегают сюда, чтобы наполнить свои корзины и тачки. Ковент-Гарден также поставяет розничным торговцам апельсины и орехи, особенно по утрам в воскресенье, когда здесь иногда бывает многолюдно, как на ярмарке. Нижеследующий перечень количеств, составленный мистером Килингом, взят, как мы полагаем, из деклараций Таможенной службы:

Фрукты.

Яблоки	39 561	бушель.
Груши	19 742	"
Вишни	264 240	фунтов.
Виноград	1,328,190	"
"	200,000	
Апельсины	61 635 146	
лимонов	15 408 789	

Чокнутые.

Испанские орехи Барколена	72 509	бушелей	Бразилия
, 11 700		11,700	"
Каштаны		26,250	Грецких орехов,
Грецкие орехи		36,088	"
Какао-орехи		1,255,009	"

О количестве хлеба, потребляемого в Лондоне, у нас нет конкретной информации, но есть данные, которые позволяют нам приблизиться к истине. Портер в своей книге “Прогресс нации” приводит данные восьми школ, семей и учреждений, в которых проживали 1902 мужчины, женщины и ребенка, каждый из которых съедал в среднем $331\frac{1}{16}$ фунтов. хлеба в год. Теперь если умножить эту величину на количество жителей мегаполиса—2,500,000, или около того—у нас есть в общей сложности 413,700,000 половина-quartern батона 2 кг. вес каждого. Муку, используемую в пудингах, пирогах и т. Д., Мы добавляем в качестве своеобразной компенсации для лондонских младенцев младше одного года. Часть этого хлеба - пожертвование от страны, и одна железная дорога — Восточные округа - доставила в прошлом году 237 тонн 12 центнеров. в город.

Теперь давайте посмотрим, сколько мешков уходит на все это количество хлеба — какими реками стаута и т. Д. Мы запиваем такие горы мяса. Согласно акцизным декларациям, в 1853 году в Лондоне семнадцатью великими пивоварами было потреблено 747,050 четвертей солода. Поскольку из каждой четверти солода с соответствующим содержанием хмеля получается три с половиной барреля пива, мы получаем общее количество пива, произведенного в прошлом году, 1 614 675, или почти тысячу миллионов бокалов эля и портера. На бесчисленных вывесках метрополии этот последний рекламируется под названием “весь”, и именно так возникли жидкость и ее название. До 1730 года у трактирщиков была привычка продавать эль, пиво и двухпенсовики, и “жаждущие души” того времени имели обыкновение смешивать то и другое в напиток под названием “пополам”. После этого они принялись плести “три нити”, как они это называли, или наполнять свой стакан из каждого из трех кранов. Однако в 1730 году некий трактирщик по имени Хорвуд, чтобы избавить себя от хлопот по приготовлению триединой смеси, сварил ликер, предназначенный для имитации вкуса “трех нитей”, и применил к нему термин “цельный”. Его стряпня была одобрена, и, поскольку ее пили как хороший напиток для носильщиков, ее быстро стали называть портером. Из семнадцати крупнейших лондонских пивоварен house of Truman, Hanbury, Buxton и Co. занимала в 1853 году первое место в списке,

израсходовав 140 000 кварт солода и уплатив в акциз 180 000 *литров*, или достаточно для постройки двух девяностопушечных кораблей при обычной стоимости в тысячу фунтов за пушку. Посетитель, проходящий через это заведение, осознает, возможно, лучше, чем в любом другом месте, огромные масштабы, в которых создаются определенные удобства для жизни в городе. Проходя между огромными котлами, в которых почти каждый день варится 1600 бочек, или обходя четыре огромных чана, каждый из которых вмещает 80 000 галлонов спиртного, или теряясь в лабиринте из 135 огромных резервуаров, которые в общей сложности вмещают 3 500 000 галлонов, он начинает воображать себя жителем Лилипутии, заблудившимся в погребе Бробдиньяги. Существует популярное мнение, что знаменитый лондонский стаут обязан своим вкусом воде из Темзы: это, однако, “вульгарная ошибка”. Даже господа . Барклаи, которые находятся на реке, черпают какие-либо свои запасы из этого источника, но они добываются исключительно из колодцев, и те погружены так глубоко, что они и господа. Калверт, чья пивоварня находится в полумиле отсюда, на противоположном берегу реки, обнаружил, что они соперничают в борьбе за один и тот же источник. Когда одна пивоварня откачивает воду, она осушает скважины другой, и фирмы вынуждены получать воду поочередно. Связано ли это с увеличением числа крупных пивоварен и других мануфактур, которые одни потребляют миллионы баррелей воды ежегодно, мы не знаем, но это установленный факт, что глубина лондонских колодцев в течение последних двадцати пяти лет уменьшалась со скоростью фута в год. “Отрадно думать, - сказал один из великих пивоваров, - что причина просто в том, что вода, которая раньше была погребена под землей, теперь поднимается наверх, чтобы наполнять тела, омыwać лица и вращать колеса двух с половиной миллионов людей”.

Если подземный запас воды сокращается, то на поверхности он значительно увеличился. Семь компаний, снабжающих метрополис, ежедневно доставляют 44 000 000 галлонов — количество, которое, каким бы большим оно ни было, может быть доставлено за двадцать четыре часа по ручью шириной девять футов и глубиной три фута, текущему со скоростью три фута в секунду, или чуть более двух миль в час.

Неспособность цифр передать уму адекватное представление о ряде единиц, из которых состоят суммы, делает невозможным дать более чем слабое представление об огромных запасах продовольствия, необходимых для обеспечения столицы продовольствием в течение одного года. Но зачатию можно несколько помочь, изменив процесс. Сельские газеты время от времени удивляют своих читателей подсчетами, показывающими, во сколько раз стальные ручки, произведенные в Англии, образовали бы ожерелье вокруг их собственного маленького городка или на сколько тысяч миль протянулись бы спички местной фабрики, если бы их укладывали по прямой от центра их рыночной площади. Давайте попробуем свои силы в изображении того же рода и попытаемся привлечь внимание перспективой, которая удовлетворила бы аппетит самого знаменитого Дракона Уэнтли.

Если мы остановимся на Гайд-парке в качестве нашей выставочной площадки и сложим вместе все бочки с пивом, потребляемым в Лондоне, они образуют тысячу колонн высотой около мили.

Давайте представим себя на вершине этой башни, и у нас будет зрелище, достойное праздника, который мы собираемся устроить. Отсюда мы могли бы открыть для себя Великую северную дорогу, простирающуюся далеко в длину и ширину страны. И вот, когда мы смотрим, мы видим могучее стадо быков, с громким мычанием приближающееся с севера. На многие мили бросается в глаза масса рогов, вьющихся вдоль дороги, по десять в ряд, и даже при этом

последнее животное из стада должно быть в 72 милях отсюда, а погонщик подгоняет свой уменьшающийся фланг значительно дальше Питерборо. На другой стороне парка, когда облака пыли рассеиваются, мы видим грейт-Вестерн-роуд, насколько хватает глаз, запруженную блеющей шерстяной массой, а пастух в конце стада (по десять в ряд) и собака, которая беспокоит последнюю овцу, как раз покидают окрестности Бристоля, в 121 миле от нашей пивной колонны. Вдоль Пикадили, Риджент-стрит, Стрэнда, Флит-стрит, Чипсайда и идущей к востоку линии Майл-энд-роуд на протяжении 7 с половиной миль стрит и козуэй запружены телятами, по десять в ряд; а на больших параллельных магистралях Бейсуотер-роуд, Оксфорд-стрит и Холборн на протяжении долгих девяти миль мы не видим ничего, кроме медленно расхаживающего, глубоко хрюкающего стада свиней. Пока мы наблюдаем за этой движущейся массой, приближающейся со всех точек горизонта, воздух внезапно темнеет — кажется, что небо затянуто черной пеленой — это огромная стая птиц — дичи, домашней птицы и дички, которые, подобно уткам миссис Бонд, слетаются на убой: когда они летят крыло к крылу и хвост к клюву, они образуют квадрат, площадь которого не намного меньше всей огороженной части Сент-Джеймского парка, или 51 акра. Как только этот огромный пролет рассеивается, мы видим парк у наших ног, наводненный зайцами и крольчихами.

Кормясь по 2000 человек в ряд, они простираются от мраморной арки до круглого пруда в Кенсингтон-Гарденс - не менее чем на милю. Давайте теперь сложим все полчетверти буханок, потребляемых в столице за год, и мы обнаружим, что они образуют пирамиду, основание которой составляет 200 квадратных футов, а высота ее достигает 1293 футов, или почти в три раза больше, чем у собора Святого Павла. Обратившись теперь к звуку журчащей воды, мы обнаруживаем, что семь компаний заполняют водопровод на весь день. Если бы им было позволено течь в район прилегающего Сент-Джеймского парка, они в течение 24 часов затопили бы все его пространство на глубину 30 дюймов водой, и всего годового запаса было бы вполне достаточно, чтобы затопить город (одна квадратная миля) на девяносто футов. О рыбе, признаемся, мы ничего не можем сказать: когда цифры достигают миллиардов, расчеты становятся слишком тяжелым испытанием для нашего терпения. Однако мы почти не сомневаемся, что их было бы вполне достаточно, чтобы превратить Змеевик в одну сплошную массу. Опять же, ветчину и бекон, мясные консервы и все бесчисленные съестные припасы мы не принимали во внимание, и, по правде говоря, для большой массы они значат немногим больше, чем утки и гуси для знаменитого блюда Санчо Пансы - “сливочного масла в горшочке”.

Итак, таков небольшой набросок большой лондонской кладовой. Можно представить, что многие из этих магазинов прибывают в мегаполис только как в центр перераспределения и снова разбросаны по всей стране. Однако это не так. Единственная линия, которая вывозит продукты в любых количествах из Лондона, - это Северо-Западная. По этой железной дороге, ведущей в графства Мидленд, но особенно в Бирмингем, 350 тонн рыбы доставляются сельским торговцам, а также знати и джентри. Как мы уже видели, фургоны с фруктами часто отправляются в одном и том же направлении. Юго-Восточный перевозит большое количество зерна по железной дороге, а Лондон, Брайтон и Южное побережье ежегодно доставляют в Брайтон двадцать шесть тонн мяса и 1100 голов крупного рогатого скота; и здесь все продовольствие, *вывозимое* из,, Лондона оптом, заканчивается. Правда, пассажирские поезда постоянно уносят съестные припасы, на которые железные дороги не обращают внимания в своих товарных перевозках; но следует помнить, что гораздо большее количество постоянно поступает незамеченным в лондонский комиссариат по тем же каналам. Из стаута и портера, сваренных в метрополии крупными домами, опять же, одна седьмая, возможно, попадает за

границу — это капля по сравнению с тем, что должно быть произведено 2482 небольшими пивоварами города и большим контингентом производителей Guinness, Allsopp и других светлых элей. Этого простого утверждения будет достаточно, чтобы стало очевидно, что на приведенном выше рисунке мы привели что угодно, только не “завышенную меру”.

Железные дороги доставили это огромное количество продовольствия в мегаполис, подобно тому как главные артерии питают человеческое тело, различные торговцы распределяют его по всем кварталам города, сначала на оптовые рынки или крупные центры, затем в подцентры или розничные лавки и, наконец, в центры перемещения, или тележки разносчиков, благодаря чему питание поступает в каждый уголок города, и сообщество в целом снабжается так же эффективно, как бесчисленные ткани человеческого тела, благодаря бесконечно разветвленной сети капилляров. Согласно переписи 1851 года, эти торговцы продуктами питания классифицированы следующим образом:-

Мужчины.

Бакалейные лавки	6,475
Cowkeepers и milksellers	3,372
сыроваров	2,156
Мясников	7,428
Poulterers	551
рыбными	2,238
других дилеров в животной пище	1,376
овощные	3,325
пекарей	9,841
кондитеры	1,806
других дилеров в растительной пище	1,303
Пивоваров	2,499
лицензии victuallers и пиво-лавочников, и т. д.	6,843
вино и дух купцов	1,915
других дилеров в напитки	3,805
Saltmakers	37
водой-провайдеры	428
хозяева	433
	56,601

женщин.

Бакалейные лавки	676
хозяева	93
хозяева жен	217
Cowkeepers	1,158
Мясников	205

Мясницкие жен	3,086
рыбными	151
другие, занимающихся животной пищи	283
овощные	941
пекарей	480
кондитеры	542
других дилеров в растительной пище	939
лицензии victuallers и пиво-магазин-хранители	970
жены то же самое	4,440
вино и дух купцов	15
других дилеров в напитки	457
	14,653

Если к этому общему числу в 71 254 человека мы добавим кочующее племя уличных торговцев, разносчиков и киоскеров, оцениваемое в 30 000 человек, то у нас будет армия, превышающая 100 000 человек; и, поскольку косвенно это число занятых должно быть вчетверо больше, то к самому нищему среди населения протянуты сотни невидимых рук, чтобы обеспечить его всем необходимым и удобствами жизни. Бесперебойная работа этой огромной распределительной машины обусловлена принципом конкуренции — той пружинкой, которая так хорошо регулирует все изменяющиеся условия жизни и которая, обслуживая саму себя, наилучшим образом служит обществу в целом и достигает большего, чем самая умная система централизации, которую мог бы изобресть любой отдельный разум.

"ВУЛВИЧ АРСЕНАЛ".

В 1716 году латунные ружья, отобранные Мальборо у французов, переделывались на королевском оружейном заводе в Мурфилдсе, когда молодой швейцарец по имени Эндрю Шальх, случайно присутствовавший при этом, отметив сырость форм и предвидя неизбежный результат, предостерег полковника Армстронга, тогдашнего генерального инспектора, от слишком пристального наблюдения за этой операцией. Как и предсказывал Шальх, произошел взрыв, в результате которого погибло много рабочих. “Дурной ветер никого не дует к добру”, — гласит старая пословица, и выстрел из ружья принес молодому иностранцу богатство, ибо через несколько дней в одной из государственных газет появилось объявление с просьбой навестить полковника Эндрюса, “поскольку беседа может оказаться для него полезной”. Эндрю Шальх присутствовал при этом, и ему сразу же было поручено подыскать лучшее место для отливки королевских орудий. Он выбрал кроличий садок в Вулвиче как лучшее место в радиусе двенадцати миль от столицы по тройной причине: там было сухо, недалеко от реки и в

непосредственной близости от суглинка для формовки. Как ни странно, с тех пор было доказано, что великая нация древности, с которой у британцев так много общего, существовала здесь раньше. Римляне, чья вторая стоянка на Уотлинг-стрит за пределами Лондона, как предполагается, находилась в Хэнгинг-Вуд, неподалеку, похоже, приспособили наклонную площадку, на которой стоял первоначальный оружейный завод, под кладбище, поскольку при раскопках фундаментов некоторых новых зданий были обнаружены в большом количестве урны их изготовления и очень красивая надгробная ваза, которая сейчас находится в музее Королевского артиллерийского института. Таким образом, там, где завоеватели старого света находят свой последний покой, мы, римляне нынешнего века, куем оружие, которое делает нас хозяевами империи, превосходящей мечты императорских цезарей.

Когда посетитель входит в большие ворота Арсенала, ему нетрудно проследить, где трудился Эндрю, ибо прямо перед ним, с величественной торжественностью, которая отличала концепцию его строителя Ванбру, возвышается живописный оружейный завод с его высокой крышей, красной кирпичной кладкой и резным крыльцом, выглядящий как почтенный пожилой джентльмен среди фабричных рядов, которые за эти несколько лет выросли вокруг. Невозможно созерцать это здание без уважения, ибо из его порталов вылетели победоносные снаряды, которые издавались со времен Георга II. он охватил поля сражений старого и нового света. Вплоть до 1842 года механизмы в этих величественных старинных зданиях были почти такими же устаревшими по своему характеру, как и они сами. Три огромных бурильных станка, приводимых в движение лошадьми, которые были импортированы в 1780 году как удивительные чудеса из Гааги, были единственными двигателями, использовавшимися в Англии при изготовлении боеприпасов ее Величества еще восемнадцать лет назад. Таково было состояние эффективности старейшего из трех крупных производственных подразделений Арсенала! Более современные подразделения, известные как Королевская каретная фабрика и Лаборатория, процветали в течение нынешнего столетия в неодинаковой степени. В течение пятидесяти лет первое из этих подразделений Арсенала находилось более или менее в состоянии высокой эффективности благодаря внедрению оборудования из мастерских господ Дж. Брама и Модслей, а также об изобретениях Бентама и сэра И. Бруnea. Усовершенствования, которые были сделаны благодаря их изобретательскому гению, сделали это ведомство весьма эффективным во время войны с Францией, по окончании которой последовал длительный период бездействия; и только в 1847 году проявились симптомы возобновления жизни под умелым руководством генерала Гордона, а еще позже полковника Колкухуна. Лаборатория в течение того же периода, по-видимому, оставалась полностью стационарной и до 1853 года намного уступала лаборатории любой третьесортной мощности. Отсталое состояние единственного арсенала Англии в течение длительного периода мира кажется на первый взгляд примечательным, когда мы рассматриваем количество механических изобретений, проникших на каждую фабрику в королевстве; но когда мы вспоминаем, что инструменты и амуниция для войны - это особые предметы, необходимые только для особых периодов, появляющихся через неопределенные промежутки времени, удивлению приходит конец. Частные фабриканты не были заинтересованы в создании орудий разрушения, и государство добилось "прочного мира", Вулкану было позволено погрузиться в глубокий сон — сон настолько нерушимый, что нация на мгновение прислушалась к голосу тех манчестерских заклинателей, которые были бы рады убедить нас, что пришло время, когда наши мечи можно будет безопасно превратить в секаторы. В разгар этого приятного заблуждения Северный Орел попытался схватить больного человека, и Британия инстинктивно схватилась за оружие. Этот внезапный спазм войны,

последовавший за сорокалетним миром, сразу же выявил тот факт, что мы были совершенно не готовы к его ведению. В Арсенале не хватало снарядов, чтобы снарядить первый эшелон, отправившийся на Восток, а запалы на складе были времен Ватерлоо. Четвертую часть денег, которые мы с радостью потратили, когда волк был у порога, сочли бы требованием сумасшедшего, когда предполагалось, что Европа - это одно большое овчаренное стадо. Экономика препятствовала эффективному прогрессу; и хотя власти недавно начали реформы, их усилия были ограничены скудными ресурсами. По мере того как шла война, Артиллеристы испытывали нехватку крупнозернистого пороха, который, поскольку он не был предметом торговли, должен был производиться специально для них. Стрелковое оружие требовалось в спешке, и его можно было изготовить только на досуге. В этих трудных условиях пришлось обратиться к частным производителям страны; но во многих случаях им приходилось осваивать новое искусство. Что бы они ни делали, имея возможность взимать баснословные цены на дробь и снаряды, боеприпасы и стрелковое оружие, их производственных мощностей было совершенно недостаточно для того, чтобы выдержать напряжение великой осады, масштабы которой увеличивались день ото дня. Все заводы Англии не могли производить порох с той скоростью, с какой он выбрасывался, — скоростью, на которую было израсходовано 100 000 баррелей до взятия Севастополя; все оружейные мастерские Лондона и Бирмингема не могли производить нарезные мушкеты и сабли достаточно быстро для наших людей; следовательно, мы были вынуждены отправиться в Льеж за 44 000 ружей Минье, 3000 кавалерийских сабель и 12 000 баррелей пороха, и в Соединенные Штаты еще за 20 000 баррелей.

Может показаться странным, что Англии, производственная мощь которой столь огромна, приходится обращаться к иностранным производителям за оружием, с помощью которого можно воевать. Часто говорят, что за деньги в такой стране можно приобрести все, что угодно, и в данном случае деньги не были проблемой. Причиной трудностей была нехватка подходящего оборудования. Фабриканты могли производить изделия, требуемые от них, только квалифицированным трудом, который должен быть приобретен, прежде чем его можно будет нанять. Старые машины могут быть задействованы в дополнительной работе; новые машины могут быть легко поставлены; но квалифицированная рабочая сила - это основной капитал, который нельзя увеличить внезапно. Результатом стала прискорбная медлительность производства и чрезвычайная дороговизна — военное снаряжение в некоторых случаях подорожало более чем вдвое. Подсчитано, что только снаряды для Балтийского флота, которые были изготовлены полностью частными производителями, стоили более чем на 100 000 фунтов стерлингов дороже, чем они стоили бы, если бы их изготавливали на новом оборудовании, недавно введенном в Арсенал. Еще более убедительным примером, демонстрирующим чрезвычайные цены, которые правительству приходилось платить подрядчикам, когда спрос был настоятельным, а предложение ограничивалось двумя или тремя домами, были шестифунтовые диафрагменные снаряды. Подрядчики взимали с них 73л. за тонну, в то время как то же самое изделие сейчас производится в Королевской лаборатории по цене 14л. 19шилл. 2д. за тонну. Эти непомерные требования и быстрое истощение запасов заставили Военное министерство задуматься, не лучше ли организовать правительственное учреждение в самых широких масштабах и по самой усовершенствованной системе; и в конечном итоге было решено принять план, с помощью которого можно было бы расширять или сокращать производительную мощность, в соответствии с потребностями службы, с помощью машин, за которыми могли бы ухаживать необученные рабочие и мальчики. Соответственно, очень большое количество самых хитроумных машин было закуплено в Соединенных Штатах, где

арсеналы Спрингфилда и Харпер-Ферри издавна славились своими замечательными приспособлениями для экономии человеческих навыков; в то время как другие были закуплены на Континенте и у себя дома мистером Андерсоном, управляющим машиностроением. За очень короткое время заработал мощный завод военного снаряжения, в десятитысячный раз подтвердивший справедливость пословицы о том, что необходимость - мать изобретений или, по крайней мере, как в данном случае, усовершенствований.

Внедрение машин в больших масштабах положило конец старым традициям Арсенала, и производственный дух пришлось заменить военной организацией, в рамках которой раньше велось строительство. Энергия и быстрота, с которыми старый Арсенал реформировался, были таковы, что мы задаемся вопросом, работает ли какой-либо частный завод в королевстве по лучшей системе, чем та, что уже работает там. За эти три года фабрики возникли со всех сторон, и жужжание колес и размеренный ход паровой машины теперь слышны по всей его огромной территории.

Три производственных отдела, на которые разделен Вулвичский арсенал, следующие: — Королевский оружейный завод, Королевский каретный отдел и Королевский лабораторный отдел. Через эти фабрики мы проведем наших читателей и постараемся дать им представление о том, как человеческая изобретательность довела до совершенства средства уничтожения человеческой жизни. Оружейные фабрики, по праву возраста, имеют приоритет, хотя с точки зрения интереса они представляют наименее привлекательные черты для зрителя. Факт, который больше всего поражает его, когда он прокладывает себе путь среди циклопических механизмов, - это медленный, неизбежный ход различных процессов. Здесь вы видите большой токарный станок, обтачивающий снаружи восемнадцатифунтовую пушку, вращающуюся так бесшумно и легко, как если бы это был всего лишь латунный подсвечник - неподвижный инструмент срезает тонкую металлическую стружку с такой легкостью, как если бы это был самшит. На следующем станке сверлят сверло, пробивающее себе путь по неподвижной массе, и падающий дождь ярких стружек доказывает, как неуклонно его зуб движется к намеченной цели. Третья машина отсекает “мертвую голову” пушки. Все ружья отливаются в шахтах в перпендикулярном положении казенной частью вниз и изготавливаются как минимум на треть длиннее, чем предполагалось по окончании изготовления. Причина этого в том, что сверхплотный металл, образующий “мертвую головку” изделия, может под действием своего веса уплотнить часть под ним, которая должна сформировать настоящий пистолет — чрезвычайное давление порошка требует, чтобы металл был чрезвычайно плотным, чтобы выдерживать напряжение. Помимо этих токарных станков, которые выполняют более обычную заводскую работу, существуют так называемые исключительные станки для обработки тех частей оружия, к которым токарный станок не может прикоснуться, таких как выступающий прицел, цапфы и та часть ствола, которая находится между ними. Размер завода по производству латунных ружей не увеличился, хотя благодаря энергичным действиям полковника Уилмота с начала войны его производство увеличилось вдвое: еженедельно можно выпускать четырнадцать единиц латунных боеприпасов — шести, девяти и восемнадцатифунтовых. Латунь используется для изготовления полевых орудий из-за того, что ее прочность на разрыв больше, чем у железа. Однако недавно проведенные эксперименты, как правило, показывают, что сталь для этой цели является гораздо более легким и даже лучшим материалом, чем латунь. Немец по фамилии Крупп изготовил несколько стальных заготовок, которые выдерживают огромный заряд; на самом деле, если их хорошо изготовить,

их почти невозможно разорвать. Император Франции уже приказал принять на вооружение 350 таких орудий, и, вероятно, нам придется последовать его примеру.

Прекрасное здание[25], недавно возведенное в связи с этим отделом, предназначено для изготовления железных боеприпасов, которые до сих пор производились исключительно частными производителями. Однако опыт последней войны побудил правительство самостоятельно обеспечить по крайней мере часть этих запасов. Абсолютно надежное ружье должно стоить любой цены, которую требует его эффективное изготовление; ибо выход из строя отдельного орудия может проиграть сражение и повлечь за собой последствия, которые можно было бы дешево предотвратить с помощью артиллерийского парка, отлитого из золота. В конце кампании нам помешали нанести серьезный удар только по этой причине. При бомбардировке Свеаборга не менее семнадцати тринадцатидюймовых мортир были уничтожены из-за недостаточной прочности железа, из которого они были изготовлены. Многие из этих тяжеловесных двигателей раскололись после нескольких выстрелов, и теперь их можно увидеть на причале "Арсенала", расколотыми надвое, чистыми, как яблоко Телла. Однако эти ступки производились компаниями Carron и Low Moor, самыми известными частными производителями подобных изделий в Англии. Если бы они выдержали натиск, мы бы полностью разрушили укрепления этой твердыни, вместо того чтобы поджигать несколько сараев, которые вызвали сильное пламя, не причинив особого вреда; и если бы у нас было достаточное количество этих грозных машин, разрушение Кронштадта и Севастополя заняло бы всего несколько дней. Хотя наша страна богата железом и мануфактурами, наши ружья уступают по качеству орудиям других наций. Пушки, захваченные в Севастополе, сделаны из лучшего железа, чем те, что мы привезли против них. Орудия весом в несколько тысяч тонн, снятые с Кронштадта, чтобы освободить место для орудий более тяжелого калибра, были куплены, как мы понимаем, на днях английской фирмой с намерением переделать их в рукоятки и котлы, для изготовления которых требуется самый лучший материал. Американцы настаивают на прочности чугуна для своих боеприпасов, равной давлению в 34 000 фунтов. на квадратный дюйм и иногда получаем его равным 45 000 фунтам, в то время как мы, крупнейшие производители железа в мире, до сих пор редко получали его прочностью, равной 20 000 фунтам. Эту огромную нехватку правительство надеется исправить, проведя серию экспериментов со всеми классами железа, как иностранного, так и местного производства. На Оружейном заводе есть любопытная машина, специально изобретенная для проверки прочности каждого образца, его способности выдерживать сжатие, его поперечной прочности и способности сопротивляться кручению. Любопытно наблюдать, как этот Самсон с железными конечностями борется с могучими металлическими прутьями, скручивая и разрывая их поперек волокон, как обломки палки. Раздробленные остатки образцов и ружей, взятых напрокат в процессе испытаний на Болотах и в Шубернессе, собраны в музее, где подробно рассказывается история каждого образца. Таким образом, постепенно накапливается любопытный и поучительный опыт, который окажется бесконечно полезным при производстве тяжелых боеприпасов. Уже было установлено, что ружья повсеместно укрепляются за счет надетых на них колец из кованого железа — факт, который был обнаружен в ходе экспериментов с тяжелой пушкой, в которой было просверлено овальное отверстие для размещения снаряда Ланкастера. Несколько из них разорвались у дула, и этот простой прием был опробован, и теперь ружья, снаряженные таким образом, выдерживают самые необычные заряды, не дрогнув.

Новое здание для литья, расточки и доводки чугунных орудий как внешне, так и внутренне является самым внушительным из всех сооружений, возведенных в соответствии с требованиями Крымской войны. Эти просторные заводы больше похожи на первоклассные железнодорожные терминалы, чем на обычные мастерские. Они освещены так называемыми фонарями-пилообразными крышами, имеющими северный вид; ибо вулканцам, которые могут работать весь день при пылающем пламени печей, похоже, не нравится отвлекаться на сбивающие с толку лучи солнца! Количество токарных, расточных, чистовых, строгальных, формовочных, сверлильных, долбежных и штамповочных станков, которые вращаются, стучат и скользят здесь в громоздком великолепии, огромно, и не может быть никаких сомнений в том, что это будет самый совершенный и мощный завод в мире в своем роде. Мостовые краны, которые курсируют по железным дорогам, подвешенным в воздухе над головой, контролируют каждый дюйм территории заводов, так что пушки самого тяжелого калибра как для сухопутных, так и для морских служб — 98-фунтовые орудия весом во много тонн - можно с величайшей легкостью перекидывать с машины на машину. Когда оборудование будет завершено, литейный цех сможет выпускать десять пушек самого большого размера в неделю.

Наиболее интересной частью оружейного отдела является завод по изготовлению снарядов Lancaster. Этот странный на вид снаряд имеет форму, очень похожую на бутылку из-под шампанского, и, в отличие от обычного снаряда, сделан из цельного листа кованого железа. Металлический лист, сваренный в цилиндрическую форму, подается на хитроумный токарный станок, который, воздействуя на него одновременно дюжиной различных инструментов внутри и снаружи, быстро доводит его до заданного веса и идеально однородной толщины. Цилиндр, около восемнадцати дюймов в длину и десяти в диаметре, затем раскаляется докрасна и в таком состоянии помещается в захват мощной машины, которая серией ударов, равномерно распределенных по каждой части, менее чем за пять минут превращает его в подобие французской бутылки, без малейших признаков смятия какой-либо части поверхности. Эту операцию можно сравнить только с тем, как гончар формирует сосуд на круге. На этом специальном производстве задействовано не менее сорока станков, и ежедневно может быть изготовлено более сотни раковин. Расходы, понесенные на производство с исключительной точностью и скоростью этих любопытных снарядов для первого нарезного ружья, принятого на вооружение вооруженных сил, являются свидетельством решимости властей довести производство артиллерии до такого же совершенства, как и их стрелковое оружие. Орудия Ланкастера, по всей вероятности, сыграют очень важную роль в следующей войне, если война там когда-нибудь будет неудачной, поскольку те, что использовались в Крыму, показали великолепную практику, стреляя почти с точностью винтовки и достигая дальности стрельбы 5000 ярдов, или почти трех миль. Так как эти снаряды стоят около 25 долларов у каждого из них расходы на “передачу бутылки” врагу довольно серьезные.

Безусловно, самый большой отдел Королевского арсенала посвящен изготовлению повозок и упаковочных ящиков для перевозки артиллерии, багажа и различного военного снаряжения. В настоящее время в вагонном цехе занято не менее трех тысяч рабочих рук вместе с тремя сотнями станков, приводимых в движение двадцатью тремя паровыми машинами, которые выполняют работу еще двенадцати тысяч человек! Громоздкость обрабатываемого материала и складские помещения, необходимые для его хранения, вместе с многочисленными мастерскими, созданными Крымской войной, привели к тому, что этот департамент нарушил

свои старые границы и вторгся в 250 акров прилегающего болота - площадь одних только мастерских составляет 255 152 поверхностных футов, а вся занимаемая территория составляет не менее 1445 440 футов. Такое огромное пространство для маневра позволило полковнику Таллоку, суперинтенданту департамента, систематизировать производство и обеспечить непрерывную транспортировку древесины с момента ее выгрузки на пристань до момента передачи готовых изделий владельцу склада. Если мы проследим за этим потоком от этапа к этапу, то получим полное представление об операциях этого департамента, в компетенцию которого входит обеспечение посылками и перевозками британской армии внутри страны и за рубежом.

Древесина, которая является основным используемым сырьем, доставляется судами к устью канала, проходящего вдоль восточной стороны Арсенала; здесь она перегружается на лихтеры, которые доставляют ее на некоторое расстояние вглубь страны к причалу в непосредственной близости от лесопилки. С помощью мощных буровых кранов, которые по желанию могут сделать длинную или короткую стрелу, затем его разгружают и грузят на грузовики железной дороги, которая проходит через каждую часть помещения и образует средство сообщения между различными его точками. Грузовики, когда они заполнены, сразу же отправляются со своим грузом на прилегающее лесное поле, квадратное пространство площадью 20 акров. Здесь огромные бревна укладываются длинными рядами, которые тянутся от одного конца поля до другого, а между ними проложены рельсовые дорожки. Над каждой линией или рядом бревен шагает мощный передвижной кран, который легким движением одного человека перемещается из конца в конец ряда, укладывая или подхватывая на своем пути бревна из дуба или тика весом в несколько тонн так же легко, как Гулливер мог бы поднять лилипутов, на которых он ездил верхом. До внедрения этого мощного оборудования только в этой отрасли было занято от пятидесяти до ста пар лошадей, без которых теперь обошлись, и экономия составила 6000л. в год.

Обычный склад на лесозаготовительной площадке насчитывает 60 000 партий в различных стадиях приправы. Разновидностей климата, в которых приходится служить британской армии, так много, что вместо дуба были завезены иностранные породы древесины, которые невозможно найти в количествах, соответствующих спросу. Так, на лесозаготовках мы находим сабику, плотную древесину Ост-Индии, которая используется для изготовления тяжелых блоков оружейных лафетов; педук из той же страны, который используется для аналогичной цели; и железную кору, древесину Австралии. Английских лесоматериалов, таких как ясень, вяз и бук, здесь очень много. То, что называется колесным брусом, от прочности и правильного приспособления которого зависит безопасность артиллерии и транспортных служб, полностью состоит из самых изящных деревьев наших лесов; спицы сделаны из дуба, ступицы - из вяза, ободья - из ясеня. Бук также в основном используется для изготовления запалов для снарядов и деревянных изделий для седел. Когда требуются какие-либо конкретные бревна, мастер-лесозаготовитель выбирает их, поднимает передвижным краном, загружает в железнодорожную тележку и сразу же доставляет на ближайшие лесопилки. На пороге самой большой мельницы бревна встречают суровый прием со стороны огромной циркулярной пилы диаметром 66 дюймов, которая сразу же атакует огромное бревно и отделяет его так же быстро, как ваш восточный солдат разделяет своим ятаганом плавающий носовой платок. Это грозное орудие преодолевает расстояние в 30 футов и, таким образом, имеет возможность закреплять свои зубья на бревне в любой части входа, где бы оно ни находилось. После выполнения этого поперечного сечения разделенные части с помощью оборудования складываются в пильные

рамы, самая большая из которых способна вместить бревно площадью 4 квадратных фута. Оказавшись в чреве мельницы, вставляется столько пил, сколько необходимо для разделения древесины на слябы необходимой толщины, и достаточно нескольких минут, чтобы превратить ее в доски. С заводов древесину снова вывозят по железной дороге в склад приправ, который занимает площадь в 4 акра. Здесь ему дают оставаться годами, уложив таким образом, чтобы воздух равномерно циркулировал через каждую часть огромной массы. Сарай с приправами для лесоруба - то же, что его винный погреб для *бонвивана*. Здесь он бережно хранит свои закрома из девятилетнего дуба, как будто это вино знаменитого урожая. Это он хранит так же бережно, как молодой игрок в вист хранит свои лучшие козыри до конца игры, но с гораздо большим здравомыслием, ибо старый дуб бесценен, и его нельзя получить за любовь или деньги в любой момент. В тусклой тени этого чудовищного магазина также сложены готовые изделия наземного транспорта, которые улучшаются с возрастом. Эта перпендикулярная стена из отделанного дерева содержит кузова тысячи повозок, которые были подготовлены для вывоза британской армии с площади Севастополя в ожидании кампании внутри страны; круглые башни по углам - это их колеса, изготовленные и оставленные на сезон. От тщательной подготовки этой части перевозки зависит ее безопасность. Колесам омнибусов всегда разрешается простоять два года, прежде чем их начнут использовать, и, позволяя им эту отсрочку, они хорошо ведут себя на работе, обычно проезжая более 43 000 миль по грунту, прежде чем изнашиваются. Колеса орудийных лафетов требуют еще лучшей подготовки и закалки, поскольку им приходится выдерживать вес огромных орудий и часто приходится ездить по самой пересеченной местности, никоим образом не защищаясь от внезапных ударов пружинами.

К этому запасу спелой древесины прибегают различные фабрики; а железная дорога, проходящая через каждую ее часть, быстро доставляет сырье к цехам рабочих. Когда посетитель проходит по главным аллеям этих великолепных магазинов, он сбив с толку суетой ремесленников, вращением валов и скрежещащими звуками циркулярных пил. Вокруг разлетаются тучи опилок, которые в одно мгновение покрывают незваного гостя с головы до ног. Огромный объем работы, который иногда требовалось выполнить в кратчайшие сроки, потребовал внедрения машин в эту отрасль ремесла, которая до сих пор полностью выполнялась ручным трудом. Возьмем, к примеру, ящики с боеприпасами и порохом; во время войны ими должны быть обеспечены сто тысяч человек, и, соответственно, мы находим машины, используемые во всех направлениях, чтобы сократить работу. Циркулярные пилы обрезают доски необходимого размера для формирования боковин, верха и днища ящиков; по мере того, как они выходят из различных станков, они перемещаются по круглой брезентовой ленте, уложенной под прямым углом, к более широкой ленте, которая проходит от одного конца фабрики до другого: по этой ленте, как по широкому потоку, различные детали плывут, пока не достигнут приемника, откуда они снова передаются к оборудованию, которое должно их собрать. Здесь процессы сверления, врезки mortise и дюбелирования выполняются оптом с точностью и скоростью, которые поразили бы столяра старой школы. Более тысячи ящиков с боеприпасами, сделанных из кедра для отпугивания восточных белых муравьев, поедающих древесину, в настоящее время ежедневно готовятся для использования индийской армией. Пороховницы для военно-морского флота сделаны шестиугольной формы, что позволяет им помещаться в трюме корабля подобно ячейкам пчелиных сот. Они тщательно облицовываются оловом или медью, а после заполнения герметично запечатываются воском. Здесь также в больших количествах производятся передние ящики для полевой артиллерии. Эти сосуды

имеют гораздо более сложный характер, чем пороховницы, поскольку они приспособлены для размещения всех необходимых для немедленных действий припасов, которые разложены по своим разным отделениям так же аккуратно, как предметы в туалетном футляре джентльмена. Обычные патронные стволы изготавливаются из цельного дерева почти так быстро, как вы можете себе представить. Один станок разрезает дуб на шести, изогнутые до нужной формы; другой обрезает края так, чтобы они подходили по окружности; четвертый поворачивает головку; пятый берет шести, которые обслуживающий персонал укладывает концом в виде бочонка, в захват гидравлического пресса, зашелкивает обруч сверху и снизу и одним нажатием завершает операцию. С помощью таких приспособлений кусок цельной дубовой доски в течение пяти минут превращается в готовую бочку. Общий объем производства тщательно подготовленных пороховниц в течение 1856 финансового года составил 25 331, а ящиков для боеприпасов, гильз и т.п. - не менее 287 171. Сколько бочек можно изготовить в крайнем случае, мы не знаем, поскольку оборудование только что установлено, но их количество, должно быть, огромно, и когда посетитель видит проворные пальцы машин, скачущих над работой, он задается вопросом, как вообще справлялись с этим делом в старые времена зубила, долбилки, молотка и рубанка.

В цехах, занимающихся изготовлением лафетов и грузовиков для сухопутной и морской службы, работают квалифицированные мастера, за исключением колесного цеха. Огромная прочность, необходимая для поддержки и противостояния отдаче 56, 64 и 98-фунтовых пушек, требует самой прочной конструкции и наилучшего качества изготовления. Некоторые из этих платформ для установки пушек, сделанные из тикового дерева, скрепленные болтами и отделанные по концам яркими медными полосами, выглядят скорее как красивые предметы мебели, чем как корабельные орудийные лафеты. По сравнению с этими тяжеловесными изделиями легкие конструкции, предназначенные для полевой артиллерии, кажутся детскими игрушками. Здесь их можно встретить во всех разновидностях и на каждой стадии прогресса, причем составленные настолько существенно, что чудо заключается в том, что они когда-либо изнашиваются. Однако череда землетрясений, которым они подвергаются в ходе кампании, сказывается даже на этих прочных соединениях, и лишь немногие из лафетов, использовавшихся в Крыму, хотя и были новыми, когда их сняли с вооружения, вернулись пригодными для дальнейшей службы.

Колесный цех - одна из самых интересных достопримечательностей Арсенала. Здесь собрано самое современное оборудование, обеспечивающее надежное и быстрое производство. Раньше колеса изготавливались полностью вручную; теперь их вытачивают без помощи единственного квалифицированного колесника. То, что называется процессом копирования, позволяет изготавливать ступицу и спицы колеса, три или четыре из которых работают бок о бок, и вся партия находится под присмотром только одного человека. Круглый обод колеса, или феллоу, вырезается из цельного бруска с помощью хитроумной ленточнопильной машины, привезенной из Франции. Эта пила представляет собой всего лишь узкую стальную ленту, зазубренную с одного края и проходящую по колесу подобно обычной кожаной ленте, прикрепленной к валу. Изысканная манера, с которой он создает самые замысловатые узоры из толстых деревянных пластин, действительно поражает. После такой грубой формовки грузди складываются сами по себе для приправы в сарае, где они громоздятся одна на другую в виде огромных колонн, передвидами которых посетитель проходит, полный изумления от их количества. В настоящее время в наличии имеется около шестидесяти тысяч таких ступеней и такое же количество ступиц с соответствующим набором спиц.

По мере необходимости колеса доставляются в цех, их составные части обрабатываются и врезаются с помощью специального оборудования, а затем слегка подгоняются друг к другу. Они сразу же попадают в захват шести гидравлических прессов, которые расположены таким образом, чтобы толкать их к общему центру. Как только колесо отрегулировано внутри них, вы слышите шипение безотказных двигателей, движущей силой которых является всего несколько пинт воды; прочные бревна стонут, суставы болезненно приспособляются друг к другу, и за меньшее время, чем требуется для описания процесса, колесо поднимается, прочно соединенное, и только после того, как шина проедет сразу под его мощным прицелом. Колеса орудийных, передних лафетов и лафетов для боеприпасов сделаны абсолютно одинакового размера, чтобы их можно было заменить в случае аварии.

Эффект внезапного начала последней войны, пожалуй, более благотворно сказался на лабораторном отделе Арсенала, чем на каком-либо другом. Снарядов из всех военных запасов было больше всего, когда армия отправилась в Варну, и нужда возросла, как только началась настоящая военная кампания. Соответственно, осенью 1855 года власти разрешили капитану Боксеру построить образцовую мануфактуру по изготовлению снарядов. Это он сделал с удивительной быстротой и, к их удовлетворению, доказал, что эти грозные ракеты можно изготовить на пять фунтов за тонну дешевле, чем закупать у подрядчиков, — значительная экономия на изделии, которое приходилось поставлять несколькими сотнями тонн в день. Успех этого эксперимента привел к возведению великолепного цеха по производству снарядов, который сейчас пристроен к Арсеналу и который способен производить достаточное количество снарядов для всех армий мира. Здесь можно увидеть процесс, посредством которого старый металлолом предприятия превращается в готовую дробь и гильзы и под действием собственного веса загружается в транспорт, готовый доставить его к месту боевых действий. Процесс плавки осуществляется в дюжине огромных купольных печей, в которые без разбора загружаются железо и уголь. Сильный жар, выделяемый дутьем, быстро расплавляет чугун, который затем поступает в оболочковые формы. С того момента, как металл попадает в эти формы, снаряд в военное время никогда не касается земли до тех пор, пока его не доставят в порт выгрузки! Необработанные скорлупки, после того как они немного остынут, отправляются по железной дороге в очистное помещение, где их помещают во вращающуюся железную бочку семи футов в длину и семи футов в диаметре. Эта машина обеспечивает быструю циркуляцию, а трение содержащихся в ней оболочек быстро очищает их от песка и грязи. С этого момента они проходят все последующие стадии своего производства. Слегка наклонная плоскость принимает их в чистящий барабан и доставляет одну за другой к оборудованию, установленному в большом помещении лабораторного отдела. В конце войны через это помещение проходило более десяти тысяч снарядов в день, и при прохождении их просверливали и “вставляли во втулку” или вставляли в гнездо, предназначенное для установки взрывателя. Один этот простой факт покажет, насколько энергично велись работы по удовлетворению потребностей великой осады. Гильзы, прокатившись по лабиринту последовательно работающих с ними машин, теперь поступают в цех покраски, где их покрывают черным лаком, предотвращающим окисление. Поэтому они продолжают свой путь прямо через открытую территорию Арсенала к пирсу, под платформой которого они держат курс внутрь железной трубы, которая ведет непосредственно к барже рядом с транспортом на реке. С этой баржи, в которую они иногда врезаются со значительным порывом, они снова скатываются через открытый люк корабля к назначенному им месту в трюме.

Главная фабрика лабораторного отдела является главной достопримечательностью Арсенала, поскольку здесь посетитель становится свидетелем двадцати или тридцати самых любопытных операций, только на более важных из которых он может остановиться, чтобы рассмотреть среди вихря механизмов, которые повсюду попадают ему на глаза и вибрируют у него в ушах. Производство удлиненных пуль для винтовок представляет собой, пожалуй, самое поразительное новшество из всех. Само по себе ружье - не большой шаг вперед по сравнению со старой Браун Бесс, чем пуля Минье по сравнению со старой пулей весом в одну унцию. Устройство, используемое сейчас для его изготовления, столь же сильно контрастирует с простой формой для пуль, которая использовалась ранее. Вместо того чтобы нагревать свинец до жидкого состояния, его просто нагревают, после чего он подвергается гидравлическому давлению в большом железном сосуде, в верхней части которого имеется всего одно небольшое отверстие размером с предполагаемую удлиненную пулю. Из этого отверстия выталкивается металл в виде непрерывного свинцового стержня, который, выходя наружу, наматывается на железные катушки, как будто это много хлопка! Затем катушки прикрепляются к машине, которая протягивает металл между зубьями, откусывает его до требуемого размера, формирует конус, вдавливая чашку и в тот же момент уплотняет массу. Эти замечательные производители пуль, когда работают в полную силу, выпускают пятьсот удлиненных пуль в минуту, или более четверти миллиона в день. Чтобы укомплектовать снаряд, чашу необходимо заполнить самшитовой пробкой, чтобы обеспечить его надлежащее расширение при выходе из оружия. Здесь снова задействовано частично самодействующее устройство, одного рабочего достаточно, чтобы снабдить несколько станков квадратными деревянными стержнями, концы которых охватываются круглой полой фрезой, которая мгновенно придавала им нужную коническую форму, а затем отрезала их. Эти маленькие заглушки выпускаются с той же скоростью, что и пули.

Не менее интересной операцией является изготовление капсюлей ударного действия. Первым процессом в этой легкой и деликатной работе является штамповка листовой меди на куски требуемой формы для изготовления капсюлей. Для этой цели медь помещается под пуансон станка, и сразу же после приведения его в действие видно, как маленькие металлические крестики непрерывным потоком падают из него в коробку, в то время как сам лист в процессе штамповки превращается в своего рода решетку. Эти скрещивания равносторонних рычагов теперь переносятся на другую машину, которая мгновенно удваивает четыре рычага и в то же время закругляет их так, что они образуют трубку размером как раз с пистолетный патрбук, а с помощью третьей операции той же машины на свободном конце получается нечто вроде ободка, отчего колпачок принимает форму шляпы. Этот ободок подчеркивает разницу между военным капсюлем и обычным капсюльным патроном — солдату в спешке и неразберихе боя требуется это руководство, чтобы он мог правильно приложить конец к соску. Металлическая часть колпачка завершена, он передается человеку, который наполняет его детонирующим порошком. Поскольку это очень опасный процесс, ремесленник, на которого возложена эта обязанность, сидит отдельно от мальчиков, которые выполняют всю остальную работу, опасаясь случайного взрыва. Для улавливания мелкой пыли в колпачке используется очень красивая машина, которая выполняет свою работу с предельной скоростью. Колпачки укладываются ровными рядами в каркас, к которому прикреплен рычаг, снабженный таким количеством острых точек, сколько колпачков находится в одном ряду. Движением руки эти тонкие кончики поочередно опускаются в поддон с лаком, а затем в каждый последующий ряд колпачков. Когда лак высыхает, пудра закрепляется и надежно защищается от воздействия

влаги. Теперь колпачки готовы и могут быть переданы мальчику, который их пересчитывает и упаковывает. Для исполнения роли кокера даже используется техника, которая одним легким встряхиванием выполняет многоминутную мозговую работу. Изготавливается рама, в которую помещаются несколько небольших лотков, в каждом из которых проделано семьдесят пять отверстий. На эту рамку мальчик насыпает несколько пригоршней колпачков, а затем несколько раз дергает всю машину, и когда он видит, что каждое отверстие заполнено колпачком, он вынимает каждый отдельный лоток и высыпает его в соответствующие коробки. Таким образом, он получает возможность с чрезвычайной быстротой отсчитывать свои посылки с семьюдесятью пятью патронами - нормативное количество, выдаваемое каждому солдату с шестьюдесятью патронами с шариками - превышение пятнадцати допускается на случай потери в суматохе боя. Неуклюжие пальцы британского солдата ни в коем случае не приспособлены для обращения с такими легкими предметами.

Не менее интересным процессом, связанным с производством колпачков, является изготовление патронных мешков. Посетитель, поднимающийся по лестнице на верхний этаж большого здания, расположенного неподалеку, по гулу и столкновению пронзительных детских голосов понимает, что приближается к скопищу детей, а когда он поднимает голову над перилами, то обнаруживает, что находится посреди маленькой армии сорванцов в возрасте от восьми до четырнадцати лет, которые сидят на длинных скамейках и сворачивают бумажные патронташи. Этот процесс требует некоторых тонкостей, поскольку каждый пакет состоит из трех отдельных листов бумаги разного размера и формы, которые необходимо аккуратно подогнать валиком друг к другу. Благодаря длительной практике некоторые из этих малышей завершают операцию за удивительно короткий промежуток времени — перекатываются, скручиваются в конце, завязывают и снимают его со стержня почти так быстро, как вы можете на них смотреть, раскачивание тела во время операции придает всей массе из восьмисот детей самое необычное совокупное движение, когда комната оглядывается от одного конца до другого. У некоторых мальчиков гораздо более ловкие пальцы, чем у других, и самые сообразительные зарабатывают на работе восемь-девять шиллингов в неделю.

Однако, какими бы ловкими ни были их маленькие пальчики, руки механиков высмеивают их с презрением. Спускаясь, мы замечаем в комнате внизу странные колесообразные рамы, вращающиеся горизонтально, и другие, работающие вверх и вниз в резервуарах с бумажной массой. Это новые машины, предназначенные для того, чтобы вытеснить маленьких детей с головой и заглушить непрекращающийся гул их человеческого труда. Во всем ассортименте Арсенала нет зрелища более интересного, чем эти машины, *принцип работы* которых чрезвычайно прост. В круги из латунных трубок на равном расстоянии друг от друга вставлены короткие вертикальные трубки. В этих вертикальных трубках, или пальцах, проделаны мелкие отверстия, и все устройство присоединено к вытяжному насосу. Камвольные рукавицы надеваются на пальцы, и когда все готово, бриаровая рука опускается в ванночку с мякотью, воздух в трубочках отводится, жидкость обязательно устремляется к пальцам, а вода, проходя через них, оставляет мякоть прилипшей к рукавице. Процесс происходит мгновенно: рука за рукой опускается в корыто, смазывает пальцы мякотью и поднимается с тысячей патронов в руке быстрее, чем один из мальчиков наверху заканчивает с одним пакетом. Однако процесс не завершен, пока они не высохнут. Каждую рукавицу снимают с металлического пальца и надевают на аналогичную, нагретую паром. Через десять минут процесс сушки заканчивается, и патронташ извлекается - гораздо более совершенное оружие для своей смертоносной цели, чем то, которое изготавливается вручную наверху, на лестнице. Идея создания этой красивой

машины была взята из устройства, используемого для изготовления конических бесшовных мешков для сахара без участия изготовителя бумаги — настолько разнообразны разработки, которые могут проистекать из одной и той же идеи. Из этих патронных сумок для стрелкового оружия 400 000 можно изготовить за десятичасовой день; но поскольку каждый патрон состоит из двойной оболочки, одна вставляется в другую, чтобы отделить коническую пулю от пороха, в результате получается 200 000 патронов — огромное количество, но едва ли соответствующее потребности таких участников кампании, как Хэвелок, чьи солдаты изо дня в день расходовали по шестьдесят патронов на душу населения. На первый взгляд кажется странным обнаружить, что правительство превратилось в производителей бумаги, и посетитель может подумать, что эти пакеты можно было бы приобрести, как пакеты с сахаром в бакалейных лавках, у частного производителя, но совершенно необходимо, чтобы они производились бок о бок с их смертоносным содержимым. Сохранять их в целости гораздо сложнее, чем даже вафельное печенье, на которое они очень похожи, и их требуется в таком огромном количестве, что любое механическое препятствие, такое как дробление, препятствующее наполнению их порошком и шариками, значительно увеличило бы расходы. Давление в упаковке, необходимое для доставки их в Арсенал, сплющило бы их и, следовательно, уничтожило.

Но где, спрашивает посетитель, находится оружейный завод по производству этих широко известных винтовок, которые предотвратили катастрофу при Инкермане и сразу удвоили боевую мощь самой стойкой пехоты Европы? И он вполне может задать вопрос, ибо есть ли более естественное место для этого важного производства, чем в связи с родственными правительственными учреждениями? Когда Военное министерство решило построить завод для удовлетворения внезапных потребностей войны, Инспектор машиностроения предложил разместить его в стенах Арсенала; но власти по какой-то причине, известной только им самим, решили иначе, и, соответственно, его перевезли в Энфилд-Лок, который находится в двенадцати милях от Лондона по железной дороге Восточных графств, и где у них раньше было небольшое предприятие по ремонту и производству ограниченного количества мушкетов. Путешественник, выходящий на заводской станции, сразу оказывается на дороге, которая ведет его в равнинную местность, пронизанную ручьями, где Пол Поттер мог бы найти кабинет на каждом шагу. Здесь, среди мирно пасущихся стад или стоя в тени ив Полларда, он замечает высокие трубы фабрики в Энфилде, выглядящие как случайный осколок Манчестера, сбившийся со своего пути. Во всей Англии нельзя было выбрать для этого более абсурдного места.

Заведение, однако, настолько достойно внимательного осмотра, что мы перейдем к тому, чтобы дать общее представление о нем в целом. Преддверием производственного процесса является кузница, где мастер руководит выдачей сырья и получает взамен выполненную работу. Каждому кузнецу выдается прутки железа или стали определенного размера, необходимый для изделия, с которым он работает. Из этого магазина открывается сама кузница с ее пятьюдесятью пятью кузницами, а также паровыми молотами, бункерами, отбойными молотами и другими приспособлениями, с помощью которых наш современный Вулкан экономит рабочую силу. В этом цехе формуется все детали из железа и стали для замка и ложи, поскольку обычный методковки дает весьма неадекватное представление о том, каким образом здесь обрабатывается материал. Каждый спортсмен знает, что замок ружья состоит из множества мелких деталей неправильной формы. Ковать их с помощью одного только молотка было бы слишком дорогостоящим процессом, поскольку это потребовало бы высококвалифицированной рабочей силы, и даже в этом случае было бы невозможно изготовить разные детали точно такого же

размера, чтобы любая из них могла с идеальной точностью подогнаться к любой другой, когда пистолет будет окончательно собран. Для достижения этой цели, основного принципа производства, каждый кузнец со своим помощником берется за определенную работу. Один человек, например, делает молотки, или петухи, как их называют спортсмены. Неправильная форма этой части замка, по-видимому, исключает возможность его изготовления сотнями тысяч, причем каждый из них является копией своего собрата с точностью до тысячной доли дюйма. И все же это делается с легкостью, которая кажется удивительной для наблюдателя. Давайте посмотрим на мускулистого кузнеца перед нами. Он достает прут из огня, раскаленный добела, кладет его на зазубренную часть своей наковальни и вместе со своим напарником наносит попеременные удары в полудюжине различных направлений и за несколько секунд образует неправильной формы массу, которая, как мы видим, имеет сходство с зазубриной на наковальне, которая, при ближайшем рассмотрении, оказывается грубой формой рогатины. Это первый процесс, называемый обжатием. Эти двое мужчин продолжают его от конца года до конца следующего, нанося попеременно легкие и тяжелые удары и постукивания со всех сторон по металлу. Эти удары, хотя иногда наносятся с размаху в восемь или десять футов, попадают точно в одно и то же место, поскольку практика настолько хорошо координирует мышцы, что производит движение столь же точное, как то, которое извлекает из смычка Паганини одну и ту же нежную ноту любое количество раз подряд. Изготовив таким образом петуха, кузнец ставит на нем свои инициалы и передает его другому кузнецу, который работает паровым молотом, на котором находится стальная матрица именно той формы, которую она должна принять. Одним ударом этого инструмента ему придается окончательная форма, оставляя лишний металл в виде тонкой пленки, где он был выдавлен в отверстие между матрицами, которое срезается в ходе последующего процесса штамповки. С помощью этого метода обжатия и штамповки фиксирующая пластина, уздечка, курок, шептало, спусковой крючок, прицел, затвор и шарнирное соединение формируются настолько идеально, что после этого почти не требуется прикасаться к ним инструментом.

Те части замка, которые изготовлены из стали, такие как боевая пружина, поисковая пружина и отбойный механизм, просто обжимаются, процесс штамповки исключается из-за резкого удара, который приводит к разрушению зернистости и, таким образом, к потере эластичности металла.

Любопытной операцией кузницы является ковка штыков. Бруска для штыковой обработки никогда не выковываются такой одинаковой ширины, чтобы кузнец мог аккуратно отрезать нужную ему длину. Чтобы устранить эту трудность и дать ему возможность определить, сколько воды будет соответствовать его целям, его снабжают водомером или трубкой, наполненной заданным количеством воды; в нее погружается стержень и извлекается, когда жидкость достигает верхней части водомера. Благодаря этому способу количество железа, какой бы неправильной формы оно ни было, точно измеряется по вытеснению воды. Когда прут извлечен, кузнец обрезает его у водяного знака, и его помощник бросает его в огонь горна. Пока это происходит, посетитель замечает под рукой странную машину, которая постоянно скрежещет зубами из закаленной стали; это тот полезный инструмент, который называется *rider hammer*. Эти зубья имеют на своей верхней и нижней поверхностях канавки той формы, которую должен принимать железный прут. Короткий, раскаленный добела брусок втыкается внутрь и с помощью серии зубцов мгновенно удлиняется на пару дюймов; следующий зубец еще больше удлиняет его, третий придает ему треугольную форму, а четвертый и пятый уменьшают его до требуемой длины: таким образом, лезвие этого ужасного оружия получается грубо отточенным.

Кольцо, с помощью которого он крепится к стволу мушкета, выковано отдельно и приварено к хвостовику под прямым углом. Это первая из по меньшей мере семидесяти шести отдельных операций, прежде чем оружие приспособят для выполнения его предназначения - нанесения самой уродливой и непоправимой раны, возможной в человеческом теле. Выполненная работа возвращается бригадиру, чья первая обязанность - следить за тем, чтобы материал, с которого был списан рабочий, был обработан в необходимом количестве; если его не хватает, расходы возлагаются на него. Следующая проверка касается качества работы, и последний и не менее важный вопрос заключается в том, дает ли это оценку? Если работа не выдерживает всех этих испытаний, она забраковывается, и виновного узнают по отличительному знаку кузнеца, который ее изготовил. В некоторых случаях, как, например, при изготовлении лент, которыми ствол крепится к ложе, этот след стирается при прохождении через один из прессов; но его немедленно восстанавливают, чтобы работу можно было проследить до мастера, который его изготовил. Эффект от такого перекалывания ответственности за каждую отдельно взятую вещь на изготовителя огромен и вырабатывает привычку к осторожности, которую редко можно увидеть у обычных рабочих. Теперь мастер выдает различные детали отделочникам, которые доставляют их в комнату отжига, где они становятся мягкими для обработки под воздействием тепла и очищаются от окалина или окиси, которые в противном случае могли бы повредить инструмент, с помощью разбавленной серной кислоты.

Ствол сваривается и отделяется на отдельном заводе. Кусок металла, из которого в конечном итоге изготавливается постепенно сужающаяся трубка, кажется, не имеет никакого отношения к такой форме. Вы видите, как кузнец берет небольшую пластину из железа толщиной в четверть дюйма, около фута в длину и нескольких дюймов в ширину, нагревает ее до температуры сварки, а затем помещает между кромками прокатного стана с рифлеными, а не плоскими роликами, и в одно мгновение из нее получается труба. Затем его необходимо вытянуть до необходимой длины и заострить, для чего его пропускают через серию фрез, каждая последующая из которых имеет канавки меньшего размера, чем предыдущая. Канал остается полым во время работы с помощью центрального железного стержня. Казенная часть приваривается одним ударом парового молотка, и начинается процесс поворота канала ствола. На одном токарном станке обрабатываются четыре ствола, и первая операция выполняется через пятнадцать минут. Каждый раз производится лишь небольшая нарезка, и ствол должен подвергаться воздействию множества различных сверлильных инструментов до тех пор, пока не будет достигнут точный размер (· 577 дюймов). Теперь внешняя сторона повернута, инструмент удаляет лишний металл одним сплошным железным кольцом.

Теперь он подвергается самому деликатному процессу из всех - "просмотру". Зритель, являющийся высококвалифицированным рабочим с чрезвычайно точным зрением, садится напротив газовой лампы, на расстоянии около тридцати футов, верхняя сторона которой закрыта темным абажуром. К этому объекту он направляет ствол так, чтобы темный край наполовину закрывал его прицел, когда он смотрит через канал ствола. С помощью этого устройства он может направлять луч света с четко очерченным краем вниз по трубке и, поворачивая ствол, мгновенно обнаруживает малейшее отклонение от прямой линии. Как самое гладкое на вид море оказывается массой ряби с ямочками ("бесконечный смех моря" греческого поэта), когда заходящее солнце бросает золотую стрелу через его лоно, так и математически прямые линии света измеряют неравномерность канала ствола винтовки более точным образом, чем любой инструмент, который до сих пор был изобретен. При обнаружении каких-либо неровностей наблюдатель постукивает по стволу тонким молотком на маленькой

наковальне и повторяет операцию до тех пор, пока трубка не станет идеально правильной. От этого зависит правильность стрельбы из ружья, поскольку малейший изгиб у конца канала ствола отправит пулю далеко по одну сторону от цели задолго до того, как она достигнет полной дальности в 800 ярдов, на которую нацелена винтовка Энфилда. Нарезка ствола в трех канавках выполняется путем закрепления его на токарном станке и прохождения через него резца по спирали.

Входя в отделочную комнату, благородную квартиру площадью 200 квадратных футов, посетитель не может не быть поражен картиной, которую представляет эта обширная мастерская. Он смотрит сквозь массу колес, рычагов, кривошипов и валов, которые заполняют пространство от стены до стены, каждый фут утыкан железом и человеческими конечностями, и кажется, что вся поверхность корчится и борется, как скопление червей. Хотя обычному глазу беспорядок кажется торжествующим, здесь царит предельный порядок. С одной стороны помещения, через равные промежутки друг от друга, у стены, немного выше уровня пола, расположены небольшие закрытые кабинеты с застекленными фасадами. Они посвящены бригадирам различных подразделений, на которые разделена работа. Каждый из этих функционеров из своего гнезда прочесывает длинные проспекты или улицы машинами вместе с сопровождающими их рабочими, которые параллельными линиями пересекают помещение. Первая аллея посвящена штыкам; затем в следующем порядке идут подразделения, распределенные по корпусу, винту, прицелу, замку и прикладу. Работа организована таким образом, что все различные детали идут в ногу друг с другом и завершаются в требуемых пропорциях; или, другими словами, для тех деталей, которые производятся медленно, выделено большее количество машин. Благодаря такому устройству все необходимые предметы доставляются в один и тот же момент рабочим, которые собирают их вместе в готовое изделие. Пятьдесят шесть элементов, из которых состоит винтовка, прокладывают свой путь вверх по одной улице, заполненной машинами, и вниз по другой, постоянно следуя справа налево по пути к верхней части комнаты. Многие из этих изделий проходят более чем через двадцать различных станков, каждый из которых выполняет какое-то простое и определенное действие, благодаря чему достигается точность, с которой самый искусный оружейник никогда не смог бы сравниться вручную.

Разнообразие режущих инструментов в этих различных станках поражает наблюдателя; самые странные формы, самые невероятные на вид, оказываются превосходно приспособленными для тех целей, для которых они предназначены. Многие из них работают автоматически, то есть они включаются и отключаются сами; приступают к работе только тогда, когда их снабжают материалом, и, когда их зубы, похожие на зубы грызунов, отгрызают столько металла, сколько требуется, они останавливаются сами по себе. Эффект от этого настолько экстраординарен, что почти кажется, будто эти блестящие железные конечности, которые останавливаются и движутся дальше без участия человека, должны управляться каким-то металлическим мозгом. Наиболее распространенной формой используемого инструмента является то, что называется круговым резцом или фрезерным инструментом, который сконструирован таким образом, чтобы соответствовать любому классу работ. Эти фрезы будут служить месяцами, не требуя заточки, поскольку каждая из них ограничена своей ограниченной сферой применения. Количество мыслей, затраченных на конструирование многих из этих машин, должно быть, было огромным, и когда они были завершены, две трети производственных трудностей были преодолены, и мушкет был изготовлен более чем наполовину. Самая хитроумная машина, породившая многочисленное потомство, была много лет назад изобретена англичанином и применена для

копирования тонких линий скульптуры и переноса их на слоновую кость и другие материалы. Применимость этого инструмента для изготовления ружей неправильной формы впервые была замечена нашими кузенами по ту сторону Атлантики, и в течение многих лет они использовали его для быстрого и качественного изготовления многих частей мушкета, в то время как наши собственные производители в Лондоне и Бирмингеме довольствовались выполнением той же работы, трудоемкой и дорогостоящей, ручным трудом. Копировальные станки, которые сейчас выпускаются в Энфилде, были импортированы напрямую из Америки. В основном они используются для изготовления ружейных прикладов. Они превращают грубые плиты орехового дерева, только что приданные правильной форме, которые поставляются из Франции, Бельгии и Италии, в готовое изделие со всеми его канавками, отверстиями и креплениями для замка и ствола. Можно сказать, что этот необычный прибор работает двумя руками: одна ощупывает контур копируемого рисунка, другая равномерно направляет инструмент и придает объекту требуемую форму. Давайте, например, возьмем станок, который выдалбливает замковую подстилку в заготовке. Очертания не только имеют самую неправильную форму, но и расположены на трех разных уровнях, и казалось бы почти невозможным, чтобы машина выкапывала столь сложный пласт с мельчайшей точностью. Тем не менее, это делается за несколько минут с помощью аппарата, который вращается и вводит в действие один за другим какой-нибудь новый инструмент в соответствии с предстоящей работой. Во время процесса небольшая воздуходувка удаляет стружку так ловко, как если бы в машине было человеческое дыхание. Различные части пистолета закончены, они в последний раз измеряются и передаются на крайний верстак фабрики, рядом с западной дверью, где “сборщик”, как его называют, получает их в разных ячейках, из которых он берет нужную ему деталь и устанавливает пистолет. Поскольку нет необходимости в специальной подгонке, этот процесс выполняется с поразительной быстротой, семи минут достаточно, чтобы соединить все различные детали, которые раньше никогда не находились рядом друг с другом — замок, приклад, шомпол и штык - в единое оружие. Теперь они выходят через западную дверь, упакованные в ящики, и доставляются на испытательный полигон, где их испытывают мощными зарядами и должным образом проверяют их дальнобойность и точность; и результат настолько совершенен, что ни один из тысячи не выдерживает тяжелого испытания. Сейчас они доставлены по воде в Оружейный склад в Тауэре, готовые к эксплуатации в полевых условиях.

Винтовка Энфилда была принята на вооружение государства в 1853 году и в настоящее время является лучшим пехотным мушкетом в Европе. Однако, как показал мистер Уитворт, еще есть возможности для совершенствования ствола. Его винтовка выбрасывает пулю как дальше, так и с большей точностью, благодаря большей заботе, которую он проявляет к стволу, который вместо того, чтобы быть сваренным, с большими затратами высверливается из цельного металла. Кроме того, поскольку ее диаметр меньше, пуля встречает меньшее сопротивление в воздухе во время своего полета. Нет никаких причин, по которым не следовало бы заменить винтовку Энфилда с меньшим диаметром ствола, когда это оружие было бы идеальным. Трудность, с которой сталкиваются самые способные умы, выбираясь из старой колеи, была продемонстрирована покойным герцогом Веллингтоном в отношении вопроса о размере отверстия. Его светлость был упрямо женат на Браун Бесс, чей сокрушительный огонь, столь превосходящий огонь противника, он видел во время своих кампаний на полуострове и который он ошибочно приписывал превосходному качеству оружия, а не стойкости людей, фактически ошибочно принимая моральное превосходство за физическое. Чем дольше жил Главнокомандующий, тем тверже становилась его вера в крупнокалиберный гладкоствольный

пистолет и необходимость проделать большую дыру во враге. Когда винтовка-мушкет 1851 года заменила это старое оружие, большой канал ствола все еще сохранялся, и следствием этого было то, что пуля, будучи удлиненной, была тяжелее, чем круглая, и солдату приходилось носить снаряд весом 696 гран вместо 490 гран. Канал ствола винтовки Энфилда образца 1853 года был очень надлежащим образом уменьшен, и расширяющаяся пуля Причетта, состоящая из 530 гранул, теперь несет свой смертоносный вес по длине. Хотя рана, которую он наносит, не такая большая, как от старого мяча, он восполняет недостаток своей проникающей способностью. Офицер, участвовавший во взятии стрелковых окопов в каменоломне под Севастополем, сообщает нам, что его собрат-офицер был ранен в бок русской пулей Мини, которая впоследствии прошла через осла и две его корзины с водой и не остановилась на своем пути, пока не сломала человеку руку на некотором расстоянии от него! Его смертоносная меткость на огромных расстояниях, которая внушала ужас сипаям, которые называли его "ружьём, убивающим без единого звука", странно контрастирует с действиями старой "Браун Бесс", которая на дистанции более ста ярдов была настолько неуверенной в прицеливании, что было подсчитано, что солдат стрелял свинцовой массой в каждого человека, в которого попадал.

Перед началом войны наши магазины были переполнены стрелковым оружием всех размеров и образцов. В стране и за рубежом насчитывалось не менее 109 725 кремневых мушкетов пятнадцати различных образцов и 107 000 гладкоствольных мушкетов с ударными замками восьми различных образцов. Очень многие из них состояли на вооружении несколько лет назад; и поскольку все их отверстия были разными, часто случалось, что солдат снабжали патронами, которые не подходили к их ружьям. В мирное время небольшие трудности такого рода не имеют значения, но они имеют первостепенное значение во время войны. В битве при Ватерлоо брауншвейгцы, удерживавшие Угумон, на короткое время оказались беспомощными из-за того, что им прислали патроны, которые не подходили к их мушкетам. Таким образом, битва, которая, по словам профессора Кризи, входит в число шести решающих сражений мира, могла быть проиграна из-за неподходящего патрона. Необходимость предотвращения возможного повторения подобных происшествий побудила власти в начале войны в России сделать форму ствола всех мушкетов, используемых различными родами войск, одинаковой с формой ствола винтовки Энфилда. В настоящее время за неделю может быть произведена тысяча единиц такого оружия — цифра, которая кажется большой, но на самом деле намного ниже реальных потребностей армии. Частные производители стрелкового оружия в Бирмингеме осудили создание этой фабрики под предлогом того, что у правительства не было гарантий в производстве товаров, которые могла производить частная торговля страны - утверждение, которое Крымская война полностью опровергла, поскольку власти были настолько нуждались в винтовках, что им пришлось отправиться за припасами во Францию,^[26] Бельгию и Соединенные Штаты, и одно время рассматривали возможность выдачи заказа на 350 000 винтовок в Льеже. Военное ружье, как и патрон, является особым изделием, необходимым только армии, спрос на него в больших количествах непостоянен, и отсюда низкое состояние механической мощности, обеспечиваемой им торговлей. Оружейники Бирмингема зависели от квалифицированной рабочей силы для производства различных частей мушкета, и, таким образом, труд в трудные времена становится непомерно дорогостоящим, к смущению и потерям государственной службы. Именно это побудило правительство внедрить в производство машинное оборудование — вещь, которую торговля объявила невозможной, но которая, как они теперь видят, не только возможна, но и прибыльна, поскольку тот же самый мушкет, за который они брали 4фунта 10шиллингов, теперь

изготавливается правительством высшего качества за *3фунта 15шиллингов*. Этот эксперимент должен иметь огромное значение для бирмингемской оружейной промышленности, которая из-за присущих ей пороков быстро уступала превосходящей изобретательности Америки и Бельгии и которая может восстановить свои прежние позиции, только извлекая уроки из организованных механических ресурсов мануфактуры Enfield Lock manufacture. Частным производителям не нужно опасаться, что "Энфилд" монополизирует даже работу правительства, поскольку требования службы намного превышают ее производственные возможности. Поскольку Артиллерия поставляет винтовки для нашей армии в Индии, а также для внутренних войск и сил колоний, только для пехоты и морской пехоты требуется не менее 400 000 человек: это количество приходится заменять каждые двенадцать лет, даже в мирное время. На действительной службе разрушения огромны; и теперь, когда цикл войн возобновился, ежегодный выпуск 50 000 винтовок на королевском заводе окажется лишь небольшой частью огромного запаса оружия, который потребует Англии.

В Уолтемском аббатстве, менее чем в получасе ходьбы от Энфилдского шлюза, расположено единственное предприятие по производству пороха, которым располагает правительство. Здесь на повестке дня дисперсия, а не концентрация. Необходимость полной изоляции приводит к тому, что фабрики расположены на очень большом пространстве, и посетителю приходится переходить из цеха в цех по ивовым и ольховым рощам и аллеям, как если бы он посещал разбросанные по территории фермы здания, а не разные подразделения одного и того же производственного процесса. Во всем заведении насчитывается, пожалуй, не более дюжины отдельно стоящих зданий, но они разбросаны более чем на пятидесяти акрах земли. Луга, леса и извилистые каналы преобладают до такой степени, что идея оказаться на пороховой фабрике полностью теряется из-за впечатления, что вы гуляете по голландскому пейзажу. Посетитель, входящий в большие ворота фабрики, убежденный в опасной природе почвы, по которой он ступает, несколько удивляется, обнаружив работающую паровую машину на самом пороге фабрики и высокую дымящую трубу там, где он предполагал, что рядом находятся сотни бочек с порохом; но на самом деле эти котлы и печи расположены за много сотен футов от смесительных цехов. Английский правительственный порох состоит из семидесяти пяти частей селитры, пятнадцати частей древесного угля и десяти частей серы. Ингредиенты, тщательно измельченные в порошок, подготовленные и очищенные, передаются в действие машине, которая полностью их перемешивает. Затем продукт транспортируется на крытой лодке, очень похожей на траурную олдерманскую гондолу, на несколько сотен ярдов вдоль канала к соседним домам, где происходит самый важный процесс производства и где впервые возникает опасность взрыва. Соединительная машина представляет собой не что иное, как пару направляющих или огромных колес, весом в четыре с половиной тонны каждое, которые вращаются одно за другим по своим краям в металлическом каркасе с глубоким деревянным ободом, что придает ей вид огромного кухонного подсвечника. В эту посуду кладут черный порошок вместе с небольшим количеством воды, количество которой варьируется от четырех пинт зимой, когда атмосфера насыщена влагой, до десяти летом, когда осушающее свойство воздуха очень велико. В течение четырех часов эта пастообразная масса измельчается и перемешивается с помощью лопаток. Меры предосторожности, принимаемые на случай взрыва, знакомят посетителя с опасной природой земли, по которой он ступает. Прежде чем переступить порог, он должен обуть ноги в кожаные ботинки, достаточно большие, чтобы поместиться Полифему, и не содержащие железа в какой бы то ни было форме; у него выхватывают даже зонтик или трость, чтобы наконечник не загорелся или случайно не упал на

какую-нибудь деталь механизма во время работы. Оборудование защищено даже от самого себя. Чтобы избежать возможности падения опорных штифтов, которые удерживают цилиндры на их осях, и “заноса” рабочего колеса, создающего такое сильное трение, что может вызвать взрыв, выполнены гнезда, удерживающие их при падении. Поскольку мелкие кусочки песка, естественные враги пороховниц, могут оказаться опасными, если их смешать с любым из “зарядов”, отверстия под оси почти всех колес сконструированы с возможностью расширения, чтобы пропускать любое твердое инородное тело точно так же, как тонкие челюсти более крупных змей свободно шарнирно соединены, позволяя им одним глотком расправиться с таким объемным куском, как взрослый кролик.

Однако на заводах с наилучшим регулированием могут произойти несчастные случаи, и в случае их возникновения принимаются меры к тому, чтобы сделать взрыв как можно более безвредным. Новые мельницы построены с тремя сторонами из цельной кирпичной кладки толщиной в три фута, а четвертая сторона и крыша из гофрированного железа и стекла слегка подогнаны. Поскольку они расположены в ряд, вплотную друг к другу, чередующиеся мельницы обращены только в одну сторону, так что линия огня или направление взрыва, проходящего через самый слабый конец, вряд ли повлечет за собой разрушение соседней мельницы. Однако иногда случается, что принятых мер предосторожности недостаточно для предотвращения распространения опасности. Во время сильного взрыва, произошедшего в 1842 году, загорелся второй дом на расстоянии пары сотен ярдов от места, где произошел первоначальный взрыв. Теперь есть дополнительная защита от того, что дома будут складываться один за другим, как карточные домики. Над каждой мельницей медный резервуар, содержащий около сорока галлонов воды, подвешен таким образом, что при подъеме рычага он мгновенно сливает свое содержимое и заливает мельницу. Этот душ или душевая кабина сделана самодействующей, поскольку сам взрыв натягивает струну, сила расширяющегося газа поднимает откидную заслонку, которая действует как спусковой крючок для спуска воды. “Но, - могут сказать, - поскольку вода не спадает до тех пор, пока не произойдет взрыв, это приспособление очень похоже на запирающие двери конюшни, когда крадут коня!” И это относится к мельнице, на которой произошло первоначальное злодеяние; но рычаг, на который воздействовали первым, опрокидывает душевую кабину на головы всех остальных, и таким образом зло ограничивается местом, где оно возникло. Из встроенных мельниц порошок для замешивания, или, как его еще называют, “жмых”, доставляется другой гондолой похоронного вида на небольшие склады для расходования, где ему оставляют на двенадцать часов, прежде чем отправить в разделочный цех. Здесь твердые куски жмыха измельчаются в мелкий порошок под действием мелкозубых роликов из оружейного металла, которые вращаются навстречу друг другу и измельчают жмых, попадающий между ними, в пыль. Измельченный жмых еще раз путешествует по живописным лугам, окаймленным ивняком, пока не попадает в прессовальный цех, где жмых подвергается гидравлическому давлению между металлическими пластинами и, таким образом, измельчается до плотных пластин толщиной около полудюйма. Этим тарелкам оставляют нетронутыми в течение пары дней, за это время они становятся такими же твердыми, как кусок тонкой керамики. Такое давление дает очень много преимуществ. Повышается плотность порошка, что позволяет транспортировать его без превращения в мелкую пыль; улучшаются его сохраняющие свойства, поскольку он поглощает меньше влаги, чем если бы был более пористым; и, наконец, из данной массы образуется больший объем горючего газа.

Прессованный кек теперь поступает в жерло одной из самых необычных машин, которые мы когда-либо видели. Цех гранулирования, где происходит важный процесс разделения порошка

на мелкие зерна, удален очень далеко от других зданий. Опасность проводимых внутри работ подчеркивается прочной траверсой толщиной в пятнадцать футов в нижней части, которая предназначена для защиты рабочих в случае несчастного случая. Именно здесь в 1843 году произошел взрыв, в результате которого погибли восемь рабочих — каким образом, никто не знает, поскольку все улики были сметены. Чтобы сделать повторение таких прискорбных аварий как можно более редким, машина сделана самодействующей. В определенное время дня ему подают пищу в виде пятнадцати центнеров “прессованного пирога”. Все это набивается в большую воронку или мешочек, и в тот момент, когда монстр готов, люди удаляются за пределы прочной траверсы и позволяют ему медленно пережевывать свою порцию, что он делает с осторожностью, достойной его тяжеловесности и силы, постепенно опустошая свой мешочек и растирая его двумя или тремя наборами тонких вальцов, разделяя его на зерна разного размера. Эти зерна он пропускает через ряд проволочных сит, отделяя более крупные, предназначенные для пушечного пороха, от более мелких, необходимых для ружей, и укладывает их в соответствующие ящики, которые, когда они заполнены, он убирает из опасной близости от себя и заменяет пустыми. Все более крупные непереваренные куски он снова возвращает, подобно жвачному животному, к процессу пережевывания, пока его запас не иссякнет. Затем, и только после этого, подобно мадемуазель Джек, знаменитому слону, он звонит в колокольчик, требуя свежего “пирожного”. Рабочие дают ему около пяти минут на то, чтобы полностью усвоить пищу, которая уже находится у него в желудке, после чего машина останавливается, и они входят с другим блюдом. Полы во всех домах покрыты кожей, аккуратно скрепленной медными гвоздями, и рабочий никогда не выпускает щетку из рук: даже когда вы разговариваете с ним, он подметает самым серьезным образом, чтобы удалить любые частицы порошка или песчинки, которые могут оказаться на полу; он делает это механически, когда ничего не видно, точно так же, как матрос на дешевом корабле всегда выстилает палубу, чистую или грязную, как только у него появляется свободное время.

Порошок, разделенный таким образом на зерна, все еще влажный и содержит много пыли. Чтобы избавиться от этого, его поливают водой и отправляют в пылеуловитель, где он скручивается в рулон, как мука. Теперь его нужно покрыть глазурью, что является очень важной операцией, и поместить в большие бочки, которые вращаются вместе с грузом тридцать два раза в минуту в течение трех часов подряд. Простым трением зерен друг о друга и о стенки цилиндра поверхности зерен придается тонкий блеск, который позволяет им выдерживать воздействие атмосферы намного лучше, чем когда они остаются неглазурованными. Теперь его выдерживают в течение шестнадцати часов в сушильном помещении, нагреваемом паропроводами до температуры 130 ° по Фаренгейту, а затем окончательно протирают и проверяют. Существует много методов доказательства, но самый простой и действенный - это выстрелить порохом из оружия, для которого он предназначен. Таким образом, порох из пушки проверяется выстрелом 68-фунтовой крупнокалиберной дробью с зарядом в две унции пороха — заряд, который должен обеспечивать дальность стрельбы от 270 до 300 футов. Если порошок проходит испытание, что обычно и происходит, его упаковывают в бочки вместимостью 100 фунтов. каждый помечается как L. G. (Крупное зерно) и F. G. (Мелкое зерно), в зависимости от обстоятельств, и переносится во временный магазин. Когда накапливается 500 бочек, их отправляют на барже в правительственный склад в Перфлите, недалеко от устья Темзы, где озеро образует связующее звено между каналами завода и этой рекой.

Производство этого предприятия, которое в 1843 году упало до 4500 баррелей в год, теперь благодаря усовершенствованному оборудованию настолько увеличилось, что можно

производить 20 000 баррелей в год, причем самого высокого качества. Даже этот запас намного ниже потребления во время войны, и подрядчики должны и всегда будут поставлять часть необходимых припасов; но, по-видимому, образцовая мельница полезна для двойной цели поддержания должного стандарта качества,^[27] и для снижения цен. От равномерной крепости пороха зависит точность артиллерийского огня: отсюда необходимость наличия некоторого известного стандарта качества, от которого нельзя позволять отступать подрядчикам. Улучшения, произошедшие в производстве, очень заметны. Примерно в 1790 году, когда порох поставлялся правительству исключительно по контракту, нормативный вес заряда для пушки составлял половину веса ядра; сейчас он составляет менее одной трети: следовательно, теперь используются два ствола вместо трех, что позволяет снизить объем, что экономит размещение как на борту корабля, так и в полевых условиях. Раньше дальность стрельбы powder составляла всего 190 футов; теперь дальность стрельбы увеличена до 268 футов! Это значительное улучшение является просто следствием тщательности, с которой обрабатывается порох, и внимания, уделяемого каждой детали мельниц с тех пор, как руководство ими перешло в руки полковника Таллоха, полковника Диксона и полковника Асквита, нынешнего суперинтенданта.

В Вулвичском арсенале есть отдел, к которому мы должны сейчас вернуться, заведения в Энфилде и Уолтемском аббатстве можно считать лишь отдаленными ответвлениями. За каналом, на самом краю площадки, находятся заведения, занимающиеся наиболее опасными видами пиротехнического производства, такими как заправка ракет, фрикционных трубок, приведение в действие запалов и т. Д. Эти щекотливые операции раньше проводились в плохо построенных сараях на лабораторной площади, где во время войны произошел печальный взрыв, и капитан Боксер, решив снизить риск несчастных случаев, перенес все это в 1854 году на это открытое пространство, подальше от зоны пожара. Шестнадцать цехов, используемых для изготовления плавких предохранителей и фрикционных труб, изолированы друг от друга примерно таким же образом, как плавильные заводы в Уолтемском аббатстве: поэтому нам нет необходимости описывать их. Производство ракет также настолько тщательно организовано, что несчастные случаи случаются редко. Метод забивания состава в эти ужасающе разрушительные орудия войны до недавнего времени был не только варварским, но и крайне опасным: его вводила "обезьяна", или маленький забиватель свай, которым управляли восемь человек. Давление воды теперь выполняет работу бесшумно, эффективно и безопасно. Ракета во время заправки закреплена таким образом, что в случае аварии заряд вылетит через крышу; песок и железо исключаются так же тщательно, как на пороховых заводах; открытые пространства вокруг зданий покрыты дерном и засажены кустарником, а приподнятая деревянная дамба защищает коммуникации между различными магазинами от всех веществ, способных вызвать трение. Посетитель не может войти в одно из этих тщательно охраняемых зданий в обуви, так же как он не мог бы войти в мечеть Святой Софии в Константинополе в такой же обуви. С такой же тщательностью в этой части Арсенала выполняется смазка конца пули патронов для стрелкового оружия. Долгое время не удавалось найти смазочного материала, который оставался бы неизменным при любом климате — очень важное пожелание, учитывая способ, которым наши военные припасы перемещаются из глубин арктических вод в палящее лето знойной зоны. Капитан Боксер, однако, в счастливый момент подумал о маленьком деловитом насекомом, которое строит склад, способный выдерживать любые температуры, и взял на вооружение пчелиный воск, который, будучи добавлен к небольшому количеству жира, образует состав, идеально соответствующий назначению. Картриджи погружаются примерно на дюйм в емкость с этой жидкостью, удерживаемой в жидком состоянии за счет тепла газа.

Наблюдая за происходящим процессом, мы не могли не задуматься о том, по каким незначительным причинам возникают великие события, и о том, что восстание, которое едва не вырвало Индию из наших рук, возникло из этого самого котла, бурлящего “адским бульоном, густым и обжигающим”.

Различные отделы Королевского арсенала разделены большими открытыми пространствами, на которых хранятся самые грубые военные материалы. Дороги, проложенные железными трамваями, которые значительно облегчают транспортировку тяжелых орудий, тут и там выложены пирамидами дроби и гильз, отслаивающихся и блестящих на солнце. Эти снаряды непрерывно перемещаются по стволам из одного места в Арсенале в другое, проходя в одно время под ногами, в другое - над головой, при этом действие силы тяжести приводится в действие другими трудосберегающими приспособлениями для удаления 13-дюймовых снарядов и 98-фунтовых крупнокалиберных дробей, иногда на очень значительные расстояния. Как бы ни были велики запасы этих боевых орудий и как бы далеко ни простирались горизонты пирамид (а в настоящее время в Арсенале насчитывается не менее 688 000 единиц), они быстро истощились бы в результате короткого возобновления войны, в которой артиллерия сейчас играет столь заметную роль. Только при осаде Севастополя, которая едва ли заняла восемнадцать месяцев, с наших батарей было выпущено не менее 253 042 выстрелов и снарядов всех калибров, количество, которое неприятель превзошел только за одну атаку, если верить свидетельствам, предоставленным некоторыми оврагами, по которым этот железный дождь лился так густо, что вымостил землю и не давал взойти траве. Французы были еще более расточительны в отношении этих снарядов, ибо, согласно докладу, представленному императору, 1 100 000 из них были отправлены нашими союзниками в обреченный город.

Окрестности каждого отдела обычно обозначаются классом военных складов, которые можно увидеть под рукой. Например, мы можем быть уверены, что находимся недалеко от литейного цеха по производству больших пушек, когда видим длинные ряды железных пушек всех размеров и моделей, от легких 32-фунтовых до поистине грозных 98-фунтовых орудий военно-морской службы, стоящих по бокам дороги, по сравнению с которыми легкие латунные полевые орудия, обрамляющие стену самого здания, кажутся просто игрушечными. Тут и там видны подстриженные лужайки с аккуратными окаймлениями из трехсот 13-дюймовых минометов, а у главного входа в сам литейный завод установлены огромные снаряды диаметром в ярд, приготовленные для мортиры Mammoth Маллета, как бы для того, чтобы показать, насколько смелы идеи современной войны, предполагающие бросать во врага такие титанические снаряды. Здесь также можно увидеть ветеранов— которые видели аллеи раненых пушек из Крыма. Это отобранные образцы восьмидесяти восьми единиц вооружения, либо выведенных из строя противником, либо изношенных их собственным огнем в той приснопамятной осаде. Одно из них, 68-фунтовое, было разбито в результате странной случайности; как раз в тот момент, когда оно разряжалось, снаряд, выпущенный противником, взорвался у него во рту и уничтожил его после того, как было произведено не менее 2000 выстрелов. В другое ружье, у которого расколото дуло, попали тринадцать раз. Однако, по-видимому, этому мистическому номеру сопутствовала удача, поскольку с помощью железной ленты неисправность была устранена, и он продолжал выполнять свои обязанности до тех пор, пока одна из его цапф не была сбита, и даже тогда, подобно доблестному Уиддерингтону в Чеви-Чейз, он сражался на своих обрубках; поскольку, будучи врытым в землю и обстрелянным с большой высоты, он продолжал работать до конца осады. Некоторые из этих орудий пробиты пушечными выстрелами вплоть до казенной части, а одно или два попали в самую корму. Эти раны -

результат стрельбы рикошетом, своего рода тренировки, которая позволяет пуле попадать в самые неожиданные места.

На монтажном дворе, как его называют, который находится между оружейным заводом и заводом по производству лафетов, полевые орудия устанавливаются на лафеты и подготавливаются к эксплуатации перед их отправкой на артиллерийский склад возле Коммон. Со времен войны здесь хранились трофейные пушки из Севастополя, которые готовились к тому, что их либо разобьют, либо распределят в качестве трофеев по различным городам Соединенного Королевства. Из этих пушек 1079 сделаны из железа и 94 - из латуни. Они сделаны из превосходного металла и оказались бы очень полезными, если бы, к сожалению, их канал ствола не подходил ни для одного нашего выстрела. Лафеты, разорванные разрывом орудий или сконструированные настолько ненаучно, что неизбежно разрушаются сами по себе, подобно железным лафетам, отобранным у врага под Керчью, хранятся в качестве уроков для капитана-инструктора, на которых он может остановиться, когда обводит свою группу молодых артиллерийских курсантов. Этот чиновник выполняет важнейшую обязанность по предоставлению будущему артиллерийскому офицеру четкого представления о методе конструирования и ремонта всех наиболее важных механизмов и инструментов, с которыми ему придется работать, таких как пушки, лафеты и т.д., а также о получении общего представления об относительной прочности металлов и ценности различных материалов, из которых изготавливается военное снаряжение. Обширные мастерские Вулвича представляют собой замечательное поле для приобретения такого рода знаний.

Соседство Арсенала с главной военной академией королевства дает этим начинающим артиллерийским офицерам возможность стать свидетелями экспериментов, которые постоянно проводятся на Болотах либо с целью испытания новых орудий, либо с целью практического изучения возможностей новых изобретений. Необычайная энергия, с которой прожекторы всех мастей (в том числе священнослужители) посвятили себя задаче изобретения новых орудий разрушения во время войны в России, полностью опровергала тот агнческий дух, который мистер Кобден приписывал своим соотечественникам. На рассмотрение Специального комитета по боеприпасам было представлено не менее 1976 новых проектов, касающихся только артиллерии. Из этого числа значительная часть была самого идиотского толка — например, предлагалось наполнять раковины кайенским перцем, хлороформом и какодиллом, причем последний является наиболее опасным веществом, обладающим свойством отравлять воздух вокруг. Удушающий шар французов был истинным родителем всего выводка. Только сорок три предложения были одобрены, и из этого числа только тридцать были приняты на вооружение. Первым и главным среди них является план заполнения оболочек жидким железом. Едва ли возможно преувеличить разрушительный эффект этого нового применения старого материала. При втором выстреле, произведенном на Болотах по совершенно новому прикладу, который стоил *200 фунтов стерлингов*, он поджег его и полностью уничтожил. Орудия Арсенала и старый прием засыпания горящего дерева землей оказались бесполезными, расплавленное железо проникло во всех направлениях глубоко в древесину. Трудно поверить, что какой-либо корабль сможет противостоять разрушительному действию этих снарядов или что массы людей окажутся достаточно мужественными, чтобы противостоять их разрушительному воздействию; ибо как только ударный снаряд соприкасается с каким-либо предметом, он взрывается и выбрасывает расплавленный металл во все стороны, разбрызгивая и поражая предметы, которые совершенно не похожи на содержимое обычных снарядов, и оказываясь гораздо более смертоносным как для живых, так и для неодушевленных веществ,

чем знаменитый древний греческий огонь. Само это изобретение было доведено до сведения властей еще в 1803 году рабочим лондонского чугунолитейного завода; но это предложение настолько противоречило всем современным представлениям того времени, что оно было отвергнуто и о нем больше не слышали до тех пор, пока новая война не привела в действие более передовые идеи.

Новых орудий, которые были представлены, было неисчислимое множество, и многие из них, такие как пушка "Мерси стил" и большая мортира, все еще находятся в стадии испытаний. Если эта мортира, состоящая из ряда колец шириной 9 дюймов и толщиной $3\frac{1}{2}$ дюйма, наложенных одно на другое и плотно прилегающих друг к другу, образуя ствол, в конечном итоге окажется способной выдержать полный заряд в 70 фунтов. учитывая массу порошка, это будет самое разрушительное орудие, когда-либо изобретенное для разрушения укрепленных мест. Во время некоторых испытаний, проходивших в Болотах, он бросал свой 36-дюймовый снаряд весом 26 килотонн. на высоту более двух миль; и когда снаряд падал, он зарывался в землю на такую значительную глубину, что после углубления на 12 футов и зондирования еще на 15 футов он все еще оставался неоткрытым. Артиллеристы в шутку говорят, что он упал в Австралии, и ни один существующий в настоящее время каземат не смог бы выдержать сокрушительного веса его падения и его разрывного заряда в 200 фунтов. порошка.

После рассмотрения этого обширного предприятия по производству оружия с его шестьюдесятью паровыми двигателями, которые с помощью более чем трех миль ходового вала приводят в движение более тысячи машин, мы не должны упускать из виду человеческий труд, который управляет этой огромной производственной мощностью. В разгар Крымской войны в Арсенале было занято свыше 10 000 мужчин и мальчиков, армия рабочих, занятых производством разрушительных материалов, равнялась всем войскам, стоявшим лагерем в Олдершоте, и вдвое превышала количество людей, осаждавших и взявших Дели. Когда приходится иметь дело с такими массами людей, как эта, становится очевидным, насколько необходимо обладать организованной системой, с помощью которой учитывается потеря того, что в противном случае можно было бы считать просто долями времени. Предположим, например, что каждый мужчина и мальчик на Арсенале теряли всего пять минут в день, и в совокупности это равнялось бы потере правительством труда одного человека в течение двенадцати недель.

Следующая проблема, которую необходимо решить, - это как заплатить 10 000 человек в любое разумное время. Было бы явно невозможно подсчитать заработную плату каждого человека на момент выплаты, даже если бы была нанята небольшая армия клерков. Поэтому это делается заранее штатом людей, нанятых для этой цели. После выяснения суммы, причитающейся каждому лицу, деньги раскладываются на досках, разделенных на последовательно пронумерованные секции. Соответствующий номер для каждого человека с суммой, которая должна быть ему передана, выдается перед проведением платежа по так называемому "платежному билету". В день полочки ремесленники занимают свои места гуськом, выстраиваясь в соответствии со своими номерами, и, проходя перед кассами, получают заработную плату и сдают свои билеты, которые являются квитанциями на получение денег. Никакие деньги не обмениваются, если их не вернуть до того, как человек достигнет определенной точки, и в этом пространстве есть люди, которые следят за тем, чтобы плохие деньги не обменивались на хорошие. Обыскать каждого человека, когда он уходил, было бы невозможно, однако крайне необходимо иметь какие-то средства для проверки мелких

хищений металла и т.д. Раньше хищения такого рода были постоянными, и совокупные потери, должно быть, были огромными. Когда впервые было решено положить этому конец, всего за несколько минут до ухода с работы мужчинам сказали, что при выходе их обыщут. Результатом этого заявления стало то, что весь Арсенал был усыпан мелкими крадеными предметами, поспешно выброшенными. Теперь пара полицейских у ворот без разбора трогают определенный процент мужчин, когда они идут, и их приходится обыскивать через боковую сторожку. Поскольку ни один человек не может сказать, коснулся его или нет, вся масса остается честной. Простое размещение такого количества людей поначалу было проблемой даже в таком большом городе, как Вулвич: спрос, однако, вскоре породил предложение, и средства, принятые для обеспечения падения Севастополя, привели к возникновению нового города по меньшей мере в две тысячи домов в непосредственной близости от Арсенала.

Какой бы полной ни была, как мы показали, организация Арсенала, как в отношении его технических ресурсов, так и персонала, общеизвестно, что правительство не намерено полностью зависеть от него в поставках военного снаряжения. В случае со стрелковым оружием его мощность, как мы видели, совершенно неадекватна поставленной задаче. Однако в тех отраслях, где производственные мощности достаточны, они не будут пытаться довести дело до того, чтобы лишить частного производителя доли в бизнесе. Это, мы думаем, мудрое решение; ибо, какими бы превосходными ни были нынешние порядки, сейчас все новое и метла свежая, нельзя отрицать, что тенденция этого и всех других государственных учреждений заключается в том, чтобы впасть в спячку, поскольку у них нет ни стимула личной выгоды, который научил бы их экономии, ни того единства направления, которое придает такую энергию частным предприятиям. Следовательно, принцип конкуренции должен соблюдаться, и мы должны противопоставлять частного производителя государственному, чтобы снизить цену, и противопоставлять Королевскую фабрику торговле, чтобы сохранить качество. Еще одна большая выгода будет получена от решимости правительства, которая заключается в том, что частные промышленники не утратят искусства изготовления определенных боевых припасов — искусства, которому нельзя научиться за один день. Со стороны властей было бы неразумно класть все яйца в одну корзину, и они, несомненно, поступили бы именно так, полностью полагаясь на свои собственные производственные возможности и дистанцируясь от великой и плодородной производственной державы Англии, которая в целом так хорошо знает, как экономить и прогрессировать.

Если правительство проявило рассудительность и дальновидность в этом вопросе, мы не можем сказать ничего подобного об их непростительном пренебрежении обеспечением безопасности этого огромного предприятия, в стенах которого находится не только главный склад военных припасов на острове, но и средства их производства. Мы не верим, что наши соседи смогут подняться вверх по Темзе так же легко, как это сделали голландцы, или что любая иностранная армия, выступающая из Дувра, сможет уничтожить Арсенал по пути в столицу без того, чтобы мы не заметили их приближения. Тем не менее мы не можем думать, что единственный Арсенал Англии, расположенный в очень доступной части острова, должен быть полностью оставлен без средств обороны. Само место не могло быть укреплено, так как над ним возвышаются высоты Шутерс-Хилл; но окрестности превосходно приспособлены для этой цели. По мнению военных инженеров, не было бы необходимости даже возводить необходимые сооружения до того момента, пока не потребовались бы их услуги. Полдюжины наземных батарей, оснащенных тяжелыми орудиями, контролировали бы все подходы с суши; а несколько плацдармов, расположенных так, чтобы прочесывать берега реки, эффективно

препятствовали бы приближению любых вражеских сил по воде. Схема расположения этих батарей должна, однако, быть согласована заранее во всех деталях, чтобы в момент опасности их можно было достроить практически в присутствии противника, на случай, если захватчик каким-нибудь туманным утром ускользнет от флота Ла-Манша и сумеет прочно закрепиться на наших берегах.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ.

На нашем острове нет более благородного и более национального зрелища, чем наблюдать за процессией величественных судов, гордо проходящих вдоль наших берегов, или плавать по великим торговым артериям, — наблюдать, как тяжело нагруженный "Индиаман" выходит из доков, или видеть корабль эмигрантов, несущийся под раздувающимися парусами по Блэкуолл Рич, за которым наблюдает множество заплаканных глаз и вместилище многих страдающих сердец. Однако удовольствие наименее заинтересованного зрителя было бы испорчено, если бы можно было приоткрыть завесу над темным будущим; если бы ему показали этого доблестного индейца бортом к берегу среди бурунов; или если бы он изобразил это величественное судно с фальшбортами, окаймленными плаксивыми группами, так печально смотрящими на удаляющийся берег, тонущим посреди океана — ушедшим, чтобы пополнить ряды унылого флота, который ежегодно выходит в море и о котором больше никогда не слышно. Еще печальнее были бы его размышления, если бы ему показали другой проплывающий мимо корабль, которому, возможно, суждено в безопасности обогнуть земной шар, и когда в пределах видимости белых скал Альбиона, полных радостных сердец, внезапно, в темную и штормовую ночь, ему суждено быть разбитым на атомы, как *Reliance* и *Conqueror*, на чужом берегу. Если бы можно было наблюдать такие разительные контрасты, как эти, мы, без сомнения, напрягли бы все нервы, чтобы предотвратить их повторение. Как бы то ни было, печальная история о катастрофах на море приходит к нам ослабленной течением времени и удаленностью места катастрофы: вместо того, чтобы иметь перед глазами душераздирающее зрелище, мы имеем только статистику, которая не вызывает никаких эмоций и даже редко привлекает внимание. В связи с этими ежегодными отчетами публикуется устрашающего вида карта, называемая картой затонувших кораблей, на которой берега Великобритании и Ирландии окаймлены точками — местами затонувших кораблей, столкновений и других катастроф. Из этого мы видим, как все опасные мысы и песчаные отмели на побережье усеяны...

“Тысяча ужасных обломков,
тысяча людей, обглоданных рыбами;
Золотые клинья, огромные якоря, груды жемчуга,
Бесценные камни, бесценные драгоценности —
Все это разбросано по дну моря”.

Как ни странно, эти мрачные указатели на морские катастрофы обычно группируются вокруг маяков. Если мы проанализируем карту за 1857 год, то с первого взгляда поймем относительную опасность трех морских берегов треугольной Англии и то, что фатальное преимущество отдается восточному побережью. Из общего числа 1143 крушений и человеческих жертв, произошедших в этом году, не менее 600, или более половины, произошли между Дандженессом и Пентланд-Фритом. По этому опасному морю, изобилующему песками, отмелями и скалистыми мысами, ежегодно проходит не менее 150 000 судов, большей частью плохо сконструированных, глубоко загруженных угольных шахт, таких, какие мы видим в Бассейне, и удивляемся, как им удастся выдерживать штормовой ветер. Южное побережье, простирающееся от Дангенесса до Лендс-Энда, сравнительно безопасно: в 1847 году произошло всего 84 затонувших судна; в то время как от Лендс-Энда до Гринока, где влияние атлантических штормов ощущается наиболее остро, их число снова возрастает до 286, а на ирландское побережье приходится в общей сложности 173.

Если мы посмотрим на эти катастрофические события более широко, открыв таблицу затонувших судов, приложенную к свидетельству специального комитета по гаваням-убежищам, представленную в 1857 году, содержащую данные о жертвах за пять лет с 1852 по 1856 год включительно, мы сможем лучше проанализировать их причины. За этот период произошло не менее 5 128 крушений и столкновений, что составляет в среднем 1025 в год. Согласно свидетельству капитана Вашингтона Р.Н., ученого и неутомимого гидрографа Адмиралтейства, эти потери состояли из

	Сосуды.
Общие потери в результате посадки на мель или иным образом	1 940
""столкновений	244
серьезных повреждений с необходимостью нанесения ущерба	2 401
Столкновений с серьезными повреждениями	543
	5 128

Таким образом, общие потери от всех причин составили 2184 судна, или в среднем почти 437 за каждый год. В результате этих жертв погибло 4148 человек, или, в среднем за пять лет, почти 830 человек в год. В 1854 году утонуло не менее 1549 человек.

Нелегко понять, как в цивилизованной стране могли так долго терпеть подобное бедствие без каких-либо надлежащих попыток найти средство правовой защиты. Еще более непонятным в торговой стране является очевидное пренебрежение к денежным жертвам. Имеются доказательства того, что общие потери от затонувших судов оцениваются по меньшей мере в 1 000 000 фунтов стерлингов в год, а от других жертв — в 500 000 фунтов стерлингов, что вместе составляет 1 500 000 фунтов стерлингов как ежегодный ущерб стране от аварий у наших берегов - сумму, которой за два года хватило бы для строительства всех необходимых гаваней-убежищ у наших берегов.

Первым шагом к исправлению такого положения вещей является расследование причин кораблекрушения. Можно без особых колебаний назвать компанию Marine Insurance главным эсминцем. Немореходность и перегруженность судов; их неисправность в якорях, тросах, парусах и такелаже; дефекты компасов, отсутствие хороших карт, некомпетентность капитанов -

все это может быть отнесено к этому источнику. Если бы судовладельцы не были гарантированы от убытков, они позаботились бы о том, чтобы их суда были мореходными, ими командовали квалифицированные специалисты и они были снабжены всеми необходимыми припасами. Более того, условия страхования предлагают прямую премию, создающую во всех случаях несчастного случая “полный убыток”. Например, корабль ударяется о землю и получает повреждения, но при умелом управлении может быть снят с мели и отремонтирован. Однако в этом случае застрахованный должен понести одну треть убытка; тогда как, если убыток является полным, он получает всю свою страховку. В этих обстоятельствах, даже если нет намеренного желания совершить что-то неправильное, капитан оставит судно на произвол судьбы вместо того, чтобы использовать свою энергию для его сохранения в ущерб своему работодателю. Многие придерживаются мнения, что если бы страховщики согласились выплатить всю страховку, независимо от того, было ли снято поврежденное судно с мели или нет, то мы увидели бы заметное уменьшение списка общих убытков на море, поскольку естественное стремление капитана спасти свое судно больше не уравнивалось бы его желанием спасти карман владельца.

Однако существует категория несчастных случаев, являющихся результатом злодейства, от которого мы не видим защиты, кроме как в бдительности страховщиков: мы имеем в виду случаи умышленного выброса судна за борт, которые небезызвестны даже в нашей стране, о чем свидетельствует недавний суд над капитаном на Олд-Бейли; но которые наиболее часты на Флоридском рифе. Общеизвестно, что наши американские друзья имеют привычку направлять корабли в эти воды с преднамеренным намерением привести их к гибели. Это настолько хорошо известно, что те, кто находится на берегу, могут с приемлемой точностью предсказать по управлению судном, собирается ли оно затонуть или нет. Когда шкипер не заинтересован в потере своего судна, он позволяет вредителям, которых в этих водах так же много, как акул, действовать как лоцманов и ставить судно в опасное положение с целью предъявления требования о спасении, которым мошеннический капитан делится с ними. В 1854, 1855 и 1856 годах 189 судов были либо потеряны, либо отправлены в Ки-Уэст. Ущерб от последнего класса составил 298 400·05 долларов, большая часть которых, без сомнения, была получена мошенническим путем. В наши намерения не входит намекать на то, что американцы в этом отношении хуже своих соседей; будь у англичан такая же возможность, всегда нашлись бы люди, которые прибегли бы к подобной практике. Память о кораблекрушениях в Корнуолле еще не угасла, и всего несколько лет назад стало известно, что лоцманы Даунса имели обыкновение рекомендовать натягивать тросы на вверенных им судах при очень умеренном ветре, потому что у этих достойных людей было хорошее взаимопонимание с производителями цепей и якорей в соседних портах, которые должны были поставлять свежие снасти.

Следует признать, что та же причина, которая побуждает к этим злодействам, действует в некоторой степени как противоядие. Страховщики Lloyd's и различных морских страховых контор действуют в определенной степени как морская полиция. Их агенты многочисленны и вездесущи, как мухи, и нет ни одного порта старого или нового света без одного или нескольких из них. Через этих морских часовых, чьи глаза всегда устремлены в океан, страховщикам быстро становится известно о бедствиях на море, и в тех случаях, когда под рукой есть телеграф, едва корабль разбивается или пристаёт к берегу, как сотни людей читают отчет о бедствии на “Доске” в Lloyd's. С учетом того, что эта паукообразная разведывательная сеть распространяется от порта к порту и от океана к океану, шансы потерпевших крушение как на борту судна, так и на суше, безусловно, должны уменьшаться. Проницательность

андеррайтеров, обостренная личной заинтересованностью, направлена на отдаленную точку, и все ресурсы могущественной корпорации задействованы для обнаружения мошенничества при подозрении и наказания за него при подтверждении. Исключительным примером энергии и изобретательности, проявленных их агентами при преследовании морского разбойника, стал случай с американским кораблем *W. T. Sayward*. Шкипер сообщил, что это судно пропало недалеко от Лоо Чу во время рейса из Сан-Франциско в Шанхай, и сумма, заявленная страховщиками в этой стране, составила 50 000 фунтов стерлингов, стоимость груза, которая, как сообщалось, составляла, среди прочего, 50 000 каролусских долларов. Джентльмену, нанятому для урегулирования иска, пришлось в голову, что было очень необычно отправлять такое количество этого “столпового” доллара, и, расспросив менял, он узнал, что в настоящее время из Китая не поступает ни десятой доли этого количества. Это открытие сразу же вызвало подозрения, и агенты были отправлены на место гибели корабля, когда выяснилось, что матросы, заподозрив какое-то мошенничество, вернулись к месту крушения после ухода капитана, нырнули в его трюм и обнаружили, что судно было умышленно затоплено. По счастливой случайности они наткнулись на несколько ящиков, в которых были отправлены “доллары”, и обнаружили, что в них были только железные гвозди и свинцовые пули. Гвозди были выбраны из-защели. Заверенные, услышав о случившемся, никогда не осмеливались повторить свое заявление.

В более недавнем случае с бригом *"Корнелия"*, регулярно курсировавшим между побережьем Мексики и Сан-Франциско, который был умышленно затоплен у берегов Сан-Квентина 27 марта прошлого года, сообщалось, что на борту было 48 000 мексиканских долларов, 19 000 отправлены в Масатлан английским домом и 29 000 другими лицами. По собственному признанию капитана, 19 000 долларов были сняты им непосредственно перед тем, как он затопил судно, и спрятаны в песке на мысе Сан-Лукас, на побережье Нижней Калифорнии; оставшаяся сумма в 29 000 долларов, по его признанию, вообще никогда не отправлялась, поскольку коносаменты были сфабрикованы, а мифический получатель груза был сымпровизирован специально для этого случая. Если бы агент не был начеку, этот негодяй одним махом обобрал бы страховщиков на 48 000 долларов.

От главной моральной, или, скорее, аморальной, причины кораблекрушений и человеческих потерь на море мы переходим к рассмотрению физических факторов, которые непосредственно вызывают эти бедствия. Их так много и они такого различного характера, что их трудно сгруппировать. Океанские течения, туман, молнии, айсберги, песчаные отмели, затопленные корабли, неисправные компасы и несовершенные карты - все это опасности, подстерегающие на пути мореплавателей, и особенно тех, кому приходится проходить испытание на плохо найденных судах. Влияние течений, сбивающих моряка со счета, является старой и, возможно, раньше частой причиной кораблекрушений. Этот источник опасности теперь во многом устранен благодаря более глубокому знанию, которое мы приобретаем каждый день, об общих законах, порождающих течения. Одним из наиболее эффективных и простых методов обнаружения поверхностных течений является тот, который известен морякам как эксперимент с бутылкой. Это практикуется с 1808 года, но особенно в последние годы, и Адмиралтейство сочло это достаточно важным, чтобы оправдать приказ, согласно которому всем кораблям Ее Величества предписывается выбрасывать за борт бутылки, содержащие бумагу, на которой указано местоположение корабля и время отправки хрупкого вестника в плавание. Бутылка, тщательно закупоренная, плывет по океану, куда бы ее ни понесли ветры и поверхностный дрейф, и после более или менее продолжительного плавания, возможно, благополучно

прибивается приливом к какому-нибудь пляжу. Без сомнения, многие разбиваются о скалы, другие снова тонут, поросшие сорняками, некоторые уничтожаются нападениями птиц или челюстями голодных акул, или, если им случайно удастся избежать всех этих опасностей, они могут быть преданы забвению на необитаемом берегу. Однако, по оценкам, по меньшей мере одна десятая часть из них была восстановлена. Коллекция из более чем 200 бутылок была собрана в Адмиралтействе, и они отражены в таблице, которая называется Current Bottle Chart.

Достаточно одного взгляда на эту таблицу, чтобы увидеть основные хорошо известные течения Атлантического океана. Сразу бросается в глаза общая тенденция движения бутылок на восток в северных частях этого моря и на запад в более низких широтах. Столь же очевидно, что к югу от параллели 40 ° Северной широты на восточной стороне Атлантики бутылки дрейфуют на юг, в то время как бутылки, находящиеся в окрестностях Канарских островов и островов Зеленого Мыса, принимают западное направление. Те, что находятся дальше на юг, теряются среди островов Вест-Индии, а некоторые проникают дальше и находятся на побережье Мексики, между Галвестоном и Танессидом. Некоторые из них проявляют действие противотока знаменитого Гольфстрима, в то время как другие, опять же, на западной стороне Атлантики, примерно от 40 ° северной широты, направлены на восток. Действительно, кажется, что все к северу от 40° параллели, или от Филадельфии на американском побережье, полны решимости двигаться на восток — одни к побережью Франции в Бискайском заливе, другие к западным берегам Великобритании и Ирландии, а третьи снова к берегам Норвегии.

Таким образом, мы отчетливо различаем сначала португальское течение, направленное на юг; затем экваториальное течение, подверженное влиянию пассатов; затем необычайное воздействие вод Гольфстрима, текущего на север вдоль побережья Америки, через берега Ньюфаундленда — одна часть течет в северо-восточном направлении и проникает в Норвегию, а другая продолжается на восток, в Бискайский залив. Но давайте подробнее остановимся на нескольких замечательных путешествиях, совершенных этими стеклянными путешественниками по безднам. *Примадонна* была выброшена на берег у замка Кейп-Кост на западном побережье Африки и после двухлетнего путешествия была найдена на побережье Корнуолла. Теперь, чтобы попасть туда, оно должно было быть отнесено на восток хорошо известным Гвинейским течением и, достигнув бухт Биафра и Бенин, встретилось бы с африканским течением, идущим тогда с юга, с которым оно пересекло бы экватор и прошло бы вместе с экваториальным течением через Вест-Индские острова, а затем, попав в Гольфстрим, было бы отнесено им на северо-восток и, таким образом, было бы выброшено на побережье Корнуолла, сделав крюк во много тысяч миль. Но каким бы любопытным это ни было, это не единственный пример, поскольку мы обнаруживаем, что *Леди Монтею*, отправившись примерно на 8 ° южной широты, примерно на полпути между Бразилией и Африкой, в месте, которое вполне могло бы поместить его в экваториальное течение, совершила то же путешествие, но причалила к Гернси, пройдя курс за 295 дней, или между 15 октября 1820 года и 6 августа 1821 года. Ограничимся теперь районом, расположенным между 30° Северной широты. что касается экватора, то общее влияние жары Мексиканского залива на нагнетание воды туда ясно указывается направлением, по которому двигались бутылки, включенные в эти пределы. Те бросили за борт в Мексиканском заливе, к северу от мыса Catoche Юкатан, несколько поспешил с ней и бросил на американский берег, рядом ул. Августин и Чарльстон. Другие примеры показывают влияние встречного течения Гольфстрима на его восточную или океанскую сторону, которое относило бутылки на юго-восток, течение, которое, должно быть,

повлияло на корабли Колумба во время его первого открытия и которое, без сомнения, встретило его на пути к северу между островами и воспротивилось его продвижению.

Любопытный пример воздействия ветра на поверхностные воды демонстрирует бутылка, выброшенная с *Г.М.С.Вулкан* посреди Гольфстрима, примерно в 130 милях к югу от мыса Хаттерас. Судно направлялось на Бермуды, куда и прибыло, и бутылка, вместо того чтобы быть унесенной течением на северо-восток, как другие, на самом деле последовала за ним и тоже прибыла на Бермуды. Но мы находим на бумаге отметку о том, что, когда открывалась бутылка, дул сильный северный ветер. Этого, должно быть, было достаточно, чтобы остановить его продвижение на северо-восток, но при этом позволить ему приблизиться к восточной границе Гольфстрима, откуда его занесло бы в водоворот или противоток и, таким образом, выбросило бы на Бермудские острова. Опять же, между Гольфстримом и американским побережьем бутылки находили свой путь к этому берегу, в то время как бутылки, расположенные севернее 40 ° параллели, неизменно уносились на восток; и многие из них, выброшенные около 20 ° меридиана, занесло в Бискайский залив и выбросило на побережье Франции.

Среди множества бутылок, унесенных на запад экваториальным и тропическим течением, две примечательны тем, что были выброшены за борт примерно в 700 милях друг от друга и, тем не менее, прибыли почти в одно и то же место назначения. Их сбросили с кораблей-побратимов, когда они выполняли задание доставить помощь Франклину и его преданной команде через Берингов пролив. Первое было получено от *исследователя*, сэра Р. Маклюра, в 12° широты, long. 26°, 27 февраля 1850 года, и был найден 27 августа следующего года на Амбергрис-Кей, на побережье Юкатана; второй был спущен на воду 3 марта 1850 года капитаном Коллинсоном на "*Энтерпрайзе*", lat. 1 ° северной широты, long. 26 ° западной долготы, и дрейфовал к побережью внутри этого залива, примерно в 30 милях к северу от него. То, что две бутылки взяли курс на запад, было ожидаемо; но то, что они отправились в места отдыха так близко друг от друга, странно, учитывая, что их исходные точки находились так далеко друг от друга.

Гольфстрим, границы которого так ясно обозначены этими маленькими вестниками, является всего лишь образцом грандиозной системы течений, которые возникают из-за неодинаковой температуры в различных зонах. Эти течения горячей и холодной воды сопровождаются атмосферными изменениями, столь же экстраординарными; и, взятые вместе, они в значительной степени влияют на курс мореплавателя из старого в новый свет и нередко являются причиной самых страшных кораблекрушений.

Лейтенант Мори в своей книге "Физическая география моря" смело сравнил причины возникновения знаменитого Гольфстрима с механическими устройствами, с помощью которых отапливаются квартиры. Топка - это зона повышенной влажности, Мексиканский залив и Карибское море - котлы, а Гольфстрим - это проводящая труба, по которой теплая вода и воздух над ней разносятся к берегам Ньюфаундленда и северо-западным берегам старого света.^[28] Благодаря этому благотворному процессу холод наших северных широт значительно смягчается. Воды, направляемые на север и северо-восток, омываются возвратными течениями, одно из которых проходит вблизи берегов Ньюфаундленда и вдоль побережья Штатов, а другое возвращается Северным морем, Бискайским заливом и западным побережьем Африки, пока примерно на широте мыса Вердес оно снова не пересекает запад, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся из-за выхода вод из Флоридского залива. Таким образом, гранд-трасса поддерживается в постоянном состоянии, однако не всегда в точно таком же

виде, а меняясь в зависимости от сезона. Зимой холодное течение, идущее на Юго-восток вдоль атлантического побережья Северной Америки, значительно усиливается и толкает Гольфстрим дальше на юго-восток. С возвращением лета этот поток, в свою очередь, оттесняет воды, поступающие из Полярного океана. В промежутке между этими двумя периодами впадина Гольфстрима, по меткому выражению лейтенанта Мори, “колышется в океане, как выпел на ветру”. Температура Гольфстрима даже зимой остается на летнем уровне, поскольку он протекает между двумя стенами почти ледяной воды. Сэр Филип Брук обнаружил, что воздух по обе стороны от него находится в точке замерзания, в то время как температура потока была равна 80 °C. Эта разница в температуре воздуха и воды, вероятно, является причиной тех ужасных ураганов, которые происходят в Атлантике и на островах Вест-Индии и которые делают это плавание зимой самым опасным в мире. Среднее число затонувших судов на атлантическом побережье Соединенных Штатов в эти суровые месяцы составляет не менее трех в день. Моряки называют Гольфстрим “Создателем погоды”, и вполне могут, учитывая его ужасное воздействие на волнение в море и воздухе. Во времена Франклина не было ничего необычного в том, что суда, направлявшиеся зимой к мысам Делавэр, уносило ветром с суши, и они были вынуждены идти в Вест-Индию и там ждать возвращения весны, прежде чем они могли попытаться добраться до этой точки. Снежные бури и яростные штормы, которые встречают корабль, когда он покидает теплые воды Мексиканского залива и приближается к берегам Северной Америки, весьма драматичны по своему воздействию. В один прекрасный день она плывет по тепловатой воде и наслаждается летней атмосферой, а на следующий, возможно, ведет судно перед снежной бурей, ее оснастка покрыта массой сосулек, а команда замерзла от пронизывающего ветра. Гольфстрим ответственен за другое явление — туманы, которые неизменно окутывают берега Ньюфаундленда и которые делают подход к североамериканскому побережью зимой особенно опасным. Горячая вода Гольфстрима отдает свои испарения холодному воздуху и нависает над берегами непроницаемой завесой, которая ставит в тупик мастерство мореплавателя, делает бесполезным его хронометр и слишком часто приводит его барку к гибели у скрытого берега.

Еще одна опасность штормовой Атлантики связана с движением айсбергов на юг в весенние и летние месяцы. Эти огромные массы имеют место своего размножения в проливе Дэвиса, откуда они выходят великолепной процессией, как только течение усиливается в южном направлении. Полярные мореплаватели были удивлены, обнаружив, что эти огромные чудовища движутся против ветра, по-видимому, за счет какой-то внутренней силы, и прорываются сквозь обширные ледяные поля, словно им не терпится вырваться из тишины и запустения полярных морей. Объяснение этого необычного явления заключается в том, что мощные подводные течения действуют на затопленные участки, которые во всех случаях значительно преобладают над сверкающими хрустальными пропастями, появляющимися над линией воды. По мере того как айсберги продвигаются в открытые воды Атлантики, они, наконец, достигают края Гольфстрима, где в “большой излучине”, примерно на 43° широты, они скапливаются в опасном количестве и, без сомнения, отправляют на дно многие благородные корабли. По всей вероятности, злополучный *президент* был таким образом уничтожен, и какой-то огромный айсберг, давно уже склонивший свои сверкающие вершины под растворяющим действием теплой воды Гольфстрима, был, пожалуй, единственным свидетелем катастрофы, которая внесла благородный “*Пасифик*” в список кораблей, ушедших в вечность.

Если северные широты Атлантики таят в себе опасность оледенения, то южные широты, особенно Карибское море, как и все межтропические океаны, таят в себе опасность пожара.

Ураганы в этих широтах обычно сопровождаются посещениями страшных грозовых штормов, во время которых многие исправные корабли попадают под воду и разрушаются. Посреди летнего моря клипер может внезапно подвергнуться одному из тех чудовищных столкновений стихий, о приближении которых серебряная стрелка барометра, если за ней не следить внимательно, едва ли успеет предупредить. Каким бы подготовленным хорошим мореходством и активной командой оно ни было, там оно должно лежать в бушующем океане, а на его высоких мачтах так много всасывающих труб, что они обрушивают на него разрушительный огонь с небес. В своем докладе Адмиралтейству, представленном парламенту в 1854 году, озаглавленном “Кораблекрушения от молнии”, сэр Уильям Сноу Харрис, чьи усилия по поиску средства от этого зла выше всяких похвал, утверждает, что за шесть лет, между 1809 и 1815 годами, сорок линейных кораблей, двадцать фрегатов и десять шлюпов были настолько повреждены попаданиями, что во многих случаях были на время выведены из строя *hors de combat*. За пятьдесят лет было зафиксировано 280 случаев серьезных повреждений кораблей британского военно-морского флота. Фрегат *Thisbey*, появившийся у Силли в январе 1786 года, представляет собой печальный пример. В судовом журнале записано, что “палубы корабля были охвачены молнией, люди разбежались во все стороны, паруса и снасти взлетели на воздух в одном сильном пламени, и корабль превратился в сплошное крушение”. В торговой службе список бедствий внушает страх. С 1820 года тридцать три корабля водоизмещением от 300 до 1000 тонн были полностью уничтожены молнией и сорок пять сильно повреждены.

“Большая особенность, ” говорит сэр Уильям Сноу Харрис, - может наблюдаться в случаях, когда корабли подожжены молнией, а именно. быстрое распространение огня по всем частям судна, как будто электрическое воздействие настолько пропитало массу, что сделало невозможным тушение пожара искусственными средствами ”. Возьмем, к примеру, сожжение сэра *Вальтера Скотта* в июне 1855 года. Это прекрасное пассажирское судно водоизмещением 650 тонн пострадало в Бискайском заливе: от удара молнии задрожала фок-мачта, полностью обрушилась на судно и мгновенно подожгла груз. Пассажиры и команда едва успели вскочить со своих постелей, одеться и прыгнуть в лодки, как мачты полетели за борта, пламя взметнулось в воздух, и корабль камнем пошел ко дну. Такие экстраординарные катастрофы, как эта, по-видимому, безошибочно демонстрируют слабость человека перед лицом огромных сил природы. На самом деле, это всего лишь убедительные примеры, призывающие его использовать средства для преодоления опасности. Из всех опасностей, подстерегающих моряка в море, опасность от молнии - единственная, от которой он может тщательно защититься. Сэру Уильяму Сноу Харрису мы обязаны усовершенствованием громоотвода для морских целей и способностью невредимыми противостоять самым сильным электрическим штормам. Постоянный кондуктор, принятый на вооружение военно-морского флота в 1842 году, устроен таким образом, чтобы тянуться вдоль мачт, от грузовика до кильсона, и так далее в море. В корпусе разветвляются различные ответвления, обеспечивающие свободное распространение электрической жидкости во всех направлениях. Корабль, вооруженный таким образом, неуязвим для всех разветвленных молний, которые могут метаться вокруг него. С тех пор как была принята система оснащения военных этим оборудованием, ни одно судно Королевского военно-морского флота не пострадало. Вахтенный журнал фрегата “*Шеннон*”, которым командовал покойный доблестный сэр У. Пил в своем плавании в Китай, представляет собой поразительный пример того, как ярость таких электрических штормов, с которыми можно столкнуться только в Индийском океане, была нейтрализована изобретением, которое действительно можно назвать, по словам Дибдина,

“Милый маленький херувимчик, который сидит наверху,
И заботится о жизни бедного Джека”.

“Когда корабль находился примерно в 90 милях к югу от Явы, его окутала ужасающая гроза, и в 5 часов вечера огромный огненный шар накрыл грот-фок-фок-мачту: в 5 часов 15 минут корабль во второй раз был поражен в грот-мачту, по-видимому, огромной массой молнии; в половине пятого еще один очень сильный разряд обрушился на грот-мачту, и с этого времени до 6 часов вечера корабль был полностью окутан острой раздвоенной молнией. На следующий день ее мачты и такелаж были тщательно отремонтированы, но благодаря системе постоянных громоотводов сэра Сноу Харриса никаких повреждений корабля или такелажа обнаружено не было”.

Если мы сравним этот замечательный случай с случаем с фрегатом Его Величества "*Лоустоффе*" у острова Минорко в 1796 году, мы поймем, насколько велика защита, которую наука предоставляет моряку. Фрегат был поражен, по-видимому, в 12:25 пополудни сильной вспышкой, которая сбила с ног трех человек, один из которых был убит на месте. Через пять минут корабль снова был поражен, и его топ-мачта разлетелась на атомы. В следующую минуту от третьего толчка задрожали фок-и грот-мачта, судно загорелось во многих местах, палуба обвалилась от края до края, один человек был убит, другие парализованы и обожжены, а несколько человек сброшено с мачт. В двух параллельных случаях добавление медного стержня определило разницу между безопасностью и хаосом. Примеру Королевского военно-морского флота следуют торговые службы, но не так быстро, как следовало бы. Если вспомнить, что клиперы, торгующие сокровищами между Австралией и этой страной, часто привозят домой почти миллион фунтов стерлингов в дополнение к большому количеству пассажиров, то действительно кажется примечательным, что громоотвод не считается столь важным элементом их снаряжения, как лодки, особенно учитывая, что им приходится пересекать океан, где грозы - обычное явление. Стоимость всего аппарата не превышает 100 фунтов стерлингов, и если алчности торговца недостаточно, чтобы побудить его поставлять его, мы думаем, что правительство должно вынудить его, чтобы обеспечить безопасность потока пассажиров, которые ежегодно покидают наши берега.

Во всем перечне катастроф на море наиболее ужасными являются затопленные лесные суда. Для торговли древесиной между Великобританией и ее американскими колониями используется очень значительный флот крупных судов. Поскольку древесина является “плавающим грузом”, старые изношенные изделия из Вест-Индии, которые не использовались бы ни для каких других целей, используются свободно. Несколько лет назад, в дополнение к полному грузу, они перевозили тяжелые палубные грузы, которые настолько растягивали их разрушенные ткани, что они часто затоплялись водой, а иногда были брошены посреди Атлантики. Страдания экипажей в этих случаях в их открытых лодках были ужасающими. Неделями бродя по водным просторам без еды и питья, если не считать дождя, падавшего с небес, они были вынуждены поддерживать существование, питаясь телами своих мертвых товарищей, и нередко они бросали жребий в пользу живых. С момента принятия Закона, запрещающего погрузку на палубу, эти бедствия стали гораздо реже, но они ни в коем случае не прекратились.[29] В то время, когда мы пишем эти строки, по океану дрейфует несколько судов с лесом, плавающие груды запустения, отданные на милость Гольфстрима, который в конечном итоге выбросит их на какой-нибудь европейский берег или унесет в Северное море, чтобы они служили топливом эскимосам. Перелистывая страницы "Списка Ллойда", мы

находим указания на эти мрачные обломки, которые, покрытые морскими водорослями, носятся по поверхности воды и замечаются проходящими судами, которым они часто причиняют внезапную гибель, в то время как движутся в кажущейся безопасности. Когда эти бездомные и заблудившиеся на глубине попадают на часто посещаемые океанские пути, они, несомненно, являются причиной многих из тех ужасных катастроф, свидетелем которых является только око Божье, и единственное, что нам известно о них, - это краткое примечание в "Книге потерь" Ллойда: "Затонул в море, дата неизвестна". Недавнего примера, в котором, возможно, не было причинено ущерба, все же достаточно, чтобы показать степень риска. Судно *Virago*, груженное тиком, следовавшее из Моулмейна в Индийском океане в Квинстаун, Ирландия, затопило водой и было брошено 5 марта прошлого года в 155 милях к юго-западу от мыса Клир. На следующий день ее обогнал американский лайнер *Eagle*; 17 числа того же месяца пароход, следовавший из Роттердама в Гибралтар, сообщил, что видел ее; 5 апреля ее обогнал *Naiad* на пути из Палермо в Милфорд; а 15-го с ней встретился *Samarang*, направлявшийся в Тенби; 18-го ее видел в 160 милях от Лизарда "в очень опасном положении" *Чемпион морей*; снова 3-го апреля ее обогнал "Найда", следовавший из Палермо в Милфорд. в мае пароход "Альгамбра", совершавший рейс в Саутгемптон, встретил его на 47° широты; примерно в то же время и в том же месте его видел пароход "Перу", "и, казалось, будто с ним столкнулись"; и, наконец, 20 мая по телеграфу пришло сообщение, что он сел на мель близ Бреста и его груз разгружается. Любопытно отметить, как среди волнений океана ее название постепенно стиралось, пока не было полностью стерто, что является примером прогрессирующего разложения и окончательного разрушения самого судна. Сначала о нем должным образом сообщают в "Ллойд" как о "*Virago*"; на следующем корабле его называют "*Арго*"; еще позже его прозвище сокращают до "*—go*"; а затем название исчезает, пока французы не находят его на своем берегу. Мы предполагаем, что здесь были найдены ее полустертые бумаги, и наши соседи, по своему обычаю, превратили *Virago* в *Нероггоги*. Из этих отчетов очевидно, что несколько крупных судов прошли довольно близко от места крушения, и даже вероятно, что столкновение действительно могло произойти, и не осталось никого, кто мог бы рассказать об этом. В некоторых случаях, при благоприятных условиях ветра и течения, затонувшие суда берутся на буксир другими судами и становятся ценными призами. Однако, когда эти обломки находятся в таком состоянии, что становится ясно, что их невозможно доставить, мы думаем, что было бы хорошо, если бы их можно было уничтожить. Несколько фунтов пороха, правильно насыпанного, или пара балок, распиленных корабельным плотником поперек, разорвали быскрепляющие эти бревна вместе, и, будучи разделенными, они вряд ли причинили бы большой ущерб.

Многие катастрофические крушения можно отчетливо объяснить либо неисправностью компаса, либо незнанием воздействия на него магнетизма корабельного железа. Печальный пример - потеря в 1803 году тридцатишестипушечного корабля Его превосходительства "*Аполлон*" с сорока торговыми судами из конвоя из шестидесяти девяти судов, направлявшихся в Вест-Индию. "*Аполлон*" шел впереди, а за ним следовала вереница отправляющихся за границу сахарных судов, почти не подозревая о катастрофе, которая должна была последовать. В тот самый момент, когда неисправные компасы привели ее к берегу, ей показалось, что она находится примерно в сорока милях от побережья Португалии, и торговый флот был так близко от нее, что более половины из них сели на мель и разлетелись на куски. Совсем недавно у нас были случаи, когда *Reliance* и *Conqueror* потерпели крушение близ Амблетеза, на французском побережье, в виду скал Альбиона, после путешествия из Индии. Известно, что у первого на борту был огромный железный резервуар, влияние которого на его

компасы, должно быть, было очень велико. *"Биркенхед"*, потерпевший крушение близ мыса Доброй Надежды, и судно *"Тайлер"* в Ирландском проливе являются дополнительными примерами разрушений, путь к которым указывает дрожащий палец магнитной стрелки, когда невежество или умышленность создали препятствия для его правдивых действий.

Из многочисленных ошибок, которые могут быть отнесены к общему термину неисправности компаса, мы можем упомянуть дефектные компасы, возникающие из-за несовершенного изготовления или незнания принципов механики и магнитологии, компасы, идеально отрегулированные, но размещенные неразумно либо с учетом магнетизма корабля, либо в непосредственной близости от скрытых и неожиданных участков железа. Незнание степени ошибки компаса, возникающей из-за магнетизма корабля, и ее различной величины при изменении географического положения, и вытекающая из этого вера в то, что во всех местах и при любых обстоятельствах стрелка указывает строго на север, являются частыми причинами кораблекрушений.

Что касается дефектной механической конструкции компасов, следует признать, что в последние годы произошли значительные улучшения, и мы считаем, что главная заслуга в этом принадлежит британскому адмиралтейству. Почти двадцать лет назад они учредили Комитет по расследованию, и бесшумное осуществление мер, которые тогда пропагандировались, и принятие усовершенствований, предложенных сначала под руководством покойного капитана Джонстона, а совсем недавно под руководством мистера Фредерика Эванса, Р.Н., вселили в производителей и значительную часть торгового флота и судовладельцев определенную осторожность, мастерство и внимание к деталям, что принесло хорошие плоды. Большая часть превосходных компасов военно-морского флота Соединенных Штатов производится в этой стране полностью по образцу адмиралтейства, и несколько иностранных правительств недавно получили те же приборы в качестве моделей. Однако не следует предполагать, что неисправные компасы перестали существовать. Наши каботажные суда и многие из наших благородных парусных судов плохо оборудованы, и есть много капитанов, которые все еще смотрят на компас как на дешевый и заурядный предмет, который можно поставить в один ряд с крючками, наперстками и другими предметами из кладовой боцмана.

Не может быть никаких сомнений в том, что большие ошибки в навигации вызваны невнимательным отношением к установке компасов. Обычно нактоуз находится на расстоянии двух футов, а то и меньше, от массивного железного рулевого колеса, которое, опять же, находится в непосредственной близости от железной стойки кормы. Следовательно, локальное отклонение велико, прибегают к магнитной регулировке, и за этим следует временное облегчение бедствия, которое только усиливается на корабле, приближающемся к какому-нибудь отдаленному порту. Известны многочисленные примеры того, как железо было введено в качестве какого-либо дополнения к оборудованию судна, которое, возможно, было утеряно в результате в течение нескольких часов после выхода из порта.

Среди причин, которые действуют таким образом, мы можем назвать причудливые поручни, ведущие в кают-компанию и салоны. Под тщательно отполированным покрытием из латуни часто скрывается много сотен килограммов железа. О каминных печах и воронках, расположенных непосредственно под компасом и рядом с ним, часто не подозревают. Благородный транспорт, во время последней войны перевозивший войска и припасы, днем шел своим курсом с непоколебимой точностью, но ночью компас был таким же неистовым, как сами

волны. После тщательных поисков было обнаружено, что жаровня при изготовлении нактоузных ламп использовала скрытый обруч из железной проволоки для укрепления их каркаса. Размещению железа в грузе не уделяется того внимания, которого оно заслуживает, и мы считаем, что необходимо, чтобы каждое судно, на борту которого оно находится, было проверено на местное отклонение перед выходом из порта и должным образом предъявлено свидетельство перед прохождением таможни. Когда "Агамемнон" настраивал компасы, готовясь к отплытию в последнюю неудачную экспедицию по прокладке атлантического кабеля, было обнаружено, что наличие огромной катушки в его трюме вызвало отклонение не менее чем на семнадцать градусов! Если бы это было торговое судно, подобная проверка не проводилась бы, а указатель, указывающий путь по непроходимым водам, только вводил бы в заблуждение.

Примечательно, сколько неправильного понимания природы магнетического действия существует даже среди людей с высоким интеллектом. Компетентный свидетель на недавнем судебном процессе по делу о кораблекрушении, произошедшем главным образом из-за недостатка знаний законов магнетизма при управлении судном, заявил, что моряки в целом верили, что если груз железа накрыть крышкой, то его воздействие будет отрезано от компаса. Ведущий адвокат по этому делу сочувствовал всеобщему невежеству, потому что признался, что разделяет его. Регулировка компасов с помощью магнитов - очень тонкая операция, и ей уделяется много внимания со стороны некоторых наших ведущих ученых. Компетентный комитет, находящийся под эгидой Торгового совета, в настоящее время занимается посреди железного флота в порту Ливерпуля разъяснением всего предмета. Однако мы считаем своим долгом выразить свое мнение против неразборчивого применения всех лекарств, прописанных знахарями компаса или шарлатанами во многих наших морских портах. Пусть судовладелец ознакомится с теми отчетами Ливерпульского комитета, которые уже были опубликованы, или последует плану Адмиралтейства иметь по крайней мере один хороший компас в месте, свободном от любых магнитных воздействий. На некоторых крупных океанских пароходах стандартный компас устанавливается высоко на бизань-мачте, и мы слышали, что на борту *Great Eastern* предлагается построить специальную площадку, чтобы на компас не воздействовал огромный массив железа, заключенный в его обшивке.

Изучение свидетельств, приведенных в ходе тех расследований, которые проводятся в связи с потерей судов в соответствии с Законом о морском судоходстве, привело бы к предположению, что дефектные карты были даже большей причиной крушений, чем неисправности компаса; но это не так. Дело в том, что неправильные карты служат оправданием капитану, который, возможно, потерял свой корабль, что слишком легко принимается членами следственных и военных судов. Защита, выдвинутая в связи с крушением парохода "*Великобритания*" в Дандрам-Бей, на восточном побережье Ирландии, заключалась в том, что маяк Святого Иоанна, установленный двумя или тремя годами ранее, не был нанесен на самые последние карты Ирландского канала, которые можно было приобрести в Ливерпуле, и что, следовательно, он был ошибочно принят за маяк на Икре Человека. Но эти два огонька находятся по меньшей мере в тридцати милях друг от друга, и чудовищно предполагать, что пароход настолько сбился со счета в течение нескольких часов после выхода из порта. Опять же, в более недавнем случае крушения парохода "*Мадрид*" у мыса Хомбре, у входа в бухту Виго, были допрошены несколько капитанов, которые заявили, что они неизменно проходили одинаково близко к одному и тому же мысу, полагаясь на правильность карты. "При таких обстоятельствах, - заявил суд, - гибель "*Мадрида*" не может быть отнесена на счет противоправных действий или бездействия капитана". Поэтому его удостоверение было

возвращено; и в то же время ему сообщили, что, как правило, “150 ярдов - это недостаточно широкое место для пропуска через мысы”. Мы должны думать, что нет; и более того, мы воображаем, что, если отсутствие каждой незначительной скалы вблизи берега на правительственных картах должно быть принято как оправдание для того, чтобы обойти опасный мыс, мы можем ожидать услышать о многих повторениях катастрофы. “Орион”, потерпевший крушение на западном побережье Шотландии, и сильно пострадавший “Транзит” в проливе Банка были обязаны своей судьбой любви моряков прижиматься к берегу.

Следует, однако, признать, что карты, которыми обычно пользуются на борту торговых судов, весьма ошибочны как в отношении положения и характера огней, буев и маяков, так и в отношении отклонения показаний компаса, который нередко ошибается на пол-пункта, — ошибка, которая может оказаться фатальной при определении курса вверх по каналу или в узком море. От этого великого зла у моряка в настоящее время нет защиты. Решение находится в руках законодательной власти, которая должна только обязать всех продавцов карт гарантировать, что их карты будут исправлены до последней даты, по крайней мере, в отношении огней и буев. Насколько нам известно, в Соединенном Королевстве всего три или четыре издателя частных карт; их запас табличек не может быть очень большим, и, после изучения и приведения в порядок, исправления и дополнения могут быть легко внесены. Эта обязанность должна быть возложена либо на Торговый совет, либо на Адмиралтейство. Последние обязаны исправлять свои собственные карты, и мы понимаем, что практика гидрографов заключается в том, чтобы каждый новый фонарь, или изменение освещения, или буй, или маяк вносились в табличку в течение двадцати четырех часов с момента поступления разведданных в Адмиралтейство. Большое количество уведомлений для моряков — более тысячи, как мы полагаем, в неделю - печатается и публикуется как Тринити—Хаусом, так и Адмиралтейством, и распространяется среди тех, кто связан с судоходством; и каждый продавец морских карт должен быть обязан под страхом наказания представить Торговому совету или Адмиралтейству доказательства того, что он внес исправления в свою медную табличку в течение сорока восьми часов с момента появления уведомления.

Поразительным фактом является то, что материалов для составления карт, даже тех частей акватории, которые омывают берега Европы, еще не существует. О побережье Европы в целом мы достаточно хорошо информированы, хотя есть много участков, требующих более пристального изучения; но об африканской и азиатской частях Средиземного моря, древнем очаге цивилизации и самом известном море в мире, еще многое предстоит сделать. Когда месье де Лессепс выдвинул свое романтическое предложение о строительстве Суэцкого канала, не существовало никакой топографической съемки побережья Египта от Александрии до Эль-Ариша. О Сирии мы ничего точно не знаем; о Кипре, Родосе и западной половине Крита до сих пор почти ничего не известно. Но больше всего мы виноваты в восточных морях и на Азиатском архипелаге. Персидский залив, части побережья Индии, Цейлона, Бирмы, Малакки, Китайской Кохинхины, Желтое море, Корея, Япония, южная и восточная части Борнео, Целебес и др. едва ли нанесены на карту так же точно, как горы на Луне. Северное и восточное побережья Новой Гвинеи, опять же, не обследованы. Пока острова пряностей и неизведанные земли, омываемые индийскими морями, были отданы на откуп пиратам и воображению поэтов, в этом недостатка не ощущалось; но теперь, когда наши клиперы кишмя кишат в этих морях и что сама Австралия начинает там обширную торговлю, мы, несомненно, услышим о страшных кораблекрушениях из-за недостатка исследований. Тогда действительно будет справедливо сказано, что несовершенные карты являются причиной кораблекрушений, если только, когда

Индия перейдет под власть Императорского правительства, не будут предприняты энергичные шаги для исправления этого прискорбного недостатка.

С вопросом о несовершенных картах тесно связано состояние огней, буюв и маяков вокруг побережья — этих стационарных и плавучих часовых, установленных вокруг острова, чтобы направлять потрепанного непогодой моряка. Несколько лет назад нам следовало бы оплакивать наши недостатки в количестве этих средств навигации и указывать на них как на главные причины кораблекрушений. Отчет Специального комитета Палаты общин по маякам за 1845 год показывает нужду, которая тогда существовала не только на побережьях Шотландии и Ирландии, но даже у истоков реки Темзы. Однако в последнее время было сделано многое. Из выступления принца-консорта на ежегодном ужине в Тринити-Хаусе следует, что 77 маяков, 32 плавучих маяка и 420 буюв и маяков, находящихся в ведении корпорации, в настоящее время распределены только по побережью Англии. Большой похвалы заслуживают старшие братья Тринити-Хауса за их заботу об освещении канала Принса, и особенно за их замечательные работы, которые сейчас ведутся под руководством мистера Джеймса Уокера, генерального директора; среди которых мы можем привести новые маяки в Нидлс, Уитби и Сент-Луис. Айвз, маяк-башня на Бишоп-Рок, недалеко от Силли и на Смоллс у Пембрука. В Шотландии также было установлено несколько новых огней; и некоторые из буюв были окрашены в систематический цвет — красные буи были размещены по правому борту, а черные - по левому, при входе в гавань со стороны моря, в соответствии с режимом, принятым во Франции, Бельгии и Голландии. Эта система, однако, представляет трудности там, где есть несколько каналов, как, например, в устье Темзы; но есть много мест, в которых она могла бы быть применена с пользой. В настоящее время, как мы полагаем, движение по реке Тис осуществляется по прямо противоположному плану; и в некоторых крупных портах королевства принята местная схема, которая полностью закрывает навигацию для всех, кроме местных лоцманов, для чьего особого преимущества эта секретная система, по-видимому, поддерживается. Противники простого и единообразного метода укрепления побережья, действительно, настаивают на том, что это передало бы ключи от наших гаваней в руки наших врагов; но этот аргумент настолько ребяческий, что вряд ли заслуживает внимания. Если мы не можем сохранить целостность наших вод силой, мы, конечно, никогда не сможем сохранить ее хитростью.

Отсутствие огней на берегах Ирландии уже давно является причиной жалоб. Пока в течение нескольких лет на побережье, откуда выходят на сушу почти все суда, пересекающие Атлантику из Канады, Новой Шотландии, Бостона и Нью-Йорка, не образовались пространства в шестьдесят, семьдесят и восемьдесят миль без единого огонька! Однако в течение всего этого времени с американцев и других наций взимались небольшие пошлины, которые, таким образом, служили образцом ирландской взаимности. На побережьях Соединенных Штатов было достаточно огней и не взимались световые сборы, в то время как на побережье Ирландии огней было мало, а сборы были высокими. Мы надеемся, что королевская комиссия, которая по предложению лорда Кларенса Пейджета недавно представила свой отчет о состоянии огней и буюв в стране, даст толчок к улучшению, которое уже началось, и либо избавит от этих световых сборов, либо порекомендует более справедливый метод их взимания. Одного пенни с тонны фактического тоннажа страны, выплачиваемого раз в год, было бы достаточно для поддержания всех огней в королевстве, и это было бы проще, чем нынешняя сложная система оплаты каждого нового рейса, которая так несправедливо сказывается на каботажной торговле. Мы верим, что не за горами то время, когда в самих светильниках произойдет революция. Для моряка крайне важно, чтобы самый яркий и достоверный свет, который может предоставить

наука, был направлен на затонувшую скалу или постоянно поддерживался на опасном мысе. И все же нельзя отрицать, что для этой цели у нас нет ничего лучше масляных ламп; и хотя самая глубокая наука и самое тонкое искусство были использованы, чтобы максимально использовать эту слабую энергию, факт остается фактом: мы не продвинулись дальше масляного фитиля прошлого столетия в наших попытках создать свет, который будет отбрасывать свои лучи далеко над морем и пробиваться сквозь туманы и снежные бури темными зимними ночами. Не менее странно, что мы отстаем от французов и даже испанцев в том, что касается механизма, необходимого для концентрации того небольшого количества света, которое у нас есть. В двух первых странах подавляющее большинство маяков построено по диоптрийному принципу, весь свет ламп концентрируется в случайных вспышках с помощью мощной системы линз, образующих сплошную стеклянную решетку. Англия, напротив, использует в большинстве своих маяков старые металлические отражатели; и, как справедливо замечает лорд Кларенс Пэджет, путешественник, покидающий Фолкстон, ясно оценит разницу между двумя системами, сравнив диоптрийный свет, исходящий от далекого мыса Гриз-Нез, со слабой искоркой английского отражателя, находящегося неподалеку от него в Дандженессе. Главной целью создателей этих мощных линз было направить весь свет ламп в параллельные лучи, так чтобы на море падал только тонкий световой диск; но, как верно заметил мистер Финдли в своем докладе, прочитанном в Обществе искусств, в конце концов мы переборщили, и результатом уже стало ужасное кораблекрушение. "*Данбар*", совершив благополучное плавание к нашим антиподам, потерпел крушение у Сиднейского мыса, в пределах видимости от своего порта. Этот опасный утес был увенчан отражателем света, который посылал тонкий диск лучей, под которым корабль проходил в тумане. Если бы несколькими расходящимся лучам было позволено осветить опасность у ее ног, она избежала бы своей участи.

Другой большой и возрастающей трудностью, возникающей из-за ограниченных возможностей существующих горелок, является тот факт, что пароходы начинают показывать огни такой же мощности, как те, что выставляются на маяках низшего порядка и на легких судах. Отсюда возникает путаница между неподвижными и движущимися огнями, которая грозит привести к самым катастрофическим последствиям. Не далее как в феврале прошлого года американский барк "*Леандер*", следовавший по каналу Святого Георгия, увидел свет, который принял за свет на скале Тускар, и, когда было слишком поздно, обнаружил, что он принадлежит винтовому пароходу "*Северная Америка*", который шел прямо по курсу. Следствием этого стало ужасное столкновение, и несчастный корабль почти со всем своим экипажем отправился на дно. Было признано абсолютно необходимым заменить фонарь на маяке "Нор" с неподвижного на вращающийся, чтобы отличить его от многочисленных мощных фонарей, которые несут пароходы, стоящие на якоре или проходящие по Темзе.

Предпринимались различные попытки увеличить мощность освещения горелок. В 1832 году лейтенант Драммонд предложил использовать кислородно-водный свет, и что касается интенсивности света, то новое средство оказалось совершенно успешным: свет Драммонда на расстоянии семидесяти миль казался зрителю ближе, чем обычный отражающий свет на расстоянии двенадцати миль. Но оказалось невозможным поддерживать постоянный свет с помощью этой системы, и поэтому от нее отказались. С тех пор профессор Холмс проводил эксперименты с магнитным электрическим светом. Говорят, что устройство состоит из ряда очень мощных магнитов, вокруг полюсов которых спирали вращаются с помощью паровой машины. Таким образом создается мощный магнитный ток, который, проходя через угольные карандаши, излучает великолепный свет. Большая трудность этого и других подобных

предложений по получению света путем пропускания тока через две точки состоит в том, чтобы так отрегулировать их, чтобы они всегда оставались на одном и том же расстоянии друг от друга, поскольку любое изменение немедленно повлияло бы на интенсивность света. Это пожелание еще не выполнено, и мы не считаем его возможным осуществить. Однако профессор Уэй, как мы предполагаем, решил проблему, заменив эти точки струей ртути.

Беглый просмотр мрачной карты затонувших кораблей заставляет нас задуматься о том, не является ли забота, предпринятая для предупреждения моряков об опасности, во многих случаях непосредственной причиной их стремления к ней. Если мы обратим внимание, например, на маяки, окаймляющие Сент-Джорджес и Ла-Манш, нас поразит тот необычный факт, что там мы находим наибольшее скопление тех мрачных точек, которые указывают на гибель людей и имущества, и может показаться, что корабли, подобные мотылькам, были привлечены светом и уничтожены. Такое, без сомнения, часто бывает. Корабли, идущие по каналу, направляются к ближайшему светилу и от него определяют свой курс до встречи со следующим светом. Они как бы нащупывают свой путь темной ночью, держась за поручни этих направляющих, а иногда спотыкаются о те самые камни, которые поддерживают сами маяки — туман, как в случае с *Данбаром*, позволяет им попасть внутрь и под вспышку опасности. Бедствия, вызванные этой системой ощупывания затонувших скал и обрывистых мысов, побудили мистера Томаса Герберта из Trinity House предложить освещение Среднего канала. Его система заключается в швартовке плавучих маяков такой формы, которая обеспечивает устойчивость, достаточную для этой цели, и таким образом он может разместить ряд самых мощных маяков с небольшими сравнительными затратами в самых центрах двух великих каналов английской торговли, да и всей мировой торговли. Корабль, войдя в Ла-Манш, немедленно направился бы к самому западному из этой линии “огней Фарватера”, вместо того чтобы высматривать “Ящерицу”, и, добравшись до нее, курс был бы свободен от всех возможных опасностей. Восемь плавучих маяков, протянувшихся от самой западной из них, расположенной в сорока милях к юго-западу от Силли, до Дандженесса, значительно усилили бы безопасность этого усеянного обломками моря. Самый дальний из этих огней, по предложению мистера Герберта, должен быть установлен для телеграфной связи с берегом, с помощью чего торговцы и грузополучатели были бы проинформированы о прибытии судов на сутки раньше, чем в настоящее время. Таким образом, на станции также можно было установить гринвичское время, что позволяло встревоженному капитану проверять правильность показаний своего хронометра с точностью до последнего возможного момента. Такая станция могла бы также служить хранилищем воды и свежих припасов, столь необходимых судам, задерживаемым встречными ветрами в проливе Ла-Манш, и для обеспечения которых Адмиралтейство теперь ежегодно отправляет корабли. Не выражая какого-либо определенного мнения по поводу этой схемы, нам кажется, что она обладает достаточным правдоподобием, чтобы оправдать расследование. Если не возникнет непреодолимых практических возражений, — а мы слышали, как об этом хорошо отзывались практики, — то можно не сомневаться, что это в немалой степени уменьшило бы опасности Ла-Манша, не мешая нынешним огням, которые всегда были бы полезны для каботажной торговли.

Пожалуй, самой частой причиной крушений, особенно у нашего побережья, является небрежность со стороны капитана. Если мы проанализируем случаи столкновений, произошедших в 1857 году, то с удивлением обнаружим, что гораздо большая их часть происходит в открытом море и в ясную ясную погоду. Из 277 столкновений, повлекших за собой полные или частичные потери людей, плохая осмотрительность стала причиной 88, а

несоблюдение правил дорожного движения - 33 столкновений. Среди моряков есть поговорка, что если соблюдать три буквы "Л" — Направление, Широту и Впередсмотрящий, — корабль в безопасности; и нельзя было бы произнести более подходящего изречения. Как ни проста отливка свинца, при выяснении причин крушения почти неизменно обнаруживается, что этой предосторожностью пренебрегли. Почтовый пароход *Ava*, несомненно, был потерян у берегов Тринкомали в феврале прошлого года из-за этого упущения. Поводок не только способен определить направление зондирования, которое само по себе предупредило бы моряка о приближении мелководья; но, будучи вооруженным, он способен донести голос из глубины, чтобы сказать, у какого берега может находиться судно. Если бы капитаны *Reliance* или *Conqueror* бросили свинец, они бы не только знали, что их судно садится на мелководье, но и что они находятся у берегов Франции; поскольку свинец приносит более крупный песок с берегов наших соседей, чем с противоположного берега на английской стороне. Вопрос о широте - это вопрос, который проверяет навигационные знания капитана. Человек, который может правильно выполнять небесные наблюдения, вряд ли будет испытывать недостаток в знаниях навигации. Различия между капитанами судов в этом отношении очень заметны. Капитан Бэзил Холл рассказывает нам в своих "Фрагментах путешествий", что во время путешествия из Калифорнии в Рио первая земля, которую он увидел, была по обе стороны от него, когда рассеялся туман у входа в Рио-де-Жанейро. Не имея другого проводника, кроме науки, он добрался до своего порта, не увидев земли, после путешествия длиной во много тысяч миль. С этим мы можем сравнить случай, приведенный в Отчете о кораблекрушениях за 1836 год, в котором бриг "*Генри*" из Корка, направлявшийся в Сент-Джонс, Нью-Брансуик, с семьюдесятью пассажирами на борту столкнулся с "*Андромедой*" из Нью-Йорка, в голодном состоянии; ее капитан, по его собственным подсчетам, находился в 800 милях к западу от своего истинного местоположения. Этот человек, должно быть, был одним из тех, кто, как говорят моряки, "влезает в окна каюты, вместо того чтобы пробираться наверх через люки". Ошибки такого рода, вероятно, будут происходить не так часто, как раньше, благодаря действию Закона о торговом судоходстве, который, как мы думаем, предотвратит повторение более грубых ошибок в навигации. Никогда не было большего благословения для торгового судоходства этой страны, чем закон, обязывающий компетентных лиц проводить расследование во всех случаях несчастных случаев. Ею злоупотребляют, как, несомненно, и любой мерой, жестко направленной против неправомерных действий; но она уже принесла бесконечную пользу и принесла бы еще больше, если бы ее положения строго соблюдались.

Часто предполагается, что смещение песчаных отмелей является причиной затонувших судов, но, по-видимому, для этого мнения нет достаточных оснований. Мы слышали много удивительных историй о перемещении "Гудвина" и о внезапном обнаружении полностью сохранившихся корпусов давно потерянных кораблей. Все эти рассказы поэтичны, хотя край берега может то тут, то там прогибаться и обнажать ребра какого-нибудь судна, давно засосанного внутрь. Изменения, происходящие в Гудвине, и они носят очень постепенный характер, происходят на западной или прибрежной стороне: его восточная сторона крутая, как стена, и сохраняет то положение, которое она имела при первом точном обследовании. Прибрежный песок в Даунсе у Рамсгейта, по-видимому, полностью переместился к берегу или к западу, и есть небольшая склонность к изменению в песках, известных под названиями Leigh Middle и Yantlet Ground в Си-Рич, у входа в реку Темзу. Пески Ярмут и Лоустофф слегка смещаются. Канал, или, как его еще называют, гат, открывается то в одном месте, то в другом; но эти вариации вскоре становятся известны и поддерживаются Домом Тринити. Изменения

происходят при входе в Мерси, но инспектор реки быстро отмечает отклонения и сообщает о них лоцманам. На северо-восточном побережье Англии произошли более масштабные изменения; большая часть Холдернесса в Йоркшире была смыта, и море прорвалось через Мыс Отвергнуть, угрожая снова превратить его в остров. В Лэндгارد-Пойнт, у входа в Харвичскую гавань, неосмотрительный демонтаж заграждения из цементного камня, благодаря которому сильные морские волны могли беспрепятственно воздействовать на берег, привел к тому, что за последние полвека образовались нагромождения песка, пока галечный пляж не поднялся на семь футов над уровнем высокой воды; не так давно линейный корабль мог войти в гавань. Еще одно заметное увеличение площади приходится на Дандженесс, где галька расширилась в среднем на три ярда в год с начала христианской эры. Но, несмотря на огромное значение для инженера при работе с гаванями, эти изменения не приводят к кораблекрушению.

Основной причиной кораблекрушений у берегов Соединенного Королевства, несомненно, является нехватка гаваней-убежищ. Из парламентских отчетов явствует, что тоннаж судов, вошедших в порты этой страны и вышедших из них в 1857 году, составил 23 178 782 тонны, или в круглых цифрах 232 000 судов. Но даже этого недостаточно для того количества судов, которые постоянно проходят мимо наших берегов и которые при внезапном шторме могут потерпеть крушение, поскольку это касается только тех, которые перевозят груз. Сюда не входят угольные шахты и другие суда с балластом, ни военные корабли, ни небольшие каботажные суда, груженные камнем, известью и т. Д., Все это увеличило бы количество до полных 300 000 судов.

Мы уже заявляли, что число жертв судоходства у берегов и в морях Соединенного Королевства составляет в среднем 1025 человек в год; что человеческие жертвы составляют 830 человек в год и что ущерб имуществу достигает полутора миллионов. Нет ничего необычного в том, что один-единственный шторм усеивает побережье обломками кораблекрушений. В результате трех отдельных штормов, произошедших в 1821, 1824 и 1829 годах, на восточном побережье Англии, на коротком участке между Хамбером и Тисом, было потеряно 169 судов. В результате единственного шторма 31 августа 1833 года 61 судно было потеряно на песках в Северном море и у восточного побережья Англии. Во время сильнейшего шторма 13 января 1843 года у берегов Британских островов потерпело крушение 103 судна, и среди них 13 крупных судов только у порта Ливерпуль. Во время шторма 1846 года 39 судов пристали к берегу в Хартлпуле; а в марте 1850 года 134 судна сели на мель или столкнулись. Во время шторма 25 сентября 1851 года потерпело крушение 117 судов; и за каждый из четырех первых месяцев 1858 года отчеты Торгового совета показывают, что число жертв составляло от 140 до 150 человек, или от четырех до пяти в день. Этих фактов достаточно, чтобы доказать ужасающую гибель людей и имущества, а также абсолютную необходимость создания в наиболее открытых и часто посещаемых местах нашего побережья укрытия, на которое моряк имеет право рассчитывать в трудную минуту.

Раньше в отчетах комитетов по расследованию кораблекрушений упоминалось так много расплывчатых общих положений, что у Палаты общин не было определенных выводов, на основании которых можно было бы действовать. Это уже не тот случай. В доказательствах, представленных специальному комитету Палаты представителей при расследовании дела о гаванях-убежищах в 1858 году, показано, что существуют определенные районы, в которых затонувшее судно является нормальным состоянием. Почти треть всех жертв приходится на восточное побережье Великобритании, а в 1857 году их было больше половины! Более того, практически доказано, что большая их часть происходит примерно в семидесяти милях от побережья или между Фламборо-Хед и Тайном. Таким образом, здесь тема сужается до точки. В

непосредственной близости от угольных портов должна быть гавань—убежище - какое-нибудь место, мимо которого проходят все угольные шахты, легкие и груженные, будь то в бухте залива (или сетном мешке), как Тис-Бей, или дальше к югу, возле залива Файли. Точное местоположение может потребовать тщательного рассмотрения; но вопрос о положении на восточном побережье Англии в настоящее время сузился до расстояния в пятьдесят миль. В ходе этого расследования выявился один неожиданный факт, а именно, что среди угольных шахт, потерянных в этой части побережья, соотношение загруженных судов к потопленным составляет 5 к 1.

На побережье Шотландии наблюдается прискорбная нехватка глубоководных гаваней-убежищ. От Пентленд-Фрита на юг до Кромарти, на расстоянии 100 миль, нет ничего, кроме приливных гаваней, и все они недоступны в течение двенадцати часов из двадцати четырех. То же самое происходит от Морей-Фрит вокруг Питерхеда до Фрит-оф-Форт, за исключением Тэя. Тем не менее, именно вдоль этого побережья должна проходить большая часть нашей торговли с Балтикой, а также вся Гренландия, Архангельск, пролив Дэвиса и большая часть торговли Канады и Соединенных Штатов. В дополнение к этому транспортному потоку, оба этих прибрежных района примечательны тем, что здесь широко ведется промысел сельди. В Питерхеде насчитывается 250 рыбацких лодок, во Фрейзербурге и Баки плавают более 400; в то время как дальше на север, у побережья Кейтнесса, более 1200 рыбацких лодок, на которых работают 6000 человек, каждую ночь выполняют свое призвание, подвергаясь пресловутой внезапности шторма в Северном море. Таким образом, здесь, в какой-то части этого района, будь то Питерхед, Фрейзербург или Уик, настоятельно требуется гавань-убежище.

На западном побережье Англии, между Лендс-Эндром и южным побережьем Уэльса, включая Бристольский канал, убежище абсолютно необходимо. Торговля в Ирландском море, включая Ливерпуль, Глазго и Белфаст, а также большой и растущий трафик угольных портов Ньюпорт, Кардифф и Суонси, в дополнение к торговле Бристоля и Глостера, срочно требуют какого-нибудь убежища. Для первого, вероятно, это гавань недалеко от входа в Канал, как на острове Св. Айвз, был бы наиболее полезным; для торговли в верхней части Бристольского канала, Кловелли на южном побережье, остров Ланди в центре и залив Суонси на севере были местами, особенно рекомендованными в доказательствах. На побережье Ирландии скалы, называемые Шхерами, недалеко от Портраша на северном побережье, Лох-Карлингфорд на востоке и Уотерфорд на юге упоминались как места, где можно найти хорошие гавани с незначительными затратами.

Из убедительных доказательств следует, что существующие приливные гавани у наших берегов могут быть значительно улучшены с целью присоединения к гаваням-убежищам в случае необходимости. Мы считаем этот дополнительный взгляд на вопрос очень важным. Показано, что небольшая сумма в 2500 фунтов стерлингов год, который Шотландский совет по рыболовству уполномочен предоставлять ежегодно, чтобы покрыть вдвое большую сумму, собранную из частных источников, имел большое значение и привел к появлению множества пирсов и рыбопромысловых гаваней на побережьях Шотландии. Несколько аналогичная мера, применяемая к гаваням в целом, имела бы первостепенное значение. Во многих из них ссуда небольшой суммы денег под низкий процент принесла бы большую выгоду. Огромные парламентские и другие сборы, связанные с получением Закона о портах, настолько разорительны, что многие из небольших гаваней находятся в состоянии упадка из-за невозможности собрать средства для их восстановления. Мы рады видеть, что мистер Генри

Полл, член парламента от Сент-Айвса, уведомил Палату представителей о законопроекте, направленном на устранение этого зла и позволяющем некоторым государственным ведомствам, таким как Адмиралтейство и Совет по торговле, предоставить необходимые полномочия для сбора средств для проведения *добросовестных* улучшений. Мы сердечно желаем ему успехов и верим, что он будет упорствовать до тех пор, пока его предложение не станет законом страны.

Естественно было бы предположить, что крушения и столкновения, происходящие у наших собственных берегов, составляют лишь незначительную часть жертв, происходящих по всему миру. Но это не так. Мировая торговля тянется к нашим берегам, а эти берега омываются узкими и потому опасными морями. Следовательно, мы можем объяснить факт, который в противном случае показался бы поразительным, а именно, что потери на наших собственных побережьях составляют почти треть потерь во всем мире. Согласно отчетам агентов Ллойда, среднегодовое количество жертв и судов, которые коснулись земли за последние четыре года во всех морях, составляет 3 254; в то время как, как мы уже указывали, у нашего побережья происходит в среднем 1025 случаев. Каким бы длинным ни был список бытовых катастроф, по крайней мере, отрадно констатировать, что число более тяжелых случаев не увеличивается. Официальный отчет об этих потерях не восходит к 1852 году, но ежегодные отчеты с той даты, которые мы приводим, в целом обнадеживают.

	1852.	1853.	1854.	1855.	1856.	1857.
Крушения	958	759	893	894	837	866
Столкновений	57	73	94	247	316	277
Всего	1015	832	987	1141	1153	1143

Из этой таблицы видно, что, хотя количество затонувших судов в абсолютном выражении сокращается, что, без сомнения, связано с большей сообразительностью капитанов и соблюдением Закона о морском судоходстве, происходит большое и растущее число столкновений. Последнее обстоятельство важно и, по всей вероятности, объясняется двумя причинами: значительным расширением торговли страны в последние годы и тем, каким образом пар вытесняет использование парусов. Если мы оглянемся назад всего на пятнадцать лет и сравним торговлю того периода с тем, что она представляет собой в настоящее время, мы будем поражены темпами развития нашей торговли. Мы находим, что в статистическом справочнике за 1858 год указано, что количество британских судов, вошедших в порты Соединенного Королевства и вышедших из них в 1843 году, составило 7 181 179 тонн, а иностранных - 2 643 383 тонны, что в совокупности составляет 9 824 562 тонны. Однако в 1857 году тоннаж введенных и растаможенных британских судов увеличился до 13 694 107 тонн, а иностранных - до 9 484 685 тонн, что в совокупности составило не менее 23 178 792 тонн; таким образом, за четырнадцать лет он увеличился на 13 354 230 тонн, или на 136 процентов! С таким огромным увеличением числа судов, проходящих мимо наших берегов, у нас есть основания быть благодарными за то, что крушения происходят не намного чаще, и это будет объяснять тревожное увеличение числа столкновений. И судов не только стало больше, но и большая их часть приводится в движение паром. Парламентский документ, недавно опубликованный, показывает, что количество пароходов, используемых во внутренней и внешней торговле, увеличилось с 414 в 1849 году до 899 в 1857 году; то есть количество судов, наиболее подверженных столкновениям, за последние восемь лет более чем удвоилось, и в то время как

количество парусных судов увеличилось за этот период всего на 3,49%., последние увеличились на 117,15%., соотношение паровых и парусных судов увеличилось с 2,22% в 1849 году до 4-87% в 1857 году. Принимая во внимание скорость, с которой ходят пароходы, и то, как их мощные огни, только что представленные, имитируют огни маяков и плавучих маяков, увеличение числа столкновений неудивительно. Не может быть никаких сомнений в том, что введение цветных бортовых огней, которые отныне должны быть установлены на всех судах, как парусных, так и паровых, позволит различать направление, в котором стоит другое судно, чего раньше не было.

Наиболее важной задачей после предотвращения кораблекрушения является спасение экипажа в случае катастрофы. По всему побережью — сгруппированные плотнее, там, где роковые черные точки указывают на опасные места, — мы находим грубые отметины, указывающие на присутствие спасательных шлюпок. Таким образом, всякий раз, когда опасный мыс или скрытая отмель угрожают моряку гибелью, средства защиты всегда под рукой. Из этих лодок, каждая с бесстрашным экипажем из двенадцати добровольцев, 141 расквартирована вдоль побережья; семьдесят находятся под управлением Национального института спасательных шлюпок и семьдесят одна — под руководством различных корпораций и местных властей. Благородному поведению герцога Нортумберлендского, президента Национального института спасательных шлюпок, мы обязаны нынешним улучшением состояния средств спасения людей в случаях кораблекрушения. Еще в 1790 году два скромных судостроителя с берегов Тайна, Грейтхед и Ваулдхейв (которых поощрял тогдашний герцог Нортумберлендский), изобрели широкую изогнутую спасательную шлюпку с надувными футлярами, которая использовалась в основном у наших берегов. Впоследствии от этой модели во многом отказались, и постепенно самые несовершенные лодки (при условии, что они были обшиты тем, что считалось герметичными корпусами) удостоились названия спасательных шлюпок. Многочисленные аварии, произошедшие с этими кораблями, которые были построены по эмпирическому правилу, а не на основе какой-либо научной системы, принесли им большую дурную славу. Действительно, слишком часто их отважные экипажи, вместо того чтобы выполнять свою миссию, тонули в пути. В некоторых случаях из-за их неправильной конструкции они переворачивались *из конца в конец* при ударе о бушующее море, и из-за отсутствия возможности выпрямиться при опрокидывании несчастные люди оказывались заключенными под ними. Чтобы предотвратить повторение подобных катастрофических происшествий, герцог Нортумберлендский предложил премию за изготовление модели спасательной шлюпки, и в результате было продемонстрировано несколько респектабельных изобретений. Однако ни один из них не соответствовал всем предписанным условиям; и только после нескольких испытаний и множества экспериментов нынешняя спасательная шлюпка была достроена. Похоже, что это работа комитета, а не отдельного человека; но главная заслуга в этом принадлежит мистеру Пику с Королевской верфи в Вулидже; Джозефу Проузу-младшему, мастеру той же верфи; и господам Дж. Компания Forrester, известные строители лодок из Лаймхауса. Она была принята на вооружение Институтом спасательных шлюпок и выдержала испытание многолетним опытом без единой поломки. Во время испытаний, недавно проведенных в Булони, лодка дважды намеренно опрокидывалась с помощью крана и выпрямлялась за две секунды, и менее чем за пятнадцать секунд вода, которой она была наполнена, исчезла через ее самодействующие клапаны. Из всего числа 1668 моряков, спасенных за последний год, 399 были обязаны своими жизнями этим лодкам, и мы не

сомневаемся, что в последующие годы они окажутся еще более эффективными, если только неопытные люди будут хорошо обращаться с ними, а не опрометчиво управлять ими; ибо невозможно изобрести спасательную шлюпку, которая не была бы подвержена несчастным случаям, если ее доверить небрежным или неумелым рукам.

Но есть еще один момент, почти столь же важный, который, по-видимому, был сильно упущен из виду, - бесполезность так называемых спасательных шлюпок, которые по Акту парламента обязаны иметь на борту каждое судно для эмигрантов, каждый транспорт, каждое пассажирское судно. Мы без колебаний объявляем их в большинстве случаев насмешкой, заблуждением и ловушкой. Не так давно мы слышали из уст одного из самых опытных судостроителей на берегах Темзы, что, когда лодка признавалась непригодной для использования в каких-либо других целях, обычной практикой было подлатать ее, добавить определенное количество герметичного кожуха и утилизировать как спасательную шлюпку. Мы не знаем, на ком лежит ответственность за приведение этого Закона в исполнение, на Торговом совете или Ассоциации спасательных шлюпок, но факт его уклонения печально известен, и на ком-то лежит большая ответственность. Даже когда "безумная штука" взята на борт, она часто так перегружена, что ее нельзя спустить в случае необходимости без долгой задержки, и часто не хватает парусов, весел, штифтов, заглушек, и всегда без исправного компаса. И все же в этой плохо оборудованной лодке подвергаются риску жизни тридцати, сорока, возможно, пятидесяти наших слишком доверчивых соотечественников. Перед отплытием судна было бы легко убедиться, что спасательная шлюпка исправна; что определенный запас провизии и пресной воды был помещен в соответствующие ящики; что мачта, паруса, весла и штифты были закреплены в лодке и что вместо нелепой игрушки с таким названием, карточка которой вращается волчком при каждом взмахе весел, был установлен эффективный шлюпочный компас. Прекрасный спиртовой или жидкий лодочный компас Dent можно приобрести менее чем за 5 фунтов стерлингов. Оснащенная таким образом спасательная шлюпка придавала бы пассажирам уверенности, сослужила бы им хорошую службу в трудную минуту и была бы не более того, что законодательный орган вправе требовать в соответствии с положениями Закона. Все меньшее является грубым навязыванием простым эмигрантам, которые отправляются в путь с уверенностью, полагая, что все было сделано для их безопасности.

В дополнение к системе спасательных шлюпок мы установили на большинстве постов береговой охраны ракетно-минометные установки, позволяющие устанавливать связь с севшими на мель судами путем натягивания на них троса. Этот метод был эффективен в 243 случаях за последний год и хорошо отработан под эгидой Совета по торговле. Недостатком использования минометного аппарата является его вес, который препятствует его легкой транспортировке вдоль скалистых берегов, где он в основном необходим, но мы понимаем, что мистер Браун из Главного управления регистрации моряков изобрел переносное устройство, которое, по всей вероятности, значительно облегчит наши средства сообщения с севшими на мель судами и в немалой степени еще больше сократит печальный список моряков, ежегодно погибающих на нашем измученном непогодой побережье.

ЖИЛЬЕ, ЕДА И ОДЕЖДА СОЛДАТ.

Если бы вопрос о том, какая группа мужчин ведет наиболее здоровый образ жизни во владениях ее Величества, был задан незадолго до этого, разумно было бы ответить: пехотинцы Ее Величества. Набранный в возрасте девятнадцати лет, главным образом из числа сельского населения, подвергнутый критическому осмотру инспектирующего хирурга, испытанный в дыхании и конечностях и проверенный на каждом этапе, будущий солдат должен доказать, что он спортсмен, или навсегда отказаться от надежды носить форму ее Величества. Зачислен в отборный армейский корпус; расквартирован либо в столичных казармах, либо в двух шагах от дворца Государя; государство одевало, кормило, предоставляло жилье и ухаживало за больными; и только перед лицом серьезных чрезвычайных ситуаций, необходимых для того, чтобы противостоять опасностям дипломатической службы; слабые и неспособные мгновенно выбрасывались из рядов — его жизнь действительно кажется избранной, с которой, по-видимому, не сравнится никакая другая среди трудящихся классов. Когда мы видим его на параде во всем великолепии и доспехах войны, мы с гордостью считаем его достойным того благородного отряда, который неудержимо смел перед собой орлов Франции и в одиночку при Инкермане долго сдерживал врага и спас две армии от уничтожения. И все же возьмите самые нездоровые профессии в Англии — бледного портного, сидящего за своим столом, или шахтера, живущего в недрах земли, — и вы обнаружите, что процент смертей в их рядах далеко не так велик, как в рядах великолепной гвардии, разукрашенной и начищенной до блеска, чтобы соответствовать взгляду принцев, но, увы! часто немногим лучше побеленных гробниц. Таков факт, выявленный трудами комиссаров, назначенных для изучения правил, влияющих на санитарное состояние армии. Если "наиболее благоприятствуемые" полки дают такие катастрофические результаты, то можно представить, что положение рядовых, которые сменяют друг друга в любом климате, должно быть намного хуже; но, как ни странно, на самом деле все обстоит наоборот. Это показано в следующей таблице, в которой приведено число ежегодно умирающих на тысячу человек среди военнослужащих внутренних войск и среди гражданских мужчин Англии и Уэльса в армейском возрасте:—

Домашняя кавалерия	11·0
Гвардейских драгун и кавалергардов	13·3
Пеших гвардейцев	20·4
Линейная пехота	18·7 .

Население Англии и Уэльса в армейском возрасте:—

Население городов и деревень	9·2
Только по стране	7·7,

Один из самых нездоровых городов в армейском возрасте:—

Манчестер	12·4
-----------	------

Согласно подсчетам м-ра Нейсона, смертность домашней кавалерии в 1¼, драгун и т. д., 2½, 2-й линии 9/10, and Guards 3¼ раз выше, чем смертность сельскохозяйственных рабочих,

являющихся членами дружественных обществ. Вполне возможно, что Комиссары, рассматривая эти возвращения, заметят:

“То, что на войне люди должны умирать от переохлаждения, от переутомления, от нехватки припасов, понятно; или что оккупация города с населением в 30 000 человек армией в 30 000 человек без каких-либо санитарных мер, внезапное удвоение населения в районе и, таким образом, сокращение вдвое доли каждого жилья, припасов, воды, канализации и т.д. и т.п., должно породить болезни, легко понять; но поставленная перед нами проблема состоит в том, чтобы найти причины смертности, более чем вдвое превышающей смертность в гражданской жизни, среди 60 000 человек, рассеянных, численность которых редко превышает тысячу в одном месте, и которые могут привести к заболеваниям”. среди населения в 28 000 000 человек, во время глубокого мира, в стране, которая не только самая здоровая, но и обладает величайшими средствами связи и наибольшим изобилием продовольствия в Европе”.

При попытке решить эту экстраординарную проблему, естественно, возникает первый вопрос: почему у пехотинцев уровень смертности намного выше, чем у кавалеристов? Они набираются в значительной степени из одного и того же источника и, по-видимому, дышат примерно в той же атмосфере; и все же мы обнаруживаем, что пешие гвардейцы гибнут почти вдвое чаще, чем лейб-гвардейцы. Причинами этой разницы в основном являются перенаселенность и отсутствие должных физических упражнений и занятости. Главными болезнями солдата являются лихорадка и чахотка; последняя, или “английская смерть”, как ее слишком метко называют, является главным разрушителем. Смертность от легочных заболеваний составляет в кавалерии 7,3 на тысячу человек, в линейной пехоте 10,2 и в гвардии 13,8; в то время как из общего числа смертей от всех причин в армии болезни легких составляют в кавалерии 53,9%, в линейной пехоте 57·277%, а в пехоте 67·683%. Мы сильно склонны полагать, что некоторая доля этой экстраординарной смертности от легочных заболеваний может быть вызвана атмосферой пайпклея, в которой живут пешие гвардейцы, и даже в меньшей степени конногвардейцы. В 1853 году, в тот год, когда были составлены таблицы смертности, бывшие военнослужащие надели свои белые брюки и камзолы, а также ремни. Таким образом, мелкодисперсная пыль, должно быть, всегда попадала в их легкие, и м-р Саймон в своем недавнем отчете "Влияние на здоровье людей специальных профессий" прямо заявляет, что работники гончарных мастерских относятся к числу наиболее вредных для здоровья ремесленников из-за того, что глиняная пыль, которую они постоянно вдыхают в ходе своей повседневной работы, воздействует на их органы дыхания.

Похоже, что переполненность тюрем является главной причиной разницы в уровне смертности между двумя классами охранников. Если мы сравним крайности, то обнаружим, что, в то время как пехотинцы, расквартированные в казармах на Портман-стрит, имеют всего 331 кубический фут воздуха на каждого человека, конногвардейцы в казармах Гайд-Парка имеют 572 кубических фута; и если мы возьмем все силы пеших и конных гвардейцев, мы обнаружим, что в Лондоне у последних преимущество в том, что в их казармах на одну четвертую-пятую больше воздуха. Но есть еще одно и очень важное отличие в пользу Конной гвардии: ее упражнения в целом более разнообразны, чем у пехоты. В пехоте на учениях тренируются только нижние конечности и фиксируется грудная клетка в одном положении; при уходе за лошадью задействуются почти все мышцы, которые имеют тенденцию раскрывать и расширять грудную клетку. Упражнение с палахом имеет аналогичный эффект. Такое разнообразие в повседневных обязанностях и количестве воздуха, которым им приходится дышать, объясняет,

как мы полагаем, большое расхождение между смертями от чахотки среди охранников двух классов.

Причину повышенной смертности драгунских полков по сравнению с лейб-гвардейскими обнаружить не так-то просто. Что касается линейных полков, расквартированных в основном в сельской местности, то в целом они дышат лучшей атмосферой и имеют больше физических упражнений, чем пехотинцы. То, что это является причиной их более низкого уровня смертности, следует из того факта, что в то время как гвардейцы участвовали в кампании в Канаде во время восстания, наслаждаясь тем же чистым воздухом, что и на Передовой, и подвергаясь точно такой же усталости и воздействию, их относительный уровень смертности был обратным, и пешие гвардейцы оказались более здоровыми из двух. Последняя часть Крымской кампании показала тот же результат.

Когда о высоком уровне смертности впервые стало известно в “Таймс”, военные власти приписали это главным образом разрушительному характеру ночных дежурств. Однако доказательства, представленные Комиссарам, полностью опровергают это объяснение.

Есть три класса людей, чьи ночные дежурства более суровы, чем у пеших охранников, — пожарные, полицейские и матросы; и все же, как ни странно, у всех троих отличное состояние здоровья. Лондонский пожарный изнашивается, пожалуй, больше остальных. По долгу службы он иногда выезжает на несколько пожаров за ночь, и когда не тушит, то ждет наготове. Во время службы он подвержен резким перепадам температур и изрядному намоканию; в одну минуту он горит в огне, в следующую — наполовину утоплен в воде. Тем не менее, смертность от него составляет всего семь случаев на тысячу. Столичная полиция находится на дежурстве десять часов подряд в любую погоду, однако их смертность составляет менее девяти случаев на тысячу. Сравнение между ними и пехотинцами охраны — самое близкое, которое можно было бы провести, поскольку все неженатые мужчины живут в секционных домах (или казармах), одеты в форму и питаются в столовых. И все же смертность всего вдвое меньше, чем в линейных полках, и меньше половины смертности в пехоте! Матрос на домашней станции, который устроен хуже, чем любой из них, и подвергается постоянной ночной работе очень опасного характера, показывает еще более благоприятные результаты. Таким образом, ясно, что ночная работа не объясняет ужасающих нашествий болезней на ряды солдат. Нам также не нужно заходить намного дальше казарм, чтобы узнать основные причины всех этих страданий и смертей. В Лондоне, как мы уже говорили, пешим гвардейцам ее Величества выдавалось не более 331 кубического фута воздуха, а в Дуврском замке его количество было сокращено до 147 футов на человека, или меньше того количества, которое вызвало тюремную лихорадку, бушевавшую, как обнаружил Говард, в Кембриджском городке Брайдуэлл в 1774 году. Максимальное среднее пространство, отведенное каждому человеку до 1847 года, составляло 447 кубических футов. Даже такое количество воздуха становится менее чистым из-за неисправных устройств. Добавьте к этому, что кровати расположены всего в одном футе друг от друга, вопреки тому факту, что человек может задохнуться в толпе, несмотря на то, что над ним все небо. Сержант Браун, отвечая на вопросы одного из членов Комиссии, так подытожил состояние утренней атмосферы: —

“Часто ли вы заходили утром в мужской туалет до того, как открывались окна? — Да. В каком состоянии вы находили атмосферу? — В очень густом и противном состоянии, особенно если я пришел из воздуха. Если я иногда выходил из своей комнаты, то не мог этого вынести, пока не

приказывал открыть окна, чтобы пустить сквозняк. Я часто выходил в коридор и звал санитаря открыть окна”.

В некоторых случаях военнослужащие размещаются в подвалах зданий ниже естественного уровня почвы или в местах, где владельцы складов возражают размещать свои запасы из-за ущерба, который может нанести им сырость. Примечательный пример приводится в свидетельских показаниях доктора Т. Э. Бальфура: —

В 1845 году оружейный склад в Тауэре сгорел дотла, и на его месте была возведена новая казарма — конечно, не раньше, чем это потребовалось, потому что жилье было очень плохим. Барак был закончен в начале 1849 года; в то время среди мужчин преобладала лихорадка и угрожала холера. Хирург подал прошение о передаче новых казарм в пользование мужчинам, и он получил две комнаты; он выразил протест через своего командира властям, когда ему сообщили, что он не мог предоставить ему больше, так как они были полны припасов — одеял, я полагаю. На предложение разместить склады в старых казармах ему ответили, что они слишком сырые, чтобы размещать склады, и только в результате энергичного протеста со стороны командующего офицера, который, я полагаю, дошел до герцога Веллингтона, было приказано собрать Совет офицеров, который рекомендовал немедленно перевести войска в новые казармы ”.

Время от времени капризность полковника натворит немало бед. Не так много лет назад кавалеристы в Найтсбридже были обречены пить воду из Серпентайна — резервуара нечистот, который теперь объявлен заразным для окрестностей. Солдаты возражали против использования этих разбавленных сточных вод, но командир полностью доверял фильтрам. Тем не менее, вода продолжала дурно пахнуть, несмотря на то, что выглядела прозрачной, — тайна, которую не могли разгадать познания полковника в химии; и он не сдавался, пока не была созвана Комиссия. Теперь ветеринарный врач начал жаловаться на то, что шерсть лошадей начала тускнеть, и он пожелал, чтобы они напились из улучшенных запасов, которыми были снабжены мужчины. Полковник все еще верил в свою Извилистую воду и утверждал, что лошади предпочли бы ее более чистому ручью. На казарменном дворе поставили рядом по ведру для каждого из них, и привели лошадь, которая немедленно решила вопрос, отказавшись от грязной воды и погрузив морду в чистую. Прошло не так много лет с тех пор, как войска, расквартированные в Тауэре, подобным же образом были вынуждены пить воду из Темзы, взятую из самого удобного, оказавшегося самым грязным, места на всей реке. Фильтра грубой очистки было недостаточно, чтобы защитить их от болезней, которые, несомненно, вызывали такие запасы.

Теперь они лучше справляются с этими вещами в гражданской жизни. В 1848 году Общество улучшения положения трудящихся классов открыло свой первый образцовый жилой дом. Их показатель количества воздуха, необходимого бедняку, был намного больше, чем тот, который был установлен тремя годами позже военными властями для солдата. Механику и рабочему разрешалось использовать 542 кубических фута; солдат при самых благоприятных условиях дышал не более чем от 400 до 500 кубических футов - мера, которая постепенно сводится к норме на черные дыры в Дуврском замке, где количество солдат было уменьшено до 131 кубического дюйма. И это не единственный довод в пользу образцовых пансионатов, которых несколько расположено в самых гнусных районах столицы и которые вмещают иногда семьсот обитателей или полный состав многих полков. Помимо содержания чистого воздуха, который

при надлежащей системе вентиляции ничего не стоит, но имеет неисчислимую ценность для человеческой жизни, постоянный двор, вместо того чтобы ограничиваться одной комнатой, используемой для всех целей, разделен на обычные апартаменты гостиницы; у каждого обитателя есть своя спальня, и в нем есть хорошая кофейня, где хранятся бумаги и книги и подается горячая вода. На кухне внизу есть все необходимое для запекания, отваривания, запекания и жарки, и у каждого мужчины есть свой сейф для хранения провизии.

Предусмотрены горячие и холодные ванны; все здание отапливается трубами с горячей водой и хорошо освещается газом. Если бы к солдату относились так же, как к его брату по зубилу и молотку, смертность среди охранников не была бы равна $20 \cdot 4$, а среди рядовых - $17 \cdot 8$ на тысячу человек, в то время как среди механиков - всего $13 \cdot 9$ на тысячу.

Если бы нам пришлось писать тома, мы не смогли бы усилить впечатление, которое эти цифры призваны передать, о важности санитарной науки для здоровья. Было сказано, что солдаты не оценили бы преимуществ образцового ночлежного дома и что, как утверждал полковник о полковой лошади, они предпочитают грязное чистому, — тесниться в общей комнате, а не в отдельных квартирах. Если бы это было правдой, это не было бы причиной для того, чтобы не учить их лучше. Если им присущи дурные привычки, они не меньше страдают, когда причиняется вред; и если бы они были бессердечны до последнего, интересы нации все равно требуют, чтобы жизни, которые стоят так дорого, не были безрассудно выброшены на ветер. Но опыт опровергает предположение о том, что у солдат другие представления о комфорте, чем у гражданских лиц. Охранники в старой части Веллингтонских казарм однажды временно использовали в качестве комнаты отдыха помещение размером пятьдесят на тридцать футов, и, каким бы большим оно ни было, в нем стало неудобно тесно. Комиссары в своем отчете рекомендуют, чтобы каждому солдату в его казарме и караульном помещении было отведено минимум 600 футов пространства, чтобы между кроватями сохранялся интервал не менее трех футов и чтобы была предусмотрена комната отдыха. Барак должен быть, по крайней мере, наравне с рабочим домом.

Высокий уровень смертности в армии следует объяснять не только плохим устройством казарм; необходимо учитывать важные элементы физических упражнений и питания, и в обоих случаях пехота находится в более низком положении по сравнению с ремесленниками.

“Возможно, - говорит полковник Линдси, - ни один живой человек не страдает от скуки больше, чем солдат”. У него нет другого занятия, кроме муштры и связанных с ней обязанностей; они в высшей степени однообразны и неинтересны, настолько, что вы не можете увеличить их количество, не утомив и не вызвав у него отвращения. Все, что он должен делать, - это сдерживаться; он не похож на рабочего или ремесленника; рабочий будет копать, и его разум принадлежит только ему; ремесленник заинтересован в работе, которой он занят; но солдат должен уделять вам все свое внимание, и ему нечего показать за проделанную работу. Он встает в шесть; до завтрака нет строевой подготовки; он заправляет постель и убирает свои вещи; он получает завтрак в семь; он выходит на строевую подготовку в половине восьмого или в восемь; его строевая подготовка может длиться полчаса. Если это день караула, то никаких учений, за исключением неплательщиков. Дежурные строятся в десять часов; на этом его дневная муштра полностью заканчивается. Есть вечерний парад, который занимает полчаса, а затем он сам распоряжается своим временем до тату, которое проводится в девять зимой и в десять летом. Это день солдата, не находящегося в карауле или не принадлежащего к роте, которая выезжает на тренировку по Мине”.

Если не отрицать, что разум оказывает какое-либо влияние на тело, то нельзя сомневаться в том, что бездействие, которому солдат-пехотинец подвергается в казармах, согласно уставу службы, наиболее пагубно сказывается на его умственной деятельности и физическом здоровье. Актуарию хорошо известно, что богатые высшие классы, хотя во всех других отношениях они находятся в наилучших санитарных условиях, живут короче, чем сельскохозяйственные рабочие, по той простой причине, что, имея мало активных обязанностей для выполнения, они страдают отскуки, которая порождает расточительство. Солдат разделяет с богатыми эту причину повышенной смертности, не разделяя с ними других благоприятных условий. Праздный и плохо обеспеченный, он, естественно, прибегает к услугам трактира, и, имея совсем немного денег на выпивку, он слишком часто унижает себя, выпрашивая средства у поклонниц "красных мундиров". Анналы полицейских судов слишком изобилуют отчетами о преступлениях и проступках, совершенных Стражами порядка по этим причинам. Мистер Джефрис, крупный авторитет, свидетельствует, что в Индии значительная часть мужчин натирается и спивается до смерти в условиях образа жизни, столь противоположного привычкам к труду на открытом воздухе, в котором они выросли. Солдат виноват не столько в этом, сколько в правилах службы, которые не позволяют ему приносить пользу. Наиболее подготовленные войска - это инженеры, которые работают в своих различных профессиях. Зло не ограничивается вредительством, которое обязательно совершают праздные люди. Активный, уверенный в себе англичанин, как известно, самый зависимый солдат в Европе. Он не умеет ни готовить, ни печь, ни шить себе одежду, ни строить хижину самостоятельно, как француз, сардинец или даже турок. Контрактники следуют за ним повсюду, за исключением присутствия врага; и когда он больше всего нуждается во всем необходимом для жизни, он оказывается беспомощным человеком. Мистер Дж. Р. Мартин, один из комиссаров, который провел жизнь на высоких должностях в качестве военного хирурга в Индии и который сделал для санитарного состояния солдата больше, чем кто-либо из ныне живущих, придерживается принципа, "что в любом климате солдат должен делать для себя все, что он может выполнить, без ущерба для своего здоровья, морали или дисциплины; и, далее, что от него следует требовать делать все, что может быть необходимо для его пригодности к службе". состояние на случай выхода из строя установленных приборов. Прежде чем солдат может быть признан пригодным для выполнения своих обязанностей перед государством, он должен быть способен поддерживать все, что может быть необходимо для его личного ухода и комфорта. " Отвечают ли Олдершотт или Шорнклифф хотя бы большинству условий, рассчитанных на подготовку солдата к действительной службе? Учат ли его строить свою собственную хижину, копать свой собственный колодец, прокладывать свои собственные дороги, готовить себе еду или чинить свою собственную одежду? Олдершотт, по сути, вовсе не лагерь, а город солдат, построенный и обслуживаемый "по контракту"; сумма, затраченная только на постройки за 1854-1856 годы, составила не менее 486 502 *фунтов стерлингов* 13 шилл. 6д.; и мы почти не сомневаемся, что до настоящего времени гражданский труд стоил более 600 000 *фунтов стерлингов*. [30] Теперь, как настаивал полковник Таллох, до того, как были возведены эти казармы, почему бы мужчинам самим не построить хижины? На этом месте есть глина, гравий и песок, а также обилие мелкой древесины, которую никто не купит, на расстоянии не более восьми миль. Солдаты ютятся в хижинах в Марун-Тауне, в Вест-Индии, по 25 *фунтов* за душу населения. Здания не были бы такими постоянными сооружениями, какие соорудили подрядчики: нам не хватило бы архитектурных фасадов для офицерских помещений и "лепных карнизов", столь злобно описанных *корреспондентом Times*; но у нас были бы пригодные для эксплуатации хижины, которые прослужили бы восемь или десять лет. Не может

быть никаких сомнений в том, что в них мужчины были бы здоровее, чем в огромных казармах. Процесс строительства стал бы своего рода упражнением, которое не только поучало, но и развлекало бы, и план, безусловно, сэкономил бы деньги государству. Значительно более половины, или 647,9 на тысячу, наших солдат были набраны из сельскохозяйственного населения, которому возведение земляных сооружений истроек всех видов было бы в некоторой степени знакомо. Из оставшегося числа 294 · 7 были обучены механическим ремеслам. Несомненно, из этих сил можно было бы отобрать ремесленников для выполнения большей части армейской работы. Можно было бы найти пекарей, поваров, портных и сапожников, которые удовлетворяли бы потребности полка и избавляли нас от навязчивой роли государственных подрядчиков. Мы больше доверяем системе, в которой солдат-ремесленник будет пожинать плоды своего труда, чем спортивным играм, которыми нельзя пренебрегать, но которые становятся утомительными, когда они предписываются солдату правилами. Серьезные физические нагрузки, дающие полезный результат, также всегда более бодрят в долгосрочной перспективе, чем нагрузки, которые вообще не дают результата. Короче говоря, работа в разумных пределах полезнее для здоровья, чем игра.

В течение катастрофических месяцев Крымской кампании г-н Гальтон предложил прочитать серию лекций для пополнений, готовящихся отправиться к месту боевых действий, о сменах, доступных в диких странах. Он отправился в музей Объединенного сервис-клуба в назначенный час, но поскольку его аудитория состояла всего из одного солдата, он прекратил свои попытки показать *теморщины*, которые он сам приобрел, претерпев столько страданий. Содержание этих предполагаемых лекций он с тех пор расширил до книги, которая является одним из самых интересных небольших томов, которые мы когда-либо читали, и которая должна быть в руках каждого участника кампании, будь то военный или кто-либо другой. Если бы наши солдаты были ознакомлены с его содержанием, когда наш комиссариат развалился, они смогли бы в значительной степени облегчить свои страдания. Услуги, которые он извлекает из одного куска палки, почти непостижимы; и когда кажется, что больше нет надежды, он показывает, как трудности часто можно преодолеть с помощью тех самых обстоятельств, которые, по-видимому, вызвали срыв. Его импровизации и приемы, это правда, временами довольно грубые; и энсин Файербрасс, глядя на свой аккуратно начищенный маленький сапожок, возможно, был бы поражен, услышав, что на марше “куски полотна в квадратный фут, смазанные жиром и аккуратно подвернутые под углом к ступне” являются отличной заменой носков; или что разбивание “сырого яйца о твердый ботинок перед тем, как надеть его, значительно смягчает кожу”. Такие объявления могут вызывать ужас среди роскоши, но в трудных обстоятельствах наиболее приятной заменой являются носки. набравшийся сил лондонский денди был бы благодарен за подсказку. Во всяком случае, многие бедные солдаты были бы рады узнать, что даже на равнине, где нет ничего, кроме дерна под ногами, защита всегда под рукой, если бы он знал, как ею воспользоваться. “Ему нужно всего лишь насыпать широкий дерн семи футов в длину и двух в ширину, и если ему удастся закрепить его на краю, это образует достаточный щит от ветра” и даже от проливного дождя, при условии, что он защитит себя от непогоды.

Что касается домашних забав солдата, то мы мало верим в полковые библиотеки. Новобранец из сельскохозяйственных округов не станет читать такие тома, которые обычно составляют основную часть этих коллекций. Один-два шотландских сержанта пролистают “Древнюю историю” Роллина или “Историю Шотландии” Робертсона, но большинство солдат на них не посмотрят. “Я никогда не слышал о редингской армии”, - сказал покойный доктор Уильям Фергюссон; и мы согласны с ним в том, что касается так называемых стандартных работ.

Солдата, однако, можно развлечь более легкой литературой, и есть уверенность, что ему понравится газета. Это то чтение, которое он выбирает для себя в трактире, и почему бы не снизить до того, чтобы посоветоваться с его вкусами? Генерал-майор Лоуренс заявил, что эта система была опробована в некоторых гарнизонах и принесла отличный эффект, обеспечив помещение, где солдаты могли достать бумаги, кофе и трубку. “Мы подходим к солдату, - говорит Роберт Джексон, - с бутылкой виски в одной руке и плетью в другой”. Дела обстоят не так плохо, как в его дни, но искушения и наказания все еще существуют; и чтобы уменьшить и то, и другое, насколько это возможно, мы должны использовать приятные профилактические меры, как морального, так и физического характера.

Вопрос о питании тесно связан со здоровьем солдата, и, насколько мы можем видеть, комиссариатом не было предпринято никаких попыток удовлетворительно приспособить его к изменяющимся условиям, которым он подвергается. Грузовая система, которая уже давно была отменена законом при оплате труда рабочих, до сих пор в некоторой степени сохраняется в армии. Солдату номинально платят 13д. в день, но из этой суммы власти удерживают определенную сумму, которая варьируется в зависимости от рынка, на поставляемые ему пайки и другие предметы первой необходимости. Количество рациона фиксировано как для обслуживания внутри страны, так и за рубежом. Дома у него есть 1 фунт хлеба и $\frac{3}{4}$ фунта мяса, включая кости, еще $\frac{1}{2}$ фунта хлеба выдается войскам, расположенным лагерем в Англии. За границей рацион состоит из 1 фунта хлеба или $\frac{3}{4}$ фунта бисквита и 1 фунта мяса, соленого или свежего, дополнительные $\frac{1}{4}$ фунта даются для компенсации более низкого качества иностранного мяса по сравнению с английским. Существует один или два исключительных рациона; но дома или за границей, в мирное или военное время рацион (учитывается качество мяса) один и тот же. В пользу системы можно говорить о простоте, но мы опасаемся, что это ее единственное достоинство, и мы несколько не удивлены, обнаружив в Отчете следующие замечания: “Мы придерживаемся мнения, что не может быть установлен рацион, которого следует придерживаться как в мирное, так и в военное время. Условия жизни в этих двух случаях настолько различны, что того, что подходит для одного, должно быть либо слишком много, либо слишком мало для другого”. Здравый смысл ясно указал бы, что рациона, которого было бы вполне достаточно для солдата в сельской местности, основным занятием которого является бездельничанье на улице или стояние на мосту, было бы мало для поддержания физического состояния человека, измученного тяготами активной кампании. Таким образом, о степени и характере его работы можно судить по следующей выдержке из Отчета Комиссии по расследованию снабжения армии на Востоке:

“Средний вес, который несет солдат на марше, включая еду и воду на день, вероятно, составляет не менее пятидесяти-шестидесяти фунтов, и при переноске этого груза от него часто требуется не только преодолевать значительные расстояния, но и быстро передвигаться и выполнять другие большие нагрузки. При обычном исполнении своих обязанностей он призван бодрствовать ночью с более длительными или более короткими интервалами, какими бы ни были его предыдущие усилия. Он подвергается любым перепадам температур, а часто и неблагоприятным погодным условиям, как ночью, так и днем, и должен быть готов выйти на улицу, когда потребуется, в любой час и при любых обстоятельствах. Как правило, он должен довольствоваться укрытием в палатке, каким бы ни был климат. Участвуя в осадных операциях, он должен выполнять, в основном ночью, работу, которую железнодорожный рабочий выполняет днем, — выкапывать и вывозить землю. Когда склады должны быть выгружены, от него часто требуется выполнять работу рабочего на верфи. Следовательно, при нахождении на

действительной службе солдату требуется рацион питания, столь же питательный, как и тот, который необходим для поддержания физических сил любого другого человека, занятого тяжелым трудом, требующим частого наблюдения и незащищенности”.

То есть от солдата время от времени требуется быть железнодорожным землекопом и чем-то большим; но, в отличие от землекопа, ему не позволено восполнять своего внутреннего человека в соответствии с его естественными желаниями, а в соответствии с определенным установленным регламентом. С таким же успехом кочегар может ограничить свой двигатель центнером угля в день и ожидать от него любой скорости, какую ему заблагорассудится. Известно, что штурман, выполняя тяжелую работу, съедает до шести фунтов мяса в день. Теперь мы задаемся вопросом, работал ли когда-нибудь какой-нибудь штурман усерднее, чем простой солдат в окопах под Севастополем, и все же от него ожидали, что он выполнит свою задачу на одном фунте мяса, свежего или *соленого*, равном трем четвертям фунта английской говядины или баранины. Соленое мясо также гораздо менее питательно, чем свежее; и в случае, если лимонный сок не поможет, как это было в Крыму, за его употреблением обязательно последуют цинга и родственные ей болезни. Доктор Кристисон вполне мог бы заметить, “что любой ученый, знакомый с данной темой (диетологи), мог бы предсказать, как определенное следствие, рано или поздно, по долгу службы, что британские войска окажутся в таком же бедственном положении, какое постигло их в Крыму”. Должно быть еще раз очевидно, что солдату во время канадской зимы требуется больше мяса, чем в тропиках. В холодном климате должна преобладать азотистая и каменноугольная пища; в теплом климате требуется большее количество растительной пищи. Точное количество различных видов пищи, однако, требует специального изучения; но, несомненно, химия, которая так превосходно удовлетворяла различные потребности заключенных, подвергающихся непостоянным нагрузкам, не могла бы без труда обеспечить надлежащий рацион питания для британской армии в разных частях земного шара. Комиссары в своем Отчете, полностью убежденные в несправедливости содержания даже у себя дома стойких английских солдат на половине фунта мяса в день, рекомендуют увеличить его до фунта.

В одежде британских солдат долгое время шло соревнование между тем, что, по мнению офицеров, выглядит “шикарно”, и тем, что мужчины считают удобным. Солдат на параде и солдат, идущий в бой, вряд ли выглядят одним и тем же человеком. Тесный сюртук, жесткий галстук и уродливый кивер придают его фигуре скованность, которую называют “солдатским видом”, но на марше или накануне сражения куртка распахнута, брюки подоткнуты, кивер отброшен, и приклад следует его примеру. Он сбросил с себя каждую частичку одежды, которая, как предполагается, подчеркивает его подтянутость; но он свободный человек: он может свободно пользоваться своими конечностями, он может маршировать, не падая в обморок, и он может сражаться непринужденно. Генерал-майор Лоуренс, принося извинения за сохранение кивера и кожаного снаряжения при несении службы дома, настоятельно призывает “учитывать внешний вид, а также комфорт солдата”. Некоторые из солдат сами желают сохранить этот запас при условии, “что его всегда можно будет снять, когда потребуются мышечное напряжение”. Комиссары придерживаются мнения, и мы считаем, что это справедливо, что “это условие, применяемое к любой части одежды солдата, является осуждающим ее”. Почему у него должно быть перьев для хорошей погоды больше, чем у пожарного или полицейского? Физическая форма - это сама суть привлекательности. Айронсайдз Кромвеля мрачно улыбнулись бы, увидев праздничный костюм современного солдата. Комиссары в своем Отчете осуждают почти каждый предмет одежды, используемый в

настоящее время— приклад как инструмент удушения; кивер как неподходящий по размеру, цвету, весу, материалу или форме для использования в жарком климате; а мастерки как собирающие пыль на марше. В Крыму у мужчин была привычка обматывать ноги куском брезента из тюков, купленных на складах комиссариата, который эффективно защищал их от грязи и сырости. Это наводит на мысль о возвращении к старым гетрам, использовавшимся в армии в начале правления Георга III и до сих пор используемым некоторыми полками горцев, или о введении ботинка для зашнуровки подошвы брюк, как у обычных стрелковых ботинок. Вест-индским полкам приказано носить одежду зуавов — свободные брюки, кожаные леггинсы, куртку и феску. Возможно, это достаточно хорошо приспособлено для черных войск, но нам было бы жаль видеть, как наши собственные люди переодеваются в эту иностранную манеру.

Главными частями тела солдата, требующими внимания с точки зрения здоровья, являются голова и шея. Голова должна быть защищена от экстремальных температур и холода всеми средствами, которые может изобрести наука. В тропическом климате мы все еще носим кивер, прикрывая его от солнца льняным чехлом. О недостаточности этого устройства свидетельствует ужасающая смертность от солнечного удара, которая в настоящее время опустошает нашу армию в Индии. Местные жители носят хлопчатобумажные тюрбаны со старой подковой наверху, чтобы защитить себя от порезов мечом; а Уполномоченные рекомендуют легкую шапочку, обтянутую ватным полотном, со свисающим сзади клапаном. Как и в шлемах *sola* или *pith*, защита здесь заключается в медленной проводимости материала. Мистер Джеффриз, однако, в своем замечательном трактате, озаглавленном “Британская армия в Индии”, справедливо отмечает, что чем медленнее вещество проводит ток, тем дольше оно сохраняет свое тепло. Кивер, покрытый тюрбаном, который весь день носят под индийским солнцем, настолько насыщается калориями, что при вывешивании в палатке он будет отдавать ощутимый жар и будет беспокоить голову в тот момент, когда его наденут; по этой причине на ночь покрывало следует выносить за пределы палатки для охлаждения. Но, в конце концов, хотя тепло может очень медленно проникать к тому, кто его носит, приходит время, когда, наконец, оно достигает черепа. Защита может быть достаточной для акклиматизированного индуса и в то же время недостаточной для европейца. Мистер Джеффриз рассказывает нам, что кожа индейца, покрытая шарфом, настолько толще, чем у европейца, что, когда он служил врачом, ему пришлось иметь ланцет, заточенный особым образом, для прививки роговой кожи туземных младенцев. Поэтому мы согласны с ним в том, что наука должна быть призвана обеспечить английскому солдату еще большую защиту от солнца. Он сам попытался решить эту проблему. Вместо использования матерчатых шлемов, которые он называет солнцезащитными ловушками, он сконструировал оригинальное покрытие, в котором последовательно задействованы отражение, замедленная проводимость, медленное излучение, конвекция и вентиляция. Не может быть никаких сомнений в том, что с научной точки зрения его изобретательность безупречна и позволит всегда сохранять голову холодной. Однако вес, которого требует его план, является материальным элементом, хотя убивает жара, а не вес. Если мы хотим составить представление о количестве тепла, которое выделяет блестящая поверхность, нам достаточно приложить руки к полированным стенкам обычной каминной решетки, и окажется, что отраженное тепло ненамного меньше того, которое непосредственно излучается от огня. Именно потому, что эти стороны отбрасывают тепло, которое снова ударяет по ним, внутренняя поверхность остается сравнительно прохладной. Таким образом, это лучшее описание поверхности, которое можно представить небу. Могут возразить, что солдаты были бы ослеплены шлемами своих товарищей; но неудобство было бы вызвано только шлемом

криволинейной формы, обладающим многочисленными касательными плоскостями отражения. Прямоугольная форма, подобная нынешней киверу, отражала бы лучи полуденного солнца либо вниз, к земле, либо вверх, к небу, и бликов было бы видно не больше, чем из окон дома, которые, за исключением заката, являются самой темной частью здания. Шлем крестоносца был сделан в виде оловянного горшка: его сохранили рыцари-тамплиеры, которые хорошо понимали ценность яркой отражающей поверхности и прямоугольной формы.

Мистер Джефрис идет дальше. Он предлагает, чтобы нательная форма солдат, проходящих службу в условиях тропического климата, также имела металлическую отражающую поверхность. Хотя эта идея может показаться странной, мы считаем ее заслуживающей рассмотрения. Должна быть разработана хорошая защита от тропической жары, если мы намерены удержать Индию; ибо мы не можем позволить себе каждые десять лет посылать английские полки на полное уничтожение как воюющих людей. Солнце - великий союзник туземцев; они рассчитывали на его помощь во время последнего восстания, и мы должны постараться превратить этого врага в друга. Совершенно защищающая от солнца одежда стоила бы нам многих армий. Некоторые полки иррегулярной кавалерии, которые, безусловно, являются самыми живописно выглядящими войсками, какие у нас есть, носят светло-серые шерстяные блузы с простыми цепочками на плечах для защиты от порезов мечом. Мы считаем, что это наиболее подходящая одежда, используемая в настоящее время. М-р Гальтон говорит, что "по ходу экспедиций делались записи о количестве в них тех, кто запасся фланелью, и тех, кто этого не сделал, и список больных всегда включал имена из последнего списка в очень значительной пропорции". Учитывая множество подобных фактов, хорошо известных всем, кто обращал внимание на эту тему, кажется удивительным, что военные власти приняли на вооружение льняную блузу для военнослужащих в Индии. Этот материал, возможно, является лучшим проводником из всех тканей, используемых в одежде; поэтому легко представить его непригодность для климата, который бывает попеременно жарким, холодным и влажным. Шею и позвоночник следует защищать от солнечных лучей почти так же тщательно, как и голову. Во все века жители Востока заботились о защите великой нервной магистрали. Арабы неизменно спускают один из концов тюрбана на шею, и французы применили тот же план в Алжире. Что касается позвоночника, то каждый испытывал чувство тошноты, возникающее, когда спину подносят близко к сильному огню. Такой огонь бедный солдат часто выносит часами, маршируя под индийским солнцем. Солнечные удары возникают в такой же степени по этой причине, как и при воздействии на голову. У араба на пояснице свисает длинная матерчатая петля с кисточками, которая действует как часть солнечной брони: у английского солдата должна быть аналогичная защита, если не считать, что его черный рюкзак и аккуратно свернутое пальто - это все, что требуется. Ни в коем случае нельзя забывать о фланелевом поясе. Прямые лучи солнца, попадающие на нервные окончания над брюшной полостью, часто вызывают холеру или дизентерию. Кроме того, у солдата должна быть свободная шерстяная накидка для переодевания во время кампании. Ценность сухой одежды, когда человек ложится на голую землю после утомительного марша, трудно переоценить. "Слабость кожи - это благоприятная возможность для малярии", - справедливо замечает мистер Джеффриз. "Микробы лихорадки, дизентерии и холеры, крадущиеся по телам спящей армии, которая днем находилась на солнце, быстро вынюхивают ослабевшую кожу и делят добычу!"

Цвет платья имеет большое значение. Доктор Кулье, который недавно исследовал свойства различных материалов в качестве одежды для военнослужащих, обнаружил, что белый хлопок, надетый поверх матерчатого платья, снизил температуру на 7 градусов. в жару. Когда трубку

термометра накрыли хлопчатобумажной пленкой и поместили на солнце, она показала 35·1, с хлопчатобумажной подкладкой 35·5, с небеленым льном 39·6, с темно-синей тканью 42, с красной тканью 42. Из этих экспериментов будет видно, что ярко-красный цвет нашей униформы поглощает тепла не менее чем на семь градусов больше, чем простой хлопок. Поскольку нам приходится защищаться от ночного холода и сырости сезона дождей, возможно, лучшим способом противостоять различным условиям жары, влажности и холода было бы выдать солдату простую шерстяную блузу какого-нибудь нейтрального цвета, которая, хотя и не впитывает солнечные лучи, все же была бы приятна глазу. Серый цвет с красной отделкой или подпоясанный красным поясом произвел бы превосходный эффект и превосходно подошел бы к образу.

Удивительно, что в то время как наши войска дома, в течение последних двадцати лет находившиеся под непосредственным влиянием растущей санитарной науки, мало выиграли от ее преподавания, в войсках, расквартированных за границей, в течение того же времени наблюдалось заметное снижение ежегодного уровня смертности. В 1835 году лорд Хоуик распорядился провести парламентское расследование причин ужасающей смертности среди военнослужащих на некоторых зарубежных базах, особенно на островах Вест-Индии. Результаты оказались даже хуже, чем ожидалось. Смертность на Ямайке составляла не менее 128 случаев на тысячу, или, другими словами, каждый восьмой мужчина, ступивший на борт транспорта для прохождения службы на этом прекрасном острове, был обречен оставить свое тело на съедение сухопутным крабам. На других островах смертность была несколько меньше, 81 случай смерти на тысячу. Причина такого сокращения была известна давно. Более пятидесяти лет назад Роберт Джексон указал на смертоносный характер наших военных постов, расположенных по большей части на устьях рек и в низких гаванях или в непосредственной близости от зловонных болот. Чтобы завершить начатую малярией работу, были вызваны соленая свинина и ром. Пять дней в неделю наши солдаты питались этой ядовитой пищей; и, чтобы сделать несправедливость еще более вопиющей, каторжников на острове кормили свежим мясом, и, следовательно, они были в добром здравии. В 1843 году сэр Чарльз Меткалф решил, что войска больше не должны гибнуть. Он изменил их рацион питания и полностью перевез их с болотистых равнин в Бордовый городок, который стоит на высоте не более 2500 футов в Голубых горах, но достаточной для того, чтобы поднять европейскую жизнь над уровнем смертельных климатических лихорадок. Эффект этих изменений в точности соответствовал тому, что было предсказано Джексонем; смертность быстро снизилась со 128 до 60 случаев на тысячу, а сейчас снижена до 32. Таким образом, на протяжении многих поколений смертность белых солдат на Ямайке была вчетверо выше, чем должна была быть, из-за невежества и расточительности; ибо, как ни странно, разница между стоимостью ядовитой соленой свинины и полезного свежего мяса позволила правительству сэкономить 80 000 фунтов в год.

В других колониях в последние годы было отмечено улучшение состояния здоровья военнослужащих. На Цейлоне, где курорты были сосредоточены на горных станциях, смертность снизилась с 74 случаев на тысячу, — в таком соотношении она находилась до 1836 года, - до 38 случаев на тысячу в настоящее время. За тот же период мы обнаружили, что на острове Святой Елены этот показатель снизился с 25 до 12, на Гибралтаре с 22 до 12, на Ионических островах с 27 до 17 и на Ньюфаундленде с 37 до 11 на тысячу человек. Из этого отрадного заявления мы должны исключить самую большую зависимость из всех — нашу Индийскую империю. В Бенгалии смертность британских солдат незадолго до мятежа была даже выше, чем двадцать лет назад. В среднем за девятнадцать лет, предшествовавших 1836

году, этот показатель составлял 75 на тысячу человек; в среднем за следующий восемнадцатилетний период он составлял 76 на тысячу. В Бомбее смертность снизилась на 2 случая на тысячу человек; но в Мадрасе улучшение было таким, что смертность снизилась с 76 до 41 случая на тысячу. Пока Индия оставалась в руках Ост-Индской компании, а численность расквартированных там британских войскредко превышала 25 000 человек, высокая смертность в президентстве Бенгалии могла ускользнуть от внимания; но теперь, когда численность европейских солдат увеличилась более чем вдвое, необходимость поставить их санитарное состояние на надлежащий уровень должна быть очевидной. “Полковник Таллох проинформировал меня, ” говорит мистер Мартин в своей замечательной работе о влиянии тропического климата на европейскую конституцию, - что в период с 1815 по 1855 год среди европейских солдат армии ее Величества и Ост-Индской компании в Индии погибло почти 100 000 человек, большая часть жизней которых могла бы быть спасена, если бы для военной оккупации в этой стране были выбраны более благоприятные районы”. Оценивая стоимость каждого солдата в Индии в 100*фунтов стерлингов*, это дало бы сумму в 10 000 000*фунтов стерлингов*.

Казармы и военные городки Индии по своей обширности и солидности, пожалуй, не сравнятся ни с одним другим в мире. Говорят, что военные здания в Бергампуре, в Бенгалии, обошлись за семьдесят семь лет своего существования, включая капитал и проценты, в 16 891 206*фунтов стерлингов*; однако эта дорогостоящая станция, как и станция в Секундерабаде, в президентстве Мадрас, была построена в абсолютно зараженной местности. По всей Индии места расположения казарм плохие, а их конструкция и расположение крайне несовершенные. “Почти вся станция Канпур, ” говорит мистер Джеффриз, “ протянувшаяся на несколько миль вдоль реки, была настолько разделена высокими глинобитными стенами на небольшие ‘компаунды’, что с высоты птичьего полета она выглядела бы как разделенный медовый сот. Эти стены с обилием деревьев, которые они окружали, казалось, были созданы для того, чтобы отсекал любой поток ветра от обитателей домов на первом этаже, скрытых внутри них ”. В другом случае, словно для того, чтобы сделать застой вдвойне безопасным, он упоминает, что есть квадратная стена внутри квадратной стены, окружающая военный городок. Следовательно, мы можем легко объяснить ужасающую смертность среди европейских военнослужащих в Индии. Словно для того, чтобы показать нам, какую глупость мы совершаем, строя эти огромные пекарни, туземные войска, которые ютятся за пределами наших позиций и таким образом получают вдоволь воздуха, представляют собой уникальный пример солдат, смертность которых ниже, чем у населения, из которого они набираются. В президентстве Бенгалии мятеж устранил проблему; ибо он смел с лица земли массу этих заразных военных городков. Вопрос в том, как мы воспользуемся этой потерей? на этот вопрос отвечает мистер Мартин в своих “Предложениях по укреплению здоровья и эффективности британских войск, несущих службу в Ост-Индии”. Он настаивает на том, что в будущем мы должны размещать наши войска на холмах, но не на таких станциях, какие у нас есть в Гималаях и горах Нейлгерри, — позициях на высоте 7000 футов над уровнем моря; ибо, хотя они обеспечивают защиту от местных лихорадок, они склонны вызывать расстройства кишечника, которые почти так же смертельны. По его мнению, высоты от 2800 до 6000 футов обеспечили бы климат, наиболее благоприятный для европейских войск, — фактически такой, какой мы уже обнаружили в Голубых горах Ямайки. Он особенно обращает внимание на уединенные холмы — “эти острова равнин”, — как способные предоставить убежище от лихорадок, которые наводняют низменную местность. Здесь могут разместиться основные силы британской армии до тех пор, пока не

потребуется их услуги. Из этих окопов, подобно древним римлянам, они могут наблюдать за окрестностями шампейна и быть готовыми в любой момент двинуться на любую угрожаемую позицию. Мы не собираемся рекомендовать покидать стратегические пункты или крупные города, которые служат арсеналами, просто потому, что они вредны. Существуют опасности, которым следует противостоять как в мирное время, так и на войне. И все же наш опыт героических качеств британских солдат оправдывает предположение, что небольшие их отряды, размещенные на сильно укрепленных позициях, могли бы продержаться против всех желающих до тех пор, пока не придет помощь с горных станций, особенно сейчас, когда Индию пересекают железные дороги и телеграф. Но даже этих пунктов недостаточно для восстановления пациентов, страдающих хроническими заболеваниями. Их, по возможности, следует немедленно отправить домой. Больной офицер становится инвалидом и быстро выздоравливает на воздухе своей родной страны; простой солдат, напротив, вынужден лечь в госпиталь - слишком часто, чтобы умереть. Более того, мужчин следует набирать на более короткий срок. В настоящее время они практически служат в Индии семнадцать лет — срок, который противоречит конституциям большинства. Именно воздействие жары в течение длительного времени, а не ее интенсивность в течение короткого периода, разрушает европейскую жизнь. Если мы заманиваем невежественного работника в ловушку самыми недостойными уловками,^[31] мы должны, по крайней мере, быть милосердны к нему. Пусть срок службы сократится до десяти лет, и тогда поток стойких британцев, только что прибывших из метрополии, позволил бы нам, в сочетании с горными станциями, удерживать мощную и непреодолимую власть над страной.

Вполне можно себе представить, что, если санитарное состояние нашей армии так плохо в мирное время, ее страдания на войне должны быть сильно преувеличены. Опыт полуострова Вальхерен, Бирмы и Севастополя неизменно доказывал, что это так, и во многих случаях беды были такими, которых можно было легко избежать.

“Казармы и военный госпиталь, - говорит мисс Найтингейл, - существуют дома и в колониях как проверка нашего санитарного состояния в мирное время; а истории войны на полуострове, Вальхерена и последней Крымской экспедиции существуют как проверка нашего санитарного состояния в состоянии войны. У нас гораздо больше информации о санитарной истории Крымской кампании, чем о какой-либо другой. Это наглядный пример — история не знает ему равных — того, как армия после великой катастрофы, вызванной пренебрежением к ней, была приведена в высочайшее состояние здоровья и боеспособности. Это целый эксперимент колоссального масштаба. Во всех других примерах последним шагом было желание завершить решение проблемы. За первые семь месяцев Крымской кампании смертность среди военнослужащих составила 60 процентов. в год только от болезней — уровень смертности, превышающий уровень смертности от великой чумы среди населения Лондона, и более высокое отношение смертности от холеры к атакам; то есть, в крымской армии ежегодно умирало больше, чем обычно умирают во время эпидемии от болезней. В течение последних шести месяцев войны смертность среди наших *больных* была ненамного выше, чем среди наших *здоровых* охранников дома, а смертность среди наших войск за последние пять месяцев составляла всего две трети от того, что среди наших войск дома.”

Это великолепное свидетельство ценности санитарной науки, продемонстрированное в самом широком масштабе в явно безнадежной области, не вызывает восхищения. Комиссары предлагают назначить офицера здравоохранения армии, [32] второго по рангу после главного врача и прикрепленного к генерал-квартирмейстеру на местах. Этот офицер, говорится в Отчете, должен быть главой санитарной полиции армии, должен нести ответственность за все меры, которые должны быть приняты для предотвращения заболеваний, и должен отчитываться перед генерал-квартирмейстером и главным врачом. Чтобы предотвратить любое уклонение от ответственности, они также рекомендуют, чтобы санитарный врач давал свои рекомендации в письменной форме, и чтобы игнорирование их по стратегическим соображениям также фиксировалось командующим офицером. Обеспечив таким образом армию на местах, Комиссары предлагают, чтобы при генеральном медицинском директоре армии был назначен коллега по санитарным, статистическим и медицинским вопросам. Каждый из этих офицеров возглавлял бы отдельный департамент — санитарный офицер, отвечающий за все вопросы питания, одежды, диеты, физических упражнений и жилья для солдата; статистический отдел, собирающий воедино те бесценные сведения, касающиеся здоровья армии, из-за недостатка которых британские войска так долго страдали от смертности, несоизмеримой со смертностью гражданского населения; в то время как медицинский департамент служил бы связующим звеном между гражданской и военной медициной, поддерживая последнюю на уровне последнего слова науки, как утверждают великие медицинские авторитеты всех стран. Некоторые из этих предложений потребуют глубокого рассмотрения, прежде чем они будут приняты. Во всяком случае, нельзя допустить, чтобы что-либо ограничивало абсолютную власть полевого командира, который должен обладать как реальной, так и номинальной свободой. Но все меры предосторожности, которые могут защитить здоровье солдата, не ограничивая благоразумия генерала, в равной степени требуются гуманностью и политикой. То, что было так убедительно сказано в прошлом столетии, в значительной степени осталось правдой и в нашем. “Жизнь современного солдата плохо представлена героической литературой. У войны есть средства разрушения более грозные, чем пушка и меч. Из тысяч и десятков тысяч, погибших в наших недавних боях с Францией и Испанией, очень малая часть когда-либо испытала на себе удар врага; остальные томились в палатках и на кораблях, среди сырости и разложения; бледные, вялые, бездуховные и беспомощные; задыхающиеся и стонущие, не заслуживающие жалости люди, ожесточенные долгим продолжением безнадежных страданий; и, наконец, были затоплены в ямах или сброшены в океан без предупреждения или воспоминаний. Из-за неудобных лагерей и нездоровых стоянок, где мужество бесполезно, а предприимчивость невыполнима, флоты тихо расселяются, а армии вяло тают”.

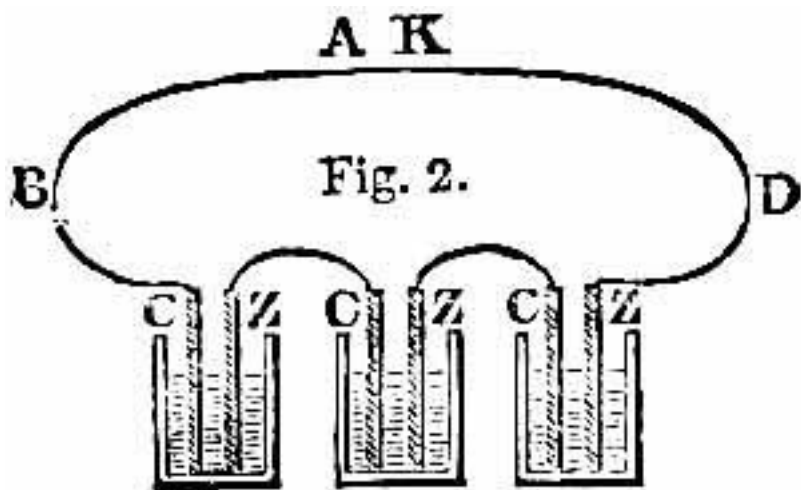
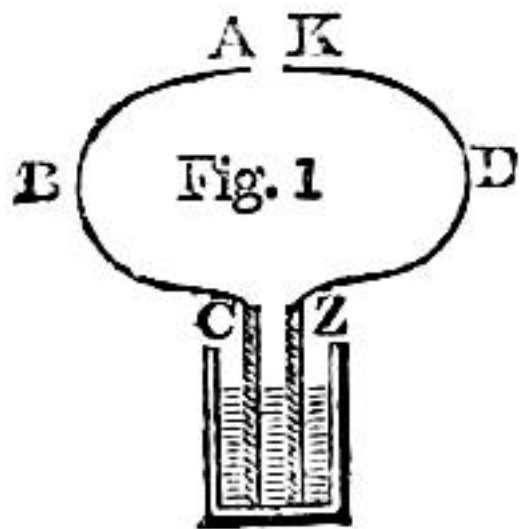
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФ.

Если бы игла, вращающаяся на оси, была закреплена в Йорке, и если бы с помощью провода, расположенного в непосредственной близости от нее, иглу можно было заставить двигаться вправо или влево с помощью силы, приложенной на другом конце провода в Лондоне, и если

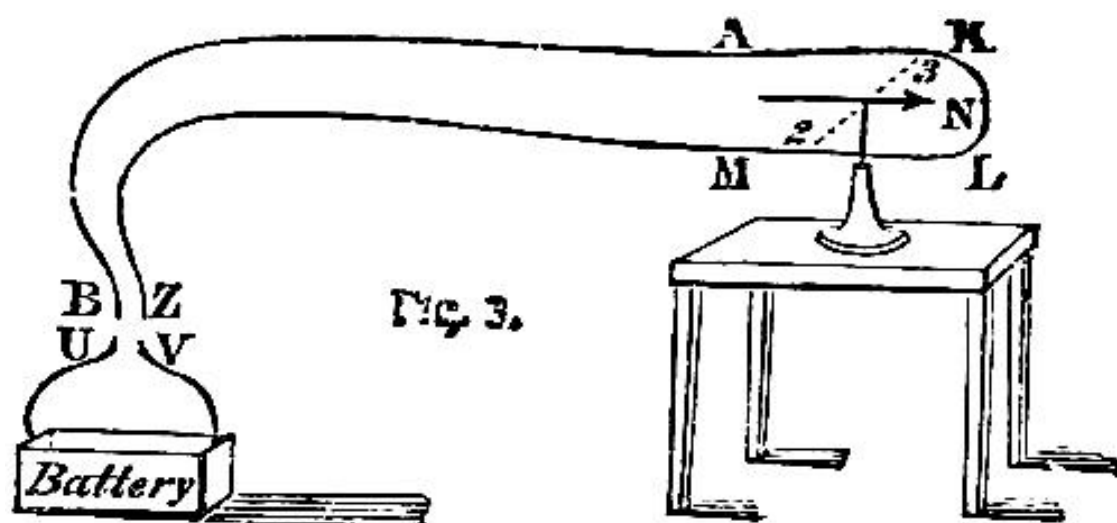
бы было решено, что одно движение иглы влево должно означать *a*, а одно движение вправо *b*, и т.д., [33] у нас было бы точно такое устройство, как обычный игольчатый телеграф, используемый сейчас.

Такова сухая постановка проблемы, более подробное решение которой мы собираемся объяснить читателю.

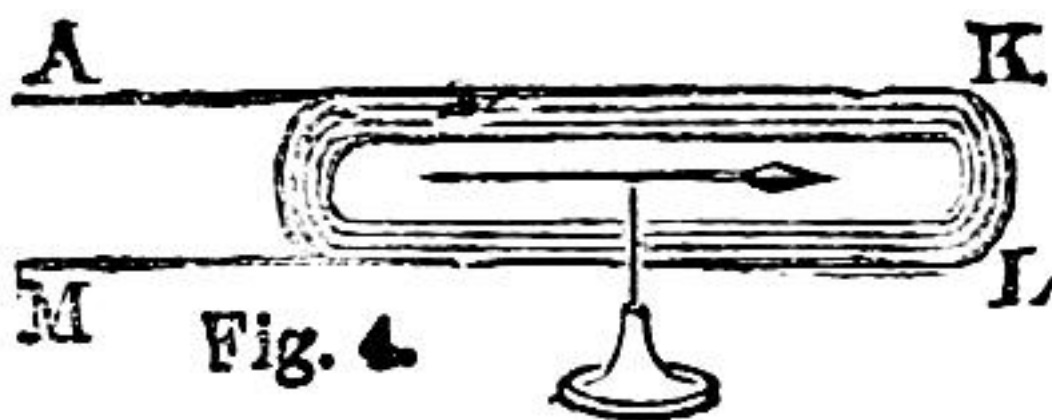
Когда школьник кладет в рот шестипенсовик и цинковую монету рядом друг с другом, он сразу же ощущает необычный вкус, который так же мгновенно исчезает при их разделении; это эксперимент, который большинство из нас проводило, удивляясь на мгновение, а затем забывало. Как мало мы когда-либо мечтали о том, что, поступая таким образом, мы вызываем к жизни одного из самых тонких, активных и универсальных агентов в природе — духа, подобного Ариэлю, который переносит наши мысли со скоростью мысли до самых краев земли, - мастера более тонкой работы, чем флорентиец Челлини, и более негибкого в силе, чем Титаны древности!

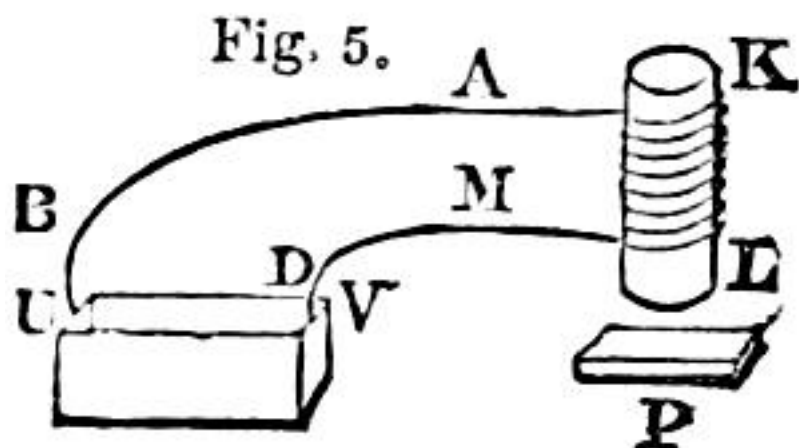
Если теперь мы поместим кусочек цинка, Z, и кусочек меди, С, в стакан с подкисленной водой, а не в слюну во рту, и если мы затем прикрепим к кусочку цинка проволоку Dk, а к кусочку меди проволоку Ba, и приблизим два конца, Ak, пока они не соприкоснутся, мы получим философское выражение изобретения мальчика — немедленно произойдет разложение воды, и либо в качестве его причины, либо в качестве следствия — ученые еще не решили, чего именно, — электрический ток будет течь в непрерывном потоке. Поток от цинковой пластины или положительного полюса к медной пластине или отрицательному полюсу аккумулятора, и это действие, при условии, что пластины содержатся в чистоте и подается подкисленная вода, будет продолжаться до тех пор, пока хватит материалов. Если этот маленький прибор, генерирующий очень малую электрическую силу, объединить с другими, как показано на рисунке 2, — цинковая пластина одного элемента соединяется с медной пластиной следующего куском проволоки, — мы получим знаменитую батарею, изобретенную Вольтой в 1800 году, в которой накопленный ток, после протекания из одного элемента в другой с помощью маленьких проволочных колец, передается по большому кольцу, Dkb, от одного полюса батареи к другому. Внутри узких камер некоторой такой батареи (которая может быть сделана из любого количества элементов, в зависимости от требуемой силы) вырабатывается движущая сила, с помощью которой приводится в действие электрический телеграф, а большой обруч, с помощью которого соединены два его полюса, представляет собой телеграфный провод, который мы видим идущим рядом с железной дорогой, назначение которого - формировать проводящую трубу для передачи электричества. Различные вещества обладают этим свойством в различной степени; некоторые, такие как сухая бумага, не пропускают электрическую жидкость в сколько-нибудь ощутимой степени; а другие передают ее с большой свободой. Из всех известных тел металлы являются наиболее совершенными проводниками, и медь в этом отношении превосходит железо; но последнее, будучи дешевле и долговечнее, обычно используется в конструкции телеграфа. Таким образом, у нас есть два необходимых условия — постоянная сила и канал, который передает ее с места на место.

Была необходима еще третья вещь — какое-нибудь приспособление, с помощью которого силу можно было бы использовать для формирования знаков или иероглифов в достижении намеченной цели; и это последнее условие было обеспечено открытием Эрстеда в 1819 году, что *магнитная* стрелка отклоняется при прохождении электрической цепи по проводу, параллельному ей и находящемуся в непосредственной близости от нее. Следующий фрагмент пояснит наше значение: —Когда жидкость проходит от U-полюса батареи в направлении В А К L M Z и входит в V, завершается ее противоположный полюс, “ток а”, как его называют, протекающий слева направо, воздействие которого на иглу N заключается в отклонении ее в направлении пунктирной линии (видимой в перспективе) 2, 3 или на угол 90 градусов вместе с проводом, если ток достаточно силен. Однако, если ток повернуть вспять и заставить электрическую жидкость проходить по проводу справа налево в направлении букв V Z M L K A B к U-образному концу батареи, стрелка немедленно изменит свое положение и встанет под углом 90 градусов в противоположном направлении. Таким образом, в этом заключается весь принцип и тайна игольчатого телеграфа, который до сих пор наиболее широко используется в этой стране. Разрыв, который происходит между буквами В U и Z V, предназначен для обозначения метода, с помощью которого изготавливается игла для работы. “Пока провода разделены таким образом, цепь разорвана”, или жидкость больше не проходит по проводу, но сразу же, как они сближаются, циркуляция снова начинается, и игла “отвечает рулю”. Таким образом, открывая и закрывая это небольшое пространство, которое приводится в действие рычагом, игла начинает колебаться по желанию.

Однако самого факта прохождения электрического тока по проводу в непосредственной близости от магнитной стрелки было недостаточно, чтобы позволить какому-либо человеку сконструировать телеграф. Отклонит ли стрелку провод, батарейка которого была размещена на сколько-нибудь значительном расстоянии? этого не произойдет; следовательно, для всех телеграфных целей открытие Эрстеда ничего не стоило. Швайггер, однако, вскоре после этого убедился, что, проводя большое количество раз вокруг иглы проволокой, тщательно изолированной “порцией” шелковой нити, как показано на рисунке 4, отклоняющая способность смородиныумножалась, и чувствительность инструмента чудесным образом возрастала.

В том же году, когда Эрстед сделал свое блестящее открытие, М. Араго обнаружил еще один закон, который предоставил второй метод, с помощью которого можно было заставить электрический ток рассказать свою историю. Он объявил Французской академии о факте, столь важном по своим последствиям, что жидкость обладала способностью придавать магнетизм стали или железу; и вскоре после этого наш соотечественник Стерджен изобрел первый электромагнит, намотав на кусок мягкого железа большой отрезок тонкой изолированной медной проволоки, концы которой соединялись с батареей. Рисунок 5 дает приблизительное представление об этом приборе. Провод Ub A, когда он достигает цилиндра Kl, наматывается на него много раз и возвращается к батарее при V. Пока проходит ток, мягкое железо становится магнитом и притягивает железный якорь P; но как только цепь разрывается, его магнитная сила прекращается, и P под действием пружины отлетает назад. Сразу будет видно, что при попеременном замыкании и размыкании цепи, которое может выполняться с такой же скоростью, с какой рука может двигать рукоятку рычага, будет происходить перемещение якоря P вверх и вниз, и это принцип действия прибора с электромагнитным диском Уитстона и записывающего телеграфа Морзе, столь широко используемых в Америке. Общий способ работы последнего, представляющего собой устройство исключительного достоинства и эффективности, может быть легко понят. На станции, на которой принимается сообщение, установленный железный рычаг имеет металлический штифт на верхней поверхности на одном конце и якорь на нижней поверхности на другом конце. Когда магнит, расположенный под якорем, притягивает и тянет его вниз, штифт на противоположном конце поднимается и прижимается к полоске бумаги, которая перемещается между металлическим острием и роликом, закрепленным над ним, с равномерной скоростью с помощью часового механизма. Затем булавкой или стилем будет нанесена простая точка или нанесены линии различной длины на бумагу, в зависимости от того, поддерживается ли электрический ток только в течение одного мгновения или в течение более длительного периода. “Оттиски на бумаге, - говорит доктор Тернбулл, - напоминают рельефную печать для слепых”. Из этих точек и линий образуется алфавит, подобный тому, который мы приводили на следующей странице, когда говорили о химическом телеграфе в Бейне. Прибор азбуки Морзе требует для работы всего одного провода и, по словам аббата Муаньо, является “превосходным телеграфом, очень простым, очень эффективным и очень быстрым в передаче. Опытный клерк может делать отступы в среднем на семнадцать слов в минуту, что, следовательно, равно количеству,

которое опытный писатель мог бы переписать ручкой. Более того, большим преимуществом является закрепление на полоске бумаги сообщений, которые "игольчатый телеграф" просто рисует в воздухе".

С 1821 года принципы действия двух действующих на сегодняшний день телеграфов были известны ученым, и естественно возникает вопрос, как получилось, что потребовалось столько лет, чтобы сделать телеграф действующим фактом? Ответ заключается в том, что не возникло сочетания обстоятельств, необходимого для доведения его до совершенства. Какой интерес у практиков был в осуществлении мечтаний философов? Никто и представить себе не мог, что это когда-нибудь станет необходимым социальным двигателем или что это будет приносить "семь процентов" публичной компании. Любой из разработчиков нового метода телеграфирования мог рассчитывать только на покровительство правительства, и о том, какого рода поощрение было получено с этой стороны, можно судить по тому факту, что, когда мистер Рональдс попытался привлечь внимание некоторых должностных лиц к работе своего прибора, они даже не соизволили нанести ему визит, а вернулись за ответом, "Что телеграф бесполезен в мирное время и что семафор во время войны отвечает всем необходимым требованиям". Поводом, благодаря которому изобретение внезапно созрело и было применено на практике, стало появление железных дорог. Если бы не повсеместное распространение этого нового средства передвижения, телеграф, возможно, все еще оставался бы в том подвешенном состоянии, из которого так и не вышло столько открытий. Сразу стало очевидным огромное преимущество для железной дороги метода мгновенной передачи сигналов по всей ее протяженности, а сохранность ее собственности вместе с защитой, обеспечиваемой ее служащими, предоставили возможности для его внедрения и обслуживания, которых никогда раньше не было.

Проблему, представляющую большой научный интерес, а также имеющую практическое значение в связи с электрическим телеграфом, еще предстояло решить. Эксперименты доктора Ватсона на Шутерс-Хилл в середине прошлого века действительно доказали, что *электрический разряд* проходит по четырехмильной цепи без какой-либо заметной потери времени, но ничего определенного не было известно о скорости, с которой он действительно распространяется. На этот трудный вопрос ответил профессор Уитстоун. Его прекрасные исследования по этому вопросу были проведены с помощью очень быстро вращающегося зеркала, на котором прохождение электрической жидкости в разных и отдаленных частях перерезанного провода обозначалось искрами, которые появлялись в виде световых линий на быстро вращающемся стекле, по тому же принципу, по которому кусочек горящего угля, вращающийся в воздухе, выглядит как огненный круг. С помощью этого инструмента, который мы не можем сделать понятным обычному читателю, но для более полного описания которого отсылаем его к "Философским трудам" 1834 года, он сделал очевидным для глаза, что одна искра или скачок электрического тока произошла раньше другой — таким образом доказав, что его прохождение по проводу *было* вопросом времени. Способ, которым он измерил этот бесконечно малый период, был чрезвычайно изобретательным. Прикрепив полый кусок металла — так сказать, металлическую жужжащую головку — к шпинделю своего вращающегося зеркала и одновременно направив на него поток воздуха, он получил возможность проверять скорость вращения по высоте производимого звука: когда-то это было известно, и измерить время, прошедшее между различными искрами, было несложно. Таким образом, он заставил молнию сказать, с какой скоростью она движется. Его превосходно сконструированный прибор с тех пор оказался весьма полезным для философов при измерении

мельчайших отрезков времени, и ученые теперь могут с величайшей легкостью установить период, за который вспышка света преодолевает расстояние в 50 футов - а свет, следует помнить, распространяется со скоростью 200 000 миль в секунду!

В результате этого эксперимента выяснилось, что электричество проходит по медному проводу в небесном пространстве по меньшей мере со скоростью света, хотя недавние эксперименты, проведенные для профессора Баше, директора национального исследовательского центра Америки, доказали, что скорость тока по подвешенным *железным* проводам составляет не более 15 400 миль в секунду. Философское доказательство удивительной скорости, с которой движется электрический ток, несомненно, снова обратило многие умы в сторону давно разыскиваемого телеграфа, и неудивительно, что среди них был выдающийся объяснитель этого факта. Вскоре после этого он изолировал четыре мили провода в подвалах Королевского колледжа, на которых проводил большую часть своих последующих экспериментов.^[34] Таким образом, в тишине этих мрачных подземелий уже в 1836 году молния, которой суждено было озарить интеллект весь мир, — нервная система, которой так скоро суждено было распространиться по двум полушариям, соединить континенты и острова и нести человеческую мысль под простирающимися морями, - медленно готовилась к служению человеку одним из самых выдающихся из многих философов, внесших вклад в развитие этой отрасли науки.

Продолжая свой эксперимент, профессор Уитстон разработал устройство своего телеграфа, и, объединившись в 1837 году с мистером Куком, который ранее посвятил много времени тому же предмету, в июне того же года был получен патент на их совместные имена. Их телеграф состоял из пяти проводов и пяти игл; последняя располагалась на циферблате в форме ромба, на котором были начертаны буквы алфавита, любая из которых могла быть обозначена совпадением двух игл. Этим очень хитроумным инструментом мог манипулировать любой человек, который умел читать и не испытывал неудобств при работе с кодом, для понимания которого требовалось время. Сразу же после отзыва патента директора Северо-Западной железной дороги санкционировали прокладку проводов между станциями Юстон-сквер и Камден-Таун, и к концу июля телеграф был готов к работе.

Поздно вечером 25-го числа того же месяца в маленькой темной комнатке рядом с кассой на Юстон-сквер, при свете горящей свечи, которая лишь рассеивала окружающую темноту, сидел изобретатель с бьющимся пульсом и сердцем, полным надежды. В такой же маленькой комнате на станции Кэмден-Таун, где заканчивались провода, сидели мистер Кук, его соавтор по патенту и, среди прочих, два хорошо известных свидетеля, мистер Чарльз Фокс и мистер Стивенсон. Эти джентльмены выслушали первое слово, произнесенное этим дрожащим стальным языком, который перестанет говорить только с исчезновением самого человека. Мистер Кук, в свою очередь, коснулся клавиш и вернул ответ. “Никогда прежде я не испытывал такого волнующего ощущения, ” сказал профессор, - как тогда, когда я был совсем один в тихой комнате и услышал щелканье иголок, и, произнося слова по буквам, я ощутил все величие изобретения, которое теперь оказалось практичным, не вызывающим придирок или споров”. С тех пор телеграф, что касается его механизма, работал без каких-либо проверок, и модификации этого инструмента, который все еще используется, были внесены с целью сделать его более экономичным в конструкции и работе, в настоящее время используются два провода, а в некоторых случаях только один.

Часто возобновляющийся и до сих пор не урегулированный спор возник по поводу того, кого следует считать первым разработчиком телеграфа в той форме, которая сделала его доступным для массового использования. В настоящее время для оспаривания иска с Уитстоуном выдвинуты только два имени — Штайнхаль из Мюнхена и Морс из Нью-Йорка.

Из сообщения мсье Араго Французской академии наук явствует, что телеграф Штейнхейла работал на расстоянии семи миль 19 июля 1837 года, в том же месяце, когда Уитстон испытал свое собственное изобретение на Северо-Западной железной дороге. Но помимо того, что патент Уитстона был выдан в июне прошлого года и сам по себе был основан на предыдущих и полностью успешных экспериментах, есть еще одно существенное обстоятельство, которое дает ему право претендовать на приоритет перед Штайнхейлем, а именно, что последний не публиковал описания своего прибора до августа 1838 года, что он изменял и улучшал его в промежутке времени, и что единственные отчеты, которые мы имеем о его изобретении, описывают его измененную, а не первоначальную форму. Однако это было очень достойное исполнение, и, в дополнение к другим его достоинствам, Штайнхейль был первым, кто использовал землю для завершения цикла — важнейший факт, который мы объясним ниже. Тем не менее, его телеграф уступал по своему механическому устройству телеграфу Уитстона, и сам изобретатель вскоре отказался от него в пользу модификации прибора азбуки Морзе.

Морзе датирует свое заявление об *изобретении телеграфа* 1832 годом, когда, по его словам, первая идея такого прибора пришла ему в голову, когда он возвращался домой из Гавра на корабле "Сюлли". Попутчик, профессор Джексон, по-видимому, имел обыкновение развлекать себя, вместе с остальными пассажирами, рассказами о чудесах электричества; и когда Морс позже разработал свое изобретение, профессор Джексон не только заявил, что это плагиат из его собственного разговора, но и добавил, что Морс был настолько невежествен, что спросил, услышав термин "электромагнетизм": "Чем это отличается от обычного магнетизма?" Телеграф был в лучшем случае для них обоих примитивной идеей, и только в сентябре 1837 года профессор Морзе смог продемонстрировать свой все еще несовершенный механизм в действии. В конечном счете ему удалось, как мы уже говорили, создать первоклассный телеграф; и из 15 000 миль провода, которые были проложены к 1852 году в Соединенных Штатах, 12 124 были обработаны по системе Морзе.

Вопрос приоритета, по нашему мнению, в конце концов, не имеет никакого значения, по крайней мере, в том, что касается конкурирующих претензий Уитстоуна и Штейнхейла. Когда прогресс науки готовит путь для великого открытия, два гения время от времени делают шаг вместе, потому что каждый способен сделать шаг гиганта. Таким образом, математический анализ был открыт Ньютоном и Лейбницем, а место Нептуна на небесах - Адамсом и Леверье. То же самое было и с телеграфом. Расследования Уитстоуна и Штейнхейла были полностью независимы друг от друга, и заслуга обоих не может умаляться тем, что в Европе нашелся второй человек, который справился с этой задачей.

Есть некоторые, кто оспаривает утверждение профессора Уитстоуна, настаивая на том, что, поскольку все основные характеристики телеграфа существовали до того, как он получил свой патент, изобретать было нечего. Это правда, что было сделано многое, но столь же несомненно и то, что многое еще предстояло сделать. Когда Уитстон впервые обратил свое внимание на электричество как средство передачи мыслей на расстояние, телеграф был бесполезной и неработоспособной машиной. Он и его партнер установили в качестве действующего и

высокооплачиваемого факта то, что до сих пор было немногим лучше философской игрушки. Тем, кто сегодня пренебрежительно относится к трудам Профессора, мы считаем достаточным ответить замечательным высказыванием французского ученого месье Био: “Нет ничего так легко, как открытие вчерашнего дня; нет ничего так трудно, как открытие сегодняшнего”.

Вернемся, однако, к истории телеграфа в Англии, от которой мы отвлеклись. После успешной эксплуатации линии длиной в милю с четвертью директора Лондонской и Бирмингемской железных дорог предложили проложить ее до последнего города, если директора Бирмингема и Ливерпуля продолжат ее на своей линии; но они возразили, и the telegraph получила уведомление покинуть территорию, которую она уже занимала. Конечно, его внезапное исчезновение заклеимило бы его как неудачу в сознании большинства людей, и, по всей вероятности, телеграф был бы отложен на много лет, если бы мистер Брюнель, к его чести, в 1839 году не решил внедрить его на Great Western line. Соответственно, его доставили сначала до Уэст-Дрейтона (тринадцать миль), а затем до Слау (расстояние в восемнадцать миль). В то раннее время провода не были подвешены на столбах, а были изолированы и заключены в железную трубу, которая была проложена под землей.

Телеграф до сих пор был строго ограничен железнодорожным бизнесом, и для достижения этой цели Брюнель предложил продолжить его до Бристоля, как только линия будет открыта. И здесь, опять же, глупость и слепота владельцев железных дорог воздвигли препятствия на пути, что привело, однако, к неожиданному применению их полномочий в общественных целях. На общем собрании владельцев Great Western Railway в Бристоле некий мистер Хейворд из Манчестера выступил с осуждением изобретения как “новомодной схемы” и сумел принять резолюцию, отменяющую соглашение, заключенное с патентообладателями. Таким образом, в течение нескольких лет мы обнаруживаем, что телеграф отвергнут двумя самыми могущественными железнодорожными компаниями, людьми, которые прежде всего должны были приветствовать его с одобрением.

Чтобы сохранить провода на земле, мистер Кук предложил обслуживать их за свой счет, и директора разрешили ему сделать это при условии бесплатной отправки их железнодорожных сигналов и продления линии до Слау. Взамен ему было разрешено передавать сообщения общественности. Здесь начинается первое массовое использование телеграфа в Англии или в любой другой стране. Тариф составлял один шиллинг за сообщение. Результатом этой низкой платы стало развитие бизнеса, который, по-видимому, недостоин внимания могущественной компании, в настоящее время владеющей большинством телеграфных линий в королевстве. Операции розничных торговцев, возможно, считаются слишком мелочными для их внимания; но не может быть никаких сомнений в том, что комфорт населения был бы значительно увеличен, а также доходы компании, если бы они только снизились до того, чтобы извлечь урок из коммерческого опыта этого шиллингового тарифа, действие которого мы проиллюстрируем, переписав из телеграфной книги в Паддингтоне несколько образцов отправленных сообщений:

Коммерческие новости. 1844, 1 ноября, Слау, 16.10 — “Отправьте посыльного мистеру Харрису, птицевод, Дьюк-стрит, Манчестер-сквер, и прикажите ему в обязательном порядке отправить еще двенадцать цыплят мистеру Финчу, Хай-стрит, Виндзор, ближайшим поездом в 5:00”. Ответ: Паддингтон, 17:00 — “Цыплят отправляют поездом в 5:00”.

“Слау, 7.35 вечера” — Некий мистер Томас Б., пассажир первого класса, в 18.30 вечера оставил синий плащ с бархатным воротником в кассе первого класса. Отправь его почтовым поездом, если найдешь.

“Паддингтон, 7.45 вечера” — “В кассе есть два таких плаща: есть ли на них какая-нибудь пометка мистера Б.?” Слау, 7.47 вечера. — “У мистера Б. есть клеймо × под воротником, внутри”.

“Паддингтон, 7.55 вечера — “Плащ найден и будет отправлен по запросу”.

Слау, 11 ноября 1844 г., 16:00 — “Отправьте посыльного мистеру Харрису, Дьюк-стрит, Манчестер-сквер, и попросите его прислать 6 фунтов стерлингов. белой приманки и 4 фунта. сосисок, поездом в 5.40, мистеру Финчу из Виндзора, они должны быть отправлены к 5.30 нижним поездом, или не отправляться вообще.

“Паддингтон, 17:27 — ”Вернулся посыльный с материалами, которые будут отправлены поездом в 5:30, как и было запрошено”.

Первое применение телеграфа в полицейских целях произошло примерно в это же время на Великой Западной железной дороге, и, поскольку это было первое сообщение вора о дежурстве электрического констебля, оно представляет большой интерес. Следующие выдержки взяты из телеграфной книги, хранящейся на Паддингтонском вокзале:—

“Итон Монтем дэй, 28 августа 1844 г. — Комиссары полиции издали приказ о том, чтобы несколько офицеров сыскной полиции были размещены в Паддингтоне для наблюдения за передвижениями подозрительных лиц, следующих ближайшим поездом, и уведомляли по электрическому телеграфу на станцию Слау о количестве таких подозреваемых лиц и сообщали, их имена, если они известны, а также вагоны, в которых они находятся”.

Теперь идут послания, следующие одно за другим и влияющие на судьбу отмеченных личностей со всей быстротой, определенностью и спокойствием Немезиды из греческой драмы:

“Паддингтон, 10.20 утра — Почтовый поезд только что тронулся. В первом купе четвертого вагона первого класса находятся три вора по имени Спарроу, Баррелл и Сперджен.

Слау, 10.48 утра — прибыл почтовый поезд. *Полицейские предупредили троих воров.*’

“Паддингтон, 10.50 утра — Только что ушел специальный поезд. В нем находились два вора: один по имени Оливер Мартин, одетый в черное, на его шляпке *креп*; другой по имени Скрипач Дик, в черных брюках и светлой блузе. Оба в третьем купе первого вагона второго класса.

“Слау, 11.16 утра — Прибыл специальный поезд. Полицейские взяли двух воров под стражу, одна дама потеряла свою сумочку, в которой находился кошелек с двумя соверенами и небольшим количеством серебра; дама поклялась, что один из соверенов является ее собственностью. Его нашли в брелке от часов Скрипача Дика”.

Оказывается, что по прибытии поезда полицейский открыл дверь “третьего купе первого вагона второго класса” и спросил пассажиров, не пропустили ли они что-нибудь? Соответственно, последовал обыск в карманах и сумочках, пока одна дама не крикнула, что ее сумочка пропала. “Скрипач Дик, тебя разыскивают”, - немедленно потребовал полицейский, подзывая преступника, который вышел из кареты, как громом пораженный этим открытием, и сдался

вместе с добычей с видом совершенно разбитого человека. О результатах столь ловко осуществленного захвата говорится в книге the telegraph следующим образом:

“Слау, 11.51 утра” — “Несколько подозреваемых лиц, прибывших различными поездами, слоняются по Слау, произнося горькие оскорбления в адрес the telegraph. Ни один из тех, кого предупредили, не отважился отправиться в Монтем”.

С тех пор легкомысленные джентри избегали железной дороги и *слишком* интеллигентного попутчика, который бежал рядом с ней, и снова выбирались на дорогу — шаг назад, которого они продолжают придерживаться во всех важных общественных мероприятиях.

Телеграф даже до этого периода был очень мало известен широкой массе населения и, возможно, еще некоторое время оставался бы в неизвестности, если бы не его выдающееся влияние, вызвавшее арест квакера Тавелла. Это событие, произошедшее днем в пятницу, 3 января 1845 года, представило его миру как выдающийся инструмент в ужасной драме и сразу привлекло всеобщее внимание к его возможностям.

Однако не следует воображать, что патент мистера Уитстона был единственным патентом, полученным на телеграф в 1837 году. Несколько пытливых умов одновременно с Профессором блуждали в запутанном лесу сомнений, и когда он прорвался сквозь него, другие быстро появились в разных точках, один за другим. Следовательно, 1837 год отличался изобилием телеграфов, любой из которых, возможно, сохранил бы свои позиции, если бы стоял отдельно, но ни один из них практически не был равен первому, и все они давным-давно сошли в могилу, уже храня в себе неудачные результаты стольких просто изобретательных умов.

Скорость, с которой игольчатый прибор передает сообщения, небольшое количество электроэнергии, необходимое для его работы, и простота его конструкции являются его главными рекомендациями. В течение минуты он может переслать более 200 писем. Его большой недостаток — недостаток, который с каждым годом будет становиться все больше, — заключается в том, что с ним можно работать только с помощью системы знаков, понимание которой требует некоторой практики. До тех пор, пока общественность будет довольствоваться тем, что отправляет свои сообщения открытым для дневного света способом, этот план будет оставаться в силе, поскольку опытный манипулятор может указывать буквы так быстро, насколько это возможно для чтения, не говоря уже о том, чтобы расшифровывать их на другом конце провода; но как только общественность начнет требовать сохранения тайны — ставить старую печать на свои письма, — этот телеграф, мы предсказываем, выйдет из *общественного* употребления; а телеграф с вращающимся диском, изобретенный мистером Уитстоуном в 1840 году, или записывающий телеграф Бейна или в игру вступит азбука Морзе, или, что еще более вероятно, американский печатный телеграф Хауса.

Этот последний инструмент, по-видимому, содержит в себе возможности очень высокого качества; например, ему не требуется, чтобы кто-либо интерпретировал, а затем переписывал его сообщения — это он делает сам. На самом деле это растягивает пальцы наборщика настолько, насколько может быть растянута проволока. Таким образом, сообщения печатаются со скоростью пятьдесят букв в минуту, скажем, на расстоянии пятисот миль, обычными латинскими буквами на длинных листах бумаги, подобных тем, которые используются на записывающем устройстве. Любое описание его сложного механизма было бы совершенно непонятным для широкого круга читателей. “В то время как устройство телеграфа Морзе, ”

сказал судья Вудбери из Америки, вынося решение по делу о патенте, “ может быть легко понято большинством механиков и людей науки, некоторым требуются дни, если не недели, чтобы полностью понять все части и движения домашнего телеграфа”. Его система используется на тысячах миль американских линий связи. Копирующий телеграф Бейквелла, естественно, был предложен the telegraph of House, исходя из того факта, что он воспроизводит свои сообщения, хотя и другим способом. Можно сказать, что отправитель сообщения пишет ручкой, достаточно длинной, чтобы дотянуться до самого удаленного корреспондента; то есть он не только мгновенно передает суть сообщения, но и передает его своим собственным почерком. Принцип действия аналогичен принципу действия химического регистрирующего телеграфа Дэви. Человек, отправляющий сообщение, пишет его на куске оловянной фольги ручкой, смоченной в лаке или любом другом непроводящем веществе; затем это сообщение помещается вокруг металлического цилиндра, который приводится во вращение с определенной регулируемой скоростью. С этим цилиндром соприкасается тупой стальной наконечник, который под действием винта образует спиральную линию сверху донизу цилиндра, таким образом касаясь каждой части написанного сообщения, охватывающего его. В соединении со стальным острием находится токопроводящая проволока, а на конце проволоки находится аналогичное стальное острие, работающее по спирали на подобном цилиндре. Сразу будет видно, что ток будет передаваться всегда, за исключением тех участков оловянной фольги, которые покрыты непроводящим лаком и которые, следовательно, перекрывают поток электричества, и почерк появится на другом конце телеграфного провода на листе химически подготовленной бумаги, свернутом в цилиндр и движущемся синхронно с ним. Переданное письмо, по-видимому, написано белым на темном фоне, причем белые части, конечно, указывают на то, где был прерван ток и, следовательно, где не произошло химического разложения бумаги.

Однако вернемся к нашей теме после этого небольшого отступления. В то же время, когда упрощался и совершенствовался первый действующий телеграф, система постепенно распространялась, и к концу 1845 года в Англии действовали линии протяженностью более 500 миль, рабочие господа. Патенты Уитстона и Кука. В следующем году капитал, представленный могущественной компанией Electric Telegraph Company, начал свою деятельность, и результатом стало немедленное и быстрое освоение нового метода передачи разведданных.

“Прошло восемь лет”, как говорится в некоторых драматических произведениях, а теперь давайте посмотрим на состояние электрического телеграфа в Англии. Мы оставили его разрозненным на нескольких железных дорогах и произвольно протягивающим провода то тут, то там, без руководящего руководителя или организации; и как мы его находим?

Зажатые между высокими домами, в глубине узкого двора в Лотбери, мы видим перед собой оштукатуренную стену, украшенную часами с электрической подсветкой. Кто бы мог подумать, что за этим узким лбом скрывается великий мозг, — если можно так выразиться, — нервной системы Британии, или что под узким тротуаром переулка находится его спинной мозг, состоящий из сотен волокон, которые передают информацию так же незаметно, как это делает продолговатый мозг под кожей? Выходя из этого узкого канала, “эфферентные” провода разветвляются под различными пешеходными переходами, разветвляются в определенных сплетениях внутри самого великого центра интеллекта, а затем расходятся вдоль различных железнодорожных линий, пока, казалось бы, берега острова не поставят предел их дальнейшему продвижению. Однако это не так: под морями, под вздымающимися волнами, покрытые величественными флотами, они идут своим мрачным путем, пока под бременем

своего движущегося огня они снова не появляются на чужом берегу и заново не начинают свой путь по широкому пространству Континента.

А теперь, подобно любознательному физиологу, давайте исследуем различные части этого искусно сконструированного сенсориума и попытаемся показать нашим читателям, как в этом высоком помещении, созданном руками человека, циркулируют мысли, а идеи приходят и уходят. Дверь "Центральной телеграфной станции" ведет сразу в Центральный зал, продолговатое пространство, открытое до самой крыши, которое имеет вид чего-то вроде Угольной биржи или Геологического музея, с двумя ярусами галерей, подвешенных к голым стенам и обеспечивающих сообщение с различными частями здания. Если мы поднимемся на первую галерею и перегнемся через балюстраду, то получим очень четкое представление о методе приема и передачи сообщений с высоты птичьего полета. Здесь человек, подобно бдительному пауку, сидит в центре своей расходящейся паутины и "живет вдоль линии". Под нами проходит полоса прилавков, образующих три стороны четырехугольника, разделенного зелеными занавесками на отсеки площадью примерно в квадратный ярд. Письменный стол и печатные формы, подлежащие заполнению, помещаются в каждую из этих изолированных ячеек, к которым, как мы видим, люди немедленно направляются, а затем зарываются, на какое-то время сосредоточившись на печатном бланке.

Мы все знаем шутовское оправдание корреспондента за то, что он написал длинное письмо, — что у него не было времени сделать его короче. И действительно, требуется некоторое искусство, чтобы быть достаточно лаконичным, чтобы удовлетворить карман этого заведения. Давайте понаблюдаем, например, за вон тем юношей: он, кажется, очень тщательно заполнил свой лист — теперь он отдает его получателю, и что-то, очевидно, не так, потому что он выглядит озадаченным — это какая-то заминка с оплатой, поскольку его внимание приковано к шкале цен, напечатанной в начале листа.

"Сообщения (не более двадцати слов) могут быть отправлены между всеми основными городами Великобритании за плату в размере 1с. в радиусе 50 миль, за 2с. 6дней в сутки в пределах 100 миль (географическое расстояние) и за 5с. за пределами 100 миль с дополнительной суммой в размере 6дней перевозки в радиусе полумили от станции".

"Экономия," говорит французский писатель М. Декурси, "учит краткости. Телеграфный стиль изгоняет все формы вежливости. 'Могу я попросить вас оказать мне услугу' - это 6д. на расстоянии пятидесяти миль." Сколько же, следовательно, этих ласкательных прилагательных должен безжалостно вычеркивать наш бедняга, чтобы снизить плату за свою работу до разумной! Какую пищу для размышлений дает каждый человек, когда он пишет свое торопливое послание, продиктованное либо страхом, либо жадностью, либо более сильной любовью! - ибо у нас еще не вошло в привычку пользоваться телеграфом, как у американцев, в простых повседневных делах жизни. Каждое сообщение — а из них 350 000 ежегодно передаются этой Компанией для населения и свыше 3 500 000 для железных дорог — точно копируется и помещается в огнестойкие сейфы, а сообщения, отправленные записывающим телеграфом, наматываются на ролик в виде ленты и выглядят точно так же, как диски из саржевой ленты. Представьте себе какого-нибудь будущего Маколея, роющегося в таком магазине и рисующего оттуда характерные черты социальной и коммерческой жизни Англии в девятнадцатом веке. Если из Семейной книги герцога Нортумберлендского или еще позже, из

Писем Пастона, мы можем уловить такие проблески нравов ранней эпохи, то чего нельзя было бы почерпнуть когда-нибудь в двадцать первом веке из записей переписки целого народа?

“Тише, тише, - вмешивается Секретарь Компании, - у нас нет такого намерения радовать потомков; по прошествии определенного короткого периода все копии сообщений уничтожаются. Никому, не связанному с офисом, ни при каких обстоятельствах не разрешается иметь к ним доступ, и служащие Компании взяты под обязательство не разглашать ”секреты тюрьмы".” Очень хорошо, что касается нынешнего поколения; тем не менее, искренне хочется, чтобы одна-две коробки с этими ленточками сарсенет с их линейным языком могли уцелеть, чтобы будущие Роулинсоны разгадали их и расшифровали для обучения человечества.

Однако, пока мы размышляли таким образом, дюжина сообщений для всех частей королевства последовательно поднялась на длинном лифте перед нами в инструментальные помещения, которых два расположены на чердаках заведения, по обе стороны верхней галереи центрального зала; их, если провести наше анатомическое сравнение, можно было бы назвать двумя полушариями головного мозга заведения. За инструментами в одной из этих комнат работают молодые люди, в то время как в другой манипулируют молодые леди; и нам кажется, что директора натравливают их друг на друга— устраивая своего рода производственный турнир, чтобы выяснить, чье описание рабочего наиболее достойно. Пока что можно обнаружить лишь незначительную разницу или вообще ничего не заметить: это, однако, само по себе является триумфом прекрасного пола, поскольку доказывает их способность к виду занятости, хорошо приспособленному к их привычкам и физическим силам, и открывает еще одну дверь для того переизбытка женского труда высшего сорта, который до сих пор тщетно искал работу.

Щелкай, щелкай, двигай иголками по каждой руке, когда мы входим. Здесь мы видим, как виляют железные языки телеграфа и говорят так быстро, словно за чайным столом полно старых дев. Лондон поддерживает связь с Манчестером. Плимут внимательно слушает длинную историю и время от времени легким движением намекает на то, что он ее прекрасно понимает. Но есть один оратор, чей ловкий язык, кажется, говорит важные вещи, судя по волнению вокруг него, — это *Гаага*, нашептывающая под водами Северного моря новости, которые он услышал примерно час назад из Вены о великой победе, только что одержанной турками. Мы являемся свидетелями серии бесед, которые велись со всеми уголками острова, а также между мировой метрополией и каждой столицей северной и центральной Европы, причем так интимно, как если бы собеседники склоняли головы над обеденным столом и конфиденциально беседовали с хозяином. И каким образом ведется этот необычный разговор? Все, что видит посетитель, - это ряд маленьких футляров из красного дерева, очень похожих на футляры американских часов, каждый из которых имеет циферблат с двумя ромбовидными стрелками, приводимыми в движение шарнирами, которые в состоянии покоя висят на нем перпендикулярно. Двух зависимых ручек, расположенных у основания этого прибора, за которые оператор берется и перемещает из стороны в сторону по своему желанию, достаточно, чтобы создавать и прерывать ток или обращать его вспять и, следовательно, отклонять иглы вправо или влево. Два маленьких упора из слоновой кости расположены на расстоянии примерно в полдюйма друг от друга по обе стороны иглы, чтобы предотвратить ее слишком сильное отклонение и контролировать любую вибрацию. Щелчок издает железный язычок, ударяющийся об эти упоры, к которому телеграфисты очень чувствительны. На заре телеграфии внимание оператора на всех станциях было привлечено к прибору внезапным сигнальным звоном, который

производился с помощью электромагнита; но ужасающий грохот, который он вызывал, стал невыносимым для людей, постоянно находившихся при нем, и от этой части прибора быстро отказались, поскольку щелчка иглы оказалось вполне достаточно, чтобы привлечь его внимание к прибытию или передаче сообщения. Мы говорим *передать* сообщения, потому что, когда осуществляется связь, как, например, между Лондоном и Эдинбургом, стрелки всех телеграфных станций на линии одновременно отклоняются, но дежурному стоит только обратить внимание на происходящее, как в его конкретном населенном пункте подается специальный сигнал, информирующий его о том, что с *ним* разговаривают. Рассказывают историю о некоем сонном служащем станции, который, чтобы насладиться сном, приучил своего терьера чесаться и будил его при первом звуке щелкающих иголок.

Компания использует только два вида телеграфа: игольчатый телеграф и несколько химических регистрирующих телеграфов Bain. Последний инструмент, возможно, поражает зрителя больше, чем игольчатый аппарат с проворной работой, но его действие столь же просто. Прорези переменной длины, представляющие буквы в соответствии с алфавитом в записке,^[35] пробиты из длинной полоски бумаги, называемой полосой для сообщений, которая помещается между вращающимся цилиндром и зубчатой пружиной. Аккумулятор соединен с цилиндром; провод, который идет от станции к станции, соединен с пружиной. Поскольку сухая бумага не является проводником, электричество не проходит, пока незаколотая часть бумажного вкладыша находится между цилиндром и зубом; но когда зуб опускается в зазор и соприкасается с цилиндром, ток протекает. Если мы теперь перенесем наше внимание на станцию, на которой получено сообщение, мы обнаружим подобный цилиндр, вращающийся с постоянной скоростью, и металлическую булавку, прикрепленную к концу телеграфного провода, прижимающуюся к нему; но в этом случае бумага между цилиндром и булавкой была промыта раствором калийсодержащего калия, который под действием электричества окрашивается в берлинскую лазурь в том месте, где булавка касается его. Следовательно, когда химически подготовленная бумага проходит под булавкой, образуется синяя линия той же длины, что и прорези на другом конце, которые регулируют продолжительность электрического тока; и таким образом, каждая буква, выбитая на полоске для сообщений, точно передается своему дальнему собрату. Скорость, с которой обозначения передаются этим методом, такова, что “в эксперименте, проведенном М. Леверье и доктором Ларднером перед комитетами Института и Законодательным собранием в Париже, депеши отправлялись на 1000 миль со скоростью почти 20 000 слов в час”. Однако на обычной практике скорость ограничена скоростью, с которой опытный клерк может пробивать отверстия, которая не намного превышает сотни в минуту. Там, где целью была пересылка длинных документов, таких как речь, несколько человек могли быть задействованы одновременно для штамповки различных частей сообщения, и затем полосы для сообщений выдавались бы так быстро, как только могла работать машина.

Эта система широко используется в Америке. Более слабого электрического тока, чем тот, который требуется для отклонения игл или намагничивания железа, достаточно для осуществления необходимого химического разложения. Проводящая способность пара или дождя переносит большую часть электричества по проводам в определенных состояниях атмосферы; “и в таких случаях, когда телеграфы Морзе и Бейна используются объединенной компанией в одном офисе, оказывается удобным отсоединить провода от приборов Морзе и соединить их с приборами Бейна, которыми практически можно пользоваться, когда связь по системе Морзе прерывается”. — (*Отчет Уитворта*, стр. 51.)

Этот химический телеграф имеет также то преимущество, общее со всеми записывающими приборами, что он оставляет неизгладимую запись каждого переданного сообщения, и поэтому очень полезен, когда ошибка в одной цифре или букве может иметь последствия, что мы проиллюстрируем на примере случая, произошедшего совсем недавно. Биржевой маклер в Сити получил, во время очень беспокойного состояния фондов, приказ купить для клиента в отдаленной части страны к определенному времени дня 80 000 *фунтов* консолей. Поскольку этот заказ был необычно крупным для частного лица, брокер усомнился в его точности и немедленно навел справки в офисе. К счастью, сообщение было отправлено записывающим устройством, и при просмотре записи сразу стало видно, что заказ был на сумму 8000 *фунтов стерлингов*. Переписчик поставил 0, за что, согласно правилам компании, он был немедленно оштрафован. Так вот, здесь ошибка была немедленно выявлена у человека, который ее допустил, и не было необходимости отвечать телеграммой, чтобы узнать, все ли в порядке, - два вопроса жизненно важных в такой сделке, как эта, предполагающие такую большую личную ответственность; ибо, если бы покупка была совершена и оказалась неудачной, убытки, несомненно, пали бы на несчастливого биржевого маклера.[36]

Однако во всех обычных транзакциях предпочтительнее использовать инструмент *needle*, поскольку он передает свои сообщения гораздо быстрее. Скорость, с которой обслуживающий персонал этих приборов считывает сигналы, подаваемые иглами, поистине изумительна: в некоторых случаях они даже не ждут, чтобы произнести слова по буквам, а хватаются за предложение еще до того, как оно будет закончено; и они научились на практике, как говорит сэр Фрэнсис Хед в "Кочегарах и кочергах", немедленно распознавать, кто им телеграфирует, скажем, в Йорке, по особому *выражению игл*, по длинным натянутым проводам, образующим, таким образом, нечто вроде человеческих антенн, с помощью которых индивидуальные особенности осязания передаются на бесконечное расстояние. Перечислять виды посланий, которые проходят через комнату либо по пути из Лондона, либо в процессе рассылки в нее, значило бы излагать историю человеческих дел. Сюда, с берегов этого тесного острова, приходят утренние новости, собранные наблюдателями с телескопами в руках, с отдаленных мысов, о том, какие корабли только что появились в поле зрения, или какие суда затонули или выбросились на берег — в эту комнату, несравненно быстрее, чем почтовый голубь древности, по телеграфу передается имя победителя "Дерби" или "Оукс". О том, что по всему острову дуют четыре ветра; о том, как растут или падают запасы ежечасно во всех крупных городах и столицах континента; о том, какая кукуруза на Марк-Лейн и что фермер Джайлс получил четверть часа назад в провинциальном городке в Йоркшире, одинаково известно в телеграфной. Вперемешку с котировками "тэлоу" и ценами на "Уоллс Энд коулз" время от времени появляются любовные записки, которые вызывают у клерка не больше сочувствия, чем у утюга, который их передает; или извещение о том, что внезапный смертельный удар поразил какого-нибудь далекого друга, передается и принимается так же равнодушно, как отчет о падении курса российских акций. Когда дела идут в гору, телеграфисты иногда развлекаются обменом колкостями со своими далекими друзьями. Сэр Фрэнсис Хед сообщает нам, что однажды по телеграфу произошла серьезная ссора, и в результате двух раздраженных манипуляторов пришлось разлучить.

В дополнение к этому отделу частных сообщений под лестницей находится разведывательный офис, в котором сводятся новости, опубликованные в лондонских утренних газетах, и пересылаются на биржи Ливерпуля, Бристоля, Манчестера, Глазго и т.д.[37] Несколько лет назад компания открыла абонентские пункты во всех крупных городах севера, в которых разведданные любого рода размещались сразу после их прибытия в Лондон; но тяги к

оперативной информации было недостаточно, чтобы побудить людей понести расходы, и, за исключением the room в Халле, все заведения были закрыты. .

Особенно в пятницу вечером наш департамент очень занят, собирая для местных газет новости, которые появляются в этой захватывающей колонке, озаглавленной “По электрическому телеграфу, Лондон, 2 часа ночи”. Таким образом, "телеграф" всю ночь курсирует экспрессом для газет всего королевства и даже пересекает Портпатрик и Донахади, попадая в братскую страну, благодаря своему бюджету последних разведданных, благодаря чему окончности двух островов так же в курсе важных событий, как и сам Лондон. Более 120 провинциальных газет получают таким образом свою колонку парламентских новостей за ночь; а *Daily Mail*, издающаяся в Глазго, иногда получает целых три колонки с описанием дебатов, пока Палата заседает. В этом отделе специально работают суперинтендант и четыре клерка; и рано утром, ближе к концу недели, офис напоминает кабинет редактора. В семь утра можно увидеть, как клерки углубляются в “*Таймс*” и другие ежедневные газеты, только что вышедшие из печати, делают выписки и сводят в короткие абзацы все наиболее важные события, которые немедленно рассылаются в местные газеты для формирования "вторых выпусков”. Работа не прекращается и здесь, ибо как только в городе выходит второе издание, его новости, если они представляют более чем обычный интерес, передаются в провинции. Например: пока мы некоторое время назад находились в телеграфном отделении компании, в Ливерпуль, Йорк, Манчестер, Лидс, Бристоль, Бирмингем и Халл были отправлены следующие разведданные:

“Восточная война — Битва на Дунае — Из вечернего выпуска "Морнинг Кроникл".

“Вена, суббота, 8 апреля.

“Журнал *Фремден Блатт* сообщает под датой из Бухареста, 4 апреля, что при Рассове, примерно на полпути между Хиршовой и Силистрией, в Добрудже, разыгралось крупное сражение. Результат был неизвестен. Мустафа-паша стоит во главе 50 000 человек”.

Прибыв в вышеупомянутые места, он преодолевает расстояние быстрее, чем ракета, подобно ракете взрывается и снова разносится по расходящимся проводам в дюжину соседних городов. Процитированное нами сообщение как нельзя кстати напоминает нам о том, что разведданные, собранные и переданные таким поспешным образом, также имеют свои недостатки и не так надежны, как новости, которые начинаются позже и распространяются медленнее. “Великая битва при Рассове” еще не состоялась, и общие действия, объявленные по телеграфу, были всего лишь кровопролитной перестрелкой.

Телеграфная организация Лондона, какой бы скудной она ни была в настоящее время, сама по себе могла бы составить любопытную газету: “провинция, покрытая домами”, требует особого устройства, и соответственно мы видим, как день ото дня открываются новые отделения в ее пределах, благодаря чему каждая часть метрополии сообщается со страной и Европой.

Филиалами являются Лондонские доки (главный вход); № 43, Минсинг-лейн; Главное почтовое отделение, Сент-Мартин-ле-Гран; № 30, Флит-стрит; № 448, Вест-Стрэнд; № 17а, Грейт-Джордж-стрит, Вестминстер; № 89, Сент-Джеймс-стрит; № 1, Парк-Сайд, Найтсбридж; № 6, Эджуэр-роуд; Грейт-Вестерн-вокзал; Лондонский и Северо-Западный железнодорожные вокзалы; Грейт-Северный железнодорожный вокзал; Хайбери-железнодорожный вокзал;

Восточный округ-железнодорожный вокзал; Блэкуолл-железнодорожный вокзал ; Железнодорожный вокзал Лондона, Брайтона и Южного побережья; и Лондонский и Юго-Западный железнодорожные вокзалы; из них только два открыты днем и ночью. Центральный офис, каким бы странным это ни казалось, закрывается в половине девятого вечера, и его провода соединены с проводами на вокзале Чаринг-Кросс, который берет на себя ночную работу —кстати, странное доказательство того, что сам Лондон пустеет вскоре после окончания рабочего дня. Офис в Восточных округах также открыт по ночам и образует офис компании в Ист-Энде. Эти станции сообщаются с центральным офисом в Лотбери и фактически являются прямыми кормильцами для него, точно так же, как сотня присосок для зоофита.

Однако нам еще предстоит обратить внимание на особую телеграфную связь, которая существует в мегаполисе между местами либо для правительственных целей, либо для общественного удобства. Самая любопытная из этих линий - провод между Восьмиугольным залом в новом здании парламента и коммерческой станцией на Сент-Джеймс-стрит. Они должны назвать эту линию "whipper-in" Палаты представителей, потому что это не что иное, как телеграмма для членов. Компания нанимает репортеров во время заседания парламента, чтобы они делали из галереи резюме бизнеса двух Палат по мере его продвижения; и это резюме с очень короткими интервалами пересылается в офис на Сент-Джеймс-стрит, где оно *настраивается и печатается*, дополнения вносятся в лист, выпускаемый по мере поступления рукописи. Эта рассылка рассылается каждые полчаса в следующие клубы и заведения: Arthur's; Carlton; Оксфорд и Кембридж; Brook's; Conservative; United Service; Athenæum; Reform; Traveller's; United University; Union; и White's; ежечасно в Boodle's Club и Prince's Club; и каждые полчаса в Королевскую итальянскую оперу. Разумеется, приводится максимально краткая аннотация - фактически достаточная для того, чтобы член парламента смог после ужина настолько сэкономить время, чтобы допить свой кларет и в то же время успеть к заявлению министра или занять место в дивизионе.

Прослушка в Оперу - еще более любопытный пример социальных услуг, которые призвана оказывать новая власть. Краткое изложение работы парламента, аналогичное приведенному выше, но *вписьменном*, вывешивается во время представления в фойе; и "Молодой Англии" достаточно просто отдохнуть в перерыве между актами, чтобы узнать, встал ли Дизраэли или лорд Джон Рассел и может ли он досидеть до конца пьесы или должен поспешить в Вестминстер. Оперный театр даже поддерживает связь с офисом на Стрэнде, так что оттуда сообщения могут быть отправлены во все концы королевства. Правительственные телеграммы идут из Сомерсет-Хауса в Адмиралтейство, а оттуда в Портсмут и Плимут по Юго-Западной и Большой Западной железным дорогам; и эти два учреждения сообщаются посредством подземных линий с военно-морскими учреждениями в Дептфорде, Вулвиче, Чатеме, Ширнессе и с маленькими портами Дил и Дувр. Они работают совершенно независимо от Компании, и сообщения отправляются в зашифрованном виде, значение которого неизвестно даже телеграфистам, занятым их передачей. В дополнение к проводам, о которых уже говорилось, уличные ответвления проходят от Букингемского дворца и Скотланд-Ярда (главного полицейского управления) до станции на Чаринг-Кросс, а оттуда до Фаундерс-Корт; в то время как Почта, Ллойд-с, Кейпл-корт и Зерновая биржа напрямую сообщаются с Центральным офисом.

Таким образом, функция Центрального офиса заключается в приеме и перераспределении сообщений. О том, каким образом достигаются эти цели, ничего нельзя понять, окинув

взглядом приборные комнаты. Вы не видите никаких проводов, входящих в них или выходящих из них; вы просите разгадать тайну, и один из клерков ведет вас к лестнице и открывает дверь в виде длинного деревянного стержня, расположенного перпендикулярно стене. Это великий спинной мозг заведения, состоящий из огромного пучка проводов, изолированных друг от друга гуттаперчей. Один из них передает собранные потоки разведанных с отдаленных концов континента и самых дальних берегов Британии, проводит их через Лондон по уличным линиям под шум толпы и поднимается со своими невидимыми сообщениями непосредственно к различным приборам. Другой комплект состоит из проводов, которые спускаются в батарейный отсек. Невозможно осознать этот факт, просто глядя на этот коричневый и пыльный на вид пучок нитей; тем не менее, это так, что они обеспечивают нам связь с помощью не менее чем 4409 миль телеграфной линии, которая совпадает с железнодорожной системой острова и образует полную сеть по всей его поверхности, за исключением высокогорья Северного Уэльса. Он уже проникает в дебри Шотландии, поскольку мы видим, что проволока протянута от Абердина до Балморала.

Физиолог, тщательно препарируя морскую звезду, показывает нам ее нервную систему, простирающуюся до кончика каждой конечности, и останавливается на красоте этого устройства, благодаря которому центральный рот получает информацию о пище в пределах его досягаемости. Телеграфная система, уже развитая в Англии, сделала ее такой же чувствительной до крайности, как морская звезда. День за днем и час за часом все, что происходит важного, немедленно передается в его центр в Лотбери, и этот центр возвращает услугу, распространяя свежую информацию во всех направлениях. Таким образом, если враг появится у нашего побережья, его присутствие с помощью оптического волокна немедленно почувствуют в Адмиралтействе, и немедленный ответ отправит флот в погоню. Если в производственных районах происходят беспорядки, местные власти связываются с Министерством внутренних дел, и поступает приказ привести в действие войска, находящиеся на расстоянии. Если убийца сбегает, та же самая телеграмма сообщает об этом в Скотленд-Ярд, и оттуда отдаленным полицейским посылается сообщение, чтобы они перехватили его во время побега. Рука едва ли поднимается быстрее, чтобы отразить внезапный удар, глаз закрывается не быстрее при неожиданном потоке света, чем при помощи телеграфа действия следуют за впечатлениями, передаваемыми вдоль и поперек страны. Но, говорит наш читатель, предположим, что эти провода оборваны или повреждены, вся ваша линия парализована; и как вы собираетесь выяснить, где может быть неисправность? Человеческая предусмотрительность защитила от этих случайностей: проводя испытания от станции к станции вдоль линии, офис вскоре узнает, насколько провода в идеальном состоянии; и если нарушение целостности должно быть в подземных уличных проводах, через каждые 500 ярдов установлены железные контрольные столбы, с помощью которых рабочий знает, где производить ремонт. Однако, пока все снова налаживается, в ход пускается любопытное изобретение, позволяющее сохранить открытость общения. Каждый знаком с действием железнодорожной “стрелки”, с помощью которой поезду дают возможность сойти с одной линии рельсов и перейти на другую. У телеграфа также есть свой переключатель, и, таким образом, сообщение может быть передано с одной линии на другую или может быть отправлено прямо через любой населенный пункт, не делая остановки в обычном месте отдыха по пути следования. Таким образом, с помощью этого устройства можно полностью избежать “больных проводов”. Предположим, например, что с прямой линией в Бристоле произошел какой-то несчастный случай, и вследствие этого она не работает, тогда клерк станции в Лотбери подал бы сигнал в Бирмингем, чтобы переключить

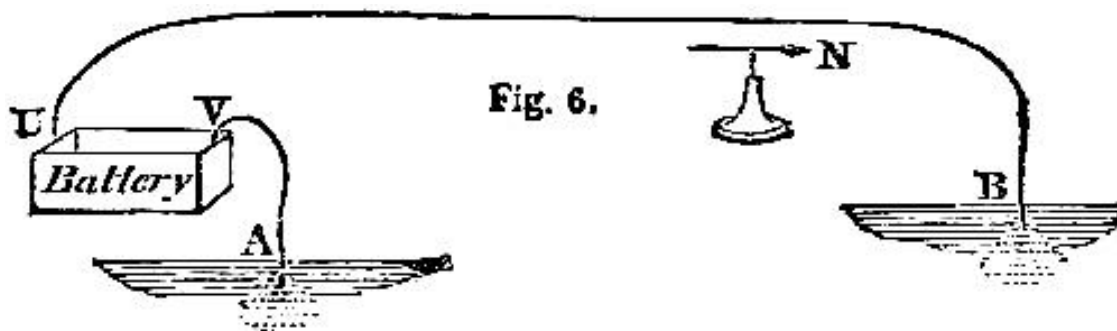
провод на Бристоль, или, другими словами, установить связь с этим местом; после этого сообщение полетело бы по северо-западной линии, заглянуло на станцию в Бирмингеме и немедленно отправилось по проводу Мидленд в Бристоль, прибыв, по общему мнению, на ту же широту так же быстро, как если бы оно шло напрямую по Большому западному проводу. Каждая крупная станция снабжена коммутационным аппаратом, а в офисе в Лотбери их несколько. Здесь также имеется очень любопытное приспособление, называемое “блок тестирования”, которое позволяет манипулятору подключать любое количество батарей к проводу, чтобы подавать дополнительную мощность, не заходя в хранилище для батарей.

Эти переключатели, тестирующие устройства и батарейные отсеки отлично подходят для работы в определенных атмосферных условиях. Например, гроза или, чаще, туман время от времени настолько влияют на проводящую способность провода, работающего на большие расстояния, что оказывается невозможным отправить по нему сообщение, и в этом случае клерк “уклоняется” от проходящей грозы или тумана, передавая депешу по стране по проводу в хорошую погоду. Однако, если туманная погода сохранится, манипулятору остается только подойти к аккумуляторному отсеку и подсоединить одну или несколько батарей, точно так же, как новые двигатели устанавливаются на поезд, идущий вверх по склону, когда рельсы “засалены”. Благодаря увеличению мощности электрического тока сообщение передается даже в самую плохую погоду. Иногда для быстрой передачи сигнала в Глазго требуется шесть или восемь 24-пластинчатых аккумуляторов. Однако более общим способом в таких случаях является передача депеши на какую-либо промежуточную станцию, где сообщение повторяется.

Теперь давайте спустимся в аккумуляторные хранилища — две длинные узкие камеры, расположенные в подвале здания. Кто бы мог подумать, что в этом тихом месте, днем и ночью, создавалась сила, которая распространила свое влияние на самую окраину этого морского острова, более того, вторглась на территории Голландии, Бельгии и Франции? Кто бы мог подумать, что эти длинные пыльные коробки на полках заставляют десятки железных языков вилять за сотни миль отсюда? В этих хранилищах находится более шестидесяти батарей Дэниела, полностью занятых. Они делятся на шестерки, двенадцатки и двадцатичетырехствольные, в зависимости от количества их элементов или пластин; и точно так же, как ружья, чем выше их ранг, тем дальше они продвигаются. Мощные аккумуляторы twenty-fours работают на больших расстояниях между проводами, а батареи меньшего размера - на более коротких цепях. Конечно, некоторым из этих батарей приходится выполнять более тяжелую работу, чем другим, и у “двадцатичетырехлеток”, работающих на Северо-Западной линии, гораздо больше всего работы. Учитывая выполняемую ими работу, их обслуживание обходится не очень дорого. “Двадцать четвертый”, когда работает в полную силу, расходует свои цинковые пластины не раньше, чем через три месяца, а разбавленная серная кислота - это его сильная, но довольно умеренная норма жидкости в месяц. Для других аккумуляторов той же мощности достаточно 1 фунта сульфата меди в месяц, небольшого количества сульфата цинка, соли и воды. Весь объем электроэнергии, используемой Компанией по всей стране, вырабатывается 8000 12-пластинчатыми батареями, или 96 000 элементами, которые покрыты 1 500 000 квадратными дюймами меди и примерно таким же количеством цинка. Для работы этих батарей ежегодно расходуется шесть тонн кислоты и пятьдесят пять тонн песка; основное применение последнего заключается в предотвращении разбрызгивания химикатов и слишком быстрого окисления металлических пластин. Язык “провода”, относящийся к работе телеграфа, очень любопытен. Например, когда служащий отдаленной станции обнаруживает, что

батарейка не справляется со своей работой из-за слабого действия игл, он сообщает, что ее требуется “освежить”, и, соответственно, к ней подают жабры аквафортиса, и, в полном противоречии с доктринами воздержания, “долговечный аккумулятор” обязан своей жизнеспособностью самому крепкому напитку.

Мы проследили за проводами до одного полюса их соответствующих батарей, и теперь нам нужно проследить за ними от противоположного полюса, пока они не выйдут на “землю”. Электричество не будет поступать от положительного полюса Z батареи (рис. 2), если провод Dkb не подсоединен, либо будучи сам по себе неразрывным, либо путем вставки какого-либо другого проводника, где возникает разрыв, к отрицательному полюсу C. В более ранних телеграфах для достижения этой цели обычно использовался обратный провод. Но, как бы странно это ни звучало, было обнаружено, что сама земля будет передавать ток обратно к отрицательному полюсу, и таким образом была сэкономлена целая длина провода. Соответственно, земля завершает двести с лишним различных контуров, которые проходят свои петли, так сказать, через центральный офис. Чтобы получить “хорошую землю”, глубоко в фундаменте была вырыта яма, пока не было найдено немного влажной земли, сухая почва была очень плохим проводником, и в нее был помещен медный цилиндр диаметром четыре дюйма весом 40 фунтов. по весу был затонувшим, окруженным массой сульфата меди в виде кристаллов. Затем все провода заземления установки были подсоединены к этой металлической массе, или пластине заземления.

Читателю, не склонному к науке, возможно, потребуется цифра, чтобы объяснить ему, что мы имеем в виду, когда говорим, что земля способна замкнуть “кругооборот”. На прилагаемой схеме (№ 6) у нас есть батарея Uv в центральном офисе в Лондоне, отклоняющая иглу N, скажем, в Ливерпуле. Жидкость вытекает из положительного полюса батареи U, проходит по проводу Северо-Западной железной дороги и после срабатывания телеграфа в Ливерпуле спускается в землю по проводу B, к которому прикреплена металлическая пластина заземления. С этой точки электрический ток направляется домой, через твердую землю, и, обнаружив заземляющую пластину[38] под фундаментами в Лотбери, поднимается по проводу A к отрицательному полюсу батареи V. Обращая ток вспять, он сначала протекает через землю от Va к B и возвращается по проводу к противоположному полюсу U.

Ничто в телеграфии не производит большего впечатления на вдумчивый ум, чем тот факт, что электрический ток, пройдя, возможно, половину земного шара, должен возвращаться к своей батарее через несокрушимые скалы, моря и все разнообразные элементы, составляющие

анатомию земного шара. Объяснение этого феномена по-прежнему остается предметом чистой спекуляции. Действительно, могут возразить, что наш полет электрического принципа в целом является полетом фантазии — что на самом деле никакого потока электричества вообще не существует, но что его распространение по телам, согласно общепринятой теории, обусловлено действием друг на друга противоположных полюсов соприкасающихся частиц. Гипотеза, однако, впервые полученная в науке, порождает ее язык, который обычно остается прежним, хотя, возможно, и перестал быть адекватным выражением современной доктрины философов.

Путешественник, летящий в поезде и смотрящий на провода, которые кажутся протянутыми к небу, как нотные тетради, почти не мечтает об этих невидимых проводниках, возвращающих ток через землю. Действительно, в девяноста девяти случаях из ста провода и поддерживающие их столбы представляют для зрителя весь телеграф. Следующий разговор между двумя штурманами, подслушанный на днях моим другом, дает наиболее популярное представление о том, как работает телеграф. - Слушай, Джем, как им удастся *цепляться* челюстями за эти провода? “ Ну, Билл, они тянут за один конец и звонят в колокольчик на другом. Другие, опять же, воображают, что сообщения передаются посредством вибрации металла, потому что в ветреные дни они иногда издают звуки, похожие на Эолову арфу: факт, который, по словам сэра Фрэнсиса Хеда, вызвал замечание машиниста с Северо-Запада своему кочегару: “Послушай, Билл, а разве в Трэпстоуне им этого не дают?” Более невежественный класс людей на самом деле верит, что таким образом доставляются посылки и письма, и иногда они носят их с собой для передачи в офис.

Железная проволока, покрытая цинком, или “оцинкованная”, как ее еще называют, для предотвращения коррозии, в настоящее время повсеместно используется в качестве проводника электрической жидкости, когда провода подвешены в воздухе. Первый дождь, падающий на цинк, превращает его в оксид этого металла, который нерастворим в воде, так что впредь на чистом воздухе этот элемент не может воздействовать на него, и всякое дальнейшее окисление прекращается. Мистер Хайтон говорит, однако, что в окрестностях крупных промышленных городов сера из задымленной атмосферы превращает оксид в сульфат цинка, который растворим, и, следовательно, дождь постоянно смывает его с проволоки. Он утверждает, что таким образом ему удалось уменьшить диаметр проволоки с восьмой части дюйма до диаметра обычной швейной иглы. Разгорелся большой спор относительно наилучшего способа изоляции проводов от их опорных столбов, которые в противном случае передавали бы электричество от проводов к земле. Неизвестен метод, позволяющий добиться этого полностью, но мы считаем, что в настоящее время принято решение, что керамогранит является наилучшим материалом для этой цели, как из-за его непроводящих свойств, так и из-за готовности, с которой он сбрасывает со своей поверхности частицы воды. Последнее качество чрезвычайно важно, поскольку в очень дождливую погоду, если изолятор случайно намокнет, электрическая жидкость иногда образует мостик из влаги, который выходит из провода, стекает по столбу на землю и снова приводит к короткому замыканию на аккумулятор. Действительно, когда к одному и тому же столбу в одной плоскости подвешено много проводов, струи воды, падающей с верхнего на нижний, часто бывает достаточно, чтобы вернуть ток обратно до того, как он выполнит свою работу, к большому неудовольствию телеграфиста. Не так давно авария с аналогичными последствиями произошла на линии между Льюисом и Ньюхейвеном, вследствие следующего весьма необычного обстоятельства: журавль, летя под дождем, задел провода, и, полностью продев через них свою длинную шею, ток прошел по его

влажным перьям к проводу ниже и по этому каналу вернулся домой. Однако влага, хотя и может на какое-то время помешать работе лески, редко наносит какой-либо непоправимый вред. Молния, напротив, если ее не уберечь, способна причинить большой вред. Известно, что он наносит удар и тянется на многие мили вдоль провода, а по пути проникает в станцию за станцией и расплавляет тонкие катушки и более тонкие части инструментов в твердую массу. В большинстве случаев он меняет полярность игл на противоположную или делает постоянным магнетизм электромагнитов. Всех этих опасных и раздражающих непредвиденных обстоятельств легко избежать с помощью простого проводящего устройства для отвода нежелательного посетителя. Метод, принятый мистером Хайтоном, заключается в том, чтобы выставить небольшую коробочку из сосен, скажем, десяти-двенадцати дюймов длиной, жестяной пластинкой и прикрепить эту пластинку к земле. Проволока, завернутая в плотную бумагу, которая является достаточным изолятором для жидкости, находящейся в аккумуляторе при низком напряжении, перед тем как попасть в инструмент, проходит через центр коробки и окружается железными прокладками. Высоконапряженное электричество молнии мгновенно пробивается от провода через поры бумаги к миллионам остриев тонкоизмельченного железа и таким образом уходит на землю. Конечно, существует много видов громоотводов, используемых на разных линиях, но этот прост по своей конструкции и, как нам дали понять, чрезвычайно хорошо отвечает своему назначению.

Несмотря на то, что Компания Electric Telegraph Company была основана так много лет назад, публика только сейчас начала понимать, что такое “провод”. Очень высокие сборы, которые поначалу требовались за передачу сообщения, несомненно, сделали его скорее роскошью, чем жизненной необходимостью; и каждое снижение тарифа явно делало его доступным для гораздо более широкого класса населения, как видно из следующей таблицы, опубликованной Компанией, которая показывает прогресс системы под ее управлением.

За полгода, закончив шие	работу Мили телеграфа .	Мили of проводов.	Количес во of сообщени й.	Квитанции.			Выплачен ные дивиденд ы.
				£.	с.	г.	
Июнь 1850 г.	1 684	6730	29 245	20 436	10	0	4 процента. за год.
декабрь 1850 г.	1,786	7,200	37,389	23,087	13	9	проценти в. за год.
июнь 1851 г.	1 965	7 900	47,259	25,529	12	,	„6 за карат. за год. и 2 за карат. Бонус.
Декабрь 1851 г.	2,122	10,650	53,957	24,336	8	10	6 Проценти

В.
согласно
ежегодно
му

примечан
ию.— В
этом
полугоди
и
оплаченн
ый
капитал
Компании
был
увеличен,
а тариф
снизился
примерно
на 50 %
по
сравнени
ю с
первонач
альной
ставкой
начислен
ия.

Июнь 1852 г.	2,502	12,500	87,150	27,437	4	8	проценто в. за год.
декабрь 1852 г.	3 709	19 560	127 987	40 087	18	2	6½%. за год.
июнь 1853 г.	4 008	20 800	138 060	47 265	16	3	6½%. за год.
декабрь 1853 г.	4 409	24 340	212 440	56 919	0	1	%. за Анн.

Из вышесказанного будет видно, какой импульс бизнесу придало снижение тарифа, произошедшее в декабре 1851 года; ибо, если мы сравним сообщения за полугодие, закончившееся июнем 1850 года, с сообщениями за полугодие, закончившееся июнем 1852 года, мы обнаружим, что, хотя количество миль телеграфной связи в работе не увеличилось наполовину, количество передаваемых сообщений увеличилось почти втрое. Однако только за последние год или два - как будет видно из таблицы — произошло очень значительное расширение бизнеса, что, несомненно, связано с тем, что общественность лучше знакома с его возможностями. С тех пор тариф был еще более снижен, что привело к еще большему увеличению количества отправляемых сообщений и получаемых денег - прибыль на данный

момент составляет семь процентов дивиденды! Самая низкая точка дешевизны, по нашему мнению, еще очень далека от достижения; и было бы только мудрым поступком со стороны Компании немедленно ввести единую плату за сообщения, скажем, из пятидесяти слов, за один шиллинг. Если бы это было сделано, единственным ограничением для его бизнеса было бы количество проводов, которые они могли бы удобно повесить, поскольку нынешнего набора было бы явно недостаточно. Следует также принять меры для устранения одного серьезного возражения, которое в настоящее время ощущается в отношении отправки частных сообщений по телеграфу — нарушения всякой секретности, — поскольку в любом случае полдюжины человек должны быть осведомлены о каждом слове, адресованном одним человеком другому. Клерки Английской электрической телеграфной компании поклялись хранить тайну, но мы часто пишем вещи, которые было бы невыносимо видеть посторонними, читающими у нас на глазах. Это серьезная ошибка в работе telegraph, и она *должна* быть исправлена теми или иными средствами. Наше собственное мнение таково, что публика предпочла бы цифровой телеграф, с помощью которого два человека могли бы разговаривать друг с другом вообще без вмешательства третьей стороны, или же печатающий пошаговый инструмент был бы столь же хорош. В любом случае, должен быть введен какой-нибудь простой, но надежный шифр, легко приобретаемый и легко читаемый, с помощью которого сообщения могли бы, по сути, быть “запечатаны” для любого лица, кроме получателя. У нас есть основания полагать, что профессор Уитстоун изобрел шифр с таким описанием, которое вскоре будет обнародовано. “Одна восьмая часть отправок между Новым Орлеаном и Нью-Йорком,” говорит мистер Джонс в своем “Историческом очерке электрического телеграфа”, “зашифрована. Например, торговцы в обоих городах договариваются о шифре, и если корреспондент из Нового Орлеана желает сообщить своему нью-йоркскому другу о ценах и перспективах рынка хлопка, то вместо слов ‘Хлопок восемь четвертаков—не продавать’ он может использовать следующее: ‘Пастуший ром—поцелуй—флэш-дог’”.

Компания недавно заключила соглашение, благодаря которому была устранена весьма абсурдная и неудобная необходимость личного присутствия на телеграфной станции с сообщением. Теперь выпускаются “Франкированные почтовые бумаги” с предоплатой, которые можно приобрести в любом магазине канцелярских товаров. Они с заполненным сообщением могут быть отправлены в офис, когда и как пожелает отправитель, и компания намерена очень быстро начать продавать электрические марки, такие как Queen's heads, которые можно наклеивать на любой лист бумаги и раскрывать его содержимое без дальнейших проблем. Другим очень важным механизмом для меркантильных людей является отправка “сообщений о денежных переводах”, с помощью которых деньги могут быть внесены в центральный офис в Лондоне и в течение нескольких минут выплачены в Ливерпуле или Манчестере, или тем же способом отправлены в город с аналогичной отправкой из Ливерпуля, Манчестера, Бристоля, Бирмингема, Лидса, Глазго, Эдинбурга, Ньюкасла-на-Тайне, Халла, Йорка, Плимута и Эксетера. В учреждении Лотбери есть отделение денежных переводов для управления этим отделом, которое, без сомнения, в случае возникновения чрезвычайных ситуаций быстро заменит государственное отделение денежных переводов, которое работает через более медленное почтовое отделение.

До сих пор мы говорили только о Старой Электрической телеграфной компании. В Соединенном Королевстве есть несколько других компаний, работающих с различными патентами. Однако мы решили описать деятельность первоначальной Компании, потому что это единственная компания, у которой объем бизнеса достаточен, чтобы придать ей всеобщий интерес;

фактически, это единственная компания, которая захватила карту Англии в свои нервные объятия и протянула свои провода через все обширные английские графства. Европейские и британские телеграфные компании проложили свои линии, изолированные гуттаперчей и защищенные железными трубами, под дорогами общего пользования. Европейская компания работает между Манчестером, Бирмингемом, Лондоном и Дувром и с помощью двух подводных кабелей, проложенных в Дувре и Кале, а также в Дувре и Остенде, связывает крупные производственные и коммерческие центры с Францией, Бельгией и остальной Европой двойным маршрутом. Британская телеграфная компания работает в основном в северных графствах. Из других линий в настоящее время нам достаточно упомянуть только Соединенное Королевство и Англо-ирландскую магнитную компанию, которая прокладывает провода между Лондоном, Белфастом и Голуэем с помощью подземной линии до западного побережья Шотландии и подводного кабеля, протянутого между Портпатриком и Донахади.

Возможно, наших читателей удивит, что одна компания фактически обладает монополией на телеграфную связь в этой стране, но это пройдет, когда они подумают, что эта компания первой вошла в эту область, что она вложила крупный капитал, быстро закрепила за собой различные железнодорожные линии — единственные пути, по которым, как тогда считалось, мог безопасно проходить телеграф, - и что она скупил один за другим большинство патентов, которые имели хоть какой-то шанс конкурировать с ее собственными. Однако быстро приближается время, когда большинство из этих преимуществ подведут их, и когда Компания, какой бы мощной она ни была, должна быть готова столкнуться с жесткой и активной конкуренцией, и это по следующим причинам:—

1. План подведения проводов под дороги общего пользования оборачивается, так сказать, флангом железнодорожных линий.
2. Срок действия патентов старой компании истекает с каждым годом.
3. Очень большой затраченный ею капитал — свыше 170 000л., вложенный только в патентные права, — независимо от огромных затрат, связанных с первым внедрением изобретения, образует мертвый груз, который не пришлось бы нести ни одной новой компании.

Таким образом, при обычном ходе событий другие существующие в настоящее время направления будут набирать силу; возникнут новые компании, и удовлетворение большой общественной потребности будет выброшено на арену конкуренции. Не разумно ли было бы законодательному собранию рассмотреть вопрос о телеграфии в Англии, пока не стало слишком поздно? Все мы знаем, к чему привел принцип безрассудной конкуренции в нашей железнодорожной системе. В течение многих лет противоборствующие компании боролись за монополию в определенных районах, и результатом стало пересечение страны плохими линиями и, во многих случаях, бесполезными двойными маршрутами. Миллионы были потрачены на судебные разбирательства; железнодорожные перевозки, как естественное следствие, стали дорогими; имущество первоначальных акционеров быстро ухудшалось; и все это закончилось тем, что полдюжины могущественных компаний поглотили более мелкие; и та конкуренция, во имя которой так много требовалось, оказалась всего лишь “заблуждением и ловушкой”. Передача разведданных не может быть безопасно и удобно передана в руки даже одной компании без строгого государственного надзора; тем более нельзя позволить полдюжине систем отвлекать внимание страны по их собственному желанию. Действительно, уместно было бы задать вопрос: не является ли телеграфная связь такой же функцией

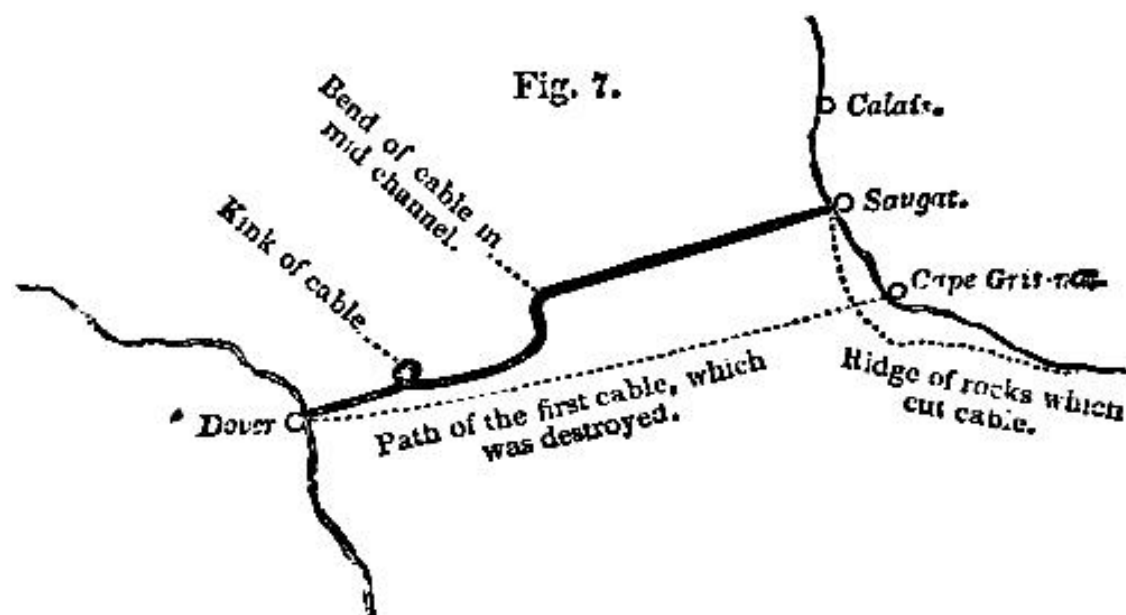
правительства, как и передача писем? Если позволить принципу "ничего не делай" идти своим чередом, нам придется пережить ситуацию, аналогичную той, которая произошла всего несколько лет назад в Соединенных Штатах, когда различные конкурирующие линии отказались передавать сообщения друг друга, и, соответственно, была нарушена вся система телеграфной связи. Действительно, даже при самом совершенном согласии между различными компаниями различие используемых ими инструментов оказалось бы большим практическим злом — таким же большим, если не большим, как разрыв колеи в железнодорожной системе. Сообщения нельзя было передавать с одной линии на другую, а столь досадные задержки, как те, что происходят на континентальных линиях, лишили бы изобретение значительной ценности. Таким образом, нам кажется, что даже если парламент откажется вмешиваться в принцип конкуренции в случае телеграфной связи, он должен, по крайней мере, предусмотреть использование такого же рода инструментов и предусмотреть штраф за отказ одной линии пересылать сообщения другой.

Сделав так много для завершения организации нашей телеграфной связи на родине, наши инженеры отважно решили протянуть провода на континент и таким образом разрушить последние остатки той изоляции, которой мы были вынуждены подвергнуться из-за нашего островного положения. Еще в 1840 году мы узнаем из Протокола допроса в Пятом отчете о железных дорогах, в котором частично рассматривался вопрос об электрическом телеграфе, что во время допроса мистера Уитстона сэр Джон Гест спросил: “Пытались ли вы провести линию через воду?” на что он ответил: “В этом не было бы никаких трудностей, но эксперимент еще не был опробован”. И снова о председателе, лорде Сеймуре, спрашивающем: “Не могли бы вы связаться из Дувра в Кале таким способом?” он ответил: “Я думаю, это вполне осуществимо”. Пару лет спустя профессор действительно нанялся, и у него было все готово, проложить для правительства линию через Портсмутскую гавань; однако это не было выполнено по независящим от него обстоятельствам, которые совершенно не зависели от совершенной осуществимости начинания.

Однако мы сомневаемся, можно ли было бы совершить подвиг по пересечению Ла-Манша с помощью электрического камина до этой даты, поскольку сложность изоляции проводов, чтобы вода не уносила электричество, была бы, как мы предполагаем, непреодолимой, если бы не счастливое открытие гуттаперчи, из которой получился очень прочный, гибкий, непроводящий материал, который искал электрик. Таким образом, можно сказать, что мгновенный обмен мыслями между далекими народами произошел после открытия производства овощей в густых лесах Восточного архипелага. Первое применение этого необычного вещества для изоляции электропроводящих проводов было произведено в 1847 году лейтенантом прусской артиллерии Сименсом при прокладке линии для пересечения Рейна у Кельна.

Первым проложенным подводным проводом был провод между Дувром и мысом Гри-нез, в окрестностях Кале, принадлежащий компании Submarine Telegraph Company. Эта проволока длиной в тридцать миль была покрыта гуттаперчей диаметром в полдюйма и утоплена (август 1850 г.), по мере того как она расходовалась, путем добавления кусочков свинца через каждую шестнадцатую часть мили. Все было завершено, и сообщение было отправлено между двумя странами в один и тот же день. Однако в течение месяца трос оборвался из-за того, что зацепился за острую гряду скал примерно в миле от мыса Гри-нез. Теперь было решено создать более прочный и усовершенствованный кабель, способный противостоять любому трению в этой части Канала. Форма кабеля принятая для этой и всех других подводных телеграфов теперь

в существование, кажется, было первоначально предложено гг. Ньюолл и Ко., Гейтсхед, известного провод-веревку производителей. Вместо одного четыре провода, изолированные гуттаперчевой изоляцией компании, были скручены вместе в прядь, а затем “поданы” или обернуты прядильной нитью. Затем этот сердечник был покрыт десятью железными оцинкованными проволоками диаметром пять шестнадцатых дюйма, сваренными на длину в двадцать четыре мили и образовавшими гибкое подобие кольчуги. Кабель был изготовлен в короткий срок - за двадцать один день. Он весил 180 тонн и образовывал спираль в трюме старого судна, которое несло его, диаметром тридцать футов снаружи и пятнадцать футов внутри, высотой пять футов. Все шло хорошо в этом предприятии, пока не была “выплачена” примерно половина суммы, когда из-за поднявшегося шторма, к несчастью, буксир, который буксировал корпус, содержащий веревку, оторвался, и судно вместе с проволокой и всем прочим отнесло стремительным течением на целую милю вверх по Каналу, прежде чем его удалось догнать. Следствием этого стало то, что трос был сильно сбит с курса посреди пролива. Что было еще хуже, вблизи берега Дувра также произошел резкий “излом”, или изгиб, в результате которого трос натянулся вдвое, но, к счастью, серьезных повреждений не получил. “Протяженность” подводного кабеля между Дувром и окрестностями Кале в данный момент выражена на следующей диаграмме:—

Когда трос, наконец, приблизился к французскому побережью, оказалось, что из-за этого непреднамеренного обхода он оказался по меньшей мере на полмили короче. Однако это было исправлено путем сращивания нового куска; и, закрепив его в Саугате, новом месте высадки, выбранном из-за его песчаного берега, было обнаружено, что связь была хорошей, и хорошей она оставалась до сих пор — доказательство замечательного способа, которым были изолированы провода и сконструирован кабель. За прокладкой этого успешного кабеля наблюдали мистер Волластон, инженер Компании, и мистер Крэмpton, подрядчик. Мистер Волластон, который является племянником знаменитого философа с тем же именем и который

также руководил предыдущей попыткой, соответственно, войдет в анналы электричества с почестями первого прокладки океанского телеграфа.

Вскоре после этого та же компания проложила еще один кабель до Остенде. Это установило связь с Европой через Бельгию и было спланировано для предотвращения попадания этой линии связи в руки другой компании, а не было, как подозревалось в то время, вопросом политического предвидения со стороны директоров, чтобы позволить им продолжать свои сношения с континентом вопреки Франции, предполагая, что между двумя странами разразится война. Кто бы мог подумать некоторое время назад в Бельгии, что настанет день, когда будет быстрее передавать разведданные во Францию через Англию, чем напрямую через границы? И все же так было на самом деле; ибо до того, как линия была проложена по суше, очень часто случалось, что депеши из Остенде пересекали Ла-Манш в Дувр по одному кабельтову и немедленно переправлялись в Кале по другому; таким образом, мы наносили кратковременный треугольный визит под проливом Рапид.

Однако идея предотвращения конкуренции оказалась тщетной. Третий кабель был проложен 30 мая 1853 года между английским побережьем в Орфорднесе, недалеко от Ипсвича, и портом Схевенинг в Голландии, а оттуда в Гаагу. Этот кабель в настоящее время является самым длинным, соединяющим этот остров, и протянулся на 120 миль под бурным Северным морем. Однако она была выплачена во время сильного шторма без малейших происшествий и обеспечивает наиболее прямое сообщение с севером Европы, а также полностью контролирует коммерческое движение городов Амстердам и Роттердам. Гаагский кабель (или кабелей, поскольку их сейчас много, каждый из которых состоит из одного провода, идущего рядом) является собственностью Международной компании, филиала Старого Электрического телеграфа, и его провода идут прямо в офис в Лотбери.

В то время как Англия пришвартовала свои юго-восточные берега к континенту на три кабельтовых и установила связь со всеми его главными городами, ее северо-западная оконечность после многих неудач была закреплена за братским королевством — Электромагнитная компания проложила подводный провод от Портпатрика и Донахади в окрестностях Белфаста, а Британская электрическая телеграфная компания — другой между Портпатриком и Уайтхедом в Белфастском озере. Англия, как и подобает ей, возглавила эти морские приключения с электрическим огнем, и датчане, голландцы, русские и другие теперь идут по ее следу.

Поверят ли, что в 1841 году, спустя много времени после того, как в Англии заработал электрический телеграф, ученые мужи серьезно обсуждали во Французской палате вопрос о целесообразности установления ночного телеграфа на визуальном принципе, и что, когда, наконец, было решено призвать на помощь электричество, было приказано сконструировать приборы таким образом, чтобы сигналы могли подаваться по образцу старого семафора, чтобы чиновникам не приходилось покидать свои древние колеи? Иглы были соответственно смещены для создания имитационного столба, к которому были прикреплены подвижные рычаги, и знаки передавались путем поднятия или опускания их с помощью электричества, а не вручную. Конечно, через некоторое время эта абсурдная система была отменена, и используемый сейчас прибор представляет собой модификацию циферблатного телеграфа, сконструированного Бреге. Первый телеграф, установленный во Франции, был построен мистером Уитстоуном от Парижа до Версаля в 1842 году. Основная линия проходит от Кале

через Париж до Марселя, что обеспечивает связь между Ла-Маншем и Средиземным морем и передает для нас наиболее срочные отправления почты Индии и Китая.

Бельгия и Швейцария, пожалуй, лучше всех континентальных королевств обеспечены телеграфной связью. Бельгийские линии были превосходно спланированы и построены по дешевке, следовательно, их тариф сравнительно низок: средняя плата за сообщение составляет 3 франка 48 сантимов, или около 2с. 10½дн. О характере отправляемых сообщений мы можем составить очень хорошее представление по следующей классификации ста отправок:—

Правительство	2
Биржевые операции	50
Коммерческих	
31 Газета	4
Семейные дела	13
	100

Сравнение среднего распределения сообщений в каждом штате дало бы очень точное представление о характере занятий их народов. Мы тщетно пытались раздобыть материалы для этой цели; иностранные правительства, а также английские компании очень ревниво относятся к предоставлению любой информации, относящейся к их сообщениям. История телеграфа в Швейцарии является свидетельством того, на что способно патриотическое чувство. Хотя он, безусловно, является лучшим и наиболее обширным для горной страны в мире, он был построен спонтанными усилиями людей. Крестьяне отдавали свой бесплатный труд на возведение проводов и столбов, землевладельцы находили древесину и предоставляли право проезда на свои земли, а коммуны предоставляли помещения для станций в городах. Таким образом, телеграф был построен, так сказать, впустую. Особенность швейцарского телеграфа в том, что, подобно великой китайской стене, он работает совершенно независимо от характера грунта. Он взбирается на перевал Симплон, направляясь из Женевы в Милан; он проходит через Сен-Готард на пути из Люцерна в Комо; он поднимается на Сплуген и снова направляется из Фельдкирха в Инсбрук через перевал Арльберг, таким образом поднимаясь по великой цепи Альп, как если бы это был всего лишь пологий склон холма. Провода тянутся вдоль озер Люцерн, Цуг, Цюрих и Констанц; иногда они прибиты к обрывам, иногда они срезают путь над малолюдными отрогами гор, короче говоря, во всех направлениях, где их удобнее всего подвесить. Завершение строительства телеграфной системы этой маленькой республики, которая находится в таком же отношении к Южной Европе, как Бельгия к Северной, имело большое значение, поскольку она является краеугольным камнем между Францией, Пруссией, Австрией, Пьемонтом и Италией.

В Пруссии трубопроводы изолируют гуттаперчей и закапывают в землю в свинцовых трубках - очень дорогостоящий процесс, но имеющий множество больших преимуществ в плане защиты от травм и атмосферных воздействий по сравнению с более обычным методом подвешивания их в воздухе на шестах. В этом королевстве уже проложено более 4000 миль проволоки. Хотя Австрия начала свою деятельность только в 1847 году, она уже располагает 4000 милями телеграфной связи, которая обеспечивает связь большей части ее обширной империи с Веной.

Какой бы ущерб ни нанесла миру Восточная война, она, по крайней мере, придала новую энергию телеграфной системе, поскольку, независимо от линий, запланированных для сообщения Константинополя с Дунайской границей, Россия получила стимул достроить линию между Санкт-Петербургом и Гельсингфорсом на Балтике, а также продолжение линии, уже протянувшейся от столицы до Москвы, вплоть до Бухареста, Одессы и Севастополя. Одна особенность отличает управление континентальными телеграфами от телеграфов Англии и Америки: все они, за исключением короткой линии между Гамбургом и Куксхафеном, принадлежат разным правительствам и работают на них, которые, похоже, опасаются возможного использования их в политических целях и, соответственно, осуществляют строгий надзор за всеми отправляемыми сообщениями и жестко пресекают использование шифра.^[39] Однако англосаксонская раса намного превзошла любую другую по энергии, с которой она оплела земной шар телеграфными проводами. Американцы на Западе и британцы на Востоке в равной степени подражают друг другу в масштабности своих начинаний подобного рода. Соединенные Штаты, хотя и вступили в строй намного позже Англии — их первая линия от Вашингтона до Балтимора была достроена только в 1844 году, — намного опередили метрополию по протяженности своих линий, которые уже простираются на 16 729 миль. Каждая часть Союза, за исключением Калифорнии и верхней части Миссисипи, покрыта проволочной сетью.

Нью-Йорк и Новый Орлеан сообщаются друг с другом двойным маршрутом — один огибает морское побережье, другой направляется вглубь страны через Цинциннати. Только эти линии, следуя извилистости своих маршрутов, имеют протяженность более 2000 миль.

Другие линии простираются до Квебека, в Верхней Канаде, так что сообщения могут быть переадресованы в течение пары часов с замерзающего севера на пылающий юг. Большая цепь озер, образующих северную границу Союза, сообщается с реками Миссури и Миссисипи, а большая долина, пересекаемая последней, в скором времени будет обмениваться сообщениями с Тихоокеанским побережьем, поскольку Конгресс рассматривает план организации телеграфа через континент в Сан-Франциско в качестве предшественника предлагаемой железной дороги.

Мы подозреваем, что это проект мистера О'Рейли, инженера, который уже выполнил самые смелые линии в Америке. При построении такой линии большим препятствием, с которым приходится сталкиваться, является человек, а не природа. Безжалостные индейцы, населяющие эту часть Штатов, конечно, не обратили бы никакого уважения на телеграфную проволоку; напротив, они, по всей вероятности, воспользовались бы ею, чтобы привязать к головам свои скальпирующие томагавки. На случай непредвиденных обстоятельств предлагается разместить отряды из двадцати драгун у частоколов на расстоянии двадцати миль друг от друга вдоль всей незащищенной части маршрута; двое или трое из этих солдат также должны ездить от поста к посту и ежедневно доставлять экспресс-письма через весь континент.

Когда этот проект будет реализован, утверждается, что “европейские новости могут быть опубликованы за шесть дней на американских берегах Тихого океана, на сокращенном маршруте между старым и новым светом”. Следует упомянуть, что “Сокращенный маршрут” пролегает между Кейп-Рейс на Ньюфаундленде и Голуэем в Ирландии, и переход, по расчетам, займет в среднем всего пять дней.

Можно спросить, как получается, что такие отрезки проволоки, протянутые через малонаселенные районы страны, а иногда и через воющую дикость, могут окупаться? Единственный способ, которым мы можем объяснить это, — дешевизна, с которой строится телеграф в Америке, средняя цена которого составляет 150 долларов, или около 31 *фунта* за милю, что составляет менее четвертой части стоимости, по которой были проложены первые линии Английской электрической телеграфной компании. Опять же, низкие цены, взимаемые за передачу сообщений, обеспечивают такой объем бизнеса, которым не могут похвастаться линии, проходящие через густонаселенную Англию. Например, давайте возьмем следующий рекламируемый “образец сообщения” последней компании и сравним цену, взимаемую за него здесь, с той, за которую его можно было бы отправить в Америке:

От
Джеймса Смита, С. Р. Брауна,
Лондон, биржа,
Ливерпуль.

“Встретимся завтра в Бирмингеме, в 3 часа дня, не подведи меня”.

Итак, лондонский сбор за вышеуказанное, в случае пересылки в Ливерпуль, составил бы 2,6 шиллинга; но американский тариф на то же самое на железных дорогах Луисвилля и Питтсбурга составлял бы всего один цент за слово, или шесть с половиной пенсов по-английски. На очень больших расстояниях наши друзья по другую сторону паромы имеют перед нами еще большее преимущество: например, сообщение из десяти слов можно отправить по линии O'Reilly's line из Нью-Йорка в Новый Орлеан на расстояние 2000 миль за шестьдесят центов, или два шиллинга шесть пенсов, — это вдвое меньше суммы, которую стоило бы отправить такое же сообщение из Лондона в Эдинбург, около 500 миль. Мы приводим, в качестве курьеза, шкалу цен в этой строке:[\[40\]](#)—

						За слово.
200	миль	или	менее			1 цента.
500	"	или	более	300	миль	2 центы.
700	"	"	"	500	"	3 "
700	"	4	"	1500	"	4 "
1500	"		"	1000	"	5 "
2000	"		"	1500	1500	6 "

Эти сборы, это правда, необычно низкие; но если они будут платить одной компании, почему они не должны платить другой? В Америке насчитывается до двадцати телеграфных компаний, и, следовательно, существует большая конкуренция, во многих случаях между одними и теми же городами курсируют три или четыре конкурирующие линии. Как мы уже указывали ранее, из-за этой конкуренции возникла большая путаница; но не подлежит сомнению, что вследствие этого цены существенно упали. В Соединенных Штатах принято отправлять сообщение за 1000 миль без того, чтобы его прочитали и повторили на промежуточных станциях; и брат Джонатан хвастается, что в хорошую погоду он может мгновенно связаться между Нью-Йорком и Новым

Орлеаном. Это, если вообще будет сделано, должно быть за счет огромного заряда батареи, поскольку 2000 миль провода № 8 обнажат воздухопроводящую поверхность площадью не менее 450 000 квадратных футов. Провода в Америке все подвешены на столбах, и те, что проходят через южные сосновые леса, вследствие этого особенно подвержены травмам от падения деревьев, и наблюдатели выставлены на расстоянии каждых двадцати миль для патрулирования линии. В Америке редко можно увидеть телеграф, работающий рядом с железной дорогой, по какой причине, мы не знаем; следствием этого, однако, является то, что передвижение в Соединенных Штатах гораздо опаснее, чем у нас. Сравнение потерь, произошедших на железных дорогах двух стран в 1852 году, покажет это с первого взгляда; ибо только в штате Нью-Йорк в течение этого года погибло 228 человек из 7440 053 пассажиров, в то время как за тот же период в Великобритании погибло только 216 человек из общего числа 89 135 729 пассажиров: таким образом, в среднем в Америке погиб 1 человек из 286 179, а в Великобритании 1 человек из 2785 491! Конечно, собственность страдает в равной степени с жизнью в Америке. Жители Бостона по рекомендации доктора Ченнинга построили муниципальный телеграф, множество применений которого будет очевидно. Мистер Александр Джонс в своем историческом очерке электрического телеграфа в Америке дает следующий отчет о применении электрического провода в случаях пожара:—

“Закреплен центральный офис или станция, на которой размещена основная батарея с другими приборами. От этих двух проводов отходят цепи, подобные проводам обычных телеграфных проводов, прикрепленных к крышам домов или искусно изолированным опорам. Один из проводов идет от главной пожарной колокольни ко всем остальным и соединяет каждый из них с механизмами, которые приводят в движение молоток самого большого размера и заставляют его наносить по большому пожарному колоколу желаемое количество ударов; другой провод проходит еще более окольным путем и от одной местной сигнальной станции на улице к другой. Каждая станция снабжена прочной коробкой, дверцей на петлях и замком. Внутри этой коробки находится соединительный электромагнит и соединительный рычаг, ось с количеством штифтов в ней, соответствующим номеру станции. Ось вращается короткой рукояткой, и при ее оборотах штифты размыкают и замыкают цепь, перемещая конец рычага так часто, как только имеются штифты или шестеренки, результат чего сообщается на центральную станцию. Если сигнал тревоги указывает на пожар в местном округе № 3, сигнал тревоги может быть немедленно подан во все колокола города. Если речь идет о предмете, требующем быстрого и эффективного внимания полиции, информация с помощью сигнализации может быть передана в каждый полицейский участок, или сообщения могут быть зафиксированы приборами в каждом месте. Местные уличные будки сигнализации находятся в ведении человека, в обязанность которого входит подавать сигнал тревоги с местного на центральный пост, когда его вызовут, или обстоятельства требуют от него этого”.

Канада также набросала план телеграфных линий, которые каждый год будут заполняться. У нее уже есть линии, соединяющие все ее основные города и простирающиеся почти на две тысячи миль по стране, и все они связаны с американской системой.

В Индии доктор О'Шонесси в течение некоторого времени занимался внедрением телеграфной системы, предложенной лордом Далхаузи и одобренной Ост-Индской компанией, которая уже обеспечила связь всех важных городов полуострова с резиденцией правительства и друг с другом. Тонкая оцинкованная железная проволока № 8, которая в Европе тянется от столба к столбу, подобно тонкой струне арфы, в этой стране заменяется железными прутьями толщиной

в три восьмых дюйма. Природа климата и характер местной животной жизни вызвали этот отход от гораздо более экономичного европейского плана. Тучи воздушных змеев и стаи обезьян быстро позволили бы себе такие вольности с тонкими проволоками, что сделали бы их боевой закуской. Опять же, проливные дожди, которые случаются в сезон дождей, сделали бы изоляцию небольшого провода настолько несовершенной, что сообщение не могло бы быть отправлено по нему ни на какое расстояние. Большая масса металла, напротив, способна обеспечить проход электрической жидкости через любое количество дождя без опасности “утечки”; а что касается коршунов и других крупных птиц страны, то они могут тысячами садиться на эти стержни, не останавливая сообщения, которые будут безвредно вылетать у них из когтей; и веса самой тяжелой обезьяны недостаточно, чтобы повредить их. Эти прутья насажены без какой-либо изоляции на верхушки бамбуковых шестов (покрытых дегтем и смолой) на такой высоте, что нагруженные слоны могут проходить под ними, не сдвигая их; и даже если случайно их сбросят, запряженные волами повозки или буйволы и слоны могут растоптать их ногами, не причинив им вреда. В некоторых местах стержни, если нас правильно информируют, проходят через рисовые болота, зарытые в землю, и даже здесь используется единственный изолирующий материал - своего рода цемент, изготовленный из канифоли и песка. Телеграф, подобно быстрому посыльному, идет вперед и прокладывает путь железной дороге, которая, как планируется, пойдет по его стопам. Когда эти две системы будут завершены, начнется реальная консолидация власти Англии на Востоке, и бесчисленные ресурсы Индийского полуострова будут задействованы на благо как побежденных, так и расы завоевателей.

Неугомонный дух английских инженеров, обеспечивших внутреннюю телеграфную связь Великобритании и ее основных зависимостей, по-видимому, стремится протянуть ее линии на Восток и на Запад, чтобы в конечном итоге охватить весь земной шар. Проект телеграфного соединения Англии с Америкой в настоящий момент серьезно привлекает внимание ученых и коммерсантов. Наиболее смелые инженеры по-прежнему уверены в целесообразности прокладки подводного кабеля непосредственно через Атлантику, от Голуэя до Кейп-Рейс на Ньюфаундленде. Теперь, когда у нас есть достоверное определение лейтенанта Мори о существовании шельфа по ту сторону Северной Атлантики, глубина зондирования на котором нигде не превышает 1500 морских саженей, осуществимость проекта является сносно определенной. Главный вопрос заключается в том, можно ли в случае прокладки линии использовать электрический ток с коммерческой выгодой по кабелю протяженностью 3000 миль. Без сомнения, за счет расхода огромного заряда аккумулятора это можно было бы осуществить с помощью проводов, подвешенных в воздухе, но вопрос в том, можно ли это сделать с помощью провода с гуттаперчевым покрытием огромной длины, проходящего через соленую воду. Существует такая вещь, как *слишком большая изоляция*. Профессор Фарадей показал, что при таких обстоятельствах провод превращается в лейденскую банку и может быть настолько заряжен электричеством, что ток не может без величайшего труда проходить по нему. Таково возражение против прямого кабельного сообщения между двумя континентами: если, однако, его удастся преодолеть, несомненно, морской путь был бы во всех возможных случаях принят там, где необходимо было установить связь между цивилизованными странами, имеющими промежуточные, варварские или неродственные земли. Чтобы избежать этого в настоящее время сомнительного океанского пути, предлагается протянуть кабель от самой северной точки Высокогорья Шотландии до Исландии через Оркнейские, Шетландские и Феррорские острова - проложить его из Исландии до ближайшей точки Гренландии, оттуда вниз

по побережью до мыса Фарвелл, где кабель снова спустился бы к воде, пересек пролив Дэвиса и сразу же направился бы через Лабрадор и Верхнюю Канаду в Квебек. Здесь он соединялся бы с североамериканской сетью проводов, которые протягиваются, как раскрытая ладонь для европейской хватки. Этот план кажется вполне осуществимым, поскольку ни на одном участке пути длина троса не должна превышать 900 миль; и поскольку представляется вполне очевидным, что песчаная отмель простирается при хорошем зондировании до самого мыса Фарвелл, не возникнет особых трудностей с привязыванием троса к ровному и мягкому дну. Единственное препятствие, которое мы видим, - это сильное пристрастие эскимосов к старому железу, и, возможно, у них возникло бы слишком сильное искушение отделать свои берега этим материалом, который как раз под рукой. Мы признаем, что отсутствие поселений вдоль этого негостеприимного арктического побережья для защиты колючей проволоки является большим недостатком схемы; но, как нам представляется, посты можно было бы организовать при сравнительно небольших затратах, учитывая масштаб и важность предприятия. Простые затраты на изготовление и прокладку кабеля были бы не более чем вдвое больше, чем на строительство нового Вестминстерского моста через Темзу.

В то время как Англия, таким образом, одной рукой захватывала Запад, ее активные дети замыслили захват Востока другой. Кабель проходит от Генуи до Корсики, а оттуда до Сардинии. От самой южной точки последнего острова, мыса Спартивенто, до Тунисского залива можно легко протянуть другой кабель. Направление оттуда (после ответвления от побережья к Алжиру) будет пролегать вдоль африканского побережья, через Триполи к Александрии и, в конечном итоге, через Аравию, вдоль берегов Персии и Белуджистана, пока не войдет в Шинду и, наконец, не соединится с проволокой в Гидрабаде, которая, по всей вероятности, к тому времени продвинется из Бирмы через Индийский полуостров, чтобы приветствовать его. Америка вскоре протянет свою телеграфную линию к тихоокеанскому побережью и протянет ее вверх по побережью до Сан-Франциско. Могут ли быть какие—либо обоснованные сомнения в том, что до конца столетия одна линия, идущая на Запад, а другая — на Восток - через Китай и Сибирь, - постепенно приблизятся друг к другу настолько близко, что короткий кабель, протянутый через Берингов пролив, соединит четыре четверти земного шара на расстоянии разговора друг от друга и позволит электрическому камину “опоясать мир за сорок минут”?

ПОЖАРЫ И СТРАХОВАНИЕ ОТ ПОЖАРА.

Среди наиболее заметных особенностей мегаполиса, которые мгновенно привлекают внимание постороннего человека, - посты Пожарной команды. Всякий раз, когда ему случается проходить мимо них, он видит дежурного часового, он видит “красную артиллерию” вооруженных сил; а полированная ось, блестящая рукоятка и сверкающая цепь свидетельствуют о прекрасном состоянии инструмента, готового к активной эксплуатации в любой момент. Укрывшиеся в тени вокзала сторожа в ливреях похожи на охотников, поджидающих свою добычу, — и охотник не спешит к своей добыче при шелесте листьев быстрее, чем Пожарные бросаются к первому

красноватому зареву в небе. Как только раздается сигнал тревоги, человек с содроганием видит, как один из этих двигателей мчится по переполненным улицам, как рвутся лошади, покрытые пеной, как тяжелую повозку мотает из стороны в сторону, а слуги в черных шлемах раскачиваются взад-вперед. Чудо в том, что лошади или люди когда-либо благополучно добираются до места назначения; еще большее чудо в том, что они никого не сбивают в своей бешеной скачке.

Прибыв на место действия, зрителю становится очевиден дух охотника, который одушевляет пожарного и заставляет его атаковать стихию так же решительно, как он атаковал бы дикого зверя. Сцену, которую представляет собой лондонский пожар, невозможно забыть никогда: крики толпы, когда она открывается, чтобы пропустить двигатели, пенящаяся струя воды, бьющая из земли и растекающаяся по дороге, пока она не становится широким зеркалом, отражающим пылающее пламя — черные, змееподобные кольца кожного шланга поднимаются и опускаются, как предметы из жизни, в то время как сотни рук работают у насоса, их центрального сердца, аплодисменты, которые отчетливо слышны над ревущим пламенем, когда отважный оркестр выпускает первую шипящую струю; приветствия за приветствиями, когда поток за потоком устремляются к воде. против горячей массы, которая то влетает в огненные отверстия, установленные на черном фасаде дома, то с громким треском ударяется об оконную раму и стену и осыпается разбитым дождем. Внезапно раздается громкий пронзительный крик, и череда человеческих лиц поворачивается туда, где визжащий негодяй отчаянно цепляется за верхний подоконник. Раздается оглушительный крик, когда огромная пожарная лестница разворачивается на полную катушку на сцене: секундная пауза, и все замирает, за исключением ритма мощных водяных волн, в то время как все взгляды прикованы к развевающейся одежде, хлопающей по стене. Дотянется ли лестница и не выбьет ли эти усталые руки, так судорожно вцепившиеся в горячий камень! Доберется ли проворная фигурка до самой верхней ступеньки, прежде чем природа подведет? Кровь в тысячах сердец стынет, а затем снова раздаются тысячи радостных возгласов, чтобы отпраздновать смелое спасение. Такие сцены, как эта, происходят в огромном мегаполисе почти каждую ночь. Еще более внушительное, но ужасное зрелище часто являют собой пожары, охватившие огромные груды зданий в Городе, заполненные легковоспламеняющимися товарами. Здесь самые мощные двигатели, кажется, превращаются в простые брызги; и усилия предприимчивых бойцов бригады сводятся к тому, чтобы удерживать зло в его собственных пределах.

Когда мы вспоминаем, что Лондон занимает площадь в тридцать шесть квадратных миль, покрытую 21 600 квадратными акрами кирпича и известкового раствора, и насчитывает более 380 600 домов; что всем содержащимся в нем богатствам каждую ночь со всех сторон угрожает вездесущий враг; что тайная спичка, самопроизвольный пожар и рука пьяницы заняты своим делом; становится очевидным, что только самые дисциплинированные силы и самые эффективные орудия могут справиться с таким внезапным и настойчивым врагом.

Еще двадцать два года назад не было надлежащей пожарной полиции для защиты мегаполиса от того, что обычно называют “всепожирающей стихией”. Это правда, что в соответствии с актами, принятыми в период с 1768 по 1774 год, были задействованы 300 приходских паровозов, которые действуют до сих пор; но эти паровозы находятся под надзором бидлов и приходских инженеров, которые не являются самыми активными людьми или проворными подъемщиками. Таким образом, легко можно представить, что машины прибывали немного с опозданием, а при вводе в эксплуатацию часто обнаруживалось, что они вышли из строя.

Следовательно, их работа не вытеснила частные двигатели, которыми пользовались некоторые страховые конторы задолго до их существования. Напротив, из-за роста бизнеса, который произошел примерно в это время, различные компании сочли целесообразным укрепить свои прежние предприятия, и этот процесс продолжался, в то время как местные машины, за несколькими почетными исключениями, выходили из употребления.

Примерно в 1833 году стало очевидно, что многое было потеряно как для населения, так и для страховых компаний из-за того, что каждый паровоз действовал под свою ответственность - глупость, которая является причиной такой ревности среди пожарных в Бостоне (Соединенные Штаты), что известно, что паровозы конкурентов останавливались по пути к месту пожара, чтобы обменяться выстрелами из револьверов. Поэтому было решено объединить разделенные силы и передать их под управление одного суперинтенданта, при этом каждое подразделение вносило свой вклад в их поддержку в соответствии с объемом своей деятельности. Все старые компании, за одним исключением,^[41] вскоре пришли к соглашению, и мистер Брэдвуд, начальник пожарных машин Эдинбурга, получив приглашение принять командование, организовал ныне знаменитую *Лондонскую пожарную команду*.

Таким образом, в настоящий момент защита от пожаров в Лондоне заключается, во-первых, в трехстах с лишним приходских двигателях (по два на каждый приход), которые оплачиваются из расценок. Большинство из них очень неэффективны, поскольку для их работы не назначены какие-либо лица, обладающие компетентными знаниями об этой службе. Даже женщины время от времени занимали трудную должность управляющего; и совсем недавно некую миссис Смит, вдову, можно было увидеть на пожарах, когда она спешила в своих сапогах, руководя пожарными своей машины, принадлежащей объединенным приходам Сент-Майкл-Ройял и Сент-Мартин-Винтри в сити. Действительно, мы сомневаемся, что в настоящий момент какой-либо из приходских паровозов управляется намного лучше, чем во времена вдовы Смит, за исключением паровозов Хакни, Уайтчепела, Ислингтона и, возможно, двух или трех других. Во-вторых, в общественных зданиях и на крупных мануфактурах хранится неизвестное количество частных машин, которые иногда сослужат хорошую службу, если заблаговременно придут на место небольших пожаров по соседству, хотя, что достаточно странно, когда их вызывают тушить пожар в их собственных заведениях, они обычно "теряют голову", как выражаются члены бригады; и было очень много случаев, когда даже приходские машины прибывали и приступали к работе до того, как к тушению пожара успевали привлечь машину, находящуюся в помещении. Причина ясна. Необходимое хладнокровие и метод, которые каждый может столь философски применять к несчастьям других людей, совершенно подводят его, когда он сам попадает в беду. Врач мудрее своего поколения и никогда не бывает настолько глуп, чтобы выписывать лекарства самому себе или ухаживать за собственной семьей.

В-третьих, у нас есть, в отличие от огромного скопища пожарных машин и башибузуков частных заведений, небольшой состав людей и материальной части пожарной команды. Он состоит из двадцати семи больших лошадиных сил, способных выбрасывать восемьдесят восемь галлонов в минуту на высоту от пятидесяти до семидесяти футов, и девяти машин поменьше, приводимых в движение вручную. Для работы с ними работают двенадцать инженеров, семь младших инженеров, тридцать два старших пожарных, тридцать девять младших пожарных и четырнадцать водителей, или 104 человека и 31 лошадь. В дополнение к этим людям, которые составляют основное учреждение и живут на разных станциях, есть дополнительный штат из четырех пожарных, четырех водителей и восьми лошадей. Члены этих дополнительных сил

также размещаются на станциях,^[42] а также одеты, но им платят только тогда, когда требуются их услуги, и в дневное время они занимаются своими обычными делами. Эта не очень грозная армия из 104 человек и 31 лошади, с резервом из восьми человек и восьми лошадей, распределена по всей столице, которая разделена на четыре района следующим образом: — На северной стороне реки — 1-й, с востока до Паулс-Чейн, Сент-Полс Черчъярд, Олдерсгейт-стрит и Госвелл-стрит-роуд; 2-й, от Сент-Полс и др., до Тоттенхэм-Корт-роуд, Краун-стрит и Сент-Мартинс-лейн; 3-й, от Тоттенхэм-Корт-роуд и др., на запад; 4-й, вся южная сторона города. река. Во главе каждого округа стоит бригадир, который никогда не покидает его, если не действует по приказу вышестоящего начальника мистера Брэйдвуда, суперинтенданта или главнокомандующего, штаб-квартира которого находится на Уотлинг-стрит.

По сравнению с крупными континентальными городами такая сила кажется поистине незначительной. Париж, который не занимает и пятой части территории Лондона и по численности населения не более чем на треть уступает ему, может похвастаться 800 *сапер-помпье*: однако за неимением цифр мы компенсируем их активностью. И снова наше наблюдение достойно восхищения: 6000 полицейских столицы, патрулирующих каждый переулок вдоль и поперек, следят за пожаром, как терьеры за крысиными норами, и каждого человека воодушевляет знание того, что если он первым сообщит о пожаре на любой из станций, то у него в кармане будет полсоверена. Помимо полиции, есть тысячи нетерпеливых глаз ночных извозчиков и бездомных бедняков. Нет ничего необычного в том, что таксист зарабатывает четыре или пять шиллингов за ночь, быстро подъезжая к разным станциям и подавая сигнал тревоги, получая по шиллингу с каждой за “звонок”.

В большинстве континентальных городов сторож занимает свое место ночью на самой верхней точке какого-нибудь высотного здания и подает сигнал тревоги либо трубой в рог, либо выстрелом из ружья, либо звонком в колокол. В Германии квартал обозначают, протягивая к нему флаг днем и фонарь ночью. Сразу напрашивается мысль, что часовой, размещенный на верхней галерее собора Святого Павла, имел бы под своим наблюдением весь мегаполис и мог бы немедленно сообщить о пожаре на главный пост на Уотлинг-стрит с помощью электрического провода точно так же, как это делают американцы в Бостоне. Этот план, однако, допускает возражения, поскольку Лондон пересекает извилистая река, из-за чего трудно сказать, на каком берегу бушует пожар. Тем не менее, мы предполагаем, что северная часть города могла бы с выгодой просматриваться с такой высоты, в то время как южная половина могла бы находиться под наблюдением одной из высоких башен на том берегу Темзы. Сами мосты долгое время были наблюдательными пунктами, с которых наблюдалась большая часть территории на берегу реки. Не так давно на Лондонском мосту жил пирожник, который влачил жалкое существование, внимательно наблюдая вверх и вниз по течению.

Уотлинг-стрит была выбрана в качестве штаб-квартиры Пожарной команды по двойной причине: она находится почти в центре города, недалеко от знаменитого Лондонского камня, и находится в самом центре того, что можно назвать, грубо говоря, самой опасной частью мегаполиса — манчестерских складов. Поскольку Пожарная команда является лишь частью обширной коммерческой операции — Страхования от пожара, — ее действия регулируются строго коммерческими соображениями. Там, где находится наибольшее количество *застрахованного* имущества, заложена его главная сила. Это правда, что он пройдет любое разумное расстояние, чтобы потушить пожар; но, конечно, больше всего внимания он уделяет собственности, которую гарантировали его владельцы. Центральная станция получает

наибольшее количество “звонков”, но как главнокомандующий не выезжает на перестрелку аванпостов, так и мистер Брэдвуд держит себя в готовности к делам более серьезного характера. Когда вызовы приходят ночью — иногда их бывает до полудюжины, — дежурный внизу пожарный сообщает об этом суперинтенданту с помощью гуттаперчевой переговорной трубки, которая крепится к его кровати. При свете постоянно горящего газа он быстро просматривает “Лондонский справочник”, и если звонок должен быть направлен на так называемую “улицу зеленщиков” или на любой из маленьких переулков в отдаленных частях города, он оставляет решение вопроса мастеру, в районе которого это находится, и снова ложится спать. Однако, если пожар происходит в Городе или на какой-либо из крупных магистралей вест-Энда, он спешит уехать на первом же паровозе. Пять минут считаются достаточным временем для того, чтобы двигатель “завелся и тронулся с места”, но часто это делается за три минуты. Скорость в доставке помощи очень важна, поскольку первые полчаса обычно определяют масштабы распространения пожара. Отсюда и вознаграждение в размере тридцати шиллингов за первый, двадцати за второй и десяти за прибывающий третий паровоз, которые выплачивает приход. Все двигатели управляются как можно меньшим количеством рабочих рук: в тех, что побольше, работают инженер, четыре пожарных и водитель, а также следующее оборудование:—

“Несколько отрезков штурмовой лестницы, каждый длиной 6½ футов, все из которых могут быть легко соединены, образуя за короткий промежуток времени лестницу любой требуемой длины; полотнище холста с десятью или двенадцатью веревочными ручками по краям для устройства пожарной лестницы; один отрезок веревки длиной 10 и один отрезок длиной 14 саженьей длиной 2½ дюйма; шесть отрезков шланга длиной 40 футов каждый; два патрубка, один длиной 2½ фута, а другой длиной от 4 до 6 футов, с одним запасным патрубком для носа; два отрезка шланга длиной 6 футов длиной. вытяжная труба, плоская роза, стоячий кран, гусяная шея, плотинная доска, багор, пила, лопата, мотыга, шесторуб, гаечный ключ, зазубрина, переносной бачок, два собачьих хвоста, два мотка овчины, два мотка тонкой веревки, инструменты для открывания противопожарных пробок и ключи для поворота запорных кранов водопровода”.

Вес всего экипажа вместе с людьми составляет не менее 27-30 килограммов - груз, который в азарте езды галопом переносит пара лошадей.

Рабочие для работы с насосами всегда готовы быть на месте в любой час ночи, и не только по доброй воле, поскольку каждый мужчина — а одновременно было занято до пятисот человек— получает один шиллинг за первый час и шесть пенсов за каждый последующий, а также прохладительные напитки. Во Франции закон уполномочивает пожарных хватать случайных прохожих и принуждать их оказывать свои услуги без какой-либо платы или вознаграждения. Несколько лет назад один англичанин в Бордо, наблюдавший за пожаром, был вынужден, несмотря на его протесты, в течение семи часов вывозить винные бочки из зоны пожара. Нам нет нужды говорить, какой план подходит лучше всего. Француз убегает, как только на сцене появляются *саперы-помпы*, чтобы не произвести на него впечатления. Волнение все еще так велико, что среди нас есть несколько джентльменов, которые занимаются профессией пожарных-любителей; они надевают штатную форму темно-зеленого цвета с красными вставками и экипировку Бригады и работают по приказу мистера Брэдвуда так энергично, как будто зарабатывают себе на хлеб насущный.

Очарование огня распространяется даже на грубое творение. Кто не слышал о собаке “Шанс”, которая впервые познакомилась с Бригадой, следуя за пожарным отпожара в Шордиче до центрального вокзала на Уотлинг-стрит? Здесь, после того как мужчины немного поласкали его, хозяин пришел за ним и забрал домой; но он сбежал при первой же возможности и вернулся на станцию. После того как его отнесли обратно в третий раз, его хозяйка — подобно матери, чей сын *собирается* уйти в море — позволила ему поступать по-своему, и в течение многих лет он неизменно сопровождал паровоз, то на машине, то под ногами лошадей, и всегда, когда поднимался в гору, бежал впереди и своим лаем возвещал о долгожданном прибытии огнетушителя. У костра он обычно забавлялся тем, что вытаскивал ртом горящие поленья из пламени. Хотя ему с полдюжины раз ломали ноги, он оставался верен своему делу; пока, наконец, получив более серьезную травму, чем обычно, кочегар ухаживал за ним у камина, когда раздался “звонок”, и при хорошо знакомом звуке заводящегося двигателя бедное животное сделало последнюю попытку взобраться на него и упало замертво при попытке. Его набили и сохранили на станции, и он был обречен даже после смерти проявить себя как друг пожарного: поскольку один из инженеров покончил жизнь самоубийством, Бригада решила разыграть его в пользу вдовы, *и такова была его известность, что он реализовал* 123л. 10с. 9д.

Наиболее интересной и практической частью нашего предмета является расследование различных причин пожаров. Мистер Брэйдвуд приходит нам на помощь со своими бесценными ежегодными отчетами — фактически единственными материалами, которые у нас есть, на основе которых страхование от пожара может быть превращено в науку, чего мы не достигли почти в той же степени, что в случае страхования жизни, хотя бюро “Рука об руку” было основано еще в 1696 году. Таким образом, у нас есть более чем 150-летний опыт, если бы мы только могли до него добраться, позволяющий актуарию установить доктрину шансов в этом важном вопросе, который в настоящее время немногим лучше спекуляции. Анализ отчетов, начиная с организации Пожарной команды в 1833 году и заканчивая закрытием 1853 года, за период, длящийся более 21 года, дает следующий результат:

Краткий список пожаров и тревог за двадцать лет, закончившихся в 1853 году.

Год.	Полностью разрушен.	Значительно поврежден.	Слегка поврежден.	Общее количество пожаров	Аварийные сигналы.			Общее количество и аварийных сигналов.
					Ложь.	Дымовых.	Итого.	
1833	31	135	292	458	59	75	134	592
1834	28	116	338	482	57	112	169	651
1835	31	125	315	471	66	106	172	643
1836	33	134	397	564	66	126	192	756
1837	22	122	357	501	82	134	216	717

1838	33	152	383	568	79	108	187	755
1839	17	165	402	584	70	101	171	755
1840	26	204	451	681	84	98	182	863
1841	24	234	438	696	67	92	159	855
1842	24	224	521	769	61	82	143	912
1843	29	231	489	749	79	83	162	911
1844	23	237	502	762	70	94	164	926
1845	23	253	431	707	82	87	168	875
1846	25	233	576	834	119	69	188	1,022
1847	27	273	536	836	88	66	154	990
1848	27	269	509	805	120	86	206	1,011
1849	28	228	582	838	76	89	165	1,003
1850	18	229	621	868	91	79	170	1,038
1851	21	255	652	928	115	116	231	1,159
1852	25	238	660	923	93	89	182	1,105
1853	20	241	629	900	72	90	162	1,062
Всего	535	4,298	10,091	14,924	1,695	1,982	3,677	18,601

Если мы изучим эту таблицу, то найдем достаточно доказательств того, что организация Пожарной команды привела к сокращению потерь и рабочей силы. Если брать среднее значение за последние двадцать один год, то за последний год произошло снижение на 5-7% под заголовком “полностью разрушено”. Это лучшая проверка деятельности Бригады, и на самом деле значит гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. За эти двадцать один год в мегаполисе было построено много десятков тысяч домов; наша периферия постоянно расширялась; подобно дереву, мы растем год от года, добавляя новое кольцо кирпичей и строительного раствора. Пока это увеличение происходит снаружи, центральная часть тоже растет. Мы не можем позволить себе сухостоя в самом нашем сердце: если оно не может расширяться в одну сторону, оно должно расширяться в другую. Соответственно, мы видим переполненный город, простирающийся до неба; и если мы примем во внимание огромную массу материала, добавленную к тому, что существовало, и все это в равной степени подвержено нашествию огня, мы можем понять, почему общее количество пожаров увеличилось с 458 в 1833 году до 900 в 1853 году. При таком увеличении числа пожаров *уменьшение* числа домов, полностью разрушенных в 1853 году, является высшим свидетельством способностей и рвения мистера Брэйдвуда.

Пункт “полностью уничтоженный” в основном относится к домам и фабрикам, в которых хранятся очень горючие материалы, таким как столярные и краснодеревщицкие мастерские, склады нефтяников, лесопилки и т.д., где огонь за несколько минут распространяется настолько сильно, что невозможно его потушить. Их число также увеличивается за счет домов, расположенных за много миль от ближайшей станции, потому что на окраинах города нет станций, а в густонаселенных пригородах их очень мало. Мы видели жалобы на нехватку помощи в густонаселенных районах; но компании основывают предприятия только там, где

страховки достаточно, чтобы покрыть расходы, и люди, которые не вносят свой вклад, имеют не больше прав ожидать, что частные лица позаботятся об их собственности, чем торговцы на Стрэнде должны были бы ожидать, что частный сторож возле дома мистера Дж. Банк Куттса присматривает за своими ставнями. Действительно, нам кажется, что Бригада действует очень либерально. Пожарные никогда не останавливаются, чтобы спросить, застрахован дом или нет; их также не останавливает расстояние; и во многих случаях они добирались до Brentford, Patten, Кройдона, Барнета, Аксбриджа, Крэнфордбриджа, Виндзорского замка, а однажды на экспресс-поезде добрались до Дувра. Единственное различие, которое Бригада проводит между застрахованным и незастрахованным имуществом, заключается в том, что после тушения пожара они берут на себя заботу о спасении первого и оставляют заботу о последнем его владельцу. Полиция, однако, очень внимательно относится к немедленному устранению любого ущерба, который они могли нанести прилегающему имуществу, — ущерба, который они совершают самым преднамеренным образом, невзирая на страдания и штрафы. Например, *взлом дома* является почти ежевечерним преступлением пожарных в поисках воды, которые никогда не допускают, чтобы стена или дверь стояли между ними и источником этого элемента. Доказательством хорошего настроения, которое преобладает в таких случаях, является то, что, хотя формально они виновны в правонарушении, которое влечет за собой их наказание, никто не ропщет и тем более не угрожает судебным разбирательством. Если бы власти во время великого лондонского пожара действовали подобным образом для общественного блага, они бы спасли половину Inner Temple, которая была разрушена, потому что, по словам Кларендона, все адвокаты отсутствовали на выезде, а констебли не осмелились взять на себя ответственность за взлом дверей их камер!

Возникает вопрос, не должно ли правительство освободить приходские власти от обязанности, которую они не могут выполнять по отдельности, и объединить их машины в столичную бригаду; таким образом, охраняя город от пожара, как они охраняют его от грабежей со стороны полиции. Если люди не будут защищать себя страхованием, государство должно защитить их и заставить платить за это. В большинстве районов Германии действует превосходная система взимания в конце года со всех жителей налога, достаточного для покрытия убытков от пожаров за последний год. Поскольку каждый домовладелец материально заинтересован в результате, он берет с собой ведро и ремень и отправляется тушить пожар в доме своего соседа. Если бы этот тариф был принят в Лондоне и нынешняя огромная пошлина на страховки была снижена, то расходы каждого человека были бы едва ли больше пенсов, чем в настоящее время фунтов стерлингов у немногих предусмотрительных людей.

Мистер Сэмюэл Браун из Института актуариев, проанализировав отчеты мистера Брэдвуда, а также отчеты в журнале *Mechanics' Magazine* мистера Бэддли, который уделил этому вопросу много внимания, составил несколько таблиц времен года и часов дня, в которые пожары наиболее часты. Естественно было бы предположить, что зима будет демонстрировать огромное преобладание над летними месяцами; но разница не так велика, как можно было бы ожидать. Декабрь и январь очень богаты пожарами, поскольку в эти месяцы большие общественные здания отапливаются дымоходами, печами и котлами; но в остальные месяцы подобные происшествия случаются примерно в равной степени, за исключением того, что жаркие и сухие периоды лета и осени отмечены наиболее разрушительными пожарами из-за большей воспламеняемости материалов, чем в более влажные периоды года. Это, обусловленное иссушающим характером климата, особенно характерно для Канады и Соединенных Штатов, и в сочетании с широким использованием древесины в строительстве

оказывает большое влияние во многих частях континента. Приведенный ниже список всех крупных пожаров, произошедших за последние сто лет, подтвердит наше утверждение:

Месяц.	Описание недвижимости и т.д.	Место.	Стоимость уничтоженного имущества	Год.
Янв..	Сахарница Уэбба	ливерпуль	£4,600	1829
	Ланселот-привет	"	198,000	1833
	Ратуша и биржа	"	45,000	1795
	Типография Кэкстона	"	..	1821
	Dublin & Co. "Дублин и Ко"	"	..	1834 г.
	Саффолк-стрит	"	40 000	1818 г.
	Майл-Энд	Лондон	200 000	1834
	1834 королевская биржа	"	..	1838
		февраль	.	
	Йоркский собор	Йорк	..	1829 г.
Февраль.	3 Вест-Индских склада	Лондон	300 000	1829 г.
	Палата общин	Дублин	..	1792 г.
	Аргайл Румс	Лондон	..	1830 г.
	Церковь Камберуэлл	"	..	1841 г.
	Таможня	"	..	1814 г.
	Склад хмеля	Саутуорк	..	1851 г.
	Склады J. F. Rawson & Co.	St. Кладбище Павла	40 000	1853
	Пикфордс-Уорф	Лондон	..	1824
	Склады Гори	Ливерпуль	50 000	1846
Март	Новый Орлеан	Соединенные Штаты	650 000	1853
	18000 домов в кантоне	Китай	..	1820
	13 000 домов в	Перу	..	1799
	Манчестер	Англия	..	1792
	Литейный завод	Ливерпуль	41 000 фунтов	1843

	Фосетта		стерлингов	
	Ойл-стрит	"	12 000	1844
	Аптека	"	7 000	1844
	Сахарный дом, Харрингтон Улица	"	30 000	1830
Апрель	1000 зданий	Питтсбурге	1 400 000	1845
	Саванне	Соединенные Штаты	, 300 000	1852
	Парксхед, Бэкон- стрит	,	£36,000	года в Виндзорском лесу,
	Англия	..	1785	года в Марджетсонз Тан Ярд, Бермондси,
	Лондон, 1158 Зданий, Чарльстон	Лондон США	года в Хорслэйдауне,	1852 Лондон.
	Хорслэйдаун		..	1780
Может	Dockhead	Лондон	..	1785
	большой пожар, 1,749 домов	Hamburgh	..	1842
	23 парохода в Сент-Луис	Соединенные Штаты	доктор. 600,000	1849
	15 000 домов	в Квебеке	..	1845
	Йоркский собор	- Йорке	..	1840
	герцога складах	Ливерпуль	..	1843
	Okell сахар-дом	"	..	1799
	Гибралтар строки	"	..	1838
	печени изделий	"	£8,700	1841
	Billingsgate	Лондон	..	1809
июня	Ротерхит	, Лондон	..	1765
	Копенгаген,	Дания	..	1759
	Монреаль	Канада	др. 1,000,000	1852
	Св. Иоанна	в Ньюфаундленде	..	1846

	Луисвилл	Соединенные Штаты	доктор. 100,000	1853
	47 человек, Квебек театр	Канада	..	1846
	1300 домов, Квебек	"	..	1845
	гуттаперчи ко. Уорф-Роуд	В Лондоне	£23,000	1853
	Хамфриза Склад, Саутуорк	"	100,000	1851
Июль	Хиндон	Уилтшир	..	1754
	15 000 домов	Константинополь	..	1756
	12 000 домов	Монреаль	..	1852
	300 домов	Филадельфия	..	1850
	300 зданий	Северная Америка	др. 160 000	1846
	302 магазина	Нью-Йорке	и др. 1 200 000	1846
	Аптекарский зал	Ливерпуль	..	1845
	Склады Гловера	"	17 000 фунтов стерлингов	1851
	верфь	Портсмут	..	1770
	Уоппинг	Лондон	1,000,000	1794
	Рэтклифф-Кросс	"	..	1794
	Варна	Турция	..	1854
Августа.	Дублин	Ирландия	..	1833
	Грейвсенд	в Англии	60,000	1847
	Уолкер маслбойка	Дувр	30,000	1853
	Фалмут театр	Фалмут	..	1792
	здания, Олбани	Соединенные Штаты	доктор. 600,000	1849
	10,000 Дома	Константинополь	..	1782
	Смитфилде	В Лондоне	£100,000	1822
	Ист-Смитфилд	"	..	1840
	Бэнксайд	"	..	1814
	Гейтсхед	, Англия	..	1854

По Сентябрь.	46 Зданий	Нью-Йорка	dr. 500,000	1839
	200 Домов, Бруклин	"	150,000	1848
	Скотт, Рассел И Ко., Судостроителей, Мельница стены	Лондоне	£80,000	1853
	церковь Св. Павла, Ковент- Гарден	"	..	1795
	60 домов Ротерхит	"	..	1791
	амфитеатр Эстли	"	..	1794
	Марк-Лейн	"	150,000	1850
	Ковент-Гарден, театр	"	..	1808
	магазин-стрит и Тоттенхэм-Корт- Роуд	"	..	1802
	Macfee в	Ливерпуль	40,000	1846
	Gorees	"	400,000	1802
	Формби улица	"	380,000	1842
	Каудрей дом	Сассекс	..	1793
октября.	52 зданий	Филадельфии	доктор. 100,000	1839
	Grimsdell	Спиталфилдс	..	1852
	строители дворе			
	С по Милс	Галифакс	£35,000	1853
	Роберт улица	Северная Liverp международный	150,000	1838
	Ланселота-Эй	Ливерпуль	80,000	1854
	Мемель Великого пожара	Пруссии	..	1854
	Лондон стену	Лондон	84,000	1849
	20 домов, Ротерхит	"	..	1790
	Ланселота-Эй	Ливерпуль	30,000	1834
	Уоппинг	Лондон	100,000	1823

	парламент	"	..	1834
	Пимлико	"	..	1839
ноября.	Королевский дворец в Нью-Йорк, 20 домов, торговых центров	Лиссабоне США Лондона		1794 1835 1796
	Aldersgate улица	"	£100,000	1783
	Корнхилл	"	..	1765
	печени ул.	Ливерпуль	6,000	1829
	Райт & Аспиналл, Оксфорд-стрит	в Лондоне	50,000	1826
	Хилла риса мельницы	"	5,000	1848
декабря.	Доковая верфь	Портсмут	..	1776
	Патентное ведомство и почта	Вашингтон	..	1836
	600 складов	Нью-Йорк	4 000 000	1835
	Фенвик-стрит	Ливерпуль	36 000 фунтов стерлингов	1831
	Сахарная фабрика Бранкера	"	34 000	1843

(Извлечено из Альманаха Королевской страховой компании за 1854 год.)

Возможно, одна из причин, по которой количество пожаров в среднем за год так велико, заключается в том, что подавляющее большинство из них происходит на заводах и в мастерских, где огонь используется как летом, так и зимой. Этому предположению, на первый взгляд, противоречит тот факт, что в воскресенье происходит почти столько же пожаров, сколько и в любой другой день недели. Но если вспомнить, что во многих заведениях необходимо поддерживать огонь в течение всего этого дня, и поскольку в большинстве случаев за огнем следят крайне неадекватно, сразу становится ясно, почему нет иммунитета от этого бедствия. Действительно, некоторые из самых разрушительных пожаров вспыхнули в воскресенье вечером или утром в воскресенье; без сомнения, потому, что большой очаг возгорания образовался до того, как его обнаружили. Определенное количество несчастных случаев происходит летом в частных домах из-за того, что люди жаркими ночами открывают окно за туалетным стеклом в своих спальнях, когда сквозняк ударяет шторой о свечу. Ласточки с

большей вероятностью не появляются в июне, чем сообщения о подобных происшествиях в знойный сезон.

Если мы еще внимательнее присмотримся к поведению огней, то обнаружим, что они активны или бездействуют в зависимости от времени суток. Таким образом, в течение девяти лет процентное соотношение регулярно увеличивалось с 1·96 в 9 часов утра, когда можно считать, что все домохозяйства находятся на работе, до 3·34 в 13:00, 3·55 в 17:00 и 8·15% в 10 часов вечера, а это как раз то время, когда пожар, предоставленный самим себе уходом рабочих, разгорелся бы достаточно сильно, чтобы стать видимым.

Происхождение пожаров в настоящее время настолько тщательно изучается офицерами Бригады и с помощью расследований, что мы были ознакомлены с огромным количеством любопытных причин, о которых никогда бы не заподозрили. На основе анализа пожаров, произошедших с момента создания Бригады, мы составили следующие таблицы:—

Шторы	2,511
свеча	1,178
дымоходов	1,555
печки	494
газ	932
свет упал площадь	13
раскуренные падает дитт	7
оседания пыли на горизонтальных дымовых	1
сомнительных	76
поджоге	89
беспечность	100
интоксикации	80
собак,	6
кошек	19
охота ошибок	15
одежда-лошадь расстроены манки	1
люциферы	80
детей, играющих с Дитто	45
крысы грызут так же	1
Галка играть с Дитто	1
крыса грызет газопровод	1
мальчики взрывали фейерверки	14
феерверк	63
детей, играющих с огнем	45
искры из Дитто	243
искры от железной дороги	4

курения табака	166
курение муравьев	1
курение в кровати	2
Значение в то же	22
шитья в Дитто	4
пошива по свече	1
лайм перегрева	44
отходами Дитто	43
грузов извести Дитто	2
дождь расшатывание Дитто	5
прилив	1
взрыв	16
самовозгоранию	43
жару от Солнца	8
молний,	8
баллона кислотного разрыва	2
просушки белье	1
сорочки упала в огонь	6
Освещение и Огорчает Нафты лампы	58
огнем из железных чайник	1
запечатывания письма	1
углях суицида	1
безумия	5
отбеливания гайки	7
подозрительные	1,323

Среди наиболее распространенных причин возгорания (таких как возгорание газа, свечей, штор, игра детей с плитами и т.д.) Примечательно, насколько равномерно одни и те же цифры встречаются под каждым заголовком из года в год. Общие законы проявляются как в малых, так и в великих событиях. Начальство Почтового отделения сообщает нам, что около восьми человек ежедневно опускают свои письма на почту без указания адреса; мы знаем, что в больницы поступает неизменный процент переломанных голов и конечностей; и здесь мы видим, что регулярное количество домов загорается из года в год из-за вылетевшей искры или выпавшей тлеющей трубки с табаком. Действительно, может пройти много времени, прежде чем из-за “обезьяны, опрокинувшей бельевую лошадку”, возникнет новый пожар, но мы не сомневаемся, что такой несчастный случай повторится в назначенном цикле.

Хотя газ в значительной степени является причиной пожаров, не похоже, чтобы его быстрое проникновение в частные дома в последние годы было сопряжено с опасностью. Однако есть и другой вид света, на который страховые конторы смотрят с ужасом, особенно те, кто считает

своим делом страхование фермерского имущества. Помощник секретаря одной из крупнейших пожарных служб, говоря в общих чертах, сообщил нам, что внедрение спичек "люцифер" *привело к ежегодным убыткам в размере десяти тысяч фунтов!* В приведенном выше списке мы видим, сколькими способами они приводили к пожарам.

Люциферы уходят, наверное, от жары	80
детей, играющих с люциферы	45
крысы грызут люциферы	1
Галка играть с люциферы	1
	127

Таким образом, сто двадцать семь известных пожаров возникают по этой единственной причине; и, без сомнения, многие из двадцати пяти пожаров, приписываемых кошкам и собакам, произошли из-за того, что они бросили ночью коробок спичек, что они часто делают и что почти наверняка приведет к возгоранию. Статья "крысы, грызущие люцифера" напоминает нам о необходимости предостережения против оставления восковых люциферов там, где есть крысы или мыши, поскольку эти паразиты постоянно убегают с ними в свои норы за легковоспламеняющимся холстом и поедают воск, пока не доберутся до фосфора, который воспламеняется от трения их зубов. Считается, что многие пожары были вызваны этим необычным обстоятельством. Насколько, опять же, люциферы должны были способствовать распространению большого класса пожаров, причины которых неизвестны! Другой недавней причиной возгорания является использование в лампах нафты — наиболее воспламеняющейся жидкости при смешивании в определенных пропорциях с обычным воздухом. "Восхитительный роман" фигурирует в качестве непосредственной, если не непосредственной, причины двадцати двух пожаров. Этого можно было ожидать; но что может означать пожар, вызванный приливом? Когда мы задали этот вопрос мистеру Брэдвуду, он ответил: "О, мы всегда следим за пожарами во время прилива. Они возникают в результате нагревания извести при добавлении воды". Таким образом, мы видим, что дождь вызвал четыре пожара, а простое перегревание - сорок четыре. Известь не причиняет вреда, пока она просто соприкасается с деревом; но если железо оказывается рядом с ними обоими, оно быстро раскаляется докрасна, и баржи на реке тонули из-за того, что их болты и железные колена прожигали дыры в днищах. В отношении единственной записи "крыса, грызущая газовую трубу" пожарные заявляют, что крысам свойственно грызть свинцовые водопроводные трубы с целью, как предполагается, добраться до воды, и в этом случае серый грызун допустил ошибку и выпустил сырье противоположного элемента. Интоксикация является частой причиной пожаров, особенно в трактирах и постоянных дворах.

Обычно считается, что внедрение горячей воды, горячего воздуха и паропроводов в качестве средства обогрева зданий устраняет один из путей возникновения опасности в виде пожара. Это ошибка. Железные трубы, часто нагретые до 400 °, устанавливаются в тесном контакте с полами и плинтусами, поддерживаемые небольшими диагональными деревянными подпорками, для воспламенения которых будет достаточно гораздо меньшей температуры. Не так давно было обнаружено, что от круглого бортика, поддерживающего перегонный куб в Аптекарском зале, который использовался для приготовления некоторых лекарств, требующих температуры всего 300 °, в древесине под ним менее чем за шесть месяцев образовался круг глубиной не менее четверти дюйма. Мистер Брэдвуд в своих показаниях Комитету Палаты

лордов в 1846 году заявил, что, по его мнению, при длительном воздействии тепла, ненамного превышающего температуру кипящей воды, или 212 °, древесина доводится до такого состояния, что она может загореться. без применения света. Время, в течение которого продолжается этот процесс высыхания, пока он не закончится самовозгоранием, составляет, по его мнению, от восьми до десяти лет; *так что пожар может возникать в помещении человека в течение всего срока его аренды, не подавая никаких признаков!*

Мистер Хоскинг в своем очень полезном и толковом небольшом “Руководстве по надлежащему регулированию зданий в городах” приводит следующий случай, который полностью подтверждает мнение мистера Брэйдвуда и опровергает идею о том, что тепло, подаваемое по трубам, должно быть безопасным.

“Хорошо известная чернявая мануфактура Дэя и Мартина в Хай-Холборне отапливалась с помощью горячей воды, проходящей по железным трубам в различные части здания. В декабре 1848 года было обнаружено, что деревянная обшивка и другие деревянные конструкции вокруг вертикальных магистральных труб горят, и никакой другой причины обнаружить не удалось, кроме постоянного воздействия на древесину в течение длительного времени тепла, исходящего от труб. В этом случае трубы не соприкасались с деревянным кожухом, но они удерживались в вертикальном положении с помощью деревянных перекладин, которые касались их, и именно они, по-видимому, загорелись. Маленькие циркуляционные трубы, по которым горячая вода распространялась по нескольким камерам, были подняты от пола примерно на величину их собственного диаметра, и на полах не было признаков возгорания там, где трубы были таким образом удалены; но *в каждом случае* там, где опора или седловина, удерживающая трубу над полом, были смещены, и трубе позволили провиснуть и коснуться пола, *доски были обуглены*. Было件нятно, что температура воды в трубах никогда не превышала 300°. Практический вывод из этого случая ясно заключается в том, что трубы ни в коем случае не следует располагать ближе к дереву, чем на расстояние их собственного диаметра. Тщательно высушенное дерево, о котором мы упоминали, настолько подвержено возгоранию при мгновенной близости пламени, что практичные люди воображают, что вокруг него должна быть какая-то атмосфера легковоспламеняющейся природы. В случае с сосновыми дровами мы могли бы хорошо понять такую теорию, поскольку знаем, что палка, сунутая в огонь, испускает со своего свободного конца летучий дух скипидара, который горит подобно струе газа.

“Мерсерс’Холл, сгоревший в 1853 году, стал жертвой водопроводных труб, которые не работали более четырех или пяти лет. Сводчатая комната в Британском музее, в которой хранится часть мрамора из Ниневии, была обожжена — или, скорее, работа плотников вокруг — аналогичным образом; и, если верить сообщениям, новые здания парламента уже несколько раз горели по аналогичной причине”.

В рубрики “Поджог”, “Сомнительный” и “Неизвестный” включены все случаи умышленного поджога. Возврат, “Подстрекательство”, никогда не производится, если не было вынесено обвинительного приговора, что происходит редко, поскольку ведомства заботятся только о том, чтобы защитить себя от мошенничества, и им не нравятся неприятности или дурной запах от работы прокурорами на общественных началах. Однако, если доказательства умышленного увольнения убедительны, застрахованный, когда он подает заявление о получении своих денег, получает от секретаря важное сообщение о том, что, если он не покинет офис, *он его повесит*.

Хотя поджог больше не карается смертной казнью, намек обычно понимают. Время от времени встречаются такие вопиющие правонарушители, что управление не может избежать преследования их со всей строгостью закона. Таков в 1851 году был случай с “респектабельным” адвокатом, живущим на Лайм-стрит, Уотлинг-стрит, который застраховал свой дом и мебель на сумму, намного превышающую их реальную стоимость. Средства, которые он использовал для совершения своего преступления без раскрытия, были, по-видимому, надежными; но именно те усилия, которые он приложил для достижения своей цели, привели к его раскрытию. Он специально изготовил на заказ глубокий железный поднос, в центре которого была установлена розетка. Поднос он наполнил нефтью, а в розетку вставил свечу, свет которой был затенен воронкой. Свеча была одной из тех, которые он использовал для своей двуколки, — потому что у него была двуколка, — и была рассчитана на то, чтобы продержаться определенное время, прежде чем она дойдет до бензина. Он украдкой спрятал всю машину в подвале, на расстоянии восьми дюймов от деревянного пола, в месте, устроенном так, чтобы скрыть ее. Адвокат вышел и, вернувшись, обнаружил, как он и ожидал, что его дом горит. Однако, к несчастью для него — если это когда-либо бывает несчастьем для негодя, когда его обнаруживают, — пожар был потушен на очень ранней стадии, и пожарные, занимаясь тушением, обнаружили эту адскую машину. Заказ на его изготовление был выведен на преступника: служанка, раздраженная мыслью о том, что он оставил ее в доме на растерзание, дала показания против него. Его судили и признали виновным, и теперь он искупает свое преступление на острове Норфолк. Планы перестройки дома этого негодя и сметы расходов были найдены впоследствии среди его бумаг.

Класс “сомнительных” включает все те случаи, в которых у офисов нет моральных сомнений в том, что пожар был преднамеренным, но они не располагают юридическими доказательствами, достаточными для обоснования обвинения против преступника. Однако в большинстве этих случаев у застрахованного есть *свои причины* для получения гораздо меньшей суммы, чем он первоначально требовал. Наконец, у нас есть “неизвестный”, к которому отнесены 1323 случая, что является одним из самых больших показателей во всем списке, хотя и уменьшается с каждым годом. Предполагается, что даже из них определенный процент является умышленным. Нельзя отрицать, что преступление, связанное с поджогом, полностью обязано своим возникновением введению страхования от пожара; и столь же мало сомнений в том, что в последние годы оно значительно возросло из-за пагубной конкуренции за бизнес среди молодых офисов, которая заставляет их относиться к своим клиентам слишком снисходительно; или, другими словами, платить деньги *не задавать вопросов*. Подсчитано, что *каждый седьмой пожар, который происходит среди небольшого класса лавочников в Лондоне, является возгоранием от зажигательной смеси*. Мистер Брэйдвуд, чей опыт больше, чем у любого другого человека, говорит нам, что иногда применяется величайшая изобретательность, чтобы ввести в заблуждение должностных лиц страховой компании относительно стоимости застрахованных акций. В одном случае, когда бригаде удалось потушить пожар, он обнаружил веревку, натянутую поперек одной из комнат в подвале дома, к которой через равные промежутки времени были привязаны колечки стружек, смоченных в скипидаре. Продолжив свои исследования, он установил, что огромная куча того, что он принял за фунты влажного сахара, состояла из свертков из оберточной бумаги, а буханки белого сахара были сделаны из парижского гипса. Десять против одного, что “хитрая уловка”, которая, как льстит себе какой-нибудь негодя, принадлежит исключительно ему, была применена на практике сотнями других людей до него. По этой причине преднамеренные пожары, как правило, выдают себя опытному

глазу Бригады. Когда подобное событие “собирается произойти” дома, обычным обстоятельством является обнаружение того, что любящий родитель пригласил всю свою семью в театр.

Существует еще один класс зажигательных вспышек, которые возникают из-за разновидности мономании у мальчиков и девочек. Не так много лет назад люди Бригады были часами заняты тушением не менее полудюжины пожаров, которые вспыхивали один за другим в доме в Западном Смитфилде; и наконец было обнаружено, что они были вызваны юношей, который ходил с люциферами и хитро поджигал все, что могло гореть. Его застали за поджиганием занавески в той самой комнате, в которой пожарный был занят тушением пожара. Еще более экстраординарный случай произошел в 1848 году в доме Торлак на острове Малл. В воскресенье, 11 ноября, занавески на кровати загорелись, как и предполагалось, от удара молнии; за этим последовала оконная штора; и сразу же после этого занавески в пяти комнатах вспыхнули одна за другой, охваченные пламенем; сгорели даже полотенца, висевшие на кухне. На следующий день загорелась кровать, и, поскольку было сочтено целесообразным отнести постельное белье в каретный сарай для сохранности, в процессе вывоза оно загорелось три или четыре раза. Через несколько дней явление возобновилось. Мебель, книги и все остальное, что могло воспламениться, было с большим трудом вывезено из особняка, и снова по дороге загорелось несколько комплектов нательного белья. Даже после того, как эти меры предосторожности были приняты и люди были приставлены наблюдать за каждой частью дома, таинственные пожары продолжали преследовать его до 22 февраля 1849 года. С самого начала возникло подозрение, что это был акт поджога, и после тщательного осмотра дома генеральным финансовым инспектором и шерифом было установлено, что в преступлении виновата дочь экономки, молодая девушка, которая была в гостях у своей матери. Она достигла своей цели, которая была совершенно беспричинной, спрятав горючие материалы в разных частях дома.

Самым нелепым пожаром, который, возможно, когда-либо происходил, был пожар в мастерских мистера Филлипса, когда весь его запас инструментов для тушения пламени был уничтожен одним махом. “Это редкое, чтобы инженер угодить в собственную ловушку”, - говорит поэт, и, конечно, это было очень смешно, *контр-темпс*, чтобы увидеть пожарные машины придут на мануфактуре как раз вовремя, чтобы стать свидетелями пожара-аннигиляторы уничтожены огнем. Аналогичная неудача произошла с этими злополучными орудиями труда в Париже. В сопоставлении с этим случаем мы испытываем искушение привести другой, в котором за попыткой вымирания последовали в точности противоположные последствия. Торговец собирался зажечь газ, когда, обнаружив, что кран затвердел, он взял свечу, чтобы посмотреть, в чем дело; при попытке повернуть его винт вышел, а вместе с ним и струя газа, которая мгновенно загорелась от свечи. Когда в магазине вспыхнуло пламя, прохожий схватил деревянное ведро и выплеснул его содержимое в пламя, которое немедленно вспыхнуло с десятикратной силой. Вряд ли есть необходимость утверждать, что вода была виски, а страна - Старая Ирландия.

Самовозгорание в настоящее время изучено очень мало, хотя химики в последнее время обратили свое внимание на этот вопрос. Однако это не является незначительной статьей в списке причин пожаров. Не может быть никаких сомнений в том, что многие из тех, что происходят на железнодорожных станциях и в зданиях, происходят из-за брожения, возникающего среди промасленных тряпок. Перегрев отходов, к которым относятся дрянные отходы, опилки, хлопок и т.д., является грозным источником пожаров. Причина большинства

пожаров, возникших в результате самовозгорания, теряется в последствиях. Время от времени происходят случаи, когда пожарным удавалось обнаружить возгорание, как, например, на верфи Гиберния в 1846 году, одном из складов олдермена Хамфери. Случилось так, что носильщик смел опилки с пола в кучу, на которую капало содержимое разбитой фляжки с оливковым маслом, стоявшей сверху. К этим элементам горения солнце добавило свою силу, и шестнадцать часов спустя вспыхнул пожар. К счастью, пожар был мгновенно потушен; и агенты, которые его произвели, были пойманы, так сказать, с поличным, на месте преступления. Есть вероятность, что такое конкретное стечение обстоятельств может не повториться и через тысячу лет. Опилки не будут снова сметены в такое положение под маслом, или бутылка не разобьется об опилки, или на них не будет падать солнечный свет, чтобы завершить роковую операцию. Однако важно знать, что промасленные опилки, нагретые солнцем, воспламеняются через шестнадцать часов, поскольку из-за них на лесопильных заводах возникает ряд пожаров, причину которых так и не удалось установить.

С помощью прямого эксперимента мы также кое-что узнаем о взрывах. Раньше предполагалось, что порох был причиной всех таких ужасных последствий на складах, где не применялись газ или пар; и поскольку полисы аннулируются самим фактом его присутствия, если об этом не объявляется, между страховщиками и застрахованными только по этому поводу возникло много ссор. Во время последнего большого пожара в Гейтсхеде, распространившегося сообщения о том, что ужасный взрыв, причинивший такой большой ущерб, произошел из-за незаконной укладки семи тонн пороха в "Мессерс". На складе Сиссона заинтересованные страховые компании предложили вознаграждение в размере *100 фунтов стерлингов* за получение информации. Эксперименты, проведенные, однако, мистером Паттинсоном в присутствии капитана королевских инженеров Дю Кане и присяжных коронера, которым было поручено расследовать это дело, показали, что воды из пожарной машины, попавшей на припасенные минеральные и химические вещества, было достаточно для объяснения результата. Ниже были проведены эксперименты на заводе мистера Паттинсона в Феллинге, примерно в трех милях от Гейтсхеда:

“Мистер Паттинсон сначала велел воткнуть в землю металлический горшок до тех пор, пока его верхушка не оказалась на одном уровне с поверхностью; и, положив в него 9 фунтов. из нитрата соды и 6 фунтов. серы он поджег массу; а затем, нагрев ее до максимально возможной степени, к которой она была восприимчива, он влил в нее примерно кварту воды. Результатом был немедленный взрыв (сопровожденный громким хлопком), который был бы чрезвычайно опасен для любого человека, находившегося в непосредственной близости от него. Затем эксперимент был проведен в других условиях. Горшок, в который насыпали серу и нитрат соды, был покрыт сверху большим куском толстого металла значительного веса, а поверх него снова были положены несколько больших кусков глины и земли. Было сочтено необходимым провести этот эксперимент в открытом поле, вдали от какого-либо жилого дома, и который допускал размещение зрителей на безопасном расстоянии от места происшествя. Затем материалы поджигали, как и раньше; и когда они находились в раскаленном состоянии, на массу поливали воду через носик. Результатом был лишь сравнительно небольшой взрыв, который почти не потревожил железо и комья земли, помещенные над горловиной сосуда. Был проведен другой эксперимент подобного рода с тем же результатом. Наконец, была произведена попытка в третий раз, но с той разницей, что сосуд был накрыт сверху другим таким же сосудом и что вода лилась на горящую серу и нитрат соды с большей скоростью, чем раньше, при небольшом поднятии носика, результатом было то, что горшок с верхом взлетел в воздух на высоту более

семидесяти футов, что сопровождалось громким взрывом. Таким образом, коронер и присяжные убедились, что независимо от того, содержался порох в помещениях Хиллгейта или нет, в нем содержались элементы, безусловно, взрывоопасные и, возможно, гораздо более разрушительные ”.

Здесь мы можем упомянуть, как любопытный результат пожара в Гейтсхеде, что несколько тонн свинца, находясь в расплавленном состоянии, вступили в контакт с некоторым количеством улетучившейся серы. Таким образом, свинец был повторно превращен в свинцовую руду или сернистый вид свинца, который, поскольку его требовалось переплавлять, обесценился, таким образом, примерно с двадцати двух до пятнадцати шиллингов за тонну.

Еще один крупный пожар, произошедший в Ливерпуле в октябре прошлого года, был вызван взрывом скипидарного спирта, в результате которого одна за другой снесло семь стен в подвалах под складом, а в некоторых случаях разрушило само перекрытие и огню подверглись склады хлопка наверху. Несомненно, необходим какой-то закон, предотвращающий соседство таких легковоспламеняющихся материалов. Говорят, что скипидар был подожжен рабочим, который пальцами задул свечу и случайно выбросил табак в горловину одной из бочек со скипидаром. Сгоревшие склады были построены по новому противопожарному плану мистера Фэрберна, который жители Ливерпуля внедрились несколько лет назад, что обошлось городу в немалые деньги.

Одна только вода, внезапно соприкасающаяся с раскаленным железом, способна вызвать образование газа самой разрушительной природы — посмотрите на необычайные взрывы, которые постоянно происходят на паровых судах, особенно в Америке, которые в основном возникают из-за крена судна при ожидании пассажиров, в результате чего вода вытекает с одной стороны котла, который быстро раскаляется докрасна. При следующем наклоне в противоположном направлении вода осаждается на сильно нагретую поверхность, и, таким образом, взрывоопасный газ в дополнение к пару образуется быстрее, чем предохранительные клапаны успевают от него избавиться.

Очень интересным вопросом, имеющим жизненно важное значение для актуариев компаний по страхованию от пожара, является относительная ответственность перед огнем представителей различных классов профессий и мест жительства. Мы уже точно знаем количество пожаров, которые ежегодно происходят в каждой отрасли и виде занятий. Чего мы не знаем и что хотим знать, так это пропорции между доходными домами, в которых осуществляются подобные ремесла, и общим количеством домов в мегаполисе. Последняя перепись населения не дала нам информации такого рода, и мы надеемся, что этот пробел будет исправлен при следующем опросе. Согласно отчетам мистера Брэдвуда, за последние двадцать один год количество пожаров в каждом торговом центре и в частных домах было следующим:

Частные дома	4,638
гостиниц	1,304
Victuallers	715
продажи-магазины и офисы	701

плотники и работники древесины	621
тканей, из шерстяных и льняных	372
пекарей	311
конюшни	277
краснодеревщиками	233
нефти и цвет мужской	230
Чандлерс	178
бакалейные лавки	162
жестянщиков, мангалы, и Кузнецов	158
домов под ремонт, дом	150
Beershops	142
кофейни и Chophouses	139
брокеров и дилеров в старую одежду	134
Шляпники	127
Люцифер-матч создателей	120
вина и дух купцов	118
портных	113
гостиниц и клубных домах	107
табачных	105
едят-дома	104
книготорговцев и вяжущие	103
кораблей	102
Печатников и граверов	102
строители	91
дома никого нет	89
сально-чандлерс	87
морских магазине дилеры	75
лесопильных заводов	67
фейерверк-мейкеров	66
складов	63
Химиков	62
Coachmakers	50
складов (Манчестер)	49
Общественных зданий	46

Если мы посмотрим на простое количество пожаров, независимо от размера промышленной группы, на которую они обрушились, дома будут казаться опасными в соответствии с порядком, в котором мы их разместили. Это явный абсурд, поскольку частные дома стоят во главе списка,

и хорошо известно, что они наиболее безопасны от пожара из всех видов многоквартирных домов. Мистер Браун из Общества актуариев, который взял на себя труд сравнить количество пожаров в каждой промышленной группе с количеством выделенных ей домов, насколько он смог найти какие-либо данные в Справочнике почтовых отделений, приводит следующий среднегодовой процент пожаров, рассчитанный за пятнадцатилетний период:

Люцифер-матч создателей	30·00
ночлежек	16·51
Шляпники	7·74
Чандлерс	3·88
Дрейперс	2·67
жестянщиков, мангалы, и Кузнецов	2·42
Плотников	2·27
краснодеревщиками	2·12
нефть и цвета-мен	1·56
Beershops	1·31
книготорговцев	1·18
кафе и кофейни	1·2
краснодеревщиками	1·12
лицензированных Victuallers	·86
пекарей	·75
виноторговцев	·61
продажи бакалейных товаров	·34

Будет видно, что эта оценка в значительной степени меняет порядок “опасных”, поскольку мы расположили их в ранжировании в предыдущей таблице, в результате чего те профессии, которые из их общего числа казались наиболее опасными, кажутся наименее опасными, и *наоборот*. Таким образом, производители спичек люцифера имеют плохое преимущество; более того, предполагается, что они подвергаются пожарам каждые три года; в то время как ужасные продавцы еды, плотники, торговцы и пекари, находящиеся в верхней части колонки, съеживаются в нижней части списка. Эти выводы, тем не менее, являются лишь приближением к истине, поскольку невозможно обеспечить правильный возврат домов, занятых различными профессиями. Даже если определенный класс многоквартирных домов особенно подвержен возгоранию, из этого не следует, что он будет считаться очень опасным для страховщиков. На такие соображения влияет другой вопрос— образует ли содержимое домов группу такого характера, что в случае возгорания они, вероятно, будут полностью разрушены, серьезно или лишь незначительно повреждены? Например, жилые дома очень подвержены пожарам, но они очень редко сгорают дотла или сильно повреждаются. Из 81 предприятия, пострадавшего в 1853 году, ни одно не было полностью уничтожено; только 4 сильно пострадали; подавляющее большинство, 77, были слегка повреждены в результате возгорания оконных и постельных штор и т. Д. К числу профессий, которые слишком опасны, чтобы их можно было застраховать любой ценой, относятся — мы цитируем тариф пожарной службы округа - производители половых

тряпок, торговцы порохом, “запас шляпников в печке”, изготовители сажи для ламп, изготовители спичек для люцифера, производители лака и ваты; в то время как следующие считаются очень опасными; — изготовление костей. дробилки, обжарки кофе, изготовители композиционных орнаментов, карриеры, красильщики, перьеочистители, изготовители фламбо, пекарни, отделочники конопля и льна, чернила для слоновой кости, японцы, химики-лаборанты, производители лакированной кожи в Японии, мельницы для пуха, плавильщики грубого жира, производители музыкальных инструментов, маслят и красителей, кожевенники, производители промасленного шелка и льна, производители купоросного масла, производители смолы, торговцы тряпьем, торговцы смолой, лесопилки, дробилки семян, судовые пекари-бискуиты, мыловары, переработчики спермацета и воска, сахарозаводчики, торговцы смолой и котельные, городские дома с соломенными крышами и производители скипидара.

Подавляющее большинство этих профессий сами по себе являются “опасными”; но не столь очевидно, почему работа шляпника должна быть столь опасной, а определенные части его запасов не подлежат страхованию. Нам дают понять, что печи, в которых производится их изготовление, а также ракушечник и ива являются причинами такой склонности к возгораниям. Памятный пожар на Феннингс-Уорф, полыхавший с такой яростью, что Королевская биржа и здания парламента казались просто костром, возник в шляпной лавке на Лондонском мосту, откуда он быстро перекинулся на склады олдермена Хамфери в тылу, перекинулся через Тули—стрит — в этом месте ширина 60 футов - и таким образом захватил большую набережную на берегу реки. По этому случаю были введены в эксплуатацию две плавучие машины, принадлежащие бригаде, и, хотя они выбрасывали на высоту ста футов тысячу четырехста галлонов воды в минуту, они не оказывали ни малейшего воздействия на горящую массу.

Ничто так не показывает относительную степень опасности, как различные тарифы, взимаемые за страхование. Таким образом, обычный жилой дом платит всего лишь 1 6d., в то время как сахарный завод платит по меньшей мере две, а иногда и три гинеи за процент, или в 30-40 раз больше. За дома одного и того же класса взимается разная плата в зависимости от населенного пункта. Резиденция, за которую взимается плата в размере 1s. 6d. в Лондоне, находится в Сент—Джонсе, Ньюфаундленд — городе, известном или, скорее, печально известном пожарами, - и наши английские офисы взимают плату в размере 1l. 11s. 6d. фунтов стерлингов. Вероятно, самой тяжелой потерей, которую когда-либо понес офис Phœnix, стал пожар в Сент-Джонсе в 1846 году.

Примечательным фактом является то, что Лондонский сити, который, пожалуй, является самым густонаселенным местом, которое когда-либо видел мир, долгое время не подвергался пожарам, охватившим значительное количество домов. “Всепожирающая стихия”, это правда, время от времени пожирала огромные склады и общественные здания; но после великого пожара 1666 года она перестала пожирать целые кварталы города. После того памятного случая нам ни разу не приходилось фиксировать разрушение тысячи домов одновременно, что является частым явлением в Соединенных Штатах и Канаде, да и во всех частях Континентальной Европы. Пожары, которые оказались фатальными для больших участков зданий в мегаполисе, во всех случаях происходили без звука носовых колоколов. Сравнение количества пожаров, произошедших в период с 1838 по 1843 год в 20 000 домах, расположенных по обе стороны Темзы, сразу показывает превосходную безопасность ее северного берега, где среднегодовое количество пожаров на последнем составляет всего 20

против 36 на южном берегу. За это исключение мы должны благодарить великое бедствие, если можно так назвать то, что обернулось благословением. Одним махом он очистил город и навсегда смел опасное скопление деревянных зданий и узких улочек, которые всегда служили источником пламени.

Мистер Питер Каннингем в своем "Справочнике Лондона"^[43] приводит следующую любопытную информацию относительно его предполагаемого происхождения:

"Лондонский пожар, обычно называемый Великим пожаром, начался на восточной стороне этого переулка (Пудинг-лейн) около часа или двух ночи в воскресенье, 2 сентября 1666 года, в доме Фарринера, королевского пекаря.

У истинных голубых протестантов того периода было принято приписывать пожар римским католикам; и когда в 1681 году Оутс и его заговор укрепили это убеждение, на фасаде этого дома (кажется, № 25), возведенного на месте пекарни Фарринера, была нанесена следующая надпись: —

"Здесь, с позволения Небес, ад обрушился на этот протестантский город из злобных сердец варварских священников, от руки их агента Хьюберта, который признался и на развалинах этого места провозгласил факт, за который он был повешен, а именно, что здесь начался тот ужасный пожар, который описан и увековечен соседней колонной, воздвигнутой в 1681 году в мэрии сэра Питера Уорда, рыцаря".

Эта знаменитая надпись, установленная в соответствии с постановлением Суда Общего совета от 17 июня 1681 года, была удалена в правление Якова II, заменена в правление Вильгельма III и, наконец, удалена "из-за остановки пассажиров, чтобы прочесть ее". Энтик, который дополняет Мейтленда в 1756 году, говорит о ней 'как о недавно удаленной'. Дом был 'перестроен в очень красивом стиле'.

"Говорят, камень с надписью до сих пор хранится в подвале на Пудинг-лейн. Юбер был французским папистом двадцати шести лет от роду, сыном часовщика из Руана, в Нормандии. Он был схвачен в Эссексе, признался, что устроил пожар, и, настаивая на своем признании, был повешен только на основании его собственных улик. В ходе допроса он заявил, что его "подкупили в Париже к этой акции", и что еще трое "объединились, чтобы сделать то же самое". Они спросили его, знает ли он место, где впервые зажег огонь. Он ответил, что знает его очень хорошо и покажет кому угодно.' Затем ему приказали завязать глаза и отвести в несколько мест города, чтобы он мог указать на дом. Сначала они отвели его в какое-то место на некотором расстоянии от него, открыли ему глаза и спросили, так ли это; на что он ответил: 'Нет, это было ближе к Темзе'. 'Дом и все, что было рядом с ним, - говорит Кларендон, - были настолько засыпаны и погребены под руинами, что сами владельцы, не имея каких-либо безошибочных примет, вряд ли могли бы сказать, где стоял их собственный дом; но этот человек привел их прямо к тому месту, описал, как оно стояло, форму маленького дворика, расположение дверей и окон и где он впервые развел огонь; и все это с такой точностью, что те, кто долго жил рядом с ним, не смогли бы так точно описать все детали'. Тиллотсон сказал Бернету, что Хауэлл (тогдашний регистратор Лондона) сопровождал Хьюберта в этом случае, 'был с ним и много беседовал с ним, и что он пришел к выводу, что это невозможно, что это мог быть меланхолический сон'. Это, однако, не было мнением судей, которые его судили. 'Ни судьи,' говорит Кларендон, 'ни кто-либо из присутствующих на процессе не верил в его виновность, но

в то, что он был бедным рассеянным негодяем, уставшим от своей жизни и решившим расстаться с ней таким образом". Мы можем смело приписать пожар другой причине, а не римскому заговору. Мы должны помнить, что пламя возникло в доме пекаря; что сезон был необычайно засушливым; что дома были деревянными и нависали над дорогой (их называли пентхаусами), так что переулочек был еще уже, чем сейчас, и что в то время дул сильный восточный ветер. Поначалу об этом мало думали. Пепис высунул голову из окна своей спальни на Ситинг-лейн через несколько часов после того, как все вспыхнуло, и снова вернулся в постель, как будто это был не более чем обычный пожар, обычное явление и, вероятно, его скоро потушат. Лорд-мэр (сэр Томас Блудворт), похоже, не придавал этому значения, пока не стало слишком поздно. Люди, похоже, были парализованы, и не было предпринято никаких сколько-нибудь значимых попыток остановить процесс. В течение четырех дней подряд он бушевал и набирал силу, невероятным образом перепрыгивая от дома к дому и с улицы на улицу, на больших расстояниях друг от друга. Наконец были снесены дома, и пламя, все еще распространявшееся на запад, было наконец остановлено в церкви Темпл на Флит-стрит и Пай-Корнере в Смитфилде. За эти четыре дня было разрушено 13 200 домов, 400 улиц и 89 церквей, включая кафедральный собор Святого Павла, и Лондон лежал буквально в руинах. Потеря была настолько огромной, что можно сказать, что мы до сих пор страдаем от ее последствий. И все же преимуществ было немало. С тех пор Лондон был освобожден от чумы; и мы обязаны соборам Святого Павла, Святого Брайда, Святого Стефана Уолбрука и всем архитектурным великолепием сэра Кристофера Рена тому запустению, которое это вызвало".

В дополнение к этим преимуществам мы приобрели еще одно — ОГРАЖДЕНИЕ ДЛЯ ВЕЧЕРИНОК - средство защиты, которое предотвратило распространение пожаров по Городу, когда в других частях мегаполиса за несколько часов были сметены целые улицы, и особенно в том, что можно было бы назвать прибрежными пригородами Лондона — Ротерхите, Гринвиче и Грейвсенде. Закон, в соответствии с которым были укреплены партийные стены, вступил в силу непосредственно перед восстановлением города и время от времени становился более строгим и эффективным благодаря различным поправкам. Закон о строительстве от 7 и 8 июля королевы Виктории содержит важное постановление о том, что "объем склада не должен превышать 200 000 кубических футов". Пожар становится неуправляемым, когда у него есть доступ к большим запасам горючего вещества; в таких условиях он приобретает "укрепленную позицию", и в подавляющем большинстве случаев его можно подавить только внезапным нападением.

Поскольку самое сердце Лондона в основном занято складами в Манчестере, заполненными наиболее легковоспламеняющимися материалами, безопасность столицы зависит от этого ограничительного закона. Манчестерским кладовщикам, тем не менее, удалось пренебречь этой частью Закона. Давайте возьмем в качестве последнего и наиболее вопиющего примера склады Cook's. Это сооружение, которое за последние два года выросло своей огромной громадой на кладбище церкви Святого Павла и фактически затмило кафедральный собор метрополитен своей монотонной массой, содержит 1 100 000 кубических футов открытого пространства от края до края, *илина девятьсот тысяч футов больше, чем ему полагается*. Если бы мы взяли двадцать пять жилых домов обычного размера и снесли их ограждающие стены, мы имели бы именно то положение вещей, которое здесь представлено нам. Но возникнет вопрос: если это противозаконно, почему не вмешиваются соответствующие должностные лица? Где городские инспекторы? Причина, уважаемый читатель, такова: в последние годы владельцы складов Манчестера приняли новое прочтение закона — прочтение, которое, как мы полагаем, не допустил бы ни один судья, но которое землемеры пока не

рискнули оспаривать. “Мы полностью игнорируем, ” говорят эти джентльмены, “ положения Закона о строительстве, касающиеся складских помещений, поскольку из-за нашей разрушающейся конструкции наши коммерческие помещения - это не просто склады”. В том, что такое прочтение является нарушением духа статута, не может быть никаких сомнений; мы также считаем, что это нарушение его буквы; если нет, то давно поравнесте в закон поправки по этому пункту; ибо мы подтверждаем, опираясь на самые веские основания, что Лондон никогда со времен великого пожара не подвергался такой опасности всепоглощающего пожара, как сейчас, из-за наличия и быстрого распространения этих огромных складов, наполненных элементами разрушения и расположенных бок о бок, как будто именно с целью причинить максимальный вред путем заражения.

Предположим, например, что на складах Кука однажды случился пожар; о его тушении не могло быть и речи. Пожарные машины были бы совершенно бесполезны против столба пламени, который быстро превратился бы в доменную печь и горел бы добела. Кто знает, что было бы потом? Предположив, что ветер дует с юга, мы трепещем за собор. Огромный купол полностью построен из дуба, высушенного 150-летней выдержкой, а горючий каркас только снаружи облицован листовым свинцом. Можно представить, что это было бы достаточной защитой от огромных масс горящей хлопчатобумажной и льняной ткани, которые быстро были бы подуты на него; но мистер Коттам не так давно заявил в Институте гражданских инженеров, что “когда загорелся театр Принцессы, часть его помещений также загорелась. При осмотре он обнаружил, что возгорание возникло из-за куска горящего дерева, брошенного из театра, который, упав в свинцовый желоб, расплавил его, и жидкий металл прошел через потолок на верстак рабочего, где было немного масла, которое немедленно воспламенилось. ” Большой купол был бы в такой же опасности, как и мастерская мистера Коттама. Двигатели были бы бесполезны даже на такой высоте, как каменная галерея, место, где, скорее всего, находились бы большие скопления горящего материала. Каким бы непоправимым ни было бедствие, которым нам грозит в этом направлении, одно столь же велико в другом. К востоку от складов Кука, по соседству с производством купороса или какой-либо другой химической продукции, находится Докторская палата, хранилище огромной массы английских заветаний. Крыши этого нагромождения зданий[44] сплошные; сами здания почти такие же сухие, как и сам закон. Если бы одна часть строения загорелась, ничто не могло бы спасти все целиком от разрушения. Можно настаивать на том, что блок зданий, который, подобно батарее, контролирует две такие важные точки в мегаполисе, в конце концов, огнестойкий, и, что касается опасности снаружи, это достаточно верно; но поскольку тюки хлопка не являются огнестойкими, обеспечить безопасность изнутри невозможно. Железные колонны в таких случаях плавятся от белого жара, как кусочки сургуча; камень разлетается на тысячи кусков со скоростью падения самолета принца Руперта; шифер превращается в пемзу, достаточно легкую, чтобы плавать по воде; железные балки из-за их поперечного расширения выдавливают стены; и те самые элементы, которые, по-видимому, рассчитаны на то, чтобы при обычных обстоятельствах придать сооружению почти неиссякаемую прочность, приводят к его наиболее быстрому разрушению. Великий пожар в Мессирсе . Так называемые огнезащитные работы Кьюбитта в Пимлико - одно из последних имеющихся у нас доказательств полной ошибочности предположения, что камень и железо могут противостоять воздействию большого количества яростного пламени. На днях мы видели, как части колонн этого здания оплавившись, как будто они были сделаны из большого количества олова. Опять же, когда Оружейный склад в Тауэре был разрушен, стволы мушкетов были найдены уменьшенными до самых фантастических форм,

а некоторые из самых крупных боеприпасов были увеличены вдвое. Еще более сильный экземпляр был выставлен на пристани Дэвиса в 1837 году, когда чугунная труба снаружи здания расплавилась, как сосулька. Но такая сильная печь вовсе не обязательна для разрушения чугунных опор, поскольку из экспериментов мистера Фэрберна явствует, что при температуре 600 ° сила сцепления металла быстро уменьшается с каждым увеличением температуры. Мистер Брэдвуд в своей статье о огнестойких зданиях, прочитанной перед Институтом инженеров-строителей 29 февраля 1849 года, был, как мы полагаем, первым, кто обратил внимание на этот серьезный дефект материала, столь широко используемого в современных зданиях. С тех пор как этот документ был прочитан, в поле его зрения попал случай, который ясно свидетельствует об истинности его позиции: —

“Часовня на Ливерпуль-роуд в Ислингтоне, 70 футов в длину и 52 фута в ширину, загорелась в подвале 2 октября 1848 года и полностью сгорела дотла. После пожара было установлено, что из тринадцати чугунных колонн, использовавшихся для поддержки галерей, только две сохранились в идеальном состоянии; большая часть остальных была разбита на мелкие куски, металл, по-видимому, потерял всякую прочность сцепления, а некоторые части были расплавлены, образцы которых сейчас показаны. Следует отметить, что эти колонны обладали достаточной прочностью, чтобы поддерживать галереи, когда они были заполнены прихожанами, но когда огонь добрался до них, они рассыпались только под тяжестью бревен, которые, должно быть, были облегчены распространением огня”.

Но когда мы рассматриваем безопасность складов в Манчестере, мы также рассматриваем жизни молодых людей, которые на них работают и в большинстве случаев находятся на верхних этажах. На нескольких оптовых складах в Городе, как сообщил нам мистер Брэдвуд, —

“Чугунные опоры гораздо меньше по отношению к переносимому весу, чем те, о которых идет речь, и были бы полностью подвержены тяге при пожаре. Если бы, к несчастью, при таких обстоятельствах произошел пожар, человеческие жертвы могли бы быть очень велики, поскольку вероятность того, что пятьдесят, восемьдесят или сто человек спасутся в суматохе внезапной ночной тревоги по одной или двум лестницам на крышу, едва ли можно было бы рассчитать, и время, которое могло бы занять такое спасение, независимо от всех возможных несчастных случаев, было бы значительным”.

Применение воды только усугубило бы проблему, так как, если бы она коснулась раскаленного железа, по всей вероятности, это привело бы к его разрушению и сделало бы его бесполезным в качестве опоры. Хорошо известно, что прутья печи очень быстро разрушаются из-за утечки из котла, поскольку воздействие пара на нижнюю сторону прутьев приводит к их изгибу и перекручиванию. Чтобы обеспечить идеальную огнестойкость здания, мы должны прибегнуть к одному из двух путей — либо мы должны разделить большие склады на отсеки сплошными кирпичными перегородками и, таким образом, ограничить любой пожар, который может вспыхнуть, в допустимых пределах, подобно тому, как мы спасаем железный корабль от затопления из-за ограниченной трещины, построив его в отсеках; или мы должны прибегнуть к староримскому плану строительства, то есть поддерживать полы на кирпичных опорах и рифленых арках, хорошо заложенных цементом, поскольку строительный раствор при сильном нагревании рассыпается в пыль. Первый план имеет большое преимущество в том, что он обеспечивает сохранность основного содержимого, а также самого здания. Новое архивное бюро на Феттер-лейн является прекрасным образцом в своем роде и, возможно, единственным

абсолютно огнестойким сооружением в Англии, построенным из железа и камня и не имеющим помещения размером более 17 на 25 футов и высотой 17 футов при кубическом содержимом всего 8000 футов. Ни одна из комнат не выходит друг в друга, а ведет в сводчатый коридор с помощью железных дверей; и если документы загорятся в какой-либо из них, они сгорят так же безобидно для остального здания, как угли в каминной решетке.

Не следует думать, что мы полностью пренебрегаем использованием железа и камня при возведении складов, даже если они построены по обычному плану; для внешнего строения они бесценны и защищают его от большинства внешних опасностей. Нельзя привести лучшего доказательства этого, чем опыт Ливерпуля, пожары в котором за последние полвека были самого гигантского масштаба. Более крупные таможенные и другие склады обычно строились со сплошными крышами, деревянными дверями и двухэтажными домиками, которые всегда загорались, когда случался пожар на противоположной стороне узких улочек, на которых они обычно размещались. Примерно в 1841 году количество пожаров возросло до таких прискорбных размеров, что страховая ставка, составлявшая восемь шиллингов процента, выросла до тридцати шести шиллингов. Это было примерно во время пожара на Формби-стрит, когда погибло 379 000 фунтов стерлингов было уничтожено ценное имущество, а общие убытки с начала века составили не менее трех миллионов с четвертью фунтов стерлингов. Масштабы бедствия требовали соответствующего средства правовой защиты. В 1843 году был получен законопроект о внесении поправок в Закон о строительстве; между каждым складом были возведены партийные стены высотой в пять футов, двери и пентхаусы были построены из железа, объем самих зданий был ограничен и т.д.; и эффект от этих улучшений заключался в том, чтобы снизить риск, что страховые выплаты упали до их обычной ставки. Однако нельзя сказать, что "Ливерпуль" еще не избавился от бедствия пожара.

В обычных домах и в общественных учреждениях использование железа и камня, опять же, не заслуживает чрезмерной похвалы: в таких зданиях помещения сравнительно небольшие, а их содержимое недостаточно воспламеняемо ни по количеству, ни по качеству, чтобы повредить эти материалы. Можно ожидать заметного уменьшения числа пожаров в мегаполисе из-за почти повсеместного использования железа и камня в новых сооружениях такого рода. Дома на Виктория-стрит в Вестминстере, построенные по "плоской" системе, мы бы сказали, полностью огнестойкие, поскольку этажи либо сводчатые, либо залиты бетоном, что не допустит распространения огня. Почти весь Париж построен таким образом, и отсюда его отсутствие крупных пожаров.^[45] Если бы не это, ни один город, скорее всего, не пострадал бы больше, так как дома очень высокие, а водоснабжение крайне плохое. Лондонцам кажется немногим лучше фарса наблюдать, как саперы-помпы спешат на пожар с двигателем размером не намного больше садовой струи, за которым следует бочка с водой - ресурсов, которых оказывается достаточно, чтобы справиться с врагом, ограниченным такими узкими рамками.

Не прибегая к расходам на камень и железо, мы могли бы, воспользовавшись подсказкой парижан, сделать комнаты наших частных домов огнеупорными, отказавшись от абсурдного обычая разделять комнаты пустотелыми деревянными полами и пустотелыми деревянными перегородками, покрытыми тонким слоем штукатурки, — метода, который позволяет распространить огонь снизу вверх по дому за максимально короткий промежуток времени. Если в комнате вспыхнет пожар, потолок, это правда, остановит пламя на значительное время; но полые перегородки, наполненные воздухом, действуют как проводники, и пожарные часто обнаруживали, что пламя распространилось из нижнего помещения в верхнее по этому

секретному каналу, не повреждая промежуточные помещения и даже не вызывая подозрений о его распространении. Поскольку мы понимаем, что в Закон о строительстве должны быть внесены поправки, мы надеемся, что его разработчики распространят положение, касающееся перегородок для вечеринок, *накомнаты*, а также на жилые дома. Расходы должны быть незначительными, в чем можно убедиться, ознакомившись с небольшой работой мистера Хоскинга, который, как мы полагаем, был первым, кто ознакомил английскую публику с замечательными методами парижских строителей. Вместо того чтобы использовать хлипкие планки для своих перегородок, они используют крепкие дубовые доски толщиной с садовую изгородь; их они крепко прибивают к каждой стороне каркаса перегородки, заполняют пространство между ними щебнем и парижской штукатуркой и толстым слоем покрывают последней всю стену. Полы отделаны таким же образом, как и нижняя сторона лестницы, которая, таким образом, становится почти такой же огнестойкой, как каменный пролет. Очень много жизней было бы спасено в Великобритании, если бы наши строители применили этот простой прием вместо того, чтобы делать лестницы из плохо подогнанного дерева с воздушными щелями и покрывать их нижнюю сторону тонким слоем штукатурки; потому что огонь всегда добирается до лестниц, которые образуют воронку дома; и отсюда необходимость сделать их как можно более надежными, чтобы обеспечить жильцам путь к отступлению.

Мы уже говорили, что Лондон растет до небес — ни один дом в какой-либо ценной части мегаполиса сейчас не перестраивается без добавления хотя бы одного этажа. Восемьдесят и девяносто футов становятся обычной высотой для наших огромных офисов и складов, что равносильно утверждению, что определенная часть мегаполиса, и притом постоянно увеличивающаяся, превосходит возможности Пожарной команды, поскольку ни один двигатель, построенный по нынешнему плану, не может в течение многих минут забрасывать воду на такую высоту. Мистер Брэдвуд предвидит, что ему придется прибегнуть к помощи обычного рабочего - пара. В Америке они уже с некоторым успехом внедрились это новое средство, а в Лондоне мы доказали его мощь на примере плавающего двигателя. Очевидно, что паровые пожарные машины скоро войдут в обиход, если мы вообще не избавимся от необходимости в двигателях, закрепив шланг непосредственно на магистрали, как это делается в Гамбурге. Но для достижения этого необходимо будет провести по всему мегаполису трубы гораздо большего размера, увеличить их количество и в то же время внедрить систему постоянного обслуживания. В настоящее время, даже если бы у нас всегда была включена вода, магистрали часто настолько малы, что не позволяют использовать более двух или трех шлангов, поскольку, если общий диаметр участков последних превышает диаметр трубы, которая их питает, давление прекратится, и вода не будет подниматься струей на какую-либо высоту. Однако нельзя отрицать, что если бы все улицы Лондона были снабжены мощными магистралями и различные компании обильно перекрыли их (чего они очень опасаются делать из-за износа пожарных машин), Лондон стал бы гораздо более безопасным местом, чем в настоящее время, поскольку едва ли какой-либо пожар мог бы выдержать всю силу постоянных потоков воды в тысячи галлонов в минуту. В настоящее время большая часть воды расходуется впустую; при разрушении здания парламента из магистралей вытекла масса этой стихии, равная по площади акру и глубиной двенадцать футов, десятая часть которой не могла быть использована двадцатью тремя струями, бившими одновременно.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о методе тушения пламени с помощью газовой смеси, содержащейся в огнетушителях Phillips. По словам автора “Домашних слов”, уничтожитель обычного размера меньше, чем маленький вертикальный железный совок для

угля, а его вес не превышает того, который мужчина или женщина могут легко перенести в любую часть дома. Он заряжается смесью древесного угля, селитры и гипса, отформованной в виде большого кирпича: воспламенитель представляет собой стеклянную трубку, вставленную в верхнюю часть этого кирпича: внутри нее находятся две склянки — одна наполнена смесью хлората калия и сахара, другая содержит несколько капель серной кислоты. Легким ударом по ручке спускается штифт, который разбивает пузырьки, и различные смеси, соприкасаясь, воспламеняют массу, образующийся газ, воздействуя на водяную камеру, находящуюся в машине, образует пар, и все это выходит наружу плотным расширяющимся облаком.

Три или четыре года назад мистер Филлипс провел несколько публичных экспериментов со своим огнегасителем, в ходе которых была полностью доказана его способность тушить самое яростное пламя. Деревянный каркас трехэтажного дома, обмазанный смолой, при возгорании мгновенно потухал: с большим количеством смолы, дегтя и скипидарного масла, которые горят сильнее только в присутствии воды, справлялись еще быстрее. Ценное качество создания атмосферы густого дыма, в которой не могло бы существовать ни одно живое существо, пригодной для дыхания, также было продемонстрировано самым удовлетворительным образом. С тех пор машина была введена в действие в Лидсе, где она потушила пожар на чердаке; и во время очень серьезного пожара, который произошел в спиртовом помещении, а затем распространился на главный люк почтового парохода "*Cumi of Манчестер*" осенью 1852 года, она была применена с наибольшим успехом. Не может быть никаких сомнений в том, что во всех замкнутых пространствах контроль аннигилятора над пламенем всемогущ — он действует гораздо быстрее, чем вода, и, в отличие от этой стихии, не наносит вреда. Когда пламя не ограничено, от аннигилятора будет мало пользы, потому что выходящее из него газовое облако не тяжелее воздуха и не может быть отброшено ни на какое расстояние. Как вспомогательное средство для двигателя, оно будет бесценно во многих случаях, поскольку позволит пожарному проникать в места, куда в настоящее время он не осмеливается заходить, если не защищен громоздкой дымовой рубашкой, подача воздуха в которую в любой момент может быть перекрыта мусором, попадающим на шланг, по которому он подается к нему двигателем.

Хотя в наши намерения не входит так подробно говорить о сельскохозяйственных пожарах и поджогах сельскохозяйственных животных, тема слишком важна, чтобы ее можно было полностью опустить. Одна из крупнейших лондонских страховых контор, заинтересованная в фермерском скоте, выставляет счета за застрахованные помещения, в которых после указания, что нельзя использовать люциферы или курить трубки, далее говорится: "*Эта ферма застрахована; пожарная служба будет единственной пострадавшей в случае пожара*". Напрашивается вывод, что рабочий будет более склонен проявлять уважение к собственности страховой компании, чем к собственности фермера. Однако далеко не всегда преступление совершается по личной недоброжелательности. Одним из крупнейших поджигателей сельского хозяйства за всю историю был городской ткач, который действовал, руководствуясь общим духом недовольства, без какой-либо ненависти или ветома владельцев. В других случаях единственным мотивом является "веселье", которое обычно следует за пожаром на ферме: этот факт был выявлен на судебном процессе в Кембридже восемь или девять лет назад, когда человек, приговоренный к смертной казни за поджог фермы, признался в том, что вызвал двенадцать различных пожаров, его единственной целью было желание получить несколько шиллингов и подкрепиться хлебом, сыром и элем, которые в таких случаях раздают рабочим. С другой стороны, если фермер решает ничего не возмещать, известно, что

прихлебатели засовывают руки в карманы и наблюдают, как горит его собственность, с предельным безразличием, если не с ликованием.

Причину пожара, от которого фермер должен в основном защищаться, можно увидеть в следующей таблице, за которую мы признательны руководителю пожарной службы округа:—

Потери сельскохозяйственного скота в период с 1 января по 30 ноября 1853 г.

Количество пожаров.	Причина.	Сумма.		
		£.	s.	d.
49	Зажигательный	5214	6	11
17	Молния	181	5	10
22	1211	18	10	2
Паровых	молотилок.молот ильныемашины	430	0	0
38	Общая информация	1781	19	9
8819	11	4	11	11

Эти убытки покрываются общей страховой суммой в восемь миллионов долларов. Поджог и дети, играющие с люциферами, - это два главных элемента разрушения; и первое, как нам дали понять, ниже общего среднего. Доброе обращение и лучшее образование - единственные средства, которые могут защитить фермера от подстрекательства. Неприятности, возникающие из-за того, что дети играют с люциферами, могут быть уменьшены абсолютным отказом в спичках маленьким мальчикам с фермы, которые, готовя себе обед, обычно устраивают пожары возле скирд зимой и среди стоящей кукурузы, "держа птиц" летом. Следующие замечательные предложения принадлежат мистеру Бомонту, секретарю Пожарной службы округа.

Меры предосторожности, которые необходимо принять на случай пожара.

Запретите своим людям пользоваться спичками "люцифер", курить или раскуривать трубки или сигары, уничтожать осиные гнезда или стрелять из ружей на свалке или рядом с ней, а также бросать горячие угли в любую деревянную постройку на ферме или против нее под страхом немедленного увольнения.

Расположите свои скирды в одну линию и как можно дальше друг от друга, насколько вам удобно.

Размещайте стога сена и кукурузы *попеременно*; стог сена будет следить за распространением огня.

Содержите скирд, и особенно промежутки между штабелями и скирдами, свободными от всякой рыхлой соломы и во всех отношениях в опрятном состоянии. Рыхлая солома чаще служит средством обжига, чем сам стог.

Имейте пруд рядом со свалкой, хотя там может быть плохой запас воды.

При использовании паровой молотилки разместите ее *подветренной стороны* штабеля или сарая, чтобы ветер мог сдувать искры *от* штабелей. Установите двигатель как можно дальше от машины, насколько позволяет длина ремня безопасности. Постоянно убирайте солому из двигателя; следите за тем, чтобы два или три ведра с водой постоянно находились рядом с поддоном для золы и чтобы сам поддон был постоянно наполнен водой.

Как действовать при пожаре на свалке.

Не ждите ни двигателей, ни помощи рабочих на расстоянии. Полностью полагайтесь на немедленные и энергичные усилия себя и своих людей.

Не позволяйте мешать стожок в огне — пусть он сам сгорит, — но приложите все усилия, чтобы плотно прижать его друг к другу и, насколько это практически возможно, не допускать разлета горящих частиц.

Соберите все ваши одеяла, ковры, сумки, подстилки и другие подобные предметы, тщательно смочите их в воде и разложите поверх соседних стогов, в сторону которых дует ветер.

Покрыв таким образом стороны скирд, прилегающие к горящим, уделите все свое внимание последним. Прижмите их друг к другу всеми доступными средствами. Если под рукой есть вода, плесните на нее как можно больше.

Если придут двигатели, вылейте воду на одеяла и т. Д., Покрывающие соседние штабеля, а затем на штабель, находящийся в огне.

Среди многочисленных рабочих, которые стекаются помочь в таких случаях, многие натворят бед из-за своей неосведомленности, и особенно из-за того, что откроют очаг и разбросают тлеющие угли. Чтобы предотвратить это зло, поставьте вашего лучшего человека командовать стогом в огне, пожелайте, чтобы он сделал *своей единственной обязанностью* не допускать, чтобы его трогали, а также постоянно отжимать и поливать.

Приставьте других людей, в чьей уравновешенности вы уверены, присматривать за соседними скирдами, держать их укрытыми и тушить любые тлеющие угольки, вылетающие из штабеля в огне. Для достижения этой цели крайне желательно, чтобы под рукой были лестницы, позволяющие одному или двум рабочим взобраться на каждый штабель.

Если скирды отделены друг от друга и нет опасности распространения пожара на вторую, конечно, желательно сохранить как можно больше той, которая горит. Это, однако, нередко достигается за счет компактного сложения коробок, а не за счет их открывания.

Пошлите за одеялами и брезентом всех соседей: они бесценны, они под рукой, и их можно немедленно применить.

Компании всегда готовы возместить любой ущерб, причиненный в попытке спасти их имущество.

Задачей Пожарной команды является защита имущества, а не жизни от огня, хотя мужчины, конечно, прилагают все усилия для спасения заключенных, и им всегда предоставляют “трамплин”, чтобы ловить тех, кто бросается с крыш и окон домов. Поскольку опасность для жизни обычно возникает на очень ранней стадии пожара, когда только что проснувшиеся жители в растерянности летят в очень опасные места и часто губят себя из-за ненужной поспешности, крайне необходимо иметь под рукой помощь до прибытия двигателей. Правда, ко всем приходским церквям приставлены лестницы, но они всегда заперты, часто прогнившие, и никогда не находятся в ведении обученных людей: соответственно, они могут быть отнесены к категории неэффективных в работе приходских механизмов. Доказательством этого стал катастрофический пожар, произошедший на Довер-стрит, в отеле “Рэггеттс”, во время которого миссис Раунд и еще несколько человек погибли из-за поведения зрителя одной из пожарных лестниц прихода Сент-Джеймс, который отсутствовал, когда его вызвали, и был пьян, когда по прибытии попытался привести в действие свою машину: зритель второй пожарной лестницы, принадлежащей этому приходу и расположенной на Голден-сквер, отказался ехать на пожар в Сохо, который произошел в 1852 году, потому что это было за пределами его района: в результате более семи человек выбросились из окон и все получили более или менее опасные ранения.

В 1833 году Королевское общество защиты жизни от огня, которое было несовершенно организовано годом или двумя ранее, было полностью создано и с каждым годом продолжало расширять сферу своего влияния. Комитет по управлению, высоко оценивая важность оперативного реагирования на пожары, разделил мегаполис на пятьдесят пять квадратов по полмили каждый: в сорока двух из них они установили станцию[46] в самой центральной его части, на которой имеется пожарная лестница и обученный кондуктор с 9 часов вечера до 6 часов утра с Богородичного дня до Михайлова Дня и с 8 часов вечера до 7 часов утра с Михайловского дня до Богородичного дня. Когда будут обустроены оставшиеся тринадцать квадратов, в радиусе четверти мили от каждого дома в Лондоне появятся средства спасения от огня: таким образом, ночное дежурство для этой цели организовано лучше с точки зрения количества постов, чем даже пожарная команда, и, как и эти силы, оно находится под общим руководством одного директора. Всем нам знаком вид этих странных на вид машин, возвышающихся в вечерних сумерках по направлению к назначенным местам; но, возможно, мало кто видел их в действии или изучал способ, которым они сконструированы. Существует несколько методов их создания, но в основном используется машина Вивелла, очень простая и быстро приводимая в действие, описание которой мы берем из отчета общества:—

“Высота главной лестницы составляет от тридцати до тридцати пяти футов, и ее можно мгновенно установить к большинству окон второго этажа с помощью рычага перемещения. Верхняя лестница складывается поверх главной лестницы и легко поднимается в представленное положение с помощью веревки, прикрепленной к рычажным скобам по обе стороны от главной лестницы; или, как недавно было принято в одном или двух спусках, с помощью системы шкивов вместо рычажных скоб. Короткая лестница для первых этажей помещается под кареткой и часто оказывается самой полезной. Под главной лестницей по всей длине находится брезентовый желоб или мешковина, сделанная из прочной парусины, защищенная внешним желобом из сетки из медной проволоки, между которыми остается достаточно места для прогибания брезента при спуске человека. Добавление медной проволоки является большим улучшением, поскольку, хотя она и не обеспечивает полной защиты от возгорания полотна, в большинстве случаев она помогает и предотвращает возможность

проваливания любого из них. Необходимо позаботиться о пропитке холста квасцами и другими растворами; но это, хотя и предотвращает его возгорание, не может избежать риска несчастного случая из-за того, что огонь обуглит холст”.

Если мы вспомним, что пожарные лестницы часто приходится поднимать над окнами, из которых вырывается пламя, станет ясно, насколько ценна эта двойная защита от разрушения полотна. Необходимость этого была продемонстрирована при пожаре на Кроуфорд-стрит, Мэрилебон, где произошел взрыв, в результате которого загорелось полотно и кондуктор провалился сквозь него как раз в тот момент, когда он спасал заключенного, — несчастный случай, в результате которого он получил ужасные травмы. Когда люди смотрят на эти пожарные лестницы, они обычно содрогаются при мысли о необходимости войти в мешок, подвешенный на высоте сорока футов от земли; но в час опасности перепуганные заключенные никогда не проявляют ни малейшего нежелания. Оказавшись внутри, они скользят вниз по выпуклому полотну самым мягким образом, без какой-либо быстроты, которую можно было бы представить, учитывая почти перпендикулярное положение, в котором оно висит.

Пожарная лестница, расположенная рядом с Новой дорогой, сконструирована таким образом, что ее можно снять с колес, чтобы позволить ей въехать в длинные сады, которые здесь простираются перед столь многими домами. Высота, достигаемая этими побегам, варьируется от 43 с половиной футов до 45 футов. Большинство из них теперь имеют дополнительную короткую лестницу, которая в экстренных случаях может быть быстро установлена на верхнюю лестницу и увеличивает высоту до 50 футов.

Бесстрашие проводников этих машин просто поражает. Знакомство с опасностью порождает хладнокровие, которое позволяет им занимать позиции, которые оказались бы разрушительными для неопытных людей. Поскольку в большинстве случаев они являются выдающимися действующими лицами драмы, свидетелями которой является целая улица, заполненная взволнованными зрителями, они, возможно, поддаются искушению под одобрительные возгласы рискнуть собой так, как они и мечтать не могли бы сделать при других обстоятельствах. В дополнение к такому стимулу они награждаются серебряной медалью и денежными суммами за любой экстраординарный акт храбрости. Каждый случай смелого спасения заносится в книги общества, из которых мы извлекли несколько примеров, чтобы показать, какие они предприимчивые ребята. Во время пожара, вспыхнувшего в ноябре 1844 года в доме в Хаттон-Гарден, дирижер Саншайн по прибытии обнаружил следующее положение вещей. На втором этаже мужчина сидел на подоконнике одного из окон (там было четыре окна в ряд), а на третьем этаже мужчина висел, держась за руки, за подоконник на другом конце фасада дома. После того, как он спас человека на втором этаже, он не осмелился поднять свою лестницу на третий этаж, опасаясь задеть руки висящего человека и заставить его упасть; соответственно, он стоял на верхней ступеньке лестницы второго этажа и, таким образом, мог просто коснуться своими вытянутыми руками подвешенных ног бедняги. В этом положении, едва держась за оконную раму внизу, поскольку единственной опорой для него была верхняя перекладина, он крикнул мужчине, чтобы тот спрыгнул, когда тот скажет ему, и по его молчанию понял, что тот глух и нем. Однако, когда его похлопали по ноге, он отпустил ее, и кондуктору удалось, каким бы невероятным это ни казалось, протащить его между собой и стеной на верх лестницы и благополучно спустить на землю. В следующем случае дирижер Чэпмен был героем сцены, хотя на сцене присутствовал неукротимый Солнечный Свет. Перебравшись по крышам двух соседних пристроек, Чэпмен сумел приставить свою лестницу ко второму заднему этажу

охваченного пожаром дома. Спася женщину, он был вынужден возвращаться по своим следам по крышам, так как огонь проникал через черепицу. Он мог переправиться, только соорудив мостик из короткой лесенки; и едва они успели очистить помещение, как она с оглушительным грохотом рухнула внутрь.

В другой раз этот бесстрашный человек, проникнув в окно второго этажа дома на Тоттенхэм-корт-роуд, был вынужден дважды отступить из-за того, что его лампа погасла в густом дыму. На третьем испытании она осталась на месте и позволила ему обыскать это место. “Я громко позвал, - говорит он в своем отчете, - и в ответ услышал что-то вроде сдавленного крика. Я бросился через лестничную площадку в заднюю комнату и столкнулся с мужчиной, который простонал: “О, спасите мою жену!” Я пошарил вокруг и ухватился за женщину, которая упала вместе со мной, держа на руках двоих детей. Я поднял их и отнес к выходу, велел мужчине следовать за мной, и благополучно поместил их всех в брезент, откуда они без каких-либо повреждений спустились на землю; и, наконец, я спустился сам, совершенно измученный”. “Мы думали, - сказал случайный прохожий, - когда он прыгнул в окно второго этажа, что мы больше не увидим его живым; и я не могу передать вам, как его обрадовали, когда он появился с женщиной и двумя ее детьми”.

Мы удовлетворимся цитированием еще одного подвига из Отчетов Общества, героем которого был дирижер Вуд, получивший свидетельство на пергаменте за следующую службу при пожаре на Колчестер-стрит, Уайтчепел, 29 апреля 1854 года:

По его прибытии огонь бушевал по всей задней части дома, и из каждого окна валил дым; войдя в комнату на первом этаже, часть которой была охвачена огнем, он обнаружил пятерых человек, почти потерявших сознание от чрезмерного жара: он немедленно спустился по лестнице *женщиной на плечах и держа во рту ребенка за ночнушку*; снова поднялся, снова вошел в комнату и, позволив отцу сбежать, едва успел спуститься, *с ребенком под каждой рукой*, когда все здание охватил огонь. охваченный пламенем, что делает невозможной попытку спасти остальных несчастных заключенных“.

Награды Общества не всегда завоевываются их собственными людьми. Уильяму Траффорду, полицейскому констеблю 344, например, вручили одну из медалей Общества за то, что он “позволил двум людям упасть на него из верхних окон дома на Колледж-стрит, Камден-таун, и тем самым позволил им скрыться без материального ущерба”. Ничего не говорится об ущербе, нанесенном бедному Траффорду этим актом самоотверженности.

О реальной рабочей ценности пожарных лестниц можно судить по тому факту, что за двадцать лет их службы они посетили не менее 2041 пожара и спасли от гибели 214 человек. Чтобы завершить этот превосходный план, теперь нужно построить всего тринадцать станций, что обойдется примерно в восемьдесят фунтов каждая; благотворительные организации не могли бы пожертвовать свои деньги на более достойное дело, чем обустройство этих районов, в которых многие тысячи жителей все еще подвергаются самой ужасной из всех смертей. Чтобы показать, что полезность Общества росла вместе с числом их побегов, нам достаточно привести доказательства из таблицы на следующей странице, составленной по состоянию на 25 марта каждого года.

Пожарные лестницы, в дополнение к своим особым обязанностям, также оказывают величайшую услугу пожарным бригадам, поскольку, используя свои лестницы, они могут

подняться к любому окну дома и направить струю прямо на горящую массу, вместо того, чтобы выбрасывать ее наружу, - вопрос величайшей важности при тушении пожара: ибо, если вы не сыграете на горящем материале и таким образом не погасите пламя в корне, вы только бесполезно зальете здание водой, что, как мы полагаем, во многих случаях не менее разрушительно для инвентаря. и мебель, поскольку пожар предназначен для тушения.

<i>Год.</i>	<i>Количество станций.</i>		<i>На пожарах присутствов али.</i>	<i>Жизни Спасено.</i>
1845	8	жизней увеличилось до	116	13
1846	11	"	96	7
1847	15	"	139	11
1848	21	"	197	17
1849	25	"	223	31
1850	26	"	198	10
1851	28	"	226	36
1852	30	"	253	25
1853	34	"	265	46
1854	40	"	328	28

Добавлено два с тех пор.

Заклученные могут многое сделать, чтобы помочь себе, когда горит дом, на случай, если ни двигатель, ни спасатели не придут вовремя, чтобы оказать им помощь. М-р Брэйдвуд в своей небольшой работе о методе действий при пожарах советует своим читателям прорепетировать про себя его рекомендации, в противном случае, когда наступает опасность, они, согласно его опыту, впадают в "состояние временного помешательства и, кажется, приводятся в действие только желанием мускульных движений", бросая стулья и столы с крыш домов, которые почти не охвачены пламенем, и, в довершение абсурда, он говорит: "однажды я видел, как из окна третьего этажа выбрасывали посуду".

Средства, которые необходимо принять для предотвращения распространения пламени, сводятся к тому, чтобы не открывать двери или окна, которые создают сквозняк. То же правило следует соблюдать и тем, кто находится снаружи; ни одна дверь или стекло не должны быть разбиты до тех пор, пока под рукой не окажутся средства для тушения пожара.

Инструкции по оказанию помощи лицам при побеге из горящих помещений.

1. Будьте осторожны и ознакомьтесь с наилучшими способами выхода из дома как наверху, так и внизу.
2. При первом же сигнале тревоги подумайте, прежде чем действовать. Если вы в это время находитесь в постели, завернитесь в одеяло или прикроватный коврик; не открывайте больше дверей или окон, чем это абсолютно необходимо, и закройте за собой все двери.

3. Над землей всегда находится от восьми до двенадцати дюймов чистого воздуха; поэтому, если вы не можете идти прямо сквозь дым, опуститесь на четвереньки и таким образом продвигайтесь вперед. Смоченный шелковый носовой платок, кусок фланели или шерстяной чулок, натянутый на лицо, позволяют дышать и в значительной степени предотвращают попадание дыма.

4. Если вы не можете подняться или спуститься, пройдите в переднюю комнату: если там есть семья, проследите, чтобы все они собрались здесь, и держите дверь как можно более закрытой, ибо помните, что дым всегда следует за сквозняком, а огонь всегда устремляется за дымом.

5. Ни в коем случае не выбрасывайтесь сами и не позволяйте другим выбрасываться из окна. Если под рукой нет помощи и вы находитесь в крайнем положении, свяжите простыни вместе и, привязав один конец к какому-нибудь тяжелому предмету мебели, спускайте женщин и детей по одному, обвязав конец веревки из простыней вокруг талии и спуская их через окно, которое находится над дверью, а не через то, которое находится над площадью. Вы легко можете подвести себя, когда спасены беспомощные.

6. Если на женщине загорится одежда, пусть она немедленно катается по земле; если рядом мужчина, пусть он бросит ее на землю и сделает то же самое, а затем завернет ее в плед, пальто или первую попавшуюся под руку шерстяную вещь.

7. Прохожие, как только они видят пожар, должны бежать к пожарной лестнице или в полицейский участок, если он находится ближе, где всегда есть “спасательный круг”.

Танцорам и тем, кто привык носить легкий муслин и другие легковоспламеняющиеся предметы одежды, когда они могут соприкоснуться с газом, не мешало бы помнить, что при замачивании их в растворе квасцов они не будут подвержены возгоранию. Если бы это правило соблюдалось в театрах, мы могли бы избежать любого возможного повторения такой катастрофы, которая произошла на Друри-Лейн в 1844 году, когда бедная Клара Вебстер так обгорела на глазах у зрителей, что умерла через несколько дней.

За двадцать один год существования Бригады пожарных вызывали без необходимости не менее 1695 раз, часто действительно злонамеренно; ибо есть несколько праздных людей, которые считают забавным посылать людей и машины за много миль отсюда, на воображаемые пожары. Однако в большинстве случаев эти ложные тревоги были вызваны чрезмерной тревогой людей, которые поспешили на станцию за помощью, обманутые огнями, которые, как им показалось, имели подозрительный характер. Сама природа время от времени подает ложную тревогу и своими капризами подвергает Бригаду бесконечным неприятностям. Не только люди на одной станции, но и почти половина всего персонала были заняты в ноябре 1835 года с 11 часов вечера до 6 часов утра следующего дня в погоне за *северным сиянием*. Несколько из дюжины машин, задействованных в том случае, добрались до Килберна и Хэмпстеда в поисках этих мимолетных огней, которые в точности имитировали обширные пожары. В следующем году красные лучи восходящего солнца приняли некоторых доверчивых членов Бригады и повели их на полном ходу по Коммерческим дорогам и дорогам Майл-Энда. Идя по этому ложному следу, они наткнулись на настоящий пожар, который, хотя и уступал по величию самому великому Солу, был гораздо более прибыльным, поскольку Бог Утра ничего не знает о вознаграждении первой, второй и третьей машин.

Самая замечательная и повсеместная ложная тревога, вызванная игрой северного сияния, произошла осенью того же года, когда весь северо-восточный горизонт, казалось, был охвачен яростным пожаром, от которого, казалось, поднимались огромные клубы дыма. На этот раз публика, равно как и пожарные, были обмануты: толпы людей хлынули из Вест-энда пешком и в экипажах, чтобы посмотреть на то, что они считали грандиозным эффектом “всепожирающей стихии”; заработали тринадцать паровозов, и создалось полное впечатление, что весь пригород столицы охвачен пламенем.

Сигналы тревоги из-за горящих дымовых труб вызывали отключение двигателей не менее 1982 раз за годы существования Бригады, или в среднем два раза в неделю. Будем надеяться, что по мере того, как мы приступаем к очистке атмосферы Парламентским актом, несчастные случаи подобного рода постепенно прекратятся. Теперь, когда мы плывем по реке, мы можем с удовлетворением наблюдать за множеством высоких столбов, которые, кажется, бездействуют в воздухе; огромные клубы дыма, которые раньше закрывали небо на южном берегу Темзы, больше не видны, и воздух становится заметно чище. Очевидно, что наши промышленники, если они не осознали, к какой экономии это привело бы, были вынуждены энергичным образом, с которым министр внутренних дел ввел в действие закон против этих чернокожих правонарушителей; и мы можем надеяться, что дымопоглощающая решетка доктора Арнотта или какая-либо ее модификация вскоре найдут свое применение в каждом доме, чтобы завершить работу.

ПОЛИЦИЯ И ВОРЫ.

Большинство мужчин, достигших того возраста, когда последние одну или две пуговицы жилета разрешается расстегивать после обеда, могут вспомнить время, когда безопасность жизни и имущества в мегаполисе зависела от усилий приходского сторожа, животного по образцу старого кучера наемного экипажа, облаченного в такое же серое пальто, в бесчисленные накидки, в такой же носовой платок или одеяло от Белчера, говорящего таким же хриплым голосом и такого же ворчливого, глупого и невежливого. Ночью — поскольку считалось, что не стоит выставлять часовых днем — власти снабдили его ящиком для часов, чтобы он мог с комфортом вздремнуть, и снабдили огромным фонарем, чтобы его лучи могли помочь вору вовремя убраться с дороги. Как будто этих средств для побега было недостаточно для полуночного мародера, сторож был снабжен посохом, которым он стучал по тротуару при ходьбе - звук, который он чередовал с выкрикиванием громким певучим голосом названия часа и состояния погоды, и который сообщал о его местонахождении, когда он сам был далеко вне поля зрения.

Вплоть до 1828 года, да и в течение десяти лет спустя, в городе эти люди были единственной ночной защитой первого мегаполиса в мире. В “Чарли”, как их фамильярно называли, всегда было очень мало драчливости; но хорошо известно, что они “сильно подмигивали”, когда этого требовали люди, которые могли позволить себе заплатить им за это. Неудивительно, что

преступления при такой полиции быстро процветали или что количество грабежей увеличилось до такой степени, что встревожило всех вдумчивых людей. Мистер Колкухун, мировой судья, чья работа о полиции, написанная в начале века, дала первые представления о реформах, которые были приняты с тех пор; оценивает, что годовая стоимость украденного имущества в то время, о котором он писал, составляла по меньшей мере 1 500 000 *фунтов стерлингов*; и о том, что зло набирало силу, можно судить по тому факту, что число получателей краденого увеличилось с начала века. 1780 и 1800, от 300 до 3000!

В дополнение к ночному дозору существовал другой класс лиц, которые, будучи более активными, были рассчитаны в еще большей степени на то, чтобы победить правосудие, но в совершенно противоположном направлении: мы имеем в виду тех людей, которые зарабатывали себе на хлеб кровью преступного населения. Правительство страны было главным образом виновато в грехах, совершенных этими отвратительными существами. Со времен Джонатана Уайлда ловцов воров побуждало к совершению преступлений то, что называлось парламентскими наградами, или суммами в сорок фунтов, выдаваемыми Министерством внутренних дел лицам, предоставляющим такую информацию, которая привела бы к осуждению преступников. Целью полицейских было добыть кровавые деньги, а не пресечь преступность; и это была их преднамеренная практика - допускать продолжение грабежей, которые они могли бы предотвратить, чтобы получить вознаграждение. Выражаясь их собственным языком, они привыкли "давать делу созреть" до тех пор, пока гонорар не будет обеспечен и работа для палача не будет закончена. Этих людей не следует путать с сыщиками с Боу-стрит или сыскной полицией, некоторые из которых были способными и, возможно, честными людьми; но в основном они занимались поимкой воров в частных заповедниках, где платили достаточно, и почти ничего не вносили в борьбу с преступностью в целом.

С классом сторожей, совершенно неспособных выполнять функции превентивной полиции, с классом осведомителей, побуждаемых неразумными законодательными актами к вовлечению людей в злодейство, и с диким кодексом, в который почти невозможно поверить, — еще в 1800 году насчитывалось 160 тяжких преступлений, а прорыв плотины напруд с рыбой или срубка яблони в саду были преступлениями, караемыми смертной казнью; неудивительно, что "смертельно опасная вечнозеленая", как называлась виселица на жаргонном языке того времени, приносила плоды круглый год. . Олд Таунсенд, офицер с Боу-стрит, который давал показания перед комитетом, заседавшим в 1816 году для расследования деятельности полиции метрополии, сказал: "Я помню, в 1783 году, когда сержант Эдер был протоколистом, на двух казнях было повешено сорок человек; сами несчастные люди теперь смеются над этим, они называют это безделицей". Среди наиболее серьезных преступлений были грабежи, совершенные верховыми разбойниками с большой дороги; и, чтобы дать представление об их частоте, мы снова процитируем яркое свидетельство Таунсенда: "Раньше разбойников с большой дороги было двое, трое или четверо — одни на Хаунслоу-Хит, другие на Уимблдон-Коммон, некоторые на Финчли-коммон, некоторые на Ромфорд-роуд. Я действительно пришел утром на Боу-стрит, и пока я склонился над письменным столом, вошли три или четыре человека и сказали: 'Меня ограбили двое разбойников с большой дороги в таком-то месте'; 'Меня ограбил один разбойник с большой дороги в таком-то месте'. Теперь люди безопасно путешествуют с помощью конного патруля, который был спланирован сэром Ричардом Фордом". Этот конный патруль, учрежденный в 1805 году, был первым нововведением в старой системе наблюдения; и оно имело такой замечательный успех, что через несколько лет разбойники с большой дороги были полностью изгнаны из столичных графств, а большие дороги в

окрестностях Лондона, которые когда-то были такими же небезопасными, как и в окрестностях Рима, стали такими же аккуратными, как Флит-стрит. Действительно, кажется странным, что, в то время как окраины метрополии были, таким образом, обеспечены новой силой, которая доказала свою полную способность избавиться от хулиганов, до 1829 года не предпринималось никаких средств для замены старых приходских констеблей, которые процветали со времен саксов и, по-видимому, были в полном расцвете в царствование Елизаветы, поскольку Догберри - законченный портрет расы. Не существовало никаких средств, с помощью которых можно было бы заставить сторожей разных приходов сотрудничать против их общего врага, вора. В городе они находились под руководством не менее тридцати различных властей. Были уличные сторожа, патрульные, приходские констебли и т. Д., Все действовавшие под началом отдельных начальников; и разделение было настолько полным, что констебль одного прихода не стал бы вмешиваться, чтобы предотвратить ограбление, происходящее на противоположной стороне улицы, если бы это было вне его компетенции.

Мистер Дж. Эллиот в своих показаниях, данных в 1838 году перед Комитетом по "Полицейским управлениям Метрополии", упоминает вопиющий пример полного паралича исполнительной власти, возникшего в результате этой абсурдной системы. "Два года назад, " сказал он, " у моего соседа взломали склад и унесли чая на сто фунтов; сторож в конце улицы видел, как от склада отъезжала тележка; но он сказал, что это не в его ведении, и поэтому он не вмешивался". Нежелание общественности избавиться от старых стражей порядка, безусловно, не было вызвано каким-либо незнанием их неэффективности; фактически, они долгое время были синонимом слабости и идиотизма. Поколотить Чарли было любимым занятием молодежи того времени. Решительная склонность к дремоте этих достойных функционеров была постоянной темой для остроумия. "Один мой друг, " сказал Эрскин, " страдал от постоянного бодрствования, и были применены различные методы, чтобы погрузить его в сон, но тщетно. Наконец его врачи прибегли к эксперименту, который увенчался полным успехом. Они одели его в куртку сторожа, дали ему в руку фонарь и поместили в будку часового, и через десять минут он уже спал". Можно было бы предположить, что подобные знаки довольно ясно указывали на то, что реформа была бы встречена с восторгом. Результат, однако, доказал, что злоупотреблять чем-либо и вносить в это поправки - совершенно разные вещи. Мистер Пил, который нащупывал путь к своему грандиозному эксперименту по созданию дневного патруля на Боу-стрит, добился в 1828 году назначения комитета Палаты общин для изучения целесообразности создания единообразной системы полиции в метрополии; и комитет, представивший в Палату представителей отчет в поддержку плана, был немедленно принят. Это благотворное изменение не было произведено без того, чтобы не вызвать глубокой сенсации. Этот лозунг "свобода субъекта", который на самом деле означал свободу негодяев грабить, был немедленно выставлен напоказ перед публикой; и мы несколько не сомневаемся, что в дискуссионных клубах таверн того времени ходили слухи, что с падением династии Чарли "солнце славы Англии зашло навсегда". И действительно, у англичан, ревниво охраняющих свою личную свободу, создание этой новой силы могло поначалу вызвать вполне обоснованную тревогу. Речь шла уже не о нескольких констеблях, а о постоянной армии численностью почти в шесть тысяч человек, вымуштрованных как солдаты, обученных действовать массово и полностью независимых от контроля со стороны сборщиков налогов. Сам факт назначения одним из комиссаров полковника Роуэна, который служил в этой квазивоенной силе - ирландской полиции, - подтверждал идею о том, что новая полиция должна была стать настоящей *жандармерией*. На то, что такова была популярная идея, ясно

указывали многочисленные отпечатки свирепого на вид “Овощечистки”, вооруженного поясом, набитым пистолетами, и грозным мечом.

Те, кто привык только к медленной поступи стража конституции, когда он вразвалку направлялся на свой пост, с удивлением наблюдая за отрядом сержантов, марширующим вдоль тротуара плотной шеренгой и соблюдающим быстрый военный шаг, верили, что столь мощная сила, сосредоточенная под началом одного человека, может быть использована в политических целях. Констебли никогда не появлялись на улицах без того, чтобы за ними не следовала толпа, улюлюкающая им вслед и обзывающая их отвратительными именами “Чистильщики”, “Сырые омары”, “Крушители”, “Бобби” и тому подобное. Наконец, в 1833 году между ними и the great unwashed в Колдбат Филдс произошло настоящее столкновение. Там было назначено собрание чартистов, от которого ожидались серьезные последствия. Были даны указания разогнать толпу, но во время исполнения своих обязанностей трое полицейских получили ножевые ранения, причем один из них смертельно. Можно было бы подумать, что сам факт появления вооруженной толпы с явной целью сопротивления установленной власти вызвал бы негодование более уважаемых классов граждан. Эффект был противоположным. Присяжные коронера вынесли вердикт о оправданном убийстве — довольно значительный признак отношения к новой силе класса, из которого были отобраны присяжные. Волнения были таковы, что была создана комиссия для расследования поведения полиции, и они были освобождены от обвинения в том, что действовали с большим насилием, чем это было необходимо. С того периода, за исключением расследования во время скандала с пивным биллом по обвинению в разгоне собрания в Гайд-парке с неоправданной жестокостью — обвинение, которое вообще не было обосновано, — их поведение было настолько образцовым, что полностью устранило первоначальную неприязнь. Опыт научил людей добродетели умеренности и терпения; и теперь на них смотрят как на конституционную силу просто потому, что мы к ним привыкли.

В настоящее время Столичная полиция состоит из— главного комиссара сэра Ричарда Мэйна; 2 помощников комиссара, капитана Лабалмондиера и капитана Харриса; 18 суперинтендантов, 133 инспекторов, 625 сержантов и 4954 констебля; в общей сложности 5734 человека всех званий. Механизм, с помощью которого этот сравнительно небольшой отряд имеет возможность наблюдать днем и ночью за каждым переулком, улицей и площадью этого огромного мегаполиса, более того, проверяет каждую доступную дверь и окно в его 400 000 домах, патрулирует 90 квадратных миль страны, осуществляет наблюдение за 8000 известными ворами, которые охотятся на его жителей, и держит в страхе 40 000 или 50 000 человек, составляющих “беспокойные классы” мегаполиса, не очень сложен. Столичный полицейский округ простирается от Чаринг-Кросс на 15 миль во всех направлениях и включает в себя весь Мидлсекс и большие части Суррея, Хартфордшира, Эссекса, Кента, Бакингемшира и Беркшира, в семи округах которых комиссарами являются мировые судьи, а полицией - приведенные к присяге констебли. Река Темза также находится под его юрисдикцией от Челси до Баркинг-Крик, включая все ее причалы, пристани, причальные площадки и судоремонтные заводы. Весь район имеет в окружности 90 миль и простирается на площадь в 700 квадратных миль, 100 из которых, образуя так называемую внутреннюю территорию, покрыты нашим великим Вавилонским домиком из кирпича и строительного раствора. Этот обширный участок земли разделен на 18 участков, за каждым из которых наблюдает отряд мужчин, различающийся по численности в зависимости от протяженности территории, открытого характера собственности или плотности населения: —

<i>Буквы подразделений.</i>	<i>Местные названия подразделений.</i>	<i>Сила каждого Подразделения.</i>
A	Уайтхолл	380
B	Вестминстер	324
C	Сент-Джеймс	265
D	Сент-Мэри-ле- бон	371
E	Холборн	175
F	Ковент-Гарден	165
G	Финсбери	317
H	Уайтчепел	233
K	Степни	482
L	Ламбет	208
M	Саутуорк	350
N	Ислингтон	513
П.	Камберуэлл	408
Р.	Гринвич	454
С	Хэмпстед	410
Т	Кенсингтон	288
В	Уондсворте	381
Полиция Темзы		103

Таким образом, станет ясно, что полицейский Икс, который так часто фигурирует на страницах “Панча”, - это миф нашего остроумного современника.

Каждое подразделение разделено на подразделения, подразделения - на секции и, в последнюю очередь, секции - на ритмы. Из основных подразделений А, хотя и одно из самых маленьких по площади, безусловно, является самым важным; это резиденция центрального органа власти, расположенного в Скотленд-Ярде. Его полиция - гораздо более прекрасные люди (в среднем выше охранников), и их обязанности более ответственны, чем у любого другого подразделения. Они посещают Монарха, парламент, театры, парки и все другие общественные места, такие как скачки в Эпсومه и Аскоте, выставки цветов, Хрустальный дворец и т. Д. Подразделение "А", по сути, является для всей столичной полиции тем же, чем гвардия для армии. Чтобы иметь возможность выполнять эти дополнительные обязанности, у него есть резервные силы численностью 250 человек, которые в обычных случаях отбираются ротами по пятьдесят человек в дивизии В, С, D, G и М. К этим резервным силам он прибегает при необходимости.

Другие подразделения в значительной степени схожи по характеру своих обязанностей, которые заключаются просто в наблюдении. Определенные изменения, однако, проистекают

из характера их районов; так, констебль, дежурящий в Уайтчепеле, если его внезапно переведут в Вестминстер или Мэри-ле-бон, окажется в значительной степени виноватым, поскольку знакомство с драками в судах, спорами с бродягами и грубой речью дешевых пансионеров не является хорошей школой для получения удобств, необходимых более светскому населению. Во всех подразделениях поддерживается абсолютно одинаковая организация и выполняется одинаковый объем тяжелой работы. Две трети всего личного состава находятся на дежурстве с девяти или десяти вечера до пяти или шести утра. Не так давно ночная полиция была обречена патрулировать улицы в течение девяти часов, не присаживаясь и даже не опираясь своими усталыми конечностями ни на какую опору. Этот тяжелый труд был признан несовместимым с поддержанием должной бдительности к концу вахты; таким образом, в настоящее время мужчины находятся на дежурстве всего восемь часов. Дневная работа разделена на послабления и длится с шести утра до девяти вечера. Несмотря на ее большую суровость, есть люди, которые предпочитают спокойную беспрепятственную прогулку ночью, во время которой они выполняют свою работу, как машины, более шумному и захватывающему дневному патрулированию. Сержанты или инспекторы совершают обход округов, чтобы убедиться, что констебли должным образом выполняют свои обязанности.

Если дверь или окно обнаружены в ненадежном состоянии, об их ненадежности немедленно сообщается заключенным; и если констеблю не удастся обнаружить это обстоятельство во время своего обхода, и впоследствии это замечает его сержант или следующий констебль, на него сообщают и штрафуют за его небрежность. За продолжительную невнимательность наказывают увольнением. Правонарушения любого рода сурово караются, как явствует из того факта, что в период с 1850 по 1856 год 1276 полицейских были уволены из полиции. Из них шестьдесят восемь были привлечены к уголовной ответственности. Таким образом, мужчины продолжают выполнять свою работу, и сговор с ворами становится чрезвычайно затруднительным. Каждое утро главному комиссару Скотленд-Ярда пересылается отчет о “Происшествиях”, содержащий полные сведения обо всех заслуживающих внимания событиях, имевших место ночью по всей столице, и в том же центральном учреждении хранится отчет обо всем утерянном или украденном имуществе, от золотой булавы до сундука с пластинами.

В случае, если происходит какое-либо событие необычайной важности, будь то убийство или крупное ограбление, информация передается констеблем, который первым узнает об этом, на центральный пост своего подразделения; оттуда новости передаются полицейскими, имеющими при себе так называемые маршрутные листы, или документы с подробными сведениями о преступлении, на обороте которых отмечен час, в который они были получены в разных подразделениях, через которые они проходили. Таким образом, информация может быть распространена за два часа на все станции, за исключением тех, которые принадлежат внешним или пригородным районам. В этих отчетах указаны имена констеблей, находившихся на участках, где произошло преступление, сержантов, возглавлявших отделения, и имена констеблей, в чьи обязанности входило отслеживать преступников, насколько это возможно. Однако мы понимаем, что электрический телеграф сейчас протягивает свои нервные нити ко всем дивизионным станциям в метрополии, и, когда новый агент будет задействован, связь будет почти мгновенной. Таким образом, в случае ограбления каждый констебль будет незамедлительно ознакомлен с подробностями, и полицейская сеть будет разом раскинута по всему мегаполису. Воры больше не смогут уйти безнаказанными со своей награвленной, пока не поднимется шумиха вокруг собственности. Если бы телеграф существовал, по всей вероятности, сундук с доспехами Ее Величества был бы перехвачен до того, как он добрался до

поля, где его разграбили в Шордиче. В случае массовых беспорядков телеграф сможет за пару часов сосредоточить 5000 человек в любом месте в радиусе пяти миль от Чаринг-Кросс.

На окраинах мегаполиса, во внешних или пригородных районах, широко разбросанные констебли в основном выполняют обязанности сельской полиции. Большие расстояния, которые им приходится преодолевать, требуют использования лошадей; здесь, соответственно, мы находим конную полицию, преемников старого конного патруля, созданного в 1805 году. Численность этого отряда, включая солдат и офицеров, составляет всего 120 человек; они снабжены мощными клячами и вооружены саблями и пистолетами. Действительно, пешим полицейским, места дислокации которых находятся в малолюдных сельских округах, разрешено иметь при себе табельное оружие - мера предосторожности, которая несколько лет назад оказалась отнюдь не лишней в судьбе полицейского, зверски убитого на поле в Дагенхеме, в Эссексе.

В центре столичного полицейского округа находится городская полиция, находящаяся под управлением корпорации. Площадь этого своеобразного, если воспользоваться церковным термином, района составляет всего одну квадратную милю с четвертью; но, поскольку он является самым деловым центром, это, безусловно, самая богатая часть Лондона, поскольку, хотя в нем проживает лишь одна двадцатая часть его жителей, ему принадлежит четырнадцатая часть его богатства. Это небольшое пространство, по сути, является великим сердцем не только мегаполиса, но и коммерческого мира. На его главных магистралях в течение нескольких часов наблюдается более интенсивный поток транспорта, чем на любых других улицах мира. В 1850 году было установлено, что не менее 67 510 пеших пассажиров и 13 796 транспортных средств, вмещавших не менее 52 092 человек, проехали мимо церкви Боу в Чипсайте за один день. По другому каналу связи, Олдгейту, недалеко от Минори, за то же время проехали 58 430 пеших пассажиров и 9 332 транспортных средства, в которых находилось 20 804 человека; и, по оценкам, в общей сложности на этой площади в одну квадратную милю с четвертью за двенадцать часов скопилось не менее 400 000 человек. Собрание в таком ограниченном пространстве такого огромного количества людей, многие из которых вынуждены носить с собой значительные суммы денег, должно быть большим источником привлечения воров всех мастей и требует постоянной бдительности сравнительно большого отряда полиции. Однако только через десять лет после успешного эксперимента столичной полиции лондонскую корпорацию, верную своей старой системе надзирателей, дворников и слабоумных констеблей, удалось заставить принять новую систему; но следует признать, что нынешние силы, состоящие из 1 суперинтенданта, 13 инспекторов, 12 участковых сержантов, 47 сержантов и 492 полицейских, что составляет в общей сложности 565 человек, хорошо выполняют свои обязанности; и Город, со всеми его накопленными богатствами, теперь в такой же безопасности, как и остальная часть метрополии. У всех банков постоянно дежурят люди в штатском, чтобы не подпускать к ним толпу щеголей, которые жужжат вокруг таких мест, как осы вокруг персиковой ограды; а на крупных магистралях, таких как Чипсайд, всегда можно встретить шесть-семь полицейских.

Особенностями Города, из-за которых происходят характерные для него ограбления, являются количество его необитаемых складов, идеальный лабиринт переулков, пересекающих его улицы во всех направлениях, и огромное количество повозок и фургонов, всегда стоящих у дверей склада, полных ценных товаров. С величайшими предосторожностями маркируются крепления наскладских дверей, чтобы выдать любую попытку взлома; и эти устройства, как

правило, срабатывают успешно. Заграждение полос движения всегда будет создавать проблемы для полиции и обеспечивать безопасность карманникам. Не так много лет назад банковский служащий подвергся нападению в полдень в одном из таких переходов в самом центре города, но, к счастью, он сохранил свой кейс, в котором хранилось самое ценное имущество, и теперь вошло в обычай приковывать эти кейсы с векселями к человеку, точно так же, как в старину приковывали книги цепями к библиотечным полкам. У банковских клерков также принято отрывать уголки у всех банкнот Банка Англии, чтобы сделать их не подлежащими обсуждению, за исключением лиц, которые могут изготовить соответствующую монету, — изобретение, которое, без сомнения, положило конец дерзким нападениям на этих разносчиков денег в середине дня. Наиболее распространенными грабежами являются кражи из транспортных средств, загружающих и выгружающих ценный шелк и другие товары у дверей склада. Для охраны таких товаров маленькая собака - лучший полицейский, и в Городе редко можно увидеть повозки без одного из этих проворных охранников. Старое ограничение, которое не позволяло столичной полиции входить в Город, а городским силам - в столичные районы, теперь отменено. Тем не менее, тот факт, что они находятся под отдельной юрисдикцией, препятствует тому единству действий, которое должно преобладать. Не так давно городской полицейский, патрулировавший одну из улиц, которая простиралась до столичного департамента, был проинформирован прохожим о том, что они убивают констебля в начале улицы, на что полицейский ответил, что это не входит в его обязанности и он не может вмешиваться! Когда в следующий раз Сивилла представит свои листки городской корпорации, по всей вероятности, ни на одном из них не будет написано о нынешней изолированной системе полиции.

Скотленд-Ярд, как мы уже говорили, - это головной мозг, или центральный ганглий, который управляет системой столичной полиции. Здесь ежедневно заседают уполномоченные и готовы принимать жалобы или другие сообщения общественности. Его комнаты полны клерков, но все в полицейской форме; в одном кабинете можно увидеть констеблей, орудующих пером вместо дубинки, готовящих ежедневные отчеты; в другом они читают утренние и сельские газеты, чтобы узнать, какие дела могут потребовать их присутствия, и какие вору объявились в полицейских судах; в третьей комнате инспектор зачитывает клеркам из разных подразделений любые подробности, которые, возможно, было бы целесообразно сообщить всему подразделению; в четвертой мы видим секретную комнату сыскной полиции — тех человеческих кротов, которые работают без посторонней помощи, забрасывая землю, чтобы их курс не был обнаружен. В офисе отдельно от остальных работают иностранные детективы, которые следят за *mauvais sujets* из-за границы. Все иностранное население, проживающее в метрополии, хорошо известно полиции, и никакие заговоры против союзных правительств не могли быть спланированы в Лондоне без их ведома. За все вещи, утерянные в общественном транспорте, здесь отвечают. В “Бюро находок” хранятся груды зонтиков и тростей, а также любопытное собрание украшений и верхней одежды, привезенных честными таксистами. В одном случае была получена посылка с наличными деньгами на сумму 1600л. был сдан на хранение; а на другом - банкнота в тысячу фунтов стерлингов. Ценное имущество всегда востребовано немедленно; но трости, зонтики и зонтичницы накапливаются таким образом, что доказывают, что их потеря произошла из-за беспечности их владельцев, а не из-за распушенной морали других. Офисы инспекторов опасных сооружений и по лицензированию общих гостиниц, а также водителей и кондукторов общественного транспорта, все эти отделы находятся в ведении полиции, под рукой.

На тренировочном полигоне вооруженных сил - открытом пространстве, окруженном складом рядом с Государственной газетной конторой, — обычно проходят обучение от тридцати до сорока человек, чтобы заполнить пробелы, вызванные увольнениями и т.д. По случаю нашего визита двор был занят двумя телами — сырьем в виде примерно двадцати человек, одетых во всевозможные костюмы; и другой партией готовой продукции, застегнутой на все пуговицы синего цвета и сверкающей позолоченными пуговицами. Достаточно было только пробежаться взглядом по “людской массе”, если можно так назвать новобранцев, выстроившихся перед нами, чтобы увидеть, из скольких слоев общества усилена полицейская бригада; рабочие халаты, охотничьи мундиры, сюртуки, фраки, некоторые потрепанные и поношенные, некоторые все еще хорошие и свежие, обозначали жизненное положение их владельцев и потребности, до которых некоторые из них были доведены. Молодые люди, окрыленные надеждой, приезжают из провинции попытать счастья, после непродолжительной борьбы оказываются на мели и соглашаются на эту самую легкодоступную респектабельную службу.

Поскольку каждый полицейский должен уметь читать и писать, обладать хорошим характером и быть в здравом уме, простое переполнение рынка труда исключается для полиции; более того, люди всегда могут уволиться со службы, уведомив об этом за месяц. По этим причинам в полицию набирают гораздо более интеллигентный класс людей, чем в армию, и удивительно отметить, как об этом говорит этот интеллект. Подготовка констеблей и солдат почти одинакова, однако первые заучивают все свои движения за две недели, в то время как вторым требуется не менее двух месяцев. Однако сведения определенного рода могут заходить слишком далеко; из вашего сообразительного лондонца получается очень плохой полицейский; он слишком непостоянен и тщеславен, чтобы подчиняться дисциплине, и его чаще отвергают, чем людей из других частей, из которых набирается восемь десятых полиции. Лучшие констебли приезжают из провинциальных городов. Они и быстрее, и “отважнее” простого земляка, только что приехавшего из деревни, — уникальный факт, доказывающий, что мужественную силу, как физическую, так и умственную, можно обнаружить в популяциях, не слишком агрегированных и не полностью изолированных.

Полицейские, безупречные в своей материальной подготовке, затем проходят психологическую. Выстроившись в шеренгу, сержант или инспектор расспрашивает их об их обязанностях. “Предположим, вы видите дерущихся двух мужчин, что бы вы сделали?” или “Если бы вы обнаружили горящий дом, как бы вы поступили?” Иногда констебль, к которому обращаются, отвечает на вопрос, но в более общем случае за него это делает его следователь. Натренированный и обученный катехизации на полную катушку, он меняет свою штатскую одежду на униформу и выходит в полном расцвете сил полицейского. Но он все еще неопит, и прежде чем ему доверят избивать, он посещает полицейский суд, чтобы понаблюдать за тем, как обученные констебли ведут себя на свидетельском месте. Научившись давать показания ясно и кратко, выслушивать нелепые сцены без улыбки и сносить сквернословие с невозмутимым терпением, его отправляют в подразделение, в котором он решил служить (полицейскому всегда, по возможности, предоставляется эта привилегия), и с браслетом на запястье, посохом в одном кармане и погремушкой в другом, он патрулирует свой участок.

Ему даны два особых предписания — никогда не показывать свой посох, кроме как для самозащиты, и никогда не пользоваться погремушкой ночью, кроме как в случае крайней необходимости. Забота о том, чтобы спрятать его боевое оружие, является одним из лучших моментов в работе нашей полиции. Офицеры, посланные сюда для сбора информации до

введения английской полицейской системы в Париже, были поражены такой снисходительностью: французы не могли понять, зачем человеку носить смертоносное оружие, если только не для демонстрации его использования! В этом маленьком инциденте мы видим существенную разницу между французским и английским характером. Ожидается, что через шесть месяцев молодой человек проявит себя надежным офицером; что необузданный молодой человек, который, возможно, всего несколько месяцев назад не знал никаких ограничений, должен превратиться в машину,двигающуюся, думающую и говорящую только так, как предписывает его инструкция; и настолько удивительны силы организации, что таким офицером он обычно становится. Мы все знаем его, потому что видим изо дня в день, прогуливаясь по улицам. Чопорный, спокойный и неумолимый, он, кажется, не проявляет интереса ни к чему смертному; у него нет ни надежд, ни страхов. Среди суеты Пикадилли или шума Оксфорд-стрит шагает Р. С. Х 59, скорее учреждение, чем человек. Кажется, мы имеем не больше представления о его личности, чем могли бы иметь о его пальто, застегнутом до предела. Зайдите, однако, в секционный дом, заведение, обычно прикрепленное к главному посту каждого подразделения, в котором размещаются неженатые полицейские, и, войдя в общий зал или читальный зал, вы увидите уже не полицейских, а мужчин; они сбросили свои тесные куртки, как некоторые другие невареные омары через определенные промежутки времени сбрасывают панцири. Они просто смеются друг над другом! Кто-то пишет, кто-то читает утренние газеты, группа людей ухмыляется карикатуре на Р. С. Х 202 в "Панче"; некоторые погружены в ужасы романа, растянувшись во весь рост на скамейке, подтянув к себе мастерки; все чувствуют себя непринужденно, рационально развлекаясь. В общей комнате каждой секции есть библиотека.^[47] Это на Кинг-стрит, Вестминстер, содержит 1200 томов, хорошо подобранную смесь тем, серьезных и веселых. Некоторые тома действительно удивили нас, поскольку, по-видимому, свидетельствовали об эрудированном вкусе, которым мы не придавали значения полицейским констеблям. Мы приводим некоторые из их названий по мере того, как они попали в поле нашего зрения:—

Святая жизнь Тейлора.

Анналы английской Библии.

Эссе Маколея.

Европа Элисон.

Работы Пейли.

Произведения Байрона.

Романы Уэверли.

Военно-морская история Джеймса.

Современные египтяне Лейна.

"Жизнь Мухаммеда" Мохуна Лала.

Журнал Тома Крингла.

Дневник епископа Хиберы.

Работы Вашингтона Ирвинга.

Колониальная и домашняя библиотека.

Что вы думаете об этом списке, уважаемый читатель? Полицейские читают Пейли! Можем ли мы удивляться, что они такие ярко-синие? Но мы не должны искажать представление о силе. Если пролистать такие тома, как эти, достаточно, чтобы показать, что какой-нибудь шотландский сержант питает пристрастие к богословскому чтению и “фи-ло-со-фи”, то преобладающий запрос направлен на хорошую английскую литературу; и, хотя “Странствующий еврей” и “Тайны Парижа” есть в библиотеке, нам говорят, что мужчины не любят и, по-видимому, не понимают французских романов. Библиотека открыта только по четвергам, и то лишь на два часа. Для этого есть философская причина. “То, что мы всегда можем увидеть, - сказал суперинтендант, любезно показавший нам этот Участок, - мы никогда не видим: только незнакомцы знают все достопримечательности мегаполиса”. По тому же принципу выпуск книг ограничен указанным нами способом, и нам говорят, что план соответствует требованиям превосходно. В общежитиях на Кинг-стрит разместилось около девяноста человек, большая часть из которых, отработав ночное дежурство, крепко спала в погожий погожий полдень. Мужчинам требуется полных три месяца, чтобы приобрести привычку спать днем; но, однажды приобретя, они никогда не теряют ее впоследствии, хотя через определенные промежутки времени снова возвращаются к дневному дежурству. Они сами готовят себе завтраки и ужины, но за ужином они вместе возятся. Они по очереди готовят блюда в течение недели; и созданное таким образом соревнование доказывает преимущество каши, поскольку мы слышали, что ранний горошек и другие сезонные деликатесы попадают на стол полицейских.^[48] Было бы огромным благом для бенедиктов полиции, если бы для них также можно было найти жилье в секционных домах. В наши дни образцовых пансионеров едва ли следует допускать существование такой несправедливости по отношению к семейным мужчинам.

Одной из самых веских причин, которыми руководствовался мистер Пил, предлагая создать новую полицию в 1829 году, была целесообразность создания сил, достаточно мощных, чтобы справляться с толпами и подавлять те зарождающиеся беспорядки, которые, если с ними слишком грубо обращаться со стороны военных, способны вызвать стойкое чувство раздражения в общественном сознании. Резня при “Петерлоо”, как ее вульгарно называли, без сомнения, доказала рефлексивному уму Пила, что с гражданскими беспорядками больше нельзя бороться острием меча и что сокрушительный удар дубинки гораздо более подходит английскому черепу, чем сабля йомена или пуля “соджера”. Эта точка зрения, несомненно, была правильной. Новая полиция, правда, вступала в контакт с возбужденной толпой не более трех раз: во время дела на Колдбат-Филдс в 1833 году, собрания чартистов в 1848 году и стычки в парке в июле 1855 года. В каждом из этих случаев толпу немедленно разгоняли, и какое бы раздражение ни существовало в то время, оно быстро угасало. Кажется, нет никаких опасений, что лондонская толпа когда-либо проявит себя серьезно перед лицом нашего нынешнего корпуса полицейских. Повторение беспорядков при лорде Джордже Гордоне было бы невозможно. Те, кто содрогается при мысли о вспышке в мегаполисе, насчитывающем два с половиной миллиона человек и по меньшей мере пятьдесят тысяч представителей “опасных классов”, забывают, что столица настолько обширна, что различные ее районы совершенно неизвестны друг другу. Толпа в Лондоне совершенно лишена сплоченности, и у отдельных

людей, составляющих ее, очень мало общих чувств, мыслей или занятий. Они немедленно расступились бы перед решительной атакой группы хорошо обученных людей, которые знают друг друга и доверяют им. Более того, истинный лондонец - не боец; он будет остроумно "болтать языком" и "мяукать", но до драки не дойдет. Те, у кого есть хоть какой-то опыт общения с *гейминами* больших городов Англии, должны были заметить огромную разницу между отсутствием драчливости у мальчика, выросшего на кокни, и любовью к кулачным боям среди молодежи Бристоля, Бирмингема или Манчестера, которые являются рассадниками профессиональных бойцов. Большой город обострил ум лондонца, но ослабил его мускулы и лишил мужества, и он превратился в пигмея в руках энергичных провинциалов. Средние классы составляют исключение, и мы не сомневаемся, что тот же дух, который маршировал с обученными оркестрами от Лондона до Глостера во время гражданской войны, все еще можно найти среди них.

Мы считаем, что единственный квартал, в котором могли бы произойти какие-либо серьезные беспорядки, - это восточнее, по соседству с доками, где в реке или на берегу находится по меньшей мере двенадцать тысяч матросов, готовых к веселью, бесстрашных и сильных, действующих с несомненным *боевым духом*. Они, если их объединить с семьей или восемью тысячами докеров и лихтеров, несомненно, создадут силу, с которой будет трудно справиться. Для таких чрезвычайных ситуаций полиция снабжена табельным оружием, но мы опасаемся, что они недостаточно хорошо обучены им пользоваться, и потребуется по меньшей мере четырнадцать дней, чтобы усовершенствовать его. Однако, если при каких-либо гражданских беспорядках дело дойдет до холодного оружия, мы думаем, что солдаты окажутся гораздо более эффективными, и их вмешательство будет менее раздражающим, чем вмешательство полиции, вооруженной смертоносным оружием. Предотвращение - это истинная обязанность гражданских сил. Один из простейших методов разогнать толпу, чтобы у нее не было единства действий, состоит в маршировании отрядов констеблей двойными рядами, скажем, по пятьдесят человек в каждом; эти отряды, двигаясь на расстоянии нескольких ярдов друг от друга, быстро раскалывают своим весом самую плотную толпу надвое. Когда такое разделение произведено, отдается приказ повернуться лицом направо и налево и маршировать; таким образом, масса разделяется на дюжину беспомощных частей. Если удастся привести в действие конную полицию, то обычно они маршируют во всех направлениях сквозь толпу. Те, кто был в Гайд-парке вечером великого воскресного собрания в июле 1855 года, были свидетелями того, как эффективно был выполнен этот необычный маневр по приказу капитана Лабальмондьера. Всадники, вращаясь среди огромной толпы, полностью дезорганизовали массу и сделали ее беспомощной для общего движения, и это без каких-либо препирательств; ибо какой смысл мог быть в споре с лошадиными пятками? Удар полицейского жезлом в грудь, сопровождаемый беспелляционным приказом отойти, вероятно, "разозлил" бы лучших из нас; но что можно сказать против толчка лошадиного бока или удара тяжелого копыта? Все рады как можно быстрее убраться с дороги, и таким образом вся компания расходится как бы по собственному желанию.

Давайте теперь вернемся к Сыскной полиции. Когда в 1829 году были созданы столичные полицейские силы, старые офицеры с Боу-стрит, не желая работать в новой системе, ушли из общественной жизни и открыли частную практику по розыску правонарушителей, чем некоторые из них занимаются по сей день. В течение пятнадцати лет в полиции не было штатных детективов, связанных с полицией; но неудобство отсутствия столь необходимого звена в полицейском механизме побудило сэра Джеймса Грэхема, который, возможно, имел

склонность к этой отрасли профессии, возродить братство. Силы состоят из трех инспекторов, девяти сержантов и отряда полиции, называемых “людьми в штатском”, к услугам которых можно прибегнуть в любой момент. В каждом подразделении насчитывается около шести полицейских, которые при необходимости берут на себя обязанности детективов, что дает в общей сложности 108 вспомогательных сотрудников, на которых инспекторы и сержанты могут положиться в выполнении своих приказов молча и тактично. На всех больших собраниях эти люди распределяются по толпе, одетые в соответствии с характером собрания. Так, на сельскохозяйственном собрании надевают рабочие халаты или одежду мелкого фермера; на смотре - одежду порядочного механика в его лучшем воскресном костюме. В этом отношении они следуют принципу Природы, которая защищает своих созданий от постороннего наблюдения, наделяя их шерстью цвета, несколько похожего на цвет почвы, в которой они обитают, — у песца мех белый, как окружающий снег, а у зайца шерсть, едва отличимая от коричневого вереска, из которого он состоит. Общим правилом является размещение этих людей в штатском как можно ближе к полицейским из их собственного подразделения, чтобы им можно было помочь в захвате заключенных.

Человек в высшей степени охотничье животное, но нет добычи, за которой он следовал бы с таким рвением и упорством, как за своими собратьями. Некоторые полицейские, как только они поступают в полицию, проявляют вкус настолько сильно, что их сразу же выделяют для этой особой службы. Другие, напротив, годами не раскрывают ни одного преступления. Из 6000 человек, составляющих полицию, открывается великолепное поле для отбора хороших людей; и Боу-стрит, какой бы великой ни была ее слава, не выпускала более толковых детективов, чем те, которыми мы располагаем сейчас. Полицейские, хотя они и не дружат с каждым вором, как в прошлом столетии, по-прежнему считают необходимым поддерживать личные знакомства с криминальным сообществом, особенно с той его частью, члены которой им могут в тот или иной момент “понадобиться”. Детективы, как и воры, как правило, известны каким-то определенным видом бизнеса. Один хорош во взломах домов, другой знает, как проследить за бандитами, а третий отлично разбирается в фальсификациях. Ограничиваясь отдельными отраслями искусства, они приобретают, так сказать, особое отношение к работе; и замечательно, насколько облегчаются их хлопоты благодаря разделению труда. Детектив находится в совершенно ином положении, чем обычный полицейский; его работа, какой бы долгой и кропотливой она ни была, должна, чтобы добиться успеха, никогда не увидеть свет. Хотя он, возможно, годами следил за расследованием, все, что общественность знает о нем, суммируется в четырех словах, использованных констеблем, который излагает обвинение в полицейском суде — “исходя из полученной мной информации” и т. Д. Детектив закладывает фундамент, который, исходя из изменчивой почвы, с которой ему приходится иметь дело, часто оказывается гораздо более обширным, чем надстройка. Его долг - преследовать преступника во всех его хитросплетениях до тех пор, пока дело против него не станет ясным; а затем бесстрашно вытащить его из укрытия, как хорек кролика, и передать обычному констеблю для предания суду.

Большая часть информации, с помощью которой выявляются виновные в преступлениях, исходит от их собственного тела: так, двое воров ссорятся, и один, движимый местью и надеждой на вознаграждение, бросается на своего сообщника; или какая-нибудь брошенная женщина, ревнуя к другому, сообщает информацию, которая приводит к задержанию ее любовника. Мсть, совершаемая членами братства “приятелю”, предательство которого было раскрыто, часто является таким сигналом, что при общении с полицией соблюдается крайняя

осторожность, чтобы не возбудить подозрений. Констебль, целью которого является поощрение этих разоблачений, никогда не должен из-за своей неумелости давать никаких намеков на источник, из которого он получает информацию; более того, он считает необходимым иногда тщательно следовать ложному следу, чтобы отвлечь внимание от предателя.

Между детективом и вором нет вражды: при встрече они как—то странно подмигивают друг другу, узнавая друг друга - вор улыбается, как бы говоря: “Ты же знаешь, я в полной безопасности”, а детектив отвечает взглядом, который можно истолковать так: “Со временем мы познакомимся получше”. Короче говоря, они оба чувствуют, что используют свой ум, чтобы зарабатывать себе на жизнь, и между ними существует своего рода молчаливое понимание того, что каждый имеет право играть в свою игру так хорошо, как только может.

Преследуя преступника, полицейские часто натываются на другие преступления, о которых они не знали, и на какое-то время сбиваются со следа, подобно тому, как свора гончих сбивается со следа из-за зайца, который пересекает их путь. В таких случаях единственный способ - попытаться вернуться назад, пока не будет найден первоначальный след. Таким образом, нет ничего необычного в том, чтобы наткнуться на регулярную сеть мошенников и обнаружить местонахождение сторон, которые уже давно “находятся в розыске”. Самого тривиального намека будет достаточно, чтобы направить детектива по верному следу: ибо, подобно людям, привыкшим работать в темноте, вещи, которые для других людей невидимы, для них кажутся ясными, как полдень. Склонность соседей к сплетням особенно полезна им для выведывания секретов. Чтобы получить хоть одно звено в цепи фактов, они часто месяцами слоняются по дому, допрашивая парня-газетчика, подстерегая служанку, когда она идет за пивом на ужин, и вытягивают из нее все, что он хочет знать, с такой же легкостью, с какой слесарь взламывает замок, и с такой же неосознанностью со стороны человека, которого оперируют.

Мистер Диккенс опубликовал несколько превосходных статей в первых номерах “Домашних слов”, которые превосходно иллюстрируют привычки этих офицеров. Из них мы выбираем следующую историю не потому, что она самая драматичная, а потому, что она показывает огромное количество уловок, с помощью которых детективы добиваются своих целей: —

“Талли-хо Томпсон, ’ говорит сержант Уитчем, едва смочив губы стаканом бренди с водой. - Талли-хо Томпсон был известным конокрадом, мошенником и магсманом. Томпсон вместе с приятелем, который иногда работал с ним, выманил у соотечественника кругленькую сумму денег под предлогом получения для него места — обычного старого доджа, — а затем в “Шумихе” потребовал лошадь — лошадь, которую он украл в Хартфордшире. Мне нужно было присматривать за Томпсоном, и я, конечно, в первую очередь приложил все усилия, чтобы выяснить, где он находится. Теперь жена Томпсона жила вместе с маленькой дочерью в Челси. Зная, что Томпсон находится где-то за городом, я наблюдал за домом — особенно в утреннее почтовое время, — думая, что Томпсон, скорее всего, напишет ей. И действительно, однажды утром приходит почтальон и доставляет письмо к двери миссис Томпсон. Маленькая девочка открывает дверь и заносит его внутрь. Мы не всегда уверены в почтальонах, хотя сотрудники почтовых отделений всегда очень услужливы. Почтальон может помочь нам, а может и нет, как получится. Однако я перехожу дорогу и говорю почтальону, после того как он оставил письмо: “Доброе утро! как у тебя дела?” “Как *ты* себя чувствуешь?” - спрашивает он. “Вы только что доставили письмо для миссис Томпсон. “Да, видел”. “Возможно, вы случайно не обратили

внимания, что это за почтовый штампель? “Нет, ” говорит он, “ я этого не делал”. “Ну же, ” говорю я, “ я буду с вами откровенен. У меня небольшой бизнес, и я отдал должное Томпсону, и я не могу позволить себе потерять то, что он мне должен. Я знаю, что у него есть деньги, и я знаю, что он в деревне, и если бы вы могли сказать мне, что это за почтовая марка, я был бы вам очень признателен, и вы оказали бы услугу торговцу в небольшом бизнесе, который не может позволить себе убытков. “Что ж, ” сказал он, - уверяю вас, я не заметил, какой был почтовый штампель; все, что я знаю, это то, что в письме были деньги — я бы сказал, совершен”. Для меня этого было достаточно, потому что, конечно, я знал, что Томпсон, отправив своей жене деньги, вполне вероятно, что она напишет Томпсону обратной почтой, чтобы подтвердить получение. Поэтому я сказал “Спасибо” почтальону и продолжал наблюдать. Во второй половине дня я увидел, как вышла маленькая девочка. Конечно, я последовал за ней. Она зашла в канцелярский магазин, и мне нет нужды говорить вам, что я заглянул в витрину. Она купила писчей бумаги, конверты и ручку. Я думаю про себя: “Хватит!” - и снова провожаю ее до дома и, можете быть уверены, никуда не уезжаю, зная, что миссис Томпсон писала свое письмо “Тэллехо” и что письмо скоро будет отправлено. Примерно через час маленькая девочка снова вышла с письмом в руке. Я подошел и что-то сказал девочке, что бы это ни было; но я не мог разглядеть направление письма, потому что она держала его печатью вверх. Однако я заметил, что на обратной стороне письма было то, что мы называем поцелуем — капля воска сбоку от печати, — и опять же, вы понимаете, для меня этого было достаточно. Я видел, как она отправила письмо, подождал, пока она уйдет, затем зашел в лавку и попросил о встрече с хозяином. Когда он вышел, я сказал ему: “Итак, я офицер Детективной службы;здесь только что было отправлено письмо с поцелуем для человека, которого я ищу; и о чем я должен просить вас, так это о том, чтобы вы позволили мне взглянуть на направление этого письма”. Он был очень вежлив — достал кучу писем из ящика на витрине, вытряхнул их на прилавок лицевой стороной вниз — и среди них было точно такое же письмо с поцелуем. На нем было написано: “Мистеру Томасу Пиджину, почтовое отделение, Б..., оставаться до вызова”. В ту ночь я отправился в Б... (сто двадцать миль или около того). Рано утром следующего дня я отправился на почту; встретился с джентльменом, заведующим этим отделом; сказал ему, кто я такой; и что моя цель - увидеть и выследить группу, которая должна прибыть за письмом для мистера Томаса Пиджина. Он был очень вежлив и сказал: “Вам будет оказана любая помощь, которую мы сможем вам оказать; вы можете подождать в офисе; и мы позаботимся о том, чтобы дать вам знать, когда кто-нибудь придет за письмом”. Ну, я прождал там три дня и начал думать, что никто никогда не придет. Наконец клерк прошептал мне: “Вот! Детектив! Кто-то пришел за письмом! “Задержите его на минуту”, - сказал я и выбежал из кабинета. Там я увидел молодого парня с внешностью конюха, держащего лошадь под уздцы и натягивающего уздечку на тротуар, пока он ждал письма у окошка почтового отделения. Я начал похлопывать лошадь и все такое; и я сказал мальчику: “Да ведь это кобыла мистера Джонса!” “Нет, это не так”. “Нет?” - сказал я. “Она очень похожа на кобылу мистера Джонса!” “Во всяком случае, это не кобыла мистера Джонса, - говорит он. - Это кобыла мистера Такого-то из “Уорик Герб””. И он вскочил и понесся прочь — с письмом и всем прочим. Я поймал кэб, последовал за ним на козлах и так быстро догнал его, что въехал во двор конюшни “Уорик Армз” через одни ворота как раз в тот момент, когда он въехал через другие. Я зашел в бар, где обслуживала молодая женщина, и заказал стакан бренди с водой. Он сразу вошел и вручил ей письмо. Она небрежно взглянула на него, ничего не сказав, и повесила за стекло над камином. Что было делать дальше?

“Я прокручивал это в уме, пока пил бренди с водой (при этом довольно пристально вглядываясь в букву), но совершенно не видел выхода из положения. Я пытался снять комнату в этом доме, но там была конная ярмарка или что-то в этом роде, и она была переполнена. Мне пришлось остановиться в другом месте, но я пару дней ходил туда-сюда в бар, и там всегда за стеклом лежало письмо. В конце концов я решил сам написать письмо мистеру Пиджину и посмотреть, что из этого выйдет. Поэтому я написал одно письмо и отправил его; но я намеренно адресовал его мистеру Джону Пиджину, а не мистеру Томасу Пиджину, чтобы посмотреть, что из *этого* получится. Утром (утро было очень дождливое) Я проследил за почтальоном на улице и зашел в бар как раз перед тем, как он добрался до "Уорвик Армз". Вскоре он вошел с моим письмом. “Здесь остановился мистер Джон Пиджин?” “Нет! — Все-таки остановитесь ненадолго”, - говорит барменша и достает письмо из-за стекла. “Нет, - говорит она, - это Томас, и *он* здесь не останется. Не могли бы вы сделать мне одолжение и отправить это для меня, потому что оно такое мокрое? Почтальон сказал “Да”. Она вложила его в другой конверт, надела и отдала ему. Он положил его в свою шляпу и ушел.

“Мне не составило труда выяснить направление этого письма. Оно было адресовано “мистеру Томас Пиджин, Почтовое отделение, округ Колумбия, Нортгемптоншир, оставлен до вызова.” Я отправился прямо в округ Колумбия. Там, на почте, я сказал то же самое, что и в Б.; и снова я ждал три дня, прежде чем кто-нибудь пришел. Наконец приехал еще один парень верхом. “Есть письма для мистера Томаса Пиджина?” “Откуда ты родом?” - спросил я. “Нью-Инн, недалеко от Р...” Он получил письмо и *he* пустился галопом.

“Я навел справки о Нью-Инн, недалеко от R ..., и, услышав, что это уединенный дом, расположенный немного в стороне от конного пути, примерно в паре миль от станции, я решил съездить и взглянуть на него. Я нашел его таким, каким его описали, и неторопливо вошел, чтобы осмотреться. Хозяйка была в баре, и я пытался завязать с ней разговор; спросил, как идут дела, поговорил о сырой погоде и так далее; когда я увидел через открытую дверь троих мужчин, сидящих у камина в чем-то вроде гостиной или кухни, и один из этих мужчин, судя по имеющемуся у меня описанию, был Тэлли-хо Томпсон!

“Я подошел и сел среди них и попытался наладить разговор; но они были очень застенчивы — вообще не разговаривали — смотрели на меня и друг на друга как-то совсем не общительно. Я сосчитал их и, обнаружив, что все они были на троих крупнее меня, а также учитывая, что внешность у них была уродливая — что это было пустынное место — железнодорожная станция в двух милях отсюда — и надвигалась ночь, — решил, что нет ничего лучше, чем выпить каплю бренди с водой, чтобы поддержать свою храбрость. Поэтому я попросил принести мне бренди с водой, и пока я сидел и пил его у камина, Томпсон встал и вышел.

Трудность заключалась в том, что я не был уверен, что это *был* томпсон, потому что я никогда раньше его не видел; а чего я хотел, так это быть совершенно уверен в нем. Однако теперь ничего не оставалось, как последовать за ним и напустить на себя смелый вид. Я застал его разговаривающим во дворе с хозяйкой. Впоследствии выяснилось, что офицер из Нортгемптона разыскивал его по какому-то другому делу, и что, зная, что этот офицер рябой (как и я сам), он принял меня за него. Как я уже заметил, я застал его разговаривающим с хозяйкой квартиры на улице. Я положил руку ему на плечо — вот так - и сказал: ‘Тэлли-хо, Томпсон, это бесполезно. Я знаю тебя. Я офицер из Лондона, и я беру вас под стражу за уголовное преступление! “Это черт знает что!” — сказал Талли-хо Томпсон.

“Мы вернулись в дом, и двое друзей принялись грубо резаться, и их вид мне совсем не понравился, уверяю вас. ‘Отпусти этого человека. Что ты собираешься с ним делать?’ Я скажу тебе, что я собираюсь с ним сделать. Я собираюсь отвезти его в Лондон сегодня вечером, так же уверен, как и в том, что я жив. Я здесь не один, что бы вы ни думали. Занимайтесь своими делами и держитесь особняком. Так будет лучше для вас, потому что я очень хорошо знаю вас обоих. Я никогда в жизни не видел их и не слышал о них, но мои прыжки немного напугали их, и они убрались восвояси, пока Томпсон готовился к выходу. Однако я подумал про себя, что они, возможно, преследуют меня по темной дороге, чтобы спасти Томпсона; поэтому я сказал хозяйке: ‘Что за люди у вас в доме, миссис!’ ‘У нас здесь нет мужчин,’ угрюмо говорит она. ‘У вас, я полагаю, есть конюх?’ ‘Да, у нас есть конюх.’ ‘Дай мне взглянуть на него.’ Вскоре он подошел, и это был лохматый молодой человек. ‘А теперь послушайте меня, молодой человек,’ говорю я. ‘Я детектив из Лондона. Этого человека зовут Томпсон. Я взял его под стражу по обвинению в уголовном преступлении. Я собираюсь отвезти его на железнодорожную станцию. Именем королевы я призываю вас помочь мне; и имейте в виду, друг мой, вы навлечете на себя больше неприятностей, чем можете себе представить, если не сделаете этого! Вы никогда не видели, чтобы человек так широко открывал глаза. ‘Ну, Томпсон, пошли!’ - говорю я. Но когда я достал наручники, Томпсон кричит: ‘Нет! Ничего из этого! Я не потерплю! Я спокойно соглашусь с тобой, но я не потерплю ничего из этого!’ Тэлли-хо Томпсон,’ сказал я, ‘я готов вести себя с тобой как мужчина, если ты готов вести себя как мужчина со мной. Дай мне слово, что ты придешь с миром, и я не хочу надевать на тебя наручники.’ ‘Я так и сделаю,’ говорит Томпсон, ‘но сначала выпью бокал бренди’. ‘Мне все равно, даже если я выпью еще одну,’ - сказал я. - Мы выпьем еще две, миссис, - сказали друзья. - И надеюсь, констебль, вы дадите своему человеку глоток, не так ли? Я был согласен с этим; так что мы обо всем договорились; а затем мы с моим человеком благополучно доставили Талли-хо Томпсона к железной дороге, и той же ночью я отвез его в Лондон. Впоследствии он был оправдан из-за недостатка улик; и я понимаю, что он всегда перевозносит меня до небес и говорит, что я один из лучших людей”.

Самым многочисленным из всех классов воров, использующим наиболее широкий диапазон интеллекта, возраста и одежды, является карманник. От первоклассного вора, который работает в банках шесть или девять месяцев, пока не добудет “хорошую вещь”, до жалкого мальчишки, который крадет носовой платок, - какое огромное происхождение! Хотя их связывала общая преступная цепочка и они занимались, так сказать, одним и тем же бизнесом, герцог не мог и, конечно же, не стал бы смотреть свысока на дворника с половиной того высокомерия, с каким главные негодяи смотрят на мальчишку под руководством Феджина, пополняющего банданами прилавки на Филд-лейн. Популярное представление о знаменитостях далеко от истины. Предполагается, что их можно сразу узнать по определенной ультра-щегоольской манере одеваться и избытку драгоценностей, тогда как цель профессора искусства “транспортировки” - заниматься своим делом незамеченным; ибо быть известным полиции - значит лишиться своей добычи. Он заказывает одежду у самого лучшего портного и ведет себя как можно более подобающе джентльмену. Потребности его искусства, это правда, обязывают его носить пальто, перекинутое через руку в любую погоду; но то же самое может сделать любой истинный светский человек, не вызывая подозрений. И все же, хотя ему может удаваться свободно перемещаться в толпе и посещать модные собрания, не вызывая подозрений у публики, мнимого ловца воров редко можно обмануть внешностью. Как охотник отмечает свою добычу особыми знаками, известными только его ремеслу, так и детектив может

сразу установить, является ли этот прекрасный джентльмен, беспечно идущий по улице, “неправильным”, как выражается жаргонный термин, или респектабельным персонажем.

Главный признак, по которому вора можно отличить в любом сборище, - это блуждающий взгляд. В то время как окружающие либо слушают оратора, либо становятся свидетелями зрелища, его орбиты беспокойно, если не сказать с тревогой, оглядываются по сторонам. Когда ловец воров видит это, он знает своего человека. Один из сотрудников сыскной полиции, присутствовавший при закладке первого камня в основание колледжа герцога Веллингтонского, так объяснил нам поимку человека джентльменского вида, присутствовавшего при том событии:

“Если вы попросите меня объяснить, почему я принял этого человека за вора в тот момент, когда увидел его, я не смогу вам ответить; я даже сам этого не знал. В нем, как и во всех выдающихся людях, было что-то такое, что сразу привлекло мое внимание и побудило меня обратить на него свой взор. Он, казалось, не заметил, что я наблюдаю за ним, и прошел дальше, в гущу толпы, но затем повернулся и посмотрел в сторону того места, в котором я находился — для меня этого было достаточно, хотя я никогда не видел его раньше, и он, насколько мне известно, не пытался залезть ни в какой карман. Я немедленно направился к нему и, похлопав по плечу, резко спросил: ‘Что ты здесь делаешь?’ Без малейшего колебания он сказал шепотом: ”Я бы не пришел, если бы знал, что увижу кого-нибудь из вас”. Затем я спросил его, работает ли он с кем-нибудь из товарищей, и он ответил: "Нет, честное слово, я один"; с этими словами я отвел его в комнату, которую мы предоставили для охраны элитных сотрудников ”.

Это был смелый ход, но он удался так, как того заслуживал. Если бы этот человек был действительно честен, он бы с негодованием набросился на человека, который его допрашивал; но карманники по сути своей трусы, как моральные, так и физические, и обычно они сразу же бросаются наутек, чтобы избежать неприятностей, когда офицер следит за ними, как обычно поступали опоссумы, когда видели мертвого застреленного полковника Крокетта. Поразительный пример этой слабости их племени можно найти в забавном произведении “Англичанка в Америке”. Место действия - американский железнодорожный вагон:—

“Я счел необходимым изучать физиогномику с тех пор, как покинул Англию, и был в ужасе от внешнего вида моего ближайшего соседа. У него был низкий лоб, глубоко посаженные беспокойные глаза свидетельствовали о хитрости, и я сразу определил в нем мошенника или карманника. Моя убежденность в правдивости моих умозаключений была настолько сильна, что я достала из кармана кошелек — в котором, однако, следуя совету, я никогда не носила больше пяти долларов, — оставив в нем только носовой платок и чеки на багаж, зная, что вряд ли смогу бодрствовать все утро. Несмотря на все мои попытки добиться обратного, я вскоре погрузился в забытие, из которого очнулся от сознания, что мой спутник убирает руку из моего кармана. Моим первым побуждением было издать восклицание; моим вторым, которое я привел в исполнение, было констатировать свою пропажу; я обнаружил, что это была самая тревожная из моих багажных квитанций; таким образом, все мое имущество поступало в распоряжение этого бродяги, ибо я прекрасно знал, что, если бы я потребовал свои сундуки без чеков, пронизательный багажный смотритель назвал бы меня дерзким мошенником. Проницательного кондуктора в вагоне не было, а если бы он и был там, то привычная подозрительность, свойственная его положению, настолько ослабила бы его первоначальные чувства великодушия, что он остался бы глух к моей просьбе, и среди моих попутчиков не было ни

одного, чья физиономия позволила бы мне обратиться к нему. Итак, вспомнив, что на моих чеках была пометка "Чикаго", и увидев, что на билете вора стояло то же имя, я решил дожидаться главы о несчастных случаях или возвращения моих друзей.... С криком, похожим на боевой клич индейцев, машины въехали в сарай - они остановились — карманник встал — я тоже встал - к двери подошел багажный мастер: "У этого джентльмена квитанции на мой багаж", - сказал я, указывая на вора. Сбитый с толку, он достал их из жилетного кармана, отдал багажному мастеру и поспешно удалился. У меня не было ни малейшего желания кричать "Держивора!", и едва я успел поздравить себя с удачным порывом, который побудил меня сказать то, что я сделал, как из соседнего вагона появились мои друзья. Их слишком позабавил мой рассказ, чтобы вообще сочувствовать моему раздражению; и один из них, джентльмен, занимающий высокое положение на Востоке, от души рассмеялся, сказав чисто американским тоном: "Английские леди, должно быть, "милые покупательницы", если они могут перехитрить карманников-янки".

Быстрота и присутствие духа этой леди были достойны мастерства детектива, который отметил своего человека на церемонии в Веллингтонском колледже. То же самое собрание стало еще одним примером трусости толпы. Как только они оказались на земле, четырнадцать из них были пойманы в сети, прежде чем успели попробовать легкость своих пальцев. Их держали в одной комнате только с двумя полицейскими для охраны, но они никогда не пытались сбежать, хотя их задержание было незаконным, а терпеливо ждали, пока толпа разойдется. Когда двери распахнулись, они немедленно бросились врассыпную, как множество крыс из мышеловки, и не останавливались до тех пор, пока не оказались вне поля зрения полиции. Быстрота, с которой они сбежали, была вызвана их желанием избежать парада перед собравшимися констеблями - мера, которая часто принимается полицией, чтобы они могли узнать своих людей в другом случае. Если, однако, глаз крупного детектива постоянно блуждает в поисках своей добычи, то же самое происходит и с глазом сыщика; и могут возникнуть случаи, когда одно можно принять за другое. На открытии "Хрустального дворца" группа детективов, распределенных среди толпы, заметила нескольких иностранцев, которые оглядывались по сторонам таким образом, чтобы возбудить у них подозрения. Эти лица были немедленно взяты под стражу, несмотря на их решительные и яростные возражения, сделанные на очень хорошем французском. Когда их привели к инспектору, выяснилось, что это были бельгийские полицейские, присланные по просьбе нашего правительства присматривать за *mauvais sujets* их собственной нации.

Настоящие громилы обычно работают вместе на скачках, группами от трех до семи человек; те, кто "прикрывает", как это называется, спешат создать давление, чтобы карманник мог незаметно пустить в ход свою руку. При снятии часов обычно предполагается, что кольцо обрезаются кусачками для проволоки. Такое случается редко; во время работы у воров нет времени использовать какой-либо другой инструмент, кроме собственных ловких пальцев, и кольцо с часов снимается с предельной легкостью, так как покупка на него очень выгодна. Полицейский судья с большим опытом работы предполагает, что способ сбить с толку братство состоял бы в том, чтобы *заставить кольцо работать на шарнире*. Низшие классы воров работают в небольших "школах", скажем, в паре женщин и мальчике, чьи маленькие ручки отлично приспособлены для этой работы. Пока одна женщина толкается, парень пытается залезть в карман ближайшего к нему человека, а третья, как это называется, "следит за этим"; если она замечает, что внимание юноши было замечено, она немедленно оттягивает его назад со словами "Ха, Джонни, зачем ты так толкаешь леди!" Следи за своими карманами, добрый читатель, когда видишь повсюду маленьких непосед, особенно на железнодорожных станциях.

Такие места - главное пристанище карманников этого класса, и мы слышали, что театры и церкви, как раз когда люди выходят на улицу, являются излюбленными местами их времяпрепровождения — женщины создают затор у дверей, а дети пользуются этим. К женским карманам гораздо легче подобраться, чем к мужским, по той причине, что отверстие в платье больше, и оно свободно свисает под действием своего веса. В толпе операция достаточно проста, поскольку общее давление маскирует движение руки грабителя; когда жертва идет, требуется более артистичное управление. Рука вводится в тот момент, когда правая нога выбрасывается вперед, потому что в этом случае карман висит позади конечности, что является важным условием для вора, поскольку в противном случае малейшее движение ощущается на ноге. На улицах никогда не покушаются на чужие карманы, но в толпе, например, на скачках, школа мобсменов может обчистить его от всего, что у него есть, без особого опасения быть обнаруженным. Первый шаг - выбрать свою жертву; для этого требуется некоторая осторожность; и если они не могут увидеть, носит ли он кошелек, и если у них нет возможности наблюдать, как он его вытаскивает, они обыщут все его карманы. “Корректировщик”, как его называют, проводит рукой по одежде, по-видимому, самым случайным образом; иногда дважды, когда он сомневается. Убедившись в том, что есть добыча, конфедераты окружают его и ждут окончания гонки. Как только лошадь оказывается на призовом месте, толпа устремляется вперед: этим пользуются полицейские, в то время как жертва, возможно, для большей безопасности, держит руку в кармане, но тщетно. В критический момент человек сзади надвигает шляпу на глаза, инстинктивно поднимает руку, чтобы поправить ее, и в следующий момент его карман выворачивается наизнанку. Немногие букмекеры, которые часто посещают скачки, избежали тщательной обчистки. Лондонцев редко грабят на улицах; они слишком заняты и двигаются слишком быстро. Деревенские жители составляют главную забаву легкомысленного дворянства: оглядываясь по сторонам, они мгновенно выдают себя своему бдительному врагу и в разгар своего восхищения всем, что их окружает, становятся легкой добычей. Вор в поисках кошелька или носового платка всегда пробирается против течения, как форель. Есть места, которые, если провести нашу аналогию с рыбоводством, кажутся этим рыбакам “донными приманками”. Темпл-Бар, церковный двор Святого Павла, Шордич-энд на Бишопсгейте, Холборн, Чипсайд и другие многолюдные улицы - все они представляют собой отличное развлечение для карманников, и любой, кто знаком с их “манерами и обычаями”, может иногда увидеть, как они упражняются в своем ремесле в этих местах, если внимательно присмотрится. Они высматривают временную остановку в людском потоке, и лошадь, упавшая на дороге, ссора между извозчиком и его пассажиром, драка, толпа вокруг картинной лавки - все это отличные возможности, которыми они немедленно пользуются.

Майские собрания в Эксетер-холле, однако, приносят карманникам самые великолепные урожаи. Если представители различных религиозных конфессий, которые стекаются туда, избегают суеты на лестнице в холле, в омнибусе их встречают с должным вниманием. Леди и джентльмены, посещающие эти майские собрания, хорошо известны как “омнибусные люди”: они останавливаются или навещают на короткий период своего пребывания в городе либо в Ислингтоне, либо в Клэпеме, либо в Камберуэлле, и за “Ватерлу” и “Викториас” братство следует так же неотступно, как за большим кораблем в тропиках следуют акулы. Омнибусами обычно “управляют” мужчина и женщина; женщина садится справа от наиболее респектабельно выглядящей пассажирки, которую она может видеть, а мужчина, по возможности, занимает место напротив человека, подлежащего операции. Если она молодая особа, мужчина “вытирает на нее глаза”, и, смущенная его дерзостью, “подружка” с помощью

плаща, перекинутого через ее руку, или, если мужчина, запустив руку в карман своего плаща, расстегнутого для этой цели изнутри, сможет на досуге обшарить ее карманы. Если жертвой является дама среднего или пожилого возраста, ее внимание поглощено разговором, пока идет процесс уборки. Трюк выполнен, сообщники убираются при первой удобной возможности. Очень редко карманник занимается своим ремеслом в одиночку; но недавно в газетах появилось сообщение об одном случае, который доказывает, что умный художник может работать в одиночку. Человек по имени Уильям Генри Барбер был обвинен в суде на Уорлд-стрит в том, что он украл у дамы ее чемодан в омнибусе "Сток Ньюингтон": он был хорошо известен полиции, но, как правило, спасался бегством благодаря своей ловкости. Его маневры были так описаны дамой, жительницей Стоук—Ньюингтона, которую он ограбил в предыдущем случае:

“Несколько недель назад она села в омнибус в Кингсленде, - сказала она, - который должен был отвезти ее в город, и оказалась рядом с полным мужчиной джентльменского вида, одетым в строгое черное платье с белым шейным платком и, по-видимому, несогласным священником. Джентльмен постепенно приближался к ней и давил на нее; но она не обращала на это внимания, поскольку всю дорогу он был поглощен чтением газеты — настолько поглощен, что она не видела его лица, а он, казалось, не замечал, что его газета несколько раз частично закрывала ее платье. Вскоре после этого незнакомец вышел, и она сделала то же самое через несколько минут, а затем, сунув руку в карман, чтобы что-нибудь купить, обнаружила, что у нее украли кошелек, а вместе с ним семь соверенов и некоторое количество серебра ”.

“Несогласный священник”, очевидно, регулярно ездил по Стоук-Ньюингтон-роуд, и, без сомнения, “трезвый черный” и белый носовой платок были надеты с совершенным знанием “серьезного” класса пассажиров, с которыми он, вероятно, столкнется в омнибусах, курсирующих в этот пригород. Грабежи такого рода в последнее время чрезвычайно участились. Безопасность, с которой могут работать карманники, будучи выведенными из-под надзора полиции, является для воров отличным стимулом заняться именно этим направлением бизнеса.

Заработки так называемой “школы” мальчиков, которые сообща обчищают карманы под присмотром учителя, должны быть значительными; ибо некоторое время назад нам показали счет, выписанный одним из этих Феджинов за питание и ночлег его подающих надежды юношей, из которого явствовало, что обычная плата за каждого составляла две гинеи в неделю! С тех пор этот человек был хорошо известен на берегу Суррея как Мо Кларк. Он посещал скачки, одетый в темно-черное, со своими молодыми помощниками в куртках с отложными воротничками; и вся группа, на взгляд обычного наблюдателя, представляла собой печальное зрелище вдовца, оставшегося с семьей маленьких детей оплакивать потерю привязанной матери. Их внешний вид обезоруживал подозрения и позволял им на досуге опустошать карманы окружающих. Последующая судьба двух детей, хотя и воспитанных в лицемерии и пороке, доказывает, что старая поговорка “однажды вор - всегда вор” не всегда верна, поскольку в настоящее время они являются процветающими владельцами такси и омнибусов.

Преимущество работы вне поля зрения полиции в последнее время привело к тому, что некоторые из буйной толпы стали ходить в церковь с молитвенником в руках и шарить по карманам либо на скамьях, либо пока прихожане идут по проходу. Женщины - величайшие знатоки этого вида воровства, и они постоянно присутствуют на конфирмациях, грабя на виду у самого трогательного церковного обряда. Одежда этих самок достаточно совершенна; но у них,

как и у большинства других представительниц элитной банды, отделка полностью скрыта снаружи; они едва ли когда-либо получали какое-либо образование, и в тот момент, когда они открывают рот, они выдают себя. Этот факт особенно полезен для выявления другого многочисленного класса воров — магазинных воришек. Дама не может зайти в лавку любого торговца шелком или тканью, не будучи пораженной грубой манерой, с которой продавец убирает с прилавка сразу же, как только покупательница занимает свое место. Грабеж, которому они подвергаются, является некоторым оправданием их подозрений, поскольку продавцы не могут сразу определить, кто может быть покупателем, и если бы дорогие товары были выставлены напоказ, а они стояли бы к ним спиной, неизбежно произошли бы серьезные ограбления. Стоимость манера речи, как диагностический характер, свидетельствует недавно вместе с детьми. Суон и Эдгар По, где женщина-как человек, попросил посмотреть некоторые “wallenciens.” За “леди” было установлено наблюдение, и ее быстро обнаружили, когда она прятала карточку с ценным кружевом.

Масштабы воровства, которым занимаются даже дамы высокого ранга и положения, очень велики; есть личности, страдающие манией такого рода, настолько хорошо известные среди лавочников, что их адреса и описания передаются из рук в руки для взаимной безопасности. Служащие позволяют им делать то, что им нравится, не делая вид, что наблюдают за ними, а затем присылают им домой счет с ценами на украденные товары. Ювелирные магазины особенно открыты для воровства, называемого “пальмингом”. Один из них заходит первым и привлекает внимание продавца; затем заходит другой и спрашивает о каком-нибудь товаре, который находится в другом конце магазина; затем, возможно, третий, не узнавая своих товарищей, следует за ним и что-то просит, говоря, что он спешит, так как должен уехать определенным поездом, и в то же время вытаскивает свои часы, чтобы показать свое нетерпение, чтобы его обслужили. Таким образом, внимание владельца магазина отвлекается от сообщников, которые крадут ценное содержимое с подносов, стоящих перед ними. Некоторые из этих парней настолько ловки, что, если они заметят, что кто-то наблюдает за ними, они могут “подсунуть” товар, который они спрятали, обратно и, будучи обвиненными, напустить на себя вид оскорбленной невинности, что заставляет торговца поверить, что его собственные глаза, должно быть, обманули его. Воры высшего разряда иногда “звонят о сдаче”, как это называется. Это должно быть причислено к изящным искусствам мошенничества. Они будут заходить в первоклассные дома и просить показать им ценные украшения, такие как бриллианты, ожерелья и браслеты, которые хранятся в футлярах. Заметив витрину, они уходят, обещая зайти с “дамой”. Затем изготавливается точно такая же витрина, с помощью которой они звонят во второй раз и просят показать идентичный браслет, которым они прежде восхищались, и, заменив пустую витрину на ту, в которой были драгоценности, уходят с явной неспособностью решиться на покупку. Таким образом было совершено много крупных ограблений. Ювелиры подвержены нападениям как извне, так и изнутри. Из рассказа, переданного заключенным капитану Честертону, когда тот был начальником тюрьмы Колдбат-филдс, мы извлекаем следующий метод процедуры в так называемом “глазировании в главной роли”:

“Одна или две стороны отвлекают внимание, в то время как другая ‘звездит’. Это делается либо с помощью алмаза, либо путем воткивания маленького перочинного ножа в замазку рядом с углом стекла и раскалывания его; мокрым пальцем растягивается трещина в любом направлении; обычно образуется угол. Деталь обрабатывается вдоль и поперек, а затем снимается; при необходимости на другую деталь “накладывается звездочка”, чтобы обеспечить

свободное проникновение руки. В уединенном районе пользуются случаем запереть дверь, чтобы никто не мог выйти, и при проезде тяжелой кареты проводят рукой по стеклянному квадрату, на который положен лист плотной бумаги, покрытый патокой, чтобы предотвратить шум от падения стекла, а затем извлекают ценные предметы. Это называется растиранием глазури. В других случаях участники, намеревающиеся сыграть главную роль, идут за ночь или две до этого и разбивают один из нижних квадратов стекла, после чего на мастерскую выставляются часы, чтобы знать, когда квадрат будет обновлен, которые, конечно, поскольку замазка мягкая, можно удалить по желанию; к квадрату прикладывается кусок кожи, на который намазано немного смолы, чтобы предотвратить его выпадение при вдавливании. Таким образом, экономится много времени”.

Мы часто слышим о расцвете интеллекта в воровстве и о высоте, на которую его подняли его профессора в наши последние дни. Большого заблуждения и быть не могло; всем трюкам карточных шулеров, сорванцов колец, срезателей кошелев и т. Д. Многовековая история, и не похоже, чтобы сейчас они исполнялись хоть чуточку искуснее, чем во времена Елизаветы. Мистер Чарльз Найт в своей очаровательной статье о лондонских мошенничествах приводит примеры трюков эпохи Шекспира, которые доказывают, как он замечает, что карманному воровству во всех его формах обучали так же искусно во времена Тюдоров, как Феджину и его ребятам в “Оливере Твисте”. Примером может служить его рассказ о школе воров, обнаруженной в 1585 году:

Среди остальных они нашли некоего Уолтона, джентльмена по рождению, а иногда и купца с хорошей репутацией, но пришедшего со временем в упадок. Этот человек держал пивную в Смартс-Ки, недалеко от Биллингсгейта, и после того, как его за какой-то проступок посадили, он занялся новым ремеслом; и в том же самом доме он закупил все срезанные кошельки в городе для ремонта своего дома. В здании была школа, где мальчиков учили срезать кошельки. Были подвешены два устройства — одно было карманом, а другое кошельком. В кармане были определенные фишки, и он был увешан колокольчиками ястреба, а сверху действительно висел маленький пугающий колокольчик; в кошельке было серебро, и тому, кто мог без шума достать фишку, разрешалось быть публичным посетителем; а тот, кто мог вынуть серебряную монету из кошелька без звона какого-либо из колокольчиков, объявлялся судебным ниппером, согласно их правилам искусства ”.

Все перечисленные нами приемы требуют хитрости, легкости рук и такта, а не силы и мужества. Как крупный преступник стоит во главе этой школы, так и взломщик стоит на высочайшей вершине другого крупного вида преступности, который достигает своих целей силой и отвагой. С тех пор как была введена в действие система выдачи отпускных, этот отдел процветал до угрожающей степени. Освобожденный заключенный возвращается в общество с увеличенным опытом работы на халках и с жестоким пренебрежением к опасности. Внезапно оказавшись без средств к существованию, с испорченным характером, общество не оставляет ему лучшего средства к существованию, чем его прежний путь совершения преступлений. Один парень, которого привезли на Боу-стрит, совершил не менее четырех краж со взломом в течение трех недель после освобождения! Банды головорезов в креповых масках и со смертоносным оружием стоят у кровати глубокой ночью и, ограбив и запугав своих жертв, оставляют их связанными с кляпом во рту таким образом, который опозорил бы бандитов. Это правда, что эти

кражи со взломом совершаются только в уединенных домах, расположенных за городом; но в последнее время количество квартирных краж растет даже в мегаполисе. Некоторые мастера стали настолько опытными, что никакая система болтов или перекладин не способна удержать их снаружи. Однако, возможно, стоит отметить, что лист железа на внутренней стороне панели часто мешает самым опытным взломщикам; и все операторы этого класса, которые поделились своим мнением по этому поводу с тюремными властями, признают, что совершенно невозможно, не потревожив заключенных, взломать окно, которое слегка зарешечено тонким железным брусом и снабжено звонком. Защищенный таким образом затвор, который немного открывается при нажатии, не позволит центральному элементу работать, не создавая движения, которое обязательно вызовет сигнал тревоги.

Большинство краж со взломом любой важности, особенно тех, при которых крадется много посуды, являются так называемыми “подставными”; то есть воры ведут переписку со слугами в доме или с теми, кто был выброшен. Многие ограбления, которые снаружи кажутся совершенными самым чудесным образом, совершаются изнутри. Однако при “подстроенных” ограблениях воры редко позволяют сообщнику, находящемуся в доме, знать, когда будет совершено ограбление, из опасения того, что называется “двойной попыткой”; то есть, чтобы человек, который изначально “подстроил” ограбление, из-за угрызений совести или по другим причинам не заставил полицейских задержать его. Ловким взломщикам вполне достаточно знать, где хранятся ценные вещи, и общее устройство дома. Мы в долгу перед янки за чрезвычайно хитроумный метод проникновения в гостиничные спальни, даже когда заключенный запер дверь. Конец ключа, выступающий из замка, захватывается парой стальных плоскогубцев, и дверь отпирается, пока путешественник спит в воображаемой безопасности. За последнее время произошло несколько ограблений такого рода. Самая хитроумная кража “подстроеного” вида, о которой мы когда-либо слышали, произошла много лет назад в большом городе в Хэмпшире. Банда первоклассных взломщиков, прослышав, что некий банкир из провинциального городка имеет обыкновение хранить крупные суммы денег в сейфе банкирского дома, в котором он сам проживал, решила их украсть. С этой целью в город был отправлен самый проникательный и респектабельного вида мужчина средних лет из банды, чтобы разведать обстановку и получить представление о характере их жертвы. Банкир, как он выяснил, принадлежал к секте примитивных методистов и устраивал так называемые “пиршества любви”. Взломщик, соответственно, превратил себя в проповедника, изучил своеобразный метод отстаивания благосклонности секты, носил белый шейный платок, напускал на себя гнусавый звук и запасся мощным запасом фраз из Священного Писания. Вооруженный таким образом, он воспользовался случаем выступить с речью, и это было так “трогательно”, что слух о его “беседах” вскоре дошел до ушей банкира, и он был принят в качестве гостя. Переступив порог, он быстро “улучшил ситуацию” в своей собственной особенной манере. Близость росла, и он быстро наладил такие дружеские отношения со всеми в доме, что приходил и уходил без предупреждения. Он ознакомился с расположением сейфа и сделал восковые оттиски защелок замков. Их он разослал своим приятелям в городе, и со временем получил фальшивые ключи. С их помощью он открыл надежную шкатулку, сделал точные пометки о ценности и характере ее содержимого и заменил все, что нашел. Затем был подготовлен план улицы, дома и конкретной комнаты, в которой хранилось сокровище, который был направлен конфедератам в Лондон. Он убедил своего доброго друга банкира устроить любовный пир в тот вечер, когда был назначен последний удар. За несколько минут до времени, назначенного для ограбления, он предложил всему собранию присоединиться к нему и

возвысить свои голоса во славу Господа. Взломщик усердно и долго трудился, продолжая петь гимн, и шума было поднято достаточно, чтобы скрыть замыслы менее ловких сообщников, чем его собственные. Псевдопроповедник, чтобы отвести подозрения, оставался со своим другом в течение двух недель после кражи, и после его отъезда все женщины "убеждения" плакали, что такой хороший человек должен уйти из их среды!

В большом количестве случаев слуги являются лишь бессознательным орудием в руках взломщика. Мы рискнем сказать, что из-за тщеславия служанок совершается больше ограблений домов, чем по какой-либо другой причине. Смышленный молодой человек, услышав, что в определенном доме можно раздобыть добычу, умудряется завязать знакомство с одной из служанок и занимается с ней бурной любовью. Мы все знаем, как общительны молодые женщины со своими возлюбленными, и в результате за короткое время он узнает от нее все, что ему требуется, — привычки семьи, время их выхода из дома, расположение буфета и запоры дверей. Там, где содержится только слуга, выполняющий всю работу, процесс более прост. Влюбленный заходит в отсутствие семьи в церковь, предлагает прогуляться и берет на себя ответственность за ключ от входной двери, который незаметно для девушки передается сообщнику; и пока вежливый влюбленный и его девушка наслаждаются вечерней прохладой, дом обыскивают. Несколько месяцев назад в полицейском суде Ламбета проводилось расследование, в ходе которого бедная девушка, ставшая орудием взломщика, попыталась покончить с собой, чтобы предотвратить последствия своей глупости. Ее рассказ о том, каким образом на нее было наложено "растение", дает хороший пример стиля "инсценировки" ограбления дома:

Молодой человек, с которым она случайно познакомилась, позвонил после того, как семья ушла, и она пригласила его в заднюю гостиную. Затем он попросил ее одеться и выйти с ним, а сам остался в задней гостиной, пока она одевалась. Находясь в задней гостиной, он спросил ее, не может ли она принести бокал вина, и она ответила ему, что не может, так как вино заперто. Он сказал, что это не имеет значения, так как у них должен быть столик, когда они выйдут на улицу, и что он ожидал встретить свою сестру в "Слоне и замке". Затем они вышли из дома и отправились на прогулку, а дойдя до Слона и Замка, некоторое время оставались там, ожидая сестру молодого человека, но не увидели ее. Затем они отправились в трактир, где выпили по бокалу бренди с водой, и молодой человек проводил ее до конца улицы, где они расстались с намерением встретиться в час дня следующего дня и провести вторую половину дня вместе. Подойдя отпереть дверь, она обнаружила ее приоткрытой, а войдя, обнаружила, что дом ограблен. Узнав об этом, она не знала, что делать, но подумала, что придумает историю о том, что в дом проникли воры, взяла нож и порезала себе руку; но после этого, не зная, как смотреть в глаза своему хозяину или любовнице после того, как была такой злой, она снова взяла нож, намереваясь покончить с собой, и нанесла рану себе на горло".

Этого признания было достаточно для офицеров, и ее "молодой человек" со своими сообщниками были пойманы и осуждены. Частота этих ограблений должна настораживать домработниц относительно того, какие последователи допускаются, чтобы "молодой человек" не оказался обычным переодетым взломщиком. Мы призываем экономку также остерегаться другой опасности, которая иногда угрожает ей, когда у него есть пустой дом для соседа. Воры всегда, по возможности, используют это как основу операций против других. Они подкрадываются ближе к вечерним сумеркам, когда заключенные обычно спускаются по лестнице, вдоль парапета и последовательно входят в спальни соседних многоквартирных

домов. Таким образом, по одному и тому же случаю было ограблено до полудюжины домов. Полиция - констебли всегда внимательно следят за этими нежилыми домами, ставя личные метки на какой-либо части помещений; и если какой-либо из этих знаков нарушен, они подозревают, что что-то не так, и проводят дальнейший осмотр. В Городе, где на складах хранится огромное количество ценного имущества, частные марки используются гораздо чаще, чем в других частях мегаполиса, и их постоянно меняют, чтобы они не стали известны ворами и не были использованы в их интересах.

Профессиональные попрошайки почти без исключения являются ворами; но поскольку их обычно набирают из низшей части населения, они никогда не достигают ни одного из высших званий, а ограничиваются мелким воровством или хитрыми методами обмана честных людей. Полуголый негодяй, который, кажется, жалостливо обращается к полу подвала, прекрасно разбирается в ложках, которые, как он может видеть, чистит внизу; а потерпевший кораблекрушение моряк, только что выброшенный на берег из Сент-Джайлса, был бы неловким человеком, если бы встретился с ним на темной пригородной улочке. Профессиональные попрошайки по своим привычкам непостоянны. Они путешествуют из города в город не в грязных лохмотьях, в которых мы привыкли их видеть, а в хорошей одежде; лохмотья несут их женщины, и надевают их только тогда, когда они приближаются к месту, где намереваются просить милостыню.

Существует дерзкий класс воров, называемых “перевозчиками”, которые грабят транспортные средства. В Вест-Энде они в основном обслуживают такси, направляющиеся на железнодорожные станции или возвращающиеся с них. Поскольку этот вид воровства совершается на глазах у пешеходных пассажиров, на него редко покушаются, разве что в вечерних сумерках. Перевозчику удается держаться сзади, как будто он просто совершает тайную поездку, а на самом деле разрезать кожаные ремешки и расстегнуть застёжки, и иметь возможность в любой удобный момент незаметно снять коробку или сверток. Беспечность публики - лучший сообщник воров такого рода. В случае с драгоценностями леди Элсмир шкатулка была поставлена *невнутри*, а *снаружи*, в кэб, в котором ехал камердинер, и не в середину других шкатулок, а в *самую* заднюю из всех — как раз в то место, куда ее поставил бы перевозчик. Теперь известно, что ограбление было совершено между Беркли-сквер и Гросвенор-сквер, поскольку на углу Маунт-стрит и Дэвис-стрит был замечен мужчина с пакетом, который торговался с таксистом, чтобы тот отвез его в Сити. Мужчину и его добычу отвезли в трактир, но коробку, должно быть, немедленно перенесли, потому что через два часа после того, как она была потеряна, ее содержимое было найдено выпотрошенным на пустыре в Шордиче. Возможно, на мгновение возникнет подозрение, что это было “подстроенное” ограбление, но мы не можем принять этот взгляд на дело, поскольку, как мы полагаем, подозревается, что мужчина продал драгоценности, которые стоили, возможно, *25 000 фунтов стерлингов*, за очень незначительную сумму. Должно быть, он был совершенно не осведомлен об их ценности и, случайно заполучив великолепную добычу, выбросил ее за старую песню. Вскоре после этого экстраординарного ограбления из фургона, стоявшего между Букингемским дворцом и Большой Западной железной дорогой, был украден сервиз с изображением ее Величества. Рядом с повозкой шли люди, и кажется удивительным, как можно было незаметно вывезти тяжелый сундук в таких условиях; но в этом случае, как и в первом, были предоставлены все возможности для того, чтобы грабители беспрепятственно выполнили свою работу. Во-первых, ящик был установлен в таком положении, чтобы его дно находилось на одном уровне с выступом фургона. Далее, путешествие от Букингемского дворца до Паддингтона было, по

мнению водителя, слишком долгим, чтобы проехать без наживки по дороге; поэтому наживку он сделал в маленьком трактире, и все, кто отвечал за имущество, зашли внутрь выпить. По их собственному свидетельству, они останавливались не более чем на минуту; этой минуты было достаточно: подобно Лаэрту, вор мог бы сказать: “Это послужит”. В этом случае коробка также была найдена пустой в поле в Шордиче, и считается, что к обоим ограблениям приложил руку человек с отпускным билетом.

Привычки воров несколько изменились с момента создания новой полиции и принятия принципа предотвращения, а не раскрытия преступлений, при работе с криминальным населением. Во времена старых сыщиков с Боу-стрит у различных классов воров были свои дома по вызову, в которых они регулярно собирались. Это соглашение было одобрено магистратами и офицерами полиции как полезное для них при розыске преступников. Джон Таунсенд, говоря о предполагаемом преимуществе этих притонов, сказал: “Я знаю, что двадцать пять или шесть с половиной лет назад было четыре заведения, куда мы могли заглянуть, и я посещал три или четыре, или пять или шесть из них одновременно, и трое или четверо из них были осуждены, и все же в пабе тоже было сносно хорошо”. Возможно, у офицеров, которые жили после поимки воров, были веские причины содержать эти притоны, в которых совершалось большинство ограблений; сейчас дело обстоит совсем иначе, когда полиции платят поденно, а не сдельно, еженедельной зарплатой, а не кровными деньгами, и все известные притоны давно закрыты. Прошло около пятнадцати лет с тех пор, как в Округе осталось несколько человек, но суперинтендант Хейнс разогнал их и выкорчевал с корнем. Воры теперь не могут собираться в респектабельных домах, потому что, если бы они это сделали, констеблям стало бы известно об этом факте, и домовладелец быстро лишился бы лицензии. Принятие Закона об общих жилых домах также помогло разогнать отчаянные банды, одна из которых, известная под названием “Сорок воров”, наводнила город несколько лет назад. Можно спросить, какого рода взаимное общение существует среди этих отверженных, живущих под поверхностью “общества”? Из семи или восьми тысяч воров в столице очень немногие знакомы друг с другом; фактически они разделены на столько слоев, сколько можно найти среди честных людей. За пределами своего собственного специфического круга они не общаются с себе подобными. Щеголь-мобсмен так же отличается от взломщика, как денди с Бонд-стрит от жителя островов Южных морей; они даже говорят на разных сленгах и могут перенимать искусство друг друга не больше, чем сапожник может изготовить стол. Эти естественные подразделения подпольного мира мошенников чрезвычайно облегчают работу полиции. То, как они выполняют свою работу, также в некоторых случаях является довольно хорошим руководством для детективов. Мастерство и индивидуальность проявляются как в незаконных, так и в законных действиях — как в том, как взламывается дверь, так и в стиле, в котором написана картина; и умный полицейский, внимательно осмотрев дверь или окно, иногда скажет: “Это похоже на ”работу Белоголового Боба“” или “К этой работе, должно быть, приложил руку Билли-гоу-Фаст””.

Ведущие шишки-мобиеры - единственный класс воров, которые “прикасаются”, если можно так выразиться, к обычному обществу лучших людей. Практикующий в этом направлении должен одеваться и быть как можно более похожим на джентльмена, чтобы заниматься своим делом, не вызывая подозрений. Соответственно, он живет с женщиной, которая выдает себя за его жену, в приличных апартаментах и обычно на этаже гостиной. Поскольку его заработок часто очень велик, у него есть все самое дорогое; его образ жизни роскошен, и он пьет не что иное, как виски и шампанское. Иногда у него есть банковский счет, и у одного человека по

имени Браун, недавно задержанного, на счету в его банке было 800 *фунтов стерлингов*.! Поскольку члены этого братства работают исключительно днем, уходя утром и возвращаясь вечером, хозяйка считает, что они занимаются коммерцией и у них есть дела в Городе; и, поскольку щедро оплачивать свой путь является частью их игры, она считает их образцовыми жильцами!

Домашние привычки всех воров в значительной степени схожи; колеблясь между тюрьмой и каторгой, они проявляют обычные черты людей, вовлеченных в опасные предприятия. В свободное от “работы” время они в основном проводят в азартных играх, курении и выпивке, а также в слушании рассказов о приключениях своих товарищей. Однако следует помнить, что мнимый вор, даже если он пьет, никогда не бывает *пьян*; он занят в отчаянных предприятиях, которые требуют от него такой же, если не большей, сообразительности, как и от честного человека. Когда у карманника полно денег, он тратит их самым расточительным образом — отправляется со своей спутницей на остров Уайт или в любое другое место, которое он желает увидеть, и останавливается в лучших отелях. В некоторых из этих поездок он, не задумываясь, тратит 30 *фунтов стерлингов* за две недели, а когда деньги заканчиваются, он снова возвращается “на работу”. Воры, как правило, верны друг другу; действительно, опасное сообщество, в котором они живут, развивает это достоинство в необычной степени. Если “приятеля” задерживают, они радостно откладывают по гинее на каждого, чтобы предоставить ему адвоката для суда; а если его посадят в тюрьму, они собирают для него деньги, когда он выйдет. Любопытным обстоятельством является быстрота, с которой известие о том, что кто-либо из тела был арестован, распространяется среди его товарищей. Нас заверяют, что как только молодого вора ловят и доставляют в участок, хотя он, возможно, занимался грабежом далеко от своего дома, какой-нибудь сообщник приносит ему ужин или чай, как само собой разумеющееся.

Лучшие менеджеры иногда действуют по акционерному принципу “с ограниченной ответственностью”. Когда намечается что-то хорошее - ограбление золотого магазина или банка, — для некоторых из них нет ничего необычного в том, что они “выкладывают” по 50 *фунтов* за штуку, чтобы обеспечить “сухожилия войны” для выполнения плана в деловой манере. Если в конце концов работа завершается успешно, авансированные деньги аккуратно возвращаются лицам, авансировавшим их, — некоторые из которых годами жили на награбленное таким образом, и полиция не могла их обнаружить. Часто получатели денег совершают подобные преступления и замышляют ограбление ювелирного магазина с таким хладнокровием и проникательностью, как если бы это была обычная коммерческая спекуляция, а товаром распоряжались таким же деловым образом. Часы подвергаются так называемому “перекрещиванию”, то есть имена и номера производителей удаляются и заменяются новыми; затем они большими партиями экспортируются в Америку. Все пластинчатые изделия немедленно бросаются в тигель и расплавляются, чтобы их невозможно было идентифицировать. Во многих случаях, когда получатель не может полностью зависеть от вора, мы полагаем, что принято использовать промежуточных получателей, чтобы сделать невозможным отслеживание имущества до его конечного назначения. Не следует думать, что страсть к наживе всегда является единственным стимулом к грабежу. “О, как я люблю воровать! Если бы у меня были тысячи, я все равно был бы вором”; таковы были слова, произнесенные юношей в тюрьме Колдбат-филдс и подслушанные губернатором.[49]

Если механизм предупреждения и раскрытия преступлений так значительно улучшился в течение нынешнего столетия, то же самое можно сказать и о методе отправления правосудия. Вплоть до 1792 года магистратам Боу-стрит - первого "полицейского управления", как его тогда называли, — платили самым отвратительным из всех способов - гонорарами, которые часто получали настолько позорным образом, что магистраты получили название "торговых судей" и "корзинных судей". Наш старый друг Джон Таунсенд, которого мы должны еще раз призвать к нам на помощь, рассказывает об их действиях, и он хорошо их знал. Он сказал: "Раньше план состоял в том, чтобы выдавать ордера и забирать всех бедняг на улицах, а затем их освобождали под залог в 2с. 4г., которые были у магистрата. *При занятии сотней девушек* это составило бы при 2 4d., 11l. 13s. 4d. Они никого не отправили в тюрьму, *потому что выпустить их под залог было намного лучше!*" Затем Олд Уорти с Боу-стрит рисует картину, как мировой судья утром в понедельник улаживает сумму этих нечестным путем полученных гонораров со своим клерком. "Корзинные судьи" были названы так потому, что они позволяли подкупать себя подарками в виде корзин с дичью. Эти чудовищные деяния были настолько вопиющими, что, по словам Таунсенда, "в конце концов они привели к принятию Закона о полиции, и для общества было великим благословением покончить с этими людьми, ибо они были не чем иным, как подстрекателями черноногих, порока и грабителей. В этом нет никаких сомнений." В 1792 году были учреждены семь других "офисов", а именно: Куин-сквер, Грейт-Мальборо-стрит, Хаттон-Гарден, Уорм-стрит, Ламбет, Шедуэлл и Юнион-стрит, в каждом офисе было по три магистрата, которые исполняли свои обязанности поочередно. С тех пор их количество, за счет добавления пригородных кортов, увеличилось до одиннадцати. Они образуют судебные инстанции, куда доставляются все правонарушители в этой огромной столице с населением 2 500 000 человек либо для вынесения судебного решения, либо для направления на заседания для проведения судебного разбирательства.

Полицейские суды можно уподобить множеству шахт, пробитых в гладкой поверхности общества, по которым бурлящая масса разврата, насилия и преступности ежедневно выплескивается наружу на глазах у общественности. Зритель не может просидеть рядом с мировым судьей на скамье подсудимых пару часов, не почувствовав, что среди населения проносятся потоки зла, которые так же постоянны, как пассаты в тропиках. Перед его взором проходит панорама греха, о которой он содрогается при мысли, что это всего лишь единственная нить, вытянутая из ткани порока, лежащей в основе всей системы элегантной, педантичной и совершенной столичной жизни. По каждому делу, которое попадает на его рассмотрение, судья без посторонней помощи должен принять быстрое и справедливое решение, если только он не желает обрушить на свою голову громы вечно бдительной прессы. В дополнение к своим судебным обязанностям ему приходится отвечать на бесчисленное количество вопросов и давать советы по правовым вопросам попавшим в беду людям: и все это в гнусной атмосфере, которая рассчитана на угнетение как тела, так и разума. Тем не менее, работа выполнена превосходно, и правосудие, столь же быстрое, как то, которое вершит кадис в восточных сказаниях, и гораздо более беспристрастное, вершится над толпой, представшей перед ним.

Из анализа криминальных доходов столичной полиции становится очевидным, что преступления имеют свои особые сезоны. Таким образом, попытки совершить самоубийство обычно происходят в июне, июле и августе и редко в ноябре, согласно общепринятому представлению; очевидно, что утешение учитывается даже при совершении этого отчаянного поступка. Обычные нападения и пьянство также чудесным образом множатся в собачьи будни.

Зимой, напротив, участились кражи со взломом и, по какой-то неизвестной причине, выпуск фальшивых монет.

Характер дел, передаваемых в полицейские суды, в некоторой степени варьируется в зависимости от района проживания и других причин. Боу-стрит по-прежнему сохраняет превосходство над другими судами, которым она пользовалась в старые времена, когда существовали конный патруль и сыскная полиция, известные как "бегуны с Боу-стрит"; и это происходит вследствие его особой юрисдикции в отношении лиц, подпадающих под действие иностранного права. Дела такого рода — поджоги, убийства или банкротства — рассматриваются в частном порядке, как правило, главным судьей, а показания направляются непосредственно в Министерство иностранных дел. Лица, находящиеся в отпуске и совершившие новые правонарушения, здесь лишаются своих билетов и задерживаются по ордеру Министерства внутренних дел. Все дела налоговых органов и почтовых отделений, такие как кража писем, рассматриваются исключительно на Боу-стрит, которая, по сути, является *the* правительственным учреждением.

Полиция Темзы занимается мятежами и убийствами, совершенными в открытом море, и все споры в соответствии с Законом о коммерческой деятельности на море, как само собой разумеющееся, передаются в этот суд вместе с основной частью преступников, место преступления которых находится в доках и на реке. Пьянство, порок матросов, и проистекающее из него неподчинение составляют очень большую часть обвинений в округе. Улица поклонения знаменита, или, скорее, печально известна теми, кто избивает жен. Причина любопытна и дает филантропам намерения на реформу жилищ бедных, а не на принятие парламентом суровых актов против мужей, которые во многих случаях только усугубляют зло, проистекающее из их жестокости. Большинство тех, кто избивает жен, родом из Бетнал-Грин, где есть огромное количество больших старинных особняков, сдаваемых рабочему классу в несколько этажей или квартир. Иногда в одном доме проживает до двадцати семей. Дети играют в коридорах как на нейтральной территории, возникают споры, и матери с непримиримой яростью разыгрывают роли своих отпрысков. Это толкает мужчин в трактиры, где они пьют свой портерсо льдом и слушают более приятные звуки в виде бесплатных концертов. Жен, в свою очередь, подгоняют к дверям таверны, чтобы они нашли своих партнеров, со словами не слишком примирительными, и жестоко избивают пьяные мужья, которых забирают на следующий день и приговаривают к шести месяцам тюремного заключения, *при этом семья в большинстве случаев безвозвратно распадается и разоряется*. Некоторые магистраты, видя пагубную работу системы, попытались решить проблему, взяв с мужа обещание разрешить жене получать его еженедельное жалованье от его хозяина, чье согласие на такое соглашение было дано. Во многих случаях этот план хорошо срабатывал, поскольку муж знает, что при малейшем нарушении соглашения его супруга может приговорить его к шести месяцам тюремного заключения, поскольку судебное решение по делу было лишь приостановлено. Но этой властью, опять же, часто злоупотребляют женщины, и для них обычное дело при малейшей угрозе со стороны своих партнеров сказать: "Смотри, что делаешь, или я дам тебе "вшестером"".

Дела о попрошайничестве в основном рассматриваются в полицейском суде на Мальборо-стрит, поскольку богатые улицы в его окрестностях являются основными местами совершения правонарушений. Слепые попрошайки особенно часто встречаются на Риджент-стрит, Оксфорд-стрит и Пикадилли, самых оживленных улицах Вест-Энда. Мы предостерегаем наших

читателей от их склонности к благотворительности по отношению к этим людям. Если бы правда была известна, крик “Пожалейте бедного слепого!” не только не вызвал бы у них жалости, но и вызвал бы отвращение. Слепые нищие, как класс, являются самыми распутными негодьями в метрополии, не думающими ни о чем, кроме своих грубых appetites, и грабящими благотворителей для их удовлетворения. Одного из этих людей, недавно взятых под стражу, обнаружили сидящим за завтраком, перед ним стояли ветчина и четырнадцать яиц-пашот! В вестминстерском полицейском суде пехотинцы постоянно являются посетителями против своей воли; но считается странным, что ни одному из конных гвардейцев здесь годами не предъявлялось никаких обвинений.

Сложился обычай назначать магистратов полиции раздающими милостыню населению в случаях, которые привлекли внимание благотворительных организаций через прессу. Многие бедные, покинутые существа внезапно оказывались не только знаменитыми, но и сравнительно богатыми благодаря простому процессу рассказывания своей истории в одном из таких дворов. Вест об этом разносится по стране на страницах *Times*, и в течение двух или трех утра магистрат подвергается нападкам со стороны почтовых отделений с распоряжениями в пользу страдальца, жертвователи просто требуют, чтобы их пожертвования были отмечены в государственных журналах. Ежегодные поступления в различные суды по особым делам должны составлять крупную сумму; кроме того, существует постоянный приток небольших сумм в копилку для пожертвований, содержимое которой распределяется по усмотрению магистрата. Годовой доход от этого последнего источника составляет около 300л. ежегодно на Мальборо-стрит и на Боу-стрит соответственно, большая часть которых отдается достойным людям, чьи дела были переданы в суд, а остальная часть раздается на Рождество беднякам по соседству в виде углей и свечей. Мы особенно стремимся сделать этот факт известным, чтобы благотворительные организации могли осознавать, что их дары распределяются должным образом. Мы полагаем, что магистраты не поощряют эти пожертвования, поскольку считают, что раздача милостыни несовместима с их должностью; но, с другой стороны, нельзя отрицать, что таким образом лицам, чьи нужды не могут быть удовлетворены профсоюзным работным домом, оказывается значительная временная помощь. Достойные люди часто получают средства к существованию, рабочие, чьи инструменты сгорели во время пожара, получают новые, а в некоторых случаях женщинам, брошенным своими мужьями в особо тяжелых обстоятельствах, предоставляется проезд в Австралию. Тысячи людей в Англии, которые хотят только знать, где происходит настоящее несчастье, чтобы поспешить на помощь, имеют большую гарантию того, что они не будут привлечены к ответственности этими делами в полицейских судах, чем частными ходатайствами, поскольку у магистратов есть средства для проверки заявлений заявителей. Тем не менее, даже эти проникательные государственные служащие время от времени подвергаются обману, и сравнительно крупные суммы были получены ими для лиц, которые впоследствии были признаны недостойными помощи; и в тех случаях, когда обнаружение происходило вовремя, деньги по указанию жертвователей были переведены на более истинные цели благотворительности.

Сборы, штрафы и конфискации, полученные в одиннадцати полицейских судах метрополии и судьями внешних полицейских округов, очень значительны; в 1855 году они составили 11 315л. 16с. 6д. Эта сумма идет на покрытие судебных расходов, которые вместе с жалованьем должностных лиц и другими статьями составили в том же году 63 021л. 0 5д. Расходы могут считаться разумными, если вспомнить, что ежегодно рассматривается 60 000 дел, многие из которых требуют досконального знания законов и общего права. Главное требуемое улучшение

- это улучшение зданий. Полицейский суд Темзы - единственный, кто хоть сколько-нибудь подходит для этой цели. К нему примыкает закрытый двор, в котором полицейский фургон может останавливать и выпускать своих заключенных, не выставляя их на всеобщее обозрение, что важно во времена общественного волнения. Клеркенуэлл и Вестминстер - следующие по оснащённости суды, но обоим не хватает места и воздуха; Ламбет, хотя и построенный недавно, является полным провалом; многие другие суды проводятся в небольших частных домах; а в судах на Мальборо-стрит и Хаммерсмите дела ведутся наверху. В последнем суде часто можно услышать, как о лицах, которые предстали перед магистратами, говорят: "он поднялся по сорока ступеням". С простыми людьми, с которыми в основном приходится иметь дело этим учреждениям, правосудие должно осуществляться без учета внешнего вида; должны соблюдаться формальности высших судов и некоторая их показуха. Мировой судья, сидящий в простом черном платье, как обычный джентльмен, и юрист, вершащий правосудие в парике и мантии, - две совершенно разные вещи для низших классов, какими бы они ни были для образованных людей; и отсутствие всякой официальной одежды и скученный стиль ведения дел, неотделимые от нынешнего ограниченного пространства, не способны внушить людям особого уважения. Полицию следует, по крайней мере, поставить на один уровень с окружающими судами. Последним приходится иметь дело с менее важными интересами. Вопросы о ничтожном долге нельзя сравнивать с вопросами, касающимися свободы субъекта; право заключить его в тюрьму на шесть месяцев с каторжными работами гораздо важнее, чем право выносить решения по денежным спорам на сумму менее пяти фунтов стерлингов. Недостаточно того, что правосудие осуществляется; именно мнение людей о нем производит эффект, и до тех пор, пока судейское кресло не будет приведено в порядок, а те, кто сидит на нем, не будут облачены в одеяния, отличающие магистрата от обычного человека, закон, утратив большую часть своей внушительности, потеряет свою моральную власть над правонарушителями. Вульгарный ужас наказания может остаться, но урок, который передается чувствам торжественным величием трибунала, полностью исчез.

СМЕРТНОСТЬ В ПРОФЕССИЯХ.

Вполне естественно предположить, что в таком оживленном промышленном улье, как Англия, где столь значительная часть населения — по меньшей мере половина — занята в области искусств и мануфактур, что последствия непрестанного тяжелого труда и изнуряющее влияние многих занятий окажут определенное влияние на здоровье и долголетие ремесленника. Мы не можем противопоставить нежные мышцы ребенка бессмысленной энергии пара, не создавая напряжения для жизненных принципов рабочих, что должно быть крайне вредно для них. Мы не можем обрекать такое многочисленное население, как население многих немецких государств, на вечное проживание в недрах земли, не будучи готовыми к росту смертности. Сотни разнообразных производств и кустарных промыслов, которые заставляют землю гудеть от труда, все должны преследоваться при обстоятельствах, более или менее неблагоприятных для совершенного здоровья. Если мы возьмем сельскохозяйственного рабочего высшего класса,

чей ежедневный труд выполняется под небесным сводом, то должно быть ясно, что все профессии, которые выполняют свои монотонные обязанности в переполненных мастерских перенаселенных городов, в стесненных условиях и подвержены изнуряющим излучениям, должны в определенной степени не соответствовать уровню его здоровья. Тем не менее, мы не думаем, что общественность готова к тому положению вещей, которое становится очевидным при тщательном изучении санитарного состояния определенных слоев работающего населения. Привыкшие к тому, что их снабжают всеми удобствами легкой жизни и роскоши, представители крупного среднего и высшего классов, возможно, никогда не задумывались о том, каким образом удовлетворяются эти потребности и какие приспособления используются. Привыкшим пить мед маленькими глотками, нам никогда не приходит в голову, что, возможно, его получение связано в некоторых случаях с жизнью рабочей пчелы. И все же леди, которая с шелковой непринужденности своего туалета обзревает свою гостиную, может извлечь урок сострадания к бедному рабочему почти из каждого предмета, лежащего перед ней. Эти глазурированные визитные карточки, если бы они могли говорить, возможно, могли бы рассказать о парализованной руке, которая их изготовила; это великолепное зеркало, освещающее величественную комнату, без сомнения, отразило дрожащую фигуру изможденного итальянского мастера, отравленного ртутными парами; эти драпировки, такие мягкие и ажурные, могли вызвать необратимую болезнь у ткача, чей желудок пострадал от постоянного давления на балку; фарфоровая ваза на кронштейне отравила руку “ковша” ядом, который рано или поздно разрушит ее силу и, возможно, приведет к необратимому поражению желудка. - быть, породить в нем манию и смерть; более того, сама бумага на стенах, окрашенная во всю весеннюю яркость весны, насколько нам известно, изъязвила своей ядовитой пылью пальцы вешалки. История изготовления почти каждого предмета элегантности или *виртуозности* открыла бы нам фотографии рабочих, временно или надолго потерявших трудоспособность при их производстве. Все эти страдания — по большей части их можно полностью предотвратить — продолжаются без жалоб, рабочий выбывает из рядов, и его место немедленно занимает другой, которого, возможно, сменит третий. Мы убеждены, что подобная трата здоровья и жизни была бы невозможна, если бы общественность полностью осознавала масштабы зла; по этой причине в следующем очерке мы попытаемся дать правдивую картину того, что, возможно, без педантизма можно назвать патологией промышленных профессий в этой стране.

В первую очередь среди тех ремесленников, которые страдают от вдыхания пыли и других твердых частиц, выделяющихся при выполнении своей работы, являются точильщики из Шеффилда. Доктор Дж. К. Холл в серии статей, опубликованных недавно в *British Medical Journal*, рисует картину состояния этих несчастных людей, которая действительно ужасна и, без сомнения, дает им преимущество заниматься самым смертоносным ремеслом из существующих. Шлифовка делится на сухую, влажную и смешанную; то есть различные изделия из стали, выпускаемые в ограночном цехе в Шеффилде, подвергаются полностью сухой обработке камнем, вращению в воде или процессам, включающим оба метода. Из трех способов первый, безусловно, самый смертоносный: вилки, иглы, скобы и т. Д. Полностью шлифуются на сухом камне, и количество мелкодисперсной металлической пыли и кремнистого песка, выделяющегося при этом, можно представить, если учесть, что дюжина бритв весом 2 фунта 4 унции, когда они поступают из кузницы в грубом виде, теряют в процессе “формовки” на сухом камне более пяти унций, а сам камень диаметром семь дюймов уменьшился бы на дюйм. Для получения смеси камня и стали, выделяющейся таким образом быстро, положение точильщика слишком удобное; он сидит верхом на своей “лошадке”, как называется рама, в

которой вращается точильный камень, согнув колени под острым углом, наклонив туловище вперед и склонив голову над работой, его рот находится в смертельном контакте с ядовитой пылью, а глаза - с потоком искр. Шлифовка вилок производится исключительно на сухом камне, и, следовательно, это самое смертоносное занятие в Шеффилде. В настоящее время около 500 мужчин и юношей посвящают себя разрушению в период ранней зрелости на благо пользователей стальных вилок. “Школа серебряных вилок”, возможно, воображает, что эти мерзкие приспособления давно изгнаны в ту же преисподнюю, что и нюхательные табакерки, и будет удивлена, узнав, что в Шеффилде таким образом изготовлено больше стальных вилок, чем когда-либо, и бедный точильщик, когда он получает в свои легкие продукты изготовления, собственной персоной иллюстрирует ужасный эпизод погребальной службы - “прах к праху”, — поскольку вызванная таким образом болезнь лишает его жизни в среднем возрасте двадцати девяти лет! “В следующем месяце мне исполнится тридцать шесть лет, - патетически заметил точильщик доктору Холлу, - и вы знаете, мастер, в нашем ремесле это *делает* очень старого человека”. Другая операция, почти такая же смертельно опасная, как точение вилок, - это “забивание камня”. Каменоломщики лишь грубо доводят эти точильные камни до круглой формы, и точильщик берет на себя работу по уменьшению и устранению всех их неровностей, что он делает, вращая их относительно куска стали — при этом выделяется огромное количество пыли. При мокром шлифовании, которое используется при изготовлении пил, напильников, серпов, столовых ножей и режущих инструментов, образуется сравнительно мало пыли, и при этих работах шлифовальные станки имеют сравнительно более длительный срок службы; их средний возраст колеблется от тридцати пяти до сорока лет. В дополнение к разрушительному воздействию этих частиц металла и камня на нежную оболочку легких, дробилка подвергается серьезному повреждению глаз от раскаленных частиц стали, вылетающих в виде искр. Однако наиболее осторожные рабочие защищают себя от опасности, надевая большие очки из обычного оконного стекла. Эти очки, после непродолжительного использования, дают практическое доказательство их полезности, поскольку при их осмотре обнаруживается, что они сплошь покрыты стальными частицами, которые, раскаляясь докрасна, застревают в стекле.

В приблизительной терминологии торговли болезнь, которая таким образом рано уничтожает изготовителя вилок и иголок, называется *гнилью точильщика*. Легкое, когда его исследуют после смерти, выглядит так, как будто его окунули в чернила, а текстура, вместо того чтобы демонстрировать обычный губчатый характер этого органа в здоровом состоянии, режется, как кусок индийской резины! Цвет и затвердевание легкого сухозуба обусловлены хроническим воспалением, которому оно было подвержено из-за присутствия с раннего возраста раздражающих частиц стали и камня в его тончайших дыхательных путях. Но зачем вообще молоть всухую, невольно воскликнет читатель, если плата за это занятие - смерть? Точильщик отвечает, что есть определенные операции, которые нельзя выполнять на мокром камне; в качестве примеров приводится придание бритвам закругленной тыльной стороны, технически называемой “горбаткой”, и закругленной стороны ножницам. Давление в процессе придания формы настолько велико, что трение качения быстро привело бы к износу камня, и рабочий не смог бы удерживать на нем лезвие. Тогда, опять же, мы можем спросить, откуда такая округлая форма — будет ли бритвенника холодным утром хоть на йоту волновать, круглая или квадратная у его бритвы задняя часть? Стала бы дама, манипулируя ножницами со своим кружевом, колебаться, принимая трехгранную ножничную ножку вместо полукруглой, если бы знала, что от этой разницы зависит жизнь ближнего? И все же такие незначительные различия, как между

круглым и плоским, стоят на пути здоровья или нищеты целого класса рабочих! Мы приводим список средней продолжительности жизни мастеров по обработке стали в Шеффилде: — Заточка вилок сухим способом - 29 лет; бритв - 31 год; ножниц - 32 года; режущих инструментов и секаторов для шерсти - 32 года; пружинных ножей - 34 года; столовых ножей — 35 лет; напильников - 35 лет; пил - 38 лет; серпов - 38 лет - возрастающая продолжительность жизни пропорциональна количеству воды, используемой для обработки камня, и большему количеству задействованного труда взрослых; такие изделия, как пилы, серпы и другие инструменты, к счастью, слишком тяжелы подвергаться манипуляциям со стороны работающих детей и, следовательно, рано заболеть при изготовлении более легких изделий.

Единственное облегчение, которое можно извлечь из этой унылой картины растраченной впустую жизни, - это тот факт, что все не так плохо, как раньше. Благодаря тому, что камню была придана большая скорость, многие предметы, такие как перочинные и карманные ножи, теперь шлифуются влажным камнем, тогда как раньше шлифовались сухим; и, к счастью, большая часть пыли была устранена в лучших магазинах, таких как Mess. Роджерс, внедрив вентиляторы по принципу веялки, которые выдувают пыль и песок, поступающие от точильного камня, через дымоход, расположенный в соединении с дымоходом. Этот вентилятор, однако, используется лишь частично; сами шлифовальщики, которым он предназначен для пользы, жалуются, что “торговля и так достаточно плоха, и если бы люди жили дольше, она была бы настолько переполнена, что не было бы такой вещи, как зарабатывание на жизнь”: в том же духе отвергли маску мистера Абрахама из намагниченной проволоки, изобретенную много лет назад для той же цели. Однако не может быть никаких сомнений в том, что в этом вопросе должен править разум и что Законодательному органу следует ввести штраф за обработку сухого камня без вентилятора, точно так же, как за работу с опасными механизмами без охраны; ибо там, где из-за небрежности теряется одна жизнь в последнем случае, тысячи преждевременно сходят в могилу в первом. Шлифовальные машины, влажные или сухие, также могут самым замечательным образом защитить свои легкие, просто позволяя расти бороде и усам. Волосатые отростки верхней губы и подбородка являются естественными респираторами, и было замечено, что те мужчины, которые позволяли ей в этом отношении поступать по-своему, обнаружили, что она несколько мудрее моды или популярного обихода.

Из тех ремесленников, которые подвергаются воздействию раздражающей пыли, вероятно, шахтеры занимают второе место после жалких измельчителей сухих материалов. Если мы исследуем состояние этих людей, нас сразу же поражают плачевные условия, в которых они трудятся, и поражает выносливость и терпение, с которыми они переносят труд, который для сытых, обеспеченных жильем уголовников является приятным времяпрепровождением. В настоящее время насчитывается свыше 300 000 человек, выполняющих роль гномов на благо общества в целом, изо дня в день проникающих в недра земли и выходящих оттуда вечером. О человеческой жизни они видят так же мало, как вереницы черных муравьев, которые, как мы наблюдаем, вылезают из своих нор в земле. И все же "Шахтер" - это промышленный атлас Англии. Если бы он прекратил трудиться, этот оживленный людской улей быстро успокоился бы, и гигантские механизмы, которые сейчас выполняют тяжелую работу в мире, стали бы такими же тихими, как заколдованный сад из сказки перед появлением принца. Без угля и железа, меди и олова, которые с трудом добываются из огромных глубин, Англия была бы всего лишь третьеразрядной державой. Жизнь, столь безрадостная и в то же время столь полезная — более того, необходимая для существования нашей страны, — должна, по крайней мере, получать от правительства всяческую защиту, какую только можно ему предоставить; и все же, если мы

последуем за шахтером в его галерею и рабочую камеру, мы будем поражены опасностями и трудностями, которые напрасно наваливаются на него в темном царстве, в котором он движется и существует. Давайте возьмем, к примеру, угольщик. Во многих карьерах на Западе Англии толщина угольных пластов не превышает двадцати или двадцати пяти дюймов; и поскольку целью рабочего является удаление угля с как можно меньшим количеством окружающей почвы, он часто перемещает свою машину на значительное расстояние через отверстие высотой не более двух футов, а часто и не более. Если наш взрослый читатель мужского пола снизойдет до того, чтобы присесть на корточки на полу, *по-турецки*, скажем, под обеденным столом, например, а затем представить себе неудобство ковыряния топором в нижней части красного дерева *prandial* в течение двенадцати часов, он получит некоторое представление о мускульном узле, в который бедный угольщик вынужден завязывать себя на весь срок своей трудовой деятельности, постоянно прибегая к интенсивным упражнениям. Можно ли удивляться тому, что при таких обстоятельствах аполлоноподобная форма человека становится постоянно искривленной, подобно узловатому корню дуба, согнутому пополам в трещине какой-нибудь скалы? Если мы посмотрим на угольщика, то сразу увидим, что его спина согнута, ноги согнуты, а мышцы-разгибатели икр иссохли из-за долгой болезни. Он так долго связывал себя узами, что высокое положение его расы становится для него наказанием. Достоверно известно, что несколько шахтеров, приговоренных к тюремному заключению в тюрьме Уэйкфилд с каторжными работами, жаловались только на то, что они были вынуждены во время работы сохранять обычную позу разумных существ. Но замкнутое пространство - лишь одно из многих неблагоприятных условий, в которых они работают. В большинстве случаев шахтеры работают в загрязненном воздухе, ибо, несмотря на все официальные проверки, вентиляция шахт по-прежнему отвратительна. Огненная сырость либо превращает его в пепел, либо удушающая сырость бесшумно лишает его жизни. Какой бы хорошей ни была, к тому же, общая система вентиляции в шахте, непредвиденные аварии произойдут в любой момент. Кирка угольщика попадает в штольню старого карьера, где углекислый газ скапливался, возможно, в течение столетия; и отравленный воздух врывается внутрь и делает свое дело в одно мгновение; или внезапное вторжение углекислого водорода, высвобожденного при падении массы угля, настигает шахтера, который работает, возможно, неосторожно, с голой свечой; и следует взрыв, после которого устье карьера заполняется вопящим множеством новоиспеченных вдов и сирот.

Ежегодно по этим причинам гибнет более 1500 человек, и не менее 10 000 несчастных случаев за тот же период свидетельствуют об опасном характере профессии шахтера, несмотря на строгий государственный контроль.^[50] Унизительно сознавать, что Англия все еще далеко отстает от континентальных стран в своих методах предотвращения этих ужасных катастроф. Мистер Макворт в своей лекции в Обществе искусств заявил, что смертность от несчастных случаев на угольных шахтах

	Убитые	люди.	
Пруссия	1·89	за	1000 долларов в год.
Бельгия	2·8	"	
Англия	4·5	"	
Стаффордшир	7·3	"	

Это сравнение, столь унижительное для Англии, не может быть объяснено превосходством наших соотечественников, поскольку добыча угля в Бельгии на один акр угольных месторождений вдвое ниже, чем в Англии. Однако мы хотим привлечь внимание не к драматическим авариям на угольных шахтах, которые время от времени поражают общество, а скорее к незаметному прогрессированию болезни, которая делает его смерть такой преждевременной, а его жизнь такой несчастной. В дополнение к его стесненному положению во время работы, его запас кислорода невелик; ибо, по всей вероятности, подаваемый ему воздух должен циркулировать на многие мили по шахте и проходить над экскрементными отложениями людей и лошадей и гниющими деревянными конструкциями шахты, прежде чем он, наконец, слабыми потоками достигнет его в его одиночной рабочей камере. Длительное лишение солнечного света, опять же, имеет тенденцию обеднять его кровь, бледнеть, короче говоря, подобно растительным продуктам, точно так же лишенным дневного света. Однако именно через легкие наносится основной удар по здоровью шахтера. Воздух угольной шахты (такой, какая она есть) содержит огромное количество угольной пыли в виде механической взвеси, и она, как само собой разумеющееся, постоянно поступает в легкие шахтера. Доказательством этого является так называемый “черный плевок” угольщика, который при рассмотрении под микроскопом оказывается состоящим из слизи, наполненной мелкодисперсными частицами угля. Постоянное вдыхание такой атмосферы приводит к тому, что называется “черным легким”. Короче говоря, дыхательный аппарат угольщика забивается угольной пылью, и после смерти он имеет вид обмакнутого в чернила. Писатель, [51] который недавно исследовал это необычное патологическое состояние, таким образом, делится своим опытом двух *посмертных* экспертиз:-

“В каждом случае черная паточатая жидкость, полученная таким образом при разрезании различных участков легкого (особенно задней и нижней частей нижних долей) и при разрезании бронхов, выпаривалась досуха, а остатки, измельченные и подвергнутые раскалению в фарфоровой реторте, вели себя точно так же, как уголь, при аналогичных обстоятельствах, т.е. выделялся газообразный продукт, похожий на дым, который, будучи слегка конденсированным, осаждал гидросульфид аммония и каменноугольную смолу, и, будучи очищенным таким образом, сжигался в во всех отношениях похожи на хорошо известные соединения двух карбидов водорода (обычный газ)”.

Доктор Грегори из Эдинбурга много лет спустя путем деструктивного анализа пришел к такому же выводу относительно углеродистой природы этого отложения. Присутствие этого инородного тела в легких приводит к целой череде легочных заболеваний. Астма, бронхит и пневмония встречаются слишком часто, и поэтому мы не удивлены, узнав, что общее количество заболеваний, перенесенных этой категорией людей за период жизни от двадцати до шестидесяти лет, составляет 95 недель, или 67 процентов, что больше общего среднего показателя.

Ревматизм, приводящий к сердечным заболеваниям, является еще одной очень распространенной жалобой шахтеров. Действительно, все условия на плохо управляемых шахтах кажутся подготовленными для распространения этого заболевания. Когда шахты забиваются на сколько-нибудь значительную глубину, температура пропорционально повышается, и 80 градусов по Фаренгейту - обычная температура в конце горных выработок

круглый год. После пребывания в этой гнетущей атмосфере в течение целого дня угольщик, возможно, внезапно выходит на открытый воздух у устья карьера, смертельно подавленный длительным напряжением, когда резкий ветер обдувает поверхность земли при температуре намного ниже точки замерзания. На угольном месторождении, простирающемся от Валансьена до Экс-ла-Шапель, шахты бросаются в глаза издали благодаря наличию огромных зданий, которые окружают оборудование и верхнюю часть карьера. В этих зданиях подготовлены помещения, в которых угольщики переодеваются до и после работы и моются в ваннах, наполняемых горячей водой из паропровода. Важность этой санитарной меры предосторожности очень велика, поскольку угольщики, подобно трубочистам, подвержены кожным заболеваниям из-за запачканного состояния их кожи. Леди Бассетт, как мы понимаем, установила эти бани на своих рудниках в Кэмборне, в Корнуолле; но мы считаем, что обеспечение соблюдения санитарного акта такой важности не должно быть предоставлено филантропическим наклонностям отдельных лиц, а должно требоваться правительством. Если бы положение такого рода стало обязательным и было введено более строгое законодательство в отношении вентиляции шахт, без сомнения, можно было бы ликвидировать огромное количество заболеваний. Подсчитано, что самую плохую вентиляцию угольных шахт можно обеспечить за счет одного пенни на человека в день, и что в хорошо сконструированных печах потребление одной тонны угля в день на дне забитой шахты позволит каждому угольщику добывать на одну тонну угля больше в день при том же количестве усилий. В таком случае не может быть никакого оправдания массовому удушению шахтеров. Те владельцы шахт, которые открыты только для этих призывов к карманам брюк, должны знать, что в их финансовых интересах хорошо проветривать помещение, поскольку консервирующее действие чистого воздуха на древесные отходы, которые являются столь дорогостоящим предметом добычи полезных ископаемых, позволяет сэкономить 80%.

До сих пор наши замечания были направлены исключительно к угольным шахтам и угольщикам, поскольку это, безусловно, наиболее обширные промышленные занятия подобного рода. Рудники, содержащие металлы, такие как оловянные и медные рудники в Корнуолле и свинцовые рудники в Дербишире, находятся практически в таком же опасном состоянии, но в одном конкретном случае они все же более разрушительны для жизни, чем угольные шахты. В последнем случае уставшего рабочего поднимают из глубин шахт на поверхность с помощью веревки. С другой стороны, шахтеру из Корнуолла приходится тащить свое измученное тело в некоторых случаях на тысячи футов вверх по ряду крутых лестниц к устью шахты. Подсчитано, что таким образом многим шахтерам приходится каждую ночь прилагать усилия, равные восхождению на вершину Кадер Идрис, и это в заброшенной шахте, используемой для удаления загрязненного воздуха! Давно известно о пагубных последствиях для и без того уставшего шахтера, однако лишь на нескольких крупных рудниках Корнуолла была задействована неумолимая рука паровой машины, чтобы избавить его от этой ненужной работы. Используемое оборудование называется человеком-машиной и полностью отличается от того, которое используется в угольных шахтах. Вместо веревки по всей длине шахты спускается балка из дерева или железа; к этой балке через равные промежутки в десять футов прикреплены небольшие платформы, достаточные для того, чтобы предоставить шахтеру место для стояния; по бокам шахты через те же промежутки расположены такие же платформы. При каждом такте двигателя балка поднимается или опускается на расстояние десяти футов, следовательно, шахтеру достаточно ступить с неподвижной платформы на движущуюся, чтобы подниматься на десять футов каждый раз, когда она поднимается. Таким образом, до ста человек одновременно

поднимаются на несколько тысяч футов за несколько минут, не прилагая усилий больших, чем необходимо для того, чтобы сделать несколько десятков шагов. Это любопытное изобретение принесло существенную пользу шахтерам, и там, где оно используется, наблюдается явное отсутствие сердечных заболеваний, вызванных лазанием по бесконечным лестницам, расположенным почти вертикально.

Доктор Гринхоу в своем отчете о распространенности определенных заболеваний в различных округах Англии и Уэльса очень четко доказывает пагубный характер работы добытчиков свинца, сравнивая показатели смертности мужчин и женщин в Рите и Олстоне, которые являются исключительно районами добычи свинца. В первом случае добытчики свинца умирают со скоростью 2037 на 100 000 человек всех возрастов, в то время как их жены, сестры и дочери, занятые по-разному, умирают с меньшей частотой - 1711 на 100 000 человек; другими словами, добыча свинца в этом типичном районе привела к превышению не менее чем на $3 \cdot 26$ смертей на каждые 100 000 жителей; и если мы сравним распространенность легочных заболеваний между двумя полами в возрасте старше двадцати лет, мы обнаружим, что уровень смертности мужчин вдвое выше, чем у женщин. Пагубное влияние добычи меди на мужское население не столь заметно, но все же оно достаточно очевидно. Так, в Редруте, где занимаются исключительно этим видом труда, мы обнаруживаем, что на каждые 100 000 человек населения на 220 мужчин умирает от легочных заболеваний больше, чем женщин; а в Пензансе, который является исключительно оловянным районом, количество потерь мужской жизни по сравнению с женской при том же населении всех возрастов составляет 104.

Каменщик, как и шахтер, особенно подвержен воздействию раздражающих веществ в легких. Утверждалось, что в Эдинбурге представители этого ремесла редко живут больше пятидесяти лет. Это, несомненно, связано с характером материала, с которым они работают. Есть веские основания предполагать, что степень повреждения нежных воздушных клеток легких должна определяться природой вдыхаемых частиц. Таким образом, неровные куски гранита, оторванные долотом, с гораздо большей вероятностью нанесут вред, чем менее неровная пыль каменщика. Таким образом, мы можем объяснить высокий уровень смертности, который, как говорят, существует среди масонов нашей северной столицы. Чистильщики в гончарных мастерских занимаются своим страшным ремеслом в атмосфере, насыщенной измельченными кремнями, минеральной пылью самого неприятного свойства: поэтому мы не удивляемся, когда слышим, что при этом процессе легочные заболевания все еще более распространены, чем среди эдинбургских каменщиков, и немногим уступают заболеваниям сухих точильщиков в Шеффилде, которые получают в свои легкие острые частицы стали, а также пыль от точильных камней. [52] Нет необходимости рассматривать все профессии, подверженные воздействию пыли, поскольку ремесленники, занятые в них, точно так же подвержены легочным заболеваниям, если не в такой же степени. Так, мельники заболевают чахоткой и астмой из-за плавающей муки на их мельницах; табакерщики - из-за нюхательного табака, которым пропитан воздух на их рабочих местах; изготовители жемчужных пуговиц страдают еще больше от той же причины; а мужчины из Шеффилда, которые обрабатывают ножи древесиной какао или эбенового дерева, поражены болезнью, в точности подобной сенной астме. Дрянные шлифовальщики из Уэст-Райдинга, которые измельчают тряпки в машине под названием "дьявол", подвержены тому, что они называют лихорадкой дрянного производства, из-за дьявольской пыли, выделяющейся в процессе разрыва. Специалисты по уходу за волосами, особенно за чужеродными, быстро портят здоровье из-за пыли и зловония, образующихся при их работе.

Однако пагубные последствия, возникающие в результате преследования этих профессий, теряют свою значимость по сравнению с разрушениями, вызванными плавающим пухом на льнокомбинатах. На этих заводах работают дети нежного возраста, которым приходится работать в атмосфере, насыщенной растительными частицами до такой степени, что в какой-то мере это затуманивает зрение. Хеклеры - главные страдальцы в этом промышленном департаменте, особенно дети, многие из которых вынуждены работать в то же время, что и взрослые, — то есть до тех пор, пока человеческая природа вообще может выдерживать. Однако нам будет что сказать, когда мы перейдем к рассмотрению последствий отбеливания и крашения, в отношении тех профессий, которые истощают юношеские силы значительной части работающего населения и, таким образом, наносят бесконечно больший ущерб расе, чем более любопытные болезни мелких профессий, которые могут быть достаточно серьезными, но поражают не более бесконечно малой части населения.

Можно было бы предположить, что работники по разложению растительной и животной материи будут страдать от болезней и смертности, уступающих только ремесленникам, подвергающимся воздействию эманаций ядовитых металлов. *Априори*, мы должны были бы сказать, например, что мусорщики, ночные рабочие и работники канализации были бы одними из самых нездоровых представителей рабочего класса, и, действительно, обычные санитары вкратце сказали бы нам, что так и должно быть. Грязный и пыльный мусорщик, само имя которого является поношением, проводит лучшую часть своей жизни, убирая отвратительные отбросы цивилизации; у него есть еще одна обязанность, которую он должен выполнить, что приводит его в еще более тесный контакт с неприятными эманациями. Прилавок, или двор мусорщиков, - это, конечно, огромное скопление мусора с улиц, отбросов с рынков, ночной земли и пыли из домов, но им не позволено оставаться в бродящей и неразборчивой массе. Почти сразу после того, как он осажден, мужчины, женщины и мальчики нанимаются просеивать и сортировать кучу; кости, стекло, шерстяные и льняные тряпки, старое железо и другие металлы должны быть удалены из массы и отложены в сторону, а угли и крупная зола извлекаются из бесполезной золы "горцами". Вряд ли было бы возможно привести человеческую жизнь в более тесный контакт со всевозможной грязью, чем мы находим это у работников этих лавок для непрофессионалов. И все же, как ни странно, доктор Гай, исследовавший их санитарное состояние, пришел к выводу, что они являются одними из самых здоровых представителей нашего работающего населения. "Они, за очень немногими исключениями, - говорит он нам, - здоровая раса с румяным цветом лица"; то есть они наносят свои естественные румяна под искусственный оттенок, меняя более модный метод майской ярмарки.

"Один или два мальчика, " рассказывает он нам, - которых я видел за работой, были бы отличными моделями для художника". Наши лондонские читатели, возможно, помнят, что видели отряды крепких и румяных молодых женщин, возможно, не в послеобеденном туалете, которые около пяти часов направлялись от Мраморной арки через Гайд-парк; это "женщины с холмов", в основном ирландки, направлявшиеся домой на лежбища Вестминстера; их внешний вид вполне подтверждает взгляды доктора Гая относительно здорового вида этих работниц. Мастера-мусорщики, которые живут со всеми своими семьями среди этих куч пыльного запустения, еще больше восхищают этого искателя истины; и, наконец, нарушая спокойную бесстрастную манеру, которую обычно навязывает себе философ-государственник, имеющий дело только с общими истинами, он таким образом справедливо выражает свое восхищение родом мусорщиков:

Завершая этот отчет о здоровье этого очень полезного класса людей, я просто добавлю, что примерно десяток мастеров-мусорщиков, которые неоднократно привлекались к суду, о котором уже упоминалось (обвинение в причинении неудобств владельцу прилавка), как источник этих расследований, *являются самыми здоровыми людьми, которых я когда-либо видел*. Я не думаю, что в городе или сельской местности такая группа людей могла быть собрана вместе, кроме как путем отбора; и не будет преувеличением утверждать о них, что если бы сравнение ограничивалось жителями Лондона или наших крупных городов, то не нашлось бы и десятка отборных торговцев, которые могли бы сравниться с таким же количеством случайно собранных вместе мусорщиков ”.

Это высокая похвала, и, несомненно, заслуженная; но, однако, мало кто заподозрил бы, что Гигея так крепко прижимала к своей груди чумазого мусорщика в его грязном платье. Доктор Гай, однако, приводит точные цифры его приятных успехов. Если мы сравним мусорщика с другими рабочими, оказавшимися в несколько схожих обстоятельствах, он превзойдет их с триумфом. Таким образом, в то время как рабочий каменщика, как правило, очень бедный ирландец, это правда, страдает лихорадкой в соотношении 35½%, а каменщик - 21%, мусорщик заболевает только 8%. о болезни по той же причине. Этот результат действительно кажется удивительным, когда мы вспоминаем, что санитары иногда приписывают так много болезней присутствию заброшенной мусорной кучи; но, как очень справедливо замечает доктор Гай, те излучения, которые могут оказаться вредными, находясь в ограниченном пространстве — а наши дома, подобно стеклянным колпакам, покрывают и удерживают бесчисленные загрязнения, — становятся безвредными при полном контакте с воздухом. Мы подозреваем, однако, что способность пепла поглощать вредные эманации всех видов лежит в основе поразительного иммунитета, который мусорщик проявляет ко всем лихорадочным жалобам. Ночные жители и уборщики, опять же, вступают в прямое общение с самыми отвратительными и, как принято считать, наиболее ядовитыми выделениями животных; они вызывают самый очаг лихорадки, однако, как заметили многие наблюдатели, они на удивление свободны от этой болезни. Сэр Энтони Карлайл рассказывает нам, что из пятидесяти человек, работавших в канализации в его время, только трое болели лихорадкой. Такрах заявляет, что из восемнадцати обследованных его ассистентом, только у двоих были даже легкие расстройства, и они сообщили ему, что аппетит усилился из-за выделений; и, наконец, доктор Гай сообщает нам, что из тридцати четырех ночных пациентов, обследованных им, только у одного случился приступ лихорадки, и то только из-за того, что он не работал три недели; короче говоря, он страдал *от перемены воздуха* и, возможно, от недостатка пищи. Доктор Гай в небольшой брошюре, которую мы уже цитировали, приводит в высшей степени примечательный факт, иллюстрирующий изменение мнения даже среди медиков относительно воздействия ослабляющих канализационных эманаций. Он говорит, что джентльмен, который сопровождал его во время одной из инспекций мусоросборника, сообщил ему, что “он прекрасно помнит, как тридцать лет назад, когда он был мальчиком, наблюдал целых двенадцать пациентов, которых тогдашние власти дня *направили вокруг всходов* для ночной обработки почвы на территории его отца; и он обратился за подтверждением этого заявления к своему брату, который сказал, что видел десятки пациентов, усердно вдыхавших эту любопытную дозу лекарства”. Такрах, написавший свой знаменитый “Трактат о воздействии на организм человека”. о профессиях, влияющих на здоровье”, относящаяся к этому периоду, рассказывает нам, что родители чахоточного юноши в свое время приучили их к мясному ремеслу в надежде предотвратить эту грозную болезнь. Пытаясь избежать Сциллы, они попали в Харибду, поскольку хорошо

установленный факт заключается в том, что мясники, хотя и не болеют чахоткой и золотухой, очень склонны к воспалительным заболеваниям. Они редко болеют, но когда заболевают, им приходится нелегко — настолько, что как класс эти веселые, краснолицые люди, олицетворяющие собой их собственную добычу, живут недолго. Воздействие эманаций животных и контакт веществ животного происхождения с кожей для защиты рабочих от чахотки являются весьма примечательным обстоятельством. Кожевенники, постоянно работающие на кожевенных фабриках, как мы полагаем, редко заболевают чахоткой; и те ремесленники на шерстяных фабриках, называемые суконщиками, чья кожа в течение дня смазывается маслом, представляют собой разительный контраст с рабочими на хлопчатобумажных фабриках, поскольку их плоть пухлая и розовая, а мускулы сильные. Мистер Томпсон из Перта, исследовавший этот вопрос, обнаружил, что вес ста молодых людей, занятых таким образом, увеличился за три месяца на 575 фунтов, что в среднем составило $5\frac{1}{2}$ фунта, а в восьми отобранных случаях прирост за тот же короткий период составил в среднем не менее 17 фунтов. каждый человек. Благотворное влияние этого направления шерстяной промышленности настолько хорошо известно, что в Йоркшире представители высших слоев общества часто отправляют хрупких членов своих семей на шерстяные фабрики для улучшения их здоровья. Нанесение масла, особенно рыбьего жира, на кожу действительно рекомендовано пациентам, страдающим чахоткой, поскольку при этом в организм может попасть большее количество углеродсодержащего материала без нарушения его работы, чем при любом другом способе. После того, как мы привлекли внимание к стольким профессиям, которые положительно вредят ремесленникам, по крайней мере отрадно иметь возможность указать на одно крупное и быстро развивающееся производство, которое столь явно благотворно влияет на здоровье человека.

Существует класс ремесленников, которые страдают от вдыхания ядовитых веществ в легкие, например, точильщики, каменщики и т. Д., Но инородное вещество здесь проявляется в виде тонкого пара, а не в виде пыли. Мы мало задумываемся, когда чиркаем спичкой от люцифера — этого несравненного продукта цивилизации, изобретатель которого заслуживает памятника в каждой столице Европы, — о том, какие страдания это могло причинить при его изготовлении. Состав на конце спички состоит из фосфора, смешанного с оксимуратом калия и клеем, превращенным в пасту, которую сохраняют жидкой, помещая на нагретую металлическую пластину. В этот состав "черпачок" опускает пачку спичек, и при этом он вынужден вдыхать выделяющийся пар, сильно насыщенный фосфорной кислотой, воздействие которой на него иногда бывает самым пагубным. Через некоторое время он испытывает самые мучительные боли в костях челюсти, но главным образом в нижней; они начинают опухать, появляются гнойные выделения, и, наконец, кость отмирает и отходит. У мистера Стэнли, одного из хирургов больницы Святого Варфоломея, был пациент, который таким образом потерял всю нижнюю челюсть. По-видимому, существуют значительные сомнения в том, действует ли яд локально или конституционально. Естественно было бы предположить, что если бы воздействие было локальным, то сначала оно подействовало бы на кости носа, но, насколько показывает опыт хирургического вмешательства, "ковш" всегда сохраняет нос нетронутым. О том, что ядовитые пары оказывают определенное конституциональное воздействие, сразу говорит внешний вид рабочего; мертвенно-бледный цвет лица, до степени истощенный и болезненно нервный, он производит впечатление человека, страдающего от присутствия в крови какого-то раздражающего яда. Безусловно, очень примечательно, что фосфор, который в форме фосфата извести является очень важным компонентом костей, оказывает на них такое экстраординарное воздействие при поступлении в организм описанным нами способом. Нам неизвестно, чтобы

это лекарство при попадании только в желудок когда-либо производило отмеченный местный эффект; но, без сомнения, дело в количестве ядовитого вещества, воздействию которого подвергается рабочий, поскольку он не только получает пары непосредственно в рот и дыхательные пути в процессе “макания”, но и вся атмосфера фабрики становится настолько пропитанной фосфором вследствие его улетучивания при продолжении процесса сушки спичек, что его одежда даже пропитывается до такой степени, что в темноте кажется совершенно светящейся. В Вене, где производится огромное количество люциферовых спичек, некроз челюсти является обычным явлением среди рабочих; и немецкие врачи полагают, что болезнь возникает главным образом у золотушных людей, надкостница или выстилающая мембрана костей которых особенно подвержена воспалительному действию, за которым само собой следует отмирание кости. Если этот взгляд на дело верен, то все золотушные лица должны быть предупреждены об отказе от работы, как опасной, и во всех случаях работодатели должны принять все меры предосторожности, которые в их силах, чтобы предотвратить повторение такого вреда для нанятых. Мистер Стэнли говорит, что скипидарное масло, являющееся растворителем фосфора, при разливании по блюдам поглощает пары, которые причиняют столько вреда, и что его применение на большой спичечной фабрике “люцифер”, расположенной по соседству с Лондонской больницей, увенчалось величайшим успехом. Таким образом, мы имеем еще один пример способности химика заставлять хорошие элементы своего ремесла сражаться со злыми во имя человечества.

Другим и более распространенным примером, когда рабочий приносится в жертву роскоши, является случай с позолотчиком воды. Мастерство этого ремесленника заключается в золочении металлов, в основном серебра, с помощью огня. Позолоченный металл покрывается смесью золота и ртути, а затем подвергается воздействию паров древесного угля, которые удаляют ртуть и оставляют золото прилипшим к металлу. Во время процесса пары ртути вдыхаются рабочим и, действительно, осаждают свои металлосодержащие частицы по всей поверхности кожи. В результате он быстро заболевает ртутной дрожью, или, говоря языком семинара, у него начинается “приступ дрожи”. Если он продолжает свою работу, тремор быстро усиливается. Доктор Ватсон, описывая пациента, страдающего таким недугом, говорит: —

“Его ввели в комнату, он шел неуверенными шагами, его конечности дрожали и пританцовывали, как будто его подвесили на проводах. Сидя на стуле, он был сравнительно спокоен — вы бы не подумали, что у него что-нибудь болело; но как только он попытался встать и пройтись, его ноги начали сильно дрожать от быстрого движения. Он не мог ни удерживать их устойчиво, ни направлять с точностью”.

Если бы на это не было больно смотреть, бессвязные мускульные действия рабочих, страдающих таким образом, показались бы нелепыми. Пытаясь запихнуть пищу в рот, он иногда, как при хорее, прижимает ее к глазу или щеке; известны крайние случаи, когда несчастный позолотчик, пострадавший таким образом, был вынужден принимать пищу, как четвероногое. По мере прогрессирования болезни цвет лица приобретает коричневый оттенок, и вскоре наступает бред и, наконец, потеря сознания. К этому цвету лица добавляется позолота воды; и поскольку тот, кто серебрит зеркала, подвергается действию ртути как при прикосновении, так и при вдыхании, на него оказывается тот же эффект. Если бы очаровательная красавица, рассматривающая свою красоту в зеркале, могла хотя бы на мгновение увидеть отражение этого бедного, разбитого вдребезги человеческого создания с дрожащими мускулами, смуглым лицом и почерневшими зубами, она, несомненно, вздрогнула

бы от ужаса; но, как бы то ни было, рабы роскоши и тщеславия уходят из жизни незамеченными и без присмотра, по мере того как поток путешественников один за другим исчезает за мостом Мирза. К счастью, тонкое прикосновение электричества в какой-то мере освободило позолотчика воды от ужасов его искусства. Вольтова батарея теперь осаждает металл без вмешательства ртути, и наука устранила еще одно из тех разрушительных факторов, которые до сих пор поражали этот класс ремесленников.

Посеребрение зеркал и зазеркалья все еще остается опасной операцией; но не может быть никаких сомнений в том, что при правильно сконструированных дымоходах плавающий металл был бы полностью удален. Действительно, большая часть металла теперь выходит через дымоход; Такрах рассказывает нам, что один фабрикант сообщил ему, что однажды при очистке дымохода он собрал двадцать фунтов хорошей ртути. Другой и очень доступный прием, к которому иногда прибегают те, кто подвергается воздействию паров и оксида ртути, заключается в том, чтобы прикрыть рот трубкообразным хоботком, который свисает с пути плавающего металла и, таким образом, пропускает чистый воздух к оператору.

Такра говорит нам, что медники также страдают от вдыхания улетучившегося металла. Медеплавильщики Бирмингема страдают от перемежающейся лихорадки, которую они называют медной лихорадкой. Эта болезнь приводит их в состояние глубокой слабости. Медные филеры, по тому же свидетельству, подвержены весьма своеобразной привязанности, подобно синице-перепелке, их шерсть приобретает ярко-зеленый цвет. Предполагается, что медь, содержащаяся в латунной пыли, соединяется с волосным жиром, и таким образом образуется оксид меди. Медники, конечно, страдают подобным образом. Водопроводчики во время литья подвергаются воздействию испаряющегося оксида свинца, который со временем вызывает паралич; и во время пайки возникает много вредных паров сладковатого вкуса и очень вяжущего характера, которые часто вызывают сильные приступы запора.

Но ядовитые металлы могут поражать слизистую оболочку в форме мелкодисперсного порошка, используемого в технике. Существует чрезвычайно красивая бумага яблочно-зеленого цвета, которую часто выбирают за прохладный и жизнерадостный внешний вид. Автор сам когда-то был введен в заблуждение соблазнительным внешним видом статьи с таким описанием и снабдил ею свою библиотеку. Как ни странно, сильный холод, казалось, охватывал каждого, даже в разгар лета, кто надолго задерживался в этой квартире, особенно если они сильно соприкасались со стенами. Когда я спросил о вешалке для бумаг, загадка была быстро объяснена. "Я никогда не вешаю такую бумагу, - сказал он, - без того, чтобы у меня не заболело горло и не потекли глаза. Все профессионалы знают, что при простуде полезно иметь с ней дело". Веселый зеленый цвет бумаги не менее смертоносен, чем ацетоарсенит меди, раздражающий яд первого класса. Флокированная часть бумаги содержит большое количество пигмента в виде пыли, которая, конечно, может очень незначительно отделяться от стенок. Ошибочно предполагалось, что металл должен испариться под действием тепла, прежде чем его можно будет отделить от бумаги; но действие отделения механическое, а не химическое; ядовитая пыль либо падает, либо смахивается со стены и смешивается с обычной пылью в комнате; поднятия книги или перемещения стопки бумаг оказывается достаточным, чтобы привести эти частицы в движение и привести их в соприкосновение со слизистыми оболочками глаз, носа и горла; отсюда вызываемое сильное раздражение, которое так близко напоминает последствия сильной простуды головы. Профессор Тейлор, знаменитый медицинский

токсоколог, более того, доказал наличие мышьяка в пыли, выпадающей из этого вида бумаги. В письме в "*Медикал Таймс энд газетт*" от 1 января 1859 года он пишет:

“Я закупил в магазине гг. Marratt и короткие, оптика, 68, Кинг-Вильям-стрит, Лондонского моста, некоторое количество пыли для целей анализа. Стены этого магазина оклеены неглазурованной бумагой, содержащей мышьяк, и, как мне сообщили, они были оклеены таким образом в течение примерно трех лет. При сборе этой пыли с крышек ящиков с инструментами соблюдалась большая осторожность, чтобы не касаться стенок. Количество, собранное таким образом для исследования, составило около 450 крупинок. Она была почти черной и под микроскопом казалась состоящей из волокон частиц сажи. Она была очень легкой и хлопьевидной. Сто пятьдесят крупинок пыли были исследованы методом Рейнша, и из нее было получено достаточно металлического мышьяка, чтобы покрыть примерно десять квадратных дюймов медной фольги в дополнение к куску медной сетки. Из последнего осадка при нагревании были легко получены октаэдрические кристаллы мышьяка. С футляра не вытирали пыль в течение девяти месяцев. Было обнаружено, что даже пыль от инструментов, запертых в футлярах, которые были высланы сзади только зеленой бумагой, была насыщена этим ядовитым пигментом. Половины крупинки пыли хватило, чтобы довольно густо покрыть металлическим мышьяком квадратный дюйм медной сетки. Эти факты, ” говорит профессор Тейлор, - приводят к неизбежному выводу, что воздух комнаты, стены которой оклеены неглазурованной бумагой мышьяково-зеленого цвета, может быть насыщен мелкодисперсной пылью ядовитого ацетоарсенита меди. Те, кто обитает в этих комнатах, вынуждены дышать пылью. Таким образом, яд может проникнуть через легочную мембрану в организм или локально воздействовать на глаза, нос и горло ”.

После этого безукоризненного свидетельства ядовитого характера пигмента в этой бумаге нетрудно понять, что рабочие, занятые его изготовлением, особенно подвержены приступам болезни, проявляющим все симптомы острого гриппа; или что разносчики бумаги, расклеивая его, иногда вынуждены на время оставлять работу, чтобы избавиться от тревожных симптомов, вызываемых манипуляциями с ним.

В Шеффилде есть занятие, связанное с изготовлением инструментов, которое образует, так сказать, связующее звено между болезнями, вызываемыми работой со сталью, и теми, которые возникают при работе со свинцом: мы имеем в виду изготовление напильников. К сожалению, различные препараты свинца в значительной степени используются в искусстве и мануфактурах этой страны; и поскольку его действие на человеческий организм очень велико, его пагубное влияние ощущается в огромном количестве профессий разнообразного характера. Таким образом, производители свинцовых белил, листогибочные машины, маляры, сантехники, гончары, фарфоровые мануфактуры, красильщики, стекольщики, эмалировщики открыток, добытчики свинца и дробильщики - все попадают под влияние сатурна; даже бедные бельгийские кружевницы не избежали этого, поскольку производитель, чтобы придать волокну белый вид, требует, чтобы они посыпали его порошком из свинцовых белил, и, возможно, таким образом оно попадет на светлую кожу герцогини!

Может показаться странным, что рабочий по обработке стали страдает от отравления свинцом, но это происходит следующим образом: —Напильщик, чтобы надежно удерживать напильник и в то же время защитить тонкий край острой стамески, которой он режет торцевую поверхность напильника, помещает ее на слой свинца, который опирается на наковальню. При

распиливании больших трехквдратных напильников рабочий расходует до фунта свинца в неделю; он отделяется от массы трением и использованием стамески в виде мелкого черного порошка. Любопытно, что первая часть анатомиинапильника, которая подвергается воздействию, - это палец, лежащий на поводке; сначала он чувствует онемение, а затем становится парализованным. Если ремесленник не примет предупреждение этим безгловым прикосновением пальца, вскоре яд захватит его запястье, а затем в одно прекрасное утро он проснется и обнаружит, что у него, как это называется в ремесле, “отвисла рука”;^[53] то есть мышцы-разгибатели запястья парализованы, и рука беспомощно падает вперед, как передняя лапа кенгуру. Здесь специфическое действие яда проявилось через кожу пораженной части тела. То же самое наблюдается у маляров, которые более подвержены свинцовому параличу, чем, возможно, любые другие работники, работающие со свинцом. Первым страдает палец, который первым прикасается к кисти; и гончар, которому в процессе своего ремесла приходится макать свою посуду в смесь из свинца и кремней для получения глазури, страдает подобным образом, но еще более серьезно. Однако хорошо установлено, что конституциональные эффекты, проявляющиеся в упорных запорах и холестазе, возникают в результате попадания свинца непосредственно в рот либо в виде мелкодисперсных частиц, либо плавающих в воздухе, либо непосредственно из пальцев в манипуляторы: так, художники будут есть пищу пальцами, испачканными кистью. Простого выдоха краски достаточно, чтобы очень быстро парализовать некоторые органы; одной ночи, проведенной в свежеевыкрашенном доме, достаточно, чтобы вызвать холестаз, особенно у маленьких детей. А доктор Ватсон в своей “Врачебной практике” рассказывает случай, когда от опущенных рук пострадала женщина, которая, по ее словам, никоим образом не имела отношения к свинцу: однако при перекрестном допросе ее наконец выяснилось, что ее сыновья “предыдущим летом проводили свой досуг за изготовлением птичьих клеток и покраской их в зеленый цвет в единственной комнате, в которой она обычно жила”. Черпаки, как их называют в гончарных мастерских, возможно, подвергаются более страшным последствиям от отравления свинцом, чем любые другие рабочие: в дополнение к параличу и холециститу, тонкий яд иногда проникает в мозг, возникает мания, и они умирают в состоянии бреда. Измельчение и фасовка свинцовых белил настолько разрушительны, что люди могут работать на этом производстве только несколько часов в день; выделяющаяся пыль проникает под одежду и до такой степени покрывает кожу, что эти ремесленники, приняв лечебную ванну из сернистого калия, разведенного в воде, выходят черными как мел.

На этих работах крысы и мыши быстро отравляются мелкодисперсной свинцово-белой пылью, которая проникает даже в их норы. Однако ремесленник, работающий со свинцом в различных его сочетаниях, может значительно облегчить свои проблемы, соблюдая идеальную чистоту. Перед каждым приемом пищи он должен тщательно мыть руки, а после работы переодеваться. Медицинская наука дала ему возможность быть предупрежденным о попадании свинца в его организм по особому и редко ошибочному диагностическому признаку: там, где металл попал в организм, у края десен будет обнаружена синяя полоса; когда этого голубого Питера поднимут, он может знать, что опасность близка, и что, если он не будет более осторожен, его рука, зарабатывающая на хлеб, быстро бессильно упадет рядом с ним. Однако во всех случаях профилактика лучше лечения; и мы рады узнать, что в некоторых крупных малярных мастерских почти полностью избавлены от холецистита и паралича художников, заставляя ремесленников пить лимонад, приготовленный путем добавления капли серной кислоты в галлон воды. Предполагается, что серная кислота образует со свинцом, поступающим в рот и желудок, серу

этого металла, которая нерастворима и, следовательно, не может быть поглощена абсорбентами в организме.

Есть много важных классов работников, в страданиях которых нет ничего ни любопытного, ни драматичного, и которые, тем не менее, составляют самый многочисленный контингент армии смерти. Во главе этих унылых компаний маршируют портные, пекари и модистки из больших городов и поселков. Эти три категории приносят больше жертв тому, что ошибочно называют “английской смертью”, или чахоткой, чем любая другая. Тем не менее, не может быть никаких сомнений в том, что есть только одно условие, необходимое для того, чтобы сделать эти занятия сравнительно здоровыми, и что одно из них - это чистый воздух. Доктор Арно заставляет обезьян в Зоологическом саду преподавать нам урок, который мы не должны упускать из виду. В своих показаниях перед Комиссией по здравоохранению он говорит: —

Для обезьян был построен новый дом, и не жалели средств, которые, по мнению тех, кому было поручено управление, могли обеспечить этим уроженцам теплого климата весь достижимый комфорт и безопасность. К несчастью, однако, считалось, что цель будет достигнута наилучшим образом, если сделать новую комнату почти такой, какой является гостиная английского джентльмена. Для утепления две обычные решетки в гостиной были установлены как можно ближе к полу и с низкими дымоходными отверстиями, чтобы нагретый воздух в комнате не выходил через дымоходы, в то время как окна и другие отверстия в стенах наверху были сделаны как можно ближе. Некоторое количество дополнительного теплого воздуха поступало через отверстия в полу из расположенных под ним труб с горячей водой. Для вентиляции в холодную погоду в плинтусе помещения под полом были сделаны отверстия с ошибочной идеей, что углекислота, образующаяся при дыхании этих животных, поскольку она тяжелее другого воздуха в помещении, отделится от него и уйдет вниз. Когда все это было сделано, в комнату поместили около шестидесяти здоровых обезьян, многие из которых уже провели несколько зим в Англии. Месяц спустя более пятидесяти из них были мертвы, а несколько оставшихся умирали. Эта комната, открытая только внизу, была таким же настоящим гасителем для живых обезьян, как перевернутая кофейная чашка, которую держат над пламенем свечи и вокруг него, является гасителем свечи. Не только тепло от каминов и теплый воздух, который проникал через отверстия в полу, но и горячее дыхание и все нечистые выделения из тел обезьян поднимались сначала в верхнюю часть комнаты, чтобы полностью слиться с тамошней атмосферой, и никаким образом не могли вырваться наружу, кроме как как часть этой нечистой атмосферы, постепенно уходя через дымоходы и отверстия в плинтусах. Следовательно, с того момента, как обезьяны вошли в комнату, и до самой смерти у них не могло быть ни единого глотка свежего воздуха”.

The *Посмертное* исследование показало, что все эти обезьяны умерли от чахотки; так что у нас есть практическое доказательство того, что этой ужасной болезнью можно заразиться по желанию. Теперь то, что произошло в обезьяннике, происходит, в более мягкой форме, в сотнях мастерских, в которых работают портные и модистки в этом мегаполисе. В подавляющем большинстве случаев портные работают вместе в помещениях, никоим образом не соответствующих количеству людей, которые их занимают. Во многих случаях они работают по колено в цеху, когда термометр показывает от 95 до 100 градусов, при отсутствии какой бы то ни было вентиляции, потому что, когда она предоставляется, ослабленные рабочие, опасаясь простудных заболеваний, закрывают их. В результате по объему потребления они уступают только мясорубкам Sheffield и bakers. Скрещенные ноги, в которых он работает, в какой-то мере

приравнивают его к угольщику. Было высказано предположение, что вместо того, чтобы таким образом удваивать себя на все время своей трудовой жизни, он должен работать на доске, имеющей отверстие по окружности его тела, с закрепленным под ней сиденьем для его поддержки. Такое приспособление облегчило бы его положение и позволило бы ему подносить свою работу довольно близко к глазам, не наклоняясь над ней, как он делает в настоящее время. Поскольку портной работает в основном над черной одеждой, его глаза сильно напрягаются, особенно если он работает при газовом освещении: следовательно, у него сильно ухудшается зрение.

Пекарь подвергается еще большему количеству изнуряющих воздействий на свое здоровье, чем портной. Во всех случаях его рабочее место находится в замкнутом подвале, где духовка и газ поддерживают температуру на уровне тропиков. Обычно уборная находится поблизости, и канализация не всегда в порядке; воздух, и без того достаточно загрязненный, еще не загрязнен плавающей мучной пылью, которая так раздражает тонкие дыхательные пути легких. В атмосфере, таким образом намеренно отравленной элементами болезни, пекарь-подмастерье обычно находится взаперти с семи часов вечера до четырех утра следующего дня, а к концу недели он занят почти два дня подряд. Стоит ли удивляться, что уровень заболеваемости у них ужасающий — больше, чем даже у портных? Доктор Гай говорит нам, что не менее тридцати одного человека из ста плюются кровью и что каждый второй подмастерье пекарей с низкими ценами, которые работают в еще худших условиях, подвержен этой опаснейшей болезни. Мы убеждены, что общественность не может осознавать, что она ест хлеб свой насущный за счет жизнедеятельности производителей. Парламент отказался вмешаться в их защиту, но лорд Шефтсбери поддержал их дело, и мы верим, что вскоре сила общественного мнения приведет к отмене ночных работ, которые лежат в основе зла. В любом случае, те, кто желает помочь в освобождении этих рабов цивилизации, с удовольствием увидят внедрение аэрированного хлеба, который с помощью машин производит буханку гораздо более чистым способом, чем ручной труд, и выполняет весь процесс менее чем за час. Внедрение машин в эту торговлю сразу же устранил зло, на которое жалуются, которое в большинстве случаев является результатом ограниченности предприятий и недостаточных средств мастеров-пекарей.

Модистки, особенно лондонские, почти так же нездоровы, как портные. Свидетельство, представленное перед Специальным комитетом Палаты лордов в 1855 году для расследования целесообразности принятия законопроекта о защите рукодельниц, безусловно, ужасает в той истории, которую оно рассказывает о растрате юношеской жизни. В течение четырехмесячного сезона самое короткое время, которое эти бедные юные создания проводят за работой, — с шести утра до двенадцати ночи, а когда у них очень мало времени, они вынуждены принимать пищу стоя. В трудные времена молодых девушек заставляли работать четыре дня и ночь подряд; и лорд Эшли публично упомянул на собрании в Эксетер-холле 11 июля 1856 года свидетеля, который работал без сна с четырех часов дня в четверг до половины одиннадцатого вечера в воскресенье. Такой труд, как этот, в тесных комнатах, пропахших с человеческими испарениями, и еще больше ухудшилось из-за чрезмерного использования газа, вряд ли должен быть согласован в смертоносности по любой профессии занимаются даже по сильному полу; и мы не удивлены, узнав, что он является частым явлением в модных дамских магазинах, чтобы найти работников в обморок от истощения; как врач категорично говорит: “режим жизни полностью направлено на уничтожение здоровья человека может практически не быть надуманным.” Белый господин Купер, Королеве окулист, Штаты, в последнее время опубликованы работы на глазах, что он, как правило, наблюдается большой прирост больных

этот класс пришел к нему после того, как там был общий плач. Комитет Общества искусств, который несколько лет назад подготовил доклад о производственной патологии профессий, влияющих на глаза, рекомендует, чтобы свет падал на работу, а не на глаза; они также рекомендуют как можно чаще менять цвет материала, с которым работают рукодельницы, на том основании, что для сохранения тонуса органа он должен подвергаться разнообразным раздражителям, длительное использование одного и того же цвета неизбежно истощает его. Заслуживает внимания следующее предложение путешественницы, которое воплощено в этом интересном отчете: “Рукодельницам, вышивальщицам и кружевницам следует работать в комнатах, завешенных зелеными жалюзи и занавесками на окнах. Находясь в Северном Китае, я убедилась в том, с каким огромным преимуществом это правило было принято изысканными вышивальщицами той части. Их книги выкроек часто называют ‘Книгами Леди с зеленого окна’.” Среди болезней, поражающих работниц, мы не должны упускать из виду заболевание, называемое “коленом горничной”, которое характерно для тех слуг, которые много стоят на коленях на твердых влажных камнях или досках. Давление на колено вызывает очень болезненное воспаление сумки, или подушечки, которую природа поместила между кожей и надколенником, или коленной чашечкой.

Сапожники ведут сидячий образ жизни, как портные и модистки, но они не так часто работают в компании, следовательно, они избегают разрушительного влияния загрязненного воздуха; однако они, как и ткачи, подвержены заболеваниям желудка из-за постоянного давления, оказываемого на него, в их случае, последним. У некоторых старых сапожников обнаружено углубление под ложечкой в форме каблука ботинка, сформированное фактически давлением этого изделия, которое он зажимает между этой частью своего тела и коленями во время шитья. Подобно модисткам и портным, их зрение страдает из-за необходимости направлять такой тонкий предмет, как острие иглы: у сапожников-патентованщиков особенно страдают глаза из-за блестящей черноты материала, с которым они работают. Мы видим, что швейные машины были внедрены в эту торговлю в Нортгемптоне, к большому неудовольствию тех, кому они принесут пользу. Внедрение этой полезной машины сразу же возвысит это и множество других ремесел, таких как ремесла портных, модисток, перчаточников и всех, кто пользуется иглой, до уровня производителей, требующих значительного капитала, наличие которого является некоторой гарантией интеллекта и доброжелательности мастеров, а также для создания более крупных и полезных для здоровья мастерских для их сотрудников. Поскольку этот очень многочисленный класс рабочих в Великобритании насчитывает более полумиллиона человек, мы приветствуем швейную машинку как средство освобождения от необычной рутины.

Наборщик, работающий в атмосфере, очень похожей на ту, которой дышат портной и модистка, так же, как и они, подвержен тяжелым легочным заболеваниям. В редакциях некоторых газет их сажают так густо, как только могут выдержать их наборные ящики, и они продолжают свою монотонную работу, которая сводится к множеству мелких движений правой руки, перенося шрифты левой в процессе “настройки”, наборщики, у которых гораздо больше возможностей для движений, неизменно здоровее, чем наборщики газет; и доктор Дж. Гай заметил, что наборщики, работающие на верхних этажах крупных предприятий и, следовательно, в атмосфере, пропитанной нечистотами, которые поднимаются из переполненных помещений внизу и, возможно, вдобавок из машинного отделения, гораздо больше страдают от кровохарканья и чахотки, чем те, кто работает под ними. В типографии, проветриваемой таким образом, он смог провести весьма поучительное сравнение; например, на втором этаже было занято пятнадцать человек, а на третьем, самом верхнем этаже точно так же работали

семнадцать человек. При личном опросе каждого из мужчин относительно его здоровья, только четверо из пятнадцати на втором этаже пожаловались на какие-либо жалобы; у одного было несварение желудка, у второго - кашель, у третьего - язвы на ногах, а четвертого можно было бы назвать валетудинарием. Но из семнадцати человек, работавших на самом верхнем этаже, трое харкали кровью, двое были подвержены поражению легких, а пятеро страдали постоянными и сильными простудами. Таким образом, десять из этих семнадцати были подвержены заболеваниям, поражающим грудную клетку, в то время как только один из пятнадцати в комнате внизу страдал подобным заболеванием. В ходе своих расспросов о здоровье работников типографий тот же интеллигентный статистик наткнулся на другой факт, касающийся работников прессы, который, по-видимому, имеет общее значение. Печатники или те, кто снимает отпечатки с типов, созданных наборщиками, обычно находятся с ними в одном здании и часто в одной комнате, в совершенно одинаковых условиях с точки зрения вентиляции и качества воздуха; однако серия опросов выявляет тот факт, что печатники намного здоровее из них двоих. Единственный способ объяснить это различие заключается в характере их труда. Прессмену приходится прилагать длительные и несколько насильственные усилия, чтобы раскачивать рычаг своего прессы, разворачивать и переворачивать барабан и закручивать его ложе. По сравнению с этими разнообразными мышечными движениями самая тяжелая работа наборщика - перекладывать шрифты из футляра в наборную палочку; и все же в результате склонность наборщика к чахотке лишь вдвое меньше, чем у наборщика, а к другим заболеваниям на треть меньше.

Это весьма примечательный факт, который неопровержимо указывает на вывод о том, что те, кто много работает, могут гораздо безнаказаннее переносить затхлый воздух и жаркую атмосферу, чем те, кто ведет сидячий образ жизни. Прекрасная леди, удостоившая нас своим вниманием, возможно, сделает собственный вывод из этого опыта, который, без сомнения, согласуется с ее практикой и ее инстинктом, что гораздо лучше танцевать вальс до пяти часов утра в переполненном бальном зале, чем оставаться на тот же период безутешным "настенным цветком". По-видимому, существует также другой закон, касающийся двух классов рабочих, в равной степени заслуживающий внимания. Журналист, хотя у него самое крепкое здоровье и самый зеленый возраст, в отдельных случаях живет не так долго, как наборщик. Точно так же крепкий кузнец, хотя и гораздо более здоровый человек, чем портной, и, как правило, живет дольше, все же не насчитывает в своих рядах столько патриархов, сколько снип. Это сравнение справедливо для тех, кто много или мало занимается физическими упражнениями на свежем воздухе. Г—н Нейсон, который тщательно изучил этот факт в своей книге о статистике естественного движения населения, приводит следующую чрезвычайно интересную таблицу:-

Возраст.

ОЖИДАНИЕ ЖИЗНИ В

	домашней профессии, с		работой вне дома, с	
	небольшими физическими нагрузками.	Отличное упражнение.	Небольшое упражнение.	Отличное упражнение.
20	41·8822	42·0133	37·8017	43·4166
30	35·1170	34·5022	30·1435	36·5832
40	27·9113	27·8004	23·0357	29·1284
50	20·5022	21·1805	17·2754	21·9732

60	14·0430	15·1413	11·0169	15·5635
70	8·6490	10· 4407	4·5607	9·3313

Таким образом, в возрасте от двадцати до тридцати лет садовник, разнорабочий, тэтчер, погонщик скота и весь класс людей, которые тяжелым трудом зарабатывают себе на хлеб при ветре, дожде и солнце, рассчитывают прожить по крайней мере на шесть лет дольше, чем кучер, сторож и другие люди, которые в равной степени подвержены воздействию непогоды, но кровь которых не циркулирует в равной степени и не подслащивается постоянным и активным трудом. Следует также отметить, что уличный рабочий, мало занимающийся физическими упражнениями, преуспевает, но плохо по сравнению с сидячим внутренним рабочим — другими словами, жизнь кучера хуже, чем у лавочника. Однако мы подозреваем, как и мистер Нейсон, что невоздержанность, таким образом, должна стать решающим фактором против сидячих занятий на свежем воздухе. Мы все знаем, например, что Иегу не трезвенник, и наши подозрения, более того, усиливаются тем фактом, что машинисты, которые вынуждены соблюдать строгую трезвость, хотя и принадлежат к классу сидячих рабочих на улице и большую часть своей жизни подвергаются воздействию ураганного ветра и мокроте за рулем, все же удивительно свободны от чахотки - падучей болезни, которая убивает бедного печатника, который не может вынести малейшего сквозняка на своем рабочем месте.

По мере того, как мы поднимаемся по социальной лестнице, естественно было бы предположить, что ценность жизни для нас должна возрастать, а занятия становиться более полезными для здоровья. Однако возникает большой вопрос, не имеет ли ремесленник, подверженный стольким пагубным обстоятельствам, преимущества перед лавочником. На первый взгляд это может показаться невозможным, но когда мы начинаем рассматривать жизнь, которую ведут торговцы, и особенно мелкие, составляющие столь значительную часть класса, мы обнаруживаем, что они подвержены накоплению неблагоприятных влияний. Как правило, индивидуум этого рода ограничивает себя минимально возможным количеством комнаты, в которой он может заниматься своим бизнесом, — остальную часть дома он сдает под офисы. В этом замкнутом пространстве он живет, не занимаясь никакими надлежащими физическими упражнениями, часто лежа перду в темной внутренней комнате, через глазок которой он наблюдает за посетителями. Ночью он вдыхает атмосферу, загрязненную множеством газовых ламп, и когда, наконец, ставни закрываются, его часто можно застать за сортировкой и раскладыванием товаров, потревоженных днем. При таких обстоятельствах разве удивительно, что он погибает быстрее, чем ремесленник, который весь день трудится в каком-нибудь вредном ремесле, а ночью спит в каком-нибудь убогом жилище? Хорошо известно, что вряд ли можно найти такого человека, как лондонский торговец в третьем поколении. Класс полностью поддерживают румяные юноши, которые приезжают из деревни, полные надежд и здоровья, а затем постепенно превращаются в бледных торговцев среднего возраста, приобретая, так сказать, печальный цвет и облик большого города, подобно тому, как зайцы и лисы белеют в северных широтах, когда зима приносит свой снег.

Существуют определенные классы торговцев, которые страдают необычными кожными заболеваниями, возникающими в результате обращения с предметами их торговли. Так, мельник, руки которого постоянно погружены в муку, подвержен распространенному заболеванию этих органов в результате нападения мучного клеща - мелкого насекомого, которое содержится в некоторых видах муки. Зуд у бакалейщика, опять же, возникает при

обращении с сахаром, зараженным свойственными ему микроорганизмами. Мы видели сахар, который абсолютно перемещается по всей своей массе вследствие присутствия в нем огромного количества насекомых, которые легко нападают на руку и вызывают раздражение, подобное обычному зуду. Трубочисты, опять же, страдают от более грозной болезни — рака, вызванного раздражающими свойствами сажи на определенных участках кожи тела. Мы также не должны исключать из рядов нездоровых городских профессий убогую расу клерков, чьи монотонные занятия и поза, постоянно зафиксированные в форме буквы Z, превращают их в очень нездоровый класс людей.

Официанты в гостиницах и тавернах подрывают свое здоровье, тайком выпивая. Мой друг-медик говорит, что его опыт общения с ними таков, что, за редким исключением, все они *прогнали из-за постоянного всасывания*. Лакеи не пьют так много, но их так сильно перекармливают и недорабатывают, что они постоянно страдают от полнокровия. Цель “Джимса” - добежать до телят, но он расплачивается за свои амбиции. Фактически, они находятся в положении заключенных во Фримантле, Австралия, которые в то время, когда наши солдаты умирали от нехватки еды в Крыму, страдали от того, что широко называлось чумой обжорства. Чрезмерное перекармливание и недоработка, по-видимому, были правилом в исправительном учреждении для осужденных; и, как следствие, менее чем за шесть месяцев не менее 1554 пациентов прошли медицинское лечение с заболеваниями органов пищеварения, воспалительными поражениями глаз и кожными высыпаниями. Недолгое пособие и много работы вскоре приводят дело в порядок. нечасто представители низшего или среднего класса страдают от переедания; но пьянство является проклятием многих профессий. Гигантский возчик пивоварни, который, кажется, создан под стать фламандской команде, которой он управляет, на самом деле всего лишь гигант на глиняных ногах; его веселая внешность - обман и ловушка. Огромное количество пива и стаута, которое ему разрешают его работодатели — по принципу, как мы полагаем, что не следует надевать намордник на быка, который вытаптывает зерно, — настолько портит его кровь, что царапина повергает его ниц, и любая серьезная болезнь почти наверняка унесет его. Обычный рабочий, который живет практически в таких же условиях, за исключением искушения выпить, имеет среднюю продолжительность жизни 47 с половиной лет, но он обрывается в раннем возрасте 43 лет.

Если мы возьмем другой класс людей, постоянно попадающих впросак, мы обнаружим, что результат столь же неблагоприятен. Разнорабочий из метрополии, с чьим одутловатым лицом и дерзкой ухмылкой мы так хорошо знакомы, едва ли доживает половину своих дней. В его случае, в дополнение к постоянным выпивкам, он постоянно дышит, до двенадцати часов ночи, атмосферой, состоящей из дыхания пьяниц, несвежего табака и всех примесей, образующихся от яркого газового освещения джин-паласа; поэтому неудивительно обнаружить, что его средний возраст составляет всего 41 с половиной года; в то время как лакей может рассчитывать на то, что ему самому отведает оленины своего хозяина, пока ему не исполнится 44 с половиной года. Мытарь почти такой же великий грешник в невоздержанности, как и его слуга, и, как следствие, его жизнь по крайней мере на 2 с половиной года короче, чем очень ограниченный срок службы торговца.

Доктор Гай, который приложил немало усилий, чтобы выяснить ценность жизни в образованных классах, вывел удивительный результат: чем выше ступенька в социальной иерархии, чем больше возможностей для потакания своим желаниям, тем меньше шансов на долгую жизнь. Люди так долго привыкли смотреть на обладание богатством как на наилучшую гарантию

процветающего физического состояния, что они, возможно, будут удивлены, услышав, что по мере того, как у какого-либо класса людей отнимается полезный стимул труда, в той же пропорции сокращается ценность среднего срока их жизни. И все же наш общий опыт лишь согласуется с результатами научных исследований в этом вопросе. Когда человек, проживший долгую и активную жизнь, внезапно уходит на пенсию с мыслью, что он заслужил легкость и что ему пора повеселиться, десять против одного, что он избрал самый эффективный метод сокращения своей жизни; и как бы мы ни улыбались вкусу ушедшего на покой мыловара, который всегда считал своим долгом ходить в свою старую мастерскую в “дни кипячения”, все же мы можем видеть, что инстинкт руководил им правильно, ибо никто из нас не выносит безделья, и меньше всего те, кто долго занимался промышленностью.

Регулярность, трезвость и активность ума и тела - это пустяки, которыми питается жизненная сила; в то время как, напротив, роскошь, распущенность и лень являются язвами жизни. Сравнение продолжительности жизни различных образованных классов замечательным образом доказывает это. Возьмем, к примеру, три ученые профессии. Если бы читателя спросили, кто из священнослужителей, юристов или врачей жил дольше всех, скорее всего, он ответил бы “юрист”. Привыкший к почтенному возрасту на судейском месте и пораженный тем фактом, что наши ведущие законодатели, как правило, были и остаются дворянами очень преклонного возраста, он, возможно, был бы прав, отдав пальму первенства долголетия им. Но, по правде говоря, как класс, они живут меньше всех. Гонка идет ноздря в ноздю, это правда, но они проигрывают с разницей в одну голову. Священник, как мы, естественно, должны предположить, обладает более высоким уровнем здоровья и достигает большего возраста, чем любой член общины, за исключением бедняги Ходжа, самого скромного члена его паствы. Его средний возраст, принимая во внимание только тех людей, которым исполнилось 50 лет, составляет $74 \cdot 04$ года, или, скорее, более чем на год больше, чем у врача, который доживает до среднего возраста $72 \cdot 95$ лет. Этого незначительного различия, как и следовало ожидать, следует ожидать, поскольку последний подвержен многочисленным рискам заражения и живет в большей степени городской жизнью, чем первый. Однако, если провести сравнение между высшими классами двух профессий, между архиепископами и епископами и баронетами, которые занимали должности врачей и хирургов при государе, то последние имеют преимущество на четыре года, и в обоих случаях юрист отстает в гонке со священнослужителями и врачами: с последними в его обычном звании всего на несколько дней, а с классом баронетов-медиков, по сравнению с судьями, более чем на четыре года, насколько усердная учеба, чередующаяся с выпивкой портвейна, влияет на разницу, мы вряд ли сможем сказать. как бы это сказать. Дворянство можно считать примерно такими же долгожителями, как и духовенство; они имеют хорошее жилье, хорошо питаются и ведут сельскохозяйственный образ жизни с активными привычками, у них мало болезней, и они особенно свободны от чахотки. Офицеры военно-морского флота имеют небольшое преимущество перед армейскими — скажем, один год жизни. С этого момента, когда социальная иерархия совершает скачок и облачается в пурпур и тонкое полотно знати, светильник жизни начинает быстро угасать. Аристократия этой страны живет короче, более чем на один год, чем тот, кто занимается всеми заботами и волнениями священника, юриста или врача; а члены королевских домов (рассчитанные исходя из возраста членов континентальной, а также английской королевской семьи) спускаются по лестнице жизни так быстро, что им остается на три года меньше существования, чем пэру; и, наконец, мы подходим к “кругу и вершине самой верховной власти”. Властелин, стоящий на высочайшей вершине

человеческого величия, окруженный, казалось бы, всеми условиями, благоприятствующими комфорту и долголетию, огражденный от потерь, которые постоянно подстерегают на пути обычных смертных, — его жизнь действительно показалась бы нам счастливой; однако суровый факт бросит нам в лицо тот факт, что пески жизни у него текут гораздо быстрее, чем у любого другого представителя образованного класса. В среднем ему 64 года, или на 10 меньше, чем священнослужителям, которым, вероятно, приходится вести самую тяжелую битву в мире — борьбу сравнительной бедности с внешностью. Можно было бы “ясно показать”, говорит м-р Нейсон в своей “Статистике жизнедеятельности”, “проследив различные классы общества, в которых имеется достаточно средств к существованию, начав с самых скромных и перейдя к средним и высшим классам, что происходит постепенное сокращение продолжительности жизни; и что точно так же, как жизнь, со всем ее богатством, пышностью и великолепием, казалось бы, становится более ценной и заманчивой, так и ее возможности и шансы на наслаждение уменьшаются. Насколько позволяют судить результаты расчетов, это условие, по-видимому, напрямую вытекает из роскошного и изнеженного стиля жизни среди более богатых классов, чьи искусственные привычки влияют на характер и степень тех физических упражнений, которые в более простом классе общества сопровождаются долгой жизнью”. Воистину, в этой жизни есть дух компенсации, если бы мы только могли “извлечь его наружу”. Бедный тридцатилетний крестьянин, который скромно ужинает под живой изгородью, имеет шанс прожить на тринадцать лет дольше, чем монарх того же возраста, облаченный в пурпур и, возможно, повелитель половины обитаемого мира!

КОНЕЦ.

Сноски:

[1] Этот *коффи-хаус*, арендуемый Свитингом, не упоминается мистером Каннингемом в его Справочнике по Лондону. Он упоминает, что первый был основан в 1657 году на Сент-Майклс-элли в Корнхилле, а второй (дата не указана) - в "Рэйнбоу" на Флит-стрит. Мы думаем, что должны уступить место этому новому открытию между ними.

[2] Мебельный брокер сколотил свое состояние на рекламе, озаглавленной “Советы тем, кто собирается вступить в брак”. Наш остроумный друг *Панч* продолжил эту прелюдию единственным словом "*He*", заменяющим списки кроватей с четырьмя столбиками.

[3] В статье о чаях коммерции, которая появилась в *Ежеквартальном журнале Химического общества* за июль 1851 г.

[4] Ассамский чай - единственное исключение из этого правила, но импортируется его очень мало.

[5] Это продано господами. Дейкин с кладбища Святого Павла.

[6] Вряд ли нужно говорить, что великие лондонские пивовары никогда не подвергали себя подозрению в фальсификации своего напитка.

[7] Недавно был принят закон, который, как мы надеемся, в какой-то степени остановит более грубые махинации с продуктами питания среди населения.

[8] С тех пор ушел делать медвежий жир.

[9] О большом достоинстве этого вывода можно судить по тому обстоятельству, что несколько выдающихся естествоиспытателей из искреннего уважения к репутации профессора Оуэна попытались предотвратить публикацию статьи, в которой он с несомненной проницательностью научного гения уверенно объявил об этом факте.

[10] История миграций крысы вызывает сомнения, и ни на одно из этих свидетельств нельзя полагаться. Голдсмита заверили, что норвежская крыса, как ее называют, хотя она была совершенно неизвестна в этой стране, когда обосновалась в Англии, попала к нам с берегов Ирландии, куда ее доставляли на кораблях, поставлявших провизию в Гибралтар.

[11] Когда работала атмосферная железная дорога в Эпсом, крысы приходили за смазкой, которая использовалась для герметизации бесконечного кожного клапана, расположенного в верхней части всасывающей трубы. Некоторые из них попадали в трубу, из которой их высасывало с каждым проходящим поездом; тем не менее день за днем другие приносились в жертву таким же образом.

[12] Уроженец Индии, однажды заметив бегущую по полу крысу, наклонился, чтобы присмотреть за ней. Находясь в таком положении, он внезапно почувствовал, как что-то тянет его назад за волосы, и, подняв руку, обнаружил большую кобру, пытающуюся высвободить свои зубы из его прядей. Рептилия тоже заметила крысу и спрыгнула с крыши, когда пеон внезапно встал между охотником и его добычей. Змея и крыса сбежали, но судья округа распорядился снести дом на следующий день, и кобра была найдена с наполовину переваренной крысой в желудке.

[13] Одна-единственная дохлая крыса под полом сделает комнату непригодной для жилья. Финансист, известный в Европе, счел свою гостиную невыносимой. Он предположил, что канализация вышла из строя, и пошел на большие расходы, чтобы устранить зло. Неприятности продолжались, и крысолов догадался о причине беды. Когда он поднимал доски, возле провода от звонка была обнаружена дохлая крыса. В звонок позвонили, когда он проходил мимо, и рукоятка поймала его и задушила.

[14] В уютной маленькой квартирке, выглядевшей вполне по-домашнему по сравнению с работными домами обычных сумасшедших домов, во время нашего последнего визита мы увидели молодого музыканта, игравшего на виолончели перед восхищенной аудиторией. Прикосновения подобного удовольствия постоянно встречают посетителя, наполняя моральную атмосферу здания жизнерадостностью, полностью противоречащей его предвзятым представлениям об этом печально известном сумасшедшем доме.

[15] Мы считаем, что предпринимаются шаги для осуществления этого необходимого изменения; но если парламент не окажет давления на Министерство внутренних дел, мы ожидаем завершения работ после завершения строительства колонны Нельсона, и не раньше.

[16] Стены одной из палат Колни Хэтч повсюду украшены хорошо выполненными пациентом барельефными изображениями на греческие сюжеты. Нам сообщили, что сумасшедшие, которых переводят сюда из неотделанных палат, входят в квартиру с выражением восторга и особенно тщательно следят за сохранением предметов своего удовольствия в хорошем состоянии. В некоторых столичных приютах заключенные украсили свои тюремные помещения скульптурами и картинами; а немцы любят потакать своей любви к цвету, вставляя в некоторые окна витражи. Во Франции вокруг заведения в изобилии расставлены цветы, которые являются выдающимися источниками наслаждения. В этих вопросах нам есть чему поучиться у наших континентальных собратьев.

[17] Эти подробности, касающиеся колонии нищих сумасшедших в Гиле, взяты из статьи доктора Вебстера в *Журнале психологической медицины доктора Уинслоу*. Этот обзор, созданный доктором Форбсом Уинслоу и с самого начала находившийся под умелой редакцией, дал огромный импульс изучению психологии. Это расширило кругозор врача, лечащего душевнобольных, и, расширив его кругозор, дало ему гораздо лучшие знания об особом отделении, которым он раньше ограничивал свои исследования. Понять работу больного разума, не обладая знаниями о его обычных действиях, так же невозможно, как интерпретировать звуки больного легкого, не будучи предварительно знакомым со звуками здорового. Огромная услуга, которую оказал доктор Форбс Уинслоу, раскрыв феномены психики как в нормальном, так и в неупорядоченном состоянии, дает ему право на очень высокую оценку и заслуженно причисляет его к первым медико-психологам современности.

[18] В присоединенном отрывке, который взят из официального сообщения Комиссарам по делам о невменяемости и опубликован в одном из их парламентских отчетов, доктор Форбс Уинслоу объясняет принципы, которыми должен руководствоваться врач при моральном обращении с душевнобольными, когда они находятся под юридическим контролем и надзором: — “При лечении душевнобольных и при устройстве приютов, как государственных, так и частных, принцип лечения должен заключаться в полном и либеральном признании важности предоставления душевнобольным *максимального* объема свободы и снисхождения, совместимых с их безопасностью, охраняемостью и восстановлением; в то же время подвергая их *минимальной* степени механических и моральных ограничений, изоляции, затворничества и наблюдения, соответствующих их фактическому болезненному душевному состоянию в то время. Также необходимо иметь в виду, что в качестве важнейшего принципа лечебного воздействия важно, насколько это возможно, помещать душевнобольных, содержащихся в приютах, в сферу социального, доброго и домашнего влияния. Во многих случаях изоляция и абсолютная невосприимчивость ко всем видам раздражителей, физических и умственных, на острой и недавних стадиях безумия совершенно необходимы для выздоровления; но при определенных формах меланхолии, мономании и некоторых хронических болезненных состояниях ума ни один способ морального лечения не дает таких значительных лечебных результатов, как тот, о котором сейчас идет речь. Мне нет необходимости отмечать, что эта система лечения может быть принята только в тех учреждениях, где есть активный, опытный и интеллигентный постоянный медицинский работник, который полностью осознает огромную ценность такого домашнего семейного воздействия на умы душевнобольных. В нашем моральном обхождении разве мы иногда не проявляем чрезмерную осторожность и не проявляем, с самыми лучшими и добрыми намерениями, чрезмерную моральную сдержанность и бдительность? Я думаю, что иногда мы можем ошибаться, проявляя излишнее недоверие к душевнобольным. Настаивая на необходимости при определенных формах патологической

психики большой и постоянной бдительности, особенно в случаях суицидальной мономании, а также недавних и острых приступов, я бы посоветовал тем, кто руководит приютами, необходимость, с целью внедрения лечебного процесса лечения, больше доверять тем, кто вверен их попечению, и предоставлять пациентам большую свободу, снисхождение и вольготность, чем они в настоящее время пользуются во многих наших государственных и частных приютах. На многих стадиях безумия, при которых заключение необходимо, на слово пациента можно полностью положиться; и при определенных четко определенных ограничениях ему следует позволить чувствовать, что ему доверяют, что ему доверяют и что он не полностью (хотя и находится в заключении) лишен свободы действий. Я совершенно уверен, что разумная щедрость такого рода, как правило, сопровождается наилучшими лечебными результатами и в значительной степени способствует комфорту и счастью пациента. Пациентам следует разрешать время от времени посещать богослужения за пределами лечебницы, когда обстоятельства не противостоят этой практике; им также следует разрешать выходить за пределы лечебницы, посещать увеселительные заведения, посещать научные выставки; а врач-резидент должен стать их другом и компаньоном; таким образом, вселяя в них уверенность в своем мастерстве и добрых намерениях и примиряя их со степенью моральных ограничений, которым они могут быть неизбежно подвергнуты”.

[19] В Бельгии, где многие из нищих сумасшедших находятся в религиозных домах и за ними ухаживают братья и сестрицы этих заведений, нередко можно обнаружить пациентов в определенное время дня совершенно покинутыми и предоставленными самим себе — служители заняты своими религиозными обязанностями!

[20] Возможно, было бы также уместно заявить, что уполномоченные по делам бедных также рассматривали проблему с очень похожими выводами в 1851 году, и что расследования, проведенные шведским правительством состояния душевнобольных в Норвегии в 1835 году, еще раз подтверждают утверждение о том, что безумие в большей степени преобладает в сельской местности, чем в городских округах.

[21] Если зритель, перегнувшись через перила пристани и наблюдая за “Ойстер-стрит”, как уличные торговцы называют ряд лодок с устрицами, пришвартованных бок о бок, когда-нибудь недоумевал, почему в самый разгар рынка, когда палубы переполнены покупателями, матросы слоняются вокруг лодок или сидят на фальшборте, затягиваясь утренними трубками, в то время как обязанность отмерять устрицы и разносить их выполняют “Товарищества”, принадлежащие лондонской корпорации, то он никогда не сможет понять, почему это происходит. теперь он будет знать причину. Паровой транспорт, однако, несомненно, устранит многие из этих городских злоупотреблений, и железнодорожные устрицы окажут мощную помощь железнодорожному углю в отмене правил, которые не соответствуют эмансипированному духу эпохи.

[22] С тех пор, как это было написано, открылся новый рынок в Copenhagen Fields, и теперь сложилось совершенно иное положение вещей.

[23] Это возвращение содержит некоторую небольшую долю дичи, количество которой не указано.

[24] Мы признаем, что существует некоторое небольшое расхождение между этой оценкой мяса, убитого в сельской местности в Ньюгейте, и известным количеством, доставленным по железной дороге, поскольку, несомненно, 161 200 быков, 509 600 овец и 62 400 телят и свиней намного перевешивают 36 487 тонн мяса, доставленного различными линиями, даже “за вычетом” субпродуктов. Но мистер Гиблетт и вместе с ним члены комиссии Смитфилда настолько уверены, что он попал в точку, что мы отдаем должное его оценке и считаем само собой разумеющимся, что большая часть мяса, убитого в сельской местности, должна поступать на рынок другим транспортом, а не по железной дороге.

[25] С тех пор, как было написано вышеизложенное, эти прекрасные здания перешли во владение сэра Уильяма Армстронга, где под завесой секретности теперь изготавливаются его необычные орудия, полностью исключаящие пушки старого образца.

[26] Французский фабрикант, выполнивший заказ, направил письмо одному из камергеров императора, из которого мы берем следующую выдержку: “Я полагаю, это первый случай, когда Англия, которая до сих пор считалась способной удовлетворить самые непредвиденные потребности своей армии, оказалась вынужденной прибегнуть к помощи французской промышленности. Я слишком сильно стремился поддержать репутацию моей страны в глазах наших соперников, чтобы оставить что-либо незаконченным для выполнения порученного мне заказа, и я имел удовлетворение, получив от английского правительства самые лестные комплименты. С целью увековечения памяти об этой операции, которая является почти событием в промышленности, я заказал гравировку медали месье Луи Мерле, получившему большую премию в Риме и являющемуся одним из художников, которыми гордится Франция. Я искренне желаю удостоиться чести вручить эту медаль его Величеству Императору, а также модель винтовок, изготовленных для Англии; и я прошу ваше превосходительство быть настолько любезным, чтобы испросить для меня аудиенции у его Величества”. Аудиенция была дарована, а медаль и модель огнестрельного оружия представлены в надлежащем виде.

[27] Торговцам ежегодно предоставляется образец порошка Уолтемского аббатства, которым они руководствуются при его изготовлении.

[28] Правильнее было бы сравнить эту систему с нагревательным устройством в теплице. Горячие воды Мексиканского залива, протекающие через Атлантику, являются движущей силой, стимулирующей растительность Корнуолла, откуда на лондонский рынок поступают ранние овощи.

[29] Эффект этого Закона, принятого в 1839 году, был наиболее заметным. За три предыдущих года среднегодовые потери лесных судов составляли 56½, а человеческих жизней - 300. За три года, последовавших за его вступлением в строй, потери судов сократились до 23½, а человеческих жертв - до 106.

[30] В то время как гражданский рабочий призван выполнять работу солдата дома, как ни странно, мы отправляем солдата выполнять работу эмигранта за границу. Группа королевских инженеров некоторое время назад покинула эти берега с целью выполнения этой должности в Британской Колумбии.

[31] Мистер Джеффрис сообщает нам, что во время мятежа он видел плакат сержанта-вербовщика, на котором была гравюра британского солдата, зарубившего сипая и забравшего у него мешок с сокровищами.

[32] Эта идея об офицере санитарной службы полевых армий возникла у мистера Дж. Ранальда Мартина, который долгое время выступал за эту меру в своей переписке с медицинскими журналами и с правительством Ост-Индии. Этому джентльмену мы также обязаны предложением сотрудника службы здравоохранения в гражданской жизни.

[33] Код буквенных сигналов в игольчатом телеграфе, обычно используемом в Англии. Обычно используются две иглы, чтобы облегчить передачу сигналов:—

Пусть *a* обозначает отклонение *левой иглы влево, а вправо*; *b* отклонение *правой иглы влево, b вправо*. Тогда вот код:

+		<i>a</i>
A		<i>Б</i>
B		<i>а а а а</i>
C		<i>а а</i>
D		
а а	Ж	<i>а</i>
F		<i>а а</i>
G		<i>Б б</i>
Н	Б б б	<i>Л</i>
б б б	М	<i>Б б</i>
Н		<i>б - б - б</i>
L		<i>б б</i>
М		<i>б б</i>
N		<i>b</i>
O		<i>б</i>
П		<i>б - б - б</i>
		<i>а b</i>
S		<i>а а б б</i>
T		<i>а а а а б б б</i>
U	а а а б б б	<i>У</i>
W		<i>а b</i>
X	х	<i>а а б б</i>
Y		<i>а а а б б б б</i>

Таким образом, F обозначается двумя последовательными отклонениями левой иглы вправо; R - одновременным отклонением обеих игл влево. Там, где требуются обе иглы, они могут отклоняться одновременно; там, где используется только одна, ее отклонения обязательно должны быть последовательными. Знак+ означает “Я не понимаю”; буква E - “Я понимаю”.

[34] Нашим читателям, возможно, будет интересно воспроизвести первое опубликованное сообщение, которое мы можем найти об экспериментах профессора Уитстоуна, связанных с

электрическим телеграфом и появившихся до его знакомства с мистером Куком: “В июне прошлого года (1836 г.) в курсе лекций, прочитанных в Королевском колледже Лондона, профессор Уитстоун повторил свои эксперименты со скоростью распространения электричества, которые были опубликованы в *"Philosophical Transactions"* за 1834 год, но с изолированной цепью из медного провода, длина которого теперь была увеличена почти до четырех миль; длина провода была увеличена до четырех миль". толщина проволоки составляла 1-16 дюйма. Когда использовалось машинное электричество, электрометр, установленный в любой точке цепи, расходился, и везде, где нарушалась непрерывность цепи, были видны яркие искры. С помощью гальванической батареи или магнитоэлектрической машины вода разлагалась, стрелка гальванометра отклонялась и т. Д. В середине цепи. Но, что имеет более прямое отношение к теме сообщения нашего уважаемого корреспондента из Мюнхена, профессор Уитстоун в общих чертах описал средства, с помощью которых он предлагает преобразовать свой аппарат в электрический телеграф, который с помощью нескольких упоров для пальцев будет мгновенно и отчетливо передавать сообщения между самыми отдаленными пунктами. Эти эксперименты, как мы понимаем, все еще продолжаются, и аппарат в том виде, в каком он сконструирован в настоящее время, способен передавать тридцать простых сигналов, которых в сочетании различными способами будет полностью достаточно для целей телеграфной связи”. Из *Научно—популярного журнала* (Паркер, Стрэнд) за 1 марта 1837 года.

[35]

А	-
Б	----
Ц	----
Д	-----
е	--
е	----
г	-----
ч	-----
я	---
Дж	-----
К	-----
Л	---
М	-----
Н	-----
о'	----
п	-----
г	-----
р	--
с	---
Т	----

У - - - - -
В - - - - -
Ш - - - - -
х - - - - -
г - - - - -
з - - - - -

[36] Отдавая должное Компании, которая очень ревностно относится к деталям своих сообщений, мы позволяем себе заявить, что мы узнали вышеупомянутый факт от человека, полностью отключенного от Электрического телеграфа.

[37] Г-н Рейтер теперь выполняет эту обязанность как для внутренних, так и для зарубежных новостей.

[38] Использование металлической или заземляющей пластины будет понятно из следующего заявления Штайнхайля: “Из—за низкой проводящей способности воды или грунта по сравнению с металлами необходимо, чтобы в двух местах, где металлический проводник соединен с почвой, первый представлял очень большие поверхности контакта. Предполагая, что проводимость воды в два миллиона раз хуже, чем у меди, необходимо привести в соприкосновение с водой поверхность воды, пропорциональную этой величине. Если сечение медного провода составляет 0,5 квадратной линии, потребуется медная пластина площадью 61 квадратный фут, чтобы проводить гальванический ток через землю, как это было бы с данным проводом”.

[39] С таким же успехом можно утверждать, что почти все континентальные телеграфные сети объединились в конфедерацию, называемую Австро-Германским союзом, в которую входят линии Австрии, Пруссии, Саксонии, Баварии, Ганновера, Вюртемберга, Нидерландов, Дании и Великого герцогства Баден. Профсоюз регулирует тарифы и все вопросы, связанные с работой смежных линий.

[40] См. “Тариф, взимаемый за общие отправки на телеграфах Питтсбурга и Луисвилля, Jones Electric Telegraph, Нью-Йорк”, стр. 105.

[41] Пожарная служба Западной Англии, которая сохраняет за собой управление собственными двигателями.

[42]

Ниже приведены станции:—

Количество двигателей.

Уотлинг-стрит (главная станция)

4

Wellclose Кв.

3

Фаррингдон-Стрит

4

Чандоса-Стрит, Ковент-Гарден

3

Школьный Переулок, Рэтклиф

1

Horseferry Дороге, Вестминстерское

1

Ватерлоо-Роуд	1
Рай Подряд, Ротерхит	1
Джеффри Площади, Сент-Мэри-Топор	2
Whitecross Улица	1
Хай Холборн Г. № 254	2
Краун-Стрит, Сохо	2
- Уэллс-Стрит, Оксфорд-Стрит	1
Бейкер-Стрит, Портман-сквер	1
Кинг-Стрит, Золотой квадрат	3
Саутварк-Бридж-Роуд	3
Морган Лэйн, Тули-Стрит,	1
плавающий двигателя, от короля лестнице, Ротерхит	1
"покинуть Букингемский дворец	1-36

[43] Неоднократные ссылки на эту ценную работу более чем подтвердили мнение, которое мы первоначально высказали о ней. Мало найдется книг более полезных, чем то, что на самом деле является “Историей Лондона, прошлого и настоящего”.

[44] Крыша комплекса зданий, составляющих Сомерсет-Хаус, также непрерывна, что значительно увеличивает риск для всего здания, если одна его часть загорелась.

[45] В Ноттингеме, где по соседству есть гипс, как и в Париже, полы и перегородки делают такими же прочными, и в результате в этом городе здания редко сгорают дотла.

[46] Ниже приведены станции пожарных лестниц:-

Западный округ.-1. Эджуэр-роуд, недалеко от Кембридж-Террас; 2. Бейкер-стрит, угол Кинг-стрит; 3. Грейт-Портленд-стрит, у часовни; 4. Нью-роуд, угол Олбани-стрит; 5. Нью-роуд, Юстон-сквер, перед церковью Святого Панкраса; 6. Камден-Таун, напротив “Саутгемптон Армз”; 7. Батл-бридж, Кингс-Кросс; 8. Гилфорд-стрит, больница для подкидышей; 9. Бедфорд-роу, саут-энд; 10. Харт-стрит, Блумсбери, у церкви Святого Георгия; 11. Тоттенхэм-Корт-роуд , у часовни; 12. Оксфорд-стрит, угол Дин-стрит, Сохо; 13. Оксфорд-стрит, угол Мэрилебон-лейн; 14. Западная Оксфорд-стрит, угол Коннот-Плейс; 15. Саут-Одли-стрит, у часовни; 16. Бромптон, недалеко от Найтсбридж-Грин; 17. Итон-сквер, у церкви Святого Петра; 18. Вестминстер, № 1, Брод-Санктуарий; 19. Вестминстер, № 2,Хорсферри-роуд; 20. Вест-Стрэнд, Трафальгарская площадь, у церкви Святого Мартина; 21. Стрэнд , у церкви Святого Климента.

Восточный округ.-22. Нью-Бридж-стрит, у Обелиска; 23. Холборн-Хилл, угол Хаттон-Гарден; 24. Олдерсгейт-стрит, напротив Картузианской улицы; 25. Клеркенуэлл, Сент-Джон-стрит, напротив Корпорейшн-Роу; 26. Ислингтон, № 1, на Грин-стрит; 27. Ислингтон, № 2, Комптон-Террас, Хайбери-Энд; 28. Олд-стрит, собор Святого Луки, угол Бат-стрит; 29. Шордич, напротив церкви; 30. Бишопсгейт-стрит, рядом с Уайдгейт-стрит; 31. Уайтчепел, Хай-стрит, перед церковью; 32. Олдгейт, угол Лиденхолл-стрит и Фенчерч-стрит; 33. Королевская биржа, у статуи Веллингтона; 34. Чипсайд, у Западного обелиска; 35. Саутуорк, перед церковью Святого Георгия; 36. Ньюингтон, Обелиск, напротив “Слона и замка”; 37. Кеннингтон-Кросс; 38. Ламбет, рядом с

Женским сиротским приютом; 39. Блэкфрайарз-роуд, угол Грейт-Шарлотт-стрит; 40. Финсбери-Серкус, угол Уэст-стрит; 41. Сент-Мэри-ат-Хилл, угол Руд-лейн; 42. Кондуит-стрит, угол Грейт-Джордж-стрит.

[47] Мистер уокер, суперинтендант отдела "А", как мы полагаем, отобрал произведения из этих библиотек. Любовь к книгам, проявленная этим джентльменом, в достаточной степени доказывает, что литературные вкусы не являются несовместимыми с энергичным выполнением полицейских обязанностей.

[48] Пристрастие к повару, приписываемое полицейскому, является, как нас уверяют, клеветой на полицию. Домашний комиссариат слишком хорош, чтобы оправдывать какие-либо подозрения в этом постыдном виде буфетной любви.

[49] Мы извлекли этот анекдот из очень интересной работы, опубликованной капитаном Честертоном и озаглавленной "Откровения тюремной жизни".

[50] С тех пор, как было написано вышеизложенное, внимание правительства было привлечено к состоянию наших рудников, и, как мы слышали, в ближайшее время будет назначена комиссия по расследованию.

[51] У. Т. Кокс, эсквайр, в *Британском медицинском журнале*.

[52] Справедливое понимание ценности жизни, возможно, более важно для дружеских обществ, чем для страховых контор, поскольку спектр заболеваний среди рабочего класса гораздо шире, чем в высших и средних слоях общества. М-р Хардвик в своем руководстве по зарегистрированным дружеским обществам указал на тот факт, что подавляющее большинство этих обществ основано на расчетах, которые в конечном итоге должны закончиться их банкротством: и среди причин, ведущих к такому катастрофическому результату, он упоминает полное пренебрежение, проявляемое в этих клубах к надлежащей оценке состояния здоровья. здоровье в различных профессиях и населенных пунктах. Должно быть ясно, что горшечник, средняя продолжительность болезни которого в возрасте от 20 до 70 лет составляет более 333 недель, получает очень несправедливое преимущество перед клерками или школьными учителями, которые могут случайно оказаться с ним в одном клубе, и средняя продолжительность болезни которых за тот же период составляет всего 48 недель. Опять же, красильщик, который при нынешней системе управления Дружескими обществами может быть принят в клуб на тех же условиях, что и колесный мастер, требует 293 недели болезни против 64 у колесного мастера. Таким образом, здоровый деревенский ремесленник вынужден платить за нездорового городского механика. Если мы снова возьмем случай шахтера или шеффилдского точильщика и без всяких расспросов поместим его в то же Дружеское Общество, что и сельскохозяйственного рабочего, то должно быть ясно, что последний должен платить за болезни своих товарищей, превышающие средние показатели. До тех пор, пока относительная ценность жизни и болезней среди рабочего класса не будет полностью понята и не будут приняты меры в отношении выплат членам клуба, ясно, что здоровые профессии должны быть принесены в жертву нездоровым.

[53] Изобретательный француз по имени Берно только что изобрел напильную машину, которая, как мы надеемся, войдет во всеобщее употребление и устранил паралич, вызванный нынешним ремеслом. Говорят, что качество изготовления станка более равномерное, чем ручная работа:

напильники, вырезанные мастером утром, превосходят напильники, вырезанные днем, из-за того, что его мышцы устают.